

ISSN 2541-8297

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2020 № 2 (16)

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
“LITERARY HERITAGE”

LITERARY FACT

Academic journal

Published since 2016

2020. No. 2 (16)

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

Издается с 2016 г.

2020. № 2 (16)

Основан в 2016 г. Выходит 4 номера в год

Редакция

Вадим Владимирович Полонский (главный редактор)
Сергей Игоревич Панов (заместитель главного редактора)
Владислав Александрович Резвый (выпускающий редактор)
Виктория Юрьевна Попова, Михаил Викторович Строзанов (редакторы)
Ольга Владимировна Федунина (ответственный секретарь)

Редколлегия

Константин Маркович Азадовский, Германская академия языка и литературы
(Дармштадт, Германия / Санкт-Петербург)
Алексей Юрьевич Балакин, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург)
Николай Алексеевич Богомолов, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
Наталья Васильевна Корниенко, ИМЛИ РАН (Москва)
Вячеслав Анатольевич Кошелев, Арзамасский филиал Нижегородского
гос. университета им. Н.И. Лобачевского (Арзамас / Великий Новгород)
Александр Васильевич Лавров, Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН, (Санкт-Петербург)
Игорь Евгеньевич Лощилов, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
Дарья Сергеевна Московская, ИМЛИ РАН (Москва)
Федор Борисович Поляков, Институт славистики Венского университета (Австрия)
Олег Анатольевич Проскурин, университет Эмори (Атланта, Джорджия, США)
Абрам Ильич Рейтблат, ИД «Новое литературное обозрение» (Москва)
Андрей Львович Топорков, ИМЛИ РАН (Москва, Россия)
Марина Ивановна Щербакова, ИМЛИ РАН (Москва, Россия)

Международный редсовет

Стефано Гардзонио, Пизанский университет (Пиза, Италия)
Андрей Леонидович Зорин, Оксфордский университет (Великобритания) / Московская
высшая школа социальных и экономических наук (Москва)
Дмитрий Павлович Ивинский, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
Павел Михайлович Лавринец, Вильнюсский университет (Вильнюс, Литва)
Джон Малмстад, Гарвардский университет (Бостон, США)
Геннадий Владимирович Обатнин, университет Хельсинки (Финляндия)
Леа Лембитовна Пильд, Тартуский университет (Тарту, Эстония)
Даниела Рицци, университет Са' Foscari (Венеция, Италия)
Александр Федорович Строев, Университет Новая Сорбонна–Париж 3
(Париж, Франция)
Роман Давидович Тименчик, Еврейский университет (Иерусалим, Израиль)
Лазарь Соломонович Флейшман, Стэнфордский университет (Пало-Алто, США)
Манфред Шруба, Миланский университет (Милан, Италия)

Founded in 2016. Quarterly edition

Editors

Vadim Polonsky (Editor-in-chief)
Sergei Panov (Deputy Editor-in-chief)
Vladislav Rezyvi (Executive Editor)
Victoria Popova, Mikhail Stroganov (Editors)
Olga Fedunina (Managing Editor)

Editorial Board

Konstantin Azadovsky, German Academy for Language and Literature
(Darmstadt, Germany / Saint-Petersburg, Russia)
Alexei Balakin, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS
(Saint-Petersburg, Russia)
Nikolay Bogomolov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Natalia Kornienko, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Iyacheslav Koshelev, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas
branch (Arzamas / Veliky Novgorod, Russia)
Alexander Lavrov, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS
(Saint-Petersburg, Russia)
Igor' Loshchilov, Institute of Philology, Siberian Branch of the RAS
(Novosibirsk, Russia)
Darya Moskovskaya, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Fyodor Polyakov, Institute of Slavic Studies, University of Vienna
(Vienna, Austria)
Oleg Proskurin, Emory University (Atlanta, GA, USA)
Abram Reitblat, "Novoe literaturnoe obozrenie" Publishing House (Moscow, Russia)
Andrei Toporkov, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Marina Shcherbakova, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)

International Editorial Council

Stefano Garzonio, University of Pisa (Pisa, Italy)
Andrey Zorin, Oxford University (Great Britain), Moscow School of Social and
Economic Sciences (Moscow, Russia)
Dmitry Ivinsky, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Pavel Lavrinets, Vilnius University (Vilnius, Lithuania)
John Malmstad, Harvard University (Boston, MA, USA)
Gennady Obatnin, University of Helsinki (Finland)
Lea Pild, University of Tartu (Tartu, Estonia)
Daniela Rizzi, University Ca' Foscari (Venice, Italy)
Alexander Stroev, New Sorbonne University – Paris 3 (Paris, France)
Roman Timenchik, Hebrew University of Jerusalem (Jerusalem, Israel)
Lazar Fleishman, Stanford University (Palo Alto, CA, USA)
Manfred Schruba, Milan University (Milan, Italy)

Содержание

Номер посвящен памяти Олега Коростелева

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

- А.А. Бабиков.* Почерк «Ады». К публикации глав из русского перевода романа Набокова 8

АКАДЕМИЧЕСКИЙ БУНИН

- Т.М. Девятина, С.Н. Морозов.* Проза И.А. Бунина. Выбор основного текста (к постановке вопроса) 68
- Е.Р. Пономарев.* История русской литературы XIX — начала XX веков глазами И.А. Бунина (один лист неопубликованной записной книжки) 80
- А.В. Бакунцев.* Антибунинский памфлет И.Ф. Наживина 93
- А.М. Любомудров.* «Всё простое и ясное было кем-то превращено в неимоверно сложное»: Переписка Л.Ф. Зурова и В.А. Мануйлова (1961–1967) 119
- В.Э. Молодяков.* «Не хотел признавать специфического характера эпохи рубежа веков»: Неопубликованные заметки Леонида Долгополова об Иване Бунине ... 182
- А.Ф. Строев.* К вопросу о восприятии И.А. Бунина во Франции в 1933 г. 200

КРУГ МЕРЕЖКОВСКИХ

- М.М. Павлова.* Письмо Д.В. Философова к Т.Н. Гиппиус (Из комментариев к письмам-дневникам Т.Н. Гиппиус 1906–1908 гг.) 229
- О.А. Блинова.* Домашняя парижская библиотека Мережковских: Описание печатных изданий на русском языке 243

ГЕОРГИЙ АДАМОВИЧ

- А.И. Серков.* Из архива Г.В. Адамовича 278
- А.Б. Устинов.* «Теперь о Зоценке»: Адамович, Тэффи и «озабоченность влиянием» 307

ЭМИГРАНТИКА

- Е.А. Тахо-Годи.* Ю.И. Айхенвальд и П.М. Бицилли: Реконструкция философско-эстетического диалога 322
- Т.В. Марченко.* Чудо в молочной лавке: К типологии «эмигрантского» романа 337
- Ж. Шерон.* Два письма Амфитеатровых П.Н. Краснову: Окончание проекта 360
- Р.Д. Тименчик.* Ахматова и emigrantica 371

ИЗ ИСТОРИИ ЖУРНАЛИСТИКИ И ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

- Н.А. Богомолов.* Литературный отдел газеты «Жизнь»: Персоны, идеи, полемика ... 390
- О.А. Богданова.* Библиография литературно-критических работ Г.И. Чулкова с 1903 по 1922 гг. 413

IN MEMORIAM

- От редакции 436
- Ван Шшой.* Интервью с Олегом Коростелевым 437

Contents

In memory of Oleg Korostelev

FROM LITERARY HERITAGE

- Andrei Babikov*. *Ada's* Penmanship. To the publication of an excerpt from the Russian translation of Nabokov's novel 8

ACADEMIC BUNIN

- Tatiana Dvinyatina*, *Sergey Morozov*. Ivan Bunin's prose works.
An approach to the choice of copy texts for a critical edition 68
- Evgeny Ponomarev*. The history of Russian literature of the 19th and the early 20th centuries according to Ivan Bunin (a page from the unpublished notebook) 80
- Anton Bakuntsev*. Anti-Bunin pamphlet by Ivan Nazhivin 93
- Alexei Lyubomudrov*. "Everything simple and clear has been turned into incredibly complex by someone": Correspondence between Leonid Zurov and Viktor Manuilov (1961–1967) 119
- Vassili Molodiakov*. "He didn't want to admit the peculiar nature of the two centuries' boundary period": Leonid Dolgopolov's unpublished notes on Ivan Bunin 182
- Alexandre Stroe*. On the French perception of Ivan Bunin in 1933 200

THE MEREZHKOVSKEYS' CIRCLE

- Margarita Pavlova*. Dmitri Filosofov's letter to Tatyana Gippius (From comments to T. Gippius' diary letters of 1906–1908) 229
- Olga Blinova*. The Merezhkovskys' Paris library:
Description of printed materials in Russian 243

GEORGY ADAMOVICH

- Andrey Serkov*. From Georgy Adamovich papers 278
- Andrei Ustinov*. "Now on Zoshchenko": Adamovich, Teffi and "the anxiety of influence" 307

EMIGRANTICA

- Elena Takho-Godi*. Yuly Aykhenvald and Petr Bitsilli:
Reconstruction of the philosophical and aesthetic dialogue 322
- Tatiana Marchenko*. A miracle in a dairy shop: On a typology of an "emigrant" novel 337
- George Sheron*. Two letters by the Amfiteatrovs to Petr Krasnov: Finishing the project.... 360
- Roman Timenchik*. Akhmatova and emigrantica 371

FROM THE HISTORY OF JOURNALISM AND PERIODICALS

- Nikolay Bogomolov*. Literary department of the newspaper *Zhizn'*:
Persons, ideas, controversy 390
- Olga Bogdanova*. Bibliography of Georgy Chulkov's literary and critical works of 1903–1922 413

IN MEMORIAM

- Editorial note 436
- Wang Shiyu*. An interview with Oleg Korostelev 437

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-8-67
УДК 821.161.1

Почерк «Ады» К публикации глав из русского перевода романа Набокова

© 2020, А. А. Бабиков

Аннотация: Предлагаемый вниманию читателей материал представляет собой комментированный перевод на русский язык отрывка из первой части романа В.В. Набокова “Ada, or Ardor: A Family Chronicle” (1969). Материал состоит из предисловия переводчика, пяти глав романа, примечаний В.В. Набокова и комментариев переводчика. В предваряющей публикации статье очерчены творческо-биографические обстоятельства создания одного из самых значительных и спорных романов XX в., приведены источники его замысла, восходящего к английскому рассказу Набокова 1944 г., намечены проблемы дальнейшего рассмотрения его формальных особенностей. В статье обозначены основные принципы поэтики «Ады», выделяющие ее из ряда других произведений знаменитого мастера и новатора прозы и влияющие на ее читательское восприятие, в том числе нарочитая усложненность повествования, многообразие использованных Набоковым языковых средств. Автор статьи обращает внимание на то, что подзаголовок романа, указывающий на его принадлежность к жанру «семейной хроники», служит одним из элементов набоковской игровой поэтики, поскольку классическая традиция становится в «Аде» предметом пародирования. «Ада» рассматривается автором статьи как грандиозный компендиум европейской литературы нового и новейшего времени, как эксперимент по соединению многих разновидностей романа, от пасторальных и утопических романов XVI–XVII вв. до “Nouveau roman” 1950–1960-х гг. Новая русская версия самого непереводаемого романа Набокова создана с учетом находящихся в работе подробных комментариев Б. Бойда, работ А. Аппеля, Д. Циммера, одного из немецких переводчиков «Ады», и других исследователей, а также текста французского перевода романа, подготовленного при ближайшем участии Набокова. В статье и комментариях переводчика привлекается архивный материал, в частности обнаруженные им наброски нескольких глав русского перевода «Ады», выполненные В.Е. Набоковой.

Ключевые слова: В.В. Набоков, творческая биография, русский перевод англоязычных произведений В.В. Набокова, замысел «Ады», историко-литературный комментарий.

Информация об авторе: Андрей Александрович Бабилов, старший научный сотрудник, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, Москва, Россия. E-mail: andreybabikov1@gmail.com

Цитирование: *Бабилов А.А.* Почерк «Ады». К публикации глав из русского перевода романа Набокова // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 8–67. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-8-67

В мае 1969 г. вышел в свет шестой английский роман Владимира Набокова «Ада, или Отрада. Семейная хроника». Самая толстая и сложная его книга создавалась преимущественно в швейцарском отеле “Montreux Palace” с февраля 1966 по октябрь 1968 г., в один из самых благополучных периодов его жизни. Зерно будущего разветвленного романа обнаруживается в миниатюрном шедевре, написанном в Америке за двадцать пять лет до того рассказе «Быль и убыль» (“Time and Ebb”, 1944), в котором девяностолетний ученый в 2024 г. вспоминает свою жизнь в прошлом веке. Он между прочим рассказывает об открытии, изменившем и мир Антитерры, в котором развернется действие «Ады»: «Они то так, то этак забавлялись электричеством, не имея ни малейшего понятия о том, что это такое, — и не мудрено, что случайное открытие его настоящей природы явилось чудовищной неожиданностью (я в то время был уже взрослый человек и отлично помню, как старый профессор Эндрюс плакал навзрыд в толпе изумленных людей во дворе университета)»¹.

Там же, в Америке, в 1959 г., Набоков сделал первые наброски философского сочинения «Текстура времени», ставшего четвертой частью «Ады», и в том же году, незадолго до начала работы над «Бледным огнем» (1962), взялся за короткий эпистолярный роман «Письма на Терру» — о зоологе, который отправляется на неизвестную планету и пишет своей неверной возлюбленной, актрисе, странные, иносказательные письма². Претерпев коренную метаморфозу, замысел романа в письмах воплотился во второй части «Ады» в повесть Вана Вина «Письма с Терры». Оба сочинения, еще не связанные между собой, долгое время ждали нового импульса к про-

¹ *Набоков В.* Полное собрание рассказов / Сост., примеч. А. Бабилова. 3-е изд., уточн. СПб., 2016. С. 626. Перевод Г.А. Барабтарло.

² См.: *Бойд Б.* Владимир Набоков. Американские годы. Биография. СПб., 2010. С. 479.

должению; они так и могли бы остаться среди нереализованных замыслов Набокова, если бы в конце 1965 г., выверяя новую редакцию автобиографии “Speak, Memory” («Свидетельствуй, память»), он не нашел в форме писательских мемуаров ту универсальную повествовательную основу, которая позволила ему объединить философский и фантастический сюжеты в единое целое.

21 февраля 1966 г. он записал в дневнике:

Her name: Ada

ADA³

— и с этого времени структура нового большого романа окончательно сложилась в его голове.

В интервью для “New York Times” (апрель 1969 г.) Набоков изложил его сюжет следующим образом:

«Ада» представляет собой обширную и старомодную семейную хронику, длиною около 600 страниц. Детский роман между близкими родственниками Ваном Вином и Адой Вин в девственном уголке Новой Англии перерастает в пожизненную страсть с трагическими разлуками, безрассудными свиданиями и упоительным финалом на десятой декаде их космополитического существования.

Благородное и богатое семейство Винов — это ирландская фамилия — включает престранных родителей и трогательно прелестную сводную сестру Люсетту Вин. В их жилах течет ирландская и русская кровь — обычное дело в мире романа, в котором какая-то случайность в пространстве-времени позволила остаткам России счастливо раскинуться по большей части Канады под нашим звездно-полосатым флагом, оставив Европу «Юнион Джеку»⁴, а Татию — ее мрачным тайнам за позлащенным занавесом.

Решающая четвертая часть «Ады» целиком посвящена исследованию — ученому исследованию — текстуры времени, главным образом посредством метафор. Двое главных героев умирают. Точнее, они замирают или затихают — во введенной в саму книгу рекламной аннотации — с эффектом *perdendosi*, музыкальный термин, значение которого — затеряться, сойти на нет⁵.

³ Ее имя: Ада / АДА (The New York Public Library. W. Henry & A. Albert Berg Collection of English and American Literature. Vladimir Nabokov papers / Manuscript box / Diaries, 1943–1973).

⁴ Название государственного флага Великобритании.

⁵ Nabokov V. Interview with Alden Whitman for *New York Times* (1969) // Think, Write, Speak. Uncollected Essays, Reviews, Interviews and Letters to the Editor by Vladimir Nabokov / Ed. by B. Boyd and A. Tolstoy. New York, 2019. P. 373. Перевод мой.

«Семейная хроника» — главный труд знаменитого психиатра и философа Вана (Ивана) Вина (1870–1968?), написанный им в конце долгой жизни при участии его сестры и любовницы Ады (Аделаиды) Вин (1872–1968?) — ботаника, энтомолога и несостоявшейся актрисы. Несмотря на соблюдение требований жанра, воспроизведение семейной корреспонденции, восстановление хронологии событий, сообщение значимых дат и приложенное к книге генеалогическое древо, сочинение Вана имеет немного общего с традиционной семейной сагой, этой беллетризованной отраслью дворянских родовых записок и фамильных преданий, приправленных публицистикой, краеведением и бытовыми зарисовками. Если в нем и можно заметить отголоски «Семейной хроники» (1856) Аксакова, или «Семейной хроники князей Протозановых» (1874) Лескова, или «Пошехонской старины» (1889) Салтыкова-Щедрина, или «Будденброков» (1901) Томаса Манна, то они носят пародийный или номенклатурный характер. Его книга оказывается невиданной смесью изысканнейшей художественной прозы, поэзии, писем, дневниковых записей и ученых отступлений и в целом представляет собой сводку результатов поставленного им ментального эксперимента над природой времени и памяти. При этом автора скорее забавляет, чем удручает то обстоятельство, что необходимость проследживать тончайшие связи между удаленными во времени и пространстве событиями, обилие темных мест, умолчания, естественнонаучные экскурсы и противоестественные страсти, специальные термины, неологизмы, замысловатые дву- или трехязычные каламбуры, неаппетитные детали, неожиданные переходы от прошлого к настоящему, от первого лица к третьему, вторжения в повествование его сестры, ставящей под сомнение достоверность некоторых сведений, отвратят от его запутанной книги всех тех читателей, которых она могла бы привлечь пикантными подробностями, живописными сценами роскошного усадебного быта и захватывающими перипетиями в судьбах любвеобильных представителей блестящего общества.

В иной плоскости, но в том же смысле Набоков не мог не тешить себя мыслью, что «Ада» разочарует большинство рецензентов и литературоведов, всех тех, кто увидит в ней философско-эротическую безделку стареющего писателя-энциклопедиста или новые «Поиски утраченного времени» в призме «Улисса», если не «Поминок по Финнегану». Сам же он отводил «Аде» точно определенное место в мировой литературе, написав на форзаце своего экземпляра: «Гениальная книга — перл американской литературы», как в молодости сделал надпись на экзем-

пляре «Госпожи Бовари»: “*Livre génial — la perle de la littérature française*”⁶. «Ада», которая начинается перевернутой сентенцией из «Анны Карениной», а кончается пространной рекламной аннотацией, против всяких правил помещенной в саму книгу⁷, написана без оглядки на модные течения и господствующие взгляды, она была и остается вне закона и конкурса, и ее попадание в список бестселлеров 1969 г. (наряду с «Крестным отцом», «Недугом Портного» и «Любовной машиной») — не более чем курьез и выдающееся достижение рекламного отдела издательства.

Как за сто лет до того другой перл американской словесности, «Моби Дик, или Белый кит» Мелвилла, который начинается этимологической справкой и учеными выписками и с которым у «Ады» немало общего, набоковский *magnum opus* не был принят и понят современниками. Не зная, с какого боку к нему подступиться, и не в силах противостоять великой иллюзии мастерски созданного мира, заставлявшей видеть в монструозном Ване Вине жутковатое отражение самого В.В., влиятельные критики (среди которых был и такой тонкий читатель, как Джон Апдайк, комплиментарно упомянутый в романе) не скрывали своего недовольства, а журнальные рецензенты — своего отвращения. И совсем немного среди них было тех, кто, прочитав «Аду» до конца, не мог не воскликнуть вслед за профессором Лагоссом: “*Quel livre, mon Dieu, mon Dieu!*”

Благодатная форма хроники, обнимающая целое столетие, множество персонажей, несколько стран и широкий круг научных занятий героев, позволила Набокову вместить в нее значительно больше, чем в любой другой его роман, и свести воедино обе линии его двуязычного творчества. В апреле 1969 г., получив сигнальный экземпляр книги, он написал редактору “McGraw-Hill” Фрэнку Тейлору: «В какое негодование привела бы Толстого моя “Ада”!» и признался, что «страшно истощен» ею⁸. А спустя несколько дней после выхода книги в Америке, он написал на тетрадном листке:

⁶ Boyd B. “Ada” // *The Garland Companion to Vladimir Nabokov* / Ed. V.E. Alexandrov. New York & London, 1995. P. 3.

⁷ См. русский перевод: *Бабиков А. Прочтение Набокова. Изыскания и материалы.* СПб., 2019. С. 593–594.

⁸ *Nabokov V. Selected Letters. 1940–1977* / Ed. D. Nabokov and M.J. Brucoli. San Diego et al., 1989. P. 445.

Столь пусть. Ужасна пустота
Литературного поста!

12-V-69⁹

В письме от 28 февраля 1969 г. к одному из пионеров набокоедения Семену Карлинскому Нина Берберова, читавшая в то время набокровский курс в американских университетах, поделилась своим мнением о новом удивительном романе (еще не вышедшем, но посланном ей издательством “McGraw-Hill” в расчете на рецензию): «Прочитала АДУ Набокова (она была мне прислана в верстке). Совершенно гениально и может быть абсолютно ненужно. Но это, как сказал Оскар Уайльд, как раз то, что нужно искусству»¹⁰. Два года спустя она развила свою мысль:

Три проблемы я считаю наиболее важными и, конечно, наиболее трудными: вопрос игры слов, вопрос заимствований (или влияний) — сознательных или бессознательных — и вопрос пародий. <...> Вторая проблема — заимствований (и в самом широком смысле слова!), или иначе — освобождение от традиций XIX века, <—> очень важна. Тут нельзя упускать из виду «Аду», потому что (как я считаю) в «Аде» нанесен русскому реалистическому (да и не только русскому) роману *сoup de grâce*¹¹. Возвращения к нему не может быть — по крайней мере сто лет¹².

Действительно, в «Аде» подверглась радикальному пересмотру сама идея достоверного отражения эпохи и судеб героев. Однако удар по реалистическому роману Набоков нанес его собственными средствами. Проштудировавший для своего английского перевода «Евгения Онегина» (1964), снабженного колоссальным комментарием, сотни произведений европейской литературы XVII–XIX вв., он подхватил и переосмыслил основательно забытые приемы и темы романа пасторального, социально-бытового, эпистолярного, романа воспитания, французских дворянских романов рококо с их камерностью и утонченной эротикой, отдал дань всем основным составляющим классического повествования: обстоятельным картинам

⁹ Harvard University. Houghton Library / Vladimir Nabokov papers. Box 12, folder 207.

¹⁰ Beinecke Rare Book and Manuscript Library / Nina Berberova papers. Box 11, folder 276.

¹¹ Смертельный удар (которым добивают умирающего из жалости).

¹² Письмо к С.А. Карлинскому от 20 апреля 1971 г. Цит. по: *Бабиков А.* Прочтение Набокова. С. 502.

природы и нравов, дорожным впечатлениям, светской и застольной беседе, рассуждениям об искусстве и обществе, байроническому разочарованию, конфликту отцов и детей, отношениям господ с прислугой и домашними учителями, поэтичным описаниям детских чувств и юношеского томления, напоминающим стиль «Вильгельма Мейстера» Гёте, «Аталы» и «Рене» Шатобриана, «Мэнсфилд-парка» Остин и автобиографической трилогии Льва Толстого. «Аду» можно рассматривать как роман философский, любовный, усадебный, нравоописательный, научно-фантастический, модернистский, психологический, аллегорический, семейный, автобиографический, *Künstlerroman*, *campus novel* и как антироман, продолжающий смелые формальные поиски «Бледного огня». В этом отношении хроника Набокова оказывается грандиозным компендиумом европейской литературы нового и новейшего времени, в котором, однако, привычному, традиционному (первая любовь, супружеская неверность, путешествия в экзотические страны, месть, дуэль, шантаж, сомнения и духовные поиски героя) противопоставляется фантастическая фабула и необыкновенно усложненная манера изложения, ее пародийный характер, постоянная авторефлексия, крайняя литературоцентричность и металогичность (например, настойчивые указания Вана о посмертном характере своего существования после отъезда из Ардиса и разлуки с Адой), опрокидывающие любые онтологические основания «реалистического» повествования. «В книге реальность человека, предмета или обстоятельств, — писал Набоков в лекциях о Джейн Остин, — зависят исключительно от мира, который создан именно в этой книге. Самобытный автор всегда создает самобытный мир, и если персонаж или действие отвечают структуре этого мира, нас приятно потрясает художественная правда, сколь бы персонаж или явление ни казались неправдоподобными при перемещении в то, что рецензенты, бедные поденщики, именуют “реальной жизнью”»¹³.

Уклончивая игра слов, стремление выразить трудновыразимое, переформулировать сказанное ранее, нащупать самый подвижный позвонок используемого термина, передать едва заметной сменой интонации движение души, след мелькнувшего воспоминания — всё это средства раскрытия в «Аде» внутреннего мира героев и, в конце концов, самой реальности в (возможном) истинном, а не условно-литературном значении слова.

Перевод такой книги на русский и любой другой язык сопряжен, разумеется, с немалым риском. Французская версия «Ады» (“*Ada*

¹³ *Nabokov V. Lectures on Literature / Ed. F. Bowers. New York & London, 1982. P. 10. Перевод мой.*

ou l'Ardeur»), подготовленная при участии автора, отняла у двух переводчиков пять лет и довела одного из них до нервного срыва. В их распоряжении, впрочем, не было обширной современной набоковианы, подготовленной Дитером Циммером географической и хронологической карты романа, подробных комментариев к «Аде», которые с начала 1990-х гг. и по настоящее время составляет лучший знаток и биограф Набокова новозеландский ученый Брайан Бойд и в которых раскрыты сотни загадок и разъяснены многие темные места книги. Пользуясь постоянно пополняемым путеводителем Бойда, как и его обстоятельным исследованием «“Ада” Набокова: место сознания» (1985, русский перевод вышел в 2012 г.), а также имея волшебную возможность обсудить с ним ту или иную преграду в «Аде» *hic et nunc*, русский переводчик чувствует себя в значительно менее отчаянном положении, чем итальянские (“Ada o ardore”), немецкие (“Ada oder Das Verlangen”) или испанские (“Ada o el ardor”) смельчаки 70-х гг.

Другим подспорьем служит русская версия «Лолиты», которая была окончена четой Набоковых осенью 1965 г., перед самым началом работы над «Адой». Синхрония двух текстов — неоценимый подарок providения: разбирая слог русской «Лолиты», способы передачи игры слов, имен собственных, литературных реминисценций, специальных терминов и проч., можно составить себе вполне определенное представление о том, как сам автор мог бы переводить «Аду» по-русски.

И такая задача, несмотря на то, что практически невозможно передать по-русски — с сохранением и музыки, и смысла — уже само омофоничное название романа, не казалась Набокову неразрешимой, к чему есть два документальных свидетельства.

В английском письме к Глебу Струве от 21 апреля 1975 г. он сообщил:

Всю трудовую зиму я правил французский *traduction intégrale*¹⁴ — со всем его внутренним убранством — моей «Ады», который теперь окончен и выйдет 30 мая. В прошлом году Ровольт и команда его переводчиков несколько раз приезжали к нам в Монтрё на еженедельные сессии, посвященные *их* переводу «Ады», которая хорошо принята в Западной Германии. Я теперь подумываю перевести «Аду» на русский, не на совжаргон и не на *солжурнальные* штампы [not sovjargon and not soljournalese], но на романтический и точный

¹⁴ Полный перевод.

русский язык, и если я не сыщу покладистого помощника, сделаю всю работу сам, как пушкинский Мисаил¹⁵.

Незавершенные проекты и нездоровье уже не позволили Набокову приняться за эту работу, однако на серьезность его намерений указывает то обстоятельство, что после его смерти Вера Набокова сделала пробный перевод нескольких страниц романа (отрывки из глав 1–2 и 20–21 первой части), стремясь по возможности максимально точно передать оригинал, при этом минимально отклоняясь от его тона и ритма. Эти архивные наброски карандашом и чернилами на разлинованных карточках, использованные нами скорее как камертон, чем партитура, стали нашим третьим, после комментариев Бойда и русской «Лолиты», настольным пособием, приблизившим, как мы надеемся, наш перевод к авторскому представлению о том романтическом и точном русском языке, который ему подходит.

Осенью 2018 г., по просьбе покойного Геннадия Барабтарло, бравшегося в 1980-х гг. за перевод «Ады» (этот проект не был воплощен по причинам, которые Г.Б. изложил в предисловии к своему переводу «Севастьяна Найта»), я подготовил для русского издания его книги “*Insomniac Dreams*” («Я/сновидение Набокова») перевод нескольких фрагментов из «Ады» и всю четвертую главу второй части, посвященную снам; он был тогда уже очень слаб, но, как и в случае моего перевода набоковских «Арлекинов», с обычным своим остроумием и вниманием к деталям дал мне несколько ценных советов, касавшихся не только частностей, но и всей архитектуры этой роскошной анфилады.

Для настоящей публикации мы выбрали пять глав (Ч. I, гл. 17–21) из нашего перевода «Ады», объединенных темой ардисовской библиотеки. Перевод выполнен по изданию: *Nabokov V. Novels 1969–1974* / Ed. V. Boyd. New York: The Library of America, 1996.

Выражаю признательность г-ну Эндрю Вайли и членам коллегии “*The Vladimir Nabokov Literary Foundation*” за возможность предложить вниманию читателей отрывок из романа Набокова.

---

¹⁵ Hoover Institution Archives / Gleb Struve papers. Box 108, folder 18 (перевод мой). Набоков, по-видимому, имел в виду не бродягу-чернеца Мисаила из «Бориса Годунова», а старца Пимена и его знаменитый монолог: «Еще одно, последнее сказанье — / И летопись окончена моя, / Исполнен долг, завещанный от Бога / Мне, грешному. Недаром многих лет / Свидетелем Господь меня поставил / И книжному искусству вразумил <...>».

Владимир Набоков

Ада, или Отрада
Семейная хроника

Перевел с английского и снабдил примечаниями Андрей Бабиков

Часть I

17

Самый большой из имеющихся в библиотеке английских словарей толкует значение слова «lip» (губа) следующим образом: «Either of a pair of fleshy folds surrounding an orifice» (Любая из двух мясистых складок, окружающая отверстие).

Милльишй Эмиль, как Ада звала мосье Литтре, определял так: «Partie extérieure et charnue qui forme le contour de la bouche... Les deux bords d'une plaie simple (выходит, мы говорим нашими ранами, из раны рождается наше потомство) ...C'est le membre qui lèche». *Милльишй* Эмиль!

Толстый русский энциклопедический словарь карманного формата признавал губу исключительно в значении окружного суда древней Ляски или как арктический морской залив.

Их губы были необъяснимо схожи по линиям, цвету и самой ткани. У Вана верхняя губа формой напоминала летящую прямо на вас длиннокрылую морскую птицу, а нижняя, полная и сердитая, придавала его обычному выражению толику брутальности. От этой брутальности в губах Ады не оставалось и следа: верхняя, напоминавшая формой лук, и нижняя, крупная, презрительно-выдающаяся, бледно-розовая, были копией Вановых уст в женском ключе.

В поцелуйную стадию (не слишком полезные для здоровья две недели долгих неловких объятий) некая странно-чопорная ширма отделила наших детей от, если можно так выразиться, их собственных раздраженных тел. Как стук замурованного, прикосновения и отклики на прикосновения оставались по ту сторону препятствия. Бесконечно, неуклонно, трепетно, дразня ее воспаленную алость, Ван проводил своими губами по ее, так и эдак, вправо, влево, жизнь,

смерть, наслаждаясь контрастом между воздушной нежностью наружной идилии и непристойным обилием скрытой внутри мягкости.

Бывали и другие поцелуи. «Я хочу вкусить твой рот изнутри, — сказал он. — Боже, как бы я хотел стать крошечным Гулливером и обследовать эту пещеру!»

«Могу предложить тебе свой язык», сказала она и предложила.

Крупная, вареная, еще горячая клубника. Он втягивал ее настолько глубоко, насколько она только могла втянуться. Он прижимал Аду к себе и впитывал ее нёбо. Их подбородки были совершенно мокрыми. «Платок», сказала она и запросто сунула руку в карман его штанов, но тут же выдернула ее, предоставив ему самому извлечь его. Комментариев не последовало.

(«Я оценил твой такт», сказал он, когда они с изумлением и благоговением вспоминали то упоение и муки. «Но мы потеряли уйму времени — невозвратимых, утраченных опалов».)

Он изучал ее лицо. Нос, щеки, подбородок — всё обладало такой мягкостью очертаний (ретроспективно вызывавшей в памяти кипсеки, и картинные шляпы, и страшно дорогих молоденьких кокоток в Уиклоу), которая могла бы напомнить иному сентиментальному дыхателю белый плюмаж тростника, этого немыслящего человека — *pascaltrezza*, — как бы обрамлявшего ее профиль, в то время как более детский и чувствительный перст мог бы полюбить, и полюбил, ощупывать этот нос, щеки, подбородок. Реминисценции, как Рембрандт, темноваты, но праздничны. Те, кого вспоминают, принаряжаются к случаю и усаживаются, замерев. Память — это фотоателье *de luxe* на бесконечной авеню Пятой Власти. Лента черного бархата, которой она в тот день (день ментального снимка) подвязала волосы, особенно выделялась на шелке виска и меловой линии пробора. Волосы ровным и длинным покровом лежали на шее, их поток разделяло плечо, так что матовая белизна ее шеи открывалась между струй черной бронзы в исполненном изящества треугольнике.

Подчеркнув небольшую вздернутость ее носа, превратишь его в носик Люсетты; сгладишь его книзу — в нос самоеда. У сестер передние зубы были чуть крупноватыми, а нижние губы слишком полными для идеальной красоты мраморной смерти; а поскольку их носы часто бывали заложены, обе девочки (особенно позднее, в пятнадцать и двенадцать лет соответственно) казались в профиль немного сонными и удивленными. Матовая белизна Адиной кожи (в двенадцать, шестнадцать, двадцать, тридцать три и т.д.) была несравнимо более редким дивом, чем Люсеттин золотистый тон (в

восемь, двенадцать, шестнадцать, двадцать пять, а здесь — точка). Чистая, долгая линия горла у каждой из них, передававшаяся им от Марины, дразнила чувства неведомыми и несказанными обещаниями (коих мать не сдержала).

Глаза. Темно-карие глаза Ады. Что, вообще говоря, такое глаза (спрашивает Ада)? Два отверстия в маске жизни. Что (спрашивает она) значат они для существа с другой корпускулы или млечного пузыря, у которого орган зрения, скажем, это внутренний паразит, напоминающий по своей форме написанное от руки слово «око»? Что, в самом деле, могла бы значить пара прекрасных (человечьих, лемурьих, совиных) глаз для того, кто обнаружил бы их лежащими на сиденье такси? И всё же мне придется описать твои. Радужка: темно-карего цвета с янтарными крупцами или спицами, расположенными вокруг серьезного зрачка по круговой шкале циферблата идентичных часовых значений. Веки: *въ складочку*, что рифмуется с ее именем в уменьшительно-ласкательной форме и винительном падеже. Разрез глаз: томный. Та жирная сводня в Уиклоу, кошмарной ночью, когда хлестал черный ледяной дождь, в самый трагичный и почти смертельно опасный момент моей жизни (Вану теперь, хвала небу, уже девяносто лет — рукою Ады), особенно, помнится, напирала на «миндалевидный разрез глаз» своей жалкой и драгоценной внучки. О, как же я выискивал, с какой неотвязной тоской, следы и приметы моей незабвенной душеньки во всех борделях мира!

Он сделал открытие: ее руки (забудем о состоянии ее ногтей). Гибкость и чувствительность запястий, трогательное изящество суставчиков, вызывающих безудержное преклонение, туман на-вернувшихся слез, горе неразрешимого обожания. Он трогал ее кисть, как умирающий доктор. В скорбном помрачении он ерошил параллельные ряды штриховки нежнейшего пушка, оттенявшего предплечья брюнеточки. Он вновь обращался к суставчикам. Пальцы, умоляю.

«Я сентиментальна, — сказала она. — Могу анатомировать коалу, но не ее детеныша. Мне нравятся слова: *damosel* (дева), *eglantine* (роза эглантиерия), *elegant* (изысканный). Мне нравится, когда ты целуешь мои удлиненные белые ладони».

На тыльной стороне ее левой руки имелась такая же маленькая шоколадная родинка, которой была отмечена его правая рука. Нисколько не сомневаюсь, сказала Ада — или неискренне, или легкомысленно, — что она происходит от родимого пятнышка, удаленного Мариной хирургическим способом с этого самого места много лет

тому назад, когда она была влюблена в одного хама, ворчавшего, что оно напоминает клопа.

С холма, на котором и происходил этот разговор, в особенно тихие часы таких полудней можно было слышать предтуннельное «ту-ту» двухчасового поезда, спешащего в Тулузу.

«Хам — слишком крепко сказано», заметил Ван.

«Я ласково».

«Даже если так. Боюсь, я знаю, о ком ты. Ума у него больше, чем души, это правда».

Ладонь просящей подающей цыганочки, куда он смотрит на нее, исчезает в ладони подающего, просящего долгой жизни. (Когда еще кинематографисты достигнут уровня, которого достигли *мы*?) Часто моргая в ярком зеленом свете под сенью березы, Ада объяснила своему пылкому хироманту, что беловатые кружки у нее на ладонях, которые она разделяла с тургеневской Катей, еще одной невинной девицей, в Калифорнии зовутся «вальсами» («поскольку сеньорита пропляшет до утра»).

В день своего двенадцатилетия, 21 июля 1884 г., показав недюжинную силу воли (так двадцать лет спустя она бросит курить), Ада прекратила грызть ногти (но только на руках). Правда, мы могли бы составить список кое-каких поблажек, которые она себе позволяла, как, например, блаженное впадение в восхитительный грех на Рождество, когда *Culex chateaubriandi* Brown уже не носятся в воздухе. Новое и окончательное решение было принято в канун Нового Года, после того, как м-ль Ларивьер пригрозила бедняжке Аде вымазать кончики ее пальцев французской горчицей, привязав к ним зеленые, желтые, оранжевые, красные, розовые шапочки (желтый указательный — это *trouville*).

Вскоре после именинного пикника, когда целованье рук маленькой возлюбленной превратилось для Вана в разновидность нежной одержимости, ее ногти, хотя всё еще квадратные по форме, окрепли довольно, чтобы справляться с мучительным зудом, донимавшим местных детишек в середине лета.

В последнюю неделю июля в этих краях с дьявольской неизбежностью появлялись самки шатобриановых москитов. Шатобриан (Шарль) был не первым человеком, которого они искушали, но он первым поймал обидчицу и с возгласами мстительного торжества препроводил ее к профессору Брауну, который и составил свое, опрометчиво-попешное «Первичное Описание»: «маленькие черные щупальца... прозрачные крылья... при определенном освещении — желтоватые... подлежат истреблению, дабы иметь возможность держать окна от-

крытыми (напечатано *kasements*, а не *casements* (окна) — немецкий наборщик!)...», «Бостонский Энтомолог», август, быстрая работа, 1840 г. Этот Шатобриан не приходился родственником великому поэту и мемуаристу, родившемуся между Парижем и Танье (а лучше бы приходился, сказала Ада, любившая скрещивать орхидеи).

Mon enfant, ma soeur,
 Songe à l'épaisseur
 Du grand chêne à Tagne;
 Songe à la montagne,
 Songe à la douceur —

— расчесывая коготками или ногтями участки, посещенные этими мохнатоногими насекомыми, отличавшимися ненасытной и неразборчивой жаждой по части Адиной и Арделиной, Люсеттиной и Люсильиной (размноженных зудом) крови.

«Кровопийцы» налетали столь же внезапно, как и исчезали. Они садились на хорошенькие голые руки и ноги беззвучно, не жужжа, в подобии *gesueilli* молчания, отчего — по контрасту — внезапное проникновение их совершенно злодейских хоботков вызывало впечатление вдруг грянувшего полкового оркестра. Через пять минут после нападения, в закатных сумерках между ступенькой крыльца и оглушенным цикадами садом вспыхивало жгучее раздражение, которое сильные и хладнокровные люди игнорировали (зная, что нужно потерпеть не больше часу), но которое людей падких, обожаемых, слабых неудержимо побуждало чесать, чесать, чесать до отвала (говоря языком кухмистерских). «Сладко!» — восклицал бывало Пушкин, уязвленный другим, юконским видом. Всю неделю после ее дня рождения с незадачливых ногтей Ады не сходили гранатовые пятна, и после особенно сладострастного припадка чесотки кровь буквально струилась по ее голеням — зрелище и жутковатое, думалось ее встревоженному поклоннику, и в то же время чем-то постыдно привлекательное, — ибо кто же мы, как не гости и первооткрыватели в этой странной вселенной, именно, именно.

Белая кожа девочки, такая на взгляд Вана призывно-нежная, такая легко-уязвимая для иглы этой твари, была на самом деле столь же прочной, что и отрез самаркандского атласа, и выдерживала любые попытки Ады освеживать себя, сколько бы она (с потемневшими глазами, подернутыми как бы дымкой эротического упоения, подмеченной Ваном уже во время их неумеренных поцелуев, с приоткрытыми губами и блестящими от слюны крупными зубами) ни скребла всеми

пятью пальцами розовые бугорки с ядом редкого насекомого — поскольку он *в самом деле* редок и весьма примечателен, этот комар (описанный, не совсем в один день, двумя сердитыми стариками, второго тоже звали Браун — Braun, — филладельфийский диптерист, намного более толковый, чем бостонский профессор). Необыкновенным, восторженным был облик моей зазнобы, когда она пыталась утолить похоть своей драгоценной кожи, оставляя сперва жемчужные, а затем рубиновые полосы вдоль обворожительной ножки, на миг достигая, наконец, одурманивающего блаженства, в которое, будто в вакуум, с новой силой устремлялся лютый зуд.

«Послушай, детка, — сказал Ван, — если ты не прекратишь на счет три, я раскрою этот перочинный нож (берет нож) и полосну себя по ноге, чтобы она стала, как у тебя. Ах, умоляю, да обкусывай ты свои ногти! Всё лучше, чем это».

Быть может оттого, что жизненные соки Вана были слишком горькими — даже в те благодатные дни, — шатобрианов комар никогда его особенно не донимал. А ныне он, кажется, встречается всё реже, и потому что климат сделался прохладнее, и вследствие идиотского осушения чарующе богатых ладорских болот, как и топей, раскинувшихся в окрестностях Калуги (Коннектикут) и Лугано (Пенсильвания). (Небольшая популяция, только самочки, упившиеся кровью своего счастливого поимщика, недавно была отловлена, как мне сказали, в удаленных от названных городов местах, в каких-то секретных ареалах. Примечание Ады.)

18

Не только в глуховатые преклонные годы, которые Ван называл временем «изумленного маразма», но даже еще больше в пору их юности (лето 1888) они находили ученое удовольствие в том, чтобы воссоздавать начальный этап (лето 1884) своей любви, эволюцию ее откровений, капризные расхождения в обрывочной хронике. Она сберегла лишь несколько — главным образом ботанических и энтомологических — страниц своего дневника, поскольку, перечитав его, нашла его тон жеманным и фальшивым. Он целиком уничтожил свой из-за неуклюжего школьного слога, сочетавшегося с легкомысленным и искусственным цинизмом. И потому им оставалось полагаться на устную традицию, на совместную правку общих воспоминаний. «А ты помнишь, *and do you remember, et te souviens-tu*» (с неизменно подразумеваемой кодеттой этого «а», вводящего ту бусину, которую надлежало нанизать на нить разорванного ожерелья) — стало для них, в их увлеченных беседах,

неизменным зачином каждой второй фразы. Обсуждались календарные даты, исследовалась и пересматривалась цепочка событий, сопоставлялись запавшие в душу моменты, горячо разбирались те или иные сомнения и решения. Если их воспоминания порой не совпадали, виной тому была скорее разность полов, чем характеров. Обоих умиляла наивность и неловкость юности, обоих печалила мудрость времени. Ада склонна была рассматривать те начальные стадии как исключительно последовательный и всесторонний рост, быть может, неестественный, быть может, уникальный, но в целом чарующий своим мягким развитием, уберегшим их от грубых порывов и душевных травм. Память же Вана никак не могла избыть те особенные эпизоды, которые на веки вечные были отмечены острыми, саднящими, а иногда и достойными сожаления телесными ощущениями. Ада жила с мыслью, что ненасытное наслаждение, открывшееся ей вдруг, Ван пережил вместе с ней одновременно, после нескольких недель накопления их первых ласк; свои начальные физиологические отклики на эти ласки она застенчиво отвергала как относящиеся к детским забавам, которым она предавалась и раньше и которые не имели ничего общего с торжеством и жаром индивидуального счастья. Ван, напротив, не только мог бы свести в таблицу все свои неудобосказуемые спазмы (когда, где и как), которые ему приходилось скрывать от Ады, пока они не стали любовниками, но и подчеркивал философские и нравственные различия между сокрушительной силой само-надругательства и ошеломляющей нежностью выраженной и разделенной любви.

В воспоминаниях о наших прошлых «я» всегда имеется та маленькая фигура с длинной тенью, которая стоит, как неуверенный опоздавший гость, на освещенном пороге в дальнем конце безусловно, с точки зрения перспективы, сужающегося коридора. Ада виделась себе беспризорной девочкой с удивленными глазами и букетом забрызганных грязью цветов; Ван представлял себя гадким молодым сатиром на неуклюжих копытцах и с сомнительной свирелью. «Но мне было только двенадцать!» — восклицала бывало Ада, когда припоминалась какая-нибудь непристойная подробность. «А мне шел пятнадцатый год», печально отвечал Ван.

А помнит ли юная леди, спрашивал он, метафорически извлекая из кармана кое-какие записки, тот самый первый раз, когда она догадалась, что ее застенчивый юный «кузен» (их официальная степень родства) испытывает физическое возбуждение в ее присутствии, пусть даже благопристойно укрытый слоями льна и фланели и не прикасающийся к юной леди?

Откровенно говоря, нет, сказала она, не помнит, да и не может этого помнить, поскольку в одиннадцать лет, несмотря на все попытки подобрать ключ к шкафу, в котором Волтер Даниэль Вин держал том «Яп. и инд. эрот. гравюр», как отлично было видно сквозь стеклянную дверцу (Ван мигом отыскал ключик, он висел на шнурке с тыльной стороны сандрика, которым был украшен шкаф), она всё еще имела довольно смутные представления о том, как происходит спаривание у людей. Она была очень наблюдательна, разумеется, и хорошо изучила различных насекомых *in corpora*, но в обсуждаемый период недвусмысленные образчики млекопитающей мужественности редко попадались ей на глаза и находились вне всякой связи с каким-либо понятием или возможностью половой функции (как, например, тот случай в ее первой школе, в 1883 году, когда она созерцала такой мягонький с виду бежевый клювик сынишки негра-привратника, забегавшего иногда помочиться в уборную для девочек).

Два других явления, которые она наблюдала еще раньше, привели к забавным заблуждениям. Ей было, должно быть, около девяти, когда в Ардис зачастил один пожилой господин, знаменитый художник, имя которого она не хочет и не может назвать. Ее учительница рисования, мисс Винтергрин, перевозила его до небес, хотя вообще-то ее собственные *natures mortes* считались (в 1888-ом и снова в 1958 году) несравнимо более выдающимися работами, чем картины прославленного старого мошенника, писавшего своих маленьких обнаженных натурщиц всегда только сзади — срывающие фи́ги и стоящие на цыпочках персиково-вадые нимфетки или взбирающиеся на скалу герль-скауты в опасно натянувшихся шортиках — —

«Отлично понимаю, — сердито перебил Ван, — о ком ты говоришь, и хочу отметить, что даже если его изысканный талант нынче не в чести, Пол Дж. Гигмент имел полное право писать своих школьниц и модниц с той стороны, с какой ему было угодно. Продолжай».

В каждый приезд этого Пиг Пигмента (продолжала невозмутимая Ада) она съезживалась, слыша, как он, пыхтя и кряхтя, тащится вверх по лестнице, даже еще более неотвратимый, чем Мраморный Гость, этот неуязвимый призрак, разыскивая ее, зовя ее тонким, ворчливым голосом, так не шедшим к мрамору.

«Бедолага», проговорил Ван.

Его способ потискать девочку, рассказывала она, «*puisqu' on aborde ce thème-là*, и я, конечно, *ne* провожу никаких обидных сравнений», состоял в том, чтобы непрестанно, с маниакальной навязчивостью, помогать ей достать что-нибудь, что угодно, какой-нибудь принесенный им гостинец, коробочку монпансье или просто старую игрушку,

подобранную им с пола в детской и высоко подвешенную на стену, или розовую свечку с синим огоньком, которую он хотел, чтобы она задула на рождественской елке, для чего, невзирая на ее робкие протесты, поднимал ее под локотки, не торопясь, не церемонясь, похрюкивая да приговаривая: ах, до чего же ты тяжеленькая, красочка эдакая, — и так продолжалось снова и снова, пока не ударял обеденный гонг или не входила няня со стаканом фруктового сока, и что за облегчение испытывали все, когда во время этих поддельных подъемов ее бедный задок *наконец-то* опускался в хрустящий снег его крахмального пластрона, и он отпускал ее и застегивал смокинг. А еще она помнит — —

«Нелепое преувеличение, — счел нужным заметить Ван. — Да к тому же, подозреваю, искусственно перекрашенное ламповым светом более поздних событий, как станет ясно еще позже».

А еще она помнит, как мучительно покраснела, когда кто-то сказал, что бедняга Пиг тронулся умом и что у него «затвердение артерии», как ей послышалось, или, может быть, «напряжение», но она уже знала, что артерии могут сильно вытягиваться, ведь она видела Дронго, вороного коня, имевшего, надо сказать, вид ужасно удрученный и растерянный из-за того, что случилось с ним посреди поляны на глазах у всех ромашек. Она подумала, сказала лукавая Ада (насколько искренне — это другой вопрос), что из его живота жеребенок высунул одну черную резиновую ногу, не понимая, что Дронго вовсе не кобыла и что у него нет сумки, как у кенгуру на любимой ее иллюстрации, но потом английская нянька объяснила ей, что Дронго просто сильно заболел, и всё стало на место.

«Хорошо, — сказал Ван. — Всё это, конечно, страшно интересно, но я имел в виду первый случай, когда ты могла подумать, что я тоже хворый Пиг или Дронго. Я помню, — продолжал он, — круглый стол, освещенный кругом розового света, и тебя, стоящую на коленях в кресле, близко от меня. Я присел на тугой подлокотник, наблюдая за тем, как ты строишь карточный домик, и каждое твое движение было, конечно, особенно выразительным, как в гипнотическом трансе, сонно-замедленным, но в то же время необыкновенно осторожным, и я буквально упивался девичьим запахом твоей голой руки и ароматом волос, теперь загубленным какими-то модными духами. Датирую этот случай — приблизительно — десятым июня: дождливый вечер на исходе моей первой недели в Ардисе».

«Я помню карты, — сказала она, — и свет лампы, и шум дождя, и твой сизый кашемировый джемпер, но больше ничего не помню, ничего странного или недостойного, *это* началось позже. К тому же

только во французских любовных романах les messieurs hument запах молодых особ».

«Что ж, я вдыхал, пока ты занималась своим осмотрительным делом. Тактильное волшебство. Бесконечное терпение. Кончики пальцев подстерегают гравитацию. Как же нещадно ты обкусила ногти, моя милая. Прости мне эти записки, на самом деле я просто не могу как следует выразить тягость грузного, липкого желания. Знаешь, я мечтал, что когда твой замок рухнет, ты махнешь рукой русским жестом смирения с судьбой и сядешь на мою ладонь».

«То был не замок. То была Помпейская Вилла с мозаиками и росписями внутри — недаром я брала лишь фигурные карты из старой дедовой колоды. Что ж, уселась ли я на твою горячую твердую ладонь?»

«На мою раскрытую ладонь, душка. Райские складочки. На миг ты оставалась неподвижной, заполняя мою чашу. Затем ты переменяла положение и снова встала на колени».

«Скорее, скорее, скорее, снова собирать плоские яркие карты, чтобы снова строить, снова, едва дыша? Мы все-таки были отвратительно порочными детьми, не правда ли?»

«Все смысленные дети порочны. Вижу, ты все-таки вспомнила — —»

«Не этот именно случай, а яблоню, и как ты поцеловал меня в шею, et tout le reste. А потом — здравствуйте: апофеоз, Ночь Горящего Амбара!»

19

Что-то вроде старой загадки («Les Sophismes de Sophie» м-ль Стопчиной в серии «Bibliothèque Vieux Rose»): предшествовал ли Горящий Амбар Чердаку или Чердак следовал первым? Ах, первый! Мы уже целовались вовсю, влюбленные кузен и кузина, когда случился пожар. Я даже успел получить из Ладоры кольдкрем «Château Vaignet» для своих потрескавшихся губ. И мы оба проснулись, каждый в своей спальне, когда она крикнула: «Au feu!» Когда же? 28 июля? 4 августа?

Кто кричал? Стопчина? Ларивьер? Скажи! Кто кричал, что амбар flambait?

Нет, крик застиг ее, так сказать, в разгар спанья. Я знаю, сказал Ван, кричала та кустарно накрашенная служанка, подводившая глаза твоей акварелью, во всяком случае, Ларивьер так говорила, обвиняя ее и Бланш в разных невиданных грехах.

Ах, ну конечно! Но только не эта несчастная Франш, служанка Марины, а наша дурочка Бланш. Да, это она побежала по коридору и потеряла на главной лестнице отороченную горностаем ночную туфлю, как Ашетт в английской версии сказки.

«А ты помнишь, Ван, какой жаркой была та ночь?»

«Еще бы! В ту ночь из-за вспышек — —»

В ту ночь из-за тревожных вспышек далеких зарниц, проникавших сквозь черные червы листвы его приюта, Ван выбрался из гамака под тюльпановыми деревьями и отправился досыпать в свою комнату. Поднявшаяся в доме суматоха и вопль служанки прервали редкостный, диамантовый, драматичный сон, предмет которого он позже не мог уже вспомнить, хотя всё еще хранит его в сбереженной шкатулке с драгоценностями. Он, как обычно, спал нагишом, и теперь колебался, натянуть ли ему шорты или завернуться в клетчатый плед. Он выбрал второе, погромел спичечным коробком, зажег свечку, оставленную на ночном столике, и покинул свою комнату, готовый спасти Аду со всеми ее личинками. В коридоре было темно, где-то восторженно лаяла такса. Из удалявшихся разрозненных криков Ван заключил, что горит так называемый «баронский амбар», огромная, всеми любимая постройка верстах в четырех от дома. Случись это ближе к осени, полсотни коров могли бы остаться без сена, а Ларивьерша без своего дневного кофе со сливками. Ван почувствовал себя ущемленным. Они все уехали, а меня оставили одного на весь дом, как бормочет старик Фирс в конце «Вишневого сада» (Марина была сносной г-жой Раневской).

Обязанный клетчатой тогой, Ван последовал за своим черным двойником вниз по внутренней винтовой лестнице, ведущей в библиотеку. Став голым коленом на ворсистый диван под окном, он отвел тяжелые красные портьеры.

Дядя Дан с сигарой во рту и Марина в платке, державшая на руках Дака, который заносчиво облаивал сторожевых псов, отъезжали со двора в прогулочном автомобиле — красном, как пожарная машина! — среди поднятых рук и качающихся фонарей, и тут же на хрустком повороте подъездной аллеи их обошли верхом на лошадях трое слуг-англичан с тремя французскими служанками en stoivre. Казалось, все домашние отправились любоваться пожаром (редкое зрелище в наших сырых и безветренных краях), используя всевозможные — технически и поэтически — средства передвижения: элегические телеги, телеходы, тракторозы, трициклы и даже заводные багажные тележки, которыми стационарный зритель снабдил семейство в память об их изобретателе, Эразмусе Вине.

Одна лишь гувернантка (что уже успела установить Ада, не Ван) как ни в чем не бывало храпела с присвистом и чмоканьем в соседней со старой детской комнате, а в самой детской Люсетта, проснувшись и полежав с минуту неподвижно, пустилась догонять свой сон, в котором как раз успела запрыгнуть в последний мебельный фургон.

Ван, стоя на коленях перед венецианским окном, следил за удалявшимся и пропадавшим красным глазком дядиной сигары. Этот всеобщий отъезд... Теперь ты.

Этот всеобщий отъезд представлял собой поистине великолепное зрелище на фоне белесого от сонма звезд небосвода (над почти субтропическим Ардисом), расцвеченного внизу, между черных деревьев, далеким фламिंगовым заревом — там, где Горел Амбар. Дорога к нему огибала большое искусственное озеро, которое вижу изрезанным ослепительной чешуйчатой рябью то там, то тут, где какой-нибудь лихой грум или кухонный мальчишка мчит на водных лыжах, скользит на роброе или на плоту: обычный плот оставлял за собой рябь, напоминавшую огненных японских драконов. А теперь мы можем проследить глазом художника за горящими автомобильными фарами, передними и задними, которые движутся в восточном направлении вдоль линии АБ этого прямоугольного водоема, резко сворачивают на углу Б, одолевают его короткую сторону и ползут вновь на запад, уменьшившись и померкнув, к середине линии дальнего берега, где они уходят на север и исчезают.

Когда последние слуги, повар и ночной сторож, пробежали через лужайку к безлошадной двуколке или коляске, призывно стоявшей поодаль с бесстыдно задранными в небо оглоблями (или то была повозка рикши? Дяде Дану когда-то прислуживал камердинер-японец), Ван с радостью и трепетом обнаружил, что прямо там, на черной, как тушь, аллее, Ада в длинной своей ночной рубашке бредет среди зарослей со свечкой в одной руке и туфелькой в другой, как если бы кралась по пятам и обкрадывала заплутавших огнепоклонников. Нет, то было всего лишь ее отражение в оконном стекле. Бросила найденную туфельку в корзину для бумаг и взобралась к Вану на диван.

«Видно что-нибудь отсюда, ах, видно или нет?» — повторяла темноволосая девочка, и сотни амбаров полыхали в ее янтарно-черных глазах, пока она вся лучилась и вглядывалась в блаженном любопытстве. Он взял у нее свечу и поставил на подоконник, рядом со своей, более длинной. «Ты голый, ты просто ужасно гадкий», заметила она без всякого выражения или осуждения, не глядя на него, но когда она стала рядом с ним на колени, он, Рамзес Шотландец,

все же затянул свой клетчатый плед потуже. Некоторое время они любовались романтическим ночным пейзажем в оконной раме. Он начал гладить ее, трепеща, глядя прямо перед собой, проводя рукой слепца вниз вдоль ложбинки ее спины, покрытой лишь тонким батистом.

«Гляди-ка, цыгане», шепнула она, указывая на три темные фигуры — двух мужчин, один из которых нес лестницу, и ребенка или карлика, которые, озираясь, пересекали серую лужайку. Заметив огоньки свечей в окне, они тут же ретировались, причем самый маленький из троицы пятился à reculons, как будто делая на ходу снимки.

«Я нарочно осталась, надеялась, что и ты тоже, вот — предумышленное совпадение», сказала она, или потом сказала, что она так сказала тогда, а он всё продолжал оглаживать поток ее волос и сминать ее тонкую ночную рубашку, еще не смея запустить руку под нее, но уже осмеливаясь, однако, сжимать ее ягодичы, пока она, коротко шикнув на него, не села на его ладонь и свои пятки, едва пылающий картонный домик обрушился. Она повернулась к нему, и вот он уже припал губами к ее обнаженному плечу, прижимаясь к ней, как тот солдат в очереди, у нее за спиной.

Впервые слышу о нем. Я полагал, что пожилой господин Нимфопопотам был моим единственным предшественником.

Прошлой весной. Поездка в город. Французский спектакль, дневное представление. Мадемуазель потеряла билеты. Беднячок, надо думать, решил, что «Тартюф» происходит от английского «tart» (гулящая).

Se qui n'est pas si bête, au fond. Что, в сущности, не так уж глупо. Хорошо. В той сцене с Горящим Амбаром — —

Да?

Ничего. Продолжай.

Ах, Ван, той ночью, в ту минуту, когда мы стояли на коленях, бок о бок, перед зажженными свечами, как Молящиеся Дети на очень скверной картине, обратив — нет, не к Дражайшей Бабуле, получившей рождественскую открытку, а к удивленному и довольному Змию — две пары мягкоскладчатых подошв, унаследованных от древесных прародителей, я, помню, просто сгорала от нетерпения, так хотела получить от тебя кое-какие объяснения исключительно научного рода, потому что краем глаза я заметила — —

Не сию минуту, прямо сейчас это не столь уж привлекательное зрелище, а через мгновение станет и того хуже (или что-то в этом духе).

Ван никак не мог взять в толк, то ли она вправду феноменально невежественна и чиста, как ночное небо (с которого уже сошло огневое зарево), то ли, напротив, известный опыт побуждает ее вести расчетливую игру. Что не так уж важно, в конце концов.

Погоди, не сию минуту, сказал он сдавленным голосом.

Она настаивала: носкажимне... яхочузнять — —

Своими полными губами, parties très charnues этих страстных близнецов, Ван зарывался в черные шелка ее прямых и свободных волос, почти достающих до люмбуса (когда она откидывала назад голову, как сейчас), пытаясь добраться до нагретых постельным теплом ременных мышц шеи. (Совсем не обязательно, здесь и в других местах, в такого рода пассажах, испещрять довольно гладкий слог темноватыми анатомическими терминами, засевающими в памяти психиатра со студенческих лет. Поздняя приписка рукою Ады.)

«Носкажимне...», повторила она, когда он алчно достиг своей горячей бледнокожей цели.

«Слушай, я хочу знать», сказала она совершенно отчетливо, но уже плохо владея собой, поскольку его жадная ладонь добралась дальше ее подмышки и его большой палец нажимал на ее сосок, отчего у нее звенело в ушах: звонок, вызывающий горничную в георгианском романе — необъяснимым образом, без малейшего намека на *elettricità* — —

(Протестую. Нельзя. Запрещено даже на литовском и латинском. Приписка Ады.)

« — хочу знать... »

«Спрашивай, — крикнул Ван, — но только ничего не испорть» (не испортить вот это впитывание тебя, обволакивание тебя).

«Скажи, почему, — спросила она (настойчиво, с вызовом, и пламя одной свечи перемигнуло, одна диванная подушка упала на пол), — почему ты там становишься таким толстым и твердым, когда ты — — »

«Становлюсь где? Когда я что?»

Вместо объяснения она тактично и доходчиво потерлась об него животиком, всё еще более или менее коленапреклоненная, и ее длинные волосы мешали ему, а ее веко щекотало ему ухо (положение их тел по отношению друг к другу стало к этому времени довольно прихотливым).

«Повтори!» — крикнул он, как будто она была очень далеко, отраженная в темном стекле.

«Покажи немедленно», приказала она.

Он отбросил свой псевдокилт, и ее тон сразу изменился.

«Ах, бедненький, — сказала она так, как говорит один ребенок другому. — С него совсем сползла кожа и он весь горит. Больно? Ужасно больно, да?»

«Тронь сейчас же!» — взмолился он.

«Ван, бедный Ван, — продолжала она уютным голоском славной девочки, которым говорила со своими кошками, гусеницами, окукливающимися питомцами, — да, я уверена, саднит нестерпимо. Ты правда думаешь, что поможет, если я дотронусь?»

«Еще как, — сказал Ван, — on n'est pas bête à ce point» (есть пределы и для глупости — разг., груб.).

«Рельефная карта, — сказала прелестная педантка, — африканские реки. — Она провела указательным пальцем по голубому Нилу до самых джунглей и поднялась обратно к верховьям. — А это что такое? Даже у подосиновика красного намного менее бархатистая шляпка. Признаться (не переставала она лепетать), он напоминает мне цветок герани или, скорее, пеларгонии».

«Господи, мы все такие», сказал Ван.

«А какой он приятный на ощупь, Ван, мне нравится! Правда, очень нравится!»

«Сожми, ты, недотепа, не видишь, я умираю!»

Но наша юная ботаничка совершенно не знала, как обращаться с такой штуковиной, и Ван, которому уже ничего другого не оставалось, только грубо уткнулся ею в нижнюю кайму ее сорочки, бессильный сдерживать стоны, пока исходил лужицей наслаждения.

Она в смятении посмотрела вниз.

«Не то, что ты думаешь, — кротко предупредил ее Ван. — Это *не* малая нужда. В сущности, это так же чисто, как соки трав. Что ж, теперь загадка Нила раскрыта, точка, Спик».

(Никак не пойму, *отчего* ты изо всех сил стараешься обратить наше романтическое и неповторимое прошлое в грязный фарс? Скажи правду, Ван! Ах, *я-то* как раз честен, так всё и начиналось. Я не был уверен в себе, отсюда бравада и притворство. Ah, *parlez pour vous*: а я могу доказать, радость моя, что те знаменитые пальчиковые странствия вверх по твоей Африке и на край земли начались намного позже, когда я знала уже весь путь назубок. Прости, нет; если бы у людей были одинаковые воспоминания, то они бы не были разными людьми. Вот-так-всё-и-началось. Но мы-то не «разные»! «Думать» и «воображать» — по-французски одно слово. Подумай о *douceur*, Ван! Ох, я думаю об этом, конечно, я думаю — все это было *douceur*, дитя мое, рифма моя. Так-то лучше, сказала Ада.)

Пожалуйста, теперь ты.

Ван, совершенно голый, растянулся на диване, освещаемый свечой, теперь ровно горящей.

«Давай останемся спать здесь, — сказал он. — Они не вернутся, пока рассвет вновь не раскурит дядину сигару».

«Моя рубашка trempée», прошептала она.

«Сними ее, мы укроемся пледом».

«Не смотри, Ван».

«Это не честно», сказал он и помог ей стянуть рубашку через голову, глядя, как она встряхивает длинными волосами. Лишь одно-единственное таинственное место ее мелового тела было отмечено угольно-черной штриховкой. Зловредный нарыв оставил у нее между двух ребер розовый шрам. Он поцеловал его и лег на спину, положив руки под голову. Ада сверху изучала его смуглое тело, муравьиный караван, бредущий к оазису пупка. Он был уже довольно волосатым для своего юного возраста. Ее молодые круглые грудки нависали прямо над его лицом. Я отвергаю как врач и художник посткоитальную папиросу мещанина; однако, по правде сказать, Ван знал, что на консоли имеется стеклянная шкатулка Турецких Травма-Тисовых папирос — намного дальше расстояния лениво вытянутой руки. Высокие напольные часы отбили неизвестно к чему относящуюся четверть, и Ада уже наблюдала, подперев кулачком щеку, за примечательными, хотя и странно-угрюмыми вращениями, строго по часовой стрелке, и натуженными подъемами восстающей мужественности.

Но диванный ворс был колюч, как усеянное звездами небо, и перед тем, как приступить к чему-то еще, Ада, став на четвереньки, принялась иначе устраивать плед и подушки: юная туземка, изображающая крольчиху. Находясь у нее за спиной, он нащупал и сжал в ладони ее горячее маленькое устье и мигом занял положение мальчика, лепящего замок из песка, но она обернулась к нему, простодушно готовая обнять его в том положении, в каком кормилица советовала Джульетте принять своего Ромео. Она оказалась права. Впервые за время их любви благословение, гений лирической речи, снизошло на грубоватого подростка, он бормотал и стонал, целовал ее лицо с многословной нежностью, выкрикивая на трех языках, трех величайших в мире языках, ласковые словечки, которым предстояло лечь в основу словаря их тайных диминутивов и затем пополниться во множестве переизданий до самой последней, дефинитивной редакции 1967 года. Когда его вскрики становились слишком громкими, она сдерживала его,

выдыхая ему в рот «ш-ш-ш», и теперь все ее четыре конечности естественно обхватывали его, как если бы она отдавалась многие годы, во всех наших снах — но слишком горячая юная страсть (бурлящая, как переполненная ванна Вана, переписывающего эту страницу — своенравный седой словоправ, сидящий на краю отельной постели) не вынесла нескольких первых слепых толчков; она выплеснулась на лепесток орхидеи, и птичка синешейка залилась остерегающей трелью, и огни уже крались обратно в лучах рваной зари, светляки огибали озеро, точки экипажных фонарей превратились в звезды, захрустели по гравию колеса, и все собаки вернулись очень довольные ночным развлечением, и Бланш, племянница повара, выскочила из тыквенного цвета полицейского фургона, показав свои обтянутые чулками ножки (позже, увы, много позже полуночи), и двое наших голых детей, подхватив плед, сорочку и свечки и пригладив на прощанье диван, с легким топотом убрали в свои целомудренные спальни.

«А ты помнишь, — сказал седуосый Ван, беря с ночного столика Каннабиновую сигарету и гремя желто-голубым спичечным коробком, — какими мы были беспечными, и как Ларивьерша вдруг перестала храпеть и через мгновенье начала с новой силой, и какими холодными были железные ступени, и как я был обескуражен тобой — как бы это выразить? — необузданностью».

«Болван», сказала Ада со своего места у стены, не поворачивая головы.

Лето 1960-го? Переполненный отель где-то между Эксом и Ардезом?

Стоит начать датировать каждую страницу рукописи: надо быть добрее к моим неведомым мечтателям.

20

Наутро, еще не оторвав головы от наполненной снами мягкой подушки, добавленной к его во всех иных отношениях убогой постели милашкой Бланш (с которой по сновидческим правилам пти-жё он держался за руки в душераздирающем кошмаре — или, быть может, то была не она самая, а только ее дешевые духи), наш юноша мгновенно ощутил напор счастья, стучащего, чтобы его впустили. Он попытался продлить волнение этой неопределенности, пустившись по последним тающим следам жасмина и слез своего вздорного сна, но тигр счастья одним прыжком вторгся в явь.

Что за приятное возбуждение вызывает сознание недавно обретенной привилегии! Его тень, кажется, накрыла и последнюю часть

его сна, в которой он рассказывал Бланш, что обучился левитации и что эта его способность с волшебной легкостью ступать во воздухе, в нескольких вершках от земли, позволит ему побить все рекорды по прыжкам в длину, он сможет как бы прогуливаясь одолевать расстояние, скажем, в десять или одиннадцать метров (чтобы не вызывать подозрений слишком большой протяженностью): трибуны ревут, а пораженный Замбовский из Замбии глядит, разинув рот, глазам своим не веря.

Нежность придает подлинному триумфу завершенность, умиление умягчает истинное раскрепощение: эмоции, которые во снах не применимы ни к славе, ни к страсти. Невиданная радость, которую Ван испытывал отныне (и до скончания времен, как он надеялся), черпала свою силу по большей части из уверенности, что он волен осыпать Аду, не таясь и не спеша, всеми теми мальчишескими ласками, о которых он прежде не мог и помыслить из страха перед общественным порицанием, мужского эгоизма и моральной оглядки.

По воскресным дням о завтраке, обеде и ужине возвещали три гонга — малый, средний и большой. Первый только что пригласил домочадцев в гостиную. Его короткий гром взволновал Вана мыслью, что всего двадцать шесть ступенек отделяет его от юной сообщницы, нежный мускус которой всё еще хранила впадина его ладони. Его охватило чувство восторженного изумления: неужели это *в самом деле* случилось. Неужели мы теперь *вправду* свободны? Некоторые комнатные птицы, рассказывают китайские знатоки, трясая от смеха своими жирными брюхами, каждое треклятое утро, лишь проснутся, принимаются биться о прутья клетки, как бы продолжая естественный, сновидческий полет, а затем падают замертво на несколько минут, хотя во всё остальное время дня эти яркоперые узники веселы и покорны, щебечут как ни в чем не бывало.

Ван сунул одну голую ступню в теннисную туфлю, вышаркивая другой ногой из-под кровати ее затаившуюся пару, и поспешил вниз мимо довольного с виду князя Земского и мрачного Винсента Вина, епископа Балтикоморска и Комо.

Но она еще не спускалась. В сияющей гостиной, полной желтых цветов, склонявших свои венчики в лучах солнца, дядя Данила принимал пищу. Он был одет под стать довольно жаркому деревенскому дню: костюм в яркую полоску, как на конфетных обертках, розовая фланелевая рубашка, пикейный жилет и красно-синий клубный галстук; очень высокий мягкий воротник был скреплен золотой английской булавкой (все эти узкие полоски и разноцветные части его одежды слегка сместились в типографии, печатающей комичные

картинки на последних страницах воскресных газет). Он как раз управился со своим первым ломтиком поджаренного хлеба, смазанным маслом и умеренно подслащенным Тем Самым Апельсиновым Мармеладом, и теперь, отхлебнув кофе, с индюшиным кулдыканьем полоскал свою вставную челюсть, прежде чем проглотить жидкость вместе с аппетитными крошками. Будучи человеком не робкого десятка (в чем я имел возможность убедиться), я мог бы прямо взглянуть в его розовое лицо с этими рыжими, забавно вращающимися «щетками», но я не был обязан лицезреть (так думалось Вану в 1922 году, когда он снова увидел яркие лепестки этих *baguenaudier*) его лишенный подбородка профиль с рыжими курчавыми бакенами. Рассудив так, Ван не без приятного предвкушения оглядел синие горшочки горячего шоколада и нарезанные хлебные булки, приготовленные для проголодавшихся детей. Марина завтракала в постели, дворецкий и Прайс — в укромной нише буфета (навевавшей отчего-то приятные мысли), а м-ль Ларивьер не притрагивалась к еде до полудня, будучи суеверной «мидинеткой» (такая секта, а не галантерея), которой удалось обратить в эту веру даже своего духовника.

«Могли бы и нас взять на пожар, дядюшка», заметил Ван, наливая себе полную чашку шоколада.

«Тебе Ада всё расскажет, — ответил он, любовно смазывая второй ломтик хлеба маслом и мармеладом. — Она в восторге от этой экскурсии».

«А разве она поехала с тобой, неужели?»

«Ну да, в черном шарабане, вместе со всеми дворецкими. Презабавное происшествие, в самом деле» (последнее слово, «*really*», он произнес на псевдобританский манер, как «*gally*», что означает общий съезд или сбор).

«Вот как? Но то, верно, была какая-нибудь посудомойка, а не Ада, — сказал Ван. — Я и не предполагал, — добавил он, — что их здесь несколько, я имею в виду дворецких».

«О, похоже, что так», туманно ответил дядя Дан. Он возобновил свое потайное полосканье и затем, кашлянув, надел очки, но поскольку утренних газет еще не принесли, снова снял их.

Вдруг Ван услышал ее милый задумчивый голос на лестнице, обращенный к кому-то наверху: «*Je l'ai vu dans une des corbeilles de la bibliothèque*», — подразумевая, предположительно, герань или фиалку, а, может быть, Венерин башмачок. Наступила «пауза у перил», как говорят фотографы, после которой из библиотеки донесся радостный крик горничной и затем вновь голос Ады: «*Je me demande*,

хочу я знать, qui l'a mis là, кто ее туда положил». Aussitôt après, она вошла в гостиную.

Она надела, не сговариваясь с ним, черные шорты, белую джерси и мокасины. Заплетенные в толстую косу волосы были убраны назад, открывая ее большой круглый лоб. Розовая сыпь раздражения под нижней губой блестела от глицерина сквозь слои небрежно нанесенной пудры. Она была слишком бледной, чтобы казаться по-настоящему красивой. В руках она держала томик стихов. Моя старшая дочь довольно невзрачна, зато волосы дивные, а младшая прехорошенькая, хотя и рыжая, как лиса, — замечала, бывало, Марина. Неблагодарный возраст, неблагодарное освещение, неблагодарный художник, но *благодарный* любовник. В нем высоко поднялась откуда-то из подложечной впадины настоящая волна обожания. Пронзительное волнение видеть ее, сознавать, что она знает и что никто больше не знает, чему они предавались так свободно, и грязно, и сладостно менее шести часов тому назад, — всё вместе оказалось слишком сильным чувством для нашего зеленого любовника, даже несмотря на его попытку опошлить произошедшее посредством моральной коррективы позорного наречия. Неловко выдавив вялое «здрасьте», а не обычное утреннее приветствие, которое она, впрочем, пропустила мимо своих прелестных ушек, — Ван склонился над завтраком, следя в то же время за каждым ее движением своим тайным полифемовым органом. Проходя за спиной г-на Вина, она легонько хлопнула его по лысому темени своей книжкой, и, усаживаясь, шумно придвинула стул к нему, сидевшему напротив Вана. Светски моргая кукольными ресницами, она наполнила большую чашку шоколадом. Девочка подцепила ложкой кусок сахара и погрузила его в чашку, с удовольствием глядя, как горячая коричневая масса, и без того сладкая, пропитывает и растворяет оплывающий зернистый уголок, а затем и весь кубик.

Между тем дядя Дан запоздалым движением согнал со своего темени воображаемое насекомое, поглядел вверх, поглядел вокруг и наконец заметил появление вновьприбывшей:

«Ах да, Ада, — сказал он, — вот Вану как раз не терпится кое-что выяснить. Чем это ты занималась, милая, пока мы с ним тушили пожар?»

Ада зарделась его отблеском. Вану никогда не приходилось видеть девочки, да еще с такой прозрачно-белой кожей, да и вообще кого бы то ни было, фарфорового или персикового, кто бы краснел так мучительно и привычно, и эта особенность огорчала его гораздо больше, чем любой поступок, который мог вызвать такое яркое зарево. Она украдкой бросила растерянный взгляд на помрачневшего

мальчика и понесла что-то о том, что она спала, как угорелая, то есть убитая, в своей постели.

«А вот и нет, — резко перебил ее Ван, — мы с тобой вместе смотрели на пламя пожара из окна библиотеки. А дядя Дан is all wet (сел в лужу)».

«*Ménagez vos américanimes*», сказал сей последний, а затем широко развел руки в отцовском объятии, встречая простодушную Люсетту, которая вбежала в комнату, держа в кулачке, как хоругвь, игрушечную розовую рампетку для ловли бабочек, с жесткой, будто накрахмаленной, сеткой.

Ван, глядя на Аду, неодобрительно покачал головой. Она в ответ высунула острый лепесток языка и он, содрогнувшись от отвращения к самому себе, почувствовал, как сам заливается краской. Вот так и освобождение! Вложив салфетку в кольцо, он удалился в смежное с залом *мгстечко*.

После того, как она в свою очередь покончила с завтраком, он подкараулил ее, напитанную сливочным маслом, на площадке лестницы. Они располагали всего минутой, чтобы стовориться; дело было, с исторической точки зрения, на самой заре развития романа, еще находившегося в руках дочек викариев и французских академиком, так что такие мгновения были бесценны. Она стояла, почесывая приподнятое колено. Условились пойти на прогулку перед обедом и отыскать неприметный уголок. До этого ей еще нужно закончить перевод для м-ль Ларивьер. Она показала ему черновик. Из Франсуа Коппе? Да.

Спадают листья в грязь. В полете
Их различает лесоруб:
Лист клена — по кровавой плоти,
По медным листьям — старый дуб.

«*Leur chute est lente*, — сказал Ван, — *on peut les suivre du regard en reconnaissant*: этот парафрастический прием с полетом и лесорубом, конечно, достоин Лоудена (незначительный поэт и переводчик, 1815–1895). А пожертвовать первой половиной строфы ради спасения второй — это всё равно что бросить возницу на съедение волкам, как сделал один русский барин, после чего и сам выпал из саней».

«А я думаю, что ты жесток и глуп, как пуп, — сказала Ада. — Стишок этот не претендует ни на произведение искусства, ни на блестящую пародию. Это оброк, которого свихнувшаяся гувернантка потребовала от бедной перетруженной школьницы. Жди меня в бе-

сидке у кустов пузырника, — добавила она, — я приду ровно через шестьдесят три минуты».

Ладони у нее были холодными, а шея горячее; юный помощник почтальона звонил у парадной двери; Бут, молодой лакей, побочный сын дворецкого, пошел отворять, ступая по гулким плитам холла.

По воскресеньям почта запаздывала из-за пухлых воскресных приложений к балтикоморским, калужским и лужским газетам, которые старик-почтальон Робин Шервуд, облаченный в ярко-зеленую форму своего ведомства, развозил верхом на лошади по всей сонной округе. Ван, быстро спускавшийся через ступень с террасы и напевавший школьный гимн, — единственный мотив, который он мог вынести, — заметил Робина, сидевшего на старой гнедой кобыле: он держал за поводья горячего черного жеребца своего юного помощника, красавца-англичанина, к которому (как судачили за подстриженными розовыми изгородями) старик был привязан гораздо крепче, чем того требовала должность.

Ван дошел до третьей лужайки и до самой беседки; он тщательно обследовал декорации, приготовленные для постановки, «как провинциал, явившийся за час до начала оперы после целого дня тряско-го пути по проселочным дорогам, поросшим маками и васильками, которые цеплялись за спицы и мелькали в колесах его брички» (из «Урсулы» Флоберга).

Голубые бабочки, размером с репицу и того же европейского происхождения, быстро подлетали к кустам и садились на склоненные соцветия желтых цветов. Сорок лет спустя и при более благоприятных обстоятельствах Вану и Аде вновь довелось любоваться, с удивлением и радостью, тем же насекомым и теми же кустами пустырника, растущими вдоль лесной тропы около Зустена, в Валлийском кантоне. Сейчас он с нетерпением готовился набрать побольше деталей, которые сможет вскоре неторопливо перебирать в памяти. Улегшись на дерн, он следил за крупной, смелой голубяшкой, обмирая от вида воображаемых им белых Адиных ног и рук среди пятнистого света беседки и рассудительно убеждая себя в том, что реальность не может тягаться с фантазией. Но затем, искупавшись в глубоком ручье за боскетом и вернувшись к беседке, с мокрыми волосами и звенящей кожей, он испытал редкое удовольствие, найдя точную репродукцию мелькнувшего перед ним видения, воплощенного в живой белизне слоновой кости, с той лишь разницей, что она пришла с распущенными волосами и надела его любимое короткое платьице из яркого, как солнце,

ситца, которое он так пылко мечтал запятнать в столь недавнем прошлом.

Он решил раньше всего заняться ее ногами, ему казалось, что прошлой ночью он не отдал им должного; облечь их оболочкой поцелуев, от А — арки подъема ступни до бархатистой V — ижицы, и это намеренье Ван немедленно исполнил, лишь только они уединились в глубине хвойной рощи, замыкавшей парк по обрыву скалистой кручи, отделявшей Ардис от Ладоры.

Так и осталось неустановленным, хотя, собственно, никто и не стремился это установить, — как, когда и где он ее «дефлорировал» — вульгаризм, значение которого Ада в Стране Чудес случайно узнала, листая «Энциклопедию Фроди»: «...прорвать вагинальную перепонку девственницы мужским половым органом или механическим способом»; к чему был уготовлен и пример: «Благодеяние его невинной души подверглось дефлорации (Иеремия Тейлор)». Произошло ли это на клетчатом пледе в ночь пожара? Или в другой день под лиственницами? Может быть, позже, в тире, или на чердаке, на крыше, на неприметном балконе, в ванной, или — не без риска — на ковре-самолете? Нам это неизвестно и не важно.

(Ты так много, так часто целовал, и пощипывал, и теребил, и теснил меня там, что во всей этой горячке мое девство куда-то запропастилось. Но я отлично помню, мой милый, что к середине лета машина, которую наши предки именовали «совокуплением», работала столь же слаженно и гладко, как и потом, в 1888 году и после. Приписка на полях красными чернилами.)

21

Аде не разрешалось свободно пользоваться библиотекой. Согласно последнему реестру, отпечатанному 1 мая 1884 года, она состояла из 14 841 издания, но даже этот простой перечень гувернантка предпочитала держать от ребенка подальше, «*pour ne pas lui donner des idées*». Разумеется, на собственных Адиных полках имелись таксономические труды по ботанике и энтомологии, перемежавшиеся учебниками и несколькими выхолощенными романами. В библиотеке же ей не только воспрещалось рыться без надзора, но каждая книга, которую она брала, чтобы читать в постели или в беседке, проверялась ее наставницей и выписывалась «*en lecture*» на ее имя с проштемпелеванной датой на линованных карточках в каталоге, содержавшемся м-ль Ларивьер в тщательном беспорядке. Отчаянные, но напрасные усилия по водворению порядка (как не вспомнить осьмушки розовой, красной и багровой бумаги — с обоснованными

сомнениями, убедительными просьбами и решительными протестами, — рассованные в каталожных ящиках в соответствующих местах!) предпринимал ее кузен, миниатюрный пожилой холостяк Филипп Верже, болезненно замкнутый и застенчивый господин, дважды в месяц незаметно приходивший в библиотеку ради нескольких часов бесшумной работы — до того в самом деле бесшумной, что однажды вечером, когда высокая подвижная лестница, на вершине которой мосье Верже стоял с охапкой книг, вдруг обморочно качнулась и начала ужасно медленно, как в кинематографе, валиться назад, он навзничь упал на ковер вместе с лестницей и прижатыми к груди книгами в такой невозмутимой тишине, что преступница-Ада, полагавшая, что в библиотеке никого нет, и вынимавшая, быстро пролистывая, том за томом, совершенно ее разочаровавшую «Тысячу и одну ночь», приняла его падение за тень двери, тишком отворенной пухлявым евнухом.

Близость Ады с ее *cher, trop cher René*, как она иногда, ласково подшучивая, называла Вана, кардинально переменяла положение дел: какие бы декреты ни были оглашены доселе, они все отныне были упряднены. Едва приехав в Ардис, Ван уведомил свою бывшую гувернантку (у которой были основания принимать его угрозы всерьез), что если ему воспретят брать в библиотеке в любое удобное ему время, на любой срок и без всяких отметок «*en lecture*» что ему ни заблагорассудится — какой-нибудь толстый том, или собрание сочинений, или брошюрки в коробках, или даже инкунабулы, — он прикажет отцовской библиотекарьше, мисс Вертоград, безусловно-исполнительной и бесконечно обязательной старой деве того же формата и приблизительно того же года выпуска, что и мосье Верже, прислать ему в Ардис-Холл несколько ящиков с произведениями вольнодумцев восемнадцатого века, трудами немецких сексологов и полными комплектами всяких камасутр и Нефзави в дословных переводах и с апокрифическими дополнениями. Озадаченная м-ль Ларивьер могла бы спросить, что думает на этот счет хозяйин Ардиса, кабы не то обстоятельство, что она ничего серьезного не обсуждала с ним с того дня (в январе 1876 года), когда он неожиданно-негаданно (и, по совести сказать, без огонька) попытался за ней приударить. Что же до дражайшей и ветреной Марины, то когда м-ль Л. обратилась к ней с этим, она лишь заметила в ответ, что в Вановы годы попросту извела бы свою гувернантку тараканьей бурой, ежели бы та запретила ей читать, ну, к примеру, тургеневский «Дым». Засим всё, что Ада желала или могла бы пожелать прочесть, Ван предоставлял в ее распоряжение в разных тихих уголках усадьбы, и единственным

видимым следствием всё возраставшего недоумения и негодования мосье Верже было увеличение того странного белоснежного праха, который он всегда оставлял после себя, то там, то здесь, на темном ковре или в ином каком месте, смотря по тому, где он занимался своей кропотливой и неблагодарной работой, — что за казнь египетская для такого опрятного маленького господина!

На славном рождественском балу для служащих частных библиотек, устроенном года за два до того попечением Брайлевского Клуба в Радуге, отзывчивая мисс Вертоград заметила, что смеявшийся мелким смехом мосье Верже, с которым она разорвала доставшуюся им одну на двоих крохотную хлопушку (ожидаемого хлопка не произошло, и за красивой золотой бумагой не оказалось ни конфеты, ни брелока, ни какого-либо иного подарка судьбы), страдал той же, что и она, примечательной кожной болезнью. Она недавно была описана в подробностях знаменитым американским писателем в романе «Хирон», и тогда же о ней уморительным слогом поведал известный эссеист лондонского еженедельника, еще одна ее жертва. С бесприммерной деликатностью мисс Вертоград стала посылать через Вана довольно неблагодарному французскому господину библиотечные бланки с различными краткими советами: «Ртутная мазь!» или «“Höhensonne” творит чудеса». М-ль Ларивьер, также осведомленная о напасти своего брата, отыскала статью «Псориаз» в однотомной медицинской энциклопедии, которая досталась ей в наследство от матери и которая не только отлично послужила ей самой и ее воспитанникам при всяких пустяковых случаях, но и безотказно снабжала подходящими недугами героев ее рассказов, печатавшихся в «Квебекском Ежеквартальнике». В данном случае энциклопедия оптимистично предписывала «по крайней мере дважды в месяц брать теплую ванну и стараться избегать пряной пищи». М-ль перестукала эту рекомендацию на машинке и послала кузену в особом конверте, украшенном печатным пожеланием «Скорейшего выздоровления!». Этим, однако, дело не кончилось. Было еще посвященное тому же предмету письмо от д-ра Кролика, которое Ада показала Вану; в нем (по-английски) сообщалось следующее: «Этих несчастных, покрытых пунцовыми пятнами, серебристой чешуей или желтыми струпьями, безобидных псориатиков, кожная болезнь которых совершенно не заразна и которые во всех иных отношениях могут быть абсолютно здоровыми людьми — поскольку их бо-бо отлично предохраняет “и от люэса, и от гусарского насморка”, как говаривал мой профессор, — в Средние века принимали за прокаженных, да-да, прокаженных, и тысячи, если не миллионы Верже

и Вертоград выли и лопались, как шутихи, привязанные добрыми гражданами к столбам на площадях Испании и других огнелюбивых стран». Эту записку, впрочем, они решили не подсовывать терпеливому мученику в картотеку под литерами PS, как сперва хотели сделать: знатоки чешуекрылых бывают слишком уж красноречивы, когда речь заходит о чешуйках.

1 августа 1884 года бедный библиотекарь подал *démission éplorée*, и с той поры романы, стихи, научные и философские труды стали исчезать из библиотеки без следа. Они пересекали лужайки и плыли вдоль изгородей, как те предметы, которые уносил Человек-невидимка в восхитительной сказке Уэллса, и где бы юные любовники ни назначали свои свидания, все эти книги прямехонько опускались Аде на колени. Оба искали в книгах волнения и восторга, как делают лучшие читатели; оба находили во многих прославленных сочинениях претенциозность, скуку и прикрытое гладким слогом невежество.

При первом чтении (лет в девять или десять) повести Шатобривана, рассказывающей о романтических единокровных брате и сестре, Ада не вполне поняла предложение «*les deux enfants pouvaient donc s'abandonner au plaisir sans aucune crainte*». Один похабный критик в сборнике статей «*Les muses s'amuse*nt», которым Ада теперь могла вдоволь натешиться, пояснял, что «*donc*» относится и к бесплодию нежного возраста, и к бесплодности нежного кровосмешательства. Ван, впрочем, сказал на это, что и писатель, и критик заблуждаются, и в подтверждение обратил внимание своей ненаглядной на ту главу в опусе «Акт половой и акт правовой», в которой рассматривалось воздействие пагубного каприза природы на общество.

В те времена в этой стране определение «виновный в кровосмесительной связи» означало не только распущенный (*unchaste*) — значение, обсуждавшееся больше лингвистами, чем юристами, — но также предполагало (к примеру, во фразе «кровосмесительное сожителство»), ни много ни мало, покушение на естественный ход человеческой эволюции. История давно уже заменила апеллирование к «божественному праву» здравым смыслом и научно-популярными представлениями. При сложившемся взгляде на вещи видеть в «инцесте» преступление — всё равно что полагать таковым и «инцухт». И тем не менее, как еще во дни Мятежей Альбиносов в 1835 году заметил смелый судья Болд, практически все североамериканские и татарские скотоводы и земледельцы применяют инцухт в качестве одного из методов разведения, способствующего (если им пользоваться осмотрительно) сохранению, улучшению, устойчивости и даже восстановлению особенно ценных свойств той или иной

породы или сорта. Если же переусердствовать, родственное смешение приведет к различным формам вырождения, к появлению калек, немощных, «безропотных уродцев» и, наконец, к безнадежной стерильности. Вот в чем теперь крылось «преступление», а поскольку никто бы не мог даже из лучших побуждений контролировать оргии беспорядочного инбридинга (где-то в бескрайней Татарии пятьдесят поколений всё более и более длинношерстных овец недавно пресеклись рождением одного последнего ягненка, совершенно голенького, пятиногого и беспомощного, и хотя многие заводчики и овчары были казнены, возродить тучную породу так и не удалось), самым разумным решением было запретить любые виды и формы «кровосмесительного спаривания». Судья Болд и его сторонники с этим не согласились, усмотрев в «сознательном запрете возможного блага во избежание предполагаемого зла» покушение на одно из неотъемлемых прав человека, а именно, на право наслаждаться свободой собственной эволюции — свободой, которая никакому иному живому существу на планете не введена. К несчастью, после слухов о беде, постигшей волжские стада и их пастухов, в самый разгар полемики в С.Ш.А. начали печататься намного более детальные fait divers. Некто Иван Иванов, американец из Юконска, кратко охарактеризованный, как «привычно пьяный поденщик» («чудное определение, — вскользь заметила Ада, — достойное истинного художника»), каким-то образом, во сне (что подтвердила вся его большая семья), обрюхатил свою пятилетнюю правнучку Марью Иванову, а затем, пять лет спустя, в очередном припадке беспамятства, заделал ребеночка ее дочке Дарье. Фотографии Марьи, десятилетней бабули, с маленькой Дарьей и ползающей у их ног Варенькой, облетели все газеты, и немало удивительных парадоксов проистекло из этого генеалогического фарса, затронувшего взаимоотношения многочисленных представителей клана Ивановых, живущих — не всегда добропорядочно — в возмущенном Юконске. Дабы плодovitый шестидесятилетний лунатик не продолжил с тем же рвением пополнять свой род, его, как предписано древним русским законом, сослали на пятнадцать лет в монастырь. Вернувшись, он поспешил загладить свою вину женитьбой на Дарье, к тому времени ставшей дебелой бабой, которой хватало иных забот. Тут уж репортеры расстарались, освещая небывалую свадьбу, а благодетели и доброты отовсюду начали осыпать молодых подарками (старушки из Новой Англии, передовой поэт из Вальс-колледжа Теннесси, учителя и ученики одной мексиканской школы, всем скопом, и т.д.), однако в тот же день Гамалиил (тогда еще крепкий молодой сенатор) с такой силой

хрястнул по столу своего кабинета, что повредил кулак. Он потребовал пересмотра решения и смертной казни. То был, разумеется, лишь чрезмерно эмоциональный жест, и всё же «дело Иванова» отбросило длинную тень на скромный вопрос «благотворного кровосмешения». К середине столетия не только двоюродным, но и дядьям и внучатым племянницам запрещалось вступать в браки. В некоторых особенно обильных волостях Эстотии, где в избах, случается, с дюжину членов одной крестьянской семьи, обоих полов и самых разных возрастов, вповалку спят на тонком, как *блинь*, тюфяке, запретили на ночь занавешивать окна, дабы дозорным с керосиновыми фонарями (анти-ирландские бульварные газеты прозвали их «Неусыпными Патриками») сподручнее было нести их службу.

Так же громко Ван смеялся и когда разыскал для энтомологички Ады следующий пассаж из вполне уважаемой «Истории копулятивных обычаев»: «Некоторые опасности и нелепости, сопровождающие миссионерскую позицию, которая повсеместно принята для целей продолжения рода нашей пуританской интеллигенцией и которая справедливо высмеивается “примитивными”, но на редкость здоровыми телом и духом туземцами островов Бегоури, отмечены известным французским востоковедом (следует обширная сноска, здесь опускаемая), описавшим брачные привычки гнуса *Seromyia amorata* Roupart. Совокупление происходит, когда брюшные полости самца и самки прижаты друг к другу, а ротовые отверстия соприкасаются. После заключительного содрогания (*frisson*) мушиного коитуса самка через ротовое отверстие высасывает содержимое тела охваченного страстью самца. Можно предположить (см. Пессон et. al.) (еще одна пространная сноска), что всякие лакомства, как, например, сочная лапка жука, завернутая в паутину, или даже обычный пустячок (легкомысленный тупик или утонченное начало эволюционного процесса — *qui le sait!*), к примеру, аккуратно обернутый и перевязанный листовидным отростком красного папоротника цветочный лепесток, который некоторые мушиные самцы (но, очевидно, не кретины, принадлежащие к виду *femorata* и *amorata*) подносят самке перед совокуплением, предохраняют их от неуместной прозорливости юной леди».

Однако еще более забавным оказалось «сообщение» некой канадской социальной работницы Mme de Réan-Fichini, опубликовавшей на капусканском наречии трактат «О противозачаточных средствах» (ее выбор языка объяснялся тем, что она не хотела смущать эстотианцев и американцев, желая в то же время просветить своих более закаленных коллег). «*Sole sura metoda*, — писала она, — *por decevor*

natura, est por un strong-guy de contino-contino-contino jusque le plesir brimz; et lors, a lultima instanta, svitchera a l'altra gropa (желобок); ma perquoui una femme ardora andor ponderosa ne se retorna kvik enof, la transita e facilitata per positio torovago». (Единственный надежный способ обмануть природу, это крепкому молодцу продолжать-продолжать-продолжать, покуда блаженство вот-вот не хлынет через край, и тогда в последний миг переключиться на другой желобок: так как женщина от страсти и/или неуклюжести не может повернуться достаточно быстро, то переход лучше делать в позе тороваго.) Заключительный темный термин в прилагаемом глоссарии объяснялся на грубоватом английском так: «позитура, повсеместно применяемая в глубинке на всем протяжении Соединенных Америк, от Патагонии до Гаспе, всей тамошней сволочью, начиная с сельской аристократии и кончая последней крестьянской скотиной».

«Ergo, — заключил Ван, — гори наш миссионер синим пламенем».

«Твоя вульгарность беспредельна», сказала Ада.

«Что ж, предпочитаю сгореть, чем быть заживо высосанным, как устрица, этой твоей Шерами или как ты там ее кличешь, и чтобы моя вдова отложила на моих останках горку крошечных зеленых яичек!»

Парадоксальным образом в «ученой» (scient) Аде наглядные пособия с гравюрами различных органов, картинами угрюмых средневековых борделей и фотографиями того или иного маленького Кесаря, выдираемого из утробы мясниками в передниках (в прошлом) и эскулапами в масках (ныне), вызывали лишь смертную скуку. Вана же, не терпевшего «естествознания» и яростно отказывавшего физической боли в самом праве на существование в любом из миров, бесконечно привлекали изображения и описания растерзанной человеческой плоти. В остальном, в отношении более приятных предметов, их вкусы и искусства были почти идентичны. Им нравились Рабле и Казанова, они терпеть не могли сира Сада и герра Мазоха вместе с Генрихом Мюллером. Английская и французская фривольная поэзия, порой остроумная и познавательная, в конечном счете вызвала у них непреодолимое отвращение, а присущая ей склонность (особенно во Франции перед вторжением) описывать шалости монахов с монашками представлялась им столь же непостижимой, сколько и удручающей.

Коллекция «Восточных эротических гравюр» дяди Дана оказалась вполне второсортной в художественном отношении и абсурдной в рассуждении человеческой пластики. Самая разудалая и дорогая гравюра изображала монголку с бессмысленным овальным лицом и безобразной, но сложной прической, которая отдавалась сразу

шестерым довольно упитанным и бесстрастным гимнастам в помещении, похожем на витрину: с ширмами, цветочными горшками, шелками, бумажными веерами и глиняной посудой. Трое мужчин, изогнувшись в одинаково неудобных и замысловатых позах, одновременно использовали три основные отверстия блудницы; двое пожилых клиентов обслуживались ею мануально, а шестому, карлику, оставалось довольствоваться ее деформированной стопой. Шестеро других сластолюбцев пристроились к задкам ее непосредственных партнеров, а еще один удовлетворял свою похоть при помощи ее подмышки. Дядя Дан, терпеливо распутавший все эти конечности и жировые складки, прямо или косвенно связанные с совершенно невозмутимой дамой, каким-то образом сохранившей остатки одежды, написал карандашом цену гравюры и пометил ее как «Гейша с тринадцатью любовниками». Ван, впрочем, отыскал и пятнадцатый пупок, выведенный щедрым художником, но не получивший никакого анатомического продолжения.

Ардисовская библиотека предоставила свои высокие декорации для незабываемой сцены Горящего Амбара; она широко открыла свои остекленные двери; она сулила долгую идиллию библиомании; она могла бы стать главой одного из старых романов на одной из ее собственных полок; оттенок пародийности привнес в ее тему свойственную самой жизни комическую разрядку.

Вивиан Дамор-Блок
Примечания к «Аде»

17

Partie extérieure... — Внешняя мясистая часть, которая образует контуры рта... Два края простой раны... Орган, который лижет.

pascaltrezza — В этом каламбуре, сочетающем Паскаля со “scaltrezza” (*um.* острый ум) и “treza” (провансальское слово, означающее «стебли с прядями»), французское “pas” (что значит «не») отнимает “pensant” (мышление) у “roseau” (тростник) в его знаменитом высказывании «человек — это мыслящий тростник».

тургеневской Катей... — Имеется в виду инженеру в «Отцах и детях».

trouvaille — удачная находка.

Ада, любившая скрещивать орхидеи... — Здесь она скрещивает двух французских писателей, Бодлера и Шатобриана.

Mon enfant... — Мое дитя, сестра моя, подумай о величине большого дуба в Танье, подумай о горé, подумай о нежности...

recueilli — сосредоточенный, поглощенный.

18

puisqu'on... — раз уж мы заговорили об этом.

les messieurs hument — господа вдыхают.

et tout le reste — и всё остальное.

19

м-ль Стопчина — Представительница мадам де Сегюр (Ростопчиной), написавшей “*Les Malheurs de Sophie*”, номенклатурно замещенных на Антитерре “*Les Malheurs de Swann*” («Злоключениями Свана»).

au feu! — пожар!

flambait — в огне.

Auerm — Cendrillon (Золушка) во французском оригинале.

en croupe — сидящих за их спинами.

à reculons — задом.

загадка Нула раскрыта... — Знаменитая телеграмма, посланная исследователем Африки.

Ah, parlez pour vous. — Ах, говори за себя.

trempée — намокла.

20

Je l'ai vu... — Я видела ее в одной из корзин для бумаг в библиотеке.

Aussitôt après — сразу после этого.

Ménagez vos américanismes. — Не налегай на американизмы.

Leur chute... — Медлительно их паденье... следя за ними, различишь...

Лоуден — имя-портмоне, составленное из имен двух современных поэтов.

baguenaudier — французское название пузыряника древовидного.

Флоберг — В этой псевдоцитате имитируется стиль Флобера.

21

pour ne pas... — с тем, чтобы у нее не возникало всяких мыслей.

en lecture — [находится] у читателя.

cher, trop cher René — дорогой, драгоценный Рене (слова его сестры в повести Шатобриана «Рене»).

Хирон — целитель среди кентавров, отсылка к лучшему роману Апдайка.

эссеист лондонского еженедельника — Отсылка к колонке Алана Брайена в “*New Statesmen*”.

Höhensonne — ультрафиолетовая лампа.

démision éplorée — исполненное печали извещение.

les deux enfants... — посему двое детей могли предаваться любви без всяких опасений.

fait divers — газетные заметки.

qui le sait! — кто знает!

Генрих Мюллер — Автор «Поксуса» и проч.

Примечания переводчика¹⁶

17

Самый большой из <...> английских словарей <...> an orifice... — Определение из «Нового словаря Уэбстера» (Webster's New International Dictionary. Second Edition, 1934), однотомное издание которого 1957 г., как указал Б. Бойд (Adaonline. 102.01), имелось в библиотеке Набокова в Монтрё. См. сделанный Ф. Халсманом в 1968 г. снимок Набокова, сидящего перед этим раскрытым томом в своем кабинете в "Montreux Palace": *Бойд Б.* Владимир Набоков. Американские годы. Биография. СПб., 2010; фото ххi на вклейке.

Милльишій — Одна из стилистических особенностей романа и одна из (парадоксальных) трудностей его перевода на русский язык состоит в том, что многие слова и выражения в нем приводятся по-русски латиницей, сопровождаемые, как правило, переводом или пояснением в самом повествовании или в примечаниях Набокова. Последний указывает, что транслитерация во всех таких случаях основана на дореформенной орфографии, не поясняя как само собой разумеющееся, что герои, свободно владеющие русским языком, иной орфографии и не знают и что революционные нововведения в России, изменившие нормы правописания, не имеют к истории Антитерры никакого отношения. Транслитерация русских слов и выражений в «Аде», в отличие, например, от жаргонного «надсата» в «Заводном апельсине» (1962) Э. Бёрджесса, знакомит англоязычного читателя с их аутентичным звучанием, воспроизводящим родную речь автора книги. Такие места в романе не менее познавательны и для русского читателя, они позволяют ему отметить, к примеру, какого разбора язык у его героев, какова их манера изъясняться, в каких случаях они предпочитают переходить на русский (а в каких на французский), насколько изысканно или обыденно то или иное выражение (всё это характеризует, кроме прочего, русский словарь Набокова середины 1960-х гг.) и т.п. Однако в *переводe*, подготовленном по действующим правилам русской орфографии, вкрапления старых русских форм производят на читателя впечатление, не предусмотренное художественной задачей автора, поскольку то правописание, которое автор «Семейной хроники»

¹⁶ Ссылки на комментарий Брайана Бойда к «Аде» (Adaonline) приводятся по электронному ресурсу: <http://www.ada.auckland.ac.nz> (дата обращения: 22 мая 2020).

Ван (Иван Дементьевич) Вин, воспитанник своего домашнего наставника А.А. Аксакова, усвоил в детские годы, для современного русского читателя является в лучшем случае архаичным. Возникающие на первой же странице Severniya Territorii (как Набоков транслитерировал Съверныя Территорию), а потом, к примеру, biryul'ki proshlago (бирюльки прошлаго), pozharskiya kotletii (пожарскія котлеты), Estotskiya Vesti (Эстотскія Вѣсти), razskazhi zhe (расскази же), chto tam interesnago (что там интереснаго) и многие другие русские слова, названия, целые фразы и стихотворные строки оказываются искусственными препятствиями в потоке привычной кириллицы. Поэтому в нашем переводе мы воспроизводим все записанные латиницей русские слова и выражения кириллицей по нормам дореформенного правописания (кроме некоторых мест в прямой речи, избегая двусмысленности), следуя авторскому указанию и сохраняя не требующий перевода русский язык Набокова в неприкосновенности.

...*мосье Литтре, определял так...* — Эмиль Литтре (Littré, 1801–1881), французский философ, историк, лексикограф, составитель четырехтомного «Словаря Литтре» (Dictionnaire de la langue française par É. Littré, 1863–1873). Набоков приводит выдержки из словарной статьи к слову “lèvre” (губа) и этимологической справки к нему по современной редакции словаря, которой пользовался в Монтрё (Adaonline. 102.04-06). Набоков передавал французское “Monsieur” до 1960-х гг. как «м-сье» или «мсье» (например, в «Приглашении на казнь», 1936, в «Других берегах», 1954), позднее как «мосье» (в собственном русском переводе «Лолиты», 1967).

Толстый русский энциклопедический словарь <...> древней Ляски... — Подразумевается однотомный «Энциклопедический словарь Ф. Павленкова», действительно небольшого формата, впервые изданный в 1899 г. В нем даны следующие значения: «Губа — 1) в допетровской России судебный округ, в пределах котор. сосредоточивалась деятельность губного старосты; 2) морской залив; 3) *г. заячья* — раздвоение верхней губы, приращенное или вследствие болезни» (СПб., 1913. С. 610). Столь же иронично Набоков цитирует словарь Павленкова в «Стойких убеждениях» (1972) в примечании к своему английскому переводу эссе «О Ходасевиче»: «Между прочим, сухая короткая справка о Баратынском в энциклопедии Павленкова (Санкт-Петербург, 1913) кончается прелестной опечаткой: “Полн. собр. сочинений 1984”» (*Nabokov V. Strong Opinions. New York et al., 1990. P. 224*). Несмотря на то, что в романе позднее упоминается словарь Даля («Распря между недоумком Ожеговым (большой, синий, дурно переплетенный том, содержащий 52 872 слова) и маленьким, но воинственным Эдмундсоном в благоговейном переводе д-ра Гершчижев-

ского, малоречивость урезанных “прост.” и “бран.” при общей невиданной щедрости четырехтомного Даля (“Дорогая моя далия”, стонала Ада, отыскав у застенчивого, долгобородого этнографа отжившее жаргонное словечко) — всё это было бы нестерпимой докукой для Вана, кабы его, как человека ученого, не обожгло сделанное им открытие загадочного средства “Скрабля” со спиритической планшеткой». — Ч. I, гл. 36), многочисленные значения слова «губа» из него не приводятся. Такая избирательность продиктована, по-видимому, стремлением акцентировать внимание читателя на северных мотивах этой главы, поддержанных, кроме добавленного к словарному определению Павленкова прилагательного «арктический», вымышленным названием государства Ляска (образованным от Аляски), упоминанием самоедов (название группы северных народов) и юконского вида комаров, досаждавших Пушкину (от Юкон — Yukon — территория на северо-западе Канады).

кипсек (от *англ.* keepsake — подарок на память) — название роскошных изданий гравюр, рисунков, преимущественно женских головок, иногда с текстом.

Уиклоу — графство и административный центр на востоке Ирландии в провинции Ленстер.

авеню Пятой Власти — оксюморон, совмещающий фешенебельную торговую улицу в центре Манхэттена в Нью-Йорке, символ высокого социального положения и роскоши, с понятием «пятой власти» (the Fifth Estate или the Fifth Power), возникшем в протестной американской среде в начале 1960-х гг. применительно к независимой, несистемной и маргинальной журналистике (в отличие от классической «четвертой власти») и политике левого толка.

...беловатые кружки <...> тургеневской Катей... — Хотя смуглая Катя Локтева, «девушка лет восемнадцати», в романе «Отцы и дети» (1862) наружностью мало напоминает белокожую Аду, последняя разделяет с ней несколько черт. В XVI главе «Отцов и детей» Катя описана следующим образом: «Всё в ней было еще молодо-зелено: и голос, и пушок на всем лице, и розовые руки с беловатыми кружками на ладонях, и чуть-чуть сжатые плечи... Она беспрестанно краснела и быстро переводила дух» (*Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения. Т. 7. М., 1981. С. 77). Столь же легко краснеет и Ада, и ту же свойственную ей подростковую зажатость плеч отмечает Ван Вин, обсуждая ее сценическую карьеру: «он напомнил ей, как тот же постановщик, Г.А. Вронский, сказал

ей, что она достаточно хороша собой, чтобы однажды стать дублершей Леноры Коллин, которая в двадцать лет была такой же привлекательно-неуклюжей и также напрягала и поднимала плечи, когда пересекала комнату» (Ч. II, гл. 9).

Culex chateaubriandi *Brown* — этот вымышленный вид комара, в номенклатурном обозначении которого использовано имя французского писателя Франсуа Рене де Шатобриана (1768–1848) — важное звено в цепочке аллюзий на повесть Шатобриана «Рене» (1802), в которой Амели, сестра эмигранта Рене, сознается в своей преступной страсти к нему. Во французском языке «комар» и «кузен» (официальная степень родства Вана по отношению к Аде) — одно слово (*cousin*); эту линию поддерживает в романе игра со словами “insect” (насекомое) и “incest” (инцест), а также обращение Ады к Вану “cher, trop cher René” (Ч. I, гл. 21) — прямая цитата из письма Амели к брату (подробнее см.: *Cancogni Anna Paola. Nabokov and Chateaubriand // The Garland Companion to Vladimir Nabokov / Ed. V.E. Alexandrov. New York & London, 1995. P. 384–388*). В «Комментариях» к «Евгению Онегину» Набоков назвал «Рене» гениальным сочинением величайшего французского писателя своего времени, подробно изложил его содержание и обратил внимание на завуалированную в нем тему инцеста (*Набоков В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин»*. СПб., 1998. С. 499–500). А. Аппель проследил в «Аде» ряд важных реминисценций из Шатобриана и пришел к выводу, что «Шатобриан и Байрон значат для “Ады” столько же, сколько По и Мериме для “Лолиты”» (*Appel A., Jr. “Ada” Described // Nabokov. Criticism, reminiscences, translations and tributes / Ed. Alfred Appel, Jr. & Charles Newman. London, 1971. P. 180*).

В интервью 1975 г., отвечая на вопрос о бабочках в «Аде», Набоков заметил, что «никто до него еще не описывал в романах выдуманных, но с точки зрения науки *возможных* бабочек» (*Nabokov V. Interview with Bernard Pivot for Apostrophes (1975) // Think, Write, Speak. Uncollected Essays, Reviews, Interviews and Letters to the Editor by Vladimir Nabokov / Ed. B. Boyd and A. Tolstoy. New York, 2019. P. 466*). Так и созданный им «шатобрианов комар» вполне правдоподобен с точки зрения систематики и напоминает реальный вид кулекса, классифицированный как “*Culex browni* Komp, 1936”, где *culex* (комар настоящий) — латинское название рода насекомых, а *browni* — латинизированное имя ученого, С.G. Brown’a, поймавшего его голотип. Энтомологу Набокову принадлежит честь открытия нескольких новых видов бабочек и первичных описаний их голотипов, благодаря чему его имя значится в их названиях и в международных классификаторах чешуекрылых. В 1955 г. он писал сестре Елене: «В Сов. Союзе имеется некто В.А. Набоков, написавший “Руководство по борьбе с малярийным

комаром” (1952). Как мило!» (*Набоков В.* Переписка с сестрой. Ann Arbor, 1985. С. 81).

Шатобриан (Шарль) — совмещены имена двух французских писателей и поэтов: Франсуа Рене де Шатобриана и Шарля Бодлера (1821–1867).

...«*Бостонский Энтомолог*» <...> 1840 года. — Отсылка к одному из самых авторитетных научных журналов по энтомологии, лондонскому “The Entomologist”, который начал выходить в 1840 г. и в котором в 1920 г. Набоков опубликовал свою первую энтомологическую работу “A Few Notes on Crimean Lepidoptera” («Несколько заметок о крымских чешуекрылых»).

Этот Шатобриан не приходился родственником <...> между Парижем и Танье... — Шатобриан родился в Сен-Мало, портовом городе на северо-западе Франции, регион Бретань. Бодлер родился в Париже. Топоним Танье (Tagne) не имеет, по-видимому, отношения к французской деревне Tagné, расположенной вблизи города Шоне, и, как предположил Б. Бойд, образован Набоковым от французского слова “montagne” — гора, на что намекает соседство этого слова с Tagne в нижеследующем стихотворении; разделенное на две части, “montagne”, таким образом, каламбурно прочитывается, как “mon Tagne” — «мой Танье» (Adaonline. 106.20).

Mon enfant... — Совмещены и переиначены два стихотворения: «Романс к Елене» (1806) Шатобриана, вошедший позднее в его новеллу «Приключения последнего Абенсерага» (1826), и «Приглашение к путешествию» (из сб. «Цветы зла», 1857) Бодлера. Третья секстина «Романса» начинается так: “Ma soeur, te souvient-il encore / Du château que baignait la Dore?” (эти строки, «Сестра, ты еще помнишь замок, / Который омывала Ладора?», повторяются в трехязычном стихотворении в Ч. I, гл. 22 романа); пятая, заключительная строфа — “Oh! qui me rendra mon Hélène, / Et ma montagne, et le grand chène!” Стихи Бодлера также обращены к сестре: “Mon enfant, ma soeur, / Songe à la douceur...” («Дитя мое, сестра моя, / Подумай о сладости...»). В примечании к Ч. I, гл. 22 романа Набоков указал, что строки “Oh! qui me rendra mon Hélène, / Et ma montagne, et le grand chène!” — один из лейтмотивов «Ады».

...*Адиной и Арделиной...* — Помимо игры с полным именем Ады — Аделаида, редкое имя связывается с упомянутой в предыдущей главе ардиллой (*исп.* белка), с Адель из стихотворения в Ч. I, гл. 22 и с *лат.* ardens — пылкий, страстный (Adaonline. 98–12; *Бойд Б.* «Ада» Набокова. Место сознания. СПб., 2012. С. 174).

...*Люсильной* <...> *крови*. — В.Е. Набокова указала, что Ладора, название протекающей в Ардесе реки, а также большой дуб и холм (“*ma montagne*”) заимствованы из «Романса» Шатобриана, «большого любимца В.Н.», и что упоминание здесь Люсиль (как варианта имени Люсетта) также обращено к французскому писателю, поскольку «таково было настоящее имя его сестры, в которую он был влюблен» (*Nabokov Vera*. [A Letter to the Editor] / New items and work in progress // The Vladimir Nabokov Research Newsletter / Ed. S.J. Parker. 1984. № 12. P. 12–13).

«*Сладко!*» — *восклизал бывало Пушкин...* — В мае 1828 г. влюбленный в Анну Оленину Пушкин посетил ее в усадьбе Приютино под Петербургом. 21 мая того же года П.А. Вяземский писал жене: «Ездил я с Мицкевичем вечером к Олениным в деревню в Приютино, верст за 17. Там нашли мы и Пушкина с своими любовными гримасами. Деревня довольно мила, особливо же для Петербурга: есть довольно движения в видах, возвышения, вода, лес. Но зато комары делают из этого места сущий ад. Я никогда не видал подобного множества. Нельзя ни на минуту не махать руками, поневоле пляшешь комаринскую. Я никак не мог бы прожить тут и день один. На другой я верно сошел бы с ума и проломил себе голову об стену. Mickiewicz говорил, que c'est une journée sanglante [что это кровавый день]. Пушкин был весь в прыщах и, осаждаемый комарами, нежно восклицал: сладко» (*Цявловская Т.Г.* Дневник А.А. Олениной // Пушкин. Исследования и материалы. Т. II. М.—Л., 1958. С. 254). С этим отрывком из письма Вяземского, впервые опубликованным в 1929 г. М.С. Боровковой-Майковой, Набоков мог познакомиться по первому тому книги В.В. Вересаева «Пушкин в жизни», пятым изданием которой (1932) он пользовался, комментируя «Евгения Онегина» (см.: *Набоков В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 374).

Описания летних вечеров в Ардесе напоминают начало «Семейной хроники» Аксакова, в которой летнему нашествию комаров отведено много места. Ср.: «Смешно сказать и грех утаить, что я люблю дишкантовый писк и даже кусанье комаров: в них слышно мне знойное лето, роскошные бессонные ночи, берега Бугуруслана, обросшие зелеными кустами, из которых со всех сторон неслись соловьиные песни; я помню замирание молодого сердца и сладкую, безотчетную грусть, за которую отдал бы теперь весь остаток угасающей жизни» (*Аксаков С.Т.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1955. С. 91–92).

диштерист — специалист по двукрылым насекомым, к которым относится и комар.

18

in copula — во время копуляции (лат.).

Винтергрин (Wintergreen) — еще одно ботаническое имя среди нескольких других в романе: таково английское название распространенных в Северной Америке вечнозеленых растений семейства вересковых; в русском языке — грушанка или гаультерия.

Дронго — неудачник, дурак (австрал.). Этот термин, вошедший в широкое употребление в начале 1940-х гг., происходит от клички скакового жеребца, который в 1920-х гг. участвовал во множестве австралийских дерби, но, несмотря на хорошие результаты, ни разу не пришел первым. Дронго как имя нарицательное приобрело юмористическую окраску благодаря газетным репортерам, обратившим внимание на то, что незадачливый скакун получил имя по названию распространенной в Австралии птицы, известной своим задиристым характером (*Wannan B. The Australian: Yarns, Ballads, Legends, Traditions of the Australian People. Melbourne, 1958. P. 137*). Как и в других подобных случаях в романе, к поиску верного значения того или иного термина направляет скрытая подсказка, в данном случае — упомянутая следом Адой иллюстрация с изображением символа Австралии кенгуру.

...только во французских любовных романах *les messieurs hument запах молодых особ.* — Отсылка к любовным ухищрениям Шарля Свана во второй части романа М. Пруста «В сторону Свана» (1913): Сван впервые ласкает Одетту в экипаже под предлогом вдохнуть запах орхидей, приколотых к эгретке в ее волосах. В университетской лекции о Прусте Набоков назвал эту сцену «знаменитой, но не слишком убедительной» (*Набоков В. Лекции по зарубежной литературе. М., 1998. С. 310*).

19

...“*Les Sophismes de Sophie*” м-ль Стопчиной в серии “*Bibliothèque Vieux Rose*”... — «Софизмы Софи» обыгрывают название автобиографической повести популярной детской писательницы графини Софии де Сегюр (урожд. Ростопчиной, 1799–1874) «Злоключения Софи» (1858), известной в русском переводе (1869) А.А. Разимова как «Сонины проказы». Обыграно и название иллюстрированной книжной серии “*Bibliothèque Rose*” («Розовая библиотека»), основанной в 1856 г. издательством “*Hachette*” (на которое намекает упомянутая следом «Ашетт» — Золушка) и выпускавшей книги мадам (а не мадемуазель, как в мире Антитерры) де Сегюр. Сочетание “*vieux rose*” означает «темно-розовый» (обложки книг этой серии были темно-розового цвета), однако прилагательное “*vieux*” само по

себе означает «старый»; Набоков тем самым подчеркивает, что речь идет о старой книжной серии, которая в 1959 г. была переименована в «Новую розовую библиотеку» (“La Nouvelle Bibliothèque Rose”). В «Других берегах» (1954) он вспоминал: «Мне лет восемь. Василий Иванович поднимает с кушетки в нашей классной книжку из серии “Bibliothèque Rose”. Вдруг, блаженно застонав, он находит в ней любимое им в детстве место: “Sophie n’était pas jolie...” [Софи не была хорошенькой]; и через сорок лет я совершенно так же застонал, когда в чужой детской случайно набрел на ту же книжку о мальчиках и девочках, которые сто лет тому назад жили во Франции тою стилизованной *vie de château* [замковой жизнью], на которую Mme de Ségur, née Rostopchine добросовестно перекладывала свое детство в России, — почему и налаживалась, несмотря на вульгарную сентиментальность всех этих “Les Malheurs de Sophie” <...> тонкая связь с русским усадебным бытом» (*Набоков В.* Собр. соч. русского периода: В 5 т. СПб., 2000. Т. 5. С. 187).

...предшествовал ли Горящий Амбар Чердаку или Чердак следовал первым? Ах, первый! — Намеренно путанная фразировка, не дающая прямого ответа на вопрос, происходила ли сцена на чердаке, описанная в первой главе первой части романа, раньше сцены в библиотеке во время пожара или наоборот.

Они все уехали <...> как бормочет старик Фирс в конце «Вишневого сада» (Марина была сноской 2-жой Раневской). — В финале комедии А.П. Чехова «Вишневый сад» (1904), после общего отъезда из дома Любови Раневской, старый слуга Фирс, оставшись один, произносит слова: «Заперто. Уехали... (*Садится на диван.*) Про меня забыли... Ничего... я тут посижу... <...> (*Бормочет что-то, чего понять нельзя.*)» (*Чехов А.П.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 13. М., 1978. С. 253–254).

В «Аде» немало аллюзий и прямых указаний на пьесы Чехова «Чайка», «Три сестры» (которые в романе превращены в «Четыре сестры») и «Дядя Ваня». Мать Ады, посредственная актриса Марина Дурманова, упоминает В.И. Качалова и К.С. Станиславского, рассказывая о своих репетициях в юконском театре «Чайка» (Ч. I, гл. 37).

роброй — изобретенная шотландским путешественником Джоном Мак-Грегором (1825–1892) разновидность легкого каноэ, названная им в честь своего однофамильца, национального героя Шотландии Роберта Роя (Роб Роя) Мак-Грегора. Термин употребляется в гл. XIV романа Набокова «Подвиг» (1932).

...«Тартюф» происходит от английского “tart”... — В комедии Мольера «Тартюф, или Обманщик» (1664) выдающий себя за праведника Тартюф (Tartuffe) оказывается распутником и негодяем.

parties très charnues — очень мясистые части.

люмбус — поясница.

...в георгианском романе... — По-видимому, имеется в виду направление “Regency novel”, к которому принадлежат классические английские романы периода Регентства (1811–1820), когда из-за недееспособности Георга III Великобританией правил его сын, принц-регент, будущий король Георг IV. К этому периоду английской литературы относятся романы Джейн Остин и Вальтера Скотта. В более широком историографическом значении «Георгианская эпоха» охватывает период с 1714 по 1830 г. Нельзя, однако, сказать, что подразумевается под «георгианским» периодом на Антитерре, история, как и география которой во многом не совпадают с земными.

elettricità — электричество (*um.*). После «Эль-катастрофы», вызванной, по-видимому, открытием истинной природы электричества и значительно изменившей цивилизацию Антитерры, электричество и даже само его упоминание, как и связанных с ним терминов, оказалось под строгим запретом. Как заметил С. Блэквелл: «Вместо того чтобы просто создать “научно-фантастический роман”, основанный на воображаемых следствиях новейших открытий <...> Набоков рассматривает законы физики под иным углом, как подчиненные разуму — преобразованные и воплощенные в актах эстетического созидания, подобно тому, как электромагнитные волны образуют мир света, цвета и эстетики живописи» (*Blackwell S.H. The Quill and the Scalpel. Nabokov's Art and the Worlds of Science. Columbus, 2009. P. 157*).

...загадка Нила раскрыта, точка, Спик. — Знаменитая концовка телеграммы, посланной английским путешественником и исследователем Африки Джоном Хеннингом Спиком (1827–1864) из Хартума в Лондон 27 марта 1863 г. с сообщением о совершенном им открытии истоков Нила.

...в том положении, в каком кормилица советовала Джульетте принять своего Ромео. — В третьей сцене первого акта трагедии У. Шекспира «Ромео и Джульетта» Кормилица в разговоре с синьорой Капулетти и Джульеттой (которой «нет еще четырнадцати лет») вспоминает грубую шутку своего мужа, в которой, однако, нельзя усмотреть прямой совет Джульетте

принять своего возлюбленного в миссионерской позе: «В тот день она себе разбила лобик, / А муж мой (упокой его господь — / Вот весельчак-то был!) малютку поднял. / “Что, — говорит, — упала ты на лобик? / А подрастешь — на спинку будешь падать. / Не правда ли, малюточка?” И что же! / Клянусь мадонной, сразу перестала / Плутовка плакать и сказала: “Да”. <...> Ох, только б до твоей дожить мне свадьбы — / Так больше ничего я не хочу!» (перевод Т. Щепкиной-Куперник).

...дефинитивной редакции 1967 года. — В четвертой главе последней, пятой части романа сообщается, что секретарша и машинистка Вана Вина отпечатали окончательную версию его «Семейной хроники» в 1967 г., ко дню его девяностосемилетия.

Каннабиновая сигарета — игра с латинским названием коноплянки, певчей птицы из семейства вьюрковых (*Linaria cannabina*), и коноплей (лат. *Cannabis*), из которой получают наркотическое средство, известное под названием марихуана.

20

Замбия — До обретения независимости в 1964 г. официальным названием этой британской колонии в Южной Африке было Северная Родезия; следовательно, с точки зрения земной истории, упоминание Замбии в 1884 г. (время действия этой главы романа) является анахронизмом. В романе рассказывается о путешествиях Даниэля Вина в Экваториальную Африку и «дебри Мозамбика», а юный Ван Вин мечтал о поездке на «Африканском Экспрессе» через «Нигеро, Родозию <sic!> или Эфиопию».

Балтикоморск — контаминация двух топонимов: американского Балтимора с самым западным городом России Балтийском (до 1946 г. — Пиллау), а также с пелагонимом Балтийское море и названием итальянского озера Комо.

...не притрагивалась к еде до полудня <...> «мидинеткой» (такая секта, а не галантерея)... — Обыгрывается этимология слова «мидинетка» (молодая парижская швея, модистка), образованного от соединения двух французских слов: *midî* (полдень) и *dînette* (легкий обед). Модистки заполняли магазины и кафе Парижа к полудню.

...на самой заре развития романа, еще находившегося в руках дочек викариев... — Намек на Джейн Остин, которая была дочерью приходского священника.

...Франсуа Коппе <...> Спадают листья в грязь. <...> парафрастический прием с полетом и лесорубом... — Популярный в пору Третьей Республики французский поэт (1842–1908), представитель парнасской школы, чьи стихи со временем стали предметом пародий и насмешек. Выбор м-ль Ларивьер не случаен: ей могла быть близка не только сентиментальность и слащавость Коппе, но и присущая ее собственным сочинениям озабоченность социально значимыми вопросами, а также его антисемитизм (к концу жизни Коппе стал ревностным католиком, занялся журналистикой и деятельно поддерживал сторону обвинения в деле Дрейфуса). Описывая в «Других берегах» свою французскую гувернантку Сесиль Миотон, отдельными чертами которой он наделил гувернантку Ады и Люсетты мадемуазель Ларивьер, Набоков с сожалением отмечал невзыскательность ее литературного вкуса: «Между тем сам по себе ее французский язык был так обаятелен! Неужто нельзя было забыть поверхностность ее образования, плоскость суждений, озлобленность нрава, когда эта жемчужная речь журчала и переливалась, столь же лишенная истинной мысли и поэзии, как стишки ее любимцев Ламартина и Коппе! Настоящей французской литературе я приобщился не через нее, а через рано открытые мною книги в отцовской библиотеке <...>» (*Набоков В.* Собр. соч. русского периода. Т. 5. С. 215–216). Ада перевела на английский язык второе четверостишие из стихотворения Коппе “*Matin d’Octobre*” («Октябрьское утро»), опубликованное в сборнике “*Le Cahier Rouge*” (1874):

Leur chute est lente. On peut les suivre
 Du regard en reconnaissant
 Le chêne à sa feuille de cuivre
 L’érable à sa feuille de sang
 (Poésies de François Coppée. 1869–1874. Paris, 1875. P. 183).

Ради рифмы Ада вводит в свой выразительный перевод «дровосека» (woodchopper) и «грязь» (mud), вызвав критику Вана, поборника дословного перевода и противника рифмованных парафрастических переложений:

Their fall is gentle. The woodchopper
 Can tell, before they reach the mud,
 The oak tree by its leaf of copper,
 The maple by its leaf of blood.

В отличие от нарисованной Коппе картины идиллического листопада, английская версия Ады создает несколько иное настроение: деревья осыпают листву в грязь, и, возможно, под ударами топора. Герои вспоминают эти строки

Коппе четыре года спустя (Ч. I, гл. 38), и Ван цитирует иной вариант Адиной версии (если не собственную), избавленный от «дровосека» и «грязи»:

Their fall is gentle. The leavesdropper
Can follow each of them and know
The oak tree by its leaf of copper,
The maple by its blood-red glow.

В этой версии возникает неологизм «leavesdropper» (соединение “leaves” — листья — с “drop” — ронять), образованный от «eavesdropper» — соглядатай; он отсылает читателя к главам 15–16 первой части романа, к осыпающей листья шаттальской яблоне и первой случайной ласке Вана и Ады, за которыми наблюдает белка, “daintily leavesdropping” (изящно роняя листву).

В гарвардском архиве Набокова отложились страницы с недатированным черновиком нескольких фрагментов русского перевода «Ады», сделанных Верой Набоковой. Переписав на отдельную страницу французский оригинал четверостишия, она сперва очень точно перевела его на русский:

Полет их тих, и взгляду ясно,
Как отличить узнавать их на лету –
Клен по листу кроваво-красному,
А дуб по медному листу.

Затем она перевела вольный английский вариант Ады, поставив для усиления эффекта вместо «дровосека» много более неуместную «миледи»:

Полет их тих, глядит миледи
И отличает на лету
Дуб по листу из тусклой меди,
Клен по кровавому листу.

И продолжила так: «Эта “миледи” прямо из Лоудена (—), а жертвовать первой половиной строфы ради спасения второй, это всё равно что бросить кучера на съедение волкам, как будто бы сделал какой-то некий русский сановник аристократ джентльмен, после чего сам немедленно выпал из саней» (Harvard University. Houghton Library / Vladimir Nabokov papers. Box 12, folder 207 b).

...*достоин Лоудена (незначительный поэт и переводчик, 1815–1895).* — В этой лигатуре зашифрованы имена двух поэтов и переводчиков, подверг-

шихся набоковской критике в связи с его концепцией точного перевода стихов. Один из них — Роберт Лоуэлл (Lowell, 1917–1977), чьи дурные переводы из О.Э. Мандельштама Набоков разнес в статье “On Adaptation” (1969); другой — знаменитый англо-американский поэт Уистен Хью Оден (Auden, 1907–1973), переведивший современных русских поэтов. В предисловии к переводу нескольких стихотворений А.А. Вознесенского Оден признался, что не владеет русским, никогда не был в России, но «уверен, что мистер Вознесенский хороший поэт, потому что его стихи, даже в английском переводе, о многом говорят мне» (*Auden W.H. [Foreword] / The Poetry of Andrei Voznesensky // The New York Review of Books. 1966. Vol. VI. № 6. 14 April. P. 4*). В интервью Дж. Моссмену, данном в 1969 г., на вопрос: «В “Аде” вы, как мне кажется, пародируете поэта У.Х. Одена. Почему вы такого невысокого мнения о нем?» Набоков ответил: «Нигде в “Аде” я не пародирую Одена. Я плохо знаком с его стихами для этого. Но я отлично знаю несколько его переводов — и осуждаю грубые ошибки, которые он столь легкомысленно позволил себе допустить. Роберт Лоуэлл, конечно, намного более опасный преступник» (*Nabokov V. Strong Opinions. New York et al., 1990. P. 151*).

16 июня 1967 г. Набоков записал в дневник следующее четверостишие:

Поэтов моей бедной родины
мерзостно переустроили
пошлые Одены
и похабные Лоэли

(The New York Public Library. W. Henry & A. Albert Berg Collection of English and American Literature. Vladimir Nabokov papers / Manuscript box / Diaries, 1943–1973).

Год смерти «Лоудена» совпадает с годом рождения американского критика и писателя Эдмунда (Банни) Уилсона (Wilson, ум. 1972), близкого друга Набокова в 1940–1950-х гг. Отношения с «дорогим Банни» окончательно расстроились в 1965 г., после его резких и невежественных нападок на подготовленный Набоковым английский перевод «Евгения Онегина». В мае 1966 г. Р. Лоуэлл выступил на стороне Уилсона, заметив, что «И здравый смысл, и интуиция говорят нам, что Эдмунд Уилсон на девяносто процентов неопровержим и прав в своей критике» (*Lowell R. Nabokov's Onegin // Encounter. 1966 (May). P. 91*). Набоков там же поместил свой ответ: «Интуитивные (но едва ли здравомыслящие) арифметические подсчеты г-на Лоуэлла не волнуют меня по той причине, что он не владеет языком Пушкина и не обладает необходимыми знаниями, позволяющими разобраться в специфических трудностях перевода, которые обсуждаются в моей статье.

Хотелось бы, однако (используя его оборот), чтобы он прекратил калечить беззащитных мертвых поэтов — Мандельштама, Рембо и других» (Ibid.).

...*бросить возницу на съедение волкам <...> выпал из саней.* — Набоков, по-видимому, выдумал эту анекдотическую историю, восходящую к известной с середины XIX в. по французскому источнику легенде о русской женщине, которая, спасаясь от стаи волков, пожертвовала тремя своими детьми, выбрасывая их одного за другим из саней (Adaonline. 128.01–02). Существовала, впрочем, версия (лишенная, однако, назидательности набоковского варианта), в которой пассажир обходился таким образом с самим кучером. В нескольких номерах английского юмористического журнала «Панч» печатались анонимные дневники «Моей поездки в Хиву» — пародия на популярный жанр английской дорожной прозы, рассказывающей о приключениях в экзотических странах. В одном из эпизодов этого «Дневника» англичанин, выехавший на санях из Петербурга, проезжает по заснеженной равнине, преследуемый волками. Он вспоминает «старую историю о русских отце и матери, которые бросили волкам своих детей». Решив последовать их примеру, он собирается начать с мальчика-слуги, но мальчик предлагает начать сразу с кучера. Бросив кучера волкам, путешественник благополучно добирается до города, размышляя о превратностях судьбы: «Бедняга! Я должен был заплатить ему в Хиве <...> но он нарушил наш уговор, ведь его съели волки, а значит, теперь мне платить некому» (Diary of My Ride to Khiva // Punch, or The London Charivari. 1877. June 2. P. 250; June 9. P. 263). Под несколько измененным названием вышло отдельное издание: *Burnand F.C. The Ride to Khiva. From "Punch". London, 1877.*

...*как провинциал <...> из «Урсулы» Флоберга.* — Имя французского писателя Гюстава Флобера (Flaubert, 1821–1880) преобразовано во Floeberg, «бугристые массы торосистых льдин, напоминающие айсберги» («Словарь Уэбстера»), — возможно, ради сближения с другим любимцем Набокова, американским поэтом Робертом Фростом (Frost, 1874–1963) — *англ. frost* — мороз, иней. Ср. русификацию имени Фроста в романе Набокова «Взгляни на арлекинов!» (1974), в котором фигурирует писатель Борис Морозов с «яркими ледяными [frosty] глазами» (Набоков В. Взгляни на арлекинов! СПб., 2016. С. 86). Хотя в приведенной псевдоцитате, как указано в примечаниях Набокова, пародируется стиль Флобера, прежде всего его романа «Госпожа Бовари» (1857), название сочинения отсылает к роману Оноре де Бальзака «Урсула Мируэ» (1841, цикл «Этюдов о нравах»), посвященному сценам провинциальной жизни.

...«*Энциклопедию Фроды*» <...> *Благодеяние* <...> *подверглось дефлорации (Иеремия Тейлор).* — Название этой несуществующей энци-

клопедии намекает на Зигмунда Фрейда (Фройда в немецком произношении), чье имя не раз обыгрывается в романе, и на *англ.* fraud — мошенник, подделка. Пример употребления термина взят из «Словаря Уэбстера»: “He died innocent and before the sweetness of his soul was *deflowered* and ravished from him. *Jer. Taylor*” («Он умер невинным, до того, как благоденствие его души подверглось дефлорации и было отнято у него»). Иеремия Тейлор (1613–1667) — английский богослов и духовный писатель, признанный мастер изысканной прозы.

21

...*мисс Вертоград* <...> и *мосье Верже*... — Имена двух библиотекарей, холостяка Филиппа Верже (*Verger*) и старой девы мисс Вертоград, близки по значению: вертоград — сад, виноградник; *фр.* verger — фруктовый сад.

...в *Вановы годы* <...> запретила ей читать <...> *тургеневский «Дым»*. — Еще один пример отставания земной хронологии от антитеррористической: Марина Дурманова родилась в 1844 г., и, следовательно, ее «Вановы годы» (Вану в описываемое время 14 лет) пришлось на 1858 г., в то время как пятый роман Тургенева «Дым», в котором ее привлекла, по-видимому, история любовных отношений Литвинова со светской красавицей Ириной, был опубликован только в 1867 г. «Дым» упомянут здесь как вводный мотив, сопутствующий Марине (чья стихия в романе — огонь) и предвосхищающий ее решение быть кремированной после смерти.

...*кожной болезнью* <...> была описана <...> *знаменитым американским писателем в романе «Хирон»*... — Подразумевается роман Джона Апдайка (1932–2009) «Кентавр» (1963), в котором сын главного героя Питер болен псориазом. От этой болезни страдал и Набоков, хуже всего в 1937 г., когда он писал жене из Парижа в Берлин: «Продолжаю ужасно страдать от псориаза: он достиг размеров еще не виданных, а особенно неприятно, что и лицо пегое. Но самое страшное — зуд. Дико мечтаю о покое, мази, солнце» (*Набоков В. Письма к Вере / Коммент. О. Ворониной и Б. Бойда. М., 2018. С. 287*).

...*les deux enfants*... — Псевдоцитата.

“*Les muses s’amusent*” — «Музы забавляются», вымышленное название.

...*Иван Иванов, американец из Юконска*... — Схожим образом топоним Уайтхорс (*англ.* «белый конь»), столица канадской территории Юкон, русифицирован в романе как Белоконск, расположенный на Антитерре в Западной Эстотии.

...передовой поэт из Вальс-колледжа Теннесси... — Отсылка к шлягеру “Tennessee Waltz” (1948), вошедшему в 1965 г. в список официальных песен штата Теннесси (Adaonline. 134.33–34). Здесь можно усмотреть, кроме того, намек на концепцию педоцентризма (progressive education, в оригинале: “progressive poet <...> at Tennessee <sic!> Waltz College”), замещающей систематическое обучение и воспитание занятиями на основе непосредственно возникающих у детей желаний и интересов, а также на чуждого Набокову популярного американского драматурга, поэта и прозаика Теннесси Уильямса (наст. имя Томас Ланье Уильямс III, 1911–1983).

...островов Бегоури... — Вымышленные острова, названные по арабскому слову, означающему позицию в совокуплении, при которой мужчина находится за спиной у женщины. Как заметил Б. Бойд, Набоков мог почерпнуть этот термин из примечания Р. Бертона к английскому переводу средневекового трактата Нефзави «Благоухающий сад» (упомянутого в этой главе романа): «На вульгарном арабском этот способ улаживания женщины называется “бегоури”» (The Perfumed Garden of Sheikh Nefzaoui. London, 1886. P. 69).

Serromyia amorata Poupart — Как и в случае «шатобрианова комара», перед нами хорошо замаскированный под настоящий вымышленный таксон (реальный на Антитерре?), образованный от *Serromyia femorata* Meigen, 1804 — разновидности мокрецов (семейство Ceratopogonidae). Б. Бойд отметил, что Набоков использовал в названии насекомого имя французского анатома, хирурга и энтомолога Франсуа Пупарта (1661–1708), впервые описавшего паховую связку (Пупартова связка).

Mme de Réan-Fichini — мадам Фичини — мачеха Софи де Реан в трилогии Софьи де Сегур о девочке Софи (Сони в русском переводе).

...капусканском наречии <...> *Sole sura metoda*... — Макаронический пассаж, состоящий из искаженных английских, французских, итальянских слов и «собачьей латыни». К примеру, “por decevor” — искаженное французское “pour décevoir” («чтобы обмануть»), “ponderosa” — *лат.* тяжелые (*ит.* ponderoso — тяжеловесный); “kvik enof” — *англ.* quick enough — достаточно быстро (во французском переводе романа, подготовленном при ближайшем участии Набокова, вместо этого прозрачного английского выражения — латинско-итальянская смесь “satis presto”). Свой перевод «капусканского» отрывка на английский язык предложили Риверс и Волкер, отметившие, что последнее слово в нем образовано от испанского *toro* — бык (*Rivers J.E., Walker W. Nabokov’s Ada // The Explicator. 1978. Vol. 36 (Issue 2). P. 7–8*). Вместе с тем “torovago” созвучно русскому «то-

роватый» — не только «щедрый», но и «расторопный». Как было замечено исследователями, «Капусканское наречие», на котором написан трактат, и канадское происхождение его автора отсылают к названию города Капускейсин в северной части Онтарио.

Шерами — обыграно латинское название мокреца и *фр.* выражение *chère amie* — милая подруга.

...терпеть не могли сира Сада... — Французский писатель Донасьен Альфонс Франсуа де Сад (маркиз де Сад, 1740–1814), автор порнографических романов, обращавшийся, кроме прочего, к теме инцеста. Ср. в послесловии Набокова к американскому изданию «Лолиты»: «Порнограф должен строго придерживаться старых испытанных правил, дабы окружить пациента надежной атмосферой удовлетворения <...> сексуальные сцены в книге непременно должны развиваться крещендо <...> в новых комбинациях, с новыми влагалищами и орудиями, и постоянно увеличивающимся числом участников (в известной пьесе Сада на последних вызывают из сада садовника), а потому конец книги должен быть наполнен эротическим бытом гуще, чем ее начало» (*Набоков В.* Лолита. New York, 1967. С. 291–292).

Генрих Мюллер — германизированная форма имени американского писателя немецкого происхождения Генри Миллера (1891–1980). В уничижительном примечании Набокова, назвавшего его «автором “Поксуса”», обыграны названия скандально известных романов Миллера, составивших его автобиографическую трилогию «Благостное распятие» (“The Rosy Crucifixion”): «Сексус», «Плексус» и «Нексус». Набоковское «Поксус», с одной стороны, иронично отвечает на любовные похождения героя Миллера английским “рох” — болезнь с высыпаниями на коже, сифилис; с другой стороны, обыгрывает христианский мотив в названии его трилогии: *англ.* выражение “hocus-rocus” (русское «фокус-покус») означает «мошеничество», и, как считается, происходит от искаженной сакраментальной формулы католической литургии “Hoc est corpus meum” («Сие есть тело мое»). После запретов и судебных разбирательств, трилогия Миллера была опубликована в США в 1965 г., незадолго до того, как Набоков приступил к систематической работе над «Адой».

Вивиан Дамор-Блок. — В оригинале Vivian Darkbloom (= Vladimir Nabokov) — анаграмма, использованная в «Лолите» (так зовут любовницу и соавтора Клэра Куильти); эквивалент взят из авторского перевода «Лолиты».

Андрей Бабиков

Литература

Бабилов А. Прочтение Набокова. Изыскания и материалы. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2019. 816 с.

Бойд Б. Владимир Набоков. Американские годы. Биография / Пер. с англ. М. Бирдвуд-Хеджер и др. СПб.: Симпозиум, 2010. 950 с.

Бойд Б. «Ада» Набокова: место сознания / Пер. с англ. Г. Креймера. СПб.: Симпозиум, 2012. 480 с.

Набоков В. Собрание сочинений русского периода: В 5 т. Т. 5 / Сост. Н.А. Артеменко-Толстой. СПб.: Симпозиум, 2000. 832 с.

Набоков В. Полное собрание рассказов / Сост., примеч. А. Бабилова. СПб.: Азбука, 2016. 752 с.

Набоков В. Взгляни на арлекинов! / Пер. с англ., примеч. А. Бабилова. СПб.: Азбука, 2016. 352 с.

Набоков В. Письма к Вере / Комментар. О. Ворониной и Б. Бойда. М.: Колибри, 2018. 704 с.

Appel A., Jr. “Ada” Described // Nabokov. Criticism, reminiscences, translations and tributes / Ed. Alfred Appel, Jr. & Charles Newman. London: Weidenfeld and Nicolson, 1971. P. 160–186.

Blackwell S.H. The Quill and the Scalpel. Nabokov’s Art and the Worlds of Science. Columbus: The Ohio State University Press, 2009. 276 p.

Boyd B. “Ada” // The Garland Companion to Vladimir Nabokov / Ed. V.E. Alexandrov. New York & London, 1995. P. 3–18.

Cancogni A. Nabokov and Chateaubriand // The Garland Companion to Vladimir Nabokov / Ed. V.E. Alexandrov. New York & London, 1995. P. 382–388.

Nabokov Véra [A Letter to the Editor] / New items and work in progress // The Vladimir Nabokov Research Newsletter / Ed. S.J. Parker. 1984. № 12. P. 3–15.

Nabokov V. Lectures on Literature / Ed. F. Bowers. New York & London: Harcourt Brace Jovanovich, 1982. 385 p.

Nabokov V. Selected Letters. 1940–1977 / Ed. D. Nabokov and M.J. Bruccoli. San Diego et al.: Harcourt Brace Jovanovich, 1989. 582 p.

Nabokov V. Novels 1969–1974 / Ed. B. Boyd. New York: The Library of America, 1996. 825 p.

Rivers J.E., Walker W. Nabokov’s *Ada* // The Explicator. 1978. Vol. 36 (Issue 2). P. 7–8.

Think, Write, Speak. Uncollected Essays, Reviews, Interviews and Letters to the Editor by Vladimir Nabokov / Ed. B. Boyd and A. Tolstoy. New York: Alfred A. Knopf, 2019. 532 p.

References

Appel A., Jr. “Ada” Described. *Nabokov. Criticism, reminiscences, translations and tributes*, ed. Alfred Appel, Jr. & Charles Newman. London, Weidenfeld and Nicolson, 1971, pp. 160–186.

Babikov A. *Prochtenie Nabokova. Izyskania i materialy* [Perusing Nabokov. Studies and materials]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2019. 816 p. (In Russ.)

Blackwell S.H. *The Quill and the Scalpel. Nabokov's Art and the Worlds of Science*. Columbus, The Ohio State University Press, 2009. 276 p.

Boyd B. “Ada”. *The Garland Companion to Vladimir Nabokov*, ed. V.E. Alexandrov. New York & London, 1995, pp. 3–18.

Boyd B. “Ada” Nabokova: mesto soznania [Nabokov’s Ada: The place of consciousness], transl. G. Kreimer. St. Petersburg, Symposium Publ., 2012. 480 p. (In Russ.)

Boyd B. *Vladimir Nabokov. Amerikanskie gody. Biografiya* [Vladimir Nabokov. The American years. A biography]. St. Petersburg, Symposium Publ., 2010. 950 p. (In Russ.)

Cancogni A. Nabokov and Chateaubriand. *The Garland Companion to Vladimir Nabokov*, ed. V.E. Alexandrov. New York & London, 1995, pp. 382–388.

Nabokov V. *Lectures on Literature*, ed. F. Bowers. New York & London, Harcourt Brace Jovanovich, 1982. 385 p.

Nabokov V. *Novels 1969–1974*, ed. B. Boyd. New York, The Library of America, 1996. 825 p.

Nabokov V. Pis'ma k Vere [Letters to Véra], comment. O. Voronina and B. Boyd. Moscow, Kolibri Publ., 2018. 704 p. (In Russ.)

Nabokov V. *Polnoe sobranie rasskazov* [Collected stories], ed., comment. A. Babikov. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2016. 752 p. (In Russ.)

Nabokov V. *Selected Letters. 1940–1977*, ed. D. Nabokov and M.J. Bruccoli. San Diego et al., Harcourt Brace Jovanovich, 1989. 582 p.

Nabokov V. *Sobranie sochinenii russkogo perioda: v 5 t. T. 5* [Collected Russian works: in 5 vols. Vol. 5], ed. N.I. Artemenko-Tolstoi. St. Petersburg, Symposium Publ., 2000. 832 p. (In Russ.)

Nabokov V. *Vzgliani na arlekinov!* [Look at the Harlequins!], transl., comment. A. Babikov. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2016. 352 p. (In Russ.)

Nabokov Véra. [A Letter to the Editor] New items and work in progress. *The Vladimir Nabokov Research Newsletter*, ed. S.J. Parker, 1984, no. 12, pp. 12–13.

Rivers J.E., Walker W. Nabokov’s “Ada”. *The Explicator*, 1978, vol. 36 (issue 2), pp. 7–8.

Think, Write, Speak. Uncollected Essays, Reviews, Interviews and Letters to the Editor by Vladimir Nabokov, ed. B. Boyd and A. Tolstoy. New York, Alfred A. Knopf, 2019. 532 p.

Ada's Penmanship

To the publication of an excerpt from the Russian translation of Nabokov's novel

© 2020, Andrei Babikov

Abstract: The material offered to the readers is a translation into Russian, with extensive notes, of an excerpt from the First Part of Vladimir Nabokov's novel *Ada, or Ardor: A Family Chronicle* (1969). The published material consists of a translator's Preface, five chapters from the novel, notes by V.V. Nabokov and the translator's annotations. The Preface to the publication describes the creative and biographical circumstances of the creation of one of the most significant and controversial novels of the twentieth century, and indicates the sources of its conception, which goes back to the English short story of Nabokov *Time and Ebb* (1944), and considers its formal peculiarities. The Preface outlines the basic principles of *Ada's* poetics, which distinguish it from the number of other works of the outstanding master and innovator of prose and affect it's readers perception, such as: deliberate complexity of the narrative technique and an unprecedented variety of language tools used by Nabokov. The author of the Preface draws attention to the fact that the subtitle of the novel, indicating that it belongs to the genre of family chronicles, serves as one of the elements of Nabokov's game poetics, since the classical tradition becomes the subject of parody in *Ada*. The novel is considered by the author of the Preface and translator of *Ada* as a grand compendium of European literature of Modern period, as an experiment in combining many varieties of the novel, from pastoral and Enlightenment utopian fiction of the 16–17 centuries to the *Nouveau roman* of the 1950s and 1960s. The new Russian version of Nabokov's most untranslatable novel took into account detailed annotations (in progress) by B. Boyd, works by A. Appel, Jr., and other researches, observations by one of the German translators of *Ada*, D. Zimmer, and the text of the French translation of the novel, which was prepared under Nabokov's supervision. The Preface to the publication and the translator's annotations involve archival material, in particular the draft of several chapters of the Russian translation of *Ada*, prepared by Véra Nabokov.

Keywords: Vladimir Nabokov, creative biography, Russian translation of English works by Nabokov, *Ada's* conception, historical and literary commentary.

Information about the author: Andrei Babikov, Senior Researcher, Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad, Moscow, Russia. E-mail: andreybabikov1@gmail.com

Citation: Babikov Andrei. *Ada's Penmanship*. To the publication of an excerpt from the Russian translation of Nabokov's novel. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 2 (16), pp. 8–67. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-8-67

АКАДЕМИЧЕСКИЙ БУНИН

DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-68-79

УДК 821.161.1

Проза И.А. Бунина. Выбор основного текста (к постановке вопроса)*

© 2020, Т.М. Двинятина, С.Н. Морозов

Аннотация: Статья посвящена проблеме основного текста прозы И.А. Бунина, который должен быть положен в основу научного Полного собрания сочинений писателя. Этот вопрос наиболее проработан по отношению к поэзии Бунина, изучение текстологии прозы писателя только начинается. Многоступенчатая работа Бунина со своими произведениями, которая велась до и после их выхода в свет, заставляет выработать такие способы подачи текста, которые учитывали бы и собственную работу автора с ним, и отражение произведения в истории литературы и сознании современных ему читателей и критиков. В статье, представляющей собой первый общий очерк на данную тему, обсуждаются различные варианты решения этой проблемы. Рассмотрены четыре группы прозаических произведений писателя (ранние, дореволюционные, эмигрантские, не напечатанные автором), и изложены методы выбора основного текста по отношению к каждой группе. Обосновывается структура томов будущего научного собрания сочинений писателя. Выявлены проблемные вопросы датировок рассказов Бунина в связи с их хронологическим местом в будущем научном издании и относительно выбора основного текста данных произведений. В результате изложены основные принципиальные методы выбора основного текста прозы в научном Полном собрании сочинений И.А. Бунина. В статье подчеркивается, что выполнить последнюю творческую волю автора в связи с незавершенностью его работы со своим наследием (отбор произведений для будущих изданий, несогласованная правка) невозможно.

Ключевые слова: И.А. Бунин, архивные материалы, текстология, выбор основного текста, собрание сочинений

Информация об авторах: Татьяна Михайловна Двинятина, д.ф.н., ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия; старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия. E-mail: tatiana.dvinyatina@gmail.com

---

* Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 17-18-01410-П «Академический Бунин. Источниковедение, текстология, методология»).

Сергей Николаевич Морозов, к.ф.н., старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия. E-mail: morozov.sn@yandex.ru

Цитирование: *Двнятина Т.М., Морозов С.Н.* Проза И.А. Бунина. Выбор основного текста (к постановке вопроса) // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 68–79. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-68-79

Одним из самых существенных, если не главным, вопросом подготовки Полного научного собрания сочинений И.А. Бунина является вопрос о выборе основного текста его произведений. Случай Бунина особый в истории текстологии. Бунин всю свою долгую творческую жизнь очень внимательно относился к своим произведениям, правил их перед каждой новой публикацией, до конца жизни продолжал вносить правку в рабочие экземпляры своих книг и собрания сочинений (главным образом, в тома собрания сочинений 1934–1936 гг. издательства «Петрополис» и «нивское» собрание сочинений 1915 г.¹).

Как показала работа с поэтическим наследием Бунина², правка автором своих текстов шла не только до, но и после выхода в свет его важнейших изданий, она велась в разные годы, но сразу в нескольких экземплярах одних и тех же томов и не была сведена к единому варианту для всех текстов. В результате как минимум каждое восьмое стихотворение, включенное в основной корпус, не имеет итоговой версии, и уже одно это делает невозможным воплощение в научном издании принципа последней авторской воли. Поэтому относительно стихотворений Бунина было принято решение о выборе в качестве основного текста последней / главной прижизненной публикации (прежде всего названных выше собраний сочинений и далее по другим изданиям). От этого правила были сделаны единичные и строго определенные отступления, но, за исключением нескольких текстов, генеральный принцип выбора текста оказалось возможным провести через всё издание и, значит, через всю лирику Бунина.

¹ *Бунин И.А.* Собрание сочинений: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1934–1936; *Бунин И.А.* Полное собрание сочинений: В 6 т. Пг.: Изд-во т-ва А.Ф. Маркс, 1915. (Прилож. к ж. «Нива»).

² *Бунин И.А.* Стихотворения: В 2 т. / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двнятиной. СПб., 2014. (Новая Библиотека поэта).

Относительно прозы Бунина — самого значительного сегмента его творческого наследия — вопрос об основном тексте приходится решать заново. В последнее время появилось несколько значительных работ по текстологии конкретных произведений³. В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть вопрос выбора основного текста в прозе Бунина в целом. Какой бы долгой, пестрой и запутанной ни была история работы автора со своими произведениями, сколько бы текстологических задач он ни оставил своим издателям, в выработке основ научного издания стоит стремиться к максимально ясному и внутренне непротиворечивому представлению его наследия, к определению тех принципов подачи текстов, которые были бы применимы если не ко всем произведениям, то, во всяком случае, к хронологически и жанрово близким группам произведений, отвечали бы тем установкам, которые автор принимал в момент создания произведений и работы над ними, и не входили бы в конфликт с тем текстом, который стал явлением в истории культуры и литературной критики.

Применительно к Бунину перед издателями стоит прежде всего два вопроса: какой текст считать основным и как учитывать позднюю правку автора, имея в виду ее градации от замены отдельных слов до существенных сокращений и изменений композиции произведения. Вслед за ними отдельным, важнейшим вопросом встает вопрос о датировках тех произведений, к которым автор по несколько раз возвращался в разные годы, и, следовательно, о расположении и порядке текстов в издании.

---

³ Морозов С.Н. «Окаянные дни» И.А. Бунина: к истории текста // Текстологический временник: Вопросы текстологии и источниковедения. М., 2012. Кн. 2. С. 302–311; Морозов С.Н. Проблема датировки прозы И.А. Бунина // Литературный факт. 2017. № 4. С. 317–325; Пономарев Е.Р. От «Жизни Арсеньева» к «Темным аллеям»: Эмигрантское творчество И.А. Бунина в свете последних текстологических изысканий // Русская литература. 2017. № 4. С. 228–238; Морозов С.Н. Рассказ И.А. Бунина «Роза Иерихона». История текста // Сборник Матице Српске за славистику. Белград, 2018. Т. 94. С. 153–158; Бунин И.А. Рассказы круга «Темных аллея»; «Смерть в Ялте»; Отдельные наброски; «Путешествия на Цейлон»; Наброски, тематически близкие роману «Жизнь Арсеньева»; Наброски, тематически близкие книге «Темные аллея»; Наброски, тематически близкие книге «Воспоминания» / Подгот. текста, предисл. и примеч. Е.Р. Пономарева // И.А. Бунин. Новые исследования и материалы: В 4 кн. Кн. 1 / Ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. М., 2019. С. 79–322. (Литературное наследство. Т. 110); Морозов С.Н. Текстология рассказа И.А. Бунина «Антоновские яблоки» // Творчество И.А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология) / Ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. М., 2019. С. 704–727. (Академический Бунин; вып. 1) и др.

Этот вопрос, в свою очередь, выводит нас на проблему общей структуры Полного собрания сочинений.

В свете обозначенных задач всё прозаическое наследие Бунина можно условно поделить на четыре группы: 1) ранние произведения, которые были опубликованы только один-два раза или вообще не публиковались автором; 2) доэмигрантские произведения, которые Бунин неоднократно публиковал в России, а большую их часть значительно исправлял и вновь публиковал в эмиграции; 3) эмигрантские произведения, публиковавшиеся автором несколько раз с соответствующей правкой; 4) эмигрантские произведения, которые остались неопубликованными при жизни Бунина.

Первая группа нам представляется наименее противоречивой, т.к. ранние прозаические произведения имеют один текст: автограф для неопубликованных произведений или одну (иногда 2–3) публикацию текста, который не имеет автографа. Таковы 23 рассказа, написанные в 1887–1902 гг.

Вторая группа произведений является наиболее спорной и сложной, т.к. в нее входят доэмигрантские рассказы и повести, которые Бунин неоднократно печатал в России, а большую их часть публиковал и в эмиграции. Именно для этой группы необходимо четкое и обоснованное решение по выбору основного текста и публикации других вариантов и редакций. В нее входит 95 произведений 1892–1919 гг., из которых 80 произведений 1894–1919 гг. Бунин печатал в эмиграции после внесения значительной правки. Следует подчеркнуть, что если произведения 1894–1906 гг. публиковались писателем в эмиграции выборочно, то произведения 1907–1919 гг. были напечатаны в эмиграции все без исключения.

Главная проблема с произведениями второй группы состоит в том, что для них следует выработать свой принцип отбора основного текста. Он должен учитывать, в частности, актуальный литературный и общественный контекст, в котором эти произведения выходили в свет: многие из них становились явлениями, обращающими на себя особое внимание критики и читателей. Это относится, например, к центральному произведению дореволюционного творчества Бунина — повести «Деревня», которая была закончена и опубликована в 1910 г. До революции повесть печаталась четыре раза, в эмиграции — два раза. Произведение стало событием не только в творчестве Бунина, но и в русской литературе и общественной жизни в целом. В эми-

графии Бунин значительно сократил и во многом переработал «Деревню». Таким образом, мы имеем две редакции повести: дореволюционную и эмигрантскую. Возникает вопрос: какой текст выбрать в качестве основного? Если следовать принципу последней авторской воли, то в качестве основного надо выбирать текст Собрания сочинений (т. 2. Берлин, 1934). Если учитывать общественное и культурное значение произведения в той исторической ситуации, в которой оно вышло в свет, то в качестве основного текста надо выбрать редакцию Полного собрания сочинений (1915). В первом случае дореволюционная редакция должна быть полностью напечатана в разделе «Другие редакции и варианты», а во втором случае в этот раздел попадает редакция эмигрантская, более поздняя.

Та же ситуация с повестью «Суходол» (1911): она три раза была напечатана в России, два раза — в эмиграции, и в эмигрантской редакции текст претерпел значительные изменения.

Можно сказать, что это относится почти ко всем произведениям второй группы, которые печатались позднее за границей. При переиздании их в эмиграции Бунин прежде всего значительно сокращал текст, частично перерабатывал его, и в результате получалась новая редакция. Это наглядно видно и на примере раннего рассказа «Антоновские яблоки» (1900)⁴.

Нам представляется, что в отношении этой группы текстов следует принять неординарное решение (конечно, при условии возможных исключений): для рассказов и повестей 1894–1919 гг., переиздававшихся автором в эмиграции, в качестве основного текста выбирается последняя авторская публикация в данных хронологических рамках (в большинстве случаев это текст «ниевского» собрания сочинений 1915 г.), а более поздние эмигрантские варианты и редакции этих произведений публикуются в соответствующем разделе приложения. Такое решение позволит поместить в качестве основного текста то произведение, которое было написано в конкретный исторический период. В эмиграции автор придавал этим рассказам и повестям несколько другие черты и характеристики, изменял композицию и настроение произведений, что отражалось и на их содержании, и на восприятии творчества Бунина современным читателем.

---

⁴ Подробнее см.: *Морозов С.Н.* Текстология рассказа И.А. Бунина «Антоновские яблоки».

Третья группа, охватывающая только эмигрантские прозаические произведения Бунина, включает в себе отдельную проблему: при выборе основного текста конкретного рассказа встает вопрос о его месте в хронологическом ряду. Это хорошо видно на примере рассказа «Бернар», первая редакция которого была создана в 1927 г. Рассказ публиковался при жизни писателя пять раз, на каждом этапе Бунин вносил в текст небольшие исправления, но главные изменения касались финала. Авторская рефлексия, проецирующая образ героя на собственную жизнь, появилась только в публикации 1929 г. (Последние новости [Париж]. 1929, 17 марта): «Ах, если бы заслужить и себе право сказать в некий час то, что с такой радостной гордостью сказал, умирая, Бернар!». В первой публикации рассказа (Сегодня [Рига]. 1927, 12 июня) этой концовки нет. В сборнике «Божье древо» (Париж, 1931) концовка изменена: «Каждый, каждый из нас должен заслужить себе право сказать в некий час то, что с такой радостной гордостью сказал, умирая, Бернар». В Собрании сочинений (Т. 9. Берлин, 1935) концовка сокращена: «Каждый, каждый из нас должен заслужить себе право сказать в некий час так, как сказал, умирая, Бернар». В последней прижизненной публикации рассказа в сборнике «Весной в Иудее. Роза Иерихона» (Нью-Йорк, 1953) концовка полностью изменена: «Мне кажется, что я, как художник, заслужил право сказать о себе, в свои последние дни, нечто подобное тому, что сказал, умирая, Бернар» (авторская дата под текстом: 1952 г.).

Таким образом, в хронологическом ряду рассказ «Бернар» должен стоять среди произведений 1927 г., но в редакции 1952 г. его никак нельзя поставить на это место из-за вышеприведенной концовки. Во всех современных изданиях произведений Бунина этот рассказ всегда замыкает раздел художественной прозы и имеет одну дату: 1952 г. Как видим, эта датировка некорректна. Рассказ «Бернар» должен размещаться по дате написания (1927) с широкой датировкой: 1927–1952. Но тогда возникает вопрос: в какой редакции — 1929, 1931 или 1935 г.? Думается, что для данного рассказа необходимо в качестве исключения принять индивидуальное решение: в основной текст поместить редакцию 1935 г. из Собрания сочинений, а в разделе вариантов привести концовку 1952 г.

Для текстов наподобие рассказа «Цикады» (1925), имеющих несколько редакций (черновую, журнальную и книжную), можно применить классическую методику: основной текст —

последняя редакция Собрания сочинений (Т. 9. Берлин, 1935), черновая редакция полностью публикуется в разделе редакций, а разночтения между журнальной и книжными редакциями приводятся в разделе вариантов.

Проблему выбора основного текста придется решать и для такого сложного в этом отношении произведения, как «Окаянные дни». У художественного дневника Бунина две редакции: газетная (печаталась в газете «Возрождение» в 1925–1927 гг.) и книжная (Собрание сочинений. Т. 10. Берлин, 1935). Для Собрания сочинений Бунин отредактировал произведение, местами смягчил оценки и критические пассажи и, конечно, сократил текст. В этом случае можно поступить по-разному, в зависимости от принятого правила выбора основного текста для всей прозы писателя. Скорее всего, и к этому произведению будет применена классическая методика — в качестве основного текста будет избрана книжная редакция.

Четвертая группа — неопубликованные при жизни Бунина произведения — особых сложностей не вызывает. Источником основного текста в таких случаях является наиболее репрезентативный автограф, при необходимости дополняемый в приложении разночтениями, зафиксированными в других архивных материалах.

В целом, как мы увидели, проблема выбора основного текста для прозы Бунина стоит довольно остро. Решение ее должно быть в нескольких плоскостях. Думается, в целом для будущего научного Полного собрания сочинений Бунина можно принять следующее общее текстологическое положение: в качестве основного текста выбирается последняя авторская публикация прозаических произведений, неопубликованные автором ранние и поздние произведения печатаются по сохранившимся автографам. Из этого правила делается исключение для текстов, написанных в 1894–1919 гг. и переиздававшихся автором в эмиграции: основной текст для этих рассказов и повестей дается по последней доэмигрантской авторской публикации, а разночтения с более поздними эмигрантскими редакциями приводятся в соответствующем разделе.

В структуре издания этот принцип может быть выражен более дробной организацией раздела «Другие редакции и варианты». Для текстов второй и, видимо, отчасти третьей группы в этот раздел, помимо ранних версий текста (что обычно подразумевается в этой части собрания), отдельной рубрикой

следует включить поздние «постредакции» уже прозвучавших в литературе и впоследствии переработанных или просто исправленных автором произведений. Они, в свою очередь, будут члениться на те, которые были напечатаны при жизни Бунина, и те, которые остались только в его рабочих экземплярах томов (в случае, если авторская правка привела к созданию новой редакции произведения). Выделять ли эту рубрику в отдельный раздел в составе приложений или печатать «постредакции» в одном хронологическом ряду с более ранними, предшествующими основной редакции версиями текста, — на этот вопрос можно будет ответить после фронтальной сверки всех редакций всех прозаических произведений Бунина.

Наконец, еще один существенный вопрос, связанный с выбором основного текста: включать ли в основной текст позднейшую правку Бунина из его рабочих экземпляров книг и томов Собрания сочинений 1934–1936 гг. (Петрополис). В данном случае речь идет о той правке, которая касалась отдельных фрагментов текста и не приводила к созданию новой редакции. Но как при позднейшем обращении Бунина к своим прежним стихам, так и при его неоднократной корректировке своих прозаических произведений эта правка часто оставалась несогласованной, не сведенной воедино по разным рабочим экземплярам одних и тех же томов. И даже если бы эта правка была проведена Буниным согласованно, включение ее в основной текст произведения привело бы к созданию такого варианта текста, который на определенном (позднем) этапе был только фактом самосознания автора, но так и не стал фактом истории литературы. Исходя из этого, мы полагаем, что всю подобную правку Бунина следует приводить именно в разделе вариантов.

Проблема выбора основного текста и оставленные Буниным указания насчет его будущих изданий тесно связаны с общей структурой Полного собрания сочинений и композицией отдельных его томов. Как известно, в своих литературных завещаниях Бунин просил не печатать его ранние произведения, а ввести в будущее Собрание сочинений только те произведения, которые включены в Собрание сочинений (Петрополис), книгу «Темные аллеи», отдельно перечисленные им сочинения и переводы. В Полном собрании сочинений осуществить это пожелание невозможно, в него по определению входят все известные произведения писателя.

В самой структуре и композиции томов можно было бы дать представление о том, каким именно составом текстов Бунин хотел войти в историю литературы и каково было его отношение к своим произведениям, когда он задумывался о своем наследии в целом. В таком случае том будущего собрания сочинений мог бы состоять из двух разделов: 1) сочинения, включенные Буниным в будущее Собрание сочинений, 2) сочинения, не вошедшие в Собрание сочинений. Но даже при таком подходе точного соблюдения воли автора в рамках первого раздела достичь не удастся: в конце жизни, отбирая произведения для посмертного издания, Бунин не закончил работу по определению его состава. В рабочих экземплярах томов Собрания сочинений (Петрополис), Полного собрания сочинений (Пг., 1915), отдельных сборников не только правка, но и отбор текстов разнятся; относительно некоторых произведений Бунин колебался — включал то или иное произведение, затем мог отменить свое решение и вновь к нему вернуться.

Следует напомнить, что в Собрание сочинений (Петрополис) Бунин включил прозу только 1907–1933 гг. Лишь в «литературном завещании» 1951 г. он обратил внимание на более раннюю прозу и ввел в будущее собрание сочинений отдельные рассказы 1894–1909 гг., точно указав их заглавия. Однако относительно поздних рассказов, оставшихся неопубликованными, такой точности в завещании нет. При этом он добавил: «Всё — и стихи и проза, — что я не ввожу в *это* собрание моих сочинений, напечатать, *если это нужно, как приложение к нему*»⁵.

Здесь может быть два варианта решения вопроса: для поэзии (т.к. в ней нет согласованного отбора) давать в первом разделе все стихотворения, печатавшиеся Буниным в его сборниках и собраниях сочинений, а для прозы — отобранные автором произведения по завещанию. Однако это решение внесет некоторый разнобой в структуру будущего научного собрания сочинений писателя, которая должна подчиняться единым принципам. Поэтому в Полном собрании сочинений Бунина, на наш взгляд, надо принять за основу следующее деление основных текстов произведений писателя: 1) произведения, вошедшие в авторские издания, 2) произведения, не вошедшие в авторские издания (за ними могут следовать раз-

⁵ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. / Под общ. ред. А.С. Мясникова, Б.С. Рюрикова, А.Т. Твардовского. Т. 9. М., 1967. С. 483.

дела неопубликованных, неоконченных произведений и т.д.). Надо отметить, что относительно прозы это деление коснется только рассказов 1887–1903 гг. Все остальные рассказы и повести включались Буниным в авторские издания, за исключением отдельных 17 рассказов 1925–1944 гг., появившихся только в периодике. Оставшиеся в архиве Бунина 16 рассказов 1943–1946 гг., не публиковавшиеся при жизни писателя, также войдут во второй раздел соответствующего тома.

Вырабатывая принципы научного собрания сочинений Бунина, следует подчеркнуть, что невозможность выполнить волю автора обусловлена прежде всего нечеткостью ее выражения, незавершенностью работы писателя со своим наследием. Это обстоятельство резонирует с историческим принципом, согласно которому произведения того или иного автора появлялись и прочитывались в конкретном историческом и литературном контексте, получали те или иные отклики современников, становились фактами литературного процесса определенного времени. Научное собрание сочинений призвано представить не только и не столько ту картину, которую автор хотел составить в конце своей жизни, но прежде всего ту, которая создавалась им на протяжении всей его творческой биографии и которой он объективно остался в истории литературы.

Настоящая статья призвана поставить сложные, неоднозначные вопросы бунинской текстологии прозы и предложить возможные пути их решения в целом. Безусловно, при непосредственном начале работы над подготовкой Полного собрания сочинений Бунина будут возникать другие, более частные проблемы, требующие индивидуального подхода к их решению. Но неизбежные будущие уточнения (и, возможно, исключения из очерченных здесь правил) не могут заслонить ясно сознаваемой необходимости: принципы будущего научного издания должны учитывать всё многообразие работы Бунина со своими текстами, быть точными, последовательными и едиными для всего собрания.

Литература

Бунин И.А. Стихотворения: В 2 т. / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двнятиной. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Вита Нова, 2014. (Новая Библиотека поэта).

Бунин И.А. Рассказы круга «Темных аллей»; <Смерть в Ялте>; Отдельные наброски; <Путешествия на Цейлон>; Наброски, тематически близкие роману «Жизнь Арсеньева»; Наброски, тематически близкие книге «Темные аллей»; Наброски, тематически близкие книге «Воспоминания» / Подгот. текста, предисл. и примеч. Е.Р. Пономарева // Литературное наследство. Т. 110: И.А. Бунин. Новые исследования и материалы. В 4 кн. Кн. 1 / Ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 79–322.

Морозов С.Н. «Окаянные дни» И.А. Бунина: к истории текста // Текстологический временник. Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 302–311.

Морозов С.Н. Проблема датировки прозы И.А. Бунина // Литературный факт. 2017. № 4. С. 317–325.

Морозов С.Н. Рассказ И.А. Бунина «Роза Иерихона». История текста // Сборник Матице Српске за славистику. Т. 94. Белград: Нови Сад, 2018. С. 153–158.

Морозов С.Н. Текстология рассказа И.А. Бунина «Антоновские яблоки» // Творчество И.А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология) / Ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. М.: Литфакт, 2019. С. 704–727. (Академический Бунин. Вып. 1).

Пономарев Е.Р. От «Жизни Арсеньева» к «Темным аллеям»: Эмигрантское творчество И.А. Бунина в свете последних текстологических изысканий // Русская литература. 2017. № 4. С. 228–238.

References

Bunin I.A. *Stikhotvoreniia* [Poems], in 2 vols., intro., comp., ed., comment. T.M. Dvinyatina, series: Novaia Biblioteka poeta. St. Petersburg, Pushkin House Publ., Vita Nova Publ., 2014. (In Russ.)

Bunin I.A. Rasskazy kruga “Temnykh allei”; <Smert’ v Ialte>; Otdel’nye nabroski; <Puteshestviia na Tseilon>; Nabroski, tematicheski blizkie romanu “Zhizn’ Arsen’eva”; Nabroski, tematicheski blizkie knige “Temnye allei”; Nabroski, tematicheski blizkie knige “Vospominaniia” [Stories of the “Dark alleys” circle; <Death in Yalta>; Individual sketches; <Travels to Ceylon>; Sketches thematically close to the novel “Life of Arsenyev”; Sketches thematically close to the book “Dark alleys”; Sketches thematically close to the book “Memoirs”], ed., intro., comment. E.R. Ponomarev. *Literaturnoe nasledstvo. T. 110: I.A. Bunin. Novye issledovaniia i materialy* [Literary heritage. Vol. 110: I.A. Bunin. New studies and materials], in 4 books, book 1, ed. O.A. Korostelev, S.N. Morozov. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2019, pp. 79–322. (In Russ.)

Morozov S.N. “Okaiannye dni” I.A. Bunina: k istorii teksta [“Damned days” by I.A. Bunin: on the text history]. *Tekstologicheskii vremennik. Voprosy tekstologii i istochnikovedeniia* [Textology chronicle. Text criticism and source study issues], book 2. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2012, pp. 302–311. (In Russ.)

Morozov S.N. Problema datirovki prozy I.A. Bunina [The issue of dating I.A. Bunin’s prose]. *Literaturnyi fakt*, 2017, no. 4, pp. 317–325. (In Russ.)

Morozov S.N. Rasskaz I.A. Bunina “Roza Ierikhona”. Istoriia teksta [I.A. Bunin’s short story “The Rose of Jericho”. Text history]. *Zbornik Matitse Srpske za slavistiku*, vol. 94. Belgrad, Novi Sad Publ., 2018, pp. 153–158. (In Russ.)

Morozov S.N. Tekstologiiia rasskaza I.A. Bunina “Antonovskie iabloki” [Text criticism of I.A. Bunin’s short story “Antonovka apples”]. *Tvorchestvo I.A. Bunina v istoriko-literaturnom kontekste (biografiia, istochnikovedenie, tekstologiiia)* [I.A. Bunin’s

works in historical and literary context (biography, source study, text criticism)], eds. O.A. Korostelev, S.N. Morozov, series: Akademicheskii Bunin, issue 1. Moscow, Litfakt Publ., 2019, pp. 704–727. (In Russ.).

Ponomarev E.R. Ot “Zhizni Arsen’eva” k “Temnym alleiam”: Emigrantskoe tvorchestvo I.A. Bunina v svete poslednikh tekstologicheskikh izyskaniĭ [From “Arseniev’s Life” to “Dark Alleys”: Bunin’s émigré works in the light of recent textual research]. *Russkaia literatura*, 2017, no. 4, pp. 228–238. (In Russ.)

Ivan Bunin’s prose works. An approach to the choice of copy texts for a critical edition

© 2020, Tatiana Dvinyatina, Sergey Morozov

Abstract: This article discusses the choice of copy texts to serve as the basis of a critical edition of Ivan Bunin’s prose works. The issue of choosing copy texts has been most thoroughly dealt with in regard to Bunin’s poetry, while the text criticism of his prose works is still at an early stage. The multiple stages Bunin’s works went through both before and after their publication require methods of presenting his texts to be elaborated which take into consideration both his own work on them and their impact on literary history and on contemporary readers and critics. The present article embodies a first general approach to this subject and outlines a variety of possible solutions to the problems raised. Four groups of Bunin’s prose works are examined — those from his early, pre-revolutionary and émigré periods, and those he left unpublished — and an approach to choosing copy texts for each group is explained. A suitable volume structure in a future critical edition of Bunin’s works is described. Problems posed by the correct dating of Bunin’s stories are analyzed in relation to their chronological position within a future critical edition and the choice of copy texts for them. The basic principles underlying the choice of copy texts of Bunin’s prose for a complete scholarly critical edition of his works are presented in conclusion. The article emphasizes that it is impossible to fulfill the last creative will of the author due to the incompleteness of his work with his legacy (selection of works for future editions, uncoordinated editing).

Keywords: Ivan Bunin, archive material, text criticism, choice of copy text, collected works.

Information about the authors: Tatiana Dvinyatina, Doctor of Philology, Senior Research Associate, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia. Senior Research Associate, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: tatiana.dvinyatina@gmail.com

Sergey Morozov, PhD, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: morozov.sn@yandex.ru

Citation: Dvinyatina Tatiana, Morozov Sergey. Ivan Bunin’s prose works. An approach to the choice of copy texts for a critical edition. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 2 (16), pp. 68–79. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-68-79

DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-80-92
УДК 821.161.1

История русской литературы XIX — начала XX веков глазами И.А. Бунина (один лист неопубликованной записной книжки)*

© 2020, Е.Р. Пономарев

Аннотация: Статья представляет собой развернутый комментарий к одному листу из неопубликованной записной книжки И.А. Бунина (1944). На этом листе перечислены фамилии писателей, поэтов и критиков-издателей времен бунинской молодости. По мнению автора статьи, это перечисление дает значительно больше объективной информации о осознаваемых Буниным влияниях на собственное раннее творчество, чем все опубликованные писателем автобиографические заметки и воспоминания. В списке прозаиков преобладают авторы-народники (со многими из них он познакомился через брата, Ю.А. Бунина) и близкие им писатели, считавшиеся «прогрессивными». В списке поэтов авторы «чистого искусства» соединяются с поэтами «гражданской скорби», членами Суриковского кружка и некоторыми старшими символистами. Список критиков и издателей вновь возвращает нас к народничеству. В статье делается вывод о том, что здесь мы видим попытку объективной литературной автобиографии, в отличие от таких официальных автобиографических текстов, как «Воспоминания».

Ключевые слова: Бунин, архив писателя, народники, символизм, модернизм, литературные влияния

Информация об авторе: Евгений Рудольфович Пономарев, д.ф.н., ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН, Москва, Россия; профессор, СПбГИК, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: eronomarev@mail.ru

Цитирование: *Пономарев Е.Р.* История русской литературы XIX — начала XX веков глазами И.А. Бунина (один лист неопубликованной записной книжки) // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 80–92. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-80-92

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00290А «И.А. Бунин: Новые материалы и исследования (подготовка 3-й книги тома в серии “Литературное наследство”)» в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Исследователи неоднократно отмечали, что «Воспоминания» И.А. Бунина (а также его более ранние тексты литературно-автобиографического характера) крайне выборочно представляют литературные связи и знакомства писателя. Причин этому немало, но главные — идейная ангажированность воспоминаний и модернистская природа текста¹. Например, в эмигрантские годы Бунин нечасто вспоминал о том, что в 1890-е гг. был своим человеком в народнических журналах (благодаря характерной народнической оркестровке прозаических текстов и авторитету старшего брата Юлия), считая народническое движение одним из факторов разрушения России. Столь же редко он упоминал о сотрудничестве в изданиях раннего символизма и приятельских отношениях, связывавших его в молодости с В.Я. Брюсовым, К.Д. Бальмонтом и другими литературными деятелями символистского лагеря. Символизм и декантенство были осуждены писателем в «Воспоминаниях» за разрушение традиционной литературной культуры, открывшее дорогу революционной пропаганде. Наконец, Бунин не любил писать в эмигрантский период о дружеских отношениях с М. Горьким, широким горьковским кругом и разного рода «подмаксимовиками», в число которых Бунин частично включал и так называемых писателей из народа.

Совершенно иной вариант воспоминаний о литературной молодости (включая характеристику эпохи) набросан Буниным в записной книжке, основной корпус записей которой относится к 1944 г.² Этот набросок представляет собой перечисление фамилий прозаиков (первые два абзаца), поэтов (третий абзац), издателей и теоретиков литературы (четвертый абзац). В списке как личные знакомые Бунина, так и те литературные деятели, с которыми он никогда не встречался. Никаких комментариев нет (если не считать традиционной для позднего Бунина жалобой: все мои современники давно в могиле).

Вот эта запись:

Салов, Наумов, Нефедов, Златовратский, Коронин, Гл. Успенский, Н. Успенский, Каразин, Гаршин, Альбов...

¹ Подробнее см.: Пономарев Е.Р. Преодолевший модернизм: Творчество И.А. Бунина эмигрантского периода. М., 2019. С. 139–158.

² Записные книжки Бунина, как и наброски, часто представляют собой записи, переписанные с более ранних бумаг. Некоторые записи и этой книжки, вероятно, были созданы ранее. Цитируемая запись без сомнения относится к 1944 г.

Короленко, Елпатьевский, Чехов, Потапенко, Серошевский, Мамин, Тихонов, Луговой, Будищев, Михеев, Федоров, Козырев, Баранцевич, Эртель.

Майков, Фет, Полонский, Случевский, Жемчужников, Голен<ищев>-Кутузов, Надсон, Минский, Фруг, Льдов, Фофанов, Гиппиус, Мережковский, Лохвицкая, Червинский, Лебедев, Коринфский, Медведев, Леонов, Белоусов, Ладыженский, Бальмонт, Брюсов, Сологуб...

Тихомиров, Скабичевский, Кривенко, Михайловский...

И уже ни одного, ни единого нет в живых! Чудовищно! Только Гиппиус³.

В первом абзаце перечислены «властители дум» эпохи бунинской молодости. Понятно, что это далеко не все авторы, которые оказали влияние на становление Бунина-писателя (интересно, что в списке нет Л.Н. Толстого и еще нескольких авторов первого ряда, безусловно актуальных и для Бунина-гимназиста, и для Бунина — начинающего писателя). Можно предположить, что в этот список изначально не внесены всеми признанные мэтры — те, кто с очевидностью оказал влияние на формирование Бунина. Преобладают в нем писатели народнического направления и так называемые прогрессивные писатели, которых молодой Бунин, надо думать, читал много — под влиянием старшего брата.

Помимо крупнейших писателей-народников Н.Н. Златовратского (1845–1911), С. Каронина (Н.Е. Петропавловского; 1853–1892), Г.И. Успенского (1843–1902) и его двоюродного брата Н.В. Успенского (1837–1889) — со Златовратским (единственным из перечисленных столпов народнической литературы, остальных он уже не застал) Бунин встречался в редакции журнала «Русское богатство»⁴, известен интерес молодого

³ РАЛ. MS 1066/548.

⁴ *Бунин И.А.* Собр. соч.: [В 11 т.] Т. 1. [Берлин]: Петрополис, 1936. С. 39. В дальнейшем ссылки на это издание в тексте: Петрополис, с указ. страниц. Златовратский не раз появлялся в писательской биографии Бунина. Так, в 1901 г. он (под псевдонимом Н. Оранский) рецензировал два ранних сборника Бунина, которому рецензия не понравилась; в 1909 г. Бунин и Златовратский были одновременно выбраны почетными академиками по разряду изящной словесности (См.: *Бунин И.А.* Письма 1885–1904 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; подгот. текстов и коммент. С.Н. Морозова, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М., 2003. С. 395, 668. В дальнейшем ссылки на это издание в тексте: Письма, с указ. страниц).

писателя к творчеству Г. Успенского⁵ и Н. Успенского⁶, менее очевиден интерес Бунина к Каронину-Петропавловскому, но и он объясним общим народническим контекстом, — в списке имеется несколько совсем не очевидных имен.

И.А. Салов (1834–1902) появился на литературном горизонте в конце 1850-х гг. — его повести и рассказы, в которых современники видели влияние «Записок охотника», помещались в крупнейших российских журналах, включая «Современник». В 1870-е гг. в «Отечественных записках» печатались его повести из деревенской жизни. В 1890-е гг. выходили сборники его рассказов и «Сочинения». По-видимому, что-то из этого Бунин прочитал и помнил в 1944 г. Жил Салов в Саратовской губернии, с 1895 г. тяжело болел (будучи прикованным к постели, продолжал диктовать новые сочинения), — вероятность личной встречи двух писателей ничтожна. Н.И. Наумов (1838–1901) — писатель из Сибири. В молодости, учась в Петербурге, входил в круг «Современника». С 1861 г. жил в разных сибирских городах. Его основные произведения посвящены жизни сибирского крестьянства в период Великих реформ. Вероятно, и его сочинения были Бунину знакомы. Интересно, что в 1897 г. (в № 2 журнала «Мир Божий») А.И. Богданович (подпись: А.Б.) рецензировал в одной статье Полное собрание сочинений Наумова, сборник рассказов Бунина, «Молох» А.И. Куприна и несколько других произведений. Филипп Диомидович Нефедов (1838–1902) был сыном крепостного крестьянина. Литературная известность пришла к нему в 1870-е гг. Основные произведения Нефедова — очерки фабричной жизни (самые известные — о быте ивановских ткачей). В 1881 г. его арестовали, после нескольких месяцев заключения (как и Юлия Бунина) выпустили под надзор полиции. С этим писателем и его женой молодой Бунин был знаком лично через старшего брата. Жена Нефедова Мария Константиновна как хорошая знакомая упоминается в письмах Ивана Юлию в 1888 г. (Письма. С. 12, 17, 20). И позднее молодой Бунин бывал у Нефедовых в Москве

⁵ См. в статье «О писательских обязанностях» (1921): «А вот Глеб Успенский, художник истинный, Божьей милостью» (*Бунин И.А.* Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М., 1998. С. 122).

⁶ Молодой Бунин посвятил Н. Успенскому несколько статей (К будущей биографии Н.В. Успенского // Орловский вестник. 1890. № 125, 31 мая. С. 2–3; перепеч.: *Бунин И.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1967. Т. 9. С. 495–501; Забытый человек // Русская жизнь. 1892. № 333, 9 дек. С. 2; перепеч.: Лит. наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 310–313).

(Письма. С. 546). С большой вероятностью книги Нефедова были рекомендованы младшему брату Юлием Буниным.

Среди имен В.М. Гаршина (1855–1888), М.Н. Альбова (1851–1911)⁷, В.Г. Короленко (1853–1921), С.Я. Елпатьевского (1854–1933)⁸, А.П. Чехова (1860–1904), И.Н. Потапенко (1856–1929) — из перечисленных писателей Бунин не был знаком только с Гаршиным — вновь выделяются неожиданные и малоизвестные. Н.Н. Каразин (1842–1908) был офицером, участником Среднеазиатских походов, затем стал художником-баталистом, иллюстратором художественных произведений и очень плодовитым прозаиком. В нескольких повестях Каразин рассказывает о завоевании Туркестана, его крупнейший роман «В пороховом дыму» посвящен войне Сербии за независимость. О личном знакомстве Бунина с Каразиным сведений не сохранилось, по-видимому, его упоминание связано с какими-то запомнившимися произведениями. В.Л. Серошевский (1858–1945) — польский писатель, получил литературную известность как автор сибирских рассказов и новелл (написаны по-польски во время ссылки в Якутию, многие переведены на русский язык автором), в дальнейшем он политэмигрант в Европе, в Мировую войну служил в легионах Пилсудского; после 1918 г. министр, член Сената, президент Польской Академии литературы. Можно, предположить, что для молодого Бунина Серошевский был писателем, близким Короленко — и тематически, и идейно.

Появление в списке Д.Н. Мамина-Сибиряка (1852–1912) понятно: с середины 1890-х гг. Бунин был с ним в приятельских отношениях. А вот фамилию Тихонов носило несколько литературных деятелей эпохи. Можно предположить, что это А.А. Тихонов (1853–1914), писавший под псевдонимом Луговой, — автор рассказов и повестей, редактор журнала «Нива», лауреат Пушкинской премии. Однако фамилии Тихонов и Лу-

⁷ О том, что он собирается читать Полное собрание сочинений Альбова, Иван сообщил брату Юлию в письме от 26.12.1888 (Письма. С. 20). В период сотрудничества в журнале «Северный вестник» Бунин, вероятно, читал и новейшие произведения этого автора: Альбов был официальным редактором журнала и редактором отдела беллетристики.

⁸ С его дочерью Людмилой (1881–1969; в первом браке Кулакова, во втором — баронесса Врангель) Бунин дружил с юности до последних лет жизни. Подробнее см.: И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. 3: «...Когда переписываются близкие люди». Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун / Сост., подгот. текста, науч. аппарат Е.Р. Пономарева и Р. Дэвиса; сопроводит. статьи Е.Р. Пономарева. М., 2014.

говой идут через запятую. Если запятая — не описка, можно вспомнить В.А. Тихонова (1857–1914), брата Тихонова-Лугового, — в молодости он был актером, затем стал прозаиком и драматургом. Впрочем, ни о каких контактах Бунина с этим Тихоновым, кроме того, что тот в 1892 г. отказался печатать стихотворение Бунина в журнале «Север», который редактировал (Письма. С. 512), не известно. С большей вероятностью это А.Н. Тихонов (псевд. Н. Серебров; 1880–1956) — участник многих издательских начинаний М. Горького, редактор журнала «Летопись» и газеты «Новая жизнь», в дальнейшем крупный советский литературный функционер (вероятно, Бунин в 1944 г. считал его умершим, но Тихонов пережил самого Бунина). С этим Тихоновым Бунин общался в 1910-е гг. в деловом ключе — в рамках отношений, которые связывали его с Горьким. Правда, настоящим писателем его можно назвать лишь с большой натяжкой⁹, так что вопрос остается открытым. Продолжают список петербургские приятели Бунина середины 1890-х гг.: А.Н. Будищев (1867–1916) — поэт (автор знаменитого романа «Калитка») и прозаик, а также драматург (в сотрудничестве с А.М. Федоровым переделал в драму свой рассказ «Катастрофа») — и В.М. Михеев (1859–1908) — поэт, автор повестей и романов, драматург; писал в основном о сибирской жизни, затронул темы интеллигентской рефлексии и русской истории. По-видимому, он выступил посредником в знакомстве Бунина с Короленко в 1896 г. (Письма. С. 229). В конце 1890-х гг. Михеев стал одним из членов московского кружка «Среда» (Письма. С. 652). Далее идет одесский друг Бунина. А.М. Федоров (1868–1949) — поэт и прозаик, переводчик и драматург, бывший своим не только в Одессе, но и в литературных кругах обеих столиц. С 1920 г. он жил в эмиграции в Болгарии (Бунин полагал, что Федоров умер в годы войны). Неожиданно появление здесь М.А. Козырева (1852–1912), поэта-самоучки, занимавшегося самообразованием под руководством И.З. Сурикова и ставшего одним из основных членов Суриковского литературно-музыкального кружка (объединение литераторов-самоучек из крестьян и ремесленников); понятнее было бы появление его имени в середине третьего

⁹ В 1915 г. Бунин в письме к критику Д.Л. Тальникову назвал его «инженером, любящим литературу и немного писавшим» (Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; подгот. текстов и коммент. С.Н. Морозова, Р.Д. Дэвиса, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М., 2007. С. 345).

абзаца. К.С. Баранцевич (1851–1927) — писатель, драматург, его основная тема — жизнь мещанства и разночинцев. В «Автобиографических заметках», рассказывая о первом своем выступлении в Петербурге в 1896 г. — в большом коллективе народников и близких к ним авторов, Бунин упоминает несколько имен из этой записной книжки: Потапенко, Мамина-Сибиряка, Михайловского и Минского, а также Баранцевича, попытавшегося недобрым советом испортить дебютанту выступление (Петрополис. С. 41–43). Завершает второй абзац А.И. Эртель (1855–1908) — одна из крупнейших фигур в русской литературе второй половины XIX в. (ему посвящена отдельная глава «Воспоминаний», личное общение Бунина с ним хорошо известно).

Этот список прозаиков, как представляется, более точно отражает литературные влияния на молодого Бунина, чем опубликованные им тексты мемуарного характера. Список практически полностью погружен в народническую традицию. Из писателей, прямо не связанных с народниками, перечислены близкие им реалисты «прогрессивного толка»: Гаршин, Эртель, Мамин-Сибиряк, Потапенко и Чехов (прижизненная репутация Чехова была именно такой). Показательно, что Тургенева и Л. Толстого в списке нет: для народнического лагеря они враги.

Список поэтов выстроен иначе. Бросается в глаза отсутствие Н.А. Некрасова среди мэтров и поэтов некрасовской школы среди старших современников. Ориентиром для юного Бунина служит «чистое искусство»: А.Н. Майков (1821–1897), А.А. Фет (1820–1892), Я.П. Полонский (1819–1898), К.К. Случевский (1837–1904), А.М. Жемчужников (1821–1908). С последним Бунин был хорошо знаком¹⁰: его рассказы об А.К. Толстом и других поэтах середины века были для молодого поэта живой связью с классической эпохой. Далее следует группа поэтов — старших современников. Открывает ее А.А. Голенищев-Кутузов (1848–1913) — поэт и одновременно государственный чиновник, придворный. Друг М.П. Мусоргского, написавшего несколько вокальных произведений на его стихи. В 1903 г., во время присуждения Бунину половинной Пушкинской премии,

¹⁰ См. об А.М. Жемчужникове в «Автобиографических заметках»: «Я бывал у него довольно часто, и меня поражала его неизменная ласковость ко мне, чисто отеческая заботливость к каждому стихотворению, которое я печатал при его содействии в «Вестнике Европы»» (Петрополис. С. 45).

Голенищев-Кутузов выступил рецензентом книг «Листопад» и «Песнь о Гайавате». С Голенищевым-Кутузовым Бунин должен был встретиться и в Академии (Бунин избран почетным академиком в 1909 г., Голенищев-Кутузов в 1900 г. В 1909 г., как писали газеты, в Академии стало три поэта: кроме двух упомянутых еще К.Р.). О влиянии С.Я. Надсона на молодого Бунина широко известно. Далее идет Н.М. Минский (Виленкин; 1856–1937) — один из создателей философии русского символизма, выросший из лирики «гражданской скорби»¹¹. Знакомство Бунина с Минским состоялось, вероятно, в 1896 г. (см. выше), близко они не сошлись; Бунин видел его и в эмиграции, но издалека¹². Неожиданная фигура в этом списке — С.Г. Фруг (1860–1916), русский и еврейский поэт (писал на русском языке, идише и иврите). Вероятно, он попал сюда как последователь Надсона. Далее идут вполне ожидаемые К.М. Фофанов (1862–1911)¹³ и Конст. Льдов (В.-К.Н. Розенблюм; 1862–1937), последователь Фофанова.

Можно сказать, все перечисленные поэты — от Надсона до Фофанова, — во-первых, заменили Бунину политическую прямоту некрасовской школы (которую он считал далекой от поэзии) более сентиментальной и неопределенной «гражданской скорбью» (вполне поэтичной, по мнению молодого Бунина), во-вторых, они показали возможность соединения гражданственности с «чистым искусством», в-третьих, подвели молодого поэта — через предсимволистские озарения — к модернистским идеям, благодаря которым некоторые стихотворения Бунина 1900-х гг. зазвучали почти в унисон поискам символистов¹⁴.

¹¹ О том, что планирует прочитать книжку Минского, Бунин сообщал брату Юлию в письме от 26.12.1888 — имя Минского идет рядом с Альбовым (Письма. С. 20).

¹² См. этот эпизод 1933 г. в «Устами Буниных». Интересно и мнение Бунина, записанное В.Н. Буниной: «Неправда, что он плохой поэт, как его теперь расценивают. Он очень искусный стихотворец!» (Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и др. архивные материалы: [В 3 т.] / Подгот. текста и примеч. М. Грин. Т. 2. Франкфурт-на-Майне, 1981. С. 281).

¹³ Строки Фофанова вместе со стихами Я.П. Полонского Бунин цитирует в письме к брату Юлию от 22.07.1890 (Письма. С. 34–35). Те же строки он приведет и в письме В.В. Пашенко от 14.05.1891 (Письма. С. 84). В письме от 06.02.1891, адресованном В.В. Пашенко, Бунин с восторгом цитирует только что опубликованное стихотворение Фофанова (Письма. С. 68–69), а в письме к ней же от 12.07.1893 полностью списывает стихотворение Фофанова «Вечернее небо, лазурные воды» (1888; Письма. С. 181).

¹⁴ См., напр., статью В. Шулятикова «Этапы новейшей лирики» (опубликована в книге «Из истории новейшей русской литературы», созданной коллективом

Трое следующих авторов — крупные поэты-символисты З.Н. Гиппиус (1869–1945), Д.С. Мережковский (1865–1941), М.А. Лохвицкая (1869–1905), в разные годы хорошо знакомые с Буниным (Лохвицкая — в начале творческого пути, Мережковский и Гиппиус — в эмиграции). Завершает абзац вторая тройка символистов первого ряда: К.Д. Бальмонт (1867–1942), В.Я. Брюсов (1873–1924), Ф. Сологуб (наст. имя Ф.К. Тетерников; 1863–1927). С Брюсовым и Бальмонтом Бунин был весьма близок в «начале века», с Бальмонтом возобновил знакомство и в эмигрантские годы. С Сологубом¹⁵ и его женой А.Н. Чеботаревской Бунин одно время много общался, бывал у них дома. Таким образом, перечислены наиболее важные символистские связи Бунина. В середине же абзаца мы находим ряд неожиданных имен. Это, во-первых, Ф.А. Червинский (1864–1918) — поэт и переводчик, известный в первую очередь переводами Мильтона, Байрона, Мюссе, сонетов Шекспира. По-видимому, в поле зрения Бунина он попал именно благодаря переводам, тематически близким бунинским переводам из Байрона. Далее следует В.П. Лебедев (1869–1937) — приятель Бунина с начала 1890-х гг., одно из первых его знакомств в петербургской богеме; творчество Лебедева тоже могло интересовать Бунина из-за многочисленных переводов скандинавской и западноевропейской поэзии. А.А. Коринфский (1868–1937) был замечен Буниным в 1892 г., когда хорошо отозвался о его первой книге стихотворений (Орел, 1891) во «Всемирной иллюстрации» (Письма. С. 166). Бунин оплатил ему тем же, дав критичный, но в целом положительный отзыв о его книге «Песни сердца» (1894) в «Орловском вестнике»¹⁶. В 1897 г., рецензируя новую книгу Коринфского уже в народническом «Новом слове»

авторов — В. Базаров, П. Орловский, В. Шулятиков — в 1910 г.), в которой Бунин-поэт помещен за Надсоном и Минским: «Его [Бунина. — *Е.П.*] лирика — одно из звеньев цепи поэтической “эволюции”, начавшей развертываться со временем Надсона. <...> Разница между ним и более ранними проповедниками “новых” мотивов заключается лишь в оттенках, которыми эти мотивы выражены. / Перед нами, прежде всего, — поэт, воспевающий великую ценность “страдания”. Но его “страдание” пережило ряд этапов, сильно обесцветилось и “посерело”. Оно находится в ближайшем родстве с той формой “культы страданий”, какую мы встретили у Минского. Но по пути, предуказанном автором “Белых ночей”, И. Бунин сделал еще несколько дальнейших шагов» (Летопись жизни и творчества И.А. Бунина / Сост. С.Н. Морозов. Т. 2. М., 2017. С. 34. В дальнейшем ссылки на это издание в тексте с указанием тома и страниц).

¹⁵ Резкие отзывы о Сологубе в «Воспоминаниях», так же, как и резкие выпады в адрес Бальмонта, следует отнести к воззрениям позднего Бунина.

¹⁶ Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 327–328.

(рецензия без подписи), Бунин был куда более строг¹⁷. Чуть позднее оборвалась¹⁸ и возникшая между ними в 1892 г. переписка. Л.М. Медведев (1865–1904) — поэт и переводчик. Лебедев в письме к Бунину от 11.03.1892 называет Медведева в ряду основных петербургских поэтов (Фофанова, Мережковского, Льдова; Летопись 1. С. 133), хотя критика ценила его не слишком высоко. Познакомился Бунин с ним в 1896 г., но близкого знакомства не случилось. М.Л. Леонов (1872–1929) — самоучка, ставший поэтом под влиянием стихов И.З. Сурикова, член Суриковского кружка. В 1894 г. он пригласил Бунина в сборник «Арабески», Бунин согласился дать стихотворение (Летопись 1. С. 169–170). С Леоновым дружил И.А. Белоусов (1863–1930) — поэт, писатель и переводчик (переводил прежде всего Т.Г. Шевченко), один из руководителей Суриковского кружка, участвовал и в организации «Среды»; человек чрезвычайно общительный, он знал всю литературную Москву. Бунин близко дружил с ним с 1895 г., история этой дружбы хорошо известна. В.Н. Ладыженский (1859–1932) — земский деятель, поэт (надсоновской традиции) и прозаик (примыкавший, по мнению рецензентов, отчасти к народнической, отчасти к чеховской традициям), хороший знакомый Бунина с первых поездок в Петербург. С 1919 г. жил в эмиграции, Бунины изредка встречались с ним. На его похоронах присутствовала В.Н. Бунина (сам Бунин остался дома, он почти никогда не ходил на похороны знакомых).

Эта середина абзаца тоже весьма интересна. С одной стороны, она демонстрирует пушкинскую широту «влияний на себя», отмеченных Буниным. Пушкин, как известно, нередко говорил о значимости поэтов-предшественников далеко не первого ряда. Какие-то вещи, важные в плане литературной преемственности, Бунин видит и в Коринфском, и в Ладыженском. Кроме того, Бунина глубоко интересуют поэты-самоучки, и целая череда знакомых из Суриковского кружка (знакомых в первую очередь благодаря дружбе с Белоусовым, но не только) в этом списке — яркое тому свидетельство. Существенным кажется и то, что переводчики и самоучки как бы входят в центр группы символистов, разбавляя их перечисление. Не исключено, что неожиданное словоупотребление у «поэтов из

¹⁷ Там же. С. 328–330.

¹⁸ Последнее известное письмо Бунина к Коринфскому датируется 07.10.1898 г. (Письма. С. 263).

народа» Бунин типологически объединяет с символистскими «поисками нового слова».

Наконец, в четвертом абзаце перечислены издатели и авторитетные литературные критики (часто в одном лице) времен бунинской молодости. Первым идет Д.И. Тихомиров (1844–1915) — педагог и деятель народного образования, редактор журнала «Детское чтение». Молодой писатель был в дружеских отношениях с его семьей и часто бывал у него дома. С тремя другими персонами отношения были более официальные. А.М. Скабичевский (1838–1911) — крупнейший критик либерально-народнического направления, в начале бунинской литературной карьеры принимал существенное участие в редактировании журнала «Новое слово». С.Н. Кривенко (1847–1906) редактировал журнал «Русское богатство», стоял по главе редакции журнала «Новое слово». У него в Петербурге Бунин бывал дома, известен целый ряд писем Бунина к нему. Н.К. Михайловский (1842–1904) — теоретик народничества, основной сотрудник «Русского богатства». Дебют Бунина-прозаика состоялся именно в «Русском богатстве» (1893), Михайловский тогда же предрек юноше большое писательское будущее.

Таким образом, список возвращается к началу. Из всех издателей и «властителей умов» Бунин выделяет трех теоретиков народничества, оказавших на него сильнейшее влияние на заре литературной карьеры.

В отличие от идейно-выстроенных «Воспоминаний», в этой записи мы видим попытку объективной литературной автобиографии. Такой объективности Бунин никогда не достигал в своих официальных автобиографических сочинениях.

Литература

Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; подгот. текстов и коммент. С.Н. Морозова, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 767 с.

Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; подгот. текстов и коммент. С.Н. Морозова, Р.Д. Дэвиса, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2007. 832 с.

Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М.: Наследие, 1998. 640 с.

И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. 3: «...Когда переписываются близкие люди». Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун / Сост., подгот. текста, науч. аппарат Е.Р. Пономарева и Р. Дэвиса; сопроводит. статьи Е.Р. Пономарева. М.: Русский путь, 2014. 714 с.

Летопись жизни и творчества И.А. Бунина / Сост. С.Н. Морозов. Т. 1–2. М.: ИМЛИ РАН, 2011–2017. 944 с.; 1184 с.

Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 1–2. М.: Наука, 1973. 696 с.; 551 с.

Пonomarev E.P. Преодолевший модернизм: Творчество И.А. Бунина эмигрантского периода. М.: Литфакт, 2019. 340 с.

Устами Буниных: дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и др. архивные материалы. В 3 т. / Подгот. текста и примеч. М. Грин. Т. 2. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981. 319 с.

References

Bunin I.A. *Pis'ma 1885–1904 godov* [Letters of 1885–1904], ed. O.N. Mikhailov, text ed., comment. S.N. Morozov, L.G. Golubeva, I.A. Kostomarov. Moscow, IWL RAS Publ., 2003. 767 p. (In Russ.)

Bunin I.A. *Pis'ma 1905–1919 godov* [Letters of 1905–1919], ed. O.N. Mikhailov, text ed., comment. S.N. Morozov, R.D. Davis, L.G. Golubeva, I.A. Kostomarov. Moscow, IWL RAS Publ., 2007. 832 p. (In Russ.)

Bunin I.A. *Publitsistika 1918–1953 godov* [Publicistic writings of 1918–1953], ed. O.N. Mikhailov, comment. S.N. Morozov, D.D. Nikolaev, E.M. Trubilova. Moscow, Nasledie Publ., 1998. 640 p. (In Russ.)

I.A. Bunin. Novye materialy. Vyp. 3: "...Kogda perepisyvaiutsia blizkie liudi". Pis'ma I.A. Bunina, V.N. Buninoi, L.F. Zurova k G.N. Kuznetsovoi i M.A. Stepun [I.A. Bunin. New materials. Vol. 3: "...When close people write to each other". Letters from I.A. Bunin, V.N. Bunina, L.F. Zurov to G.N. Kuznetsova and M.A. Stepun], comp., text ed., scientific eds. E.R. Ponomarev, R. Davis, intro. E.R. Ponomarev. Moscow, Russkii put' Publ., 2014. 714 p. (In Russ.)

Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Bunina [The chronicle of Ivan Bunin's life and works], comp. S.N. Morozov. Vol. 1–2. Moscow, IWL RAS Publ., 2011–2017. 944 p.; 1184 p. (In Russ.)

Literaturnoe nasledstvo. T. 84: Ivan Bunin. Kn. 1–2 [Literary heritage. Vol. 84: Ivan Bunin. Books 1–2.]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 696 p.; 551 p. (In Russ.)

Ponomarev E.R. *Preodolevshii modernism: Tvorchestvo I.A. Bunina emigrantskogo perioda* [The man who overcame modernism. Ivan Bunin's works of émigré period], Moscow, Liftact Publ., 2019. 340 p. (In Russ.)

Ustami Buninykh: dnevniki Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i dr. arkhivnye materialy [As spoken by the Bunins: The diaries of Ivan Alekseevich and Vera Nikolaevna and other archive materials], in 3 vols., comp., comment. M. Grin. Vol. 2. Frankfurt am Main, Posev Publ., 1981. 319 p. (In Russ.)

**The history of Russian literature
of the 19th and the early 20th centuries
according to Ivan Bunin
(a page from the unpublished notebook)**

© 2020, Evgeny Ponomarev

Abstract: The article is a detailed commentary to a page from Ivan Bunin's unpublished notebook (1944). The page lists the names of writers, poets, critics and publishers from the time of Bunin's youth. According to the author of the article, this listing gives much more objective information about the influences on Bunin's own early work recognized by himself than all autobiographical notes and memoirs published by the writer. The list of prose writers is dominated by Narodnik authors (he met many of them thanks to his brother, Yuly Bunin) and the writers close to them, who were considered "progressive". In the list of poets, the authors of "pure art" are connected with the poets of "civil sorrow", members of the Surikov circle and some senior Symbolists. The list of critics and publishers brings us back to populism. The article concludes that the list presents an attempt of an objective literary autobiography, in contrast to such official autobiographical texts as "Memoirs".

Keywords: Ivan Bunin, Narodnik authors, Symbolism, Russian modernism, literary influence.

Information about the author: Evgeny Ponomarev, Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of World Literature, Moscow, Russia; Professor, St. Petersburg State University of Culture and Arts, St. Petersburg, Russia. Email: eponomarev@mail.ru.

Citation: Ponomarev Evgeny. The history of Russian literature of the 19th and early 20th centuries according to Ivan Bunin (a page from the unpublished notebook). *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 2 (16), pp. 80–92. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-80-92

The reported study was funded by RFBR, project number 19-012-00290A.

DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-93-118

УДК 821.161.1

Антибунинский памфлет И.Ф. Наживина*

© 2020, А.В. Бакунцев

Аннотация: Данная публикация продолжает тему «И.Ф. Наживин против И.А. Бунина», затронутую ранее в одном из номеров «Литературного факта». Иван Федорович Наживин (1874–1940) — известный в кругах русской эмиграции писатель и публицист, последователь Л.Н. Толстого. Наживин лично знал Бунина и в течение нескольких лет переписывался с ним. Публикация вводит в научный оборот наживинскую статью-памфлет «Уездный моншер» (1934), автограф которой хранится в личном фонде И.А. Бунина в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Предположительно именно этот текст Наживин намеревался обнародовать в эмигрантской прессе. Во вступительной статье дается краткая характеристика автографа, а также аргументируется выбор для публикации представленного в нем текста как обладающего наибольшей завершенностью. Обозначаются основные принципы, которыми публикатор руководствовался при подготовке материала к печати и при его комментировании.

Ключевые слова: И.Ф. Наживин, И.А. Бунин, Нобелевская премия, русская эмиграция, памфлет, «Жизнь Арсеньева», «Уездный моншер».

Информация об авторе: Антон Владимирович Бакунцев, кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: auctor@list.ru

Цитирование: *Бакунцев А.В.* Антибунинский памфлет И.Ф. Наживина // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 93–118. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-93-118

---

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 19-012-289).

Под словосочетанием, вынесенным нами в заголовок, мы разумеем статью И.Ф. Наживина «Уездный моншер» (1934). Впрочем, правильнее было бы охарактеризовать это произведение как *насквиль*, ведь при его написании автор руководствовался вовсе не стремлением «сказать окончательную правду» об И.А. Бунине (в чем он уверял всех своих тогдашних корреспондентов, включая М.А. Алданова, С.Г. Сватикова, М.А. Осоргина), а, в сущности, лишь завистью и злобой. Текст «Уездного моншера» свидетельствует об этом чуть ли не каждой строкой.

История создания наживинской статьи уже была изложена нами ранее, и довольно подробно¹. Поэтому ограничимся краткой характеристикой автографа, текст которого лег в основу данной публикации.

Автограф представляет собой неавторизованную машинопись с правкой от руки и хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства в личном фонде Бунина (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 362). Как в *бунинском фонде* оказался *наживинский автограф*, неизвестно. Скорее всего, он поступил в РГАЛИ в числе материалов, переданных Наживиным в СССР в середине 1930-х гг., а в бунинский фонд был перенесен при комплектовании последнего.

Из двух выявленных на сегодня автографов «Уездного моншера» мы выбрали для опубликования именно этот, исходя из того, что содержащийся в нем текст обладает гораздо большей степенью завершенности, чем первоначальный вариант наживинской статьи, которая, по замыслу автора, должна была стать частью «Материалов к истории новейшей русской литературы» (1933–1934), оставшихся по ряду причин неизданными².

Текст автографа печатается по нормам современной русской орфографии и пунктуации, но с сохранением особенностей авторского написания некоторых слов. В угловых скобках восстановлены сокращения и пропуски, имеющиеся в подлиннике. Авторская правка, внесенная публикатором в текст, специально не оговаривается. Авторские шрифтовые выделения, за исключением набора заглавными буквами, заменены курсивом. В автографе дата не обозначена, тем не менее, опираясь на содержание статьи и на переписку Наживина с М.А. Алдановым, мы полагаем, что работа над «Уездным мон-

---

¹ См.: *Бакунцев А.В.* «Злейший черносотенник и тупица, он окончательно разложился...»: И.Ф. Наживин об И.А. Бунине (1930-е гг.) // Литературный факт. 2019. № 1 (11). С. 263–273.

² Этот автограф, также являющийся собой неавторизованную черновую машинопись, ныне хранится, как ему и подобает, в личном фонде Наживина (РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 9. Л. 19–43).

шером» продолжалась с конца ноября — начала декабря 1933 г. по середину октября 1934 г.³

При подготовке комментария мы исходили из допущения, что Наживин в своем памфлете цитирует бунинскую «Жизнь Арсеньева» не по журнальным публикациям в «Современных записках» (хотя такую вероятность полностью исключать нельзя), а по первому отдельному изданию романа (Париж, 1930). Соответственно и в наших примечаниях цитаты из «Жизни Арсеньева» даются по указанному изданию. Также в примечаниях отмечены все допущенные Наживиным неточности и намеренные искажения фактов.

Публикатор считает своим долгом поблагодарить за оказанную помощь сотрудников РГАЛИ, читального зала литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки, Библиотеки Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, а также лично Р. Дэвиса (Русский архив в Лидсе (РАЛ), Великобритания) и С.Н. Морозова (ИМЛИ РАН).

И.Ф. Наживин **Уездный моншер**

I

Нобелевская премия выпала в этом году на долю Бунина. В эмиграции — она весьма малограмотна — это известие вызвало чрезвычайное недоумение: «какой такой Бунин?.. Что такое?!..» Я помню одно совещание в замке герцога Г. Лейхтенбергского⁴. Речь шла об основании нового русского издательства⁵. Герцог спросил меня,

---

³ Наживин писал Алданову 18 октября 1934 г.: «О Бунине послал целую статью Вам» (Цит. по: *Бакунцев А.В.* «Злейший черносотенник и тупица, он окончательно разложился...». С. 265).

⁴ Лейхтенбергский Георгий Николаевич (1872–1929) — полковник конной гвардии, герцог, мемуарист, издатель, меценат, один из лидеров монархистского движения в эмиграции. Его замок Зеенон в Верхней Баварии в 1920-х гг. был одним из центров антибольшевистского движения в Европе.

⁵ Речь идет о создании издательства «Детинец» (Вена; Берлин, 1921–1922), замысел которого возник у Наживина во время конгресса Высшего монархического совета, состоявшегося 29 мая — 5 июня 1921 г. в баварском курортном городке Бад-Рейхенгалле. Герцог Лейхтенбергский, с которым Наживин познакомился на конгрессе, заинтересовался затеей писателя и вскоре стал, по выражению Наживина, «главным пайщиком» издательства. Однако уже в мае 1922 г. герцог открыткой сообщил Наживину о прекращении сотрудничества. Причину разрыва с высоким покровителем сам Наживин в одном из писем к Бунину объяснял следующим образом: «“Детинца” своего я прикончил, ибо разругался с компаньонами, которые хотели меня приобщить к черной сотне, а я заупряился» (И.А. Бунин и И.Ф. Наживин. Переписка / Публ., коммент. В. Кудениса, Н.Н. Примочкиной, Р. Дэвиса; предисл.

кого я посоветывал⁶ бы привлечь к делу. Я назвал несколько имен и в числе них — Бунина.

— Позвольте: какой Бунин? — спросил герцог. — Я никогда такого имени не слыхал...

— Это известный в интеллигентских кругах писатель, — отвечал я. — Его рассказы из крестьянской жизни были очень колоритны. Он был в свое время настолько левым, что при известии об убийстве писателя⁷ он, по его словам, бегал у себя в деревне по террасе и визжал от радости⁸.

— А теперь? — нахмурился герцог.

— А теперь при одном имени «Вождя»⁹ встает и грозно сверкает глазами: «а кто может мне в этом препятствовать?»

Пред стокгольмской победой Бунина — он едва-едва прошел: его португальский и греческий конкуренты¹⁰ имели за собой сильные партии — книги Бунина втихомолочку продавались со скидкой в 95%. Если тем не менее выбор Шведской академии пал на него, то ведь она давно уже приучила мир решениям ее не удивляться: она выдала премии какой-то Грация Деледда¹¹, которую не знал и не

В. Кудениса // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М., 2002. С. 305).

⁶ Так — здесь и далее — в подлиннике.

⁷ Очевидно, здесь описка: по смыслу должно быть — «Столыпина».

⁸ До революции Бунин действительно, по его собственному признанию в интервью газете «Голос Москвы» (24 октября 1912 г.), тяготел «больше всего к социал-демократии», хотя и сторонился «всякой партийности» (Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1967. Т. 9. С. 541). Очень возможно, что писатель не питал симпатии к П.А. Столыпину как государственному деятелю. В интервью «Одесским новостям» (8 сентября 1911 г.) Бунин даже выразил надежду, что смерть Столыпина послужит «изменению курса <...> в сторону человечности» (Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 1. М., 1973. С. 369). Тем не менее ни письма, ни дневники Бунина не содержат указаний на то, что весть о гибели Столыпина вызвала у него *радость*, притом такую бурную (или даже буйную). Похоже, что на Бунина это событие вообще не произвело особого впечатления. К тому же в день убийства Столыпина писатель находился не в «своей деревне», а в Одессе (см.: Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2 (1910–1919) / Сост. С.Н. Морозов. М., 2017. С. 117).

⁹ Имеется в виду великий князь Николай Николаевич-младший (1856–1929).

¹⁰ Имеются в виду португальский поэт Антониу Коррейя ди Оливейра (1879–1960) и греческий поэт Костис Паламас (1859–1943). В 1933 г. на Нобелевскую премию претендовали также финский писатель Франс Эмиль Силлланпя (1888–1964) и датский писатель Йоханнес Вильгельм Йенсен (1873–1950).

¹¹ Деледда Грация (1871–1936) — итальянская писательница. Получила Нобелевскую премию по литературе в 1926 г. «за поэтические сочинения, в которых с пластической ясностью описывается жизнь ее родного острова <Сардинии>, а также за глубину подхода к человеческим проблемам в целом» (<http://www.tunnel.ru/post-graciya-deleddapisatelnica-sardinii>; дата обращения: 31.03.2020).

знает никто, и какому-то безвестному ирландскому поэтику¹², но отказала в ней Генрику Ибсену и Льву Толстому¹³.

Казалось бы, надо, пожав плечами, просто отметить этот факт, и только, но в эмигрантской печати начался по этому поводу совершенно непристойный шабаш. Мы все хорошо понимаем, что кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку, но нельзя же хвалить так, до бесчувствия. Оказывалось почему-то, что это какая-то головокружительная победа «России», мировое событие совершенно исключительной важности. Известная Теффи¹⁴ истолковала это так, что вот теперь Бунин «самый лучший писатель в мире»¹⁵. Умный скептик Алданов объявил, что победа Бунина <-> это сокрушительный удар по большевикам, которые о таком своем поражении не смеют даже сообщить своим читателям¹⁶. Какой-то Троцкий из Стокгольма, захлебываясь от восторга, сообщал в «Последние новости», что теперь весь Стокгольм только и живет приездом Бунина, и очень дружески предупреждал лауреата о широком гостеприимстве шведов и всячески советовал ему там не обожраться¹⁷. Целые столбцы

¹² Имеется в виду ирландский поэт Уильям Батлер Йейтс (1865–1939), ставший нобелевским лауреатом в 1923 г.

¹³ Г. Ибсен выдвигался на Нобелевскую премию в 1902–1904 гг., Л.Н. Толстой — в 1902–1906 гг. (см.: http://www.ru.m.wikipedia.org/wiki/Список_лауреатов_Нобелевской_премии_по_литературе; дата обращения: 31.03.2020). О причинах игнорирования кандидатуры Толстого Шведской академией см.: *Марченко Т.В.* Русская литература в зеркале Нобелевской премии. М., 2017. С. 37–52.

¹⁴ Так в подлиннике.

¹⁵ Имеется в виду заметка Тэффи «Сегодня», где, в частности, сказано: «И.А. Бунин, наш писатель, русский, эмигрантский, кровный по духу, признан лучшим в мире и увенчан. Хоть на эти краткие дни терновый его венец сменили венцом лавровым» (Возрождение. 1933. № 3099, 26 нояб. С. 2).

¹⁶ Имеется в виду заметка М.А. Алданова «Чествование И.А. Бунина», где, в частности, говорится: «Московская печать ни одной строчкой не отозвалась на присуждение И.А. Бунину Нобелевской премии! Мы догадывались, что выбор Шведской академии не доставит большевикам удовольствия. Но оказалось, что это для них истинное горе, неприятность настолько серьезная, что ее нужно возможно тщательнее скрыть от населения России» (Последние новости. 1933. № 4629, 24 нояб. С. 2).

¹⁷ Имеются в виду «письма из Стокгольма» журналиста И.М. Троцкого (1879–1969) «Как была присуждена Бунину Нобелевская премия» (Последние новости. 1933. № 4621, 16 нояб. С. 2) и «В ожидании лауреата» (Там же. № 4631, 26 нояб. С. 2). В этих корреспонденциях, в частности, говорится: «Приезда Бунина ждут здесь с понятным интересом. Ведь он первый русский писатель, получивший премию Нобеля. <...> Ивана Алексеевича ждет совсем исключительный прием в Швеции. В его лице Нобелевский комитет и шведская общественность собираются чествовать русскую литературу»; «Осведомившись о подготовительных работах чествований, могу уже сейчас сказать, что мне вчуже жалко И.А. Бунина. Ему следует основательно отдохнуть и набраться сил. Его ждут и “тяжкие испытания”. Венюк лауреата тяжел. Шведское гостеприимство перещеголяло даже прославленное старое русское хлебосольство. Нужно иметь железный желудок, чтобы одолеть обилие яств, приготавливаемое премированным гостям».

в газетах исписывались кукушками о том, как их новоявленный петух приехал в Париж уже в спальном вагоне, как остановился он в первоклассном «Маджестике»¹⁸, как его «окружала целая плеяда писателей», как его «личным» секретарем состоит Я. Цвибак (он же Андрей Седых)...¹⁹ Тут же попадались и маленькие обмолвки: одна французская газета поместила у себя краткое сообщение о нобелевской премии: оказывалось, что на этот раз ее получил известный русский писатель Купрсткин. Чрез несколько строк Купрсткин превратился, однако, в Курсткофф²⁰. «Последние новости» ответили ей строгим выговором: если уж пишешь о такой знаменитости, то дай себе по крайней мере труд узнать, как эту знаменитость зовут!²¹

Когда незадолго пред смертью Толстой приехал в Москву, население ее устроило ему прямо «царскую» встречу. Я указал старику на то, как это всё трогательно. «Да, да... — отвечал он с усмешкой, — но если бы на моем месте был какой генерал или танцовщица, было бы то же самое. Им что ни кричать бы, лишь бы кричать...» В Париже — по газетам — и танцовщица, и генерал ступали перед — по Чехову — «пассажиrom первого класса». Рассмотрим, действительно ли триумфатору принадлежит это место в первом

¹⁸ Парижский отель «Мажестик» (Majestic), где Бунин жил перед отъездом в Стокгольм.

¹⁹ См., напр.: *Городецкая Н.* Встреча с Буниным // *Возрождение*. 1933. № 3089, 16 нояб. С. 1; *Седых А. И. А.* Бунин в Париже // *Последние новости*. 1933. № 4621, 16 нояб. С. 4; <Б.н.> Поездка И. А. Бунина в Стокгольм // Там же. № 4628, 23 нояб. С. 3.

²⁰ Т. В. Марченко, изучившая обширную бунинскую коллекцию вырезок из французской прессы, отмечает обилие самых разных фактических ошибок, допущенных французскими газетами в «нобелевские дни», и объясняет это обстоятельство так: «Корреспонденты большинства изданий воспринимали информацию на слух (из сообщений информационных агентств или по телефону), но сами с творчеством свежеепеченного нобелевского лауреата знакомы не были». Особенно курьезные примеры журналистской некомпетентности исследовательница обнаружила в материалах провинциальной периодики: «Лионские газеты пестрели ошибками чаще, чем центральные парижские: русское имя Иван приобретало отчасти кельтские черты — “Soan Voupine” <...>, галлицизировалась и фамилия его автобиографического героя Арсеньева — “La vie d’Arsenieu”» (*Марченко Т. В.* «Венок лауреата ему точно в пору»: Французская пресса о Нобелевской премии Бунина // *От Бунина до Пастернака: Русская литература в зарубежном восприятии: К юбилеям присуждения Нобелевской премии русским писателям: Междунар. науч. конф. (Москва, 16–19 ноября 2009 г.) / Сост., науч. ред. Т. В. Марченко. М., 2011. С. 146).*

²¹ Такую заметку в «Последних новостях» обнаружить не удалось, и вообще сам по себе этот «факт» представляется недостоверным. Возможно, наживинский пассаж был «инспирирован» одним из обзоров иностранной прессы, в котором, среди прочего, говорилось, что «сведения несколько фантастического характера о новом лауреате дала газета “Рампар”» (<Б.н.> Нобелевская премия И. А. Бунина: Отзывы иностранной печати. — Планы лауреата // *Последние новости*. 1933. № 4616, 11 нояб. С. 1).

классе — рядом с господами из Сан-Франциско, биржевыми зайцами, свиными королями и другим отребьем рода человеческого.

II

В молодости я очень любил Бунина за его крестьянские рассказы. Я очень понимал его основной недостаток: он писал русскую деревню только дегтем. Это было тем более безобразно, что в той же Орловской губернии И.С. Тургенев умел найти и Хоря, и Калиныча, и Бирюка, и Лукерью-Живые-Мощи, и Ермолая. Но Бунин выступил в то время, когда в литературе свирепствовал златовратский угар²²: мужик был для нас каким-то преподобным угодником, вселенским мудрецом, а его пресловутый «мир» залогом какого-то «иногo, светлого будущего». Бунин был необходимой реакцией против этого истерического вранья. Мужику надо было не поклоняться, а учить его грамоте. Все, кто знали мужика, страшились пред надвигавшейся революцией: с таким экипажем корабль Революции²³ может налететь на великие беды. Бунин говорил о мужике жуткую правду и был этим очень полезен²⁴.

Читал я и стихи Бунина. Среди них были милые лирические вещицы, но решительно ничего сверхъестественного тут не было. Раз как-то в «Ясной Поляне» заговорили о стихах вообще, и Толстой обронил удивительное, толстовское замечание:

— Стихи для меня несомненно хороши только тогда, когда их хочется петь...

Пушкина поют чуть не всего. Его «Для берегов отчизны дальней ты покидала край чужой» нельзя читать вслух: голос сам сейчас же начинает искать мелодию. Его «Руслан» весь музыка. Музыка —

²² Наживин обыгрывает фамилию Николая Николаевича Златовратского (1845–1911) — писателя-народника, представителя так называемой «мужицкой беллетристики».

²³ В автографе 1-го тома «Материалов к истории новейшей русской литературы» вместо «Революции» — «российский» (РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 9. Л. 22).

²⁴ Согласно записи в дневнике В.Н. Муромцевой от 30 декабря 1918 г. / 12 января 1919 г., Наживин в день знакомства с Буниным сказал: «Вот <...>, Иван Алексеевич, как я раньше вас ненавидел, имени вашего слышать не мог, и всё за народ наш, а теперь низко кланяюсь вам. <...> И как я, крестьянин, не видел этого, а вы, барин, увидали. Только вы один были правы» (Устами Буниных: Дневники И.А. и В.Н. Буниных и другие архивные материалы: В 2 т. / Под ред. М.Э. Грин; вступ. ст. Ю.В. Мальцева. М., 2004. Т. 1. С. 171). А в 1927 г. Наживин писал Бунину о рассказах, вошедших в сборник «Последнее свидание» (Париж, 1927): «Бесподобные страницы! Но никогда, никогда, никогда не будет понятия “интеллигенцией”, т.е. Вашими читателями, их жуткая красота и их правда, от которой волосы встают дыбом: поймут их только те очень немногие, которые, как Вы, действительно видели наш народ, то ядро каторжника, которое приковано к нашей ноге. <...> Спасибо за хорошую книгу» (Цит. по: Бакунцев А.В. «Злейший черносотенник и тупица, он окончательно разложился...»... С. 259).

«Онегин». Из «Дубровского» уже сделана опера²⁵. Он весь музыка. Поют и Лермонтова. Поют серенького Апухтина. «Коробейников» Некрасова я часто слышу на улицах Брюсселя в исполнении бродячих музыкантов-иностранцев. Если что из бунинских стихов на музыку и положено, то всеобщего признания эти его стихи-песни не получили. Он рассказывает, как в молодости он отравился «Прологом» к «Руслану»²⁶ — его стихами не отравлялся никто. И вполне понятно.

Если не ошибаюсь, Гейне дал определение крупного поэта: «ревет ли зверь в лесу глухом, гремит ли гром, поет ли дева за холмом»²⁷ — на всё душа поэта отзывается, как эхо. Иначе он не может, ибо если он нем, то на что он нужен?

Над Россией грянула гроза мировой войны. Всё зашумело. Что же Бунин?

Бунин молчал!

За войной грянула действительно планетарная революция, которая до сих пор сотрясает весь мир. Где же то произведение Бунина, в котором он попытался бы раскрыть нам смысл грандиозных событий?

Бунин молчал!²⁸

Весь мир сотрясается теперь в страшных конвульсиях всяческих «кризисов». На Россию заходят тучи и с Востока, и с Запада. Что же Бунин?

Бунин отвечает жалкою «Митиной любовью». Это всё. И встало сомнение: да уж живой ли он?!

²⁵ Опера Э.Ф. Направника по либретто М.И. Чайковского. Премьера состоялась в 1895 г. на сцене Мариинского театра.

²⁶ Наживин здесь допускает двойную неточность: «прологом» к «Руслану и Людмиле» «отравился» не сам Бунин, а его Арсеньев, и не в молодости, а в детстве. Наживин имеет в виду начало XV главы 1-й книги «Жизни Арсеньева»: «Пушкин <...> поразил меня своим колдовским прологом к “Руслану”:

У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том...

Казалось бы, какой пустяк — несколько хороших, пусть даже прекрасных, на редкость прекрасных стихов! А меж тем они отравили меня на весь век, вошли во всё мое существо, стали одной из высших радостей, пережитых мной на земле» (*Бунин Ив. Жизнь Арсеньева: Истоки дней*. Париж, 1930. С. 53).

²⁷ Наживин ошибается: цитируемые (к тому же неточно) строки — из стихотворения А.С. Пушкина «Эхо» (1831).

²⁸ Очевидно, Наживин намеренно «забывает» о «Великом дурмане» (1919), «Окаянных днях» (1925, 1927), о рассказах «Конец» (1921), «Безумный художник» (1921), «Товарищ Дозорный» (1924), «Красный генерал» (1924), о стихотворениях 1922 г.: «Шепнуть заклятие при блеске...», «О, слез невыплаканных яд!...», «Душа навеки лишена...». Между тем перечисленные произведения и были бунинским откликом на события «великой русской революции» и Гражданской войны.

Где те живые образы, которые он создал? Где его Наташа Ростова, кн. Андрей, Пьер, Левин, чаровница Кити, дядюшка Чистое-дело-марш, Светлейший, читающий на поле битвы роман мадам де Жанлис, Мюрат в перьях, тупой комедиант Наполеон, Лаврушка, Каратаев, капитан Тушин?

Где его Лиза Калитина, Хорь, Калиныч, Чертопханов и Недопюскин?

Где Татьяна Ларина? Где Руслан, трубящий в свой боевой рог? Где гремящая Полтава?

Где изумительные Карамазовы, о которых до сих пор говорит весь земной шар? Грушенька? Смердяков? Раскольников?

Где его Тарас Бульба, весь из чугуна? Где Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна? Где Чичиков, Хлестаков, Ноздрев, Собакевич, пьяненький Каленик, забывший, как танцуется гопад?

Где его Обломов? Где бабушка с Верой и Марфинькой?

Где его Ветка Палестины? Где Ангел? Где журчанье воронежского жаворонка Кольцова и грусть Никитина?

Где дьякон Ахилла, сожравший нечаянно в лепешке пятьсот рублей? Где медоточивая богомолка, целую ночь напролет рассказывающая о чудесах кронштадтского святителя?

Где все те острые словечки, которыми засыпали русскую речь Крылов и Грибоедов? Где у него хотя бы одно толстовское, смешное, всеми с удовольствием принятое «образуется»?

Ничего этого у Бунина нет — он прошел пажитями русской литературы впустую, и ни единой борозды его в сознании народа не осталось. Его герои <—> это мутные пятна, слова, призраки. Он просто пингвин, не умеющий летать. У него отмерла душа, если она когда у него была. Он совершенно лишен способности творить живую жизнь. У него нет воображения, «выдумки», как говорил Тургенев. Он весь в словах, т.е. литератор в самом точном смысле этого слова. Если он берется переводить Гайавату, чужое, мы имеем прекрасный перевод: ему нужны тут только слова. Но стоит ему подойти к жизни самостоятельно, и он бессилён, как рыба на песке. Всё, что у Бунина есть, это его образный — может быть, слишком образный — язык. Айхенвальд, критик из «Руля», назвал этот язык «парчой»²⁹. Тур-

---

²⁹ Наживин имеет в виду рецензию Ю.И. Айхенвальда на 34-ю книгу «Современных записок». О языке «Жизни Арсеньева» критик пишет: «Поистине драгоценную словесную ткань разостлал перед нами Иван Бунин, но ткань эта тяжела. Она тяжела тяжестью спелых колосьев, полновесностью классических бунинских слов, роскошностью литературной парчи, — но, как бы то ни было, она тяжела» (*Айхенвальд Ю.* Литературные заметки // Руль. 1928. № 2219, 14 марта. С. 2).

генов называл толстовский язык «непроходимыми болотами»³⁰. И вот Толстой из этих болот поднял на свет «Войну и мир», «Анну Каренину», «Казаков», а Бунин из своей парчи понаделал мертвых кукол, которых мы, хоть убей, вспомнить не можем... Да и парча-то эта частенько подъедена молью: он говорит о «синем» черноземе, о «лиловых» глазах лошади и о какой-то «пожилой отроковице»³¹. Под этими потугами ему хочется скрыть свое творческое бессилие...

Бунин <-> это бескрылый пингвин, рожденный ползать. Его литературный багаж весь поместится в затасканный беженский чемоданчик. Это серенькая и скудная страничка из истории русской литературы не XX, но XIX века...

III

Теперь Бунин презрительно шпыняет тех, кто ему раньше напояминал, что

Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан...³²

³⁰ Об этих словах И.С. Тургенева Наживин узнал, скорее всего, из воспоминаний А.А. Толстой, которыми предварялась ее переписка с Л.Н. Толстым. Тетушка «великого писателя русской земли», среди прочего, писала о Тургеневе: «Он был у меня за год до своей смерти, провел целое утро, и между прочим, конечно, было говорено и об Л<ъве> Т<олстом>. В то время уже начинали являться его так называемые богословские сочинения. Тургенев относился к ним с полным негодованием и не мог утешиться, что он оставил литературу “pour écrire de pareilles billevesées” <чтобы писать такой вздор (фр.)>, как он выражался. — “И заметьте”, прибавил он, “что и слог его похож теперь на непроходимое болото”, — с чем я не могла не согласиться...» (Воспоминания графини А.А. Толстой // Переписка Л.Н. Толстого с гр. А.А. Толстой. 1857–1903. СПб., 1911. С. 16–17).

³¹ О «синей густой грязи», облепившей редьку, говорится в VI главе 1-й книги «Жизни Арсеньева» (с. 26). О «крупных лиловых глазах лошадей» — там же, в VII главе (с. 27). Образ «“чернички”, очень опрятной пожилой отроковицы» возникает в XIX главе той же 1-й книги, где описывается умершая бабушка главного героя (с. 69). То особенное, художническое чувство цвета, которое так раздражало Наживина, в бунинском романе играет далеко не вспомогательную роль. Вот что рассказывает Арсеньев о своем детском увлечении живописью под влиянием домашнего учителя Баскакова: «Я долгое время весь дрожал при одном взгляде на ящик с красками, пачкал бумагу с утра до вечера, часами простаивал, глядя на цветы, на солнечный свет и тени, на ту дивную, переходящую в лиловое синеву неба, которая сквозит в жаркий день против солнца в верхушках деревьев, как бы купающихся в этой синеве, — и навсегда проникся глубочайшим чувством и сознанием истинно-божественного смысла и значения земных и небесных красок» (Бунин Ив. Жизнь Арсеньева. С. 46).

³² Наживин намекает на статью Бунина «О писательских обязанностях», которая сначала была опубликована в рижской газете «Сегодня» (1921. № 140, 23 июня. С. 2–3), затем, после небольшой правки, — в пражской газете «Огни» (1921. № 6, 12 сент. С. 2–3). См.: Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; вступ. ст. О.Н. Михайлова; коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М., 2000. С. 121–124.

Он предпочитает довольствоваться «звуками сладкими и молитвами», которых у него, однако, тоже не хватает. Он одновременно и мертвец, и ловкий человек, в смутное время не торопящийся высказываться. Но мертвецу нужен могильный камень, а ловчиле не лавры, а розги.

Моя первая встреча с Буниным произошла в Одессе³³, где под раскатами страшной грозы он как будто стал немножко протирать глаза и понимать, что всё это немножко как будто касается и до него³⁴. Забыв то время, когда он визжал от радости над гробом Столыпина, теперь он был откровенно правым³⁵. Теперь ему была нужна белая лошадь — не для того, чтобы сесть на нее — это слишком страшно, — а для того, чтобы, падши, облобызать след ее высочайших копыт. Но, будучи правым, он и тут боялся выявить свой лик четко и откровенно и предпочитал благодетельный туман³⁶. Этот же туманный лик хранит он и в эмиграции, ухитряясь каким-то образом примирять свои явно-дворянские симпатии с участием в отменно-демократических органах. Его нет, как всегда, в опасных местах боя, на прорывах, на бреши³⁷, — его нет нигде, кроме мирного Грасса, где он жует утомительную дворянскую жвачку под кровом какого-то богатого еврея-мецената³⁸. Он, как и раньше, сон, он отрицание всякой жизни, он — нуль...

³³ По мнению С.Н. Морозова, писатели познакомились между 6 и 10 января 1919 г. (или, по старому стилю, — между 24 и 28 декабря 1918 г.). См.: *Летопись жизни и творчества И.А. Бунина*. С. 975.

³⁴ Наживин беззастенчиво жлет: Бунин с самого начала революционных событий понимал их значение и предвидел их последствия. Об этом говорит вся его публицистика периода «великой русской революции» и Гражданской войны.

³⁵ Это также не соответствует действительности. Бунин был скорее центристом. Иначе он не стал бы «мишенью» для левой печати Одессы и не дистанцировался бы от правых кругов противобольшевистских сил, чему имеется множество свидетельств (в частности — дневниковые записи В.Н. Муромцевой за 1919–1920 гг.).

³⁶ Опять-таки умышленная клевета: Бунин и до, и в период эмиграции очень четко обозначал свои политические воззрения и пристрастия. Будучи убежденным государственным (в духе А.И. Деникина, П.Б. Струве, Г.К. Гинса и др.), он еще в ноябре 1919 г. прямо заявлял: «Я не правый и не левый, я был, емь и буду непреклонным врагом всего глупого, отрешенного от жизни, злого, лживого, бесчестного, вредного, откуда бы оно ни исходило» (*Бунин И.А.* Публицистика 1918–1953 годов. С. 43). Очевидно, именно по этой причине (а не из-за своей мнимой «туманности» или тем более «беспринципности») в эмиграции он сотрудничал и в умеренно-левых, и в умеренно-правых, и в центристских изданиях.

³⁷ Возможно, в этих строках сказалась застарелая досада, вызванная нежеланием Бунина участвовать в наживинских литературно-политических замыслах начала 1920-х гг. (см.: И.А. Бунин и И.Ф. Наживин. Переписка. С. 277–326; Письма И.Ф. Наживина к И.А. Бунину (1919–1920) / Публ. В. Кудениса и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. I / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М., 2004. С. 317–332).

³⁸ Скорее всего, под «евреем-меценатом» Наживин подразумевает Илью Исидоровича Фондаминского (1880–1942) — общественно-политического

Никогда я не забуду одной встречи с ним³⁹. Было хорошее настроение, и я по-дружески сказал ему:

— А ведь годки-то у нас уходят, Иван Алексеевич, пора бы вам встаться и за что-нибудь большое... А то, смотрите, будет поздно...

Он даже весь побелел.

— Так дайте мне к этому возможность!.. — прошипел он в припадке того бунинского бешенства, когда он способен валяться по полу и визжать, как истеричка. — Дайте мне возможность...

— Что значит: дайте?.. — пристально посмотрел я на него. — Возьмите!..

— Где?

— Где берут все. Где брал нищий Достоевский, творя свои чудеса, где брал нищий Гоголь, где брали сотни нищих писателей...

— В такой обстановке я работать не могу!..

И вот, наконец, раскачался и взялся за свою большую автобиографию⁴⁰. Из накопленного за долгую жизнь материала большой художник, конечно, легко мог бы создать большой роман, но Бунин, как евангельская смоковница, давно уже поражен бесплодием и вот, придавленный этим проклятием⁴¹, он просто списывает в книжку свое прошлое. Его «Жизнь Арсеньева» <-> это жалкий Анабазис маленького Ксенофонта⁴², которому сделать своего знаменитого похода не удалось и, понятно, уже не удастся: поздно! Он очень метко называет посмертные вещи Толстого «тарелкой воды»⁴³ — его

и религиозного деятеля, масона, публициста, соредатора и соиздателя «Современных записок». Но в таком случае Наживин снова допускает неточность: виллу «Бельведер» Бунины совместно с семьей Фондаминских снимали у мэра Грасса Э. Рукье.

³⁹ Судя по сохранившимся документальным свидетельствам (в частности, по дневникам четы Буниных, по переписке Бунина и Наживина), писатели виделись нечасто. Они определенно (и, возможно, не раз) встречались в Одессе (1919), в Белграде (1920), не исключено, что и в Париже (1924, 1927). Где именно произошла описанная Наживиним встреча и насколько достоверно ее описание, сказать трудно.

⁴⁰ Наживин имеет в виду «Жизнь Арсеньева». Между тем, как известно, Бунин категорически возражал против того, чтобы его роман воспринимали как автобиографию.

⁴¹ Нечто подобное о Буinine в начале 1920-х гг. писал И.М. Василевский (Не-Буква). См.: *Василевский И. (Не-Буква). Бесплодие: Литературные настроения // Последние новости. 1921. № 291, 1 апр. С. 2; Он же. Что они пишут? (Мемуары бывших людей). Л., 1925. С. 40–48.* Возможно, ряд антибунинских публицистических клише Наживин позаимствовал именно у Василевского (Не-Буквы).

⁴² Имеется в виду древнегреческий писатель и историк Ксенофонт (около 430 г. до н. э. — не ранее 356 г. до н. э.) и его главный труд «Анабазис Кира», который считается одной из первых античных автобиографий.

⁴³ Такого выражения в опубликованных произведениях Бунина найти не удалось. Возможно, нечто подобное Бунин сказал во время одной из встреч с Наживиним. Или же мы имеем дело со случаем своего рода аберрации. В разных редакциях бунинского очерка о Л.Н. Толстом, в эпизоде, предшествующем описанию

Анабазис <--> это вода без тарелки. Книга эта, однако, чрезвычайно показательна: это ужасное «свидетельство о бедности» не только Бунина, но и всего его круга, и всей эмиграции...

IV

«Жизнь Арсеньева» <--> это автопортрет Бунина, от «истоков дней» до впадения под оглушительный крик кукушек в море окончательного забвения. Не только все его герои, но и сам автор книги — мутные пятна. Всё это уездные моншеры, человечки «с преувеличенно барскими замашками, с подозрительно развязной требовательностью, с низким больше от водки, чем от барства голосом»⁴⁴. Рисуя своего отца, пьяницу и мота, он тем не менее гордится, что он «слава Богу, не из тех, у кого нет ни роду, ни племени»⁴⁵. Совершенно понятно гордиться тем, что вот в моем роду стоит светлой горой какой-нибудь подлинный слуга человечества, но чем гордиться в этом длинном ряду пьяных уездных моншеров, совершенно непонятно!*)

Вспоминая о Пушкине, Бунин гордо пишет, что «Пушкин вполне наш» — т.е. дворянский — по «тому общему, особому кругу, к которому мы принадлежим вместе с ним. Он и писал всё только наше, для нас и с нашими чувствами»⁴⁶. Превосходно: опущена только

знакомства автора с его кумиром, рассказывается о том, как за день до этого знакомства толстовец А.А. Волкенштейн отправился к «учителю», а потом вернулся поздно вечером со словами: «Я точно живой воды напился!» (см., напр.: *Бунин Ив.* О Толстом // *Современные записки.* 1927. Кн. 32. С. 12). Не исключено, что именно эта реплика в интерпретации Наживина и превратилась в «тарелку воды».

⁴⁴ Неточная цитата из VIII главы 2-й книги «Жизни Арсеньева». Речь в этом фрагменте идет о Дворянской гостинице в городе, где учился Алеша Арсеньев, и о ее постояльцах, среди которых «даже настоящие хорошие господа только притворялись теперь господами, а прочие были просто “уездные моншеры”, как он <гостиничный лакей Михеич> называл их, люди с преувеличенно-барскими замашками, с подозрительно-развязной требовательностью, с низкими больше от водки, чем от барства голосами» (*Бунин Ив.* Жизнь Арсеньева. С. 102).

⁴⁵ Наживин цитирует строки из I главы 1-й книги «Жизни Арсеньева»: «Знаю, что род наш “знатный, хотя и захудалый” и что я всю жизнь чувствовал эту знатность, гордясь и радуясь, что я не из тех, у кого нет ни рода, ни племени» (Там же. С. 10). Однако, вопреки интерпретации Наживина, Бунин здесь имеет в виду гордость не узко-сословную, а скорее нравственную. Ведь недаром далее говорится: «Среди моих предков было, вероятно, немало и дурных людей. Но все-таки из поколения в поколение наказывали мои предки друг другу помнить и блюсти свою кровь, священным долгом почитали внедрять и, как-никак, все-таки внедряли в душу друг другу: будь достоин своего благородства, будь добрым сыном Церкви и отечества, служи на пользу им, держи свое слово, свои обеты, старайся быть правдивым, милосердным, щедрым, самоотверженным, в битве бесстрашным и честным, в любви и браке чистым...» (Там же. С. 10–11).

⁴⁶ Наживин неточно и тенденциозно цитирует строки из VIII главы 3-й книги «Жизни Арсеньева». Ср.: «Пушкин <...> был для меня вовсе не чтением, а подлинной частью моей жизни. <...> Я слышал о нем с младенчества, и имя его всегда упоминалось у нас с какой-то почти родственной фамильярностью, как имя человека

маленькая подробность о том, что это «мы» же его травили на все лады и убили его в самом расцвете его сил.

И не то диво, что вся эта дребедень пишется этим уездным моншером с душой земского начальника⁴⁷, а то, что всё это печатается вчерашними эсериками⁴⁸. Я вполне понимаю, что, получив от судьбы такую головоломку, как мы, человек может очуметь, но всё же закреплять за собой в жизни позицию земского начальника навсегда, как это можно? Как можно возвращаться с таким бесстыдством на историческую блевотину? И точно чтобы подчеркнуть весь этот стыд б<ывших> людей, Бунин зарисовывает мутно портрет своего соседа, полуумного⁴⁹ помещика, который, стремясь выторговать у крестьян пятак заработной платы, оставляет в полях тысячи коп хлеба⁵⁰.

вполне «нашего» по тому общему, особому кругу, к которому мы принадлежали вместе с ним. Да он и писал, казалось мне, все только наше, для нас и с нашими чувствами. Буря, что в его стихах мглой крыла небо, «вихри снежные крутя», была та самая, что бушевала в зимние вечера вокруг Каменского хутора. Мать иногда читала мне с грустной и ласковой улыбкой: «Вчера за чашей пуншевою с гусаром я сидел» — и я спрашивал: «С каким гусаром, мама? С покойным дянькой?». Она читала: «Цветок засохший, безуханный, забытый в книге, вижу я» — и я видел этот цветок в ее собственном девичьем альбоме...» (*Бунин Ив.* Жизнь Арсеньева. С. 176–177). Под словом «наш» Бунин, несомненно, разумел не «дворянский», а «семейный», «домашний», «родственный».

⁴⁷ «Земский начальник» — один из устойчивых наживинских «ярлыков» в отношении Бунина (см.: *Бакуцев А.В.* «Злейший черносотенник и тупица, он окончательно разложился»... С. 259–267). Вообще же, согласно Большой российской энциклопедии, земскими начальниками в Российской империи назывались «должностные лица, осуществлявшие административно-судебную власть над крестьянами». Согласно Положению от 12 июля 1889 г., земские начальники «назначались министром внутренних дел по представлению губернатора после его консультации с уездными предводителями дворянства; предпочтение отдавалось потомственным дворянам, имевшим высшее образование и недвижимую собственность в уезде. <...> Широкие полномочия, предоставленные земским начальникам, позволили им упорядочить деятельность органов крестьянского самоуправления, но в то же время вызвали резкую критику со стороны либерально настроенных общественных деятелей, которые осуждали совмещение земскими начальниками административных и судебных функций, а также видели в институте земских начальников проявление политики «попечительства» по отношению к крестьянству» (https://w.histrf.ru/articles/article/show/ziemskie_nachalniki; дата обращения: 06.04.2020). Институт земских начальников был упразднен Временным правительством.

⁴⁸ Имеются в виду издатели-редакторы журнала «Современные записки» и одноименного издательства, члены партии социалистов-революционеров Н.Д. Авксентьев, М.В. Вишняк, В.В. Руднев и И.И. Фондаминский.

⁴⁹ Так в подлиннике.

⁵⁰ Наживин имеет в виду строки из XX главы 1-й книги «Жизни Арсеньева»: «Заказ был довольно большой полевой лес, принадлежавший полусумасшедшему помещику, который одиноко и враждебно всему миру, точно в крепости, сидел в своей усадьбе возле Рождества, охраняемый свирепыми овчарками, вечно судился с рождественскими и новосельскими мужиками, никогда не сходясь с ними в ценах на работу, так что нередко случалось, что у него оставались целые косяки хлебов некошенными или до глубокой осени гнили в поле, а потом гибли под снегом тысячи копен» (*Бунин Ив.* Жизнь Арсеньева. С. 75).

А вот общество гимназистов-дворян, которые никак не желают впускать в свою избранную среду «разных там Заусайловых», а в центре этих избранников царит Наля Р., полугимназистка-полублядь, которая к 16 годам прошла уже все медные трубы и в одиночку может тарарахнуть целую бутылку — конечно, шампанского⁵¹. А вот и сам автор впадает у печки в грехопадение с молоденькой крестьянкой, только что вышедшей замуж (сцена грехопадения описана в больших подробностях — ничто не должно быть опущено в нашем Анабазисе). Муж узнает обо всем, грозит уездному моншеру, его вместе с «Тонькой» сплавляют куда-то, и уездный моншер, сорок лет спустя, в Париже, рассказывая об этом, назидательно вздыхает: «Бог спас!..»⁵²

Бунинский бог вообще чрезвычайно напоминает бога наших Романовых, которые то и дело стремились, бывало, подстегнуть его молебнами на свою сторону. Если барчук спасся от воздействия мужика, у которого он опоганил молодое гнездо, надо вознести благодарение Господу. Если его брат арестован жандармами за социализм, мать начинает молиться и поститься, и «бог не только пощадил ее, но и наградил: через год брата освободили», пишет почетный академик в Париже⁵³. По пути он зарисовывает портрет Александра Невского так: «Божий витязь, в страхе Божиим приложивший руку к груди и горе поднявший грозные и благочестивые очи»⁵⁴. Но разве, Ми-

⁵¹ Имеется в виду содержание XI главы 2-й книги «Жизни Арсеньева», где однокашник главного героя Вадим Лопухин предлагает ему вступить в «кружок гимназистов-дворян, чтобы не мешаться больше со всякими Архиповыми и Заусайловыми», и познакомиться с Налей Р.: «Она еще гимназистка, дочка очень чванных родителей, но уж прошла огонь и воду и медные трубы, умна, как бес, весела, как француженка, и может выпить бутылку шампанского без всякой посторонней помощи. А сама аршин ростом, и ножка — как у феи... Понимаешь?» (Там же. С. 113–114). Между тем повествователь отзывается и о Лопухине, и о Нале Р., и о «кружке гимназистов-дворян» без всякого сочувствия. О Лопухине он говорит, что тот «определенно принадлежал» к разряду «ненавистных» ему людей. И с явным облегчением («к счастью») пишет о том, что и Нале — поразившей его своей чувственностью «женщине-девочке» — не пришлось его «образовать», и «из кружка ничего не вышло» (Там же. С. 115).

⁵² Наживин очень неточно пересказывает финальные (XIII–XIV) главы 3-й книги «Жизни Арсеньева».

⁵³ Ср.: «Мать <...> дала Богу, за спасение брата, обет вечного поста, который она и держала всю жизнь, вплоть до самой своей смерти, с великой строгостью. И Бог не только пощадил, но и наградил ее: через год брата освободили и, к ее великой радости, выслали на трехлетнее жительство в Батурино, под надзор полиции...» (*Бунин Ив. Жизнь Арсеньева*. С. 129).

⁵⁴ В данном случае Наживин откровенно передергивает. Бунин зарисовывает образ Александра Невского не «по пути», а рассказывая о чувствах своего героя в IX главе 2-й книги «Жизни Арсеньева», во время церковных служб, на которые приводили гимназистов: «...если бы даже и правду говорил Глебочка <одноклассник и сосед-«нахлебник»>, утверждающий со слов некоторых плохо бритых учеников из старших классов, что Бога нет, все равно нет ничего в мире лучше того, что

трофанушка, вы, кроме Иловайского⁵⁵, которому вы тут подражаете, так ничего по русской истории прочесть и не удосужились? У других русских историков вы узнали бы, что этот Божий витязь, стремясь закрепить свою власть, нисколько не стеснялся ездить с доносами в Орду и водил оттуда «поганых» на Русь. «Мудрейшие из нас, — молитвенно вещавает земский начальник, — это угодники Божии. Им Бог некогда отвечал, им Он открывался, их Он за умерщвление плоти, за отказ от всего телесного в мире... наставил до конца, возлюбил и успокоил в вечном и блаженном лоне Своем»⁵⁶. И вот, отдохнув в этом священном пустословии, наш уездный моншер, вместо того, чтобы подражать угодникам, распяется публично над своими грязными воспоминаниями и несется скорее с Милюковым к «гостеприимному» Корнилову⁵⁷ и в «Маджестик», в то время как слепой, глухой и голодный собрат наш В.В. Водовозов бросается под поезд, а за ним чрез неделю следует и его старушка-жена⁵⁸. О, прелюбодеи слова!.. О, эти новые «верующие» назло большевикам!..

я чувствую сейчас, слушая эти возгласы, песнопения и глядя то на красные огоньки перед тускло-золотой стеной старого иконостаса, то на святого Божьего витязя, благоверного князя Александра Невского, во весь рост и в полном воинском доспехе, в шишаке и кольчуге, написанного на златенном столпе возле меня, в страхе Божиим и благоговении приложившего руку к груди и горе поднявшего грозные и благочестивые очи...» (Там же. С. 107).

⁵⁵ *Иловайский* Дмитрий Иванович (1832–1920) — историк, публицист, автор пятитомной «Истории России» (М., 1878–1905) и учебников истории для гимназий, издатель право-консервативной газеты «Кремль» (М., 1897–1916).

⁵⁶ Неточная цитата из XVIII главы 1-й книги «Жизни Арсеньева». В начале этой главы повествователь рассказывает о своем потрясении, которое вызвала в нем смерть младшей сестры Нади, и о своих детских молитвах: «Вскоре все мои помыслы и чувства перешли в одно — в тайную мольбу к Нему, в беспрестанную безмолвную просьбу пощадить меня, указать путь из той смертной сени, которая простерлась надо мной и вокруг меня во всем мире. Но Бог молчал; за него говорил тот скорбный и единственно спасительный опыт, который познало человечество на своих земных путях и который узаконили и освятили мудрейшие из нас — угодники Божии: им Бог некогда отвечал, им Он открывался, их Он, за умерщвление плоти, за отказ от всего телесного мира, за безраздельную любовь только к Нему одному, наставил до конца, возлюбил и успокоил в вечном и блаженном лоне Своем, совершенно чуждом миру и во всем ему противоположном» (*Бунин Ив.* Жизнь Арсеньева. С. 63–64).

⁵⁷ Имеется в виду русский ресторан «Осетр» Ф.Д. Корнилова, открытый в Париже в 1924 г.

⁵⁸ Василий Васильевич Водовозов (1864–1933) — юрист, экономист, публицист — свел счеты с жизнью, бросившись под поезд, 7 октября 1933 г. (т.е. за месяц до присуждения Бунину Нобелевской премии). Его жена Ольга Александровна (урожд. Введенская, 1884–1933) — историк, переводчица — через 40 дней после смерти мужа также совершила самоубийство, приняв большую дозу снотворного. Очевидно, Наживин упоминает эти два факта исключительно в пропагандистских и манипулятивных целях, прекрасно зная, что до своего увенчания Бунин, подобно чете Водовозовых и тысячам других русских изгнанников, едва сводил концы с концами. Впрочем, «усоветить» новоизбранного нобелевского лауреата пытался не только Наживин, у которого в Париже были единомышленники, прибегавшие к схожим, чисто шантажистским приемам. Так, руководство Комитета помощи

Конечно, среди роз Грасса моншер и теперь не прочь преподавать мужикам отеческое наставление. Православных душ печальник, господин земский начальник говорит: «свое безделье, дрему, мечтательность и всякую неустроенность мужик оправдывает только тем, что не хотели отнять для него лишнюю пядь земли от соседа-помещика, и без того каждый год всё скудевшего»⁵⁹. Но почему же вы, моншер, всё только пьянствовали да скакали, а не научили мужика, как надо работать и устраиваться... хотя бы по третьей закладной? Почему вы на его глазах, загнав бедную «Кабардинку», не сочли нужным выводить ее, а убили — по халатности, по преступному равнодушию ко всему — так жестоко и глупо?⁶⁰ Почему вы, моншер, до сих пор не дали себе труда понять, что царствование Александра III было совсем не «временем русской силы и огромного сознания ее»⁶¹, как вы теперь между «своими» витийствуете, а, наоборот, царствование это, темное, пьяное и дурашное, было лишь подготовкой той страшной катастрофы, в которой погиб сын-выродок этого

русским писателям и ученым во Франции, узнав о вердикте Шведской академии, сочло справедливым потребовать от Бунина возврата денег, которые он в 1920-х гг. в виде ссуд получил для себя и целого ряда нуждавшихся литераторов. Один из членов Комитета, С.Г. Сватиков, видимо, не смея обратиться напрямую к Бунину, написал 9 декабря 1933 г. его жене — в надежде, что та сумеет соответствующим образом повлиять на лауреата. В этом письме, которое ныне хранится в коллекции В.Н. Буниной в РАЛ (MS. 1067/7054), среди прочего, говорится о вероятности самоубийств как об одном из последствий бунинского «небрежения» к нуждам Комитета.

⁵⁹ Наживин передергивает смысл строк из XVI главы 1-й книги «Жизни Арсеньева». Ср.: «Рос я <...> среди крайнего дворянского оскудения, которого опять-таки никогда не понять европейскому человеку, чуждому русской страсти ко всяческому самоистреблению. Эта страсть была присуща не одним дворянам. Почему, в самом деле, влачил нищее существование русский мужик, все-таки владевший на великих просторах своих таким богатством, которое и не снилось европейскому мужику, а свое безделье, дрему, мечтательность и всякую неустроенность оправдывавший только тем, что не хотели отнять для него лишнюю пядь земли от соседа-помещика, и без того с каждым годом все скудевшего? Почему алчное купеческое стяжание то и дело прерывалось дикими размахами мотовства с проклятиями этому стяжанию, с горькими пьяными слезами о своем окаянстве и горячечными мечтами по своей собственной воле стать Иовом, бродягой, босяком, юродом? И почему вообще случилось то, что случилось с Россией, погибшей на наших глазах в такой волшебной краткий срок?» (*Бунин Ив. Жизнь Арсеньева*. С. 59).

⁶⁰ Имеется в виду эпизод в VI главе 4-й книги «Жизни Арсеньева»: «Я возвращался в ледяные багровые сумерки. На пристяжке была Кабардинка, всю дорогу не дававшая отдыха шедшему крупной рысью кореннику. Приехав, я о ней не подумал, ее, не выведив, напоили, потная, она смертельно продрогла, простояв морозную ночь без попоны, и под утро пала» (Там же. С. 214).

⁶¹ Наживин имеет в виду начало IV главы 2-й книги «Жизнь Арсеньева», где речь идет о «чисто русской» гордости Ростовцева, и не только его: «Куда она девалась позже, когда Россия гибла? Как не отстояли мы всего того, что так гордо называли мы русским, в силе и правде чего мы, казалось, были так уверены? Как бы то ни было, знаю точно, что я рос во времена величайшей русской силы и огромного сознания ее» (Там же. С. 88–89).

предпоследнего царя. Один лендлорд тамбовский, камергер Двора Его Императорского Величества и граф, прочитав мой трехтомный роман «Во дни Пушкина»⁶², не без удивления сказал мне: «только теперь, наконец, я понял, почему нас так ненавидел народ!..», а вы, моншер, не поняли этого даже и теперь... В пустой душонке вашей кипит злорада. В жалкой книжонке вашей об «истоках дней» ваших вы соизволили собственноручно начертать изумительные слова:

«“Страшная месть” (Гоголя) возбудила в моей душе то высокое чувство, которое вложено в каждую душу и будет жить вовеки, чувство священнейшей законности возмездия, священнейшей необходимости конечного торжества добра над злом и предельной беспощадности, с которой в свой срок зло карается. Это чувство есть несомненная жажда Бога, есть вера в Него. В минуту осуществления Его торжества и Его праведной кары оно повергает человека в сладкий ужас и трепет и разрешается бурей восторга как бы злорадного, который есть на самом деле взрыв нашей любви к Богу и к ближнему»⁶³.

Близкий участник «белого» движения, свидетельствую: этими священными чувствами были в высшей степени одушевлены офицеры Дикой дивизии, любимый покрик которых был: «веревки!» Бедный Деникин, топя ногами и плача, напрасно требовал немедленного повешения этих святителей: их прятали. Гукасовская газета⁶⁴ и теперь еще сладко мечтает о такой мести народу, чтобы «небо надвое расколосось», и много я знаю среди эмиграции архангелов Божиих, которые только и ждут, что <бы> выступить по русским деревням с саблей, нагайкой и веревкой. Вы, их идеолог, должны были бы понять, что если ваше утверждение о святости мести справедливо, то народ, измученный и озлобленный вами, поступил в полном со-

⁶² Роман «Во дни Пушкина» увидел свет в Париже в 1930 г. в составе наживинского Собрания сочинений (т. 21–23).

⁶³ Наживин неточно цитирует финальные строки XV главы 1-й книги «Жизни Арсеньева». Ср.: «“Страшная месть” пробудила в моей душе то высокое чувство, которое вложено в каждую душу и будет жить вовеки, — чувство священнейшей законности возмездия, священнейшей необходимости конечного торжества добра над злом и предельной беспощадности, с которой в свой срок зло карается. Это чувство есть несомненная жажда Бога, есть вера в Него. В минуту осуществления Его торжества и Его праведной кары оно повергает человека в сладкий ужас и трепет и разрешается бурей восторга как бы злорадного, который есть на самом деле взрыв нашей любви и к Богу, и к ближнему...» (*Бунин Ив.* Жизнь Арсеньева. С. 57).

⁶⁴ Имеется в виду газета А.О. Гукасова «Возрождение» (Париж, 1925–1940), которая в первые два года существования, при П.Б. Струве, носила либерально-консервативный характер, а после его ухода (1927) заняла откровенно правую позицию.

гласии с волей Божией, выбросив вас, наконец, к чертовой матери... Аминь, моншер!..

*) Кстати или некстати, всё равно: заезжает ко мне член Гос. Думы бар<он> Э. Разговорились о Париже. Спрашиваю, как Бунин. «Как всегда: обижается». «На что?» «На всё: на то, что не так его приняли, на то, что в собрании не его выбрали председателем, на то, что не оказали знаков подданничества». «В самом деле, он записан, кажется, в 6-ю книгу».

V

Нудный, глупый, бессильный рассказ ваш о вашем детстве вы закончили сладчайшими воспоминаниями о двух встречах ваших с... высочайшим псарем⁶⁵, в<еликим> к<нязем> Николаем Николаевичем⁶⁶. Эти две картинки тут ни к селу, ни к городу, и говорят они только о том, что мозг ваш уже вышел из повиновения вам, что он весь во власти случайных образов, которые и заставляют вас говорить все эти глупости и пошлости. О, если бы, памятуя о толстовских «тарелках воды», вы — или ваши близкие — поняли, наконец, что всё, что вам теперь осталось, это положить перо и сказать, как Кармазинов у Достоевского: мерси!⁶⁷

Первая встреча ваша с будущим Вождем произошла в Орле на вокзале, где вас привело в трепет созерцание длинных ног высочайшего псаря и «зоркость его царственных глаз»⁶⁸. Царственный

⁶⁵ Великий князь Николай Николаевич-младший был страстным собачником и охотником. В 1887 г. он «купил пришедшее в упадок имение в селе Першино Алексинского уезда Тульской губернии и основал там Першинскую великокняжескую охоту», которая просуществовала до 1914 г. «В Першине хорошо была поставлена селекционная работа. Першинские русские псовые борзые считались образцовыми. Щенков широко раскупали иностранцы. Считается, что именно Першинская охота способствовала популяризации этой породы в мире и ее сохранению после революции. Также именно в Першине была выведена управляющим делами великого князя Д. П. Вальцевым порода “русская пегая гончая”» (https://ru.wikipedia.org/wiki/Николай_Николаевич_Младший; дата обращения: 04.04.2020).

⁶⁶ Наживин имеет в виду финальные (XX–XXIII) главы 4-й книги «Жизни Арсеньева».

⁶⁷ Семен Егорович Кармазинов — персонаж «Бесов», исписавшийся литератор. “Merci” — название одного из его «шедевров».

⁶⁸ Ср.: «Тут вся толпа встречающих подалась назад, а из среднего вагона тотчас вслед за тем мягко и точно остановившегося поезда быстро появился и шагнул на красное сукно, заранее разостланное на платформе перед ним, молодой, ярко-русый гигант-гусар в красном доломане, с прямыми и резкими чертами лица, с тонкими, энергично и как бы несколько презрительно изогнутыми ноздрями, с чуть-чуть выдвинутым подбородком, совершенно поразивший меня своей нечеловеческой высотой, длиной тонких ног, зоркостью царственных глаз, больше же всего гордо

доезжачий и мировой чемпион по матерщине — в этом отношении вы уступаете ему, родственная душа, разве только на полголовы⁶⁹ — в это время провожал гроб своего отца⁷⁰ из Крыма в Петербург. Там он, смердя, живо гнил от сифилиса и учинял невероятные скандалы⁷¹, настолько безобразные, что к нему по повелению Александра III был приставлен в качестве няни с НЕОГРАНИЧЕННЫМИ полномочиями проф. П.И. Ковалевский, очень известный сифилидолог⁷², потом вице-ректор Варшавского и ректор Харьковского университета, недавно умерший в эмиграции в очень преклонном возрасте и большой нужде. Уже стоя обеими ногами в могиле, бедный старик без конца рассказывал мне о своих царственных пациентах. Его рассказы опубликованы мною частью в моем романе «Собаки» на английском языке⁷³, который встретил такой теплый прием в Англии и Америке. Ваши эсеры не отметили этой страшной книги ни единым словом. Неужели же правы, в самом деле, большевики, что всю эту грязь и гниль они вымели из России вон? Прочтите на свободе, моншер, эту книгу о вашем герое, которого старик-профессор с великим отвращением иначе никогда не называл, как «пьяница, дурак и зверь».

Вторая встреча ваша с «Вождем», который увел от России все западные губернии с их крепостями⁷⁴, а здесь собирал гроши с нищих, обещая им походы на Москву, которых, как он хорошо знал,

---

и легко откинутой назад головой в коротких и точно гофрированных ярко-русых волосах и крепко и красиво вьющейся рыжей острой бородкой...» (*Бунин Ив.* Жизнь Арсеньева. С. 257–258).

⁶⁹ Бунинская привычка сквернословить не раз становилась предметом наживинских обличий. См. письмо Наживина к Алданову от 17 ноября 1934 г. (*Бакунцев А.В.* «Злейший черносотенник и тупица, он окончательно разложился...». С. 260), а также автограф 1-го тома «Материалов к истории новейшей русской литературы»: «Сын крепостной крестьянки, <...> я всегда испытывал мучительное стеснение от матерного стиля Ивана де Бунин, орловского аристократа, и все пулюиво оглядывался, нет ли поблизости женщин. Но он не стеснялся нисколько» (РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 9. Л. 39).

⁷⁰ Имеется в виду великий князь Николай Николаевич-старший (1831–1891).

⁷¹ Сведения Наживина не вполне точны: в 1880 г. у Николая Николаевича-старшего была обнаружена злокачественная опухоль десны, которая, по-видимому, дала метастазы в головной мозг и повлияла на психическое здоровье великого князя. Болезнь обострилась после смерти его возлюбленной — балерины Е.Г. Числовой (1846–1889). «Великий князь испытывал сексуальное влечение ко всем окружающим женщинам; после ряда инцидентов стало очевидно, что он не в состоянии контролировать собственное поведение. Последние годы находился под домашним наблюдением и не появлялся на публике» (https://ru.wikipedia.org/wiki/Николай_Николаевич_Старший; дата обращения: 04.04.2020).

⁷² Наживин и тут неточен: Павел Иванович Ковалевский (1859–1931) был психиатром.

⁷³ См.: *Nazhivin I.* The Dogs. London: J.B. Lippincott, 1931. 336 p.

⁷⁴ Наживин намекает на отступление Русской армии в 1915 г., которое было предпринято по приказу Николая Николаевича-младшего, тогдашнего Верховного Главнокомандующего, для ее сохранения.

никогда не будет (ваши восхвалители из милюковской газеты очень едко говаривали, что эти средства в «казну великого князя» идут на устройство у него... центрального отопления!..) — так вторая встреча ваша с ним произошла на юге Франции, когда Вождь лежал уже в гробу, бездыханен и, к счастью, безгласен. Вы, моншер, конечно, поторопились поклониться праху этого рыцаря печального образа, и, конечно, опустили у его гроба на колени, и, конечно, по своему обыкновению, распустили сопли, и, конечно, о чувствительности вашей поведали, как всегда, *urbi et orbi*⁷⁵.

На этом акафисте вашем псарю сладчайшему кончается ваша бестолковая и бескрылая книга, самый беспощадный приговор «вашему кругу» — в этом ее огромная заслуга перед русским народом.

VI

Потерявшему всякое чувство меры своих сил моншеру показалось и этого мало в смысле выявления верноподданнических чувств, и вот в милюковской газете торжественно объявляется, что завтра у них будет напечатан фельетон нобелевского лауреата, — конечно, «нашего многолетнего сотрудника»⁷⁶. Я прочитал этот страшный «Конец» — страшный по своей пустоте и бездарности. В нем вы пропели панихиду тому, что осталось сзади вас, на черноморском берегу, где, по вашему смачно-дворянскому выражению, царствует теперь «самая подлая чернь». Но, моншер, вы и тут ошиблись: сзади нас осталась Россия, которая ни в малейшей степени «кончатся» и не думает. Она проходит к жизни новой великими муками, главная причина которых <—> то угнетение и невежество, в котором держали народ вы, великие недоросли с царственно-зоркими очами и нагай-

---

⁷⁵ Скорее всего, имеются в виду строки, которыми венчается описание панихиды по Николае Николаевиче: «И я опускаюсь на колени и, сжимая зубы, страстно плачу» (*Бунин Ив. Жизнь Арсеньева*. С. 263).

⁷⁶ Имеется в виду анонс: «В завтрашнем (воскресном) номере “Последних новостей” будет напечатан рассказ И.А. Бунина о том, как он покидал Россию: “Конец”» (<*Б.н.*> И.А. Бунин в «Посл<едних> новостях» // Последние новости. 1933. № 4623, 18 нояб. С. 1). Закавыченные слова «наш многолетний сотрудник» взяты Наживинным из заметки «И.А. Бунин в “Последних новостях”» (№ 4621, 16 нояб. С. 3). Рассказ Бунина «Конец» напечатан в газете П.Н. Милюкова 19 ноября 1933 г. (№ 4624. С. 2–3).

кой в руке⁷⁷. Кончилась совсем не Россия — кончилось лишь царство уездных моншеров, подлой черни в дворянской фуражке⁷⁸.

И вот, наконец, заключительный аккорд героической симфонии «Уездный моншер»: б<ывшие> эсерики предпринимают издание полного собрания ваших сочинений⁷⁹. Дело явно безнадежное: несмотря на весь крик заводных газетных кукушек, вас, мертвеца, читать все-таки не будут, и опять ваши книжки будут продаваться из-под полы со скидкой в 95%⁸⁰. Ибо вы прежде всего раб ленивый и лукавый: вы не хотите открыто стать с правыми, но кажете им из-за спины не без приятности вашу дворянскую фуражку (Милюков в гонорах много щедрее Гукасова), но не хотите вы среди демократических друзей ваших и убрать фуражку совсем: не видно еще вам, кто из них возьмет верха, земские начальники или эсерики.

Еще раз возвращаюсь к замечательной беседе нашей, когда вы, моншер, потребовали, чтобы кто-то вам дал денег на создание великих произведений. Злодейка-судьба задумала посмеяться над вами и денег вам дала. Но именно теперь-то вы и не дадите больше ничего⁸¹. Раньше хоть нужда заставляла вас делать какое-то подобие

⁷⁷ Не исключено, что эти и многие другие созвучные им строки, наряду с прозрачными отсылками к горьковскому «Буревестнику», — своего рода реверанс в сторону советской власти. Еще в 1926 г., рассорившись едва ли не со всей эмиграцией, Наживин впервые ходатайствовал о советском гражданстве. В 1934 г. он предпринял новую попытку добиться разрешения вернуться на родину, в течение двух лет переписывался по этому поводу с советскими консульствами в Брюсселе и Париже, обращался даже лично к И.В. Сталину, в качестве «аванса» передал в СССР часть своего архива, предлагал Госиздату свое 40-томное Собрание сочинений. Однако все его усилия оказались тщетными: на родину его так и не пустили (см.: *Куденис В.* Иван Наживин в Бельгии // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 4. С. 198). Очевидно, советской власти было хорошо известно наживинское дводеушие.

⁷⁸ «Дворянская фуражка», «фуражка с красным околышем» — еще одно излюбленное клише в антибунинской публицистике Наживина.

⁷⁹ Имеется в виду 11-томное Собрание сочинений Бунина, предпринятое берлинским издательством «Петрополис» в 1934–1936 гг. (см.: *Морозов С.Н.* История подготовки Собрания сочинений И.А. Бунина в издательстве «Петрополис» (по материалам переписки) // Литературный факт. 2017. № 5. С. 248–265). Между тем ни владельцы издательства — Яков Ноевич Блюх (1892–1968) и Абрам Саулович Каган (1889–1983), ни их парижский партнер, владелец «Дома книги» Михаил Семенович Каплан (1894–1979) эсерами не были. Среди тех, кто в той или иной мере был причастен к изданию бунинского Собрания сочинений, в партии эсеров состоял только литературный агент писателя Марк Львович Слоним (1894–1976).

⁸⁰ Как можно понять из статьи С.Н. Морозова, несмотря на определенные трудности, тома Собрания сочинений расходились неплохо, а некоторые даже настолько хорошо, что издательство втайне от автора, в нарушение договора, дореиздавало их (см.: *Морозов С.Н.* История подготовки Собрания сочинений И.А. Бунина... С. 263). Так что «пророчество» Наживина не подтвердилось.

⁸¹ Неправота этих слов доказывается событиями последующих лет: в 1934–1936 гг. Бунин выпускает Собрание сочинений, в 1937 г. — «Освобождение Толстого», в 1939 г. — 5-ю книгу «Жизни Арсеньева» под заглавием «Лица»; в конце

работы, а теперь вы среди погибающих будете бражничать в вашем «Маджестике», спальном вагоне и у Корнилова и будете — это у вас *spécialité de la maison*⁸² — садить грязной матерщиной. В уже первом интервью вашем, данном разным демократическим прихлебателям, вы пустили осторожное словечко: «я — ленив»⁸³. Вы лжете, моншер! Вы не ленивы, но окончательно придавлены к земле темным и ужасным сознанием вашего полного бессилия⁸⁴. Вы — импотент⁸⁵. Вы — каплун, который, остарев, не годен даже на жаркое.

Когда в Париже братья-писатели уговорили любовницу Николая П, знаменитую Малю Кшесинскую, взглянуть хорошенько в их пользу на балу и вознесли ее за это до небес⁸⁶, я подал заявление в Союз писателей в Париже о своем выходе из числа его членов. Мне известно, что публика в Париже, наглядевшись на наши художества, дала нам кличку: неглубокоуважаемые⁸⁷. После триумфа, который только что устроен эсериками вам, земскому начальнику, мне невероятно стыдно носить звание — когда-то почетное — русского писателя. Вам лично я чрезвычайно благодарен, однако, моншер: вашим раболепством пред опоганенными тенями прошлого, вашим откровенным поплевыванием в сторону нас, не имеющих будто бы ни роду, ни племени и к вашему поганому кругу не принадлежащих, вы окончательно открыли мне глаза, и я, старик с белой уже головой, с облегченным сердцем ухожу от вашего — по выражению графини

1930-х — середине 1940-х гг. пишет множество рассказов, большая их часть составит цикл «Темные аллеи», который выйдет двумя изданиями в Нью-Йорке и Париже в 1943 и 1946 гг. соответственно; в начале 1950-х гг. издает «Воспоминания», еще три сборника рассказов и полный текст «Жизни Арсеньева»; вплоть до самой смерти работает над книгой «О Чехове» и не успевает ее закончить.

⁸² Фирменное блюдо (*фр.*).

⁸³ Имеются в виду слова Бунина из интервью «Последним новостям» в самом начале «нобелевских дней»: «Награда застала меня среди горячей литературной работы. Работу пришлось прервать. Оно приятно, потому что я ленив. Но и жалко. Я чувствую, как трудно будет вернуться к прерванному после новых впечатлений, новых встреч...» (<Б.л.> Нобелевская премия И.А. Бунина: Отзывы иностранной печати. — Планы лауреата // Последние новости. 1933. № 4616, 11 нояб. С. 1).

⁸⁴ В действительности осенью 1933 г. Бунин напряженно работал над 5-й книгой «Жизни Арсеньева» и обдумывал содержание новых глав романа.

⁸⁵ «Импотент» — одна из самых частотных наживинских «характеристик». «Импотентами» Наживин в своих письмах и «Материалах» называл поголовно всех писателей-эмигрантов, делая исключение только для себя и (до 1935 г.) Алданова.

⁸⁶ Возможно, Наживин имеет в виду выступление учениц балетной школы М.Ф. Кшесинской на традиционном балу прессы 13 января 1930 г. (см.: Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция / Под общ. ред. Л.А. Мнухина. Paris; М., 1995. Т. 2. С. 10).

⁸⁷ Одного из своих корреспондентов (скорее всего — М.А. Осоргина) Наживин также уверял в 1935 г.: «...этот титул <“неглубокоуважаемые”> выдуман не мною, а идет из публики» (Цит. по: Бакунцев А.В. «Злейший черносотенник и тупица, он окончательно разложился...»... С. 267). Этим же словом Наживин озаглавил свой сатирический, скандально-эпатажный роман, изданный в Тяньцзине в 1935 г.

Клейнмихель — «потонувшего мира»⁸⁸, чтобы по мере сил служить Новой России, встающей из развалин к жизни новой. Спасибо, моншер!..

Литература

Бакунцев А.В. «Злейший черносотенник и тупица, он окончательно разложился...»: И.Ф. Наживин об И.А. Бунине (1930-е гг.) // Литературный факт. 2019. № 1 (11). С. 254–275.

Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; вступ. ст. О.Н. Михайлова; коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. 640 с.

Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. / Под общ. ред. А.С. Мясникова; подгот. текста и примеч. О.Н. Михайлова. М.: Худож. лит., 1967. Т. 9. 622 с.

И.А. Бунин и И.Ф. Наживин. Переписка / Публ., коммент. В. Кудениса, Н.Н. Примочкиной, Р. Дэвиса; предисл. В. Кудениса // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 277–326.

Куденис В. Иван Наживин в Бельгии // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 4. С. 196–199.

Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2 (1910–1919) / Сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 1184 с.

Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 1. М.: Наука, 1973. 400 с.

Марченко Т.В. «Венок лауреата ему точно впору»: французская пресса о Нобелевской премии Бунина // От Бунина до Пастернака: русская литература в зарубежном восприятии: к юбилеям присуждения Нобелевской премии русским писателям: международная научная конференция (Москва, 16–19 ноября 2009 г.) / Сост., науч. ред. Т.В. Марченко. М.: Русский путь, 2011. С. 131–151.

Марченко Т.В. Русская литература в зеркале Нобелевской премии. М.: Азбуковник, 2017. 671 с.

Морозов С.Н. История подготовки Собрания сочинений И.А. Бунина в издательстве «Петрополис» (по материалам переписки) // Литературный факт. 2017. № 5. С. 248–265.

Письма И.Ф. Наживина к И.А. Бунину (1919–1920) / Публ. В. Кудениса и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. I / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2004. С. 317–332.

Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция / Под общ. ред. Л.А. Мнухина. Т. 2. Paris; М.: УМСА-Press; Эксмо, 1995. 658 с.

Устами Буниных: дневники И.А. и В.Н. Буниных и другие архивные материалы. В 2 т. / Под ред. М.Э. Грин; вступ. ст. Ю.В. Мальцева. Т. 1. М.: Посев, 2004. 304 с.

⁸⁸ «Из потонувшего мира» — так озаглавлены мемуары графини Марии Эдуардовны Клейнмихель (урожд. графини Келлер, 1846–1931), увидевшие свет в Берлине в 1922 г., а уже год спустя переизданные с купюрами в Советской России.

References

Bakutsev A.V. “Zleishii chernosotennik i tupitsa, on okonchatel’no razlozhilsia...”: I.F. Nazhivin ob I.A. Bunine (1930-e gg.) [“The most bitter black-hundredist and bullhead, he’s putrefied completely...”: Ivan Nazhivin on Ivan Bunin (1930s)]. *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 1 (11), pp. 254–275. (In Russ.)

Bunin I.A. *Publitsistika 1918–1953 godov* [Publicistic writings of 1918–1953], ed. and intro. O.N. Mikhailov, comment. S.N. Morozov, D.D. Nikolaev, E.M. Trubilova. Moscow, IWL RAS Publ., Nasledie Publ., 2000. 640 p. (In Russ.)

Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected works], in 9 vols., vol. 9, ed. A.S. Miasnikov, text ed. and comment. O.N. Mikhailov. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1967. 622 p. (In Russ.)

I.A. Bunin i I.F. Nazhivin. *Perepiska* [Ivan Bunin and Ivan Nazhivin. Correspondence], publ., comment. V. Kudenis, N.N. Primochkina, R. Davies, intro. V. Kudenis. *S dvukh beregov. Russkaia literatura 20 veka v Rossii i za rubezhom* [From two shores. Russian literature of the 20th century in Russia and abroad]. Moscow, IWL RAS Publ., 2002, pp. 277–326. (In Russ.)

Kudenis V. Ivan Nazhivin v Bel’gii [Ivan Nazhivin in Belgium]. *Rossiiskii literaturovedcheskii zhurnal*, 1994, no. 4, pp. 196–199. (In Russ.)

Letopis’ zhizni i tvorchestva I.A. Bunina [Chronicle of Ivan Bunin’s life and work], vol. 2 (1910–1919), comp. S.N. Morozov. Moscow, IWL RAS Publ., 2017. 1184 p. (In Russ.)

Literaturnoe nasledstvo. T. 84: Ivan Bunin. Kn. 1 [Literary heritage. Vol. 84: Ivan Bunin. Issue 1]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 400 p. (In Russ.)

Marchenko T.V. *Russkaia literatura v zerkale Nobelevskoi premii* [Russian literature in the mirror of the Nobel Prize]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2017. 671 p. (In Russ.)

Marchenko T.V. “Venok laureata yemu tochno vporu”: frantsuzskaia pressa o Nobelevskoi premii Bunina [“The Laureate’s wreath fits him perfectly”: the French press on Bunin’s Nobel Prize]. *Ot Bunina do Pasternaka: russkaia literatura v zarubezhnom vospriiatii: k yubileiam prisuzhdeniya Nobelevskoi premii russkim pisateliam: mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia (Moskva, 16–19 noiabria 2009 g.)* [From Bunin to Pasternak: Russian literature in foreign perception: To mark the anniversaries of the Nobel Prize for Russian writers: Int. Sci. Conf. (Moscow, November 16–19, 2009)], comp., ed. T.V. Marchenko. Moscow, Russkii put’ Publ., 2011, pp. 131–151. (In Russ.)

Morozov S.N. *Istoriia podgotovki Sobraniia sochinenii I.A. Bunina v izdatel’stve “Petropolis” (po materialam perepiski)* [Editing of I.A. Bunin’s Collected Works in Petropolis Publishing House (based on the correspondence)]. *Literaturnyi fakt*, 2017, no. 5, pp. 248–265. (In Russ.)

Pis’ma I.F. Nazhivina k I.A. Buninu (1919–1920) [Ivan Nazhivin’s letters to Ivan Bunin (1919–1920)], publ. V. Kudenis and R. Davies. *I.A. Bunin: Novyie materialy* [I.A. Bunin: New materials], issue 1, comp., ed. O. Korostelev and R. Davies. Moscow, Russkii put’ Publ., 2004, pp. 317–332. (In Russ.)

Russkoe zarubezh’e. Khronika nauchnoi, kul’turnoi i obshchestvennoi zhizni. 1920–1940. Frantsiia [Russian Abroad. Chronicle of scientific, cultural and social life. 1920–1940. France], vol. 2, ed. L.A. Mnukhin. Paris, Moscow, YMCA-Press Publ., Eksmo Publ., 1995, 658 p. (In Russ.)

Ustami Buninykh: dnevniki I.A. i V.N. Buninykh i drugie arkhivnye materialy [As spoken by the Bunins: Ivan and Vera Bunins’ diaries and other archival materials], in 2 vols. Vol. 1, ed. M.E. Grin, intro. Yu.V. Mal’tsev. Moscow, Posev Publ., 2004. 304 p. (In Russ.)

Anti-Bunin pamphlet by Ivan Nazhivin

© 2020, Anton Bakuntsev

Abstract: This publication continues the theme “I.F. Nazhivin vs I.A. Bunin” which was brought up earlier in one of the issues of “Literaturnyi fakt”. Ivan Fedorovich Nazhivin (1874–1940), a writer and publicist well-known in the Russian émigré circles, a follower of Leo Tolstoy, knew Bunin personally and corresponded with him for many years. The publication introduces into scientific circulation Nazhivin’s article-pamphlet “The County Moncher” (1934), the autograph of which (an unauthorized typescript) is stored in I.A. Bunin’s collection in the Russian State Archive of Literature and Art. Presumably, it is this text that the author intended to publish in the émigré press. The introductory article gives a brief description of the autograph, and also argues the choice of a more completed version of the text for publication. The basic principles of editing and commenting the material for publication are outlined.

Keywords: Ivan Nazhivin, Ivan Bunin, Nobel Prize, Russian Abroad, pamphlet, “The Life of Arseniev”, “The County Moncher”.

Information about author: Anton Bakuntsev, PhD, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: auctor@list.ru

Citation: Bakuntsev Anton. Anti-Bunin pamphlet by Ivan Nazhivin. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 2 (16), pp. 93–118. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-93-118

DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-119-181
УДК 821.161.1

**«Всё простое и ясное
было кем-то превращено в неимоверно сложное»:
Переписка Л.Ф. Зурова и В.А. Мануйлова
(1961–1967)***

© 2020, А.М. Любомудров

Аннотация: Впервые публикуется переписка прозаика русского зарубежья Л.Ф. Зурова и литературоведа В.А. Мануйлова. Главной темой писем стал вопрос о передаче рукописного и мемориального наследия Ивана Бунина, владельцем которого был Зуров, в Россию. Публикация приближает к пониманию причин, в силу которых многолетние переговоры завершились безрезультатно, позволяет уточнить детали и обстоятельства этой истории. Корреспонденция затрагивает имена многих ключевых фигур культурной жизни русского зарубежья и метрополии, содержит характеристики лиц, активно содействовавших возвращению наследия классика, а также функционеров, блокировавших этот процесс. Отражая борьбу литераторов, ученых, музейных работников с партийно-чиновничьей машиной, для которой фигура Бунина оставалась идеологически чуждой, переписка выпукло рисует картину советской культурной политики и общественных настроений 1960-х гг. В ряде писем затрагиваются статьи Л. Зурова о Лермонтове и его работа над романом «Зимний дворец». Публикация позволяет также уточнить психологический портрет Л. Зурова и выявить ряд значимых эпизодов в научной биографии В. Мануйлова.

Ключевые слова: Л.Ф. Зуров, В.А. Мануйлов, архив И. Бунина, русское зарубежье, переписка.

Информация об авторе: Алексей Маркович Любомудров, д.ф.н., ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: anketaspb@yandex.ru.

Цитирование: Любомудров А.М. «Всё простое и ясное было кем-то превращено в неимоверно сложное». Переписка Л.Ф. Зурова и В.А. Мануйлова (1961–1967)// Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 119–181. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-119-181

Эпистолярное наследие Л.Ф. Зурова (1902–1971) необычайно велико. Постепенно оно вводится в научный оборот, открывая новые страницы истории литературы русского зарубежья, добавляя новые штрихи к портретам самого писателя и его многочисленных корреспондентов, среди которых поэты, прозаики, журналисты, художники, реставраторы, искусствоведы, историки, краеведы, археологи, богословы, издатели, библиографы, переводчики, сотрудники научных центров Франции, Чехословакии, Эстонии, Шотландии. В послевоенные годы особенно активной стала переписка Зурова с соотечественниками. Большой пласт ее посвящен научным экспедициям Зурова в Прибалтику, его археологическим и этнографическим разысканиям. Другая значимая тема — фигура Бунина. Во второй половине 1950-х гг. появились первые в советской России издания классика, литературоведы проявляли возрастающий интерес к его биографии и творчеству. В.Н. Бунина и Л.Ф. Зуров охотно откликались на просьбы присылать статьи, заметки, публикации в зарубежных изданиях. После кончины Веры Буниной в переписке Зурова обретает масштаб тема возвращения бунинского наследия в Россию. Как известно, многолетние переговоры кончились безрезультатно. В этой истории еще много непроясненных деталей и обстоятельств. Уточнить их помогает публикуемая переписка с В.А. Мануйловым, она дает представление о фактической (хронология и содержание переговоров) и психологической составляющих.

Виктор Андроникович Мануйлов (1903–1987), выдающийся историк русской литературы, специалист по творчеству Лермонтова, инициатор и главный редактор «Лермонтовской энциклопедии», принадлежит к плеяде сотрудников Пушкинского Дома, с которыми Зуров переписывался на протяжении последнего десятилетия своей жизни, — В.И. Мальшев¹, П.П. Ширмаков, Л.Н. Назарова. С несколькими пушкинодомцами Зуров познакомился в октябре 1960 г. в Париже. Группа ленинградских ученых, в которую входили Л.Ф. Ершов, В.В. Тимофеева, Л.Н. Назарова, Е.И. Кийко и Т.П. Голованова (на тот момент все — сотрудники ИРЛИ), посетила Францию, и трое (Назарова, Кийко, Голованова) побывали в гостях у Буниной и Зурова. Эта встреча положила начало многолетней дружбе². Глав-

¹ «Знаю, что вы любите древний Псков». Переписка Л.Ф. Зурова и В.И. Мальшева (1957–1971) / Предисл., подгот. текста и коммент. А.М. Любомудрова // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2016. М., 2016. С. 441–517.

² См.: Голованова Т.П., Назарова Л.Н. Парижские встречи с далеким и недалеким прошлым // Бунинский сборник: (Материалы научной конференции, посвященной столетию со дня рождения И.А. Бунина). Орел, 1974. С. 295–307.

ным корреспондентом стала Людмила Николаевна Назарова. В ее письмах проступает забота и сочувствие к Зурову, который тяжело перенес кончину Веры Николаевны. В свою очередь, письма Зурова к ней наполнены почти сыновней нежностью: он ощущал острое одиночество и нуждался в общении. Л. Назарова была коллегой и единомышленницей Мануйлова, много десятилетий их связывали дружеские и творческие отношения. Она приняла самое деятельное участие в истории с наследством Бунина³.

В. Мануйлов в 1960–1961 г. переписывался с Верой Николаевной⁴, которая прислала ему отрывок из воспоминаний Бунина о М. Волошине (ученый включил его в свою книгу «Записки счастливого человека»⁵), дарила книги — свою «Жизнь Бунина», «Темные аллеи» И. Бунина, «Алексей Ремизов» Н. Кодрянской. В письме от 13 ноября 1960 г. Мануйлов предложил Вере Николаевне прислать рукопись ее новой мемуарной книги («Беседы с памятью») и несколько бунинских рассказов, надеясь организовать их публикацию в России. (Книга, как написала в ответ Вера Николаевна, еще не готова, и напомнила, что ее мемуары «Жизнь Бунина» (Париж, 1958) планировал переиздать в Москве А.К. Бабореко, но ему не позволили это сделать.) В завершение того же письма Мануйлов задает «смелый и очень важный вопрос: не хотели бы Вы вернуться в Советский Союз?» и заверяет, что в случае согласия будет сделано «всё необходимое»⁶.

Вскоре В. Бунина скончалась, передав эстафету в общении с Мануйловым Л. Зурову: в одном из последних своих писем, от 1 февраля 1961 г., она упоминает о том, что Зуров выслал ученому свой сборник «Марьянка». Мануйлов поблагодарил Зурова, и с этого момента началось их эпистолярное общение. В силу открытого доверчивого характера, душевной доброты Зуров быстро сближался со своими корреспондентами, даже если не был лично с ними знаком. После двух-трех писем у писателя и ученого сложились отношения доверительные и почти родственные, благо и Мануйлов отличался душевной щедростью. По воспоминаниям А.В. Лаврова, это был человек, «открытый миру и людям, излучающий доброжелательность

³ В настоящее время переписка Л. Зурова и Л. Назаровой готовится к публикации в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома».

⁴ Письма Мануйлова к Буниной находятся в LRA (MS. 1067/4152-4161), письма Буниной к Мануйлову — в РО ИРЛИ (Ф. 713. Архив В.А. Мануйлова).

⁵ Мануйлов В.А. Записки счастливого человека: Воспоминания. Автобиографическая проза. Из неопубликованных стихов / Под ред. Н.Ф. Будановой. СПб., 1999. С. 214–215.

⁶ РО ИРЛИ. Ф. 713. Архив В.А. Мануйлова.

и теплоту <...> Эти качества он пронес нерастраченными через всю свою нелегкую жизнь»⁷. Мануйлов, как и Л. Назарова, на протяжении нескольких лет отправляли Зурову караваи ржаного хлеба, эти «утешительные» посылки очень его радовали, напоминая о родине. Виктор Андроникович поддерживал своего корреспондента и словом: «С сердечным приветом и искренним восхищением Вашей стойкостью и Вашим терпением, которое мы здесь очень и очень ценим» (письмо от 13 марта 1962 г.).

Одной из тем, объединявших интересы Зурова и Мануйлова, стало творчество Лермонтова. Крупнейший лермонтовед, Мануйлов заинтересовался статьей Зурова, в которой тот сопоставил повесть «Тамань» и рассказ Жорж Санд «Орко». Мануйлов расценил эту работу как научное открытие и впоследствии ссылался на нее.

Но главная тема переписки связана с судьбой наследия И.А. Бунина. После кончины Веры Николаевны его владельцем стал Л. Зуров. Личные и мемориальные вещи (одежда, картины, письменные принадлежности и др.), архив (библиотека, письма и дневники) Зуров хранил в своей небольшой квартире, а мебель (шкафы, столы, кресла и др.) — на складе, внося плату. В. Бунина, а затем и Л. Зуров полагали, что бунинское мемориальное наследие должно быть отправлено на родину. С Зуровым начали переговоры, в орбиту которых постепенно оказались втянуты представители советского посольства, служащие министерств, члены Союза писателей, сотрудники Академии наук, музейные работники.

Мануйлов прекрасно понимал ценность наследия нобелевского лауреата. Ему было известно, что Вера Николаевна начала постепенную передачу рукописей Бунина в советские архивохранилища⁸. Узнав о ее кончине, Мануйлов без промедления обратился к Зурову с предложением передать весь архив, полагая, что лучшим местом его хранения станет Пушкинский Дом (письмо от 1 июня 1961 г.). С этого момента тема передачи бунинского наследия становится постоянной в их переписке. На протяжении семи лет В.А. Мануйлов и Л.Н. Назарова прилагали все возможные усилия к тому, чтобы оно

⁷ *Лавров А.В.* В.А. Мануйлов — ученик Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1. СПб., 2010. С. 624.

⁸ «Начиная с 1956 г. вплоть до своей смерти (1961) Вера Николаевна систематически, по несколько раз в год, небольшими партиями передавала рукописи Бунина в СССР. Как правило, это были автографы произведений, уже опубликованных. Поступления эти, шедшие по дипломатическим каналам, распределялись по разным государственным хранилищам. Большая часть их была передана в ЦГАЛИ, очень значительное количество — в ИМЛИ, некоторые материалы (главным образом изобразительные) — в ГЛМ» (Бунинские материалы в архивах Советского Союза // ЛН. Т. 84. Кн. 2. М., 1973. С. 448).

оказалось на родине: активно обсуждали этот вопрос с писателями и музейными работниками, обращалась в различные инстанции с требованиями ускорить решение. Зуров постоянно держал Мануйлова в курсе своих переговоров, высылал копии переписки.

Одним из энтузиастов в деле передачи наследия был буниновед Александр Кузьмич Бабореко. Начиная с 1956 г. он переписывался с В.Н. Буниной, а затем и с Л.Ф. Зуровым⁹, обсуждая этот вопрос. Мануйлов заочно познакомился с Бабореко благодаря «бунинскому делу». Вначале он настороженно относился к запланированной (но так и не состоявшейся) поездке Бабореко в Париж, но затем, обменявшись с ним письмами, убедился в полном совпадении взглядов и поддержал его инициативы. Мануйлов подбодрял Зурова, советовал не опускать руки: «Союз писателей и “Литературная газета” давно следят за этим делом, и всем нам непонятно и неприятно, что дело так затянулось. Министерство культуры давно уже сообщило Министерству иностранных дел свое мнение о том, что эти вещи, завещанные Советскому Союзу, в самое ближайшее время должны быть перевезены в Орел. Поэтому смело и решительно напоминайте работникам посольства о необходимости срочно довести дело с бунинскими вещами до конца» (письмо от 24 апреля 1962 г.).

И Зуров, и Мануйлов, как и другие участники этой истории, получали уверения людей властных и полномочных в том, что дело вот-вот решится и архив окажется в России. Поддержку обещал и руководитель Союза писателей К.А. Федин. Но переписка с секретариатом писательского союза не имела никаких положительных последствий. Наконец, 19 декабря 1963 г. Мануйлов обратился с письмом к секретарю ЦК КПСС Л.Ф. Ильичеву. Он подробно изложил историю дела, отверг мнения чиновников о корыстных намерениях Зурова и просил принять меры к тому, чтобы «как можно скорее благополучно закончилась затянувшаяся печальная история с вещами и материалами И.А.Бунина»¹⁰. Ответа на это письмо ученый не получил и впоследствии не раз в переписке с друзьями высказывал возмущение по поводу такого молчания.

Многолетняя эпопея продолжалась. К Зурову направляются работники советского посольства, приезжают (по заданию идеологических отделов) писатели Л. Никулин, В. Ажаев. Но дело так и не двигается с места. Мануйлов обсуждает его в дружеской переписке с прозаиком В.А. Сафоновым, с директором Орловского музея

⁹ Обширная переписка А. Бабореко с Л. Зуровым и В. Буниной 1958–1971 гг. хранится в ДРЗ (Ф. 3. Оп. 1. К. 1. Ед. хр. 32–38).

¹⁰ РО ИРЛИ. Ф. 713. Архив В.А. Мануйлова.

Л.Н. Афониным, с Бабореко, вынашивает вместе с ними планы обратиться от имени видных деятелей литературы в центральные газеты, в ЦК КПСС. Несмотря на энергичную поддержку А.Т. Твардовского и других маститых литераторов, переговоры ни к чему не привели из-за позиции чиновников в Союзе писателей и ЦК КПСС. Советская сторона отказалась от приобретения архива. Об этом подробно повествует Бабореко в своей книге «Дороги и звоны»¹¹. Уникальные письма участников событий из Архива внешней политики РФ опубликованы в качестве приложения к книге М. Рощина «Иван Бунин»¹².

Убедившись в тщетности всех усилий, Мануйлов замечает: «Это одно из самых грустных дел, которыми мне когда-либо приходилось заниматься» (письмо к Л. Зурову от 13 октября 1965 г.).

Такова внешняя канва событий. Но, помимо фактов, личные письма Зурова знакомят с его переживаниями, сомнениями, недоумениями, позволяют судить о его намерениях и ожиданиях. Очевидны и бескорыстие, и тревога за судьбу ценнейшего архива, и поразительная наивность, непонимание подоплеки событий и мотивов их участников, полное отсутствие «деловой жилки». Зуров ведет переписку со множеством лиц, каждое из которых подробно информирует о ходе дела, цитирует свои письма, отправленные другим адресатам, приводит их ответы и признается: «Меня утомил разнобой. Я всё время пытаюсь объединить людей, занятых бунинскими делами». Его письма превращаются в сложнейшие информационные конструкции. Вот пример: в письме к Мануйлову от 29 мая 1962 г. он сообщает про письмо, полученное им от Л. Афонина, в котором тот уведомляет Зурова о том, что получил его письмо с информацией о планируемой поездке А. Бабореко в Париж. Далее Зуров рассказывает о своем письме к Бабореко, в котором просил того показать свою открытку чиновнику из Союза писателей К. Воронкову и спросить у него, известен ли ему доклад дипломата Пастухова, который беседовал с Зуровым о приобретении бунинских вещей...

Надежды на скорое решение дела, ожидание приезда Бабореко («с радостью его приму») сменяются недоумением, разочарованием, растерянностью, которые порождают болезненные невротические состояния, в чем Зуров также признается, ища сочувствия и утешения. Мануйлов отвечает ему с большим тактом и выдержкой, призывает не терять надежду.

¹¹ Бабореко А. К. Дороги и звоны: Воспоминания, письма. М., 1993. С. 98–109.

¹² «Советская хроника» Ивана Бунина. Публ. Дм. Черниговского // Рощин М.М. Иван Бунин. М., 2000. С. 291–328.

Среди лиц, делегированных для переговоров с Зуровым, не нашлось человека, который смог бы найти подход к душевно тонкому, склонному к мнительности писателю, проявил бы такт, терпение, мудрость. Такими качествами обладал А. Бабореко, но ему так и не дали встретиться с Зуровым.

В публикуемой переписке выделяется своим объемом письмо Зурова от 20 февраля 1962 г. Это изложенная на 12 машинописных страницах подробнейшая история общения с Л.В. Никулиным и другими лицами, причастными к теме возвращения бунинского наследия. Хроника имеет исповедальный характер: Зуров отмечает свою эмоциональную реакцию на события. Отсутствие позитивных подвижек буквально убивает писателя: «От Л.В. Никулина (после 8-го августа) писем не получал, а у меня начало сдавать сердце». Он умоляет его ответить на письмо, считает дни после предыдущего послания, изнемогает от ожидания. Совершенно по-детски обижается на Никулина, считая себя обманутым: он, мол, жаловался на болезнь ног, однако прекрасно дошел до метро; Зуров вернулся со встречи с ним совершенно разбитым, а тот укатил на курорт.

Лев Никулин — давний знакомый В. Буниной и Л. Зурова, не раз бывал у них еще в 1950-е гг. с целью получения архива нобелевского лауреата¹³. После кончины Веры Николаевны он настойчиво пытается убедить Зурова как можно скорее составить описание архива и затем передать его в СССР (сумму вознаграждения должны были определить сотрудники советского посольства). Из переписки¹⁴ можно понять суть взаимных претензий. Поначалу Зуров видел в Никулине представителя музейных работников, заинтересованных в приобретении *вещей* Бунина, и был разочарован, когда понял, что тот не имеет к музейщикам никакого отношения и проявляет интерес лишь к рукописному наследию. Никулин со скрытым раздражением говорил о несопоставимой ценности, например, «седла Льва Толстого» и рукописи его романа, но Зуров пылко возражал ему. Постепенно тон их переписки становится менее дружелюбным, и в письме от 3 января 1962 г. Никулин переходит на язык ультиматума: «на первом месте стоит вопрос о литературном наследии Ивана Алексеевича, что же касается мемориальных вещей, то о них можно говорить только

¹³ Подробнее о личности и намерениях Л. Никулина см.: «Ваше письмо... меня очень, очень тронуло». Переписка С.Ю. Прегель с Л.В. Никулиным и П.Л. Вячеславовым / Публ., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Хазана // Метрополия и диаспора: две ветви русской культуры. V Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века». М., 2015. С. 405–407.

¹⁴ ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Ед. хр. 84. Л. 1–34.

после того, как с Вашей стороны будет сделан первый шаг в отношении передачи хоть какой-нибудь части литературного наследия»¹⁵. Но Зуров не отступал от намерения сперва определить судьбу вещей, и переговоры шли по замкнутому кругу.

Некоторая трудность во взаимопонимании проступает, впрочем, и в переписке Зурова с Мануйловым. Долгое время ученый полагал, что Зуров — лишь посредник в деле передачи наследия и что Вера Бунина всё завещала России, и только спустя три года выяснил, что это не так. Зуров уточняет: во-первых, Бунина завещала вещи и архив лично ему, во-вторых, речь идет не о безвозмездной передаче в Советский Союз, а о получении денежной компенсации, в том числе за понесенные Зуровым расходы. Мануйлов откровенен: «Это обстоятельство резко осложняет дело. Ведь лишней валюты у государства нет...»

История с бунинским наследством становилась всё более запутанной, полной недоговоренностей. Постоянная тревога за судьбу вещей и архива, бесконечные «посулы и обещания», которые оканчивались ничем, держали Зурова в нервном напряжении, угнетали, заставляли переживать, о чем он постоянно говорит в письмах. Всё это серьезно сказалось на его физическом и душевном состоянии, он вынужден был лечиться в госпиталях.

После 1963 г. переписка с Мануйловым становится менее интенсивной. Время от времени Зуров сообщает новые неутешительные известия, вновь жалуется на неопределенность. Мануйлов вновь пытается его ободрить, но в письме к Л.Н. Афонину от 21 февр. 1967 г. откровенно признается: «Я полагаю, что такие безответственные и общие ни к чему никого не обязывающие фразы могут Зурова в его бедственном положении только безмерно раздражать и выводить из себя. Либо надо эти разговоры кончать и признаться, что мы бессильны получить нам принадлежащие и нам завещанные вещи <...> Неприличная, позорная история! <...> После того, что я подробно писал Ильичеву и даже не получил ответа, я уже никуда больше обращаться не хочу»¹⁶.

Разбор архива, подготовка бунинских материалов к публикации, огромная многолетняя переписка отнимали у Зурова много времени и сил и не позволили довести до конца работу над собственными произведениями. Остался незавершенным роман «Зимний дворец» (первая часть исторической трилогии-эпопеи), не была окончена

¹⁵ Там же. Л. 27.

¹⁶ РО ИРЛИ. Ф. 713. Архив В.А. Мануйлова.

повесть «Иван-да-Марья»¹⁷. В 1966–1967 гг. Зуров обращался к Мануйлову с просьбами прислать сведения, необходимые для работы над романом. Виктор Андроникович сразу же откликнулся на них. Последнее письмо Зурова Мануйлову датировано 24 марта 1967 г.

* * *

Письма Мануйлова к Зурову публикуются по оригиналам, хранящимся в архиве Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына в фонде Л.Ф. Зурова (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Ед. хр. 70. Л. 1–26), за исключением письма из Киева от 6 апреля 1961 г. (также оригинал), находящегося в Русском архиве Лидса (LRA. MS. 1068/3630).

Письма Зурова к Мануйлову приводятся по оригиналам, хранящимся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) в фонде В.А. Мануйлова (РО ИРЛИ. Ф. 713, в научно-технической обработке), за исключением чернового письма от 22 марта 1965 г., находящегося в Русском архиве Лидса (LRA. MS. 1068/31029). Первые письма Зуров высылал на адрес Пушкинского Дома, а начиная с 20 декабря 1963 г. — на домашний адрес Мануйлова.

Примечания Зурова обозначены буквами (в оригиналах — звездочками) и приводятся за текстом письма. Подчеркивания принадлежат авторам писем. Тексты приведены в соответствие с современными нормами орфографии и пунктуации. Сохранено авторское написание Зуровым фамилии Мануйлова как «Мануилов» (сам ученый обозначал свою фамилию через и краткое), унифицировано написание названия института: Пушкинский Дом.

Тексты Л.Ф. Зурова публикуются с любезного разрешения Ричарда Дэвиса и The Leonid Zurov Estate. Автор публикации приносит признательность за помощь в работе Русскому архиву Лидского университета и лично его куратору Ричарду Дэвису, Дому русского зарубежья и лично В.А. Москвину, Рукописному отделу ИРЛИ и лично Т.С. Царьковой, а также выражает благодарность за ценные сведения и советы О.А. Коростелеву, А.В. Лаврову, С.Н. Морозову и Р.П. Хрулевой.

---

¹⁷ Реконструированный И.З. Белобровцевой текст повести опубликован в журнале «Звезда» (2005. №№ 8, 9), отдельным изданием вышел в 2015 г. См.: *Белобровцева И.З.* «Видно, моя судьба, что меня оценят после смерти» // Зуров Л. Иван-да-Марья. СПб., 2015. С. 5–30.

Условные сокращения

ДРЗ — Архив Дома русского зарубежья имени А.И. Солженицына
РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

ЦГАЛИ СПб — Центральный государственный архив литературы
и искусства Санкт-Петербурга

LRA — Leeds Russian Archive, University of Leeds

1. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову

8 марта 1961 г.

8 марта 1961, Ленинград

Глубокоуважаемый и дорогой Леонид Федорович!

Только что получил пакет с Вашей книгой «Марьянка»¹. Пришла долгожданная бандероль. Спасибо Вам за книгу, за внимание, за надпись.

Буду читать не торопясь, по рассказу перед сном. И потом Вам непременно напишу всё, что подумаю и почувствую над Вашей книгой.

Прошу передать мой сердечный привет Вере Николаевне <Буниной>.

С глубоким уважением и благодарностью,
В. Мануйлов

Машинопись.

¹ «Марьянка» — сборник рассказов и повестей Л.Ф. Зурова, вышедший в 1958 г. в Париже. Автор разослал экземпляры многим знакомым. Книга получила высокие оценки как в периодике зарубежья, так и в письмах корреспондентов Зурова. См.: Громова А.В. Из истории литературы Русского зарубежья. Сборник Л.Ф. Зурова «Марьянка» (Париж, 1958) в отзывах читателей и критики // Русская литература. 2008. № 2. С. 203–211.

2. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову

21 марта 1961 г.

Париж, 21.3.61

Дорогой Виктор Андроникович,

Получил Ваше милое письмо. Спасибо. Радует меня, что «Марьянка» прилетела к Вам.

А у меня к Вам большая просьба. В настоящее время француз-искусствовед готовит книгу о творчестве моего приятеля-художника, Андрея Михайловича Ланского¹ (его студию в прошлом году посетил русский искусствовед М.А. Алпатов²). Француз хочет получить от Ланского краткие сведения о усадьбе Ланских. В давние времена под Петербургом находилась усадьба Ланских. Когда строили Финляндскую железную дорогу, то она прошла недалеко от усадьбы. Первая от Петербурга станция (на пятой версте) получила название «Ланская». Дед Андрея Михайловича продал кому-то усадьбу. Художник Ланской никогда на этих местах не бывал. Не могли бы Вы узнать:

1) Имеется ли теперь под Ленинградом станция Ланская? 2) Если она переименована, то как эту станцию сейчас называют. Может быть, ленинградские окраины так разрослись, что и станция Ланская очутилась уже в черте города.

Простите, что затрудняю Вас, но Ланской просил меня к Вам обратиться за справкой. За сведения будем Вам чрезвычайно признательны и благодарны.

Вера Николаевна шлет Вам сердечный привет. Она чувствует себя усталой.

От всей души желаю Вам и Леонтию Иосифовичу <Раковскому>³ плодотворной работы.

Ваш Л. Зуров

Авторизованная машинопись

¹ Граф Андрей Михайлович Ланской (1902–1976) — живописец, график. Выпускник петербургского Пажеского корпуса. Вместе с белой армией покинул Россию, с 1921 жил в Париже. О творчестве Ланского писали многие французские искусствоведы, среди которых Жан-Клод Маркаде, Андре Шоллер и др. Известна книга Жана Гренье (Jean Grenier) “André Lanskoj”, вышедшая в Париже в издательстве «Nazan» в 1960 г.

² Второй инициал обозначен ошибочно: Зуров имеет в виду искусствоведа, мемуариста Михаила Владимировича Алпатова (1902–1986)

³ Раковский Леонтий Иосифович (1895–1979) — автор исторических романов и повестей, публицист. Переписывался с В.Н. Буниной, которая в 1960 г. прислала ему из Парижа книгу И. Бунина «Темные аллеи» со своей дарственной надписью. Позже был корреспондентом Л.Ф. Зурова.

3. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зуров*6 апреля 1961 г.*

6 апреля 1961, Киев

Глубокоуважаемый и дорогой Леонид Федорович!

Простите, что задержался с ответом на Ваше письмо с вопросом о Ланской. Отвечаю Вам из Киева, куда приехал в связи с университетскими и лермонтовскими делами на несколько дней.

Станция Ланская, действительно, первая остановка после Финляндского вокзала и давно уже вошла в черту города, в состав Выборгского района. Кругом новые многоэтажные дома, пейзаж совершенно городской, никаких следов от былых огородов и садов тут не сохранилось. Через станцию непрерывно идут электропоезда на Сестрорецк (приморская линия) и на Зеленогорск (в сторону к Выборгу). В ленинградских архивах много материалов о семье Ланских, да есть кое-что и в литературе, например в книге С. Панчулидзева «История кавалергардского полка» и «Биографии кавалергардов»¹.

Читаю и перечитываю Вашу книгу с великим удовольствием. Особенно мне понравилась «Русская повесть» — сколь передан аромат времени.

Попытаюсь раздобыть здесь сухого киевского варенья, чтобы послать его Вере Николаевне. О клюквенном экстракте помню, но сейчас его трудно достать.

Прошу передать мой сердечный привет Вере Николаевне. Скоро, кажется, будет интересная и верная okazия, и я надеюсь послать Вам и Вере Николаевне маленькую посылочку с разными вкусами.

С приветом

В. Мануйлов

LRA. MS.1068/3630. Автограф.

¹ Имеются в виду издания: *Панчулидзева С.А.* История кавалергардов. 1724–1799–1899. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского Ее Величества полка: В 4 т. СПб., 1899–1912; Сборник биографий кавалергардов. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского полка: В 4 т. / Сост. С.А. Панчулидзева. СПб., 1901–1908.

4. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову*24 мая 1961 г.*

Париж, 24-го мая 1961.

Глубокоуважаемый и дорогой Виктор Андроникович, я прочел Вере Николаевне Ваше письмо (от 23-го марта). Оно ее тронуло и обрадовало. Это был счастливый период. Мы тогда надеялись на скорое выздоровление. Вам и сотрудницам Пушкинского Дома¹ Вера Николаевна попросила в тот день передать привет.

В воскресенье ездил на кладбище. Положил на могилу² букет полевых цветов.

Ваше письмо из Киева я получил. Художник Ланской сердечно благодарит Вас за присланные сведения. Его обрадовало, что в Ленинградских архивах много материалов о семействе Ланских.

Занят, переутомлен. Переписка большая, хлопоты, устройство дел.

Вам и друзьям из Пушкинского Дома от всей души желаю здоровья, бодрости и плодотворной работы.

Л. Зуров

Машинопись.

¹ Имеются в виду Л.Н. Назарова, Т. П. Голованова и Е. И. Кийко. 31 октября 1960 г. они посетили В.Н. Муромцеву-Бунину и Л.Ф. Зурова. Между участниками встречи завязалась дружеская переписка. См.: *Назарова Л.Н.* Воспоминания о Пушкинском Доме. СПб., 2004. С. 261–265.

² В.Н. Бунина скончалась 3 апреля 1961, похоронена вместе с И.А. Буниным на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

5. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову

1 июня 1961 г.

1 июня 1961. Ленинград

Глубокоуважаемый и Дорогой Леонид Федорович!

Когда я в последний раз писал Вам из Киева, это было 8 апреля, я не знал еще о кончине незабвенной Веры Николаевны. Только через несколько дней, вернувшись в Ленинград, я узнал эту печальную новость, но всё как-то не мог собраться с силами написать Вам. Для всех нас эта утрата очень-очень ощутима и значительна.

Спасибо Вам, дорогой Леонид Федорович, за письмо от 24 мая. Не торопитесь утруждать себя спешным ответом и пространном письмом. Но при случае сообщите мне или Леонтию Иосифовичу Раковскому, как решили Вы поступить с бумагами Веры Николаевны и с теми материалами по И.А. Бунину, которые остались после Веры Николаевны. Нельзя ли было бы их передать или продать через наше посольство во Франции в рукописное отделение Института литера-

туры Академии наук СССР (Пушкинского Дома). Это было бы самое верное и достойное место хранения и изучения.

Сейчас на месяц уехал в Париж академик Михаил Павлович Алексеев. В Посольстве, конечно, знают его парижский адрес. Может быть он обратится к Вам сам, а м<ожет> б<ыть> Вы сообщите ему, если захотите встретиться, чтобы выяснить вопрос о материалах Веры Николаевны¹.

К великому моему сожалению, побывав в Киеве в апреле и затем в мае, я нигде не нашел сухого киевского варенья, которым он некогда славился. Вот почему я не смог исполнить своего намерения. Напишите мне при случае, что можно было бы Вам прислать, что доставило бы Вам наибольшее удовольствие из всех возможных.

Едва ли не больше всех Ваших рассказов мне понравилась «Русская повесть» и, конечно, «Марьянка». Еще и еще раз спасибо за Вашу книгу!

С сердечным приветом

В. Мануйлов

Машинопись.

¹ Алексеев Михаил Павлович (1896–1981) — литературовед, академик АН СССР. С 1934 г. сотрудник Пушкинского Дома. В 1950–1963 гг. заместитель директора ИРЛИ по научной работе. С 1956 г. заведующий Сектором взаимосвязей русской и зарубежной литератур. Летом 1961 г. командирован во Францию для ознакомления с архивами И.С. Тургенева, встречался с Л.Ф. Зуровым, передал ему подарки от сотрудниц Пушкинского Дома.

6. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову

31 января 1962 г.

Париж, 31 января 1962 г.

Дорогой Виктор Андроникович,

по моей просьбе Вам будет послана копия моей статьи «Тамань» Лермонтова и «Л'Орко» Жорж Занд. Она была напечатана в «Новом журнале» (№ 66, декабрь 1961 г., стр. 278–281)¹. К сожалению, редакция сняла конец, а я считаю, что конец многое поясняет².

От всей души желаю Вам здоровья и успешной работы.

Л. Зуров

Машинопись.

¹ Зуров Л. «Тамань» Лермонтова и «L'Orco» Жорж Занд // Новый журнал. 1961. № 66. С. 278–281.

² К письму приложена машинописная копия статьи Л. Зурова «“Тамань” Лермонтова и “L’Oгco” Жорж Занд». Сравнение редакций показывает, что в журнальной публикации выпущены несколько фраз, а также отсутствует концовка (8 строк), где Зуров приводит те слова из рассказа Жорж Занд, которые автор выделила курсивом.

7. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову

<13 февраля> 1962 г.

Ленинград, 13 января 1962¹

Дорогой Леонид Федорович!

Спасибо за письмо и за интереснейшую статью о «Тамани» Лермонтова и “L’Oгco” Ж. Занд. Я об этой работе упомяну у нас в печати при первом же случае. Очень было бы хорошо, если бы Вы мне могли прислать № 66 «Нового журнала» или оттиск из него, но если это трудно, не хлопчите.

Меня крайне волнует история с обстановкой комнаты, кабинета Ивана Алексеевича. Напишите мне, пожалуйста, срочно, как обстоит дело с этими вещами в данный момент. Напоминали ли Вы об этих вещах, крайне необходимых Орловскому литературному музею, в нашем советском посольстве? Напишите мне срочно и подробно, я произведу еще раз нажим в этом деле.

С сердечным приветом,

Ваш В. Мануйлов

P.S. Подскажите мне, что лучше всего из возможного прислать Вам посылочкой. Как жаль, что Вы так и не приехали к нам, а мы все Вас очень ждали, хотя и не все радовались тому, что эта Ваша поездка связана с инициативой Л.В. Никулина².

С самым сердечным приветом,

В. Мануйлов

Автограф.

¹ Из содержания письма явствует, что оно является ответом на письмо Зурова, датированное 31 января 1962 г. В последующем письме Зуров указывает, что данное письмо Мануйлова получено им 19 февраля. Эти факты позволяют предположить, что в датировку «13 января» вкралась ошибка и датировать его следует февралем 1962 г.

² Никулин Лев Вениаминович (наст. фамилия Олькеницкий; 1891–1967) — поэт и драматург, журналист, военный корреспондент. Автор приключенческих романов. Вице-президент общества СССР–Франция. Автор книг «Чехов. Бунин. Куприн. Литературные портреты» (М., 1960), «Люди и странствия» (М., 1962), а также

вступительных статей к ряду изданий И.А. Бунина в СССР. В конце 1950-х гг. неоднократно выезжал во Францию для переговоров с В.Н. Муромцевой-Буниной о передаче литературного архива Бунина, а после ее кончины обсуждал эту тему с Л. Зуровым. По свидетельству Л.Н. Назаровой, «Вера Николаевна была очень неважного мнения о Л. Никулине. Я думаю, что если Л. Зуров отклонил предложение приехать погостить к нам (ведь речь шла о 3 месяцах), то не потому ли, что приглашение исходило именно от Л. Никулина, который и у нас в Ленинграде пользуется очень незавидной репутацией» (письмо Л.Н. Назаровой к Л.Н. Афонину от 2 ноября 1961 г. // РО ИРЛИ. Ф. 851. Архив Л.Н. Назаровой).

8. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову

20 февраля 1962 г.

20-го февраля 1962 г. 10 ч. утра.

Дорогой Виктор Андроникович!

Спасибо сердечное за письмо. Получил его вчера вечером. Спешно написал и отправил письмо в Америку. Попросил прислать Вам вырезку из «Нового Журнала». У меня на руках авторский экземпляр, а оттисков нет.

Хочу ответить Вам спешно, но вчера скончалась тетушка покойной Веры Николаевны Буниной, Анна Елиазаровна Шестова, урожденная Березовская¹. Вдова философа Льва Шестова. Сегодня положение во гроб, завтра похороны. Анну Елиазаровну я очень ценил. Навещал ее. Иду сейчас к дочерям покойной.

6 ч. вечера. Вернулся на короткий срок. Завтра утром еду на кладбище. А оно за Парижем (Saint-Genevieve-des-Bois, Seine et Oise^{a)}).

Посылаю Вам копию письма, которое я отправил (12 декабря 1961 г.) Л.В. Никулину². Пожалуйста, покажите это письмо и Зинаиде Захаровне Шнитниковой³ (Ленинград Д-11, площадь Искусств, 5, кв. 46).

Посылаю Вам несколько выписок из писем. Я их посылал Л.В. Никулину. А писал их в трудные времена. Все с нетерпением ожидали тогда вестей от Л.В. Никулина⁴.

«28 июля 1961 г.

...Две недели работал не покладая рук. Надо было спешно уложить в чемоданы архив Ивана Алексеевича (а рукописей много...). Надо было перенести большой архив в другие комнаты. Потом я взялся за библиотеку...

Беседовал я с Виктором Степановичем Володиным⁶⁾. Он был у меня. Я ему сказал:

— Управляющий должен известить меня о начале работ. Через 24 часа после извещения придут рабочие. Все вещи⁸⁾ из больших комнат я должен убрать. Что вы хотите взять для музея?

— Нам нужно всё, — ответил Виктор Степанович и указал на обстановку, занавески, портьеры, висящие на стенах фотографии, портреты, картины и на вещи, лежавшие на столе.

— Хорошо, но вещи надо будет спешно забрать.

— Позвоните мне. У нас есть склад. Приедут люди и всё заберут.

Потом управляющий меня известил, что в понедельник придут рабочие. Я спешно позвонил Володину¹⁾, но только на следующий день узнал от Виктора Степановича, что склад занят...»⁵⁾

С тех пор и началось.

Никулину я писал: «...на складе за каждый квадратный метр надо платить...»

Подробно писал Л.В. Никулину: «...Предназначенные для музея малые вещи (картины, портреты, фотографии... и личные вещи Ивана Алексеевича и Веры Николаевны) я перенес к себе. У меня на руках несколько музейных чемоданов Ивана Алексеевича (с его автографами), а в них лежат ценные реликвии. Русская ручка Ив<а>на Ал<екс>еевича, которой он написал много рассказов¹⁾; ручка парижская, которой были написаны “Митина любовь” и “Жизнь Арсеньева”; химический цветной карандаш, которым он писал во время болезни (этим карандашом написано и послед<нее> его стихотворение “Венки”, 1952 г.... (<находится> в старом кожан<ом> дорожном чемодане. Наклейка “Капри”). С этим чемоданом Иван Алексеевич приехал к Горькому.

Сейчас квартира завалена мешками с цементом, алебастровыми плитами. Рабочие возводят новые стены. Пробивают дверь... Встаю в 6 ч. утра, а ложусь после 12-ти. Уплатил за телефон, 96 деловых разговоров. Академик Михаил Павлович Алексеев... в воскресенье улетает в Ленинград... Боюсь, что вещи на складе отсыреют. Их надо поскорее отправить в Советский Союз. Пожалуйста, сделайте всё возможное».

Писал, волновался; мои друзья все переживали. Мы ведь верили, что Л.В. Никулин связан с музеоведами. Сердце у меня было утомлено. У меня расширена аорта.

7 июля Л.В. Никулин мне написал: «Супруги Кодрянские⁶⁾ Вам передали мой привет и ободряющие вести. В связи с тем, что я начал

двигаться (хоть не очень бодро), мои хлопоты, думаю, увенчаются скорым успехом и Вы увидите плоды довольно скоро.

Леонид Федорович, я хорошо понимаю, как Вам трудно и сколько у Вас забот, но просто умоляю Вас, хоть понемногу составьте опись автографов Ивана Алексеевича...»

А рукописи Ив<ана> Алексеевича я уже сложил в чемоданы. Всё было снесено в маленькую комнату, завалено книгами, вещами. За рабочими надо было следить. Готовить. Вести переговоры с нотариусом и т.д. Писать, отвечать на многочисленные письма. Лев Вениаминович мне писал:

«Вячеслав^е7 мне сказал, что кабинет Буниных фотографировал фотограф из Лувра⁸. Думаю, что если бы я был в Париже, всё бы пошло скорее, но ехать я смогу, когда смогу передвигаться быстрее, чем сейчас. Кодрянские видели непрезентабельную картину, когда я, покидая автомобиль, сопутствовал им в Москве. У нас очень жарко и это отразилось, как видите, даже на моем почерке.

Очень прошу Вас, извещайте меня о всем, что делается с нашей стороны и есть ли результаты моих хлопот, хотя результаты последуют конечно не так стремительно».

27 июля. «...Вчера получил Ваше письмо и ответ мой будет краток, потому что я надеюсь быть в Париже после 15 августа с.г.... Я буду очень рад, если к тому времени Ваши труды над архивом И.А. и Веры Николаевны будут успешными, но разумеется я знаю, что это дело сложное и требует немало времени... Я получил письмо от Ник<олая> Пав<ловича> Смирнова⁹, он пишет мне, что Вы, Леонид Федорович, могли бы написать прекрасные воспоминания об И.А. и В.Н. Буниных^ж). Я вполне разделяю это мнение Николая Павловича, думаю, что никто другой так не напишет, как Вы. Мы об этом еще поговорим. Я с грустью думаю о том, что ходить мне трудно и даже такой путь, как от метро “Мюетт” до Вас для меня — мечта...» (А приехав в Париж, Лев Вениаминович разъезжал на автомобиле. У кого только он не побывал!)

1 августа я Л.В. Никулину писал: «...но о делах Вы ничего не сообщаете. С нетерпением ожидаю дополнительных известий... Доктор гонит меня из Парижа. “Ведь вы, — говорит он, — с 21 марта не отдыхали, жили в страшном напряжении, держались на нервах. Лето на исходе, а впереди осень. Смотрите...”».

8 августа. «Дело в том, что мой приезд задерживается из-за французской визы... Желательно точно знать, какие документы, сколько в них страниц и т.д. Я это пишу просто как человек, сравнительно знающий, как приобретаются архивами, скажем, рукописи Тургене-

ва и т.д. Кроме того, я просто энтузиаст, мечтающий о том, чтобы всё связанное с Иваном Алексеевичем хранилось у него на родине. Архивы тоже этого хотят и всё дело ведется ими и лит<ературными> музеями. Я понимаю, как Вы утомлены, Леонид Федорович, но очень прошу Вас, наберитесь терпения, дело движется не так, как хотелось бы, скоро, но движется. В надежде на скорую встречу...»

Мой ответ: «...получил Ваше письмо от 8-го августа. Работы в квартире были закончены 12-го. 13-го и 14-го занимался уборкой³⁾. Рабочие развели грязь невероятную. Вчера были у меня Кодрянские. Долго обсуждали положение.

Сегодня 16 августа. Надеюсь, что франц<узскую> визу Вы уже получили. Напишите, пожалуйста, с обратной почтой, а то известите меня телеграммой, когда Вы решили выехать. Каждый день дорог. В конце августа я должен покинуть... Париж.

...Как быть с музейными вещами... Я сделал всё, что мог...»

От Л.В. Никулина (после 8-го августа) писем не получал, а у меня начало сдавать сердце. Париж опустел. Все соседи разъехались. Даже наш дворник уехал отдыхать. 24 августа я Л.В. Никулину написал:

«...16 августа я Вам отправил деловое письмо. Очень просил Вас спешно ответить. 22 августа я должен был уехать в Шотландию. Друзья меня ожидали, но мне пришлось отменить поездку. Вы должны были приехать. ...Из Эдинбурга мне телефониовали пять раз... В письме от 27 июля Вы мне писали: “Я надеюсь быть в Париже после 15 августа с.г. в зависимости от визы французского консульства”. В письме от 8-го августа Вы писали: “мой приезд задерживается из-за фран<цузской> визы, которая нам дается минимум через 20 дней, не ранее”.

С 27 го июля (а судя по письму Вы до 27-го подали заявление) прошло более 28 дней.

Всё время я ожидал от Вас точных и ясных известий. Ожидаю и сейчас. Пожалуйста, Лев Вениаминович, не томите. Я крепко устал».

Л.В. Никулин мне не ответил. Он мне позвонил через несколько дней из парижского отеля. Встретились мы на Монпарнасе (по телефону Л.В. сказал: «я едва передвигаюсь»). А я хотел показать ему литературное завещание Ив<ана> Ал<ексеевича>, рукописи, музейные вещи. Освободил чемоданы. Вымыл полы, а это мне строжайше докторами запрещено. К нам всегда Л.В. приезжал на автомобиле. Подъезд у нас удобный. От автомобиля до подъезда три шага. Лифт работает отлично. В этот вечер я чувствовал себя отвратительно. Целый день лежал. Поднялась температура. Дни стояли душные.

Убирая квартиру, я на сквозняках простудился. В монпарнасском кафе Лев Вениаминович (легко поднявшийся, улыбающийся, заметил меня, пошел навстречу. Был предупредителен, любезен) передал мне приглашение Союза писателей.

— А как же с вещами?

— Побываете в высоких сферах, познакомитесь в Москве с нужными людьми, там всё и устроите.

Никулин меня угощал ужином, а у меня кусок в горло не шел.

— Лев Вениаминович, устал.

— Можно отдохнуть под Москвой, в Крыму...

На следующий день я навел справки. Мне сказали:

«Франц<узская> виза? Дело сложное. Нужно хлопотать, долго ждать. От 1 до 1½ месяцев. В последнюю минуту могут и отказать...»

После второй беседы (в том же монпарнасском кафе) я убедился, что всё чрезвычайно сложно. Мы покинули кафе, дошли до бульвара Распай. Там Лев Вениаминович взял такси. Попрощались. Он с женой уехал, а я вернулся домой совершенно разбитым.

Лев Вениаминович отправился на курорт. В кафе он взял мой эдинбургский адрес, но я от него письма не получил.

В Эдинбурге свалился. Лежал целую неделю с температурой, потом ежедневно ездил к врачу на уколы (витамин Б, 12 уколов). В Париж вернулся 5-го ноября. 10 ноября отправил Л.В. Никулину письмо. Вот выдержки из него:

«...В Париж вернулся 5-го октября¹⁰. Предстояли платежи (об этом я говорил Вам). Надо было у нотариуса подписать декларацию, которую тот отправил финансовому инспектору. Пришлось заплатить долги Веры Николаевны (литературный налог за 1960 год, ее квартирный налог за 1961 год; уплатил я и по ее счетам за электричество, газ, телефон).

...Что делать с бунинскими (музейными) вещами, которые находятся на складе?.. Срок истекал 26-го октября. Я заплатил еще за 3 месяца, о чем считаю своим долгом уведомить Вас, а через Вас и других литераторов, заинтересованных в сохранении бунинских вещей... Мне телефонировали из разных мест люди, спрашивались, не продам ли я что-либо из бунинских вещей? Спрашивали меня и старые друзья Ивана Алексеевича и Веры Николаевны, что же решено, какие вещи возьмут для музея? У Натальи Владимировны¹¹) после бесед с Вами осталось впечатление, что Вы не хотите взять всё. Я же, откровенно говоря, своим друзьям (а многие заинтересованы) не мог ничего ответить, так как ясного ответа не получил и до сих пор не знаю, кто этот вопрос решает.

Я отказал всем просителям, так как не хочу, чтобы впоследствии меня обвиняли в нерадивости и безразличии. Ведь Вера Николаевна мне не раз говорила: я верю, что вещи Ивана Алексеевича попадут в музей. Откровенно говоря, и я, и друзья покойной тоже верим, что бунинские вещи возьмут. И обещано это было.

Пожалуйста, напишите мне, что же, наконец, решено? Ведь времени прошло много, а определенного ответа до сих пор нет. Фотографии бунинских комнат находятся в Пушкинском Доме. Инвентарь, список, план — у меня на руках. Не откажите в любезности сообщить мне, какие вещи нужны музею? Мне это знать необходимо. Был бы Вам признателен и благодарен.

Между прочим, Вы мне во время беседы со мной сказали: в литературных музеях постелей нет. Я Вам тогда же указал, что Иван Алексеевич умер не на постели, а на софе (тот же диван, только обитый не кожей, а с постельником)...

Извещаю Вас, что приняться за разборку архива Ивана Алексеевича я еще не мог. Я успел только подготовить к опубликованию литературное завещание Ивана Алексеевича¹¹. Теперь спешно привожу в порядок воспоминания Веры Николаевны “Беседы о памяти”¹². Все рукописи находились в большом беспорядке. Вскоре мне придется заплатить налог за литературное наследство. Когда-то, после смерти Веры Николаевны, мне было обещано, что расходы, связанные с ее болезнью, погребением будут возмещены. Это касалось и долговых обязательств Веры Николаевны... К величайшему сожалению, обещание это не было выполнено...»

Л.В. Никулин мне ответил 22 ноября:

«...Что же я могу Вам ответить? Вы знаете, что я только один из тех, кто положил много труда для того, чтобы читатели наши возможно полнее узнали творчество Ивана Алексеевича, что я всегда считал особенно важным, чтобы оригиналы произведений были у нас и наши литературоведы имели возможность полнее оценить их высокое художественное значение и пояснить это читателю. Я просто энтузиаст этого дела...»

...Но вот вопрос о той обстановке, которая находилась в кабинете Ивана Алексеевича, о том, что вы называете “музейными вещами”, они имеют значение в том случае, когда будет решено создать его комнату в одном из музеев. Главное это рукописи, автографы Ивана Алексеевича, письма, написанные им, его дневники... Этого ждут литературоведы и читатели... Это главное, а “музейные вещи” дополнение, о котором можно договориться...

Примерно то, о чем Вы пишете, выглядит так: речь идет, допустим, о рукописи Л.Н. Толстого “Воскресение”, а нам предлагают то седло, на котором сидел Л.Н., когда ездил на прогулку. Седло это реликвия, но о нем писать, его комментировать нельзя, а рукопись должно и можно, это должно быть достоянием читателей.

Да Вы отлично понимаете это сами».

10 декабря я отправил Л.В. Никулину еще одно письмо. Копию его Вам посылаю. Пожалуйста, передайте его в Пушкинский Дом.

3-го января <1962> пришел ответ.

«Я долго не отвечал на Ваше письмо... был под Москвой... Что я могу Вам ответить? Прежде всего о Комиссии, такую Комиссию создал Союз писателей, у Комиссии была функция одна — передавать полученные от Веры Николаевны рукописи и материалы личного архива Ивана Алексеевича в Государственный Центральный архив».

Никогда мы (с Верой Николаевной) о такой Комиссии не слышали. И Лев Вениаминович молчал. Поразительно! Сугубо засекреченная Комиссия! А в Париже о Комиссии слухи пошли. Вот почему я Льва Вениаминовича и спросил.

«Так как рукописи больше не поступают, то Комиссия фактически не существует. Ни с музейедами, ни с литературоведами она не была связана, они обходились без нее, обращаясь непосредственно в архив».

Но ведь я всё время Л.В. Никулину писал о бунинских вещах. Извещали мы об этом и Вячеславова. Писали Никулину и из музеев. Почему Л.В. мне ничего в Париже не сказал?

«Вы ссылаетесь на письма музейных работников и литераторов. Они в том же положении, что и я, то есть ничего конкретного сделать не могут, музейные работники могут только выражать свои чувства, но к делам материального характера никто из нас отношения не имеет. Могу только сказать Вам, что на первом месте стоит вопрос о литературном наследии Ивана Алексеевича, что же касается мемориальных вещей, то о них можно говорить только после того, как с Вашей стороны будет сделан первый шаг в отношении передачи хоть какой-нибудь части литературного наследия. Так я представляю себе это дело и, по всей вероятности, оно так и обстоит. Вы пишете о “литературном завещании” и о том, что оно меня не заинтересовало. Этого не могло быть. Вы знаете, как я внимателен в отношении литературного наследия. Но не будем спорить, мы беседовали с Вами в Париже часами, перед Вашим отъездом в Шотландию, может быть я кое-что и забыл... Темы беседы всё время менялись. Отраднo только то, что Вы пишете: “Конечно, это завещание, как и всё другое,

должно храниться в России». Если бы Вы сделали первый шаг в этом отношении, то есть выразили желание передать хотя бы то, что уже Вами опубликовано, я уверен, дело бы сдвинулось с мертвой точки».

21 февраля. 4 часа. Вернулся. Похоронили Анну Елизааровну. Побывал и на могиле Веры Николаевны и Ивана Алексеевича. На ней уже растет тоненькая зеленая трава.

Продолжаю письмо. В Париже мне Л.В. Никулин сказал: «Сделайте жест. Подарите оккупационные дневники Ивана Алексеевича»¹³).

Дневники. Я их сейчас разбираю.

В.Н. Заико (культурный отдел Советского посольства. Он бывал у Веры Николаевны) мне сказал: «Передайте нам все дневники Ивана Алексеевича, тогда мы заберем и вещи. Заплатим...»

После этой беседы Лев Вениаминович мне и написал: «Могу только сказать Вам, что на первом месте стоит вопрос о литературном наследии Ивана Алексеевича, что же касается мемориальных вещей, то о них можно говорить только после того, как с Вашей стороны будет сделан первый шаг в отношении передачи хоть какой-нибудь части литературного наследия. Так я представляю себе это дело и, по всей вероятности, оно так и обстоит..»

Что же касается меня и ваших корреспондентов-москвичей, то мы действительно можем только желать этого, так как мы являемся просто энтузиастами, как я Вам не раз говорил.

Примите поздравление с Новым годом...»

Лев Вениаминович отлично знает, что в завещании сказано, что я должен разобрать и привести в порядок архив. Он прекрасно знал о состоянии моего здоровья. Прекрасно знал и о сложности дел. И о расходах. Сколько писем я написал. Посылал заказными пакетами. Свою литературную работу забросил¹³.

Дневники еще не подготовлены для передачи¹⁴), работаю над ними¹⁴, а вот небольшие рассказы Ивана Алексеевича я сейчас могу передать. Никулин прекрасно знает, что я был того мнения, что не только реликвии, но и архив должен храниться на родине, но я до сих пор не могу добиться, от кого зависит решение по делу приобретения как вещей, так и архива. Ведь на мой вопрос Л.В. Никулин мне опять не ответил, а только сказал, от кого оно не зависит. Для того чтобы начать передавать что-либо из архива, надо ведь знать, на каких условиях это делается¹⁵. Что касается вещей, то понятно, почему я заинтересован в наиболее скорой передаче — ведь вещи на складе портятся и за хранение мне приходится платить. Рукописи же перед передачей¹⁶ надо привести в порядок и разобрать.

Веду переписку с Александром Кузьмичем Бабореко¹⁷.

22 января отправил письмо Валерию Алексеевичу Косолапову¹⁸ (редактору «Литературной газеты»)¹⁹.

«...На днях получил письмо от литературоведа Александра Кузьмича Бабореко, в котором он извещает меня, что Вы принимаете деятельное участие в бунинских делах. А.К. Бабореко мне прислал Ваш адрес. Пользуюсь случаем, чтобы через Вас поблагодарить Союз писателей за переданное мне в конце августа прошлого года Львом Вениаминовичем Никулиным любезное приглашение посетить Советский Союз. Я тогда был не только предельно переутомлен, но и болен. Л.В. Никулину я рассказал об исключительной сложности текущих дел, как и о том, что я не могу на длительный срок покинуть Париж, так как в конце сентября предстоят срочные платежи (по долговым обязательствам покойной Веры Николаевны), а наследственными делами мне придется заниматься не только в конце 1961-го, но еще и в 1962 году. Действительно, сейчас, в январе 1962 года²⁰) я еще веду через нотариуса переговоры с финансовым инспектором... и т.д. О положении дел я извещал (начиная с апреля месяца прошлого года) Л.В. Никулина, П.Л. Вячеславова (с последним деловая переписка почему-то прекратилась) и А.К. Бабореко, с которым переписывалась покойная Вера Николаевна. Она... была чрезвычайно признательна Александру Кузьмичу за помощь, которую он ей оказал во время работы над книгами. Вера Николаевна не раз говорила мне: “если бы Александр Кузьмич приехал! Сколько бы я ему о жизни Ивана Алексеевича рассказала”. Вера Николаевна приглашала А.К. Бабореко приехать в Париж... В своем последнем письме (от 12-го января с.г.) Александр Кузьмич пишет: “и мне очень хочется с Вами видеться. Вы спрашиваете, почему я до сих пор не приехал? Я могу приехать только по командировке по бунинским делам”.

Не могли бы Вы, Валерий Алексеевич, возбудить вопрос в Союзе писателей (и в редакции Вашей газеты, если это понадобится) о командировке А.К. Бабореко в Париж?²⁰ Вопрос идет, как Вы знаете, о приобретении архива Буниных и обстановки их квартиры. В получении обстановки заинтересованы Государственный Литературный музей,... и Орловский музей И.С. Тургенева... От Н.Ф. Пяшева²¹ я... получил письмо от 16-го июня 1961²², но — каюсь — ему не ответил не только по причине исключительной переутомленности, но и потому, что в те времена... П.Л. Вячеславов мне написал, что всё зависит от Л.В. Никулина...

Извещаю Вас, что я решил еще раз продлить срок хранения бунинских вещей, находящихся на складе. 26-го января истекает срок...

Деньги за хранение бунинских вещей внес сегодня, 22-го января, уплатил за 3 месяца».

Н.Ф. Пияшеву я написал 30-го января²³:

«...У моих друзей создалось^{а)} впечатление, что решение всего зависит от Льва Вениаминовича Никулина. Казалось, что он держит связь и с Вами, и с литературоведами... и с музейными работниками. Вот почему я в ответ на письма сотрудников чеховского и тургеневского музеев попросил их обратиться к Л.В. Никулину. Они это сделали, написали ему. Ныне, в письме от 3-го января с.г. Лев Вениаминович меня известил, что у бунинской комиссии была одна функция — передавать полученные рукописи...²⁴ «Ни с музееведами, ни с литературоведами она не была связана...»²⁵»

Сердечное спасибо, дорогой Виктор Андроникович, за милое письмо. Передайте мой привет друзьям. Пришлите, пожалуйста, буханку черного ржаного хлеба. Буду Вам признателен. Устал.

От всей души желаю Вам здоровья, сил и хорошей творческой работы.

С самым сердечным приветом

Л. Зуров

P.S. Ну и канцелярию я развел!

22-го февраля <19>62 г.

^{а)} На этом кладбище похоронены и Бунины.

^{б)} Первый секретарь Сов<етского> посольства.

^{в)} Бунинские вещи.

^{г)} Звонил несколько раз.

^{д)} В России.

^{е)} Я и с П.Л. Вячеславовым тогда переписывался.

^{ж)} А я и свою литературную работу забросил.

^{з)} Выносил на двор строительный мусор.

^{и)} Н.В. Кодрянской.

^{к)} Три больших тетради.

^{л)} Привел в порядок дневники до 1916 года.

^{м)} И сейчас я эти дела еще не закончил.

^{н)} В апреле месяце 1961 г.

Машинопись

Письмо раскрывает суть и характеризует атмосферу общения Зурова и Л.В. Никулина. Л. Никулин считался в писательской среде фигурой достаточно одиозной: В. Хазан цитирует ряд нелицеприятных оценок его как человека, лишённого «сердца и благородства», «двусмысленного» и даже «опасного» («Ваше письмо... меня очень, очень тронуло»). Переписка С.Ю. Прегель с Л.В. Никулиным

и П.Л. Вячеславовым / Публ., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Хазана // Метрополия и диаспора: две ветви русской культуры. V Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века». М., 2015. С. 407). О том, что в общении с Зуровым он был не всегда искренним, говорят его признания в письмах третьим лицам: Зуров «только повредит хорошему делу возвращения на родину наследия Ивана Алексеевича»; «я устал возиться с этим неврастеником и (простите) стяжателем», — пишет он в 1961 г., а спустя два года делится подозрением: «Зуров, видимо, не теряет надежду сделать с нами бизнес на архиве Бунина» (Там же. С. 419, 421, 435).

¹ Шестова Анна Елеазаровна (урожд. Березовская; 1870–1962) — врач. Двоюродная сестра Н.А. Муромцева, отца В.Н. Буниной. В 1896 вышла замуж за философа Л.И. Шестова (1866–1938). В 1903 окончила медицинский факультет Лозаннского университета. Работала в Германии, Франции, России. В 1920 с семьей уехала во Францию, жила в Париже и Булони.

² К письму приложена авторизованная машинописная копия письма Зурова Никулину, датированного 10 декабря 1961 г. Оно объемно и крайне эмоционально. Зуров объясняет, что требуемая от него опись архива займет много времени и сил, сам же он занят разбором архивов Ивана и Веры Буниных, восстановлением текста книги Буниной «Беседы с памятью». Зуров упрекает Никулину в том, что тот так и не ответил на вопрос, кто ведаает бунинскими делами, так состоит в бунинской комиссии. Из России, напоминает он, так и не прислали ни одного литературоведа, «любящего и понимающего творчество Бунина», для бесед с Верой Николаевной, которая так на это надеялась. Передача бунинских вещей со склада до сих пор не организована, вопреки обещаниям. Сообщая, что всё это пагубно сказывается на его здоровье, Зуров восклицает: «Всё простое и ясное было кем-то превращено в неизменно сложное. <...> До чего всё сложно! Гибнет драгоценное время!» (РО ИРЛИ. Ф. 713. Архив В.А. Мануйлова).

³ Шнитникова-Лагарп Зинаида Захаровна (1900–1983) — гигиенист, демограф. Старшая дочь геронтолога, демографа, академика АМН СССР З.Г. Френкеля (1869–1970). С 1943 директор Научно-методического бюро санитарной статистики городского Отдела здравоохранения. Участвовала в деятельности Ленинградского отделения Всероссийского научного общества гигиенистов и санитарных врачей. Ученица профессора Андрея Георгиевича Гусакова, близкого друга семьи Муромцевых, была в дружеских отношениях с Дмитрием и Павлом, братьями В.Н. Буниной, через них поддерживала связь и с Верой Николаевной. В 1961–1970 гг. переписывалась с Зуровым (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Ед. хр. 123), общалась с учеными Пушкинского Дома, обсуждая вопрос о возвращении бунинского наследия.

⁴ Далее Зуров цитирует фрагменты своей переписки с Л.В. Никулиным. Оригиналы писем Никулина и копии писем Зурова хранятся в ДРЗ (Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Ед. хр. 84).

⁵ Далее в этом письме к Никулину Зуров сообщает, что при содействии Кодрянских на склад были перевезены мебель, портьеры, пледы и дорожный чемодан Бунина. Деньги за перевозку (10 000 франков) и хранение (6 000 франков) заплатили Кодрянские (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Ед. хр. 84. Л. 15 об.). Впоследствии в оплате принимала участие и С.Ю. Прегель. Бунинская мебель «становится сквозным мотивом ряда писем Прегель начала 1960-х гг., поскольку именно ей пришлось оплачивать совсем не дешевые складские услуги из собственных средств (или, по крайней мере, она явилась частичным финансовым донором)» («Душевно Ваша С. Прегель»). Переписка С.Ю. Прегель с Л.Ф. Зуровым, 1938–1971 гг. / Публ., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. П.А. Трибунского и В. Хазана // Ежегодник Дома русского зарубежья. 2014/2015. М., 2015. С. 525).

⁶ Кодрянский Исаак Вениаминович (1894–1980) — меценат. Эмигрировал во Францию, в 1940 переехал в США, служил представителем фирмы. После войны жил в Париже, помогал нуждавшимся писателям и художникам. Кодрянская Наталья Владимировна (урожд. фон Гернгросс; 1901–1983) — писательница, мемуарист; жена И.В. Кодрянского. Эмигрировала в Женеву, с 1927 жила во Франции, в годы

Второй мировой войны находилась с мужем в Нью-Йорке. Автор книг «Сказки» (1950), «Алексей Ремизов» (1959), «Ремизов в своих письменах» (1977) и др. Впоследствии мебель из кабинета Бунина хранилась в загородном парижском доме Кодрянских и в 1973 г. передана ими в Государственный литературный музей И.С. Тургенева в Орле.

⁷ Вячеслав Павел Леонидович (1912–1966) — поэт, переводчик, литературовед. Подготовил ряд произведений Бунина к изданию, составил примечания к ним (*Бунин И.А. Рассказы*. М., 1955; *Бунин И.А. Собр. соч.*: В 5 т. М., 1956 и др.).

⁸ Летом 1961 г. Зуров передал владельцам дома кабинет Бунина и столовую, освободив их от мебели. Перед этим интерьер комнат был запечатлен фотографом Луврского музея М. Шувиллем. Снимки отвоз в Пушкинский Дом М.П. Алексеев (два фото опубли.: ЛН. Т. 84. Кн. 2. М., 1973. С. 443). Эту информацию Зуров сообщает в преамбуле к описанию парижской квартиры Буниных (РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 10. Ед. хр. 121. Л. 2).

⁹ Смирнов Николай Павлович (1898–1978) — прозаик, поэт, критик, автор книги «Золотой Плёс» (1969). Одним из первых в Советской России обратился к творчеству Бунина. Переписывался с представителями русского зарубежья, был корреспондентом газеты «Русские новости» в Париже. Л. Зуров вел с Н. Смирновым дружескую переписку.

¹⁰ Дата ошибочна; следует: 5 ноября.

¹¹ Литературное завещание И.А. Бунина / Публ. и предисл. Л. Зурова // Новый журнал. 1961. № 66. С. 166–172.

¹² Мемуарные очерки В.Н. Буниной «Беседы с памятью» на протяжении нескольких лет печатались в эмигрантской периодике (Новое русское слово 1955, 7 и 28 авг.; Новый журнал. 1960–1962. №№ 59–60, 62–64, 67; Грани. 1962. № 52–53). Отдельное издание появилось много позже: *Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / Сост., предисл. и примеч. А.К. Бабореко*. М., 1989.

¹³ Далее густо зачеркнуто: «но она для Льва Вениаминовича не существует».

¹⁴ Л. Зуров неоднократно публиковал заметки и записи И. Бунина в «Новом журнале» (1965. №№ 79, 80; 1966. №№ 82, 84; 1967. № 88), а также фрагменты дневника В.Н. Буниной (Новый журнал. 1972. № 107).

¹⁵ Далее густо зачеркнуто: «Мне в свое время многое было обещано, но пока что это остается обещанием». На полях напротив этого абзаца помета: «Об этом я сегодня Л.В. Никулину написал».

¹⁶ Далее зачеркнуто: «как Вы отлично понимаете».

¹⁷ Бабореко Александр Кузьмич (1913–1999) — литературовед, текстолог, исследователь жизни и творчества Бунина. Начиная с 1956 г. переписывался с В.Н. Буниной, а затем и с Л.Ф. Зуровым, обсуждал вопрос о приобретении архива. Переписку А. Бабореко с Л. Зуровым и В. Буниной 1958–1971 гг. см.: ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 1. Ед. хр. 32–38.

¹⁸ Косолапов Валерий Алексеевич (1910–1982) — критик. Главный редактор «Литературной газеты» (1960–1962) и журнала «Новый мир» (1970–1974), глава издательства «Художественная литература». По воспоминаниям А.К. Бабореко, деятельное участие в деле получения бунинского архива принял профессор Н.К. Гудзий. После беседы с Бабореко, состоявшейся в декабре 1961 г., он при содействии В.А. Солоухина провел переговоры с секретариатом Союза писателей, а также ввел в курс дела В.А. Косолапова. А.К. Бабореко встретился с Косолаповым 12 января 1962 г. и рассказал ему о ситуации с архивом. Тот также обещал обсудить эту тему в Союзе писателей и в ЦК КПСС. По совету Бабореко Косолапову написал и сам Л. Зуров (*Бабореко А.К. Дороги и звоны*. С. 99).

¹⁹ Далее Зуров с небольшими пропусками приводит свое письмо В.А. Косолапову от 22 января 1962. Авторизованная машинописная копия письма — LRA. MS. 1068/3331.

²⁰ Л.Ф. Зуров хотел, чтобы для переговоров о передаче наследия Бунина к нему прибыл профессиональный литературовед, и надеялся, что им станет А.К. Бабореко. Вера Николаевна ценила труды Бабореко и была признательна за помощь, которую он оказал ей во время работы над книгами о Бунине. После ее кончины Зуров вел с Бабореко обширную переписку. В книге «Дороги и звоны» (глава «Меня не пускают в Париж») Бабореко в подробностях описал трехлетние мытарства, которые ему пришлось претерпеть от чиновников в попытках добиться выезда в Париж, после чего в поездке ему было отказано (см.: *Бабореко А.К. Дороги и звоны*. С. 98–109).

²¹ Пияшев Николай Федорович (1923–2004) — писатель, автор книг: «Воровский», «Павел Нилин», «Великий страстотерпец» (о Н.И. Бухарине) и др. В 1960–1966 гг. — директор Государственного литературного музея.

²² В письме к Л.Ф. Зурову от 16 июня 1961 г. Н.Ф. Пияшев предлагал передать в Литературный музей всё наследие Бунина, включая вещи, мебель, рукописи и книги: «У нас это всё может сохраниться, а у Вас в Париже может затеряться и в конце концов пропасть» (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. ед. хр. 91. Л. 24).

²³ Далее цитируется письмо Зурова Н.Ф. Пияшеву от 30 января 1962 г. (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. ед. хр. 91. Л. 25–25об.)

²⁴ Далее в письме Зурова Пияшеву следовало: «и материалы личного архива Ивана Алексеевича в Государственный центральный архив» (Там же).

²⁵ Фраза в кавычках — цитата из письма Л.В. Никулина Зурову от 3 января 1962 г.

9. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову

13 марта 1962 г.

Дорогой Леонид Федорович!

Почему Вы писали не на мой домашний адрес, а на Институт русской литературы? Письмо Ваше шло долго и пролежало несколько дней в Институте. Но сегодня я получил его. И принял самые энергичные меры. Связался с директором Орловского музея Л.Н. Афониним¹. Завтра он уезжает в Москву с рядом решительных писем в весьма авторитетные инстанции и добьется того, что завещанные Советскому Союзу вещи Ивана Алексеевича будут отправлены нашим посольством для помещения их в Орловском музее. Прошу Вас держать меня в курсе всех дальнейших событий. Если будет какая-либо еще задержка, извещайте меня немедленно. Продовольственную посылочку с русским черным ржаным хлебом отправлю Вам в самые ближайшие дни. Пишите мне по несколько слов хотя бы, но держите меня, пожалуйста, в курсе всех Ваших дел.

С сердечным приветом и искренним восхищением Вашей стойкостью и Вашим терпением, которое мы здесь очень и очень ценим,
В. Мануйлов

13 марта 1962 Ленинград

С возмещением понесенных Вами расходов дело много сложнее. Попробуем, но вряд ли это удастся.

Машинопись

¹ Афонин Леонид Николаевич (1918–1975) — писатель, журналист, литературовед, педагог. В 1959–1967 гг. — директор Государственного музея И. С. Тургенева в Орле. В 1960 окончил Лит. институт имени А.М. Горького и принят в члены СП СССР. С 1966 г. — преподаватель, затем зав. кафедрой советской и зарубежной литературы Орловского педагогического института. Занимался вопросом о приобретении архива и обстановки из парижской квартиры Бунина для возглавляемого им музея. Вел переписку с московскими официальными инстанциями, обращался в Союз писателей и Министерство культуры СССР. Видя бесплодность этих попыток, Л.Н. Назарова советовала пойти на крайнюю меру: «Мне кажется, дорогой Леонид Николаевич, что Вам следовало бы теперь обратиться (по поводу бунинских вещей) непосредственно к Н.С. Хрущеву и одновременно в ЦК с жалобой на то, что Министерство культуры до сих пор ничего не ответило на Ваше заявление <...> Л.Ф. Зуров очень надеется именно на Вас!» (Письмо Л. Назаровой к Л. Афонину от 3 января 1962 г. // РО ИРЛИ. Ф. 851. Архив Л.Н. Назаровой).

10. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову

7 апреля 1962 г.

7 апреля 1962, Ленинград

Дорогой Леонид Федорович!

3 апреля мы вспоминали Веру Николаевну — удивительную русскую женщину, которой мы все так многим обязаны. Есть ли какое-либо движение с отправкой вещей квартиры Ивана Алексеевича? Сделано всё возможное. Если и теперь движения не будет, Вы, думаю, мне, имеете полное моральное право поступать по своему усмотрению.

Спасибо за отгиск Вашей статьи о «Тамани» Лермонтова. Я получил ее и еще раз перечел с интересом. Хорошая, убедительная статья.

Дошла ли до Вас моя посылочка?

С сердечным приветом

В. Мануйлов

Автограф.

11. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову

14 апреля 1962 г.

Париж, 14-го апреля 1962 г.

Дорогой Виктор Андроникович,

от всего сердца благодарю Вас за всё. Меня очень тронуло, что Вы вспомнили о годовщине смерти Веры Николаевны.

Благодаря Вам дело сдвинулось с мертвой точки. У меня был представитель культурного отдела посольства Пастухов, долго со мной беседовал. Спросил, каковы мои условия, просил меня составить подробную опись не только находящихся на складе вещей, но и хранящихся у меня, и подготовить вещи для передачи, сказал, что через 2 недели он мне позвонит. Этот срок уже прошел, но звонка еще не было.

Отложив все дела, я взялся за составление подробных описей. Копии Вам посылаю.

Два дня тому назад пришла Ваша посылка. Если бы вы знали, как я наслаждаюсь черным хлебом, угощаю друзей, а они говорят — пряник, а не хлеб! Калач чудесный. Пьем грузинский чай с киевским сахаром. Вспоминаю Вас, курю с наслаждением крымский табак и мысленно благодарю.

Написал бы сразу, но замучила невралгия правой руки.

Еще раз от всей души благодарю Вас, дорогой Виктор Андроникович, желаю здоровья, доброй работы. Привет далеким друзьям.

С сердечным приветом

Л. Зуров

P.S. Будьте столь любезны, Виктор Андроникович, конечно, если это возможно, снимите копии с описи и перешлите кому надо (А.К. Бабореко? Л.Н. Афонину?).

Л. З.

Машинопись.

12. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову

13 апреля 1962 г.

13 апреля 1962. Ленинград

Дорогой Леонид Федорович!

Надеюсь, Вы получили мои два последних письма, посланных Вам совсем недавно. Дошла ли до Вас моя посылка и не заплесневел ли ржаной хлеб? Если всё дошло хорошо, можно будет повторить. С большим нетерпением жду известий о судьбе вещей Ивана Алексеевича. Если их до сих пор не взяли, то уж, видно, никакие экстра-меры, принятые нами, не в силах сдвинуть с мертвой точки решение этого, казалось бы, простого вопроса.

Еще раз перечел Вашу статью о «Тамани» Лермонтова. Сопоставление с «L'Огсо» Жорж Занд очень убедительное, и нет никаких сомнений, что Лермонтову эта новелла была известна. «Тамань»

впервые напечатана в «Отечественных записках» в 1840 году, в февральской книжке, т. VIII, № 2, отд. III, стр. 144–155. Этот номер вышел около 14 февраля. Жорж Занд не могла знать повести Лермонтова, Лермонтов, конечно, читал новеллу Жорж Занд. И, вместе с тем, Вы совершенно правы, отмечая большее мастерство нашего поэта. Теперь весь вопрос только в том, чтобы доказать, что это открытие принадлежит Вам, что до Вас кто-либо уже не указывал на это близкое сходство. Смотрю, ищу. Если ничего не найду, поздравлю Вас от всей души еще раз и непременно упомяну о Вашем открытии на V Всесоюзной Лермонтовской конференции, которая в этом году соберется в середине мая в г. Орджоникидзе (бывш. Владикавказ), а затем завершится в Тбилиси (Тифлисе).

В отписке, который Вы мне любезно прислали с трогательной надписью, не указано название и номер журнала, а в машинописной копии неразборчиво написаны год и номер. Повторите еще раз точную библиографическую справку, чтобы я мог сослаться на Вашу интересную работу в нашей печати при первом же удобном случае.

Через год в Софии будет съезд славистов. Было бы целесообразно эту Вашу работу доложить на этом съезде, поставить ее как-то в центр внимания. Статья интересна для решения вопроса общего порядка: влияния и заимствования ни в какой мере не снимают, не исключают творческой самостоятельности и самобытности, если мы имеем дело с настоящим большим художником.

Не обратиться ли Вам за помощью в деле ускорения перевоза бунинских вещей в редакцию «Юманите»? Это в том случае, если Вы считаете почему-либо нецелесообразным прямой разговор по этому делу в посольстве. Ваше обстоятельнейшее письмо¹ использовано мною всюду, где только можно.

С сердечным приветом

В. Мануйлов

Машинопись.

¹ Имеется в виду письмо Зурова от 20 февраля 1962 г.

13. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову

18 апреля 1962 г.

Париж, 18-го апреля 1962

Дорогой Виктор Андроникович,

спасибо за письмо от 13-го апреля. Позавчера я ответил Вам на 2 письма и поблагодарил за чудесную посылку. Хлеб не только не

заплесневел, но и не зачерствел. А вкушали его многие — художник Ланской, Г.М. Воронцов-Вельяминов¹, который мне рассказал, как его угощали в Михайловском груздями и вареньем из малины, и многие другие.

Сегодня я внес плату за хранение вещей Ивана Алексеевича за три месяца вперед (таково условие). Пастухов мне еще не позвонил. Вещи приготовлены для сдачи, но, конечно, мне хотелось бы, чтобы их принимал человек культурный, которому я мог бы дать необходимые пояснения.

Моя работа была опубликована в «Новом журнале» (Нью-Йорк), кн. 66, декабрь 1961, стр. 278–281.

Лично Вам мне хочется сказать, что прочел я «Орко», будучи больным, лежа в постели, после того, как измотанный в Париже до крайности (после беседы с Л.В. Никулиным) приехал к друзьям в Шотландию. Я попросил их принести мне из библиотеки «Ревю де дё монд»², т.к. я не дочитал в предыдущем году опубликованную там работу о Шотландии. «Орко» стал читать потому, что действие происходит в Венеции, которую я очень люблю, хотя там и не бывал.

На Софийский съезд собираются некоторые из моих друзей-славистов. Завидую им, что увидят Болгарию.

Пожалуйста, известите меня о результатах Ваших поисков, — это очень интересно.

Замотан я до крайности, затяжная история с бунинскими вещами стоила мне много сил и здоровья, выбила меня из рабочей колеи, и я очень досаую, что до сих пор не мог закончить отделку своей повести³, а также опубликовать небольшое сообщение, связанное с Лермонтовым (биографического характера).

От всей души желаю Вам здоровья, плодотворной работы.

Сердечно Ваш

Л. Зуров

Машинопись.

¹ Воронцов-Вельяминов Георгий Михайлович (1912–1982) — потомок сына А.С. Пушкина Александра; инженер. Жил во Франции. В годы Второй мировой войны сражался в рядах французской армии. Изучал материалы биографии Пушкина. Начиная с 1960 г. неоднократно посещал Москву, Ленинград, Пушкинские Горы.

² “Revue des Deux Mondes” — (*фр.* Обозрение двух миров, т.е. Старого и Нового света) — двухнедельный французский журнал, основанный в 1829 г. Находясь в Шотландии, Зуров познакомился с рассказом Ж. Занд “L’Ogco”, напечатанном в номере от 1 марта 1838 г., и написал статью, в которой сопоставил его с «Таманью» Лермонтова.

³ Имеется в виду повесть «Иван-да-Марья». См.: Белобровцева И.З. «Видно, моя судьба, что меня оценят после смерти» // Зуров Л. Иван-да-Марья. СПб., 2015. С. 5–30.

14. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову*24 апреля 1962 г.*

24 апреля 1962. Ленинград
Дорогой Леонид Федорович!

Бесконечно благодарен Вам за план квартиры Ивана Алексеевича и опись его вещей.

План будет сфотографирован, опись перепечатана, и все эти материалы я передам в Пушкинский Дом и Л.Н. Афонину в Орловский музей¹. Это представляет несомненную ценность. Л.Н. Афонин ждет не дожидается все эти вещи поместить в специальной бунинской комнате в Орловском литературном музее². Покажите это мое письмо товарищам из нашего посольства, конечно, если в этом будет необходимость. Нужно, чтобы они знали, что все вещи найдут свое место в экспозиции и в фондах Орловского музея, что в получении этих вещей, а затем, конечно, и всего рукописного наследия заинтересован Институт русской литературы Академии наук СССР (Пушкинским Дом), о чем во время пребывания во Франции не раз говорил академик М.П. Алексеев, и Орловский литературный музей. Союз писателей, «Литературная газета» давно следят за этим делом, и всем нам непонятно и неприятно, что дело так затянулось. Министерство культуры давно уже сообщило Министерству иностранных дел свое мнение о том, что эти вещи, завещанные Советскому Союзу, в самое ближайшее время должны быть перевезены в Орел. Поэтому смело и решительно напоминайте работникам посольства о необходимости срочно довести дело с бунинскими вещами до конца.

В начале мая надеюсь соорудить для Вас новую посылочку, если ржаной хлеб доходит хорошо и доставляет Вам удовольствие, pošлем еще несколько буханок. Напишите мне, что Вам еще прислать. Очень буду рад порадовать Вас.

С сердечным приветом

В. Мануйлов

Машинопись.

¹ Опись и план парижской квартиры Буниных Мануйлов переслал директору Орловского музея И.С. Тургенева Л.Н. Афонину, который скопировал их и копии выслал в Пушкинский Дом. Эти документы значатся среди материалов, поступивших в РО ИРЛИ в 1962 г. (Р. I. Оп. 10. Ед. хр. 121). Они датированы Зуровым 12 апреля 1962 г. Опись (16 страниц машинописи) состоит из разделов: «Бунинские вещи, отправленные Л.Ф. Зуровым летом 1961 года на склад на хранение» (29 предметов), «Описание Бунинских комнат в том виде, как они находились при жизни Веры Николаевны Буниной», «Личные вещи Ивана Алексеевича Бунина, предназначенные для передачи в музей». Опись завершается важной ремаркой Л. Зурова: «Все

вещи Ивана Алексеевича и Веры Николаевны Буниных, упомянутые в описях, предназначены мною для передачи в соответствующий музей в СССР» (РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 10. Ед. хр. 121. Л. 16). План квартиры, опубликованный в «Лит. наследстве» (Т. 84. Кн. 2. С. 501), несколько отличается от копии, хранящейся в РО ИРЛИ.

² В 1957 г. в Орле открыт Музей писателей-орловцев, где одна из экспозиций была посвящена творчеству Бунина, а в 1991 г. — литературно-мемориальный музей И.А. Бунина с детально воссозданным кабинетом его парижской квартиры. В нем находится подлинная мебель писателя, присланная в 1973 г. Н.В. Кодрянской, а также его личные вещи, переданные в 1988 г. М.Э. Грин.

15. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову

15 мая 1962 г.

15-го мая 1962 г.

Дорогой Виктор Андроникович!

Сердечное спасибо за письмо и за очаровательную книжку «Гоголь в Петербурге»¹. Читаю ее с наслаждением. Вам я послал «Речной трактир» И.А. Бунина (простой бандеролью). Завтра пошлю «Избранные стихи»² И. Бунина. Книга распродана давно. Это из сокровенного запаса.

От Л.Н. Афонина прилетело письмо. Радостно взволнован³. Всё получил. Спасибо. Ал<ександр> Кузьмич Бабореко известил меня, что Конст<антин> Васильевич Воронков⁴ горячо поддерживает его просьбу относит<ельно> командировки в Париж. Считает такую командировку совершенно необходимой. «Только нужно, как обычно в подобных случаях, решить некоторые практические вопросы, а для этого необходимо кое с кем поговорить. Вот он (К.В. Воронков — Л.З.) и занялся сейчас этим. Ожидаю дополнительных известий»⁵.

Летом меня в Париже не будет. С середины июля до начала октября я буду в отъезде.

Сердечно Ваш

Л. Зуров

Почтовая карточка.

¹ Гиллельсон М.И., Мануйлов В.А., Степанов А.Н. Гоголь в Петербурге. Л., 1961.

² Бунин И. Избранные стихи. Париж, 1929. Рассказ Бунина «Речной трактир» в 1945 г. при содействии М. Алданова, М.О. и М.С. Цетлиных выпущен отдельной брошюрой как подарок к 75-летию автора: Бунин И. Речной трактир / Обл. и концовка работы М.В. Добужинского. Нью-Йорк: Grenich printing corp., 1945.

³ Скорее всего, имеется в виду письмо Афонина Зурову от 10 мая 1962 г. В нем Афонин рассказывает о бунинском собрании Орловского музея, благодарит за намерение передать письменный стол Бунина и заверяет, что будет рад получить «всё, что напоминает нам о нашем славном земляке — большом писателе, так любимом Орловский край», а также выражает надежду, что помощь в пересылке окажет Советское посольство (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 1. Ед. хр. 27. Л. 46–48 об.)

⁴ Воронков Константин Васильевич (1911–1984) — прозаик, драматург, функционер. В 1950–1970-е гг. работал секретарем Правления Союза писателей по идеологическим вопросам. Курировал и вопрос о поездке Бабореко к Зурову. Историю своего общения с чиновником Бабореко определил как «многие хождения, выматывавшие душу» (*Бабореко А.К. Дороги и звоны. С. 100*). Известна записка Воронкова в Советское посольство во Франции от 4 апреля 1962 г., содержащая оскорбительные характеристики и необоснованные подозрения: Зуров «либо не смог добиться выгодной сделки с американцами, либо уже сбыл им наиболее ценные материалы. Не исключено также, что он попытается сохранить ряд материалов для своих дальнейших коммерческих операций. Исходя из того, что известно о моральном облике Зурова, приходится допустить, что он действует в основном в личных, не бескорыстных целях». Сотрудникам посольства, которые наладили контакт с Зуровым и уже получили (в ноябре 1961 г.) 12000 франков для приобретения архива, Воронков советует: денег писателю заранее не выплачивать, «это даст ему возможность продолжать тактику различных домогательств и попыток сбить нам ненужные вещи» (цит. по: «Советская хроника» Ивана Бунина / Публ. Дм. Черниговского // Рошин М.М. Иван Бунин. М., 2000. С. 325–326). По сути, этим письмом Воронков застопорил процесс переговоров.

⁵ В 1962–1963 г. А. Бабореко постоянно посылал Зурову обнадеживающие письма по поводу своего скорого приезда. Этой поездке всячески содействовал и А.Т. Твардовский, неоднократно обращавшийся в Союз писателей, где были выделены средства на нее. Однако когда дело было уже решенным, К.В. Воронков отправил вместо Бабореко писателя В.Н. Ажаева, главного редактора журнала «Советская литература». Ему было поручено закончить переговоры по приобретению архива Бунина. «Вернулся Ажаев обозленный — видно, что никакого контакта с Зуровым у него не получилось. Впоследствии Зуров удивлялся “потрясающему невежеству” Ажаева» (*Бабореко А.К. Дороги и звоны. С. 106*).

16. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову

25 мая 1962 г.

25 мая 1962. Ленинград

Дорогой Леонид Федорович!

Спасибо за «Речной трактор», очень-очень тронут Вашим вниманием, а рассказ этот давно люблю и считаю одним из лучших у Ивана Алексеевича.

Из Ваших писем мне не ясно, в каком же положении вопрос с перевозкой в СССР в Орловский музей вещей, завещанных Верой Николаевной и хранящихся в Буживале. Отправлены ли они наконец, и есть ли реальная надежда, что это будет сделано в ближайшее время нашим посольством? Сообщите мне обо всем этом незамедлительно, и, если это будет нужно, я еще раз приму соответствующие меры.

С Ал<ександром> Кузьмичом Бабореко я лично не знаком. Его поездка в Париж, вероятно, полезна и целесообразна, но самое главное для нас — это добиться, чтобы вещи Ивана Алексеевича, завещанные Советскому Союзу, наконец поступили к Л.Н. Афонину в Орловский музей.

Летом я буду в Коктебеле, буду готовить сборник избранных стихов М. Волошина¹. Но с сентября опять буду в Ленинграде, и мне очень было бы важно с осени снова восстановить нашу переписку. Поэтому прошу Вас сообщить мне, когда Вы вернетесь после летнего отдыха в Париж.

Когда Вы уезжаете на лето? Может быть, я еще успею соорудить Вам маленькую посылку с черным хлебом, русским сахаром и табаком. Напишите только, что еще прислать и какими сроками я располагаю.

С сердечным приветом,

В. Мануйлов

Если увидите Б.К.Зайцева — передайте, пожалуйста, мою благодарность за «Божественную Комедию» Данте².

В.М.

Автограф.

¹ В.А. Мануйлов — основоположник профессионального изучения жизни и творчества М. Волошина. Встречался с ним в Коктебеле в июле 1927 г. Участвовал в восстановлении дома-музея поэта. Собрание стихов было подготовлено спустя пять лет, но издать его не удалось.

² *Данте Алигьери*. Божественная Комедия. Ад / Пер. Б. Зайцева. Париж: YMCA-Press, 1961.

17. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову

29 мая 1962 г.

29 го мая 1962 г. Париж.

Дорогой Виктор Андроникович!

Вы уже вернулись домой. Спасибо за письмо. Я догадался, что Вы в отъезде. Книжку («Гоголь в Петербурге») прислал мне В.И. Майзин¹. Побывали Вы в Орджоникидзе и в Тбилиси. Как прошла Лермонтовская конференция?

Вот еще хочу о чем Вас спросить. 13-го апреля Вы мне написали: «...Теперь весь вопрос только в том, чтобы доказать,.. что до Вас кто-либо уже не указывал на это близкое сходство. Смотрю, ищу...» Чем же окончились Ваши поиски?

Отвечаю на Ваши вопросы. Бунинские вещи лежат на складе, за хранение я уплатил, но склад этот находится не в Буживале (в прошлом году меня Кодрянские известили, что транспортная контора отвезла вещи в Буживаль), а в Венсене.

Пастухов^а) еще не звонил. От А.К. Бабореко получил я письмо (от 24-го мая). Вот выдержка из него: «...Сразу же сообщил К.В. Ворон-

кову относительно Вашего отъезда из Парижа⁶⁾, чтобы он принял это во внимание и ускорил оформ<ление> командировки, которая, как я писал Вам, в соответствующих организациях решена...»

В Вашем последнем письме есть такая фраза: «...Его поездка в Париж, вероятно, полезна и целесообразна, но самое главное для нас это добиться, чтобы вещи Ивана Алексеевича, завещанные Советскому Союзу, наконец поступили к Л.Н. Афонину в Орловский музей». Согласен с Вами.

Меня утомил разнобой. Я всё время пытаюсь объединить людей, занятых бунинс<кими> делами. Пастухов, а об этом я уже писал Вам, сказал мне, что бунинские вещи решено взять. Он тогда же спросил меня: «каковы ваши условия?» На этот вопрос я ему дал ясный и точный ответ. Надеюсь, что Пастухов известил обо всем К.В. Воронкова, с которым связан А.К. Бабореко. Л.Н. Афонин ведет переписку с Бабореко? А.К. Бабореко сегодня запрошу.

Вы мне написали: «вещи Ивана Алексеевича, завещанные Советскому Союзу». Простите, дорогой Виктор Андроникович, но вещи Вера Николаевна завещала мне. Вера Николаевна верила (об этом она не только мне, но и друзьям своим часто говорила), что бунинские вещи будут куплены для музея. Она верила, что будет открыт в СССР музей И.А. Бунина. Это желание покойной Веры Николаевны.

С нетерпением ожидаю от Вас дополнительных известий.

Привет друзьям.

От всей души желаю Вам плодотворной работы.

Сердечно Ваш

Л. Зуров

P.S. Похоронили Сергея Константиновича Маковского². Сейчас в больнице умирает бывший артист Моск<овского> Худ<ожественного> театра А.А. Вырубов³. Л.З.

Много помарок. Простите. Очень тороплюсь! Л.З.

^{а)} Простите, запомнил его имя и отчество.

^{б)} Из Парижа я хочу уехать в середине июля

Машинопись.

¹ Лицо не установлено.

² Маковский Сергей Константинович (1877–1962) — поэт, критик, искусствовед, издатель. Редактор журнала «Русская икона» (1914), основатель и редактор журнала «Аполлон». В 1920 эмигрировал в Прагу. С 1925 — в Париже. Основатель Общества «Икона». Автор нескольких книг стихов и воспоминаний.

³ Вырубов Александр Александрович (1882–1962) — артист, режиссер. Играл в Московском Художественном театре. В 1922 эмигрировал, жил в Берлине, Париже.

Входил в группы разных театров русского зарубежья, выступал на концертах и благотворительных вечерах. Скончался 2 июня 1962 г.

18. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову

29 мая 1962 г.

Дорогой Виктор Андроникович!

Получил письмо от Л.Н. Афонина. Вот выдержка^{а)} из него: «Сегодня получил Ваше письмо. Из него узнал^{б)}, что Алек<сандр> Кузьмич Бабореко собирается ехать в Париж, чтобы принять вещи Ив<ана> Алексеевича Бунина. Новость эта меня обрадовала, ибо она означает, что скоро успешно завершится (наконец-то!) затянувшаяся история. Я не знаю еще, каковы полномочия Александра Кузьмича (ему я сегодня послал письмо), но я надеюсь, что при передаче вещей Ив<ана> Алексеевича будут учтены интересы Тургеневского музея — пока единственного музея в нашей стране, где есть экспозиция, посвященная Бунину». Я А.К. Бабореко спешно написал^{в)} и попросил его: «Покажите, пожалуйста, мою открытку К.В. Воронкову. Спросите К.В. Воронкова: “Известен ли Вам доклад Пастухова, который беседовал с Л.Ф. Зуровым? Разговор шел о приобретении бунинских вещей. Что решено?” Вы, дорогой Александр Кузьмич, должны перед отъездом получить точный ответ. Должно быть принято решение»¹.

Сердечно Ваш

Л. Зуров

P.S. Надеюсь, что Вы получили книгу Ив<ана> Алексеевича Бунина «Избранные стихи» 1929 г. Привет Л.Н. Назаровой, Е.И. Кийко и Т.П. Головановой.

Л.З.

29-го мая 1962 г. Париж

^{а)} Всё посылаю Вам выдержки! Увы!

^{б)} Поразительно!

^{в)} Я превратился в канцелярскую крысу. Ужас! Горе мое! Питаюсь бананами и апельсинами.

Почтовая карточка. Письмо и карточка датированы одной датой, 29 мая 1962 г. Вероятно, Зуров вначале отправил письмо, а затем, получив послание от Л. Афонина, поспешил в открытке сообщить его содержание Мануйлову.

¹ Зуров цитирует письмо к нему Л. Афонина от 21 мая 1962 г. (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 1. Ед. хр.27. Л. 49–50).

19. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову*6 июня 1962 г.*

6-го июня 1962 г. Париж.

Дорогой Виктор Андроникович!

Получил я открытку от А.К. Бабореко. «О командировке нового ничего не могу написать, потому что Константин Васильевич Воронков на несколько дней отлучился из Москвы, в конце этой недели возвратится. Переговорив с ним, я Вам напишу». Открытка датирована 28/V с.г.

Боюсь, что А.К. Бабореко до середины июля не приедет, ведь визу не так-то просто получить, а откладывать свою поездку я не должен ни в коем случае. Отдых мне необходим. Вернусь в Париж в начале октября. Сегодня я написал А.К. Бабореко: «Если у Вас дела пошли в затяжку, пожалуйста, приезжайте в октябре. С радостью Вас встречу».

Надеюсь, что Вы получили мое письмо.

От всей души желаю Вам здоровья и благополучия.

Сердечно Ваш

Л. Зуров

P.S. Сердечный привет Леониду Николаевичу Афонину. Очаровательный он человек.

Л.З.

Почтовая карточка.

20. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову*6 июня 1962 г.*

6 июня 1962. Ленинград. День рождения Пушкина

Дорой Леонид Федорович!

А я ведь послал Вам книжку «Гоголь в Петербурге» одновременно с посылкой бандероли Б.К. Зайцеву. Жаль, если моя посылка, вернее бандероль, не дошла до Вас. Наша Лермонтовская конференция прошла содержательно, на редкость интересно¹.

Пока я не обнаружил ни одного упоминания “L’Orco” Жорж Занд в связи с «Таманью». Если обнаружу — тотчас же Вам сообщу. Видимо, приоритет этого открытия за Вами.

Анатолия Кузьмича Бабореко лично не знаю и не совсем понимаю, почему необходима его поездка, чтобы переправить вещи И<вана> А<лексеевича> в Москву.

Спасибо, что Вы мне разъяснили. Я всегда думал, что вещи за-вещаны и принадлежат Советскому Союзу. Если же речь идет о том, что они должны быть куплены Советским Союзом, — дело несколько усложняется, тут нужны ассигнования, а получить их сейчас не так-то просто. Многое с задержкой становится понятно.

Почему бы Вам не написать обо всем прямо Константину Васильевичу Ворогникову² в Союз писателей и Леониду Николаевичу Афонину в Орел в Музей И.С. Тургенева?

Сообщите мне, пожалуйста, точную дату смерти С.К. Маковского. Это мне необходимо для моей работы о Черубине де Габриак³. Нельзя ли раздобыть книгу его воспоминаний «Портреты современников»⁴?

Когда Вы уезжаете на отдых? Не успею ли я еще Вам прислать посылочку?

С приветом,
В. Мануйлов

Автограф.

¹ Пятая Всесоюзная лермонтовская конференция прошла в Орджоникидзе в мае 1962 г. См.: *Прокопенко Л.И.* Пятая лермонтовская конференция // Русская литература. 1962. № 4. С. 245–248.

² Ошибка, следует: Воронкову.

³ В 1960-е гг. Мануйлов выступал с докладами о Черубине де Габриак; в печати его работа появилась в 1988 г.: *Мануйлов В.А.* Гороскоп Черубины де Габриак // Волошин М. Лики творчества / Изд. подгот. В.А. Мануйлов, В.П. Купченко, А.В. Лавров. Л., 1988. С. 755–760.

⁴ *Маковский С.К.* Портреты современников. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1955.

21. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову

<Июнь 1962 г.>

Дорогой Леонид Федорович!

Спасибо, что Вы так точно и трогательно информируете меня о ходе дел с приобретением бунинских вещей. Для пользы дела это необходимо. Я уже писал Вам на днях, что приобретение, а не передача делает понятным столь длительную задержку. Всё, что связано с расходом валюты, требует решения высших инстанций, и расходуется валюта крайне экономно. Вот почему я опасаясь, что дело ограничится поездкой А.К. Бабореко и не много прибавит к вояжам Л.В. Никулина.

«Избранных стихов» 1929 г. пока, к сожалению, не получил, как не дошли до меня и книги Б.К. Зайцева «Москва» и «Тихие зори»¹. Может быть, всё это еще находится в пути.

В прошлом письме я спрашивал Вас, когда Вы собираетесь на летний отдых, не успею ли я Вам до отъезда Вашего прислать еще небольшую посылочку с русскими вкушностями.

И еще. Я просил сообщить мне точную дату смерти С.К. Маковского, о котором я пишу в статье о Черубине де Габриак.

Получили ли Вы это письмо?

Л.Н. Назарова, Е.И. Кийко и Т.П. Голованова благодарят за внимание и шлют Вам привет!

Сердечно Ваш

В. Мануйлов

Автограф. Письмо не датировано; из содержания следует, что отправлено в интервале между письмами Мануйлова от 6 и 13 июня 1962 г.

¹ Речь идет о мемуарной книге Б.К. Зайцева «Москва» (Мюнхен, 1960) и сборнике рассказов «Тихие зори» (Мюнхен, 1961).

22. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову

13 июня 1962 г.

Дорогой Леонид Федорович!

Спасибо за открытку от 6 июня. Как раз в этот день я писал Вам — наши письма разошлись.

Куда Вы собираетесь на отдых? Когда едете из Парижа? Я буду летом в Коктебеле, в Крыму, где в архиве М.А. Волошина буду готовить сборник его избранных стихотворений и поэм для Крымского областного издательства. Рад буду прислать Вам этот сборник, как только он выйдет, но будет это не раньше начала 1963 года. «Стихотворения» Ив<ана> Алексеевича так и не получил. Застряли, к сожалению.

Насколько я верю Леониду Николаевичу Афонину, настолько я мало жду реальных результатов от поездки Анатолия Кузьмича <Бабореко>. Впрочем, последнего я никогда не видел, лично с ним не знаком, и очень может быть, что я ошибаюсь в этой своей настороженности.

Сердечное спасибо Вам за внимание.

От всей души желаю Вам хорошего отдыха, здоровья, бодрости.

С уважением и приветом,

В. Мануйлов

13 июня 1962. Ленинград

Автограф.

23. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову*19 июня 1962 г.*

19 июня 1962 г. Париж

Дорогой Виктор Андроникович!

Спасибо за письмо. Постараюсь Вам прислать вырезку из книги Сергея Константиновича Маковского «Портреты современников». Через несколько дней я эту книгу получу. Черубина де Габриак! Жаль, что скончался Зноско-Боровский¹. Он мне говорил (после доклада Маковского), что написал бы об этой истории по-иному. С.К. Маковский скончался 12-го мая с.г.

Передал от Вас привет Б.К. Зайцеву. Ваше письмо он получил. Спасибо за желание прислать посылку. Боюсь, что хлеб зацветет. В Париже сейчас тропическая духота. Прислал письмо А.К. Бабореко (отправлено 8-го июня). «Константин Васильевич (Воронков — Л.З.) дело с приобретением бунинских вещей успешно продвигает, и он был рад, когда я показал ему Ваши письма..., в которых четко и определенно говорится о принципиальном согласии на передачу вещей... Ни я, ни К.В. Воронков никогда не имели в виду безвозмездную передачу вещей Ивана А<лексееви>ча музею Советского Союза, всегда речь шла только о покупке. Сегодня К.А. Воронков сказал, что за вещи, безусловно, будет уплачено. Он сказал также, что моя поездка в Париж состоится до того, как Вы отбудете из этого города — до середины июля».

Вот и все новости, дорогой Виктор Андроникович. Сердечный привет друзьям. Вам я желаю здоровья и успешной работы над сборником Волошина. М. Цветаева рассказывала мне о волошинских местах. Древность изумительная².

Устал я зверски, а дел впереди много. Душно, жарко. Работая сейчас над рукописью.

Сердечно Ваш

Л. Зуров

Почтовая карточка.

¹ Зноско-Боровский Евгений Александрович (1884–1954) — шахматист; драматург, критик. С 1920 г. во Франции. Опубликовал ряд статей о театре и русской поэзии.

² М. Цветаева неоднократно приезжала к М. Волошину в Коктебель в 1911–1917 гг. О волошинском уголке Крыма, порождающем в сознании поэта античные мифы, Цветаева рассказала в очерке-портрете «Живое о живом» (1932).

24. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову*5 июля 1962 г.*

5 июля 1962. Ленинград

Дорогой Леонид Федорович!

Через 5 часов я вылетаю в Крым, в Коктебель, и до начала сентября наша переписка прервется. После первых чисел сентября сообщите мне, пожалуйста, когда Вы вернетесь в Париж, и напишите мне, чего бы Вам хотелось, что бы я Вам прислал.

Очень хочется знать, удастся ли А.К. Бабореко довести до конца затянувшееся дело с принятием и доставкой в Советский Союз вещей Ивана Алексеевича. Очень буду рад за Вас, когда наконец будут возмещены Ваши расходы и Вы вздохнете облегченно с сознанием доведенного до конца большого дела.

Вы пишете, что С.К. Маковский скончался 12-го мая. Из других источников я знаю, что 13 мая. Нельзя ли уточнить? И хотелось бы в сентябре получить от Вас в письме дату смерти Зноско-Боровского. Мне это надо для статьи о Черубине де Габриак.

Пишу глубокой ночью, очень усталый, простите за почерк, но хочу отправить Вам письмо до отлета из Ленинграда.

Сердечный привет и тысяча благодарностей за внимание,

В. Мануйлов

У нас очень интересные выставки А.П. Остроумовой-Лебедевой и М.В. Нестерова¹.

Автограф.

¹ В 1962 г. в Ленинграде были организованы персональные выставки художников-живописцев Анны Петровны Остроумовой-Лебедевой (1871–1955) и Михаила Васильевича Нестерова (1862–1942).

25. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову*9 июля 1962 г.*

9-го июля 1962 г. Париж.

Дорогой Виктор Андроникович!

Посылаю Вам заказной бандеролью книгу С.К. Маковского «Портреты современников». Пакет же направляю в Институт русской литературы (Пушкинский Дом Академии наук СССР). Так будет вернее. Надеюсь, что Вам эту книгу передадут. Ее мне вручила семья покойного С.К. Маковского, который умер 13-го мая с.г., а не 12-го мая, как я Вам тогда написал. Очень жалею, что «Избранные стихи»

Ив<ана> Ал<ексеевича> Бунина не дошли до Вас^{а)}. Книга редкая. Ее у букинистов достать нельзя.

От А.К. Бабореко получил письмо (от 26 июня), а в нем такие строки: «Думаю, что моя поездка раньше осени не состоится... Пусть ожидание меня не задерживает Ваш отъезд. В экстренном случае я послал бы Вам телеграмму». А Л.Н. Афонин уведомляет меня: «...Писем от А.К. Бабореко давно не получал. Может быть, он уже в Париже. Очень было бы хорошо, если бы он увиделся с Вами до Вашего отъезда из Парижа. Я надеюсь, что в недалеком будущем столь затянувшаяся “история” с передачей вещей Ивана Алексеевича решится благополучно, и они, наконец, окажутся в Орле, в нашем музее»¹.

Через неделю я уезжаю. Вернусь в Париж в октябре.

От всей души желаю Вам здоровья и успехов.

Сердечно Ваш

Л. Зуров

P.S. Писать можно по старому адресу. Письма мне пересылать будут. Л.З.

^{а)}Что-то часто стали книги в пути пропадать.

Почтовая карточка.

¹ Из письма Афонина к Зурову от 19 июня 1962 г. (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 1. Ед. хр. 27. Л. 51–52 об.).

26. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову

18 октября 1962 г.

18 октября 1962 г.

Дорогой Виктор Андроникович!

Получили ли Вы книгу С.К. Маковского? Я ее отправил в Институт русской литературы (Пушкинский Дом. Литературоведу Виктору Андрониковичу Мануйлову). Тогда же, — а это было перед моим отъездом в Шотландию, — послал Вам и открытку. Получили ли Вы ее?

9-го октября прочел в Лондоне (The Pushkin Club¹) доклад «“Тамань” Лермонтова и “L’Orco” Жорж Занд».

От всей души желаю Вам здоровья и плодотворной работы.

Л. Зуров

P.S. Пожалуйста, передайте мой сердечный привет Людмиле Николаевне Назаровой, Тамаре Павловне Головановой, Владими-

ру Ивановичу Малышеву² и Павлу Петровичу Ширмакову³. От П.П. Ширмакова я получил письмо. Скоро ему ответчу. На днях должен получить письмо (деловое) от А.К. Бабореко, который должен приехать в Париж.

Л.З.

Почтовая карточка.

¹ Пушкинский клуб (современное название “Pushkin House”) создан русскими эмигрантскими кругами в Британии в 1954 г. как центр русской культуры. В нем проводились лекции, концерты, чтения, встречи. Первым председателем Совета клуба была М.М. Кульман (Зёрнова).

² Малышев Владимир Иванович (1910–1976) — археограф, историк древнерусской литературы. Работал в Пушкинском Доме, где в 1949 г. основал Древлехранилще — собрание древнерусских рукописей. В 1960-х гг. переписывался с Зуровым.

³ Ширмаков Павел Петрович (1919–1994) — кандидат филологических наук, в 1953–1975 гг. — сотрудник Пушкинского Дома. Работал в Рукописном отделе, занимался разбором и комплектацией архивов советских писателей. Зуров имеет в виду письмо к нему П.П. Ширмакова от 3 октября 1962 г., в котором тот интересуется ходом переговоров с Москвой касательно передачи парижского архива Бунина и в случае неуспеха предлагает передать архив Пушкинскому Дому (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Ед. хр. 121. Л. 1–2). Эту тему Ширмаков развивает и в письмах к Зурову от 6 декабря 1962 и 13 февраля 1963 г. (там же).

27. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову

27 ноября 1962 г.

27 ноября 1962. Ленинград
Дорогой Леонид Федорович!

Сегодня получил из Москвы от Константина Александровича Федина письмо, в котором он пишет:

«Я говорил с К.В. Воронковым (ответственный секретарь Союза писателей СССР), хорошо знакомым с делами вокруг парижского архива Ив<ана> Ал<ексеевича> Бунина. Вероятно, нельзя обойтись без командировки в Париж специального лица (видимо, речь идет об А.К. Бабореко), достаточно сведущего в творческом наследии Бунина. Важно, конечно, иметь представление и о вещах, которые остались после Бунина и — вместе с архивом — находятся сейчас в ведении Л.Ф. Зурова.

Поэтому я очень прошу Вас... осуществить свое, высказанное в письме¹, предложение и предоставить нам, для ознакомления в секретариате Союза, опись того, что находится из наследства Бунина в Париже (литературного и бытового). Разумеется, было бы хорошо, если бы Вы прислали также что найдете нужным из своей переписки с Л.Ф. Зуровым.

Направить всё это прошу Вас Константину Васильевичу Воронкову по адресу секретариата СП СССР.

И я, и мои коллеги по СП вполне разделяем Ваше убеждение, что литературный архив Бунина должен находиться в СССР, равно и вещи его в Орловском литературном музее...» (Письмо датировано 23 ноября 1962 г.).

Сегодня же я условился с Павлом Петровичем Ширмаковым в архиве Института русской литературы Академии наук СССР, что Институт снимет копию с описи, которую я передал им на хранение, и, заверив эту копию, направит в Секретариат ССП с сопроводительным письмом к К.В. Воронкову, где будет высказана точка зрения ИРЛИ о необходимости форсировать это так затянувшееся дело. Я же пошлю им в секретариат ССП некоторые выдержки из Ваших писем ко мне, само собой разумеется, не задевающие самолюбия Л.В. Никулина или кого-либо еще. Просто, чтобы они видели, как давно ведутся эти безрезультатные переговоры.

Копии этого письма посылаю Леониду Николаевичу Афонину в Орловский литературный музей и рекомендую ему съездить в Москву для личных переговоров с К.В. Воронковым, для того чтобы объяснить им, как необходимы вещи Ивана Алексеевича для его комнаты в Орловском музее.

Напишите мне, пожалуйста, точно, в каком издании напечатана Ваша весьма убедительная и интересная статья о «Тамани» Лермонтова и о новелле Жорж Санд «L'Orgo». Я хочу в печати сослаться на Вашу работу, а у меня нет точных выходных библиографических данных. Нигде, кроме как у Вас, в лермонтовской литературе упоминания этого рассказа Жорж Санд я не встретил.

Книги С.К. Маковского я так и не получил, а она мне очень нужна для работы. Вообще лучше посылать на домашний адрес, так доходит скорее и точнее. Я справлялся в Институте, говорят, что мне тотчас же позвонили бы, если бы какой-либо пакет на мое имя пришел.

А получили ли Вы каталог выставки из собрания Ф.Ф. Нотгафта в Эрмитаже? ² Я послал этот каталог Вам, Б.К. Зайцеву и А.А. Сионскому³.

Книга С.К. Маковского есть в Публичной библиотеке, там я ее прочел, конечно, иметь ее под рукой, как и книгу прозы Марины Цветаевой, очень важно, но не тревожьтесь посылать еще раз (я знаю, как трудно достать эти книги, а получу ли я их, кто знает).

Людмила Николаевна <Назарова> и Павел Петрович <Ширмаков> шлют Вам привет.

С сердечным приветом и глубоким уважением
Ваш В. Мануйлов

Машинопись.

¹ Константин Александрович Федин (1892–1977) был на тот момент первым секретарем Союза писателей СССР, имел звание члена Академии наук СССР. Мануйлов обратился к нему с письмом (от 23 сентября 1962 г.), где среди прочих тем был затронут вопрос о передаче бунинского мемориального наследия: «Мне представляется, что товарищи, занимающиеся этим делом в Министерстве культуры СССР и в нашем посольстве, не совсем справедливо относятся к Л.Ф. Зурову и не в полной мере используют свои возможности, чтобы не упустить эту часть наследия Бунина <...> Больше года он никак не может добиться, чтобы всё, оставшееся в квартире Бунина, попало бы наконец в СССР» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 440. Оп. 2. Ед. хр. 355. Л. 3). Мануйлов выражал также готовность предоставить в распоряжение Федина свою переписку с Зуровым.

² Федор Федорович Нотгафт (нем. Friedrich Notthaft; 1886–1941) — искусствовед, коллекционер живописи, издатель, старший научный сотрудник Эрмитажа. В 1962 г. в Эрмитаже была открыта выставка произведений живописи и графики из собрания Нотгафта. Затем часть коллекции была передана в Русский музей.

³ Сионский Александр Алексеевич (1899–1976) — общественный деятель. Участник Первой мировой и Гражданской войн. С 1925 — во Франции. Член Союза галлиполийцев. Принимал участие в организации писательских вечеров, благотворительных концертов. Оказывал помощь писателям зарубежья и России в пересылке книг.

28. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову

30 ноября — 1 декабря 1962 г.

30 ноября 1962 г. Париж.

Дорогой Виктор Андроникович,

получил посланный Вами каталог выставки картин и рисунков русских художников начала XX века¹. Спасибо сердечное. Показывал друзьям. Любовались работами Сомова (№№ 92, 93), Серебряковой (88, 90), Верейского, Белкина (№ 1), Бенуа (№ 20). Особенно меня порадовала лирическая и вдохновенная акварель С.П. Яремича². Он был дружен с покойным профес<сором> В.И. Полем³. Вл<адимир> Ив<анович> Поль мне говорил: «Какой это талантливый человек! Но что случилось, что с ним произошло? Где его картины?»

От всей души желаю Вам плодотворной работы.

Ваш

Л. Зуров

Сердечный привет Людмиле Николаевне <Назаровой> и Павлу Петровичу <Ширмакову>

P.S. М.А. Волошин нас удивил⁴. Прекрасно рисовал. Вступительная статья написана отлично⁵.

1-го декабря 1962

P.P.S. У меня грипп. Вчера открытку не удалось отправить. Сейчас (2 ч. дня) принесли Ваше заказное письмо. Очень хорошо.

Благодарю Вас за дружеское отношение. Радует меня, что Константин Алексеевич Федин Вам прислал деловое письмо. Моя статья («Тамань» Лермонтова и «L'Orgo» Жорж Занд) напечатана в «Новом журнале» (The New Review), в книге 66-й, в 1961 году. (New Review, December 1961, Quarterly, No 66. 2700 Broadway, New York 25, N.Y. U.S.A.). Напечатана же в отделе библиографическом (стр. 278, 279, 280, 281). Книгу Маковского я послал Вам заказной бандеролью. Фишка почтовая у меня. Думаю, что пакет лежит в Институте.

С сердечным приветом и глубоким уважением

Л. Зуров

Почтовая карточка.

¹ Имеется в виду издание: Выставка картин и рисунков русских художников начала XX века из собрания Ф. Ф. Нотгафта: Каталог / Сост. А. В. Помарнацкий и Г. А. Принцева. Л., 1962. Зуров упоминает работы, репродукции которых опубликованы в каталоге — К.А. Сомов. «Радуга. Вечерние тени» и «Лето»; З.Е. Серебрякова. «Пейзаж в Павловске» и «Портрет художника Д.Д. Бушена»; Г.С. Верейский. «Портрет Ф.И. Шаляпина», «Портрет А.П. Остроумовой-Лебедевой», «Портрет Ф.Ф. Нотгафта», «Озеро в Юкках», В.П. Белкин. «Вид речки Ждановки»; А.Н. Бенау. «Церковь св. Сульпиция в Париже»; С.П. Яремич. «Смольный собор».

² Яремич Степан Петрович (1869–1939) — художник, искусствовед, коллекционер. Член Союза русских художников. С 1918 — зав. отделением рисунков Эрмитажа, с 1930 — зав. реставрационной мастерской Эрмитажа.

³ Поль Владимир Иванович (1875–1962) — композитор, пианист, педагог, музыкально-общественный деятель, художник. С 1920 в эмиграции в Париже. Один из основателей, директор и педагог Русской консерватории имени С. Рахманинова (1931–1956).

⁴ В каталоге воспроизведена картина М.А. Волошина «Пейзаж в Коктебеле».

⁵ Вступительная статья написана историком искусства Владимиром Францевичем Левинсоном-Лессингом (1893–1972).

29. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову

16 декабря 1962 г.

Paris.

Дорогой Виктор Андроникович,

поздравляю Вас с наступающим Новым годом. Да принесет он Вам радость и счастье. Еще раз благодарю Вас за доброе отношение. Хотел Вам написать обстоятельное письмо, но грипп меня просто замучил. Затрепал. Какой-то он многоэтажный. До сих пор не могу сбить температуру. От П.П. Ширмакова я получил письмо. Передайте, пожалуйста, Павлу Петровичу <Ширмакову>, Людмиле

Николаевне <Назаровой> и Тамаре Павловне Головановой привет.
Скоро им напишу.

Сердечно Ваш

Л. Зуров

16/ХІІ <19>62

Открытка с видом на Нотр-Дам (Париж).

30. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову

28 октября 1963 г.

28 октября 1963. Ленинград

Дорогой Леонид Федорович!

Благодарю за открытку из Бретани с чудесными видами Атлантического океана.

Надеюсь, что Вы уже в Париже. Мне хотелось бы знать, как в настоящее время обстоит дело с передачей вещей и материалов из парижской квартиры Ивана Алексеевича для Орловского музея или вообще для Советского Союза.

Был ли у Вас Бабореко, и каковы Ваши дальнейшие намерения, если до сих пор вещи на сохранении и нет движения с их перевозом в СССР?

Какие условия Вы сейчас ставите, и как велика сумма, накопившаяся за это время, денег, уплаченных Вами за хранение?

Всё это мне нужно знать, чтобы еще раз поставить вопрос о перевозе вещей и материалов Ивана Алексеевича в Советский Союз в Министерстве культуры СССР и в других, не менее авторитетных инстанциях.

Знаете ли Вы, что 17 сентября с<его> г<ода> умерла Наталья Васильевна Крандиевская-Толстая¹, большой друг И.А. Бунина?

Знаете ли Вы, что на Вашу статью о Лермонтове и Жорж Занд я сослался в своей статье в болгарском журнале «Език и литература», 1963, № 3?²

С приветом

В. Мануйлов

Автограф.

¹ Крандиевская-Толстая Наталья Васильевна (1888–1963) — поэтесса, мемуарист. Ранние стихи положительно оценил И. Бунин, которого она считала своим литературным учителем. В 1915–1935 гг. состояла в браке с А.Н. Толстым. Скончалась 17 сентября 1963 г. в Ленинграде. Мануйлов посвятил ей мемуарный очерк «О Н.В. Крандиевской-Толстой» (*Мануйлов В.А. Записки счастливого*

человека: Воспоминания. Автобиографическая проза. Из неопубликованных стихов / Под ред. Н.Ф.Будановой. СПб., 1999. С. 343–349).

² Мануйлов В.А. «Герой нашего времени» на М. Ю. Лермонтов като реалистичен роман // Език и литература. 1963. № 3. С. 41–46.

31. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову

25 декабря 1963 г.

25 декабря 1963, Ленинград

Дорогой Леонид Федорович!

Сердечно поздравляю Вас с наступающим Новым 1964 годом и желаю от всей души, чтобы этот новый год был для Вас и всех нас годом исполнений наших желаний и душевного спокойствия. А главное, пожалуйста, будьте здоровы и бодрры!

Послал еще одно письмо о недопустимой задержке перевода в СССР вещей и материалов Ивана Алексеевича — писал о нем в высокие инстанции¹. Жду ответа. Еще раз спасибо за открытку из Бретани.

Ваш В. Мануйлов

Автограф.

¹ Фраза отчеркнута на полях красным карандашом. Имеется в виду письмо Мануйлова секретарю ЦК КПСС Леониду Фёдоровичу Ильичёву от 19 декабря 1963 г. Содержание письма кратко изложено во вступительной статье. В 1965 г. Мануйлов выслал В.А. Сафонову и А.К. Бабореко копии своего письма Ильичеву как основу для обращения в высшие инстанции.

32. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову

28 февраля 1965 г.

28 февраля 1965, Ленинград

Дорогой Леонид Федорович!

Сердечно благодарю за открытку и за надпись на «Речном трактире», которым Вы меня очень обрадовали¹. Тронут Вашим вниманием.

Вы очень обязали бы меня, если бы сообщили мне, в каком положении находится сейчас вопрос о дальнейшей судьбе архива и вещей Ивана Алексеевича. Хотя ряд моих попыток не увенчался успехом, я хотел бы знать, всё ли уже определилось и кончено, или еще можно предпринять какие-то новые попытки.

С сердечным приветом

Ваш В. Мануйлов

Машинопись.

¹ По-видимому, Зуров выслал издание повторно: 25 мая 1962 г. Мануйлов уже благодарил его за присылку этой же книги.

33. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову

22 марта 1965 г.

22/III 1965 г. Париж

Дорогой Виктор Андроникович!

Сердечное спасибо за письмо. Очень тронут. Отвечаю на Ваши вопросы.

Крупные мемориальные вещи Ивана Алексеевича Бунина (они были перечислены в телеграмме Александра Кузьмича Бабореко¹, а отправил он эту телеграмму с согласия Воронкова) я держу на складе. Малые вещи находятся у меня.

Архив Ив<ана> Алексеевича храню у себя, но все письма Марка Александровича Алданова (к Ивану Алексеевичу и Вере Николаевне) купила уже библиотека Эдинбургского университета².

В каком положении находится сейчас вопрос о дальнейшей судьбе архива и вещей Ивана Алексеевича? Я запросил об этом Ал<ександра> Куз<ьмича> Бабореко. 3. I. 1965 г.³ он мне написал: «На Ваше письмо я отвечу позднее — нужно некоторое время, чтобы кое-что выяснить, переговорить с некоторыми людьми...»

А вот и выдержка из письма от 2. II. 1965 г.: «... Дело в том, что пока не могу ответить на Ваше письмо так, как хотелось бы. В отношении архива Бунина и его мемориальных вещей я написал кое-кому, встречался и разговаривал, но этого недостаточно. Главное — впереди. Напишу позднее, хотя и не могу сказать, когда именно».

В открытке от 4 марта с.г. Бабореко написал:

«Извините, пожалуйста, — очень прошу об этом, — что я долго ничего не написал вам, не ответил на Ваше последнее письмо в отношении архива И.А. Бунина. Я должен дождаться, пока выздоровеет один нужный человек, и поговорить с ним. Я всё время помню, что должен написать Вам...»

Всё это очень туманно⁴. Запросите, пожалуйста, Александра Кузьмича Бабореко. Он в курсе всех дел. Его адрес...

Ваши книги («Гоголь в Петербурге» и «Лермонтов в Петербурге»⁵) прочел с истинным наслаждением. Теперь их читают друзья, а читая, хвалят.

Я был серьезно болен несколько месяцев. Острое переутомление. Болезнь перенес на ногах. Занимался хозяйством и всевозможными делами. Сейчас продолжаю лечение⁶.

Сердечно Ваш
<Л. Зуров>

LRA. MS.1068/31029. Л. 1–1об. Черновой автограф. В архиве В.А. Мануйлова оригинал не обнаружен, но в дальнейшей переписке ученый упоминает это письмо.

¹ Телеграмма (дата не обозначена) отправлена на французском языке. Перевод: «Сохраните письменный стол и стул Бунина, столик для рукописей, столик для пишущей машинки и пишущую машинку, подставку для рукописей, стул Веры Николаевны и ее секретер, диван Ивана Алексеевича, телефон, картины и портреты. В ближайшие дни я приеду. Срочно решается вопрос о переводе вам денег. Бабореко» (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 1. Ед. хр. 35. Л. 202).

² См.: Письма М.А. Алданова к И.А. и В.Н. Буниным / Публ., предисл., примеч. и коммент. М.Э. Грин // Новый журнал. 1965. № 80. С. 258–287; № 81. С. 110–147.

³ Возможно прочтение «30.1».

⁴ Фраза зачеркнута.

⁵ Мануйлов В.А. Лермонтов в Петербурге. Л., 1964.

⁶ Далее повторены фразы: «Вашу книгу прочел с истинным наслаждением. Теперь Ваши книги (“Гоголь в Петербурге” и “Лермонтов в Петербурге”) читают мои друзья, а читая, их хвалят».

34. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зуров

31 марта 1965 г.

31 марта 1965. Ленинград.

Дорогой Леонид Федорович!

Сердечно благодарю Вас за любезное и ласковое письмо от 22 марта с.г. и за обстоятельное изложение печального положения дел с материалами и личными вещами Ивана Алексеевича. Я уже написал Александру Кузьмичу Бабореко и буду рад, если он откликнется и мы сможем объединить наши усилия. О дальнейшем ходе событий сообщу Вам непременно.

А.К. Бабореко я никогда не встречал и у меня нет с ним пока личного контакта, но знаю и очень люблю Л.Н. Афонина и могу засвидетельствовать, что он сделал всё от него зависящее, чтобы добиться положительного решения интересующего всех нас вопроса, и если вещи всё еще находятся в Париже, а не в литературном музее в Орле, то в этом виноват не Афонин.

С сердечным приветом и глубоким уважением

Ваш В. Мануйлов

Машинопись.

35. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову

1 сентября 1965 г.

1 сентября 1965, Ленинград
Дорогой Леонид Федорович!

Благодарю за очень интересную статью о гербе Лермонтова¹ — она войдет в Лермонтовиану.

Но для того, чтобы ввести ее в научный оборот, в библиографию, мне необходимо получить ее точный «библиографический адрес» — где она, в каком издании опубликована?

Заодно чьи это превосходные стихи на обороте? М. Цветаевой?²

Недавно в Коктебеле я виделся с В.А. Сафоновым³. Он мне рассказал о беседах с В. Ажаевым⁴ и с А.К. Бабореко. Общими силами мы предприняли недавно еще одну попытку сдвинуть с мертвой точки вопрос о получении вещей и материалов Ивана Алексеевича, но, как ни трудно этому поверить, дело это снова и снова увязает в непонятном болоте.

Как Вы себя чувствуете, как Ваши литературные дела?

Готовлю к сдаче в издательство книгу «По страницам героя нашего времени»⁵, где дважды ссылаюсь на Вашу отличную работу о «Тамани» и «L'Orcos» Ж. Занд. Когда книга выйдет — непременно пришлю ее Вам. Подробно рассказывал о Вашей работе и сочувственно упоминал Ваше имя в мае с<его> г<ода> в Пятигорске на VIII Лермонтовской конференции, посвященной «Герою нашего времени».

С приветом,

Ваш В. Мануйлов

Автограф.

¹ Зуров Л.Ф. Герб Лермонтова: К 150-летию со дня рождения // Новый журнал. 1965. № 79. С. 98–115.

² На соседних со статьей Зурова страницах опубликовано стихотворение поэта русского зарубежья Владимира Львовича Корвина-Пиотровского (1891–1966) «Замостье и Збараж, и Краков вельможный...» (Новый журнал. 1965. № 79. С. 116–117). Оно так заинтересовало Мануйлова, что он попросил Зурова прислать полный текст. Впоследствии он передал его ленинградскому писателю и барду Борису Александровичу Алмазову, который положил стихи на музыку и включил песню в программу своих выступлений, благодаря чему стихотворение получило известность в советской России. В исполнении Алмазова оно начинается со второй строфы «О, польское счастье, под месяцем узким...» (по информации сайта Fantlab.ru. URL: <https://fantlab.ru/work918336>; дата обращения: 02.12.2019).

³ Сафонов Вадим Андреевич (1904–2000) — прозаик, автор около сорока книг, среди которых путевые очерки, исторические романы, книги о науке и искусстве. Лауреат Сталинской премии третьей степени (1949), Гос. премии СССР (1979), награжден многими медалями и орденами. Был членом Всероссийского союза поэтов, СП СССР и СП РФ. В письме от 1 июля 1965 г. А.К. Бабореко сообщал Мануйлову о беседе с Сафоновым по поводу бунинского архива: «Вадим Андреевич согласился с тем, что надо обратиться с письмом в ЦК КПСС — от имени видных деятелей литературы. <...> К вам просьба: заручитесь поддержкой видных ленинградских писателей и ученых» (РО ИРЛИ. Ф. 713. Архив В.А. Мануйлова).

⁴ Ажаев Василий Николаевич (1915–1968) — прозаик, автор романа «Далеко от Москвы» (1948), удостоенного Сталинской премии первой степени. С 1954 — член Правления Союза писателей. См. примеч. 5 к письму от 15 мая 1962 г.

⁵ Имеется в виду книга: *Мануйлов В.А.* Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: Комментарий. М.; Л., 1966. Мануйлов упоминает в ней статью Зурова, который «отметил сюжетную близость “Тамани” к рассказу Жорж Занд “L’Orco”» (с. 48). В ссылке на публикацию в «Новом журнале» ее страницы указаны ошибочно: 176–281 вместо 278–281; эта же ошибка перешла в последующие издания работы Мануйлова.

36. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову

13 октября 1965 г.

13 октября 1965. Ленинград

Дорогой Леонид Федорович!

Спасибо за открытку и за сведения о том, где напечатана Ваша статья «Герб Лермонтова». Очень полезная и содержательная статья!

Спасибо и за справку о стихотворении В.Л. Корвин-Пиотровского. Полностью ли оно напечатано на страничке, примыкающей к Вашей статье, или есть еще несколько строф, продолжающих то, что я знаю. Если есть продолжение, пришлите мне его текст до конца¹.

Воспоминания Мартынова² меня очень интересуют. Но как к ним подступиться? Нельзя ли как-нибудь заказать фотокопии или микрофильмы со всех страниц этих материалов и устроить так, чтобы они попали в архив Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР (Ленинград, набережная Макарова, 4), не говоря уже об оригинале этих воспоминаний? Как это сделать, как организовать, посоветуйте!

С А.К. Бабореко у меня налачился контакт, но, видимо, ни он, ни я не можем пока сдвинуть с места разрешения затянувшегося по непонятным причинам вопроса о передаче для Орловского литературного музея обстановки и материалов из парижского кабинета Ивана Алексеевича. Это одно из самых грустных дел, которыми мне когда-либо приходилось заниматься.

Держите меня, пожалуйста, в курсе Ваших дел и передвижений. Если бы представилась возможность мне навестить Вас и лично выяснить все детали, может быть, я смог бы заинтересовать в большей мере наше посольство в Париже. Это еще не реальная возможность, но отдаленная надежда, даже вернее мечта.

Если будет какая-либо возможность прислать мне Воспоминания Ивана Алексеевича, пришлите, пожалуйста, они мне очень нужны для работы над книгой о Волошине. А что могу я прислать Вам, с радостью пошлю всё, что Вам будет нужно и что тут я смогу для Вас достать. Спасибо за память, за внимание.

С сердечным приветом

В. Мануйлов

Машинопись.

¹ Из содержания видно, что Зуров прислал Мануйлову интересующие его библиографические сведения. В архиве ученого эта открытка не обнаружена.

² Поскольку открытка Зурова не сохранилась, неясно, что за источник имеется в виду и почему Мануйлов заинтересовался им. Хорошо известны автобиографические записки Н.С. Мартынова (Русский архив. 1893. № 8) и статья его сына С.Н. Мартынова «История дуэли М.Ю. Лермонтова с Н.С. Мартыновым (Русское обозрение. 1898. № 1).

37. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову

20 ноября 1966 г.

20-го ноября 1966 г. Paris.

Дорогой Виктор Андроникович!

Сердечное спасибо за милый подарок. Вашу книгу «Герой нашего времени»¹ читаю с большим увлечением. Написана превосходно. И обложка сделана с большим вкусом. От всей души поздравляю. Желаю здоровья и дальнейших успехов. Сегодня посылаю Вам оттиск «Безымянные записки»² (обнаружил в архиве И.А. Бунина первые наброски «Жизни Арсеньева»).

Сердечно Ваш Л. Зуров.

P.S. На фотографии — древний остров. Париж похож на большую ладью. Счастливой работы. Л.З.

Автограф. Открытка с видом на остров Сите, центр Парижа.

¹ Мануйлов В.А. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: Комментарий. М., Л., 1966.

² Бунин И. Безымянные записки / Публ. и примеч. Л. Зурова // Новый журнал. 1966. № 84. С. 49–55.

38. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову*22 декабря 1966 г.*

22 декабря 1966, Ленинград
Дорогой Леонид Федорович!

Очень тронут Вашим вниманием. Благодарю Вас за присланные «Безымянные записки». Не осталось ли у Вас еще одного экземпляра Вашей публикации о «Тамани» Лермонтова и «L'Orgo» Жорж Занд? Этот оттиск очень был бы нужен для Лермонтовского кабинета Института русской литературы. Пришлите его, пожалуйста, на мой адрес, а я передам его самым верным образом.

Я бы хотел знать, есть ли какие-либо новости в вопросе о судьбе обстановки и архива Ивана Алексеевича, и каковы Ваши намерения, и каковы реальные перспективы. Если еще не поздно, я хотел бы предпринять еще несколько решительных шагов всё в том же направлении, чтобы получить эти материалы для Советского Союза, в частности для Орловского литературного музея.

С сердечным приветом
Ваш В. Мануйлов

Машинопись.

39. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову*18 декабря 1966 г.*

18/XII 1966

Дорогой Виктор Андроникович!

Сердечно поздравляю Вас с Новым годом. От всей души желаю Вам радостно встретить его. Ваша книга имеет успех. Поздравляю!

Обращаюсь к Вам с большой просьбой. Узнайте, пожалуйста, если это, конечно, Вас не затруднит, где находились дворцовые (Зимний дворец) конюшни (в старом здании дворца, которое примыкает к Эрмитажу)? Мне говорили, что конюшни эти были обширны и велики, в них свободно поместилась вызванная Временным правительством артиллерия — трехдюймовые орудия с повозками, зарядными ящиками и конями. Всё это мне нужно для исторической повести¹. За ответ буду Вам чрезвычайно признателен и благодарен.

Желаю Вам в 1967 году успешной творческой работы.

Сердечно Ваш Л. Зуров

Открытка с видом на Триумфальную арку в Париже.

¹ Имеется в виду незавершенный роман Зурова «Зимний дворец».

40. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову*11 января 1967 г.*

11 января 1967, Ленинград
Дорогой Леонид Федорович!

Благодарю Вас за поздравления с Новым годом. Примите и мои лучшие пожелания. Простите, что задержал ответ.

Конюшни находились в первом этаже Зимнего дворца, рядом с манежем. Было два въезда: с набережной и с площади. Вместимость примерно на 60 лошадей. Значит, там в 1917 году могло поместиться некоторое количество трехдюймовых орудий с зарядными ящиками и лошадьми. Кроме того, дворцовые конюшни были на Конюшенной площади (ныне площадь Желябова).

Не осталось ли у Вас еще одного оттиска Вашей статьи о “L’Orgo” Жорж Занд и «Тамани» Лермонтова? Если есть, пришлите мне, пожалуйста, это необходимо для Лермонтовского кабинета Института русской литературы Академии наук СССР.

Не слышно ли, не выходит ли у Вас или где-либо еще сборник стихотворений и поэм М. Волошина? Издание, подготовленное мною, пока тут неопределенно задерживается.

С приветом
Ваш В. Мануйлов

Автограф.

41. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову*12 февраля 1967 г.*

Дорогой Виктор Андроникович!

Сердечное спасибо за письмо. Чрезвычайно признателен Вам за присланные сведения. Я еще раз просмотрел старые записи. Пушки с передками и зарядными ящиками оставлены были во дворе, а лошади были введены в конюшню. Посылаю Вам маленький план Зим<него> дворца. Очень прошу Вас отметить на нем конюшни, двор, а главное — два входа: с набережной и с площади. Свободен ли вход с Дворцовой площади и Миллионной (ул. Халтурина)? Или же там наход<ятся> ворота? Какие они?

Конюшни находились (так у меня записано) между Зимним дворцом (в запасной половине З<имне>го дворца?) и Эрмитажем. В начале Миллионной. Когда-то их обслуживали татары (одно время и Витте жил в запасной половине. Там же находилась и квартира за-

ведущего дворцом. Окна ее выходили на Неву. У зав. дворцом были выезды и кареты. Всем тогда полагались по штату казенные лошади. Этих лошадей и держали в дворцовой конюшне. А двор называли татарским^{а)}. Он прямой, не очень широкий, но длинный. От Миллионной до набережной. Вход (въезд) в конюшни был ступенчатый. На Конюшенной улице находились придворные лошади и кареты).

Простите, что Вас отрываю от дела, но эти сведения для меня очень важны. Буду Вам очень благодарен за ответ.

С радостью послал бы в Лермонтовский кабинет оттиск “L’Orcos” Жорж Занд и «Тамань» Лермонтова, но, к величайшему сожалению, все оттиски давно разлетелись по белу свету. И книжка “The New Review” (я навел справки) давно распродана.

Посылаю Вам оттиск «Письма Н.Д. Телешова к И.А. Бунину» (“The New Review” 85, декабрь 1966 г.)¹.

Относительно бунинских вещей? Получил недавно от А.К. Бабореко письмо. В нем есть такая фраза: «В деле приобретения бунинских мемориальных вещей не всё мне ясно. Одно могу сказать, что Орловский музей вещи может купить, если Вы согласитесь их передать (сговорившись относительно всех издержек и расходов)». Одно скажу: всё это очень туманно. «...Не всё ясно», «может купить», «если Вы согласитесь...», «...сговорившись (с кем? — Л.З.) относительно всех издержек и расходов...» Туман, туман, сплошной туман.

От всей души желаю Вам здоровья и успешной работы.

Сердечно Ваш

Л. Зуров

12/II 1967 г. Париж

^{а)} Манеж.

Автограф.

¹ Письма Н.Д. Телешова к И.А. Бунину / Публ. и коммент. Л.Ф. Зурова // Новый журнал 1966. № 85. С. 129–140.

42. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову

4 марта 1967 г.

4 марта 1967, Ленинград

Дорогой Леонид Федорович!

Ваше письмо с чертежом Эрмитажа я получил. С помощью моих друзей — старожилов Эрмитажа дам Вам почти исчерпывающий от-

вет и постараюсь прислать путеводитель с планом Эрмитажа, чтобы Вы точнее ориентировались.

Но дайте мне срок — еще дней десять. Кое-что надо уточнить. Терпение, терпение!

И непременно подтвердите получение моего следующего письма
С сердечным приветом,

Ваш В. Мануйлов

P.S. Вашу приписку о вещах И<вана> А<лексеевича> переписал в письме к Л.Н. Афонину, но он болеет, в больнице в Москве и вряд ли сейчас сможет откликнуться.

Автограф.

43. В.А. Мануйлов — Л.Ф. Зурову

13 марта 1967 г.

13 марта 1967. Ленинград

Дорогой Леонид Федорович!

Спасибо за интересную публикацию писем Н.Д. Телешева к И.А. Бунину. Чудесные письма!

Отвечаю на Ваши вопросы, связанные с Вашей литературной работой. Названия Конюшенного двора на планах XX века не оказалось. Есть «Черный проезд» — между зданиями Зимнего дворца и так называемого Малого Эрмитажа и Шуваловский проезд — между Малым Эрмитажем и зданием, состоящим из Старого и Нового Эрмитажа. В 1917 году в южной части Нового Эрмитажа помещался музей, а в северной части (Старый Эрмитаж) — так называемая 7-я запасная половина. Манеж и конюшни размещались в нижнем этаже здания Малого Эрмитажа. Все выезды из Черного и Шуваловского проездов по сторонам Малого Эрмитажа в первой половине XIX века были забраны чугунными решетками в стиле ампир на высоких цоколях с фонарями и с чугунными же решетчатыми воротами. Въезды в Манеж и конюшню были из Черного проезда. Ближе к Дворцовой площади размещался манеж, ближе к набережной Невы — конюшни. Ныне в совершенно переделанном помещении б<ывших> конюшен находится выставка слепков Пергамского алтаря.

Одновременно посылаю Вам книжечку-альбом «Государственный Эрмитаж. Планы» 1964 года издания¹. Может быть, он до Вас дойдет и поможет Вам лучше разобраться в интересующих Вас вопросах. Пожалуйста, подтвердите получение.

Как Вы себя теперь чувствуете? Я — плохо. После гриппа осложнение — астма, задыхаюсь и работаю через силу, но бодрости духа не теряю.

При случае передайте от меня сердечный привет Борису Константиновичу <Зайцеву>.

Сердечно Ваш
В. Мануйлов

Машинопись.

¹ Государственный Эрмитаж. Планы. Л.: Советский художник, 1964.

44. Л.Ф. Зуров — В.А. Мануйлову

24 марта 1967 г.

24/III 1967 г.

Дорогой Виктор Андроникович!

Спешу Вас поблагодарить за исключительно доброжелательное отношение. Получил от Вас два письма (от 4-го марта и 13-го), а сегодня принесли и «Путеводитель Государственного Эрмитажа». Чрезвычайно тронут. Разобрался во всем. Спасибо сердечное за помощь. Привет Борису Константиновичу <Зайцеву> передал. Благодарит Вас и шлет Вам наилучшие пожелания.

От В. Ив. Лихоносова я получил две книжки¹ и сопроводительное письмо очень милое. Б.К. Зайцев Лихоносову уже ответил, а я, грешным делом, до того был истомлен антибиотиками, завален спешной работой, что с ответом замедлил. Но книжки я прочел очень внимательно. Через несколько дней Лихоносову напишу.

Огорчает меня состояние Вашего здоровья, но и я работаю через силу. Эпидемия бронхиального гриппа была зловредная. А в Париже липы зазеленели, в садах расцвели белые нарциссы. Видел писателя Казакова.

От всей души желаю Вам здоровья, бодрости, сил, успешной работы.

Сердечно Ваш Л. Зуров

Открытка с видом Парижа.

¹ Прозаик Виктор Иванович Лихоносов (р. 1936) послал Б.К. Зайцеву и Л.Ф. Зурову свои книги «Вечер» (1966) и «Что-то будет» (1966).

Литература

Бабореко А.К. Дороги и звоны: воспоминания, письма. М.: Скифы, 1993. 211 с.
Белобровцева И.З. «Видно, моя судьба, что меня оценят после смерти» // Зуров Л. Иван-да-Марья. СПб.: Лимбус Пресс, 2015. С. 5–30.

«Ваше письмо... меня очень, очень тронуло». (Переписка С.Ю. Прегель с Л.В. Никулиным и П.Л. Вячеславовым) / публ., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Хазана // Метрополия и диаспора: две ветви русской культуры. V Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века». М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2015. С. 403–444.

Голованова Т.П., Назарова Л.Н. Парижские встречи с далеким и недалеким прошлым // Бунинский сборник: материалы научной конференции, посвященной столетию со дня рождения И.А. Бунина. Орел: Орловский государственный педагогический институт, 1974. С. 295–307.

Громова А.В. Из истории литературы Русского зарубежья. Сборник Л.Ф. Зурова «Марьянка» (Париж, 1958) в отзывах читателей и критики // Русская литература. 2008. № 2. С. 203–211.

«Душевно Ваша С. Прегель». Переписка С.Ю. Прегель с Л.Ф. Зуровым, 1938–1971 гг. / публ., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. П.А. Трибунского и В. Хазана // Ежегодник Дома русского зарубежья, 2014–2015. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2015. С. 516–605.

«Знаю, что вы любите древний Псков». Переписка Л.Ф. Зурова и В.И. Малышева (1957–1971) / предисл. и коммент. А.М. Любомудрова // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2016. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2016. С. 441–517.

Лавров А.В. В.А. Мануйлов — ученик Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. С. 620–669.

Мануйлов В.А. Записки счастливого человека: Воспоминания. Автобиографическая проза. Из неопубликованных стихов / под ред. Н.Ф. Будановой. СПб.: Европейский дом, 1999. 448 с.

Мануйлов В.А. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: комментарий. М.; Л.: Просвещение, 1966. 276 с.

«Советская хроника» Ивана Бунина / публ. Д.Е. Черниговского // Рощин М.М. Иван Бунин. М.: Молодая Гвардия, 2000. С. 291–328.

References

Baboreko A.K. *Dorogi i zvony: vospominaniia, pis'ma*. [Roads and peals: Memoirs, letters]. Moscow, Skify Publ., 1993. 211 p. (In Russ.)

Belobrovtsseva I.Z. “Vidno, moia sud’ba, chto menia otseniat posle smerti” [“Apparently my fate is that I will be appreciated after my death”]. Zurov L. *Ivan-da-Mar’ia* [Ivan-da-Marya]. St. Petersburg, Limbus Press Publ., 2015, pp. 5–30. (In Russ.)

Golovanova T.P., Nazarova L.N. Parizhskie vstrechi s dalekim i nedal’nim proshlym [Paris meetings with the distant and recent past]. *Buninskii sbornik: materialy nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi stoletiiu so dnya rozhdeniia I.A. Bunina* [Bunin Collection:

Proc. of the Sci. Conf. dedicated to the centennial of I.A. Bunin]. Orel, Orel State Pedagogical Institute Publ., 1974, pp. 295–307. (In Russ.)

Gromova A.V. Iz istorii literatury Russkogo zarubezh'ia. Sbornik L.F. Zurova “Mar'yanka” (Parizh, 1958) v otzyvakh chitatelei i kritiki [From the history of Russian émigré literature. L.F. Zurov's collection “Mar'yanka” (Paris, 1958) reviewed by readers and critics]. *Russkaia literatura*, 2008, no. 2, pp. 203–211. (In Russ.)

“Dushevno Vasha S. Pregel’”. Perepiska S.Iu. Pregel' s L.F. Zurovym, 1938–1971 gg. [“Sincerely devoted to you, S. Pregel’”. Correspondence between S.Yu. Pregel and L.F. Zurov, 1938–1971], publ., ed., intro., and comment. P.A. Tribunskii and V. Khazan. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna*, 2014–2015 [Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad Annual, 2014–2015]. Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad Publ., 2015, pp. 516–605. (In Russ.)

Lavrov A.V. V.A. Manuilov — uchenik Viacheslava Ivanova [V.A. Manuilov as a student of Vyacheslav Ivanov]. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Studies and materials], issue 1. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2010, pp. 620–669. (In Russ.)

Manuilov V.A. *Zapiski schastlivogo cheloveka: Vospominaniia. Avtobiograficheskaia proza. Iz neopublikovannykh stikhov* [Notes of a happy man: Memoiris. Autobiographical prose. From unpublished poems], ed. N.F. Budanova. St. Petersburg, Evropeiskii dom Publ., 1999. 448 p. (In Russ.)

Manuilov V.A. *Roman M.Yu. Lermontova “Geroi nashego vremeni”: kommentarii* [Novel “Hero of Our Time” by M.Yu. Lermontov: Comments]. Moscow; Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1966. 276 p. (In Russ.)

“Sovetskaia khronika” Ivana Bunina [Ivan Bunin's “Soviet chronicle”], publ. D.E. Chernigovskii. Roshchin M.M. *Ivan Bunin*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2000, pp. 291–328. (In Russ.)

“Vashe pis'mo... menya ochen', ochen' tronulo”. (Perepiska S.Iu. Pregel' s L.V. Nikulinym i P.L. Viacheslavovym) [“Your letter touched me very, very much”. Correspondence of S.Yu. Pregel with L.V. Nikulin and P.L. Viacheslavov], publ., ed., intro. and comment. V. Khazan. *Metropoliia i diaspora: dve vetvi russkoi kul'tury. 5 Kul'turologicheskie chteniia “Russkaia emigratsiia 20 veka”* [Metropolitan and diaspora: two branches of Russian culture. 5th cultural Proc. “Russian Emigration of the 20th Century”]. Moscow, Marina Tsvetaeva House-museum Publ., 2015. pp. 403–444. (In Russ.)

“Znaiu, chto vy liubite drevnii Pskov”. Perepiska L.F. Zurova i V.I. Malysheva (1957–1971) [“I know you like the ancient Pskov”: Correspondence between Leonid Zurov and Vladimir Malyshev (1957–1971)], intro. and comment. A.M. Lyubomudrov. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna*, 2016 [Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad Annual. 2016]. Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad Annual Publ., 2016, pp. 441–517. (In Russ.)

**“Everything simple and clear
has been turned into incredibly complex by someone”.
Correspondence between Leonid Zurov and Viktor
Manuilov (1961–1967)**

© 2020, Alexei Lyubomudrov

Abstract: For the first time a complete correspondence between Leonid Zurov (1902–1971), the writer of the Russian Diaspora, and Viktor Manuilov (1903–1987), a famous literary researcher, is introduced into a scientific usage. The main theme of their letters is the problem of transferring to Russia Ivan Bunin’s manuscript and memorial heritage, of which Zurov became the owner. The publication clarifies the reasons why the long and hard negotiations ended without any success. It allows to define more exactly the details and circumstances of this case. The correspondence affects the names of many key figures of cultural life both of the Russian abroad and Metropolitan area. It characterizes those persons who actively supported the return of Bunin’s legacy as well as officials who blocked the process. The material reflects the struggle of Russian writers, scientists, museum curators against the Soviet bureaucratic machine for which Bunin was always ideologically alien. It paints a picture of the public sentiment and the Soviet cultural policy of the 1960s. Some letters concern Zurov’s articles devoted to M. Lermontov as well as his work on the novel “Winter Palace”. The publication allows to clarify Zurov’s psychological portrait and to identify a number of significant episodes in the V. Manuilov’s scientific biography.

Keywords: Leonid Zurov, Viktor Manuilov, Ivan Bunin’s archive, Russian emigration, Russian literature, correspondence.

Information about the author: Alexei Lyubomudrov, Dr. Hab. of Philology, Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia. E-mail: anketaspb@yandex.ru

Citation: Lyubomudrov Alexei. “Everything simple and clear has been turned into incredibly complex by someone”. Correspondence between Leonid Zurov and Viktor Manuilov (1961–1967). *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 2 (16), pp. 119–181. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-119-181

DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-182-199
УДК 821.161.1

**«Не хотел признавать специфического характера
эпохи рубежа веков»:
Неопубликованные заметки Леонида Долгополова
об Иване Бунине**

© 2020, В.Э. Молодяков

Аннотация: Исследователь русского модернизма Леонид Константинович Долгополов (1928–1995) посвятил Ивану Бунину лишь несколько статей, но они стали важной вехой в осмыслении его жизни и творчества в 1970-е годы. Незданные материалы архива ученого, хранившегося у публикатора и переданного в 2019 г. в дар Рукописному отделу Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом), содержат его заметки о Бунине, которые существенно дополняют опубликованные работы. Применяя тыняновскую формулу «архаисты и новаторы», Долгополов характеризовал Бунина как «человека девятнадцатого столетия», которому принципиально осталась чуждой вся литература XX века, причем не только модернистская. С неприятием и отторжением новой литературы и ее проблематики связано отношение Бунина к русской революции, которую он не ожидал и которую воспринял как стихийный бунт, а не как глобальный социальный сдвиг. Долгополов также описал экспериментальный характер повести «Дело корнета Елагина» (1925), полемизируя с трактовкой О. Михайлова. Долгополов отметил влияние на эту повесть Достоевского — автора, который был органически чужд Бунину, — и предположил, что по этой причине ее художественные находки не получили дальнейшего развития в творчестве писателя.

Ключевые слова: И.А. Бунин, Л.К. Долгополов, история литературоведения, модернизм, революция

Информация об авторе: Василий Элинархович Молодяков, д. полит. н., профессор, университет Такусёку, Токио, Япония. E-mail: dottore68@mail.ru

Цитирование: Молодяков В.Э. «Не хотел признавать специфического характера эпохи рубежа веков»: Неопубликованные заметки Леонида Долгополова об Иване Бунине // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 182–199. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-182-199

Для исследователя русского символизма и литературы рубежа веков Леонида Константиновича Долгополова (1928–1995) Иван Бунин не был «вечным спутником», как Александр Блок или Андрей Белый. Однако в первой половине 1970-х гг. ученый много размышлял над творчеством Бунина, особенно эмигрантского периода, и над новыми материалами, введенными в научный оборот в 84-м, «бунинском» томе «Литературного наследства» (1973). Итогом этих штудий стали статьи «О некоторых особенностях реализма позднего Бунина»¹ и «Судьба Бунина»². Автор включил их в сборник «На рубеже веков. О русской литературе конца XIX — начала XX веков» (1977; 1985). По порядку сначала шла вторая статья как обобщающая (С. 261–318), затем — первая, в существенно переработанном виде под заглавием «Рассказ “Чистый понедельник” в системе творчества И. Бунина эмигрантского периода», как рассматривающая частный случай (С. 319–343).

Эти работы хорошо известны и в пересказе не нуждаются. Однако неопубликованные материалы архива ученого, хранившегося у публикатора и переданного в 2019 г. в дар Рукописному отделу Института русской литературы РАН, где образован личный фонд 951 (Л.К. Долгополов), позволяют дополнить сказанное в статьях и заглянуть в творческую лабораторию исследователя. Корпус архивных материалов Долгополова, посвященных другим авторам, опубликован³. Ниже впервые публикуются рукописные заметки о Буине, отложившиеся в архиве в отдельной папке.

В Буине Долгополова особенно интересовало его отношение к модернизму, прежде всего символизму. Почему выдающийся новатор в области прозы, получивший признание в этом качестве сначала за границей (наиболее новаторские произведения созданы Буниным в эмиграции), а потом на родине, до конца жизни с демонстративной неприязнью относился к русской литературе своего и следующего поколений, в которых господствовали именно новаторы — симво-

¹ Долгополов Л.К. О некоторых особенностях реализма позднего Бунина. (Опыт комментария к рассказу «Чистый понедельник») // Русская литература. 1973. № 2. С. 93–109.

² Долгополов Л.К. Судьба Бунина // Вопросы литературы. 1975. № 1. С. 90–125.

³ Долгополов Л.К. Прогулки с Блоком. Неизданное и несобранное / Сост., вступ. статья, публ. и примеч. В.Э. Молодякова. М.; СПб., 2019; Молодяков В.Э. «Айсберг, большая часть которого скрыта под водой»: Леонид Долгополов о Валерии Брюсове и его исследователях // Emigrantica et cetera: К 60-летию Олега Коростелева / Ред.-сост. Е.Р. Пономарев, М. Шруба. М., 2019. С. 165–184; Молодяков В.Э. «Брюсов явил собой новый для русской литературы тип лирического поэта»: Леонид Долгополов о Валерии Брюсове // Брюсовские чтения 2018 года. Ереван, 2019. С. 456–464; Леонид Долгополов. Неосуществленные замыслы // «Сложная целостность» литературы. Исследования и публикации. К юбилею В.А. Келдыша. М., 2019. С. 472–480.

листы и модернисты? В чем причина демонстративного «архаизма» заявлений Бунина, причем делавшихся не в частном порядке, а публично и неоднократно? Наконец — если абстрагироваться от сугубо личных мотивов, в чем причина особой неприязни Бунина к современной ему русской поэзии?

К анализу произведений Бунина — сначала поэзии (в этом он следовал за О.Н. Михайловым), затем творчества в целом — Долгополов применял тыняновскую формулу «архаисты и новаторы». Наиболее ранний текст, где использованы эти определения, можно датировать 1966 г. по упоминанию в нем выпущенного «в самое недавнее время» первого тома (1965) девятитомного собрания сочинений Бунина. Это лишь начало статьи — не академической, а популярной, — оставшейся ненаписанной, но вопрос поставлен и подход автора к анализу творчества героя уже намечен.

Архаист или новатор? Заметки о поэзии Бунина

В том, что лирика Бунина — явление своеобразное, сомневаться не приходится. Она резко отличается от стихотворных опытов современников Бунина — такое впечатление остается у каждого, кто хоть раз раскрывал книжку его стихов. Нельзя сказать, чтобы это было «неповторимое своеобразие», как мы часто пишем о поэтах первой величины. Но что-то есть в размеренных бунинских строчках, лишенных неожиданных образов, броских сравнений и непривычных сочетаний, что вводит нас в атмосферу, насыщенную своим особым ароматом, своими особыми настроениями. Стихи Бунина не оставляют человека равнодушным. «Одиночество», «Песня» («Я простая девка на баштане...») и некоторые другие, прочитанные только раз, остаются в памяти на всю жизнь.

Вместе с тем не приходится сомневаться и в том, что роль Бунина в развитии русской поэзии 1900-х и 1910-х годов минимальна, о влиянии же его на поэтическое творчество современников и говорить не приходится. Бальмонт, Брюсов, Блок, Маяковский прошли мимо Бунина. И не потому, что символистские пристрастия первых и футуристические увлечения последнего уводили их от реализма. Мимо Бунина прошел и Есенин — поэт, который, казалось бы, должен был испытать его воздействие. Никак не соприкоснулись с Буниным и поэты 1910-х годов (Ахматова, Гумилев, Цветаева, Мандельштам). Не отличалась благосклонностью к Бунину-поэту и критика, в том числе критика, противостоявшая модернистским течениям. Горький,

например, ценя поэтический дар Бунина, сравнивал его стихи с конфетами «от Флея или Абрикосова».

Такое положение озадачивает. Поэт явно одаренный и высококультурный, с большим вкусом, целой головой возвышавшийся над армией эпигонов, не был замечен и оценен ни современниками, ни поэтами последующих поколений и не оказал в силу этого — заметного, во всяком случае — воздействия на развитие поэтического творчества.

Почему?

Ответа на этот вопрос мы не имеем до сих пор, несмотря на то, что стихи Бунина у нас переиздаются, сопровождаемые соответствующими предисловиями и послесловиями. В 1956 г. в Большой серии «Библиотеки поэта» вышел однотомник стихотворений Бунина. Сборник открывает статья А. Тарасенкова, в которой чуть ли не на каждой странице говорится о том, что Бунин «оставался верен заветам реализма», что он продолжал в своих стихах развивать «реалистические традиции» и «заветы русской классической поэзии». Но что это были за традиции и как они развивались Буниным — об этом в статье не сказано ни слова. Каждая эпоха по-своему переосмысливает традиции прошлого. Одной «верности» заветам еще недостаточно, чтобы стать поэтом своего времени. От исследователя требуется показать, как, оставаясь верным заветам и традициям, поэт создает свой мир и как этот мир соотносится с эпохой, в которую он живет.

В самое недавнее время вышел в свет первый том нового собрания сочинений Бунина, целиком отведенный под поэзию. В нем представлены стихотворения Бунина от самых первых вплоть до 1917 года. В лучших своих образцах произведения этого периода уже знакомы нам. В томе помещено предваряющее примечания послесловие О. Михайлова, в котором снова предпринята попытка понять исторический и эстетический смысл стихотворного наследия Бунина. На этот раз мы имеем дело с гораздо более квалифицированной работой, изобилующей тонкими наблюдениями и интересными мыслями. Небольшое по объему, послесловие это ставит многие важные вопросы поэтического развития рубежа двух эпох. Впервые, еще очень робко, здесь предпринята даже попытка сопоставить лирику Бунина с поэтическим творчеством его современников. Автор находит общее между Буниным и Анной Ахматовой — в их общем тяготении к классическим формам (О. Михайлов употребляет малоудачный, на мой взгляд, термин «неоклассицизм»), которое, по его мнению, явилось «своего рода реакцией на символизм» ([Бунин

И.А. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 1. М., 1965.] С. 518). Аргументация очень шаткая, ибо отношение к тому или иному течению ни в малейшей мере не может служить показателем общности поэтических интересов; к тому же Бунин и Ахматова даже в их отношении к символизму — явления совершенно разного порядка. Но, несмотря на шаткость такого сопоставления, само по себе стремление ввести в разговор о Бунине сопутствующие ему (хотя и противостоящие) явления литературной жизни должно получить безоговорочную поддержку. Бунин-поэт может быть понят только в соотношении с поэзией его времени, с живым и реальным процессом литературного развития конца XIX — начала XX веков. По этому пути идет О. Михайлов.

Бунин-поэт для него одновременно и архаист, и новатор. Он так и пишет: «Поэзия Бунина, этого архаиста-новатора, верного литературным традициям XIX века и вместе с тем шагнувшего вперед в освоении новых художественных средств, являет нам пример движения русской лирики в ее коренных, национальных основах» ([Там же.] С. 503).

Всё это, может быть, и верно, только не совсем понятно: хорошо это или плохо быть одновременно и архаистом, и новатором? И как может поэт-архаист быть примером движения лирики в ее национальных основах? Национальная основа есть понятие историческое (как и сама нация). Она складывается и эволюционирует во времени. Пристрастие к архаическим формам, наоборот, отрицает всякую изменчивость явления во времени. Следовательно, либо архаист, либо пример движения лирики в ее национальных основах. Либо архаист, либо новатор. А всякая попытка сконструировать среднюю величину неизбежно приведет в конечном счете к нарушению логики историко-литературного процесса.

Кем же был Бунин в своей лирике — архаистом или новатором?

Итогом размышлений ученого стала статья «Судьба Бунина», первоначально предложенная в журнал «Русская литература», который отверг ее на основании отзыва Н.И. Пруцкова: «...сделана интересно, содержательно, оригинально... Но она не подходит к научному историко-литературному журналу, т. к.: 1. Обширна. 2. Исследовательское начало не является, как правило, основой работы. 3. Преобладает начало другое; предположения, представления, субъективное восприятие и проч. элементы чисто литературного арсенала».

ла». «Тамошние кретины, — писал Долгополов 18 февраля 1975 г. своей доброй знакомой И.Г. Панченко, — обвинили меня в том, что я создаю не научный, а литературный образ Бунина. Дураки — именно за это меня и надо печатать. <...> В мою задачу входило дать свое, личное, глубочайшим образом субъективное восприятие личности Бунина. Автор здесь (в задаче) гораздо важнее писателя. <...> Всё это прекрасно поняли ребята из “Воплей”, поэтому они и дали мне (мне, а не Бунину, он тут решающей роли не играет) — 2,5 печатных листа. У них появился интересный автор». За этим следовало важное признание: «Я о Бунине писал — о себе писал, о Блоке книжку писал — тоже о себе писал»⁴.

Параллельно с «Судьбой Бунина» или в процессе работы над ней Долгополов задумывал статью «“Архаист” или “новатор”? (Заметки о творчестве И.А. Бунина, преимущественно позднего периода)», на сей раз посвященную прозе, а не поэзии. Сохранившиеся материалы к ней (11 пронумерованных рукописных страниц под общим заглавием «Заметки о Бунине»), изредка перекликаясь с текстом «Судьбы Бунина», содержат много нового.

Заметки о Бунине

Бунин делает совершенно невероятную вещь и добивается блестящего успеха: в старинных дедовских помещичьих усадьбах действуют и влюбляются совершенно откровенно и с пряной эротикой люди двадцатого века, эпохи модернизма и потерянного поколения, и это сочетание, невозможное «в действительности», нам кажется, когда мы читаем «Темные аллеи», вполне возможным, допустимым и реальным. В чем тут дело? Как ему удастся объединить старинный помещичий быт и откровенность нравов двадцатого века? (См., например, прекрасное описание помещичьего дома в «Натали».)

В «Натали» — действие в русской помещичьей усадьбе, но герой «похож на грузина» (слова Сони), красив «грузинской красотой» (сам о себе), хотя одет в красную косоворотку — это же южанин, кавказец. Там же он лежит «на турецком диване». Описание воображаемого купания Сони в реке — верх совершенства, но это же и тупик.

К такой стилистической отточенности, к такому совершенству детали писатель приходит, когда ничего другого, кроме этой детали и этой отточенности, у него не остается. Это изумительно, если смотреть на описание купания (воображаемого!) «вне времени

⁴ Обе цитаты: Долгополов Л. Прогулки с Блоком. Неизданное и несобранное. С. 14.

и пространства», но это страшно, если вспомнить, что написано это в первой трети двадцатого века [так! рассказ написан весной 1941 г. — *В.М.*], после опустошительных двух войн, страшных лет революции, написано писателем-изгнанником, навсегда отрезанным от родины, живущим на чужбине, в чуждой среде, почти «на чемоданах» и лишь в воображении могущем воскресить картины прошлого. Каким могучим и тонким было это воображение, но и как страшна, как глубока была его писательская трагедия. Но само описание голубовато-мелового тела с углами рук и ног — едва ли не самые совершенные строки в русской прозе.

С демонстративной яростью Бунин отводит в сторону и войну, и революцию, и свое изгнание, как будто бы ничего этого не было, и вот эта-то ярость и делает его изумительным стилистом, приводит его к чисто художественному совершенству.

Рассказ «Речной трактир» (1943) — близок к «Чистому понедельнику» (двойственность Руси — Европа-Азия, быт предреволюционной России (Брюсов с поклонницей)).

И все любовные истории достигают своего апогея или завязываются в сопровождении природной стихии — грозы («Натали»), метели («Таня», «Кума», «Генрих»), дождя — ливневого, стеной воды. И как и почему Бунин не понял Блока? Они же близкие по духу люди и одинаково смотрели на Россию.

«Княжески-мужицкий» огромный барин — вот почему не понял Бунин Блока — для Блока было *две* России (народ и интеллигенция), для Бунина — *одна* (княжески-мужицкая, крестьянски-дворянская). Поэтому для Бунина революция была неожиданностью, для Блока — нет. Один ждал и предчувствовал ее, другой и не предполагал, что она может произойти.

Заглавие статьи: «Архаист или «новатор»? (Заметки о творчестве И.А. Бунина, преимущественно позднего периода).

Жена сельского старосты Лавра, Анфиса («Дубки») «схожа скорее с испанкой, чем с простою русскою дворовой» — то же, что и в «Чистом понедельнике», причем речь идет о крепостном праве. У Анфисы — «кастильские очи» — Господи! У нее — «смоляная головка, сделавшая бы честь любой светской красавице». И здесь

тоже метель, буран, снег и на этом фоне — страсть, любовь. И Лавр хорош — столь же страстен, стихийно-буен.

И еще. Природа принимает активное участие в делах людей, они многое в своей жизни запоминают по состоянию природы («Холодная осень»).

«Дело корнета Елагина».

Как будто бы от автора: «Неужели неизвестно, что есть странное свойство всякой сильной и вообще не совсем обычной любви даже как бы избегать брака?»

Рассказчик в этой повести удивительно напоминает рассказчика Достоевского. Совершенно необычная для Бунина повесть — *попытка* овладеть новым психологическим типом человека, типом именно XX века, который был «предсказан» еще Достоевским и в котором разом совмещаются противоположные чувства и качества души, противоположные ощущения и желания (любовь — ненависть, невинность — порочность, высота душевных стремлений и низменный характер их осуществления). И, как всегда у Бунина, главной пружиной действия выступает женщина. Он, мужчина, только подчиняется ей, выполняет ее волю. То же соотношение сохранено и в других рассказах, и в «Темных аллеях».

«Дело корнета Елагина» — повесть переходная, экспериментальная. Бунин как бы примеривается к новой теме, к новому человеческому типу, душевный мир которого соткан из одних только противоречий. В нем нет ничего определенного, ничего устойчивого. Зыбкость, мерцание настроений, психологических состояний, любовных «увлечений» Сосновской — вот главное, что подвергает Бунин здесь художественному анализу. И *в этом отношении* он выступает в повести учеником и последователем Достоевского. Он пытается овладеть новой темой. И он отказывается от нее. Никогда в дальнейшем он уже не вернется ни к такого рода героям, ни к такого рода типу повествования. Возможно, что он ощутил слишком большую зависимость от Достоевского, который как писатель был чужд ему органически. А возможно и другое — перевесил взгляд на человека как на некую цельность, не как на единство противоположностей, а как на единство некоторой внутренней однородности.

Поэтому-то повесть «Дело корнета Елагина» и стоит особняком в ряду других произведений позднего Бунина. Место ее — исключительное. Бунин испробовал свои возможности *и с этой стороны*, но с тем, чтобы уже отказаться от нее навсегда. (См. ничего не понявшие

го в этой повести О. Михайлова. ([Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т.] Т. 5. С. 504).

Обратить особое внимание на противоречия в оценке позднего Бунина, которые встречаются на каждом шагу в примечаниях О. Михайлова к 5-му и 6-му томам собрания сочинений Бунина. Аморфность мысли — вот главное качество этих примечаний. В связи с «Косцами» — лирическая белиберда вместо четкого анализа, которого требует этот четкий в своей идейной конструкции рассказ.

Бунин не хотел признавать специфического характера эпохи рубежа 19–20 веков. Он не увидел в ней ничего нового, особого, своего. Он не увидел ее катастрофичности, ее *чреватости* взрывами и ее обреченности. И он вступил в борьбу не с символистами только и даже не с модернизмом вообще, как это утверждают все пишущие о Бунине. Он вступил в борьбу с представлением об эпохе рубежа веков как эпохе переходной, трагической, чреватой взрывами и социальными потрясениями, как эпохе обреченной. Это было единоборство, из которого Бунин не вышел победителем, хотя позицию свою, свой взгляд он отстаивал до последних дней. Ведь само появление символизма и поэтов символистской ориентации было симптомом — Бунин не захотел ни признавать его, ни придавать ему значения (вернее, он придал ему значение, но только как симптому упадка). Поэтому, когда Брюсов утверждал, что высказывания Бунина о современной литературе имеют *здоровый* характер и свидетельствуют лишь «о полном незнакомстве (Бунина) с задачами литературы вообще и с развитием русской литературы за последнее время» (ЛН. [Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин. М., 1973. Кн.] 1. С. 323), он *не был* прав. У Бунина *свое* представление о литературе вообще и о русской литературе рубежа веков в частности. Оно имело характер долженствования, и поэтому *многое* в него не входило — вот и всё. Оплошность Бунина заключалась лишь в том, что своим частным воззрениям он придал *универсальный характер*. И он же по праву заслужил насмешки и упреки в непонимании.

Но, вместе с тем, в художественных произведениях он был совсем другим, часто совпадал с символистами (см. ЛН. 1. С. 372 — народ и интеллигенция, совсем по Блоку).

Он был очень здоровый человек, но *в творчестве* эпоха захватила и его.

Чехов и Толстой были для Бунина, помимо высоты и значительности их нравственных исканий, еще и свидетельством того, что

никаких потрясений социального плана Россия не ожидает. Они прямо связывали 20-й век с 19-м. Всё же, что не имело в глазах Бунина этой *прямой, непосредственной, зримой* и, добавлю в скобках, *легко воспринимаемой* связи, было наносным, вульгарным, неорганическим, излишним. Назвать в 1912 г. «последние пятнадцать лет в истории поэзии» «пустым местом» мог или только человек глухой к искусству, или крайне озлобленный, или, наконец, располагающий собственной исторической схемой, собственным представлением об эпохе и ощущением ее, в которые эти пятнадцать лет не укладывались по своему характеру.

Его удивляет, что о модернизме так много говорят! — ЛН. 1. С. 376.

И только когда началась мировая война, он почувствовал, что «в мире происходит огромное событие» (ЛН. 1. С. 378). А ведь до этого была революция!

ЛН. 1. С. 383–384: беспричинность и бесцельность человеческого существования на земле.

Психологически Бунин был подготовлен к «Жизни Арсеньева» тут же по приезде за границу.

В связи с чтением отрывков «Книги моей жизни» (ЛН. 1. С. 384–385): Если Степун прав и у Бунина не *воспоминания*, а *память* (т.е. то, с чем живут постоянно, чем живут постоянно), то «Жизнь Арсеньева» начата была именно в 1921 году — начата неосознанно, исподволь, психологически, как воскрешение памяти.

В связи с интервью Бунина 1912 г., в котором он заявил: «Русская поэзия остановилась в своем развитии на Фете, на Ал. Толстом. А последние пятнадцать лет представляют пустое место», — Долгополов писал в «Судьбе Бунина»: «Он идет даже на то, что выдвигает в качестве некоего рубежа А.К. Толстого (что очень сомнительно), ставя его в один ряд с Фетом (что вряд ли допустимо)»⁵. О причинах внимания Бунина к Толстому он рассуждал в отдельной заметке:

---

⁵ Долгополов Л. На рубеже веков. О русской литературе конца XIX — начала XX веков. Л., 1985. С. 266–267.

< * * * >

Почему он выделил А.К. Толстого как период в истории русской поэзии? Не только потому, что он механически объединяет его с Фетом, но, видимо, также и потому, что чувствовал внутреннее родство с кругом тех переживаний, которые были характерны для А.К. Толстого и о которых исследователь его творчества И.Ямпольский пишет: «Поэт, подобно многим своим современникам — Фету, Льву Толстому, все чаще противопоставлял актуальным социально-политическим вопросам и вообще истории вечные начала стихийной жизни природы» (Ямпольский И. А.К. Толстой — в его кн.: Середина века. Очерки русской поэзии 1840–1870-х гг. Л., 1974. С. 105–106⁶). Но как это характерно и для Бунина! И. Ямпольский приводит в доказательство выдержки из письма А.К. Толстого к Маркевичу, под которым мог бы подписаться Иван Алексеевич: «Зажглись огоньки в деревне, которую видно по ту сторону озера. Все это — хорошо, это я люблю, я мог бы так прожить всю жизнь... Черт побери и Наполеона III и даже Наполеона I! Если Париж стоит обедни, то Красный Рог со своими лесами и медведями стоит всех Наполеонов... Я бы легко согласился не знать о том, что творится в нашем *seculum*⁷... Остается истинное, вечное, абсолютное, не зависящее ни от какого столетия, ни от какой моды, ни от какого веяния — и вот этому-то я всецело отдаюсь» (Ямпольский И. А.К. Толстой. С. 106).

Несколько заметок посвящены отношению Бунина к революции.

< * * * >

1905-й год поразил Бунина полной *неожиданностью* — вот те раз! См. В.Н. Муромцева-Бунина. Жизнь Бунина. [Париж, 1958.] С. 162. Так же поразил его 17-й год — *внезапностью*, неожиданно-стью (см. «Несрочная весна» — внезапно и быстро).

Художническое, реализовавшееся в творчестве, как-то удивительно прочно и основательно было отделено у Бунина от просто *человеческого*, реализовавшегося в быту, во взаимоотношениях с людьми, в отношении к событиям. Это были две сферы, никак друг

---

⁶ Экземпляр с инскриптом автора сохранился в библиотеке Долгополова (собрание В.Э. Молодякова).

⁷ Мир, общество (*лат.*).

с другом не соприкасавшиеся, но составлявшие в совокупности нечто единое, наподобие подводной лодки, с ее отсеками, отделенными друг от друга прочными перегородками, но составляющими вместе единый и могучий «организм», со всей необходимой взаимной связью частей. (Очень плоско решает эту проблему А. Нинов — см. [Бунин и Горький //] ЛН. [Т. 84: Иван Бунин. М., 1973. Кн.] 2. С. 21).

Революция для Бунина — лишь бунт (август 1917: «Сбывается и подтверждается то, что я уже давно мыслил о святой Руси», — ЛН. I. С. 55). Он не ожидал, не был готов к тому, что произошло в 17-м году.

Бунин — человек девятнадцатого века, волею судеб заброшенный в двадцатое столетие, которого он не понял, а, не поняв, не принял. Ему были одинаково чужды все в двадцатом веке — и Блок, и Горький. Самыми же близкими людьми ему были Чехов и Толстой — люди прошлого столетия, также мало связанные с двадцатым веком, не знавшие и не чувствовавшие его специфики, его исторического трагизма, его *поворотной* роли в истории европейского континента.

Особенно близок Бунину был Чехов — это очень показательно. Собственно, из всех *современников* он был единственным человеком, которого Бунин принимал целиком, и он был таким для Бунина до самой его смерти в 1953 году! — это ли не поразительно! Отсюда видно, до чего чужим должен был чувствовать себя Бунин в двадцатом веке, в котором ничего *чеховского* уже не осталось и остаться не могло.

Бунина в революции испугал не глубинный смысл происходящего социального сдвига (он об этом совсем не думал), а резкое изменение внешних форм жизни, привычных, устоявшихся, укладывавшихся в течение веков и в силу этого казавшихся неколебимыми. Они очень быстро («в пять лет», говорится в очерке «Несрочная весна») слетели, превратились в прах. Это-то и ужаснуло Бунина.

«Старичок поднялся мне навстречу на растоптанных, трясущихся ногах и сказал нечто странное теперь для слуха: «Имею честь кланяться!» — рассказ «Серп и молот» [«Под серпом и молотом» — В.М.]. Собрание сочинений. Т. IX. Берлин, 1935. С. 207). Этот «старичок» говорит: «Как волка ни корми, он всё в лес смотрит. Так и Россия: вся наша история — шаг вперед, два назад, к своему исконному — к дикому мужичеству, к разбитому корыту, к лыковому лаптю» (С. 207).

Очерк «Серп и молот» ставил задачей показать запустение России после революции — и не получилось, потому что лирическое

«я» возобладало. Не получилось страшного. Все-таки художник Бунин был, а не публицист, не боец, не политик.

Вывод: Неприятие революции непосредственно вытекает у Бунина из общего и принципиального неприятия им всего того, что происходило в России (в русской жизни — и общественной, и культурной) на рубеже веков. Поэтому так странно и нелепо сложилась его судьба — судьба писателя, который по праву считается одним из самых крупных и значительных прозаиков XX века.

На статью о «Чистом понедельник» в «Русской литературе» Долгополов сослался в заявлении, которое 24 ноября 1973 г. подал в секцию критики Ленинградского отделения Союза писателей (на тот момент он был членом группкома писателей при Литературном фонде); публикуется по машинописной копии.

< * * * >

Прошу секцию критики ЛО Союза писателей оказать мне содействие в издании книги избранной прозы И.А. Бунина: «Иван Бунин. Рассказы и повести», составление статьи и примечания. В настоящее время я занимаюсь изучением творчества И.Бунина, мною опубликована статья, посвященная проблемам позднего периода его творчества (см. «Русская литература», 1973, № 2). Кроме того, появление в последнее время новых важных материалов, касающихся жизни и творчества И. Бунина (например, две книги «Литературного наследства», т. 84, изд. «Наука», 1973), новых исследований, посвященных как самому И. Бунину, так и взаимоотношению его с современниками, позволило бы в более широкой исторической перспективе поставить вопрос о характере реалистического метода И. Бунина, о его месте в литературном развитии двадцатого века. Использование и широкое введение в научный и читательский оборот всех этих материалов — первостепенная задача исследователей русской литературы двадцатого столетия.

Вместе с тем, вынужденный два года назад оставить службу в Пушкинском доме, я оказался в затруднительном положении и в смысле возможности публикации, и просто в смысле заработка. Имея лишь лекционную работу с почасовой оплатой, я не в состоянии обеспечить себе сносного существования. Литературой же конца

XIX — начала XX веков я занимаюсь давно, так что известный опыт мне здесь удалось накопить.

Произведения И. Бунина в ленинградских издательствах, насколько мне известно, не издавались.

Издание не осуществилось и других материалов, связанных с ним, в архиве не сохранилось. Однако Долгополов сохранил отклик заинтересованного и квалифицированного читателя на статью о «Чистом понедельнике» — письмо Николая Пантелеймоновича Розина (1929–2013), сотрудника редакции литературы и языка издательства «Советская энциклопедия», который «вел» его статью «Символизм» в «Краткой литературной энциклопедии». Некоторые его замечания автор учел при дальнейшей работе над текстом.

Дорогой Леонид Константинович!

Спасибо за добрую память о «муках рождения» «Символизма» и за оттиск, созвучный моим размышлениям. Я, как всегда, задержался с ответом и, как всегда, тому нашлись причины: уборка картошки на подмосковных полях, желание перечесть Бунина, трудности со статьями (подряд идут «Футуризм», «Фрейдизм», Фома Аквинский, С.Л.Франк). Оправдываюсь, чтобы Вы мое длительное молчание не приняли бы за невнимание или даже — за равнодушие.

Я благодарен Вам, что Ваша статья заставила меня перечитать «Чистый понедельник» — и он стал для меня источником утешения и вновь возникающей тоски, а еще — и живым доводом в современных нравственных и исторических распрях (конечно же, не в прессе!).

Пожалуй, я согласен с Вашей трактовкой историософского подтекста «Чистого понедельника» — двойственность лика России и глубинная вероятность третьего пути — религиозного. Мне импонирует Ваш акцент на мысли Бунина о «предреволюционной сумятице», разнуздавшей *стихию* страстей. Это близко к мысли Бердяева о том, что русскому художественному (да и вообще культурному и интеллигентскому) обществу, всему духовному движению тех лет было почти чуждо строгое этическое и социальное начало. И здесь немалая «заслуга» символистов, славивших надвигающуюся грозу преимущественно с *эстетических* позиций. «Подлили масла в огонь» символисты, подлили (в том числе, а может быть и особенно, А. Блок: «Какому хочешь чародею отдай разбойную красу!»). Вероятно, Вы со мной не согласитесь. Я вспоминаю, как Вы возра-

жали на концовку одного из бесчисленных вариантов «Символизма», где содержался упрек символистам за невнимание (и даже отсутствие!) к нравственным критериям (глубоким, конечно: в смысле Достоевского!) в оценке «разверзающихся» стихийно-исторических событий.

Впрочем — это мимоходом. Принимая главную идею (и пафос) статьи, хотелось бы оспорить ряд ее частных положений и аргументаций, быть может, невольных, идущих от увлечения первооткрывателя или от жажды всё сразу прояснить (детерминировать). Кое-что я приведу, просто чтобы засвидетельствовать Вам старательность и вдумчивость, с которыми я читал Вашу статью. К примеру: сосредоточенность Бунина на теме любви в эмиграции объясняется («Так возникает и становится...», стр. 105⁸) сознательным и бессознательным забвением социально неприглядного и кричащего. Может быть, *отчасти* и так. Но не кажется ли Вам, что, пережив и осмыслив все ужасы социальных кошмаров и бед, все крахи «социальных» новаторств (и там, и тут), Бунин потому и заострил свое внимание именно на любви как *вышей* ценности (критерии, точке отсчета, идеале, смысле) жизни. (Правда, в «Чистом понедельник» выше — религиозное начало). Именно через любовь поверяется и душа, и судьба (в конечном итоге) героев.

Или стр. 108–109: «Большая его заслуга в том, что он изображает их (сливки буржуазного общества) уже полностью во власти гнетущей тревоги и ожидания, *ищущих спасения от надвигающихся потрясений, террористических актов и покушений*». Простите, но это — ассоциация исследователя, объемлющего разумом всё творчество Бунина и знающего реалии, стоящие за образами обители и великой княгини; из чтения — самого проникновенного и вдумчивого — рассказа «Чистый понедельник» поиски спасения от революционного вихря («потрясений» и т.д.) не узришь⁹.

Если героиня ищет спасения, то она *непосредственно* тревожится собственных страстей, всегда *грешных* с точки зрения того идеала, который ее влечет (и неслучайно воспоминание о Февронии и дьяволе). А если уж символически истолковывать ее спасение, то вернее Ваши другие догадки, доводы, расшифровки: спасение — не убежание, а выбор, выбор строгий, самоотверженный, выбор начала,

---

⁸ Указаны номера страниц первой публикации. При переиздании статьи автор сократил данный фрагмент и исключил отмеченную Розиным фразу: *Долгополов Л. На рубеже веков. С. 337.*

⁹ При переиздании автор исключил слова «террористических актов и покушений»: *Долгополов Л. На рубеже веков. С. 341.*

быть может, более ценного и весомого, чем *даже* бунинская любовь, — начала религиозного для всей России (а не только «сливок»).

И, прошу прощения, еще скажу об одной частности, слова Качалова о царь-девице, Шамаханской царице у вас воспринимаются как самостоятельный, специально сотворенный образ Бунина. Но не реминесценция ли это из «Сказки о золотом петушке» Пушкина, где трижды дана «формула» «девица, Шамаханская царица»? Что же, и у Пушкина столкновение двух начал?¹⁰

Простите, пожалуйста, за редакторскую привычку «править и ставить вопросы». Да и хотелось показать, что я не просто читал Ваше маленькое исследование, но и думал о нем. Кстати, забыл спросить: Вы убеждены, что в обители герой встретил *именно* героиню? А может, этот когда-то знакомый взгляд — лишь симптом *его* неизлечимой боли и незабывчивости?

Не знаю, благодарил ли я Вас за книгу о поэзии 80–90-х годов¹¹. Конечно, я бы ее нигде не достал.

Знаете ли, что И. Роднянская написала для «Нового мира» рецензию на роман Титова¹²? Полагаю, что интересно: критик она первоклассный, а Лермонтовым последние полгода занимается специально: пишет ряд работ для «Лермонтовской энциклопедии», которую, кстати, издавать будем мы.

Еще раз спасибо за память. Если у Вас в Москве негде будет остановиться Вам или Вашим друзьям — милости прошу. Правда, у меня однокомнатная квартира, но места хватит.

Всего доброго. Розин.

10.XI.73

¹⁰ При переиздании автор дополнил данный фрагмент указанием на Пушкина и рассуждением о разнице между «девицей» и «царь-девицей»: *Долгополов Л.* На рубеже веков. С. 341.

¹¹ Поэты 1880–1890-х годов / Вступ. ст. и общая ред. Г.А. Бялого; сост., подгот. текста, биографич. справки и примеч. Л.К. Долгополова и Л.А. Николаевой. М.–Л., 1972. (Библиотека поэта. Большая серия).

¹² Книга Александра Александровича Титова (1921–1978), близкого приятеля Долгополова, «Лето на водах. Повесть о Лермонтове» (Л., 1973) с инскриптом автора сохранилась в библиотеке Долгополова (собрание В.Э. Молодякова). Рец.: *Роднянская И.* «А душу ль можно рассказать...» // *Новый мир.* 1974. № 1. С. 254–258.

Литература

Долгополов Л.К. На рубеже веков. О русской литературе конца XIX — начала XX веков. Л.: Советский писатель, 1985. 352 с.

Долгополов Л.К. Неосуществленные замыслы / Публ. В.Э. Молодякова // «Сложная целостность» литературы: Исследования и публикации. К юбилею В.А. Келдыша. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 472–480.

Долгополов Л.К. О некоторых особенностях реализма позднего Бунина. (Опыт комментария к рассказу «Чистый понедельник») // Русская литература. 1973. № 2. С. 93–109.

Долгополов Л.К. Прогулки с Блоком: Неизданное и несобранное / Публ., сост., вступ. ст. и примеч. В.Э. Молодякова. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 336 с.

Долгополов Л.К. Судьба Бунина // Вопросы литературы. 1975. № 1. С. 90–125.

Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 1 / Ред. А.Н. Дубовиков и С.А. Макашин при участии Т.Г. Динесман. М.: Наука, 1973. 551 с.

Молодяков В.Э. «Айсберг, большая часть которого скрыта под водой»: Леонид Долгополов о Валерии Брюсове и его исследователях // *Emigrantica et cetera*: К 60-летию Олега Коростелева / Ред.-сост. Е.Р. Пономарев, М. Шруба. М.: Дмитрий Сечин, 2019. С. 165–184.

Молодяков В.Э. «Брюсов явил собой новый для русской литературы тип лирического поэта»: Леонид Долгополов о Валерии Брюсове // Брюсовские чтения 2018 года. Ереван: Лингва, 2019. С. 456–464.

Нинов А.А. Бунин и Горький. 1899–1918 гг. // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 2. М.: Наука, 1973. С. 7–65.

Поэты 1880–1890-х годов / Вступ. ст. и общая ред. Г.А. Бялого; сост., подгот. текста, биогр. справки и примеч. Л.К. Долгополова и Л.А. Николаевой. М.; Л.: Советский писатель, 1972. 723 с.

References

Dolgopopolov L.K. *Na rubezhe vekov. O russkoi literature kontsa 19 — nachala 20 vekov* [On the centuries' boundary. On Russian literature of the late 19th and early 20th centuries]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1985. 352 p. (In Russ.)

Dolgopopolov L.K. Neosushchestvlennye zamysly [Unfulfilled intentions], publ. V.E. Molodiakov. "*Slozhnaia tselostnost'*" literature: *Issledovaniia i publikatsii. K iubileiu V.A. Keldysha* ["Complex integrity" of literature: Studies and Publication. To the anniversary of V.A. Keldysh]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019, pp. 472–480. (In Russ.)

Dolgopopolov L.K. O nekotorykh osobennostiakh realizma pozdnego Bunina. (Opyt kommentarii k rasskazu "Chisty i ponedel'nik") [On some features of the realism of Bunin's late works. (Attempt of commentary on the story "Clean Monday")]. *Russkaia literatura*, 1973, no. 2, pp. 93–109. (In Russ.)

Dolgopopolov L.K. *Progulki s Blokom. Neizdannoe i nesobrannoe* [Promenades with Blok: Unpublished and uncollected works], publ., comp., intro. and notes V.E. Molodiakov. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2019. 336 p. (In Russ.)

Dolgopopolov L.K. Sud'ba Bunina [The fate of Bunin]. *Voprosy literatury*, 1975, no. 1, pp. 90–125. (In Russ.)

Literaturnoe nasledstvo. T. 84: Ivan Bunin. Kn. 1 [Literary heritage. Vol. 84: Ivan Bunin. Book 1], eds. A.N. Dubovikov, S.A. Makashin, T.G. Dinesman. Moscow, Nauka Publ., 1973. 551 p. (In Russ.)

Molodiakov V.E. “Aisberg, ból’shaia chast’ kotorogo skryta pod vodoi”: Leonid Dolgopolov o Valerii Briusove i ego issledovatelyakh [“Iceberg, most of which is hidden under water”: Leonid Dolgopolov on Valery Bryusov and his researchers]. *Emigrantica et cetera.: K 60-letiiu Olega Korosteleva* [Emigrantica et cetera.: To the 60th anniversary of Oleg Korostelev], eds. E.R. Ponomarev, M. Schrub. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., 2019, pp. 165–184 (In Russ.).

Molodiakov V.E. “Briusov iavil soboi novyi dlia russkoi literatury tip liricheskogo poeta”: Leonid Dolgopolov o Valerii Briusove [“Bryusov personified a type of lyric poet which was new in Russian literature”: Leonid Dolgopolov on Valery Bryusov]. *Briusovskie chteniia 2018 goda* [Bryusov proceedings 2018]. Erevan, Lingva Publ., 2019, pp. 456–464. (In Russ.)

Ninov A.A. Bunin i Gor’kii. 1899–1918 gg. [Bunin and Gorky. 1899–1918]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 84: Ivan Bunin. Kn. 2* [Literary heritage. Vol. 84: Ivan Bunin. Book 2]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 7–65. (In Russ.)

Poety 1880–1890-kh godov [Poets of 1880–1890s], intro., ed. G.A. Bialyi, comp., ed. an notes L.K. Dolgopolov and L.A. Nikolaeva. Moscow, Leningrad, Sovetskii pisatel’ Publ., 1972. 723 p. (In Russ.)

“He didn’t want to admit the peculiar nature of two centuries’ boundary period”: Leonid Dolgopolov’s unpublished notes on Ivan Bunin

© 2020, Vassili Molodiakov

Abstract: Russian Modernism scholar Leonid Konstantinovich Dolgopolov (1928–1995) authored only a couple of research articles concerning Ivan Bunin, but these papers were important in the process of Bunin’s interpretation in the 1970s. Dolgopolov’s unpublished notes on Bunin from his archive, preserved by the author and donated to the Pushkin House in 2019, add a lot to his known works. Applying Tynianov’s formula “archaists and innovators”, Dolgopolov described Bunin as a “man of the nineteenth century” totally alien to the twentieth century’s literature, not only modernist one. Bunin’s rejection of contemporary literature and its subjects related to his attitude to Russian revolution, which he did not expect and which he perceived as a spontaneous revolt, not as a global social shift. Also, polemicizing with O. Mikhailov’s interpretation, Dolgopolov defined “Cornet Yelagin’s Case” (1925) as an experimental novel mainly influenced by Dostoevsky, a novelist profoundly alien to Bunin. According to Dolgopolov, it is because of Dostoevsky’s influence that artistic discoveries, made in this novel, were not further developed in the writer’s work.

Keywords: Ivan Bunin, Leonid Dolgopolov, history of literary studies, modernism, revolution

Information about the author: Vassili Molodiakov, Dr Hab, Professor, Takushoku University, Tokyo, Japan. E-mail: dottore68@mail.ru

Citation: Molodiakov Vassili. “He didn’t want to admit the peculiar nature of two centuries’ boundary period”: Leonid Dolgopolov’s unpublished notes on Ivan Bunin. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 2 (16), pp. 182–199. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-182-199

DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-200-228
УДК 821.161.1

К вопросу о восприятии И.А. Бунина во Франции в 1933 г.

© 2020, А.Ф. Строев

Аннотация: Получение Иваном Буниным (первым из русских авторов) Нобелевской премии по литературе в 1933 г. не только сделалось важным событием в судьбе писателя и жизни русской эмиграции, но и нашло широкий отклик в европейской (прежде всего — французской) печати. Данный вопрос давно уже стал предметом исследовательского внимания, но изучен он далеко не полностью — столь активным было обсуждение нобелевской кампании, возможных кандидатур на соискание премии и, наконец, фигуры лауреата в печати тех лет. В литературных кругах Франции Бунин не считался фаворитом из числа крупных русских писателей, уступая по популярности М. Горькому и Д.С. Мережковскому; тем с большим интересом репортеры стали добиваться встреч и интервью с ним. В приложении к статье публикуются ранее не переводившиеся на русский язык наиболее показательные газетные статьи и интервью Бунина, и, по контрасту с ними, два интервью Мережковского. Они показывают главный парадокс — волшебное превращение в мировую знаменитость автора, о котором французские журналисты и читатели раньше не знали, и столь же быструю психологическую перемену самого Бунина.

Ключевые слова: И.А. Бунин, Нобелевская премия по литературе, русская литературная эмиграция, русско-французские культурные связи

Информация об авторе: Александр Федорович Строев, д.ф.н., профессор, Университет Новая Сорбонна, Париж, Франция. E-mail: alexandre.stroev@libertysurf.fr

Цитирование: *Строев А.Ф.* К вопросу о восприятии И.А. Бунина во Франции в 1933 г. // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 200–228. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-200-228

Данная работа никоим образом не претендует на исчерпывающее описание статей, посвященных творчеству Бунина во Франции. Цель иная: дополнить по мере возможности превосходные публикации коллег¹ и постараться понять, как французы относились к русскому писателю-эмигранту. В приложении в переводе на русский даются наиболее показательные газетные статьи и интервью Бунина и, по контрасту с ними, два интервью Мережковского. Они показывают главный парадокс — волшебное превращение в мировую знаменитость автора, о котором французские журналисты и читатели никогда не слышали.

В 1920–1930-е гг. Париж — литературная и художественная столица мира. Конкуренция велика. Французская литература находится на подъеме. Нобелевские премии получили Ромен Роллан, Анатоль Франс, философ Анри Бергсон, Роже Мартен дю Гар, а после войны — Андре Жид и Франсуа Мориак. Во Франции живут сотни прекрасных иностранных писателей, русские и немецкие эмигранты, американцы, англичане, бельгийцы: Морис Метерлинк, Джон Дос Пассос, Френсис Скотт Фитцджеральд, Эрнест Хемингуэй, Генри Миллер, Джеймс Джойс, Лион Фейхтвангер, Генрих Манн, Вальтер Беньямин и многие другие². Однако для французских читателей они чужие. Переводы не спасают. Своими становятся те, кто пишет на французском, как Ромен Гари, Натали Саррот, Анри Труайя и другие.

Как известно, начиная с 1922 г. активно обсуждается возможность присуждения Нобелевской премии русскому писателю, или нескольким одновременно, и Бунина называют среди возможных кандидатов³. Ж.В. Биншток, критик и переводчик, предложил присудить групповую премию пятнадцати писателям, жившим в разных

¹ Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. М., 1973. Кн. 2; *Кривцова С.А.* Личность и творчество И.А. Бунина в оценке французской критики: Дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2008; *Livak L.* Russian Émigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France: A Bibliographical Essay. Montréal & Kingston, 2010. P. 93–99; Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве И.А. Бунина: Критические отзывы, эссе, пародии. (1890–1950-е годы). Антология. М., 2011; *Марченко Т.В.* «Венок лауреата ему точно впору»: французская пресса о Нобелевской премии Бунина // От Бунина до Пастернака: русская литература в зарубежном восприятии (к юбилеям присуждения Нобелевской премии русским писателям) / Сост., науч. ред. Т.В. Марченко. Вып. 11. М., 2011. С. 131–151; *Полонский В.В.* Левая французская печать об И.А. Буине: К вопросу о формировании идеологической репутации писателя в 1920–1930-е годы // Филологический класс. 2018. № 4 (54). С. 22–28; *Гарциано С.А.* Малоизученная франкоязычная литературоведческая критика творчества И.А. Бунина в свете первой волны русской эмиграции // Литературный факт. 2019. № 1 (11). С. 312–329.

² *Schor R.* Ecrire en exil. Les écrivains étrangers en France 1919–1939. Paris, 2013.

³ *Марченко Т.В.* Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). Köln; München, 2007; *Марченко Т.В.* Русская литература в зеркале Нобелевской премии. М., 2017.

странах, в том числе оставшимся на родине, чтобы помочь им материально и спасти русскую литературу (см. приложение).

Однако во Франции гораздо лучше знали других претендентов на Нобелевскую премию, главных соперников Бунина — Горького⁴ и Мережковского⁵. Причем знали давно, с начала XX в.

Для французского читателя Максим Горький воплощал идеал писателя из народа, близкого простым людям всего мира, несущего им правду⁶. Однако возвращение в СССР и превращение в официального советского писателя сделало его кандидатуру спорной.

Дмитрий Мережковский завоевал литературное признание во Франции как автор исторических символистских романов. Трилогия «Христос и Антихрист», практически сразу переведенная на французский язык, хорошо вписалась в контекст европейской прозы 1900-х гг. Французские издатели хотели видеть в Мережковском преемника Г. Сенкевича, лауреата Нобелевской премии 1905 г. Кроме того, после выхода во Франции книги «Толстой и Достоевский» (1903) Мережковский предстал не только как толкователь творчества, но и как духовный преемник русских писателей, столь популярных на Западе.

Мережковский последовательно и целенаправленно создавал себе репутацию, постоянно общался с журналистами и переводчиками, завоевывал книжные рынки, европейские и американский. Впервые он был выдвинут на Нобелевскую премию в 1914–1915 гг.⁷, надеялся получить ее в 1920-е гг. и активно добивался в начале 1930-х. В ноябре 1932 г. французские газетчики поспешили взять у него интервью за неделю до решения Шведской академии, но премию тогда присудили Джону Голсуорси.

Мережковский стремился снискать мировую славу в облике писателя-пророка⁸. И в итоге это обернулось против него. То всерьез, то саркастически журналисты утверждали, что в 1910 г. он предсказал русскую революцию, а в 1933 г. — новую мировую войну

⁴ *Rolet S.* La découverte de Gorki en France au début des années 1900 // Les intellectuels russes à la conquête de l'opinion publique française : une histoire alternative de la littérature russe en France de Cantemir à Gorki / éd. A. Stroeve. Paris, 2019. P. 331–348.

⁵ *Строев А.Ф.* Первые французские переводчики и рецензенты Дмитрия Мережковского (1893–1908) // Русская литература в зеркалах мировой культуры: рецепции, переводы, интерпретации / Под ред. М. Надъярных, В. Полонского. М., 2015. С. 539–573.

⁶ В архиве Горького в ИМЛИ хранятся письма к нему французских читателей, просящих совета, рассказывающих о своей трудной судьбе.

⁷ *Марченко Т.В.* Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). С. 110–160.

⁸ *Строев А.Ф.* «Германия и мир»: интервью Д. Мережковского французской журналистке М. Маркович // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 175–192.

и что именно этот мистический дар отпугивает читателей и напугал Нобелевский комитет (см. в приложении статьи из «Эксельсиор», «Пари-суар», «Око Парижа»).

В отличие от Горького и Мережковского, о существовании Бунина многие во Франции узнали только после присуждения ему премии 9 ноября 1933 г. Бунина издавали на французском с 1921 г., печатали похвальные рецензии и статьи о нем. Но в первую очередь его ценили русские эмигранты и французы, знавшие русский язык (см. в приложении статьи А. Пьера и З. Львовского).

Сам Бунин не стремился участвовать в литературной жизни Франции. Александр Бахрах вспоминал, что «Бунин, предпочитая “вариться в собственном соку”, как-то сторонился иностранцев, особенно представителей литературного мира»⁹. Однако он посещал собрания француско-русского объединения писателей (“Studio franco-russe”). Бунин пришел на заседание 25 декабря 1930 г., посвященное Прусту, должен был участвовать в прениях, но в итоге отказался выступать из-за чрезмерного накала страстей¹⁰. На вечере присутствовали Всеволод Фохт и Робер Себастьян, соучредители объединения, Марина Цветаева, Борис Вышеславцев, Надежда Городецкая, Юлия Сазонова, и другие, а также молодой и задиристый писатель и журналист Жан-Пьер Максанс¹¹, неотомист и правый радикал, активный участник всех заседаний (26 ноября 1929 г. он прочел доклад «Влияние русской литературы на французских писателей»). Максанс посвятил Бунину статью в газете «Оплот», представив его последователем Достоевского¹². На другой день та же газета поместила заметку «Бунин в узком кругу», рассказав, что как-то весной Бунин после заседания пошел посидеть в кафе “Les deux Magots” и признался, что ему нравится Роже Мартен дю Гар; автор заметки добавил, что теперь писатель предпочитает Франсуа Мориака¹³. Возможно, речь идет о седьмом собрании, состоявшемся 29 апреля 1930 г., на котором В. Фохт в докладе «О некоторых особенностях русского романа после 1918 г.» говорил о творчестве Бунина, Мережковского, Алданова, Газданова, Сирина. Ю. Фельзен

⁹ Бахрах А. Бунин в халате. Нью-Йорк, 1979. С. 34.

¹⁰ Livak L. La dimension littéraire du Studio franco-russe // Revue des études slaves. T. 75, fasc. 3-4. 2004. P. 473–491.

¹¹ Жан-Пьер Максанс (1906–1956; наст. имя Пьер Годме). Основанный им журнал «Тетради» (“Cahiers”) напечатал в 1930 г. в переводе на французский несколько рассказов Галины Кузнецовой.

¹² Le Rampert. 1933, 10 novembre. См.: Марченко Т.В. «Венок лауреата ему точно впору». С. 135. К сожалению, из-за карантина я не смог ознакомиться с этой газетой.

¹³ Le Rampert. 1933, 11 novembre (подпись J.C.). См.: Марченко Т.В. «Венок лауреата ему точно впору». С. 140.

писал в газете «Сегодня» (12 сентября 1930 г.), что на заседаниях «часто бывают Бунин, Алданов и Зайцев»¹⁴.

Большая часть заметок во французской прессе пересказывает сведения из автобиографии Бунина, оформленной как письмо к издателю Боссару и помещенной в качестве предисловия в первом сборнике рассказов, переведенном на французский язык («Господин из Сан-Франциско», 1921). Как справедливо замечает Т.В. Марченко, письмо не только стало «лекалом» для газетчиков, но и позволило им писать статьи, не читая книги (разумеется, не забывая использовать заметки своих коллег)¹⁵.

И рядовые обыватели, соседи Бунина в городе Грасс¹⁶, и маститые журналисты, которые ринулись брать у него интервью, не только не читали его произведений, но и не слышали о русском писателе. Именно этому посвятил статью романист, эссеист и литературный критик Жан Дестье, иронизируя над всеобщим и своим собственным «незнанием чужеземцев» (см. приложение). Не преувеличивал ли он свое невежество? Ведь он печатался в начале 1920-х гг. в том же парижском издательстве Боссар. Интервьюер не преминул уколоть Бунина: «Современную французскую литературу он знает довольно поверхностно, однако Флобер и Мирбо произвели на него большое впечатление. И он готов поставить вровень с ними Мориака». Напомним, что в июне 1933 г. Франсуа Мориак был избран во Французскую Академию, торжественная церемония состоялась 16 ноября, и портреты Бунина и Мориака соседствовали в газетах и журналах.

Оба корреспондента «Пари-Миди», журналист Жан Берти, приехавший в Грасс (см. приложение), и писатель Луи Леон-Мартен, присутствовавший на чествовании Бунина в Париже, без стеснения признались, что книг лауреата не читали. Газета «Ла Либерте» не преминула ущучить собрата, поведая, как неприятно удивили Бунина поздравления Берти¹⁷.

В первый день, 9 ноября, узнав о присуждении премии, Бунин растерялся. В разговоре с первыми пришедшими к нему журнали-

¹⁴ Гарциано С.А. Малоизученная франкоязычная литературоведческая критика творчества И.А. Бунина. С. 325–327.

¹⁵ Такова, например, профессионально составленная анонимная заметка (помечена: Париж, 10 ноября) в газете «Эхо Алжира» (*L'Echo d'Alger: journal républicain du matin*. 1933, 11 novembre. P. 7).

¹⁶ Принятое ныне написание — Грас, но мы предпочли то, которым пользовались русские эмигранты.

¹⁷ Paris-midi. 1933, 13 novembre. P. 2; Paris-Midi 1933, 27 novembre. P. 2; La Liberté. 1933, 17 décembre. P. 4. Марченко Т.В. «Венок лауреата ему точно впору». С. 137, 139, 142.

стами он не мог связать на французском двух слов (см. в приложении свидетельство Г. Кузнецовой и статью из «Ле Пти журнал»). Однако, быстро оправившись, он взял дело в свои руки.

В воспоминаниях, в главе «Нобелевские дни», Бунин приводит собирательное интервью (похожее на разговор с самим собой): список главных вопросов и ответов, в первую очередь посвященных механизму присуждения Нобелевской премии и грядущей поездке в Стокгольм. Но именно об этом французские журналисты его не расспрашивали. Поэтому писатель предпочитал шутить. Журналисту Леону Гроку он и рта не дал раскрыть (см. приложение).

За два дня до присуждения Нобелевской премии, 7 ноября 1933 г. в Париже состоялся первый тираж Национальной лотереи. Главный приз, пять миллионов франков, достался владельцу парикмахерской из Тараскона Полю Бонуру. Об этом в стране писали и говорили все (см. статью Ж. Берти). Тараскон, маленький городок на юге Франции, — родина «Тартарена из Тараскона» Альфонса Доде, едва ли не более популярного в России¹⁸, чем во Франции. В беседах с журналистами Бунин надел литературную маску Тартарена в самый первый день, 9 ноября. Он описывал присуждение премии как чудо, выигрыш в лотерею¹⁹. Эту шутку воспроизводят Ж. Дестье и Л. Грок, затем о ней пишет В.Ф. Ходасевич в статье «О Бунине»: «Другому журналисту говорил он о мечте возвратиться в Грасс — всё затем же: работать. При этом сравнил он себя с тарасконским парикмахером, выигравшим пять миллионов и оставшимся в своей парикмахерской²⁰. С радостью узнаю Бунина в этой милой и умной шутке истинного художника и мастера» (Возрождение. 1933, 16 нояб.)²¹.

¹⁸ «Нам пора понять, что не только над Тарасконом, но и над нами сияет магическое тарасконское солнце, в котором так легко принять кролика за льва. <...> Иначе все мы рискуем оказаться храбрыми, но немного смешными Тартаренами из Тараскона» (*Ходасевич В.* Игорь Северянин и футуризм (1914) // *Ходасевич В.Ф.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 2: Критика и публицистика. 1905–1927. М., 2010. С. 155). «В соседнем домике живет Фердинанд, провансалец, вроде приказчика, типа Тартарена из Тараскона (Доде)» (*Зайцев Б.* Памяти Ивана и Веры Буниных, 1962).

¹⁹ Корреспондент шведской газеты «Стокгольмс тиднинген» писал (10 ноября 1933): «Хотя по французскому курсу он получит приблизительно 700 000 франков, он улыбается и напоминает, что один парикмахер из Тараскона выиграл во французскую национальную лотерею пять миллионов франков. “По сравнению с цирюльником я получу не так уж много”, — лукаво подмигивает он» (*Марченко Т.В.* Русская литература в зеркале Нобелевской премии. С. 436).

²⁰ Парикмахер вскоре завещал свое заведение подмастерью, купил большое имение и удалился от дел.

²¹ *Ходасевич В.Ф.* Литературная критика. 1922–1939 / Сост. Л.М. Сурис. М.; Берлин, 2017. С. 195–196.

Добавим, что парикмахера Поля Бонура мгновенно засыпали просьбами о денежной помощи. 10 ноября 1933 г. газета «Ле Матен» (*Le Matin*) сообщила, что он уже получил более трехсот писем. Поэтому Ж. Дестье иронически сочувствует писателю, ибо все русские «будут обивать его порог с просьбой о помощи». Бунин получил две тысячи подобных просьб, и не только от русских.

Однако вернемся к вопросу, поставленному в начале: почему французы не знают, не читают Бунина? Именно с этого А. Пьер и З. Львовский начали свои статьи. Они честно признают, что присуждение ему Нобелевской премии — дань признания русской классической литературе. Они превозносят чеканную прозу Бунина и так же, как Ходасевич, считают, что перевод не может адекватно ее передать.

Журналисты подчеркивают отказ Бунина от злободневных политических тем, его желание писать о прежней, уже исчезнувшей России, сохранять ее в своих творениях. Но достоинство ли это в глазах французского читателя, которого куда больше интересуют события в СССР и Германии? После прихода к власти Гитлера во Франции нарастает тревога, страх перед опасностью новой войны, и это хорошо видно в газетных статьях конца 1933 г.

Ж. Дестье с иронией пишет о старомодных литературных вкусах Бунина, которому нравятся писатели-реалисты. Его творчество принадлежит прошлому, по формуле Ю.М. Лотмана — «реалистическое изображение реально не существующего мира»²².

Не будем также забывать об иерархии литературных жанров. Во Франции XIX–XX вв. превыше всего ценили роман и презирали новеллы. Отчасти из-за того, что в романе видели законного наследника эпопеи, поставленной Аристотелем на вершину литературного Олимпа, отчасти потому, что в XIX в. французские газеты приманивали читателя «романами-фельетонами», а не новеллами, как в России и США. Поэтому Бальзака и Золя во Франции ставят намного выше Мериме и Мопассана, поэтому беспрестанно играют пьесы Чехова, но почти не переводят его рассказы. Французские журналисты упорно называли Бунина романистом (ибо, с их точки зрения, писатель никем другим быть не может).

А. Пьер и З. Львовский сравнивают Бунина с Пушкиным и Тургеневым (добавим, прочно забытым во Франции), с Чеховым-новеллистом. По французской табели о рангах, они оказывают ему дурную

²² Лотман Ю.М. Два устных рассказа Бунина (К проблеме «Бунин и Достоевский») // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1993. Т. 3. С. 172–184.

услугу. В 1930-е гг. для Франции главный кумир — Достоевский, и, как показывает Т.В. Марченко, именно с ним часто сопоставляют Бунина французские журналисты. Бунин Достоевского ненавидел и постоянно вел с ним литературный спор, особенно обострившийся в 1930-е гг., когда его жизнь втроем с женой и молодой любовницей стала напоминать произведения Достоевского²³.

Сам Нобелевский лауреат, проникшись своим величием, перед отъездом в Стокгольм прямо заявил М. Семенову, что незачем превращать его в современного Тургенева, сравнивать с классиками: он ценен сам по себе.

1922

«Меркюр де Франс». 1 октября 1922²⁴

Кому дать Нобелевскую премию?

Нобелевские премии присуждают в декабре. Но задолго до этого различные академии и ученые сообщества выдвигают своих кандидатов, и те начинают вести кампанию в печати. <...> Наибольший интерес вызывает премия по литературе. Именно вокруг нее ведутся самые жаркие бои. <...>

Литературы почти всех народов мира удостоены Нобелевской премии, за исключением той, что считается одной из самых великих и обильных — русской, давшей миру таких гениев, как Гоголь, Толстой, Достоевский. Правда, самая первая премия по литературе 1901 года была предложена графу Льву Толстому, но он от нее решительно отказался²⁵. Русские ученые дважды удостоились Нобелевской премии: знаменитый физиолог Иван Павлов в 1904 г., а профессор Мечников в 1908 г. поделил премию со знаменитым немецким профессором Эрлихом²⁶. Но еще ни один русский писатель не получил Нобелевскую премию. Поэтому во многих литературных кругах Франции и Германии предлагают, чтобы в этом году Нобелевская премия была присуждена одному или нескольким русским писателям.

²³ *Лотман Ю.М.* Два устных рассказа Бунина; *Елисеев Н.Л.* Бунин и Достоевский // Иван Бунин: pro et contra / Сост. Б.В. Аверин. СПб., 2001. С. 694–699; *Боуи Р.* Достоевский и «достоевщина» в произведениях и жизни Бунина // Иван Бунин: pro et contra. С. 700–713; *Martchenko T.* Ivan Alexeevitch Bounine, un Russe à Grasse // Ballade à Nice et dans les Alpes-Maritimes. Sur les pas des écrivains. Paris, 2013, p. 213–218.

²⁴ *Mercure de France.* 1922. Т. 159, 1er octobre. P. 276–279 (rubrique “Échos”).

²⁵ *Марченко Т.В.* Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). С. 93–119 («Лев Николаевич Толстой и Нобелевское фиаско»).

²⁶ Пауль Эрлих (1854–1915), иммунолог.

Завещание Альфреда Нобеля от 27 ноября 1895 г. не запрещает делить премии, и комитет неоднократно присуждал их двум лауреатам. <...> Также нередко премию получала организация <...>.

Таким образом, в регламенте Нобелевской премии ничто не препятствует тому, чтобы присудить ее нескольким русским писателям. Нынешняя ситуация русских писателей плачевна. Огромное большинство, не в силах ни жить, ни паче того работать в большевистском аду, уехало и ведет бродячую эмигрантскую жизнь в Германии, Франции, Англии, Чехословакии и славянских странах, с трудом зарабатывая на хлеб насущный, утратив надежду. Те, кто остались в России, терпят тяжелейшие лишения в коммунистическом раю, где все умирают с голода, за исключением крупных советских функционеров, спекулянтов, торгашей и чекистов. В этой плачевной ситуации находятся не только безвестные литераторы, но и великие писатели, чьи произведения переведены на многие языки и вызывают всеобщее восхищение. Нобелевская премия, данная *русской литературе*, может помочь многим нуждающимся.

Премия составляет 140.000 крон, т.е. по нынешнему курсу обмена около 450.000 франков²⁷. Если ее поделить между пятнадцатью самыми крупными русскими писателями, то каждый получит 30.000 франков; на них он сможет два года жить, работать, творить, дожидаться лучших времен.

Несколько французских газет, «Фигаро», «Голуа», «Энтранзижан», и немецких напечатали различные списки *самых крупных* современных русских писателей. В них упоминаются Горький, Мережковский, Куприн, Бальмонт, Бунин, Тэффи, Амфитеатров, Немирович-Данченко, Алексей Толстой, В. Брюсов, Соллогуб (sic), А. Белый, А. Кони, Юшкевич²⁸, З. Гиппиус, Арцыбашев, Чириков²⁹, общим счетом семнадцать человек. Даже сведенная до скромной суммы в 30.000 франков, Нобелевская премия останется самой престижной из существующих литературных премий. Но если комитет не согласится на такой раздел, то можно достичь той же цели, присудив премию *организации*, Комитету помощи русским ученым и писателям, проживающим во Франции, под председательством Чайковского³⁰. Комитет официально зарегистрирован в Париже, у него есть французское отделение, которое возглавляет замечательный поэт, графиня де Ноай³¹. За два года своего существования он раздал 150.000 франков, и для многих ученых и писателей, в том числе великих, его помощь оказалась спасительной. Хотя основная задача комитета — помогать русским писателям и ученым, *проживающим во Франции*, к нему часто поступают просьбы о помощи из других стран, и комитет никогда не оставался к ним глух; он посылал помощь даже в Россию. Принужденный работать в очень сложных

²⁷ Примерно 475.000 евро.

²⁸ С.С. Юшкевич (1868–1927).

²⁹ Е.Н. Чириков (1864–1932).

³⁰ Н.В. Чайковский (1850–1926), революционер, эсер, масон.

³¹ Анна де Ноай (1876–1933, урожд. княгиня Бибеку-Браковяну), поэт-символист, хозяйка литературного салона. Об организации помощи русским писателям см.: *Livak L. L'émigration russe et les élites culturelles françaises 1920–1925 // Cahiers du monde russe. 2007. № 48/1. P. 23–43.*

условиях и располагая весьма скромными средствами, он делает полезное и плодотворное дело и смог объединить вокруг себя лучшие интеллектуальные силы России. Присуждение Нобелевской премии комитету будет великой помощью и данью уважения русской литературе.

Ж.В. Биншток³²

1932

«Ла Кензен критик». 10 февраля 1932³³

«Ле Муа». 1 января 1932 г.

Эссе «Любовь к жизни и смысл смерти в творчестве Ивана Бунина»³⁴.

«В большей степени, чем два его соотечественника, Мережковский и Горький, которые также выдвигались на Нобелевскую премию, он исповедует литературу ясную и простую. Наследник Толстого и Чехова, которого он знал лично, своим строгим совершенством формы он сближается с Пушкиным, “великим непонятым” европейцами русским писателем, несравненным гением, чье значение для русской литературы и культуры сумел прекрасно показать Достоевский в знаменитой речи 1880 г.»

Андре Терив³⁵

«Эксельсиор». 6 ноября 1932³⁶

Г-н Мережковский, русский писатель, хотел бы получить Нобелевскую премию, чтобы закончить свою книгу «Иисус Неизвестный»

Как мы уже сообщали, русского автора Дмитрия Мережковского рассматривают как наиболее вероятного кандидата на получение Нобелевской премии, которая будет присуждена на следующей неделе.

Мы встретились с писателем, который живет в Париже среди русских эмигрантов.

— Не лучше ли повременить? — спросил он нас. — Присуждение окутано тайной. Члены жюри делают иногда неожиданный выбор, и неизвестно, что они решат. Я хотел бы получить эту премию, чтобы закончить книгу «Иисус Неизвестный»; первый том уже вышел в Германии и выйдет

³² Владимир Львович (Жан-Владимир) Биншток (1866–1933), русско-французский журналист, писатель, переводчик.

³³ La Quinzaine critique des livres & des revues. 1932, 10 février. P. 98 (обзор журналов).

³⁴ Автор Глеб Струве: *Struve G. Amour de la vie et le sens de la mort dans l'œuvre d'Ivan Bounine // Le Mois*. 1931, 12 décembre. P. 157–162. См.: *Livak L. Russian Émigrés*. P. 97.

³⁵ Андре Терив (1881–1967; наст. имя Роже Пютост), писатель, журналист и литературный критик.

³⁶ *Excelsior*. 1932, 6 novembre. P. 2. Фотография Мережковского за письменным столом.

в Италии. Я хотел бы поехать в Палестину и свободно располагать своим временем.

— Не говорите об этой премии! — восклицает с улыбкой г-жа Мережковская, в литературном мире — поэт Зинаида Гиппиус, автор «Чертовой куклы» и «Дневника времен террора».

— Финансовое положение мое трудное из-за того, что нет соглашения с Россией об авторских правах. Иначе я бы не нуждался в Нобелевской премии. Ну а вдобавок кризис. Моя новая книга, «Тайна Запада», вышла в Нью-Йорке. Она продается во Франции, переведена на французский, но издатель не может сейчас ее напечатать.

Г-н Мережковский написал «Наполеона» в трех томах, «Леонардо да Винчи», «Петра Великого». Но более всего занимают его вопросы веры.

Его настольная книга — томик в 32-ю долю листа, 726 страниц, набранных в две колонки убористым шрифтом.

Это Новый Завет в русском переводе. Писатель читает его каждый день в течение тридцати лет³⁷.

И он говорит о Ренане: «“Жизнь Иисуса” — это Евангелие от Пилата».

Роже Вальбель³⁸

«Пари-суар». 7 ноября 1932³⁹

Будет ли Нобелевская премия по литературе присуждена Дмитрию Мережковскому?

Русский писатель признался нам со всей скромностью, что он был бы счастлив получить ее.

Кто может похвастаться тем, что знает лауреата Нобелевской премии до официального присуждения, которое состоится через неделю? Упорно ходит слух, что в этом году Нобелевская премия по литературе будет вручена русскому писателю, а именно Дмитрию Мережковскому.

Мережковский в Париже уже двенадцать лет, в той же квартире в Пасси, где жил до войны, в 1910 г. Там, в относительном спокойствии тихой улицы, в трудах и думах он продолжает писать. Но творчество его, весьма обширное, вызывает серьезные споры. Одни не отказывают ему в величии, ценят его мощь. Однако другие <пробел в тексте статьи — А.Ф.> и реакционный дух, который в нем чувствуется.

Это невысокий человек с чрезмерно подвижным лицом, обрамленным седеющими волосами и бородкой.

³⁷ «Маленькая, в 32-ю долю листа, в черном кожаном переплете книжечка. Судя по надписи пером на предзаглавном листке: “1902”, она у меня до нынешнего 1932 года — 30 лет. Я ее читаю каждый день, и буду читать, пока видят глаза <...>», — писал Мережковский в начале книги «Иисус Неизвестный».

³⁸ Журналист, главный редактор газеты «Эксельснор».

³⁹ Paris-soir. 1932, 7 novembre. P. 3. Статья подписана инициалами «Н.А.». Фотография «Профессор Мережковский за письменным столом».

Когда я заявляю, что поговаривают о присуждении ему Нобелевской премии, он отвечает просто:

— Я, разумеется, был бы очень счастлив. Но мне об этом не сообщили. Самое главное, чтобы премия досталась кому-нибудь из нас, русских: например, Ивану Бунину, Александру Куприну. В первый раз русский писатель будет удостоен этой награды. Русская литература этого заслуживает, не правда ли?

Творчество Дмитрия Мережковского — это в первую очередь творчество религиозного мыслителя. Манихеец, он постоянно противопоставляет две главные силы, силы тьмы и силы света. Он написал, в частности, трилогию: «Смерть богов», «Леонардо да Винчи», «Петр Великий»; замечательную книгу «Наполеон»; «Атлантида-Европа» (о надвигающейся опасности мировой войны), «Ахенатон, радость Солнца», «Рождение богов», «Тень грядущего».

Венец этого творчества, исторического и литературного одновременно, — книга «Иисус Неизвестный», перевод которой он сейчас тщательно выверяет. Заметим, кстати, что, к сожалению, произведения Дмитрия Мережковского, прекрасно изданные в Германии, Италии, Англии, сравнительно мало переводят и читают во Франции.

А.А.

1933

«Le Petit journal». 10 ноября 1933⁴⁰

Нобелевские премии. Писатель Иван Бунин

Ницца, 9 ноября.

Писатель Бунин, лауреат Нобелевской премии по литературе, живет в Грассе на вилле Бельведер, которую снимает у г-на Рукье, бывшего мэра Грасса. Дом расположен сравнительно далеко от центра города, и писатель может там вольготно работать и размышлять.

Уроженец центральной России, Иван Бунин живет вдвоем с женой, и их часто видят прогуливающимися по Грассу.

Горячий поклонник Прованса и Фредерика Мистралья⁴¹, Иван Бунин проводит в Грассе зиму, а летом переезжает в замок Нуаре в Амбуазе. Он живет в наших краях уже около десяти лет.

⁴⁰ Le Petit journal. 1933, 10 novembre. P. 3. На той же странице газеты помещена большая статья о выигравших в Национальную лотерею и фотография владельца парикмахерской в Тарасконе в окружении толпы зевак. Частичный перевод: *Марченко Т.В.* «Венок лауреата ему точно впору». С. 137–138.

⁴¹ В «Провансальских пересказах» (1931) Бунин переложил на русский «Истоки моей жизни. Воспоминания и рассказы» (1929) Фредерика Мистралья.

Он автор многих произведений, переведенных на французский язык: «Господин из Сан-Франциско», «Чаша жизни», «Таинство любви»⁴², «Ночь»; сейчас он пишет книгу под названием «Жизнь Арсения» <sic>.

«Деревня», написанная до войны, снискала большой успех, и в 1909 г. он был избран членом Российской Академии.

Мы смогли коротко повидать Ивана Бунина в Грассе. Худое лицо, обрамленное седыми волосами, гладко выбрит, рост выше среднего, скромно одет. Он неважно говорит по-французски и, кажется, частенько подбирает слова. Мы все-таки смогли понять, что сегодня во второй половине дня ему позвонили из Стокгольма и сообщили новость.

Эксельсиор. 11 ноября 1933⁴³

Беседа с Иваном Буниным,
лауреатом Нобелевской премии по литературе

(От нашего специального корреспондента)

Грасс, 10 ноября. Нет человека более простого и приятного в общении, чем г-н Иван Бунин, которому только что присудили Нобелевскую премию по литературе за 1933 год.

На своей вилле в Грассе, излюбленном месте жительства, когда он не в Париже, он делится с нами радостью от получения этой высшей творческой награды.

«В литературу я пришел как поэт, — рассказывает он нам. — Мои первые стихи были приняты весьма благосклонно, и мне за них сравнительно рано присудили Пушкинскую премию. С тех пор я отчасти забросил стихи ради романа и новеллы.

Многие мои произведения переведены на шведский, немецкий, английский и итальянский.

Пять переводов вышли на французском: два романа, “Деревня” и “Таинство любви”, и три сборника, в том числе “Чаша жизни” и “Господин из Сан-Франциско”.

Сейчас я работаю над романом “Жизнь Арсеньева”, первая часть которого была опубликована на русском. Я сейчас сдаю начало второй части. Не исключено, что скоро будет предпринят французский перевод».

Через несколько дней г-н Иван Бунин вернется в Париж. Он будет горячо принят всей русской колонией. Действительно, с момента учреждения Нобелевской премии, т.е. за тридцать два года, г-н Иван Бунин — первый русский писатель, который ее удостоен. У русских, которые, подобно Нобелевскому лауреату, вынуждены были покинуть страну пятнадцать лет назад, слишком мало поводов радоваться и наслаждаться жизнью, чтобы

⁴² Название повести «Митина любовь» во французском переводе.

⁴³ Excelsior. 1933, 11 novembre. P. 1. Фотография И.А. и В.Н. Буниных, сделанная в Грассе. На четвертой полосе газеты опубликован рассказ «Авдей Забота» (1913) в переводе Бориса Шлецера из сборника «Ночь» (1929, изд-во «Эмиль Поль братья»).

остаться равнодушными к счастливому событию, увенчавшему самого знаменитого из них.

М.П.

Галина Кузнецова. «Грасский дневник», 1967
(вечер 9 ноября, запись от 15 ноября 1933 г.)

В десятом часу мы с И.А. вышли в город. В парке Монфлери, в темноте кто-то неинтеллигентным голосом навстречу: «Не знаете ли, где здесь вилла Бельведер?» «Здесь». «Я ишу Бунина, кот. сегодня получил премию Нобеля». «Это я». Волшебное превращение. Изменение тона, поклоны, представленья. Корреспондент от Ниццской газеты. Но ничего не знает, говорит с грубым акцентом, спрашивает, за что дали премию... не знает даже, что Бунин писатель.

Интервью было дано тут же по дороге, он спустился с нами в Грасс. На бульваре нас поймали еще два журналиста, отыскивавшие Бельведер уже в течение двух часов и наконец обратившиеся к начальнику полиции, который был кстати тут же налицо (очень милый, скромный, интеллигентного вида человек). Нас повели в помещенье «Пти нисуа», принесли из кафе напитки, и тут же началось спешное интервью. Потом была сделана первая фотография, на следующее утро появившаяся в Эклерёре, вместе с интервью, которое пришлось давать мне, т.к. И.А. был так взволнован, что не на всё сразу мог отвечать.

«Пари-Миди». 13 ноября 1933⁴⁴

Нобелевская премия по литературе
ничего не изменит в семейной жизни Бунина.

«Я умею срывать розы, сказал он нам. Я буду работать как прежде»

(От нашего собственного корреспондента). Грасс, 12 ноября.

Я не ведаю, знаете ли вы Грасс, но надеюсь, что да. Это чудесный уголок, который туристы не жалуют вниманием, но однако щедро одаренный богами. Пряча красивые развалины крепостных стен и многочисленные следы былого величия, маленький провинциальный городок высится над равниной, которая, как огромный сад, простирается вдаль до синего моря.

«Долина любви, земля обетованная, кадилъница!» — воскликнул тут Мистраль, умевший восторгаться.

И я цитирую прекрасного поэта, поскольку явился в Грасс в поисках лауреата Нобелевской премии по литературе 1933 г., другого поэта, Ивана Бунина, приехавшего сюда черпать вдохновение, которое принесло ему нынче около миллиона.

⁴⁴ Paris-Midi. 1933, 13 novembre. P. 2. Отрывок переведен: *Марченко Т.В.* «Венок лауреата ему точно впору». С. 137.

Что доказывает, что не только парикмахеры, купившие лотерейные билеты, попадают в последние новости, и что фортуна не всегда слепа, поскольку и в наши дни она награждает флейтиста, сидящего в лесу, в уединении.

Иван Бунин обрел уединение на своей вилле «Бельведер», где он живет зимой уже десяток лет, а летом переселяется в Амбуаз. Но каким своеобразным предстал передо мной мой маленький флейтист!

Иван Бунин совсем не таков, каким я его себе воображал. Элегантный, высокий, худощавый, гладко выбритый, он кажется удивительно юным, несмотря на седые волосы, а пронизательные глаза и энергичная челюсть делают его похожим на образцового бизнесмена.

Он говорит по-французски медленно и с обаянием, которому позавидует Эльвира Попеску⁴⁵.

— Зачем меня поздравлять? Вы хотя бы читали мои книги? Ну и? Конечно, комплименты доставили бы мне удовольствие, если бы знали книги... Ибо творчество — это для меня всё... я начал со стихов, а потом пошли романы: «Господин из Сан-Франциско», «Деревня», «Ночь», «Чаша жизни», «Таинство любви». Моя жизнь? Это второй том «Жизни Арсеньева», над которым я сейчас работаю ...

И Иван Бунин не скрывает, что он любит только работать. Он не говорит: «Здесь». Он говорит: «Там», указывая вдаль. Он отнюдь не завсегда у Светской дамы, как говаривал Робер де Монтестью⁴⁶, и в течение беседы не упускает случая отозваться о жизни так, как она заслуживает: с презрением.

Член Российской Академии с 1909 г., он уже познал почести и знает им цену.

Тяготит ли его изгнание? Нет, и он на этом настаивает. С тех пор как он, поколесив по свету, разбил свой шатер в Грассе под ласковым небом, на лоне мирной природы, достойной Вергилия, он чувствует, что пришел конец его скитаниям. Тут ему хорошо, и он вкушает радости спокойной семейной жизни в обществе прехорошенькой приемной дочери.

Несмотря на Нобелевскую премию, он не изменит своих привычек.

— Я буду работать как прежде, отрываясь от трудов, как всегда, лишь для прогулок и мечтаний...

И добавляет, таинственно улыбаясь, на пороге двери:

— Я умею срывать розы⁴⁷.

Жан Берти

⁴⁵ Эльвира Попеску (1895–1993), румынская и французская актриса, звезда бульварного театра.

⁴⁶ Граф Робер де Монтестью (1855–1921), поэт и денди, прообраз литературных героев Гюисманса и Пруста, гомосексуалист.

⁴⁷ Нельзя не согласиться с Т.В. Марченко, видящей здесь цитату из «Сонетов к Елене» Ронсара: «Послушайтесь меня: пока огонь в крови, / Пока вы молоды, срывайте жизни розы!» (пер. В.А. Рождественского).

«Нотр тан». 16 ноября 1933⁴⁸

Нобелевская премия.

Ночная беседа с Иваном Буниным

Лишь чрезвычайное происшествие, такое как Нобелевская премия, могло дать понять обитателям Грасса, что среди них живет великий человек.

(От одного из наших собственных корреспондентов)

Ницца, 14 ноября 1933 г.

Сегодня во второй половине дня⁴⁹, около 5 часов, когда солнце уже садилось, ко мне пришел шведский романист Иван Бьярне⁵⁰, корреспондент в Ницце многочисленных газет его страны и разных прочих.

«Нобелевская премия, — сказал он мне, — только что присуждена писателю, живущему в Грассе. А вы знаете, кому?»

Я подумал о Уэллсе⁵¹. Но это не он. Уэллс в Англии. У департамента Приморские Альпы уже был один нобелевский лауреат, Метерлинк⁵²... Какой же писатель мог быть настолько скромным, чтобы жить в Грассе, не поставив в известность журналиста из Ниццы, поднаторевшего в искусстве представлять знаменитостей в своей газете?

Несколько позже мы узнали, что лауреата зовут Иван Бунин. Действительно, он живет в Грассе. Где? Понятия не имею, ибо там его никто не знает. Обитатели Грасса знают только писателей, которые их критикуют, но уж тогда осыпают их проклятиями. Когда там жил Камиль Моклер⁵³, то почтенные местные граждане считали его корреспондентом газеты «Пти Нисуа»! Но особую неприязнь вызвал у них Пьер Амп⁵⁴, осмелившийся написать книгу о парфюмерии...

Иван Бунин? Не знаю такого!

Вот что мне все отвечали.

В поисках нобелевского лауреата

И я пошел пешком в Маганьоск⁵⁵, ночью, в поисках дружеского крова и ужина, когда по дороге во тьме, ослепляемый на краткие мгновения двойными лучами фар, я услышал беседу, тема которой была прозрачна как день.

⁴⁸ Notre temps. 1933, 16 novembre. P. 3. Отрывок переведен в статье: *Марченко Т.В.* «Венок лауреата ему точно впору». С. 137, 138, 140, 146–147. Статья перепечатана в газете «Лион-Републикен» (Lyon-Républicain. 1933, 17 novembre).

⁴⁹ Описываются события 9 ноября.

⁵⁰ Карл Иван Бьярне (1890–1938). На русском в 1927 г. вышел его роман «Вилла Виктория».

⁵¹ Герберт Уэллс много раз безуспешно номинировался.

⁵² Морис Метерлинк получил премию в 1911 г. Он обосновался во Франции с конца XIX в.

⁵³ Камиль Моклер (1872–1945; наст. фамилия Фост), поэт, прозаик, искусствовед, литературный критик.

⁵⁴ Пьер Амп (1876–1962; наст. имя Анри Буррийон), автор многочисленных произведений романов, в том числе ««Песнь песней» (1922) об изготовлении духов».

⁵⁵ Квартал Грасса.

Собрат, опередивший меня и Бог знает как сумевший узнать того, кого он искал в ночи (в буквальном смысле), заканчивал интервью. Слабый свет астматического уличного фонаря освещал его блокнот.

— Да, — говорил интервьюируемый, — да, конечно, семь тысяч франков⁵⁶, это немного. Лучше бы я в Национальную лотерею выиграл!

Черт побери! Это был он! Это был Бунин!

Я подождал, когда мой предшественник закончит расспросы, прежде чем подойти к нему в свой черед.

Писатель совершал ежевечернюю прогулку; он возвращался с почты, куда отнес благодарственные ответы всем тем, кто уже два часа заставлял выбиваться из сил местных телеграфистов...⁵⁷ И мне жаль его: все русские беженцы, более или менее бедные и, добавим, по большей части кузнецы своего несчастья, живущие в наших краях, завтра будут обивать его порог с просьбой о помощи⁵⁸.

Портрет

Иван Бунин не слишком разговорчив. Среднего роста, худощавый, гладко выбритый, с внешностью кинозвезды. Ему 63 года. Это он указывает мне забытые названия его главных книг: «Деревня», «Господин из Сан-Франциско», «Ночь», «Таинство любви», «Чаша жизни», «Жизнь Арсеньева» (sic), над вторым томом которой он сейчас работает. Он покинул Россию шестнадцать лет назад и вот уже много лет живет в Грассе с благородной скромностью. Таковы уж мы, южане: только необычайные происшествия могут заставить нас распознать достоинства великого человека. Но видите ли, удивиться тут нечему. Ни супрефект, ни префект, ни мэр не потрудятся поприветствовать этого «киностранца», который даже не избиратель и еще не стал миллионером... Тьфу...

То, что он написал три или четыре книги в Грассе, под лучами солнца, окруженный эвкалиптами и полями жасмина, быть может, когда-нибудь заинтересует его биографов; быть может, превратят его дом в музей⁵⁹; на худой конец, через несколько лет после смерти ему поставят памятник, дабы генеральный советник департамента мог произнести цветистую речь; но мы, жители Грасса, за столько лет существования города перевидали немало художников и поэтов, воспевающих красоту нашего края!

⁵⁶ Премия составила 715.000 франков (примерно 460.000 евро). Видимо, журналист ослышался или описался.

⁵⁷ В тот день у Буниных не было денег даже на чаевые для почтальонов.

⁵⁸ Г. Кузнецова в «Грасском дневнике» и А. Седых пишут, что Бунин сразу пожертвовал 100.000 для оказания помощи писателям (*Седых А.* Далекие, близкие. 3-е изд. Нью-Йорк, 1979. С. 194). Позднее Бунин уверял, что получил две тысячи писем с просьбой о вспомоществовании и раздал 120.000 франков; см.: *Бабореко А.К.* И.А. Бунин. Материалы для биографии (с 1870 по 1917). М., 1967. С. 218.

⁵⁹ «В Грассе установлен бюст Бунина, дом, где он проживал много лет, — виллу «Бельведер», — купил, предлагая сделать в доме мемориальный музей, французского происхождения Гавриил Симонов, основатель ассоциации французских «Друзей Бунина?»» (*Марченко Т.В.* «Венок лауреата ему точно впору». С. 151, сн. 13).

Во время нашей краткой беседы Иван Бунин признался, что он тоже поэт. Он напечатал «Листья падают». Судя по названиям, он склонен к романтизму. И неудивительно, ибо он некогда перевел Байрона на русский⁶⁰.

Современную французскую литературу он знает довольно поверхностно: однако, Флобер и Мирбо произвели на него большое впечатление. И он готов поставить вровень с ними Мориака⁶¹. Но свою веру, свою жизнь он посвятил русской литературе:

— Да, это нечто! говорит он о ней.

Писатель никогда не занимался политикой. Жалует ли он о России? Нет, ибо он продолжает служение ее языку, хранящему ее душу. Нет, ибо он предпочел жить в стране своих творений...

Что до Нобелевской премии, то он не был удивлен: об этом поговаривали... Мы повидаем Бунина после его возвращения из Швеции.

Жан Дестье⁶²

«Ле Пети Паризьен». 16 ноября 1933⁶³

Писатель Бунин, лауреат Нобелевской премии,
сегодня вечером приехал в Париж.

Он отправится 5 декабря в Стокгольм для получения премии.

Приехав вчера в Париж из Грасса, где он сейчас живет, русский писатель Бунин, лауреат Нобелевской премии 1933 г., оказал нам честь, приняв нас в редакции «Последних русских новостей»⁶⁴ на улице Тюрбиго.

Высокий, худой, преждевременно поседевший, лицо, изборожденное морщинами, носит отпечаток глубоких чувств. Г-н Бунин охотно шутит:

«Я был в кино в Грассе, когда явились мои друзья. Они были начеку и прибежали из моей виллы, где извелись от нетерпения.

— Что случилось? Несчастье?

— Нет! Счастье!

— Я выиграл в лотерею? Вряд ли, у меня нет билета.

— Лучше. Вы получили Нобелевскую премию.

Как бы хорошо ты ни владел собой, такая весть сшибает с ног. Я всё же хотел вернуться в кино, но друзья меня удержали. И я не увидел конец фильма^{65!}»

⁶⁰ Бунин перевел пьесы «Манфред», «Каин» и «Небо и земля».

⁶¹ На той же полосе газеты помещено известие, что Мориаку 15 ноября 1933 г. вручили шпагу академика.

⁶² Франсуа Жан Дестье (1895–1944), поэт, прозаик, литературный критик.

⁶³ Le Petit Parisien. 1933, 16 novembre. P. 7.

⁶⁴ Газета «Последние новости» печатала Бунина, писала о нем и в ноябре 1933 г. поместила два обзора иностранной прессы, посвященных присуждению премии. См.: Петрова Т.Г. Творчество И.А. Бунина в критическом сознании русского зарубежья (по страницам газеты «Последние новости») // Русское зарубежье: история и современность. Вып. 2. М., 2013. С. 184–203.

⁶⁵ Французский фильм «Малыш» («Baby», 1933; режиссеры Пьер Бийон и Карл Ламак, сценарий Ганса Церлетта по его пьесе), в нем играла Ксения (Киса) Куприна,

Вздых, улыбка, а затем:

«Знаете, это наделало шуму в Грассе! Никогда столько телеграмм не приходило. Бедный почтальон из сил выбился. Но я полагаю, что вы пришли поговорить со мной не о переживаниях почтальона. Мои планы? Остаться в Грассе, где я живу уже семь лет».

Он наклоняется ко мне и отпускает с легкой иронией:

«Я как тарасконский парикмахер: не хочу покидать свою малую родину! А моя малая родина — Грасс».

Став серьезным, он продолжил:

«Но все-таки я должен поехать в Стокгольм 5 декабря получить премию. Потом я вернусь в Париж, затем в Грасс, где закончу мое главное творение “Сын Арсеньева” <sic>. Это изображение довоенной России. Да, последние новости не для меня. Я ничего не написал о Революции. Кстати, пять моих произведений переведены на французский. Другие, видимо, тоже будут. И это меня радует: я так люблю Францию и французских журналистов. Представьте себе, в тот вечер, когда я пропустил конец фильма, как я вам рассказал, я был сильно удивлен. Иду я в темноте, и тут вырастают предо мной три тени. Грубоватый голос спрашивает:

— Я начальник полиции. Вы господин Бунин?

— Да, конечно, вы пришли меня арестовать?

— Не совсем, я привел вам трех журналистов из Ниццы, которые вас ищут с полудня.

Вот так вот! Журналисты из Ниццы были очень милы. И парижские милы, как я вижу. До свиданья, сударь, я очень устал».

Невозможно устоять перед просьбой, произнесенной столь ласковым тоном. Оставалось только поклониться и удалиться, размышляя о том, что интервью с начала до конца вел не интервьюер, а интервьюируемый и что наша профессия сильно упростилась бы, коли всегда было так.

Леон Грок⁶⁶

«L'Européen». 17 ноября 1933⁶⁷

Иван Бунин, лауреат Нобелевской премии

Некоторых могло удивить присуждение Нобелевской премии Ивану Бунину. Хотя он живет во Франции с 1920 г., этого русского писателя, чей деликатный талант чужд популярности, действительно знали и ценили только в очень узких кругах. Некоторые его произведения были переведены на французский: «Деревня», «Господин из Сан-Франциско», «Таинство любви» и др. Широкую публику они не заинтересовали. Этого скромного

дочь писателя.

⁶⁶ Леон Грок (1882–1956), журналист и репортер, автор популярных романов.

⁶⁷ L'Européen: hebdomadaire économique, artistique et littéraire. 1933, 17 novembre. P. 5. Огрывок цитируется в газете «Ле Пепль» (Le Peuple. 1933, 29 novembre. P. 4). Фрагмент переведен в статье: *Марченко Т.В.* «Венок лауреата ему точно впору». С. 136–137.

и гордого человека, истинного писателя, врага всякой рекламы, постигла та же участь в Англии, в Германии, в Италии. Ценимые образованными людьми повсюду, его романы и новеллы не принесли ему европейской славы. Прибавьте к этому, что, живя в изгнании, вдали от своей страны, где газеты, журналы и издательства были монополизированы коммунистами, Бунину было бесконечно трудно печататься на русском, особенно на русском. Запрещенный в СССР, где его считают буржуазным писателем, писателем из бывших, он утратил всякую связь с миллионами читателей на родине, и его сочинения могли обращаться только к бедным и страшно разобщенным кругам русской эмиграции. Согласитесь, что он находился в неравных условиях с конкурентами из других стран.

Почему все-таки шведское жюри остановило свой выбор на этом русском писателе? никоим образом не умаляя его безусловный талант, надо признать, что Стокгольмская Академия избрала его в первую очередь для того, чтобы загладить вину перед литературной Россией. Конечно, решив в 1933 году (лучше поздно, чем никогда!) включить русского автора в блестящий список Нобелевских лауреатов, она должна была вписать в него имя Бунина, величайшего современного писателя, пишущего на русском (Горький не в счет из-за различных внелитературных причин, о которых нет смысла распространяться).

Достаточно просмотреть список лауреатов Нобелевской премии с 1901 г. по сей день, чтобы ясно увидеть несправедливость, можно сказать, оскорбительную, по отношению к России. Она видна с самого начала, с 1901 г. Кто был тогда самым знаменитым писателем в мире, кто безусловно должен был стать первым лауреатом, чье имя придало бы несравненный блеск щедрому учреждению Нобеля? Лев Толстой. А кого предпочли автору «Войны и мира» и «Анны Карениной»? Сюлли Прюдома. В течение тридцати двух лет Россию постоянно игнорировали. Дивный Чехов умер, не получив премии, и эту забывчивость тоже трудно простить. А потому надо с глубоким удовлетворением приветствовать появление Бунина в пресловутом списке. Лавровая корона ему к лицу, и незачем говорить (и так понятно), сколько благ принесут изгнаннику... премиальные кроны.

Я упоминал уже заглавия романов и рассказов Бунина, переведенных на французский. Невозможно в нескольких словах проанализировать талант, присущий его творениям, но главная их черта (которую трудно передать в переводе) — это красота слога, отделанность стиля. Бунин — мастер, изысканный художник, чеканщик слов. Его привязанность к традиции, к старой орфографии, его забота о чистоте языка делают его представителем уходящего поколения русских писателей. Да, темы, которые его вдохновляют, и стиль его принадлежат прошлому. Каждая страница его главного произведения, которое сейчас выходит в свет, «Жизнь Арсеньева», дышит ностальгией по старой России, чей образ жизни, мыслей, чувств, кажется, навсегда исчезли.

В первый раз с тех пор, как ее присуждают, нобелевскую премию получил писатель, оторванный от родной почвы вихрем революции, который потряс и души и вещи, художник, лишенный корней, который не разделяет

убеждения огромной массы своих соотечественников, и, наконец, славянин, поселившийся в нашем Провансе, чьи морские и земные пейзажи напоминают ему, верно, его далекий Крым.

Андре Пьер⁶⁸

«Ле Нувель литтерер». 18 ноября 1933⁶⁹

Иван Бунин. Нобелевский лауреат 1933 г.⁷⁰

После тридцати французских, немецких, английских, американских, бельгийских, датских, шведских писателей, после Анатоля Франса, Киплинга, Гауптмана, Сенкевича, Мистрала, Кардуччи, Ромена Роллана, Кнута Гамсуна, Голсуорси, Томаса Манна, Грации Деледды, Пауля Хейзе, Синклера Льюиса и многих других Нобелевская премия по литературе присуждена Ивану Бунину, русскому кандидату, выдвигавшемуся в течение многих лет.

Если французский читатель хорошо знает Максима Горького, то, напротив, почти не знает Ивана Бунина. Но, однако, Горький и Бунин — два величайших современных русских писателя, с той огромной разницей, что — сейчас больше, чем всегда! — они находятся на прямо противоположных полюсах, идет ли речь о литературе, художественных ценностях, социальных вопросах и т.д. Если один из них ныне по-хозяйски царствует в СССР, другой живет скромно, чтобы не сказать бедно, на чужбине, во Франции, а точнее в Грассе, на маленькой вилле «Бельведер», ставшей в последние дни местом усиленного паломничества.

Иван Бунин родился в Воронеже 10 октября 1870 г., эмигрировал в 1920 г., когда ему было пятьдесят лет и уже вышли его произведения, снискавшие литературную славу: «Господин из Сан-Франциско», «Митина любовь», «Деревяня», «Первая любовь», «Роза Иерихона», «Солнечный удар», «Тень птицы», «Чаша жизни», «Крик», «Божье дерево», «Последнее свидание»; некоторые из них были переведены на французский и напечатаны в издательствах Боссар («Господин из Сан-Франциско»), Сток («Митина любовь») и Эмиль-Поль (сборник повестей и рассказов).

Молодой Бунин дебютировал в русской литературе как поэт; замечательный перевод стихов американского поэта Лонгфелло принес ему литературное признание и Пушкинскую премию, когда ему еще не было

⁶⁸ Андре В. Пьер (1887–1966), журналист, переводчик с русского, английского и немецкого. Преподавал французский язык в Смольном институте и во Французском институте в Петрограде. Переводил Горького, рассказы Бунина, Пильняка, Катаева, написал в соавторстве с Модестом Гофманом книгу «Жизнь Толстого» (1934).

⁶⁹ Les Nouvelles littéraires, artistiques et scientifiques. 1933, 18 novembre. Ежедневник посвятил в этом номере несколько материалов Бунину и Ф. Мориаку, среди них перевод воспоминаний Бунина о Чехове (сделан с рукописи Иосифом Лодиным. С. 1, 6), реклама французского издания «Жизни любви» с цитатой из интервью писателю и журналисту Марселю Соважу (1895–1988), в котором Бунин говорит, что русские считают эту книгу самой значительной (С. 3), и анонимная заметка о возможном разделе премии (С. 6).

⁷⁰ Les Nouvelles littéraires. P. 1.

тридцати. Он был избран членом Российской Академии в 1909 г., в расцвете творческих сил.

Напомним, что Бунин почти не пишет романов. За исключением «Митиной любви» и «Жизни Арсеньева», которую автор сейчас заканчивает, у него выходили только повести и рассказы, что сближает его скорее с Тургеневым и Чеховым, чем с Толстым и Достоевским. Кроме того, многое другое сближает, роднит Бунина с автором «Вешних вод»: он, кажется, его главный последователь, прямой и законный наследник.

Не только социальное происхождение, но и ощущение общей литературной традиции, вплоть до похожих излюбленных тем и литературных приемов, сходной лирической атмосферы, побуждают нас назвать счастливого обладателя Нобелевской премии 1933 года «Тургеневым XX века», с той лишь разницей, что если Тургенев был всё же политическим и социальным писателем («Дым», «Отцы и дети»), то Бунин им никогда не был и, безусловно, никогда не будет. Даже если, в очень редких случаях, он затрагивает социальные проблемы, крестьянский вопрос («Суходол», «Деревня»), он остерегается бросаться в бой, он инстинктивно стремится прежде всего остаться художником, пейзажистом, портретистом, но в ни в коем случае не политиком. Дыша одной лишь литературой, он целиком и полностью посвящает себя чистому искусству, непродажному, вольному, как полет птицы в поднебесье. Из богатой семьи, а потому материально независимый, Иван Бунин пишет скупой, тщательно и медленно, никогда не работает на заказ, не имея к тому ни склонности, ни нужды, посвящая себя тому, что любит, к чему влечет его творческий дар, воображение. Отсюда четкость образов, ясность стиля, кристальная прозрачность всего его творчества.

Нобелевский комитет вовремя увенчал великий и истинный талант: если Джон Голсуорси в прошлом году мог позволить себе роскошь отказаться от восьмисот тысяч франков, составляющих Нобелевскую премию, то Иван Бунин так не поступит, ибо не все писатели живут в достатке... особенно на чужбине.

3. Львовский⁷¹

Бунин⁷²

Если не считать Мережковского — с которым, как говорят, он поделит свою Нобелевскую премию⁷³, — никто из русских писателей, перебравшихся во Францию после войны, не сравнится славой с Иваном Алексеевичем

⁷¹ Зиновий Давыдович Львовский (1881–1943, Освенцим), переводчик Горького, Л. Толстого, Уэллса, автор статей о Достоевском и о русской литературе 1930-х.

⁷² Ibid. P. 6.

⁷³ А. Седых пишет, что когда он показал вырезку статьи Бунину, то вызвал у него «нечто вроде легкого апоплексического удара. — С какой стати? Ни за что!» (Седых А. Далекие, близкие. С. 193). В 1931 г. Мережковский предложил Бунину соглашение: тот, кто получит премию, даст другому 200.000 франков. Г. Кузнецова записала в «Дневнике»: «Париж. 15 апреля [1932]. Были вчера с визитом у Мережковских. <...> Мережковский <...> заговорил о Нобелевской премии, о необходимости разделить ее».

Буниним. Сперва он жил в Париже в квартале Отей, где до сих пор много русских эмигрантов, потом переехал на юг и обосновался в Грассе.

Без сомнения, именно в последних произведения Бунина будут потом искать особую атмосферу той России, что продолжает жить вне границ великой империи, тех людей, у которых мало общего с их братьями, сформированными Октябрьской революцией.

[Без подписи]

«Око Парижа». 18 ноября 1933⁷⁴

Нобелевская премия

В течение тридцати двух лет, за время своего существования, Нобелевская премия никогда не доставалась русскому писателю. Неудивительно, что русские всех мастей, белые и красные, зубами и когтями выдирали ее для своего! Последние могли выставить только одного всемирно известного романиста, у них имеющегося: Максима Горького. Но именно потому, что он открыто примкнул к Советам, его кандидатура уже давно была отвергнута Шведской Академией, распределяющей премию.

Оставалось выбрать между двумя кандидатами белых русских: Дмитрием Мережковским и Иваном Буниним.

Мережковского, который почти неизвестен во Франции, но пользуется огромной популярностью в странах вроде Соединенных Штатов (мы так и не поняли почему), соотечественники прозвали «Пророком» или «Духовидцем». Бесспорный факт, что в 1910 г. Мережковский с ошеломляющей точностью предсказал все события, которые произошли в России после войны... Поэтому один русский критик без колебаний написал: «Мережковский обладает шестым чувством, таинственной антенной, которая улавливает сигналы из иного мира». В жизни всегда есть место юмору.

Сейчас этот пророк... к несчастью, использует свою «таинственную антенну», дабы предупредить мир, что он на пороге катастрофы. Якобы человечество и цивилизация будут свергнуты в пучину огня и крови...⁷⁵ Эти прелести, вероятно, показались чрезмерными шведской Академии, которая в конечном счете увенчала Бунина⁷⁶.

Подобный выбор, по-видимому, одобряют все. Романы Бунина пользуются таким успехом, что даже в советской России, где автор не в особом почете из-за своих политических взглядов (он убежденный монархист), перепечатают его произведения, в общем-то те же, что издают в Франции. Там они пользуются большим успехом... от которого Бунину пользы

⁷⁴ L'Œil de Paris. 1933, 18 novembre. P. 5. Отрывок переведен: *Марченко Т.В.* «Венок лауреата ему точно впору». С. 142

⁷⁵ Д.С. Мережковский. «Тайна Запада. Атлантида-Европа» (1930): «В нижнем этаже — пороховой погреб фашизма; в верхнем — советская лаборатория взрывчатых веществ, а в среднем — Европа, в муках родов: мир хочет родить, а рождает войну» (IX); «Кажется, вторая всемирная война будет уже не взаимным истреблением народов, а самоистреблением человечества» (XXVII).

⁷⁶ См.: *Марченко Т.В.* Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). С. 165.

никакой, поскольку, разумеется, государственное издательство в Москве не перечисляет ни гроша авторских гонораров этому «контрреволюционеру».

Понятно, с какой радостью он воспринял новость, которая принесла ему — кроме славы — пустяшные 700.000 франков. Но получают премию в Стокгольме. А путешествия дóроги⁷⁷... и Бунин принужден был обратиться к знакомым, чтобы собрать средства на дорогу в шведскую столицу. Ему тотчас предложили намного больше, чем было нужно.

Не правда ли, трогательно?

«Око Парижа». 25 ноября 1933⁷⁸

История одной Нобелевской премии

По-разному и всегда неточно пересказывают историю об Иване Бунине и Дмитрие Мережковском, гениальном авторе «Леонардо да Винчи». Вот версия, изложенная самим Иваном Буниным во время приема в «Континентале».

Вести, доносившиеся из Стокгольма, говорили, что Нобелевская премия будет присуждена либо Бунину, либо Мережковскому (во всяком случае, не Максиму Горькому). Но сперва считали, что победит Мережковский, гораздо более известный.

Новости эти без промедления достигли Лазурного берега, где живут оба изгнанника. Мережковский тотчас пришел к Бунину.

«У меня к вам предложение, — сказал он ему. — Поговаривают, что Нобелевскую премию дадут одному из нас. Так давайте поделим ее».

Но Бунин, зная, что по слухам премия наверняка достанется Мережковскому, догадался, что его старым другом двигала благородная щедрость, и из гордости наотрез отказался.

Продолжение известно. Тут все задалось вопросом, не изменит ли лауреат свое решение и не согласится ли теперь на дележ. Бунин ничего не сказал. Но друзья не беспокоятся, зная его великодушие.

«Ле Жур». 29 ноября 1933⁷⁹

Иван Бунин, Нобелевский лауреат,
беседует с нами о Ги де Мопассане и Франсуа Мориаке

Отель Мажестик. Номер 267. Беспрестанные телефонные звонки. Смогу ли я вырвать несколько кратких и решительных слов у Ивана Бунина, еще вчера равного в невзгодах Куприну, Мережковскому, Шмелеву, бежавших от большевиков, а ныне избранника фортуны, стоящего особняком? Затруднение: вместе со мной вошла шведская журналистка⁸⁰. Понятно — Иван Бу-

⁷⁷ Около 5.000 франков, по подсчетам Бунина и его близких.

⁷⁸ L'Œil de Paris. 1933, 25 novembre. P. 7.

⁷⁹ Le Jour. 1933, 29 novembre. P. 4.

⁸⁰ По всей видимости, это Эллиен Руделиус, которая беседовала с Буниным в отеле «Мажестик». В статье «Нобелевская премия настгла в кино. Ликование русского Парижа», опубликованной в газете «Дагенс ньухетер» (26 ноября 1933), она

нин третьего числа уезжает в Стокгольм. Но я пришел говорить о Франции, а не о Швеции с автором «Господина из Сан-Франциско» и «Божьего древа» (последнее произведение еще не переведено).

«Позвольте мне самому представиться французскому читателю, — протестует Иван Бунин: старик, тонкие черты лица, гладко выбрит, седые волосы, из дворянской семьи, родился в провинциальном городе в России в 1870 г. — Одни уверяют, что я нежный мечтатель вроде Тургенева, другие склонны находить в моем творчестве богатую фантазию Толстого. Некоторые, наконец, роднят меня с Чеховым... Нет... Мои новеллы — я не говорю о романах — это поэмы, чья ритмическая проза выдает поэта, которым я был вначале...

Но вы правы. Поговорим о французской литературе. Прошлое... Я был молод, и Мопассан покорила меня. Он увлек меня великим мастерством, поэзией фраз... Самое главное в его творчестве — он создал мир новых чувств... Передал ли он душу конца века или дивно воплотил свою глубинную сущность? Какая разница? Вместе с ним читаешь любовь к земле, страсть к жизни и грусть, боль земного бытия... Затем любимым писателем стал Флобер... Но время идет, всё меняется и я меняюсь.

Оригинальность Марселя Пруста зачаровала меня. Но увлечение не было безраздельным... Манера его оставалась мне чужой... Сейчас, когда разглядываю витрины, то выбор делаю быстро... Как только вижу книгу Франсуа Мориака, то тотчас покупаю... Я ставлю его высоко, очень высоко... Я восхищаюсь его тонким психологизмом, острым проникновением в человеческую душу — какие характеры!... Я восхищаюсь не только им... Но всё же предпочитаю его...

Да, я еду в Стокгольм на следующей неделе. Там только что вышел перевод на шведский моего романа... Ловкий издатель...»

Иван Бунин обращается к шведской журналистке. Затем, повернувшись ко мне, добавляет: «Этот роман еще не переведен во Франции. Большая часть моих произведений еще ждет французских переводчиков. И... если они позволят дать им совет... я бы хотел, чтобы они почувствовали мою душу в моем стиле... чтобы они прежде всего были настоящими художниками...»

Я записываю и прощаюсь с Иваном Буниным. Русская литература, столь много перетерпевшая за последние двадцать лет, видит в нем мстителя, снискавшего всеобщий почет благодаря высокой шведской награде.

Марк Семенов.

пересказывает слова писателя: «Некоторые критики сравнивают меня с Тургеневым, но мне это кажется неверным. Тургенев был нежным мечтателем. Я думаю, что я Я САМ в своих стихах. Если с кем у меня и есть сходство из русских, то это с Толстым, хотя я пишу более импрессионистично. Мое мнение о Достоевском? Великий человек, но лично я восхищаюсь Толстым. Я бы еще хотел сказать о моих рассказах, что это не просто описания, но в сущности [au fond] это стихотворения. Собственно, я никогда не [выбирал] между поэзией и прозой, в <моих> стихах не больше ритма, это поэтические формы, вытекающие из одного источника» (Марченко Т.В. Русская литература в зеркале Нобелевской премии. С. 456).

Литература

Бабореко А.К. И.А. Бунин. Материалы для биографии (с 1870 по 1917). М.: Художественная литература, 1967. 332 с.

Боуи Р. Достоевский и «достоевщина» в произведениях и жизни Бунина // Иван Бунин: pro et contra / сост. Б.В. Аверин. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2001. С. 700–713.

Гарциано С.А. Малоизученная франкоязычная литературоведческая критика творчества И.А. Бунина в свете первой волны русской эмиграции // Литературный факт. 2019. № 1(11). С. 312–329.

Елисеев Н.Л. Бунин и Достоевский // Иван Бунин: pro et contra / сост. Б.В. Аверин. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2001. С. 694–699.

Классик без ретуши: литературный мир о творчестве И.А. Бунина: критические отзывы, эссе, пародии (1890–1950-е годы) / под общ. ред. Н.Г. Мельникова. М.: Русский путь, 2011. 912 с.

Кривцова С.А. Личность и творчество И.А. Бунина в оценке французской критики: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Орел, 2008. 220 с.

Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: в 2 кн. Кн. 2. М.: Наука, 1973. 551 с.

Лотман Ю.М. Два устных рассказа Бунина (К проблеме «Бунин и Достоевский») // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 3. Таллинн: Александра, 1993. С. 172–184.

Марченко Т.В. «Венок лауреата ему точно впору»: французская пресса о Нобелевской премии Бунина // От Бунина до Пастернака: русская литература в зарубежном восприятии (к юбилеям присуждения Нобелевской премии русским писателям) / сост., науч. ред. Т.В. Марченко. Вып. 11. М.: Русский путь, 2011. С. 131–151.

Марченко Т.В. Русская литература в зеркале Нобелевской премии. М.: Азбуковник, 2017. 672 с.

Марченко Т.В. Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). Köln; München: Böhlau Verlag, 2007. 626 с.

Петрова Т.Г. Творчество И.А. Бунина в критическом сознании русского зарубежья (по страницам газеты «Последние новости») // Русское зарубежье: история и современность. Вып. 2. М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 184–203.

Полонский В.В. Левая французская печать об И.А. Бунине: к вопросу о формировании идеологической репутации писателя в 1920–1930-е годы // Филологический класс. 2018. № 4 (54). С. 22–28.

Строев А.Ф. «Германия и мир»: интервью Д. Мережковского французской журналистке М. Маркович // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 175–192.

Строев А.Ф. Первые французские переводчики и рецензенты Дмитрия Мережковского (1893–1908) // Русская литература в зеркалах мировой культуры: рецепции, переводы, интерпретации / под ред. М. Надъярных, В. Полонского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 539–573.

Livak L. La dimension littéraire du Studio franco-russe // Revue des études slaves. 2004. Т. 75, fasc. 3-4. P. 473–491.

Livak L. Russian Émigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France: A Bibliographical Essay. Montréal; Kingston: McGill-Queen's University Press, 2010. 584 p.

Martchenko T. Ivan Alexeevitch Bounine, un Russe à Grasse // *Ballade à Nice et dans les Alpes-Maritimes. Sur les pas des écrivains*. Paris, Alexandrine, 2013. P. 213–218.

Rolet S. La découverte de Gorki en France au début des années 1900 // *Les intellectuels russes à la conquête de l'opinion publique française: une histoire alternative de la littérature russe en France de Cantemir à Gorki* / éd. A. Stroev. Paris: PSN, 2019. P. 331–348.

Schor R. *Écrire en exil. Les écrivains étrangers en France 1919–1939*. Paris: CNRS éditions, 2013. 342 p.

References

Baboreko A.K. *I.A. Bunin. Materialy dlia biografii (s 1870 po 1917)* [I.A. Bunin. Materials for biography (from 1870 to 1917)]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1967. 332 p. (In Russ.)

Bowie R. Dostoevskii i “dostoevshchina” v proizvedeniiakh i zhizni Bunina [Dostoevsky and “Dostoevism” in Bunin’s works and life]. *Ivan Bunin: pro et contra*, comp. B.V. Averin. St. Petersburg, Russian Christian Institute for Humanities Publ., 2001, pp. 700–713. (In Russ.)

Garziano S.A. Maloizuchennaia frankoiazycznaia literaturovedcheskaia kritika tvorchestva I.A. Bunina v svete pervoi volny russkoi emigratsii [Little-studied French-language literary criticism of I.A. Bunin’s works in the light of the first wave of Russian émigrés]. *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 1 (11), pp. 312–329. (In Russ.)

Eliseev N.L. Bunin i Dostoevskii [Bunin and Dostoevsky]. *Ivan Bunin: pro et contra* [, comp. B.V. Averin. St. Petersburg, Russian Christian Institute for Humanities Publ., 2001, pp. 694–699. (In Russ.)

Klassik bez retushi: literaturnyi mir o tvorchestve I.A. Bunina: kriticheskie otzyvy, esse, parodii (1890–1950-e gody) [A classic without retouching: the literary world on I.A. Bunin’s work: critical reviews, essays, parodies. (1890–1950s)], ed. N.G. Melnikov. Moscow, Russkii put’ Publ., 2011. 912 p. (In Russ.)

Krivtsova S.A. *Lichnost’ i tvorchestvo I.A. Bunina v otsenke frantsuzskoi kritiki* [I.A. Bunin’s personality and works reviewed in French criticism], PhD Thesis. Orel, 2008. 220 p. (In Russ.)

Literaturnoe nasledstvo. T. 84: Ivan Bunin [Literary heritage. Vol. 84: Ivan Bunin], in 2 books, book 2. Moscow, Nauka Publ., 1973. 551 p. (In Russ.)

Livak L. La dimension littéraire du Studio franco-russe. *Revue des études slaves*, 2004, vol. 75, fasc. 3–4, pp. 473–491. (In French).

Livak L. *Russian Émigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France: A Bibliographical Essay*. Montréal, Kingston, McGill-Queen’s University Press, 2010. 584 p. (In English).

Lotman Iu.M. Dva ustnykh rasskaza Bunina (K probleme “Bunin i Dostoevskii”) [Two oral stories by Bunin (On the issue “Bunin and Dostoevsky”)]. Lotman Iu.M. *Izbrannye stat’i* [Selected essays], in 3 vols. Vol. 3. Tallinn, Aleksandra Publ., 1993, pp. 172–184. (In Russ.)

Martchenko T. Ivan Alexeevitch Bounine, un Russe à Grasse. *Ballade à Nice et dans les Alpes-Maritimes. Sur les pas des écrivains*. Paris, Alexandrine, 2013, pp. 213–218. (In French).

Martchenko T.V. *Russkaia literatura v zerkale Nobelevskoi premii* [Russian literature in the mirror of the Nobel Prize]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2017. 672 p. (In Russ.)

Martchenko T.V. *Russkie pisateli i Nobelevskaia premiia (1901–1955)* [Russian writers and Nobel Prize (1901–1955)]. Cologne, Munich, Böhlau Verlag, 2007. 626 p. (In Russ.)

Martchenko T.V. “Venok laureata emu tochno vporu”: frantsuzskaia pressa o Nobelevskoi premii Bunina [“The Laureate’s wreath fits him perfectly”: the French press on Bunin’s Nobel Prize]. *Ot Bunina do Pasternaka: russkaia literatura v zarubezhnom vospriiatii (k iubileiam prisuzhdeniia Nobelevskoi premii russkim pisateliam)* [From Bunin to Pasternak: Russian literature in foreign perception: To mark the anniversaries of the Nobel Prize for Russian writers], comp., ed. T.V. Marchenko, issue 11. Moscow, Russkii put’ Publ., 2011, pp. 131–151. (In Russ.)

Petrova T.G. Tvorchestvo I.A. Bunina v kriticheskom soznanii russkogo zarubezh’ia (po stranitsam gazety “Poslednie novosti”) [I.A. Bunin’s works in the critical consciousness of the Russian Abroad (based on materials of the newspaper “Poslednie novosti”)]. *Russkoe zarubezh’e: istoriia i sovremennost’* [Russian Abroad: history and modernity], issue 2. Moscow, INION RAN Publ., 2013, pp. 184–203. (In Russ.)

Polonskii V.V. Levaia frantsuzskaia pechat’ ob I.A. Bunine: k voprosu o formirovanii ideologicheskoi reputatsii pisatel’ia v 1920–1930-e gody [Leftist French press on Ivan Bunine: The writer’s literary reputation forming in the 1920–1930s]. *Filologicheskii klass*, 2018, no. 4 (54), pp. 22–28. (In Russ.)

Rolet S. La découverte de Gorki en France au début des années 1900. *Les intellectuels russes à la conquête de l’opinion publique française: une histoire alternative de la littérature russe en France de Cantemir à Gorki*, éd. A. Stroev. Paris, PSN, 2019, pp. 331–348. (In French).

Schor R. *Écrire en exil. Les écrivains étrangers en France 1919–1939*. Paris, CNRS éditions, 2013. 342 p. (In French).

Stroev A.F. “Germaniia i mir”: interv’iu D. Merezhkovskogo frantsuzskoi zhurnalistke M. Markovich [“Germany and World”: Dmitry Merezhkovsky interviewed by the French journalist Marylie Markovitch]. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 1 (15), pp. 175–192. (In Russ.)

Stroev A.F. Pervye frantsuzskie perevodchiki i retsenzenty Dmitriia Merezhkovskogo (1893–1908) [The first French translators and reviewers of Dmitry Merezhkovsky (1893–1908)]. *Russkaia literatura v zerkalakh mirovoi kul’tury: retseptsii, perevody, interpretatsii* [Russian literature in the mirrors of world culture: reception, translations, interpretations]. ed. M. Nadiarykh, V. Polonskii. Moscow, IWL RAS Publ., 2015, pp. 539–573. (In Russ.)

On the French perception of Ivan Bunin in 1933

© 2020, Alexandre Stroev

Abstract: The receipt of the Nobel Prize in Literature by Ivan Bunin (the first of the Russian authors) in 1933 not only became an important event in the writer's fate and Russian émigré life, but also was widely responded in the European (primarily French) press. This issue has long been the subject of research attention, but has not been fully studied yet due to the active discussion of the Nobel campaign, possible candidates for the prize and, finally, the figure of the winner in the contemporary press. In French literary circles, Bunin was not considered a favorite from major Russian writers, being inferior in popularity to M. Gorky and D.S. Merezhkovsky; reporters began to seek meetings and interviews with great interest. The article is supplied with the most revealing newspaper articles and Bunin's interviews, and, by contrast, two Merezhkovsky's interviews, previously not translated into Russian. They show the main paradox — the magical transformation of the author, unknown to French journalists and readers before, into an international celebrity and equally rapid psychological change of Bunin himself.

Keywords: Ivan Bunin, Nobel Prize in Literature, Russian émigré literature, Russian-French cultural relations

Information about the author: Alexandre Stroev, Doctor Hab, Professor, University of Sorbonne Nouvelle, Paris, France. E-mail: alexandre.stroev@libertysurf.fr

Citation: Stroev Alexandre. On the French perception of Ivan Bunin in 1933. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 2 (16), pp. 200–228. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-200-228

КРУГ МЕРЕЖКОВСКИХ

DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-229-242

УДК 821.161.1

Письмо Д.В. Философова к Т.Н. Гиппиус

(Из комментариев к письмам-дневникам Т.Н. Гиппиус 1906–1908 гг.)*

© 2020, М.М. Павлова

Аннотация: Публикация вводит в научный оборот неизвестное письмо Д.В. Философова к Татьяне Николаевне Гиппиус (1877–1957) из архива Мережковских, хранящегося в Русском центре Амхерста (США, Массачусетс). Документ относится к периоду парижской эмиграции Мережковских и Философова 1906–1908 гг., являясь фрагментом обширной семейной переписки тех лет, в которой на правах члена семьи участвовал Философов. Основной массив сохранившейся корреспонденции составляют так называемые «дневники» Т.Н. Гиппиус (ее почти ежедневные письма-отчеты в Париж), в которых прослеживается хроника внутренней жизни неохристианской коммуны Мережковских. Обратная корреспонденция утрачена, за единичными исключениями. Письмо Философова к Т. Гиппиус фиксирует примечательный факт эпистолярного диалога и взаимоотношений корреспондентов, содержит реальный комментарий к ряду сюжетов писем-дневников, вносит новые дополнительные штрихи в картину парижской жизни Мережковских и Философова 1906–1908 гг.

Ключевые слова: Т.Н. Гиппиус, Д.В. Философов, Мережковские, письма-дневники, неохристианская коммуна.

Информация об авторе: Маргарита Михайловна Павлова, д.ф.н., ведущий научный сотрудник, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: mpavlova@gmail.com

Цитирование: Павлова М.М. Письмо Д.В. Философова к Т.Н. Гиппиус (Из комментариев к письмам-дневникам Т.Н. Гиппиус 1906–1908 гг.) // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 229–242. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-229-242

---

* Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного РФФИ (№ 19-012-00188)

Письмо Дмитрия Владимировича Философова к Татьяне Николаевне Гиппиус¹, хранящееся в архиве Мережковских в Центре русской культуры Амхерста (США, Массачусетс), является «осколком» обширной внутрисемейной переписки периода их первой парижской эмиграции (1906–1908)². В эти годы Философов, соединенный с Мережковскими единой религиозной жизнью, духовной близостью и общим бытом, фактически стал членом их семьи.

Большую часть сохранившейся семейной корреспонденции этих лет составляют так называемые «дневники» Т.Н. Гиппиус (почти ежедневные письма-отчеты в Париж)³, адресованные З.Н. Гиппиус, но предназначенные для всего «тройственного союза». Параллельно она вела личную переписку с Д.С. Мережковским и Философовым⁴.

Обратные письма утрачены или до настоящего времени не обнаружены, хотя, как явствует из «дневников», переписка была весьма интенсивной. Мы располагаем лишь двумя ответными посланиями З. Гиппиус (1906)⁵ и единственным письмом Философова (1906), что само по себе заслуживает внимания в контексте взаимоотношений сторон и истории неохристианской общины Мережковских⁶.

Неформальное знакомство Философова с Т. Гиппиус, по-видимому, состоялось в начале 1904 г., когда сестры Зинаиды Николаевны после смерти матери⁷ переехали в квартиру Мережковских в дом Мурузи и присоединились к их богослужениям в домашней церкви. Время от времени в них принимал участие Философов. В дневнике

¹ Татьяна Николаевна Гиппиус (1877–1957) — одна из трех младших сестер З.Н. Гиппиус; художница, книжный иллюстратор, в 1901–1910 гг. обучалась в Высшем художественном училище при Императорской Академии художеств. Наиболее полные сведения и библиографию работ о ней см.: Павлова М.М. Материалы к творческой биографии Т.Н. Гиппиус. (По «дневникам» художницы 1906–1908 гг.). Статья 1 // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 109–144.

² Обстоятельства отъезда из России и пребывания Мережковских и Философова в Париже изложены в работе А.Л. Соболева «Мережковские в Париже (1906–1908)» (Лица: Биографический альманах. Вып. 1. М.: СПб., 1992. С. 319–371) и во вступ. статье в кн.: *Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д.* Царь и революция / Под ред. М.А. Колерова; вступ. статья М.М.Павловой; пер. с фр. О.В. Эдельман; подгот. текста Н.В. Самовер. М., 1999. С. 7–62.

³ Amherst Center for Russian Culture. Merezhkovsky's Papers. Box 2. Folder 16–40. Далее ссылки на архивные материалы данного фонда приводятся в тексте сокращенно: *Amherst*, с указанием номера коробки и папки.

⁴ Там же. Box 4. Folder 23, 24; Box 6. Folder 17.

⁵ Там же. Box 3. Folder 92; Halperine-Kaminsky and Contemporary Collection. Box 2. Folder 98. Публикация сдана в печать.

⁶ См.: Павлова М.М. К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т. Н. Гиппиус). Статьи 1, 2 // Русская литература. 2017. № 3. С. 222–242; № 4. С. 166–194.

⁷ Анастасия Васильевна Гиппиус (урожд. Степанова; 1849–1903).

«О Бывшем» З. Гиппиус вспоминала: «После смерти мамы моей стала явной близость наша с Димой. Наша любовь. Тата тоже подошла к нам в Главном, и Ната, хотя меньше. Наши первые четверги были вместе, в маленькой квартирке. Тихие “вечери любви”, молитвы и белое вино, виноград, хлеб»⁸.

В ту пору Т. Гиппиус, студентка Высшего художественного училища при Академии художеств, еще никак не проявила себя на избранном поприще. В кругу петербургской литературно-художественной элиты ее заметили, главным образом, благодаря принадлежности к писательской семье, позднее — как подающую надежды рисовальщицу⁹.

Находясь во власти религиозных идей Мережковских, Татьяна стала искренней и преданной подвижницей «нового религиозного сознания», церкви их толка и неохристианской общины («Главного») ¹⁰, взяв на себя попечение о младшем «гнезде» (в него входили А.В. Карташев, Н.Н. Гиппиус, В.В. Кузнецов, С.П. Ремизова, первоначально — Андрей Белый)¹¹.

Авторитет старших (Мережковских и Философова) был для нее непререкаемым, она неукоснительно следовала их императивам, зачастую жертвуя собственными интересами, прежде всего занятиями живописью. В июле 1907 г. Карташев, встревоженный настойчивым стремлением Татьяны ехать в Париж (для «Главного»), писал З. Гиппиус: «Тата предана вам с той беззаветностью, безусловной единственностью, на какую способна только женщина. <...> Она только вами и дышит. Без вас для нее нет жизни. Вы ее и без того уже отняли у нас. <...> У вас она в смысле полноты жизни на положении младшей, маленькой и привыкает этим довольствоваться. Вы ее

⁸ Гиппиус З. О Бывшем // Гиппиус З. Дневники: В 2 т. Т. 1 / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 1999. С. 132.

⁹ Подробнее см.: Павлова М.М. Материалы к творческой биографии Т.Н. Гиппиус (По «дневникам» художницы 1906–1908 гг.). Статья 1. С. 109–144.

¹⁰ См.: Пахмус Т.А. Страницы из прошлого: Переписка З.Н. Гиппиус, Д.В. Философова и близких к ним в «Главном» // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1997. М., 1998. С. 70–101.

¹¹ Антон Владимирович Карташев (1875–1960) — историк церкви, приват-доцент Санкт-Петербургской духовной академии, публицист по церковным вопросам, один из руководителей Религиозно-философского общества в Петербурге (1907–1917), министр исповеданий Временного правительства. Наталья Николаевна Гиппиус (1880–1963) — младшая из сестер Гиппиус, скульптор; в 1903–1912 гг. обучалась в Высшем художественном училище при Академии Художеств в мастерской В. А. Беклемишева. Василий Васильевич Кузнецов (1881–1923) — скульптор; в 1901–1905 гг. обучался в Высшей художественной школе при Императорской Академии художеств в мастерской В.А. Беклемишева. Серафима Павловна Ремизова (урожд. Довгелло; 1876–1943) — палеограф, переводчица, жена А.М. Ремизова. Подробнее см. в нашей статье, указанной в примеч. 6 (Статья 1).

этим консервируете. <...> Я помню, когда вы уехали — Тата была как бы во сне, жила только вами, мы были для нее только видениями, необходимыми для полноты ее внутренних переживаний, *плотски, кровно*, отданных всецело вам. Жутко было и безотраднo. Холодно, жить нельзя. Вы хотите снова загипнотизировать ее»¹².

После отъезда «тройственного союза» во Францию каждый, по общему уговору, должен был вести переписку с каждым. В амхерстском архиве, помимо «дневников» Татьяны, сохранились отдельные письма Карташева, Кузнецова и Н. Гиппиус, адресованные Философову, Мережковскому и З. Гиппиус, в которых они рассказывают о повседневных заботах (личных и общинных), формулируют волновавшие их вопросы: об аскетизме и христианском «поле», христианском браке, сохранении евхаристического общения с исторической церковью, о специфике соединения художественного и литературного творчества с их «общим делом» («Главным»).

Письма прочитывались всеми со-общинниками по кругу (в Париже и в Петербурге). Непрерывность общения (молитвенного и эпистолярного) мыслилась старшей Гиппиус как дело связи каждого с каждым и всех со всеми — соединение в единый духовный организм, созидание тела новой церкви.

Переписка Т. Гиппиус с Философовым 1906–1908 гг. была частью их «общего дела». Письма «Димочке» (так обычно обращались к нему Мережковские) по содержанию часто дублируют или дополняют «дневники», но есть в них и специфические струны, которые отсутствуют в письмах-отчетах сестре: стеснительность, смущение перед аристократизмом Философова, мотивы самоуничтожения и самобичевания, признание собственной интеллектуальной и творческой несостоятельности; наконец, обида на него за равнодушие к проблемам младшего «гнезда» и, в противовес, агрессивная защита их «общего дела», которое, как ей казалось, в практическом смысле оставалось у Философова на периферии его личных интересов.

В свою очередь он воспринимал ее как инфантильного недоросля, вечную ученицу, которая хочет во всем походить на старшую сестру («как Зина»), не имея на то серьезных оснований, прежде всего должного интеллектуального багажа. Впрочем, и вся затея с их неохристианской коммуной (младшим «гнездом») представлялась ему бесплодной.

¹² Письма А.В. Карташева к З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковскому и Д.В. Философову // *Pachmuss T. Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus*. Из переписки З.Н. Гиппиус. München, 1972. С. 692.

Т. Гиппиус относилась к Философову как к одному из трех «иерархов» их новой церкви и, вместе с тем, испытывала страх перед ним — авторитетным художественным критиком, который ничуть не скрывал иронического, а то и презрительного отношения к ее занятиям живописью, подсмеивался над «провинциальностью» вкуса, порицал за отсутствие подлинной страсти к искусству. Его прямые и резкие суждения не могли не вызывать у нее болезненной рефлексии.

В своих «дневниках» она нередко жаловалась сестре на Философова, не желавшего вникать в сложность ее положения — «раздирающие» между живописью и «Главным». 13 ноября 1906 г. она писала: «Не справедлив и Димочка, когда судит о степени бездарности по результатам. Результаты ничтожны так, что думаем, не бросить ли? Димочка меня толкает в безнадежность, оттого я и протестую. И без него сомневаюсь, — могу ли я сделать (и не “что-нибудь”, а такое, чтоб мир перевернуть). Для этого нужно иметь веру в то, что можешь идти и верить, а тут надежда, доказательств нет, и Димочка печать кладет: значит, ты никуда»¹³; 20 декабря: «Заниматься искусством, изучать, смотреть, время тратить на заботу об этом только, ни о чем больше не заботиться, не мучиться, кроме этого, работать. Поехать куда-нибудь, в Ярославль, — для этого же. Любовь свою к искусству не растрчивать, не направлять в другое русло, в Главное. <...> Вот так бы жить, как Дмитрий <Мережковский. — М.П.> жизнь прожил в работе и всё для нее. Даже людей презирать хорошо, зато дело сделаешь и людей подвигнешь. <...> Димочка что мне советовал бы? Налечь на рисование, бросить всё безбоязненно, и я буду права? Пусть благословит, — всё брошу, что бросится! Во имя Главного — Главное брошу! Еще что советует? Учиться? Все брошу, во имя Главного брошу, и буду учиться! Пусть благословит. Но тогда не могу думать ни о вопросах, ни о Главном, ни о четвергах, ни о субботах»¹⁴ <...> То есть думать отвлеченно — да, но не мучиться, не жить, а как Бердяев¹⁵. Зато буду в Публичную библиотеку ходить, зато буду

¹³ *Amherst*. Box 2. Folder 26.

¹⁴ Службы и совместные моления в младшем «гнезде» обычно совершались по четвергам и субботам и соответственно назывались Четвергами и Субботами.

¹⁵ О взаимоотношениях Мережковских и Философова с Н.А. Бердяевым, которого они хотели видеть своим со-молитвенником, членом общины, см.: Письма Николая Бердяева / Публ. В. Аллоя // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 9. Paris, 1990. С. 294–325; Новые материалы из амхерстского архива Мережковских. 1. Из неизданной переписки Н.А. Бердяева и Д.В. Философова 1906–1907 годов / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. М.М. Павловой // Русская литература. 2020. № 4 (в печати); 2. Н.А. Бердяев в «дневниках» Т.Н. Гиппиус (1906–1908) / Подгот. текста и примеч. М.М. Павловой // Русская литература. 2021. № 2 (сдано в печать).

до 10 ч. в академической библиотеке сидеть, зато буду в 12 ч. спать ложиться, бодро работать с утра, не нервничать»¹⁶.

Следует заметить, что со временем Философов, оценивший редкие человеческие достоинства Т. Гиппиус — искренность и прямо-ту¹⁷, преданность семье и их религиозному творчеству, — ничуть не смягчил своего отношения к ее художественным занятиям (в 1910 г. она закончила обучение и получила звание «свободного художника»). 12 (24) января 1912 г. он писал ей: «Вы абсолютно лишены способности разбираться, где косная обывательщина и где делается *история*. Вы даже не нюхали, где *делается* история русского искусства. <...> если *миро-искусники* для вас до сих пор “кучка”, то честнее совершенно отказаться от искусства и откровенно сделаться ремесленницей. <...> Вы искусства не любите, оно вам абсолютно чуждо. Вы любите *всех* униженных и оскорбленных. Это очень *свято*, но с искусством ничего общего не имеет. Вы *не* художник»¹⁸.

Публикуемое письмо Философова от 26 декабря 1906 г. (8 января 1907 г.) является ответом на адресованную ему страничку в «дневнике» Т. Гиппиус от 18–21 декабря (см. примечания к публикации). Наиболее ценная и существенная часть этого текста — доверительный рассказ Философова о совместной с Мережковскими жизни в Париже, о его самоощущении в их «тройственном союзе». Особого внимания заслуживают размышления по поводу разногласий, возникших между ним и Мережковскими на почве его сексуальной идентичности и различной трактовки христианского «пола» в новой церкви.

Письмо оборвано, вероятно, его последняя страница затерялась, но и в сохранившейся части оно является примечательным свидетельством эпистолярного диалога корреспондентов и вносит дополнительные штрихи в картину парижской жизни Мережковских 1906–1908 гг.¹⁹

Текст письма воспроизводится по автографу: Amherst Center for Russian Culture. Merezhkovsky's Papers. Box 6. Folder 50; орфография и пунктуация приведены в соответствие с современной

¹⁶ *Amherst*. Box 2. Folder 27.

¹⁷ История взаимоотношений Философова и Т. Гиппиус прослеживается в их переписке позднейшего времени (1910–1919): ОР РНБ. Ф. 481. № 175–181; Ф. 814. № 47.

¹⁸ *Пахмусс Т.А.* Страницы из прошлого: Переписка З.Н. Гиппиус, Д.В. Философова и близких к ним в «Главном». С. 88.

¹⁹ См.: *Гиппиус З.* Собр. соч. Т. 16: Он и мы: Дмитрий Мережковский. Его жизнь и работа / Предисл., подгот. текста и коммент. Р.А. Городницкого и А.И. Серкова. М., 2019. С. 152–210; впервые (с купюрами): *Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. Париж: YMCA-PRESS, 1951. С. 153–181; *Соболев А.Л.* Мережковские в Париже (1906–1908). С. 319–371; *Павлова М.М.* Мученики великого религиозного процесса // *Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д.* Царь и революция. С. 7–54.

грамматической нормой. В примечаниях использованы фрагменты «дневников» Т. Гиппиус; авторское написание фамилии А.В. Карташева — *Карташов* — сохраняется.

Приношу благодарность профессору Стэнли Рабиновичу, профессору Майклу Кунитику и сотрудникам Центра русской культуры Амхерста за содействие в работе.

Д.В. Философов — Т.Н. Гиппиус

26 Дек. 06 / 8 Янв. <1907>

Тата, дорогая.

- 1) *Я* виноват, что не написал Даше¹.
- 2) *Мы* виноваты, что «мало заботимся о вас»².

Я не писал Даше не только потому, что вообще ленив на письма. Мне как-то не хотелось импонировать Дашеньке своими «жилетами». Затем решил, что напишу ей на новый год, и т.д. и т.д. Если найдете нужным, передайте ей мое прилагаемое письмо. Думаю, что мое письмо не помогло бы. Всё равно кончилось бы тем же. Но все-таки простите, и мне было как-то стыдно сегодня получить из вашего письма к Зине отдельную страничку, адресованную мне³. Я же вас обидел, а вы извиняетесь.

А что мало мы заботимся о вас — это, пожалуй, неверно. В чем и как выразить нашу заботу? Вы скажете, чаще писать. Но как писать? Что писать? Мне как-то всегда казалось, что излишняя заботливость вредна. Потому я думал, что и наш отъезд вам полезен. Коли надо было выйти из ампулы «сестры Зинаиды Николаевны», и здесь вы сделали бесконечно много. Читая ваши последние письма, мы всё время радовались. Как вы (Тата) окрепли, сколько в вас самостоятельной, независимой силы. Чувствуется, что вы *в движении*, в постоянном движении, и что вы *не в зависимости* от нас, а *в свободной связи* с нами. Это нас страшно укрепляло, радовало.

Параллель, которую вы проводили между мною и Натой⁴ — очень глубока⁵. Год тому назад, когда вы меня видели чуть не каждый день, вы бы ее не сделали, не сумели бы сделать. А теперь ваш взор стал яснее. Вы невероятно углубились, предоставленная самой себе, вы мощно стали завоевывать себя и ясно чувствуете тот громадный путь, который вы прошли за этот год. Зину же, в конце концов, вы не можете упрекнуть

в отсутствии заботливости. Здесь виноваты больше я и Дмитрий. Но, кажется, издали наше житье-бытье вам представляется совсем другим, чем оно есть на самом деле. Мы освободились «от людей и от вещей»⁶. Но не думайте, что эта свобода легка. Когда внешняя жизнь запутывает, то есть извинения. Вот, мол, кабы то да не это, я бы был совсем другой. Но вот, ни то да ни это нам не мешает, мы одни, свободны, удалены от всего внешнего, и порой начинается отчаяние. Кажется, что ничего не делаешь, что ответственность увеличилась до последнего предела, и руки порою опускаются. Дмитрий всё смеется, что мы, как в «Бесах», на одной соломе лежали и возненавидели друг друга⁷. Мы почти нигде не бываем, никого не выдаем. Мысли, ощущения утончились до крайностей, и порой кажется, что метафизика заела физику. За это последнее время я очень, да и все мы измучились одной крайне важной для меня метафизической драмой. Вы, конечно, представляете себе, что половой вопрос у нас дебатировался. Как-то это началось еще с Натиных писем, о стариках с травой⁸. Говорили об аскетизме и различии между эмпирическим и метафизическим аскетизмом. Дмитрий встал, по-моему, на очень удобную для него точку зрения, что, мол, главное — правильная метафизика. В ней надо сговориться, а потом уж отдельные <?> грехи тогда не к смерти. Мой же озлобленный аскетизм, без метафизич<еского> его отрицания, величайший грех и т.д. Я, Димочка, должен признать, что метафизически пол допускаем лишь как соединение муж<чины> с женщ<иной>. Я должен признать только это соединение допустимым и стремиться к нему. Если же я этого не признаю, то, значит, у меня нет веры, я не верю в чудо и т.д.

Я возражал, что всякую метафизику подписать очень легко, но если она не войдет в плоть и кровь, то цена этой подписи грош и делается просто самооправданием. Как будто то, что Дмитрий согласен со мной в *метафизике* общественности, что-нибудь меняет? Как бы мы в метафизике ни сходились, — мы по существу совершенно разное относимся к общественности, и Дмитрию гораздо легче ввести в себя новую *обществ<енную>* метафизику, чем мне в <себя> половую. Потому что ему не надо для этого перевертывать вверх дном свою физиологию, как мне. Я, конечно, передаю лишь общие штрихи. Долго об этом всем <?> спорили, но между мной, с одной стороны, и Дм<итрием> и Зиной, с другой, росло какое-то недоумение. У меня всё накапливалось убеждение, что среди нас две меры. Одна для меня, другая для Зины и Дмитрия. Они всё оперируют в области сознания и воображают, что сознание = бытию. Когда я что-нибудь возражаю, меня обвиняют в бессознательности. Вместе с тем, я всех больше перевернул все свои привычки, весь свой быт, всё-всё. Дмитрий же с Зиной остались с внешней стороны совершенно такими же и думают, что путешествие в области сознания есть путешествие по земле. (Здесь много преувеличен-

ного, но я всё это им говорил уже в озлоблении.) Они даже привычки не изменили, наоборот, Дмитрий их только усилил, а с меня требуют, чтоб я и физиологию изменил, или, по крайней мере, от нее отрекся, не дойдя до этого отречения свободно.

Но дальше пошло еще хуже.

Надо вам сказать, что Дмитрий начал ухаживать за «девицами». За нашей соседкой Марусей Волковой⁹, а потом за Suzanna и Thérèse Pereira¹⁰, подругами Андреевского¹¹. Т.е., конечно, вздор, не ухаживать, а говорить об ухаживании. Ну, вы знаете Дмитрия и рисуете себе картину. Это всё пустяки. Но главное, что он начал разводить целую теорию. Что, мол, он грешен, страсти бушуют. Проституция — это скотоложство, а романтическое ухаживание за барышнями — это *ступень* к полной свободе. А так как он верит (не то что я, Димочка), что круг будет обширный и в круге пол, то и дело в шляпе. Представьте, что я его поощрял в этом! Причин тому много. Во-первых, я ему завидовал. Во-вторых, теория «ступенек» меня подбадривала. В-третьих, Зина была против, а у нас *фатально* всегда двое против одного. Или я с Дмитрием гложу Зину, или Зина с Дмитрием гложет меня. Почему это — не знаю. Ну, словом, я *искренно* был за Дмитрия. Но вдруг меня прорвало. Изложу факты. У нас по субботам днем идиотские <?> «приемы». *Технически* они очень удобны. Дают нам право в остальные дни никого не принимать. Но морально они действуют угнетающе. Толпа ненужных людей. В предпоследнюю субботу было много народу. Бальмонт с женой, племянник Бальмонтихи Сабашников¹² и две барышни Pereira. И вот «пол» заиграл, да ведь как! Дмитрий за одной, Бальмонт за другой, а Зина между двумя, с особыми вожделениями к Сюзанне. Тут и Бодлер, и душа французской женщины и beaux-art'a¹³, словом, весь багаж декадентского романтизма, покрывающего всё то же самое старое, милое и вечное вожделение. Мы с Борей¹⁴ сидели с Бальмонтихой и Сабашниковым, а Дмитрий с Зиной увивались, забыв даже о существовании Бальмонтихи. Это меня прямо *потрясло*. В конце концов, тоже вожделение, только облеченное в культурный комфорт. Проститутку надо искать, идти в ее поганую квартиру, платить, рисковать заразой, менять привычки. А тут — просто и благородно, ухаживания, возбуждаемые говорением о Бодлере и воображением, что всходишь на ступеньку. *Метафизика* спасена. Для Дмитрия Тереза — ступенька, а для Зины Сюзанна — подтверждение ее теории о двуполости¹⁵. Но какая же разница с Бальмонтом, который распаялся на Сюзанну и говорил совершенно такие же пошлости, что Зина и Дмитрий. А если бы явился красивый юноша и я стал бы так же за ним ухаживать? Что сказали бы Зина и Дмитрий? Словом, гром и молния. Зина сейчас же признала мою правоту, а Дмитрий нет, не сдался, и у меня какое-то озлобление к нему еще усилилось, и я еще больше стал доказывать, что среди нас *две* меры, одна для меня, другая для

Дмитрия. Но слушайте дальше. Как-то мы сидели с Зиной. Читали повесть Кузмина в «Весах»¹⁶. По этому поводу она говорит: «а ведь если бы ты пошел в старую церковь, покаялся, тебя бы к причастию не пустили!» Я весь похолодел. И дальше она прибавляет: «Мы вчера с Дмитрием говорили, он говорит, что с такой метафизикой, как у тебя, нам нельзя идти к таинству». Тут уж я окончательно разозлился. «Значит, я вам мешаю. И достаточно мне подписать метафизический вексель, чтоб всё устроилось! Так нет же, не дам векселя. Оставьте тогда меня. Разойдемся. Я это должен свободно решить, без такого страшного насилия. А метафизике я никакой цены не придаю. Лежа на своих зеленях¹⁷, Дмитрий всю метафизику решил, а как только воплощение, так «ступенька» для самооправдания. «Так не хочу же ничего. Оставьте меня».

Словом, озлобление всё больше и больше. Оно еще питается чем. Я, с бесовской медлительностью, всё время говорю. В Петербурге я был в жилетах¹⁸ или в общественности. Я мешал. Но тут я совершенно свободен. От всего отказался. Чего вы от меня хотите? Если у нас все-таки не клеится, то *не только* я же в этом виноват. Виноваты и вы! А вы по старой привычке всё сваливаете на меня, сводите метафизические концы с концами, а на практике «эротоманы и мазурики», как писал Скиф о Зине¹⁹. Жизнь, конечно, всё замазывает, но до сих пор вопрос стоит ребром и для меня не разрешен. Тут еще примешивается и биография. Мне *дорога* моя аномалия, и я ей благодарен. Я твердо знаю, что она мне во многом помогла, потому что почти с детства дала мне большое страдание и заставила задуматься над многим. Без нее я, может быть, окончательно превратился бы в жилет.

Второе осложнение нашей жизни — <обрыв текста?>

---

¹ Дарья Павловна Соколова — няня сестер Гиппиус, жила вместе с ними; умерла в 1932 г., похоронена на Богословском кладбище в Ленинграде (сообщено А.И. Константиновым).

² Цитата из письма Татьяны к З. Гиппиус от 21 декабря 1906 г.: «По-моему, вы мало о нас заботитесь — доказательство, что Димочка и не подумал написать Даше, хотя, кажется, ясно писала, что невыносимо. Нужно выдернуть почву из-под ног ее, а не озлоблять ее своей личностью, как приходится поневоле делать это мне. К<арташ>ов говорит, что он не уверен, что она его не отравит. И я тоже не уверена, потому что считаю ее больною» (*Amherst. Vox 2. Folder 28*). О сути конфликта см. примеч. 3.

³ Имеется в виду фрагмент письма Т. Гиппиус к З. Гиппиус от 19 декабря 1906 г.: «Нянечка сегодня скандал подняла (как я просила Димочку написать ей письмо! укротить). Тут вышло, в сущности, из-за Ант<она> Владим<ировича>. Не вовремя сказал только: “Да что вы, Даша, ко мне придираетесь?” Она и подняла гвалт: да как вы смеете голос возвышать? Жилец?! “Молчать!” — я на нее закричала, выпихнула за дверь, и дверь стала закрывать. А она ведь, что ты думаешь? Это зачем я перед ним ее унижаю, за К<арташ>ова зачем заступилась, — так она на меня драться — как петух, орет, как торговка. Я уж только бы кончить эту гнусь (разошлась, так не кончила). Прошу К<арташ>ова замолчать, хоч, чтоб он ушел, а он ее убеждает спокойным тоном, а она на него: “Хам! Дурак!” — дрожащим злобным голосом.

Я уж его взяла и посадила: что с сумасшедшей делать. Боюсь еще нервный припадок сделается, вся красная. Говорю, не обращайтесь, пожалуйста, внимания, делайте что надо, а с ней мое дело разговаривать: вы видите — больной человек. Я просила Дм<итрия> Владим<ировича> написать, чтоб помочь переменить ее психологию на сожительность его (К<арташ>ова) с нами; неужели так трудно было *сейчас* же написать. Это пустяки для него, а тут в такой мерзости купаться я не намерена. Куда я ее вышвырну — на улицу, что ли? Конечно, ничего она изменить не может, но я не имею права заставлять Ан<тона> Влад<имириновича> терпеть подобную ругань. Я чувствую ответственность за свои домашние достояния. <...> А Димочка молчит, не помогает» (*Amherst*. Box 2. Folder 28). Письмо Карташева Мережковским по поводу произошедшего скандала с просьбой об участии в нормализации отношений см.: Письма А.В. Карташева к З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковскому и Д.В. Философому // *Pachmuss T. Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus*. С. 669–671.

⁴ Наталья Николаевна Гиппиус.

⁵ По-видимому, Философов подразумевает пассаж из письма Т. Гиппиус от 18 декабря 1906 г.: «Я думаю, что Ната если бы была мужчиной, то была бы Димочкой. И я думаю, что она ненавидела бы себя, презирала бы, ненавидела б женщин. И, может быть, пришла бы к самоубийству. Ты знаешь — у нее яркое ощущение тайны к худу. Нельзя осуждать» (*Amherst*. Box 2. Folder 28).

⁶ В письме от 21 декабря 1906 г. Т. Гиппиус жаловалась сестре на захлапленность квартиры: «Сколько у нас сундуков, укладок, чужих вещей, которые мы не имеем права выбросить <...> что-то гигантское. О Твоих картонках я уже писала: какие-то шляпы всё, тебе не нужные, в комодке тоже» и т.д. (Там же).

⁷ Реминисценция из романа Ф.М. Достоевского «Бесы» (1872), речь идет о Шатове и Кириллове, см. разговор Шатова со Ставрогиним (Ч. 2. Гл. 1: Ночь. IV): «В Америке я лежал три месяца на соломе, рядом с одним... несчастным, и узнал от него, что в то же самое время, когда вы насаждали в моем сердце бога и родину <...> в те же самые дни, вы отравили сердце этого несчастного, этого маньяка, Кириллова, ядом... Вы утверждали в нем ложь и клевету и довели разум его до иступления...»

⁸ Философов имеет в виду эротическую утопию Н. Гиппиус, которую она изложила в письме к З. Гиппиус от 11 сентября 1906 г. (*Amherst*. Box 3. Folder 18), после чего этот текст стал предметом домашнего дискурса Мережковских: «Во-первых, я хочу, чтобы не было ни мужчин, ни женщин, а были бы однополюе все. Т<о> е<сть>, чтобы всем были даны одинаковые возможности. Существовали бы мужские и женские начала, но они могли бы *физически* воплощаться в одном человеке. Если бы у меня, предположим, не хватало женского элемента, я чувствовала, знала бы, что *физически* могу его иметь <...>. Ели бы ровно столько, сколько надо, всё бы рассосалось, наружу не выходило. Но в случае — переешь, то выплевывал бы обратно, потому что не вошло бы. Желаящие иметь детей ели бы особую траву. Есть было бы чрезвычайно приятно и рождать безболезненно. При этом живот бы не рос, потому что раз внутренностей нет, то и места довольно было бы для ребенка. Тага жестоко издевалась или вернее хохотала над моим проектом, как старики траву едят. Говорит, скука дохла была бы. А мне так несколько не скучно, а очень чисто. Теперь гораздо скучнее и главное — бесконечнее. <...> Всё, что говорено относительно “пола”, могу понять наружно, не до дна, неодобрительно, в глубине желая стариков, поедающих траву» (Истории «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из «дневного» Т.Н. Гиппиус 1906–1908 годов / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. М. М. Павловой // Эротизм без берегов. Сб. статей и материалов. М., 2004. С. 400).

⁹ Мария Петровна Волкова (1886–1969) — дочь действительного статского советника П.П. Волкова и фрейлины, графини Марии Николаевны Мусиной-Пушкиной. Сведения о ней см. в примеч. к кн.: *Гиппиус З.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 16 (доп.): Он и мы: Дмитрий Мережковский. Его жизнь и работа. С. 436. О платонической любви Мережковского к Марусе см.: Там же. С. 170–171. Гиппиус называет ее «пушкинской Машей», подчеркивая сходство внешнего образа с героиней «Капитанской дочки».

Сохранились письма М. Волковой к Мережковскому (*Amherst*. Вох 4. Folder 36, 37) и к З. Гиппиус (Там же. Вох 3. Folder 8).

¹⁰ Suzanna и Thérèse Pereira — сведениями об этих лицах мы не располагаем.

¹¹ Сергей Аркадьевич Андреевский (1847–1918) — юрист, поэт-переводчик, автор оригинального сборника «Стихотворения» (СПб., 1886) и «Книги о смерти» (впервые: Ревель, 1922). О дружбе с Андреевским Гиппиус рассказала в очерке «Благоухание седин» (впервые: Современные записки. 1924. № 21), вошедшем в книгу воспоминаний «Живые лица» (впервые: Прага, 1925), а также в автобиографической новелле «Три дамы сердца» (между 1899 и 1904), подробнее см. в нашей публикации: *Гиппиус З. Три дамы сердца*. [Рассказы] // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 6–8, 20–21.

¹² Константин Дмитриевич Бальмонт (1867–1942); Екатерина Дмитриевна Бальмонт (урожд. Андреева, 1867–1950) — переводчица, мемуаристка, вторая жена поэта; ее племянник — Алексей Васильевич Сабашников (1883–1954), агроном, агробиолог, антропософ, брат М.В. Сабашниковой; в 1905–1907 гг. учился в Лейпциге.

¹³ beaux-art'a (*фр.*) — изобразительное искусство.

¹⁴ Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев; 1880–1934) приехал в Париж 1 декабря 1906 г. из Мюнхена и оставался там до конца февраля, в Россию вернулся в первых числах марта 1907 г.

¹⁵ Имеется в виду теория андрогинности З. Гиппиус, во многих пунктах восходящая к идеям Отто Вейнингера, изложенным в книге «Пол и характер. Принципиальное исследование» (1902) и работе Вл. Соловьева «Смысл любви» (1892–1894). Наиболее последовательно эротическая концепция Гиппиус представлена в статьях «Влюбленность» (1904), «Зверобог» (1908); «О любви» (1925), «Арифметика любви» (1931), «Развод?» (1932), «Брак писателя» (1933), а также в интимных дневниках (“Contes d’amour” и др.).

¹⁶ Повесть М. Кузмина «Крылья» опубликована в ноябрьском номере журнала «Весы» (1906. № 11).

¹⁷ *Зеленя* — слово из домашнего обихода Мережковских, значение его неясно, по-видимому, так называли тахту или диван, обитый зеленым сукном.

¹⁸ Т.е. в роли человека, с которым все хотят поделиться своими проблемами, «поплакаться в жилетку».

¹⁹ Речь идет о рецензии: *Скиф Н.* [Соколов Н.М.] З.Н. Гиппиус «Не то. (Ненужная история)». *Весы*. 1906. № 6 // *Русский критик*. 1906. № 9. С. 310–315 (цитата на с. 312).

Литература

Истории «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из «дневников» Т.Н. Гиппиус 1906–1908 годов / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. М.М. Павловой // Эротизм без берегов: Сб. статей и материалов. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 391–455.

Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция / Под ред. М.А. Колерова; вступ. статья М.М.Павловой; пер. с фр. О.В. Эдельман; подгот. текста Н.В. Самовер. М.: ОГИ, 1999. 224 с. (Исследования по истории русской мысли / Под общ. ред. М.А. Колерова. Т. 4).

Павлова М.М. К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т.Н. Гиппиус). Статья 1 // *Русская литература*. 2017. № 3. С. 222–242.

Павлова М.М. К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т.Н. Гиппиус). Статья 2 // *Русская литература*. 2017. № 4. С. 166–194.

Павлова М.М. Материалы к творческой биографии Т.Н. Гиппиус (По «дневникам» художницы 1906–1908 гг.). Статья 1 // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 109–144.

Пахмусс Т.А. Страницы из прошлого: Переписка З.Н. Гиппиус, Д.В. Filosofova и близких к ним в «Главном» // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1997. М.: Наука, 1998. С. 70–101.

Соболев А.Л. Мережковские в Париже (1906–1908) // Лица: Биографический альманах. Вып. 1. М.; СПб.: Феникс, Atheneum, 1992. С. 319–371.

Pachmuss T. *Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus*. Из переписки З.Н. Гиппиус. München: Fink, 1972. 784 s.

References

Istorii “novoi” khristianskoi liubvi. Eroticheskii eksperiment Merezhkovskikh v svete “Glavnogo”: iz “dnevnikov” T.N. Gippius 1906–1908 godov [Stories of “new” Christian love. The Merezhkovskys’ erotic experiment in light of the “Main Thing”: From T.N. Gippius’ “diaries” for 1906–1908], intro., text ed., comment. M.M. Pavlova. *Erotizm bez beregov: Sb. statei i materialov* [Eroticism without shores. A collection of essays and materials]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004, pp. 391–455. (In Russ.)

Merezhkovskii D., Gippius Z., Filosofov D. *Tsar’ i revoliutsiia* [The Tsar and revolution], ed. M.A. Kolerov, intro. M.M. Pavlova, transl. from French O.V. Edel’man, text ed. N.V. Samover, series: Issledovaniia po istorii russkoi mysli [Studies on the history of Russian thought], ed. M.A. Kolerov, vol. 4. Moscow, OGI Publ., 1999. 224 p. (In Russ.)

Pachmuss T. *Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus. Iz perepiski Z.N. Gippius*. München, Fink, 1972. 784 p. (In English and Russ.)

Pachmuss T.A. Stranitsy iz proshlogo: Perepiska Z.N. Gippius, D.V. Filosofova i blizkikh k nim v “Glavnom” [Pages from the past: Correspondence of Z.N. Gippius, D.V. Filosofov and those close to them in the “Main”]. *Pamiatniki kul’tury. Noveye otkrytiia. Pis’mennost’. Iskustvo. Arkheologiia. Ezhegodnik 1997* [Monuments of culture. New discoveries. Writing. Art. Archeology. Annual 1997]. Moscow, Nauka Publ., 1998, pp. 70–101. (In Russ.)

Pavlova M.M. K istorii neokhristianskoi kommuny Merezhkovskikh (na materiale “dnevnikov” T.N. Gippius). Stat’ia 1 [A case study of the Merezhkovskys’ Neo-Christian Community (Through the “Diaries” of T.N. Gippius). Article 1]. *Russkaia literatura*, 2017, no. 3, pp. 222–242. (In Russ.)

Pavlova M.M. K istorii neokhristianskoi kommuny Merezhkovskikh (na materiale “dnevnikov” T.N. Gippius). Stat’ia 2 [A case study of the Merezhkovskys’ Neo-Christian Community (Through the “Diaries” of T.N. Gippius). Article 2]. *Russkaia literatura*, 2017, no. 4, pp. 166–194. (In Russ.)

Pavlova M.M. Materialy k tvorcheskoi biografii T.N. Gippius. (Po “dnevnikam” khudozhnitsy 1906–1908 gg.). Stat’ia 1 [Materials for the creative biography of Tatyana Gippius (Based on the artist’s “diaries” for 1906–1908). Part I]. *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 4 (14), pp. 109–144. (In Russ.)

Sobolev A.L. Merezhkovskie v Parizhe (1906–1908) [The Merezhkovskys in Paris (1906–1908)]. *Litsa: Biograficheskii al’manakh* [Faces: Biographical almanac], issue 1. Moscow, St. Petersburg, Feniks Publ., Atheneum Publ., 1992, pp. 319–371. (In Russ.)

Dmitry Filosofov's letter to Tatyana Gippius

(From comments to T. Gippius' diary letters of 1906–1908)

© 2020, Margarita Pavlova

Abstract: The publication introduces into scientific circulation an unknown letter from Dmitry Filosofov to Tatyana Nikolaevna Gippius (1877–1957) from the Merezhkovskys collection in the Amherst Russian Center (Massachusetts, USA). The document refers to the period of the Merezhkovskys and Filosofov's Paris emigration in 1906–1908, being a fragment of the extensive family correspondence of the period, in which Filosofov participated as a family member. The larger part of correspondence consists of the so-called “diaries” of T.N. Gippius (her almost daily letters-reports to Paris), in which a chronicle of the inner life of the Merezhkovskys' neo-Christian commune is traced. Response letters have been lost, with a few exceptions. Filosofov's letter to T. Gippius captures a remarkable fact of the epistolary dialogue and relations of correspondents, contains a real commentary on a number of plots of “diary” letters, and introduces new additional touches to the picture of the Merezhkovskys and Filosofov's Parisian life in 1906–1908.

Keywords: Tatyana Gippius, Dmitry Filosofov, the Merezhkovskys, diary letters, Neo-Christian commune.

Information about the author: Margarita Pavlova, Doctor Hab. in Philology, Leading Research Associate, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the RAS, St. Petersburg, Russia. E-mail: mpavlova@gmail.com

Citation: Pavlova Margarita. Dmitry Filosofov's letter to Tatyana Gippius (From comments to T. Gippius' diary letters of 1906–1908). *Literaturnyi fakt*, 2020, no 2 (16), pp. 229–242. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-229-242

DOI 10.22455 /2541-8297-2020-16-243-277
УДК 821.161.1

Домашняя парижская библиотека Мережковских: Описание печатных изданий на русском языке*

© 2020, О.А. Блинова

Аннотация: Материал представляет подробное описание русскоязычных изданий корпуса парижского собрания книг Мережковских, проданного В.А. Злобиным в Национальную библиотеку Франции (НБФ, ВпФ). Описание книг даются в алфавитном порядке. Каждая запись содержит подробные библиографические данные, дополнена шифром книги / подборки журналов в каталоге НБФ, а также инвентарным номером и ценой из описи, в которой зафиксирован акт приобретения НБФ домашней парижской библиотеки Мережковских. Чтобы максимально полно ввести в научный оборот пометы Мережковских, в описаниях последовательно даны страницы и строки, выделенные супругами, и приведены все текстовые и нетекстовые маргиналии владельцев. Воспроизводятся также графические особенности помет (цвет, способ, которым они сделаны — чернилами, карандашом и т.д.), что позволяет с большой степенью точности передать многослойность помет, сделанных Мережковскими. Подобное описание представляет особую ценность для исследования их творческого метода и публицистики, а также реконструкции биографии.

Ключевые слова: домашняя парижская библиотека З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского, парижская научная библиотека Д.С. Мережковского, Национальная библиотека Франции (НБФ, ВпФ), эмиграция, русская литература конца XIX — первой трети XX в.

Информация об авторе: Ольга Александровна Блинова, к.ф.н., научный сотрудник, группа восточных, славянских и неоэллинистических исследований (GEO UR1340), Страсбургский университет, Страсбург, Франция; центр Европ–Евразии (CREE EA4513), Национальный институт восточных языков и культур INALCO, Париж, Франция. E-mail: blinova.olga.aleksandrovna@gmail.com

Цитирование: *Блинова О.А.* Домашняя парижская библиотека Мережковских: Описание печатных изданий на русском языке // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 243–277. DOI 10.22455 /2541-8297-2020-16-243-277

---

* Данное описание является приложением к статье: Зинаида Гиппиус за чтением книг из домашней парижской библиотеки // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 353-379.

Русскоязычный корпус парижского собрания книг Мережковских, проданный В.А. Злобиным в Национальную библиотеку Франции (НБФ, ВнФ), состоит из четырнадцати наименований, представляющих на сегодняшний день шестнадцать библиографических единиц: под номером 12 объединены переплетенные в два тома (по полугодиям) выпуски журнала «Христианское чтение» за 1878 г. и «Собрание древних литургий восточных и западных» (1878, выпуск пятый).

Описания книг представлены в алфавитном порядке. Каждая запись, содержащая подробные библиографические данные, дополнена шифром книги /подборки журналов в каталоге НБФ, а также инвентарным номером и ценой из описи¹, в которой зафиксирован акт приобретения научной библиотеки Мережковских НБФ. Систематически указаны также все элементы книг, хранящие следы штампа с инвентарным номером и /или номера сделки купли-продажи (№ 30·468), заключенной 24 февраля 1950 г. между НБФ и В.А. Злобиным. Отметки «обл.» или «пер.» относятся к издательским обложке и переплету. Случаи, когда книги были переплетены заново, оговариваются специально.

Чтобы максимально полно ввести в научный оборот пометы Мережковских, в описаниях последовательно даны страницы и строки, выделенные супругами, и приведены все текстовые и нетекстовые маргиналии владельцев. Если текстовые пометы сделаны в несколько строк, разбивка **рукописного текста** на строки материализована знаком /. Графически передаются зачеркивания и подчеркивания в рукописных текстах. Например, в описании книги Льва Шестова «На весах Иова: Странствования по душам» (№ 14) имеется такое представление маргинальной записи Д.С. Мережковского на с. 273:

Кажется, у Паскаля совсем иное, чем у в других людей, / неземное <окончание -ое продублировано над строкой> пространственное ощущение мира, как / бы иная, нездешняя геометрия не Евклидова, / геометрия нечеловеческая геометрия, <запятая заменена квадратной скобкой> [зависящая / м.б. от иного строения не только души, но и тела].

Знаки / и \ используются, когда строки **печатного текста** отчеркнуты наклонной чертой. Они показывают правый или левый

¹ См.: Registre d'acquisitions du département des imprimés, № 39–40 (Acquisitions 1949–1950), приобретения с 308730 по 308805.

наклон отчеркивания, но не угол наклона. Например, отчеркивание, сделанное Мережковским на с. 288 той же книги, описано так:

«строка 9 отч. слева наклон. чертой /».

Значительное количество помет, особенно Мережковского, многослойно. Чтобы отделить один слой от другого, дана информация о цвете помет и о том, чем они были сделаны (чернилами или карандашом). Если автор помет в одной книге пользовался карандашами разных цветов или карандашом и чернилами, то при перечислении помет, сделанных одним и тем же карандашом, указание на его цвет не повторяется. В целях экономии места указание на простой карандаш опускается. Например, пометы, оставленные Мережковским в книге А.И. Незелёнова «Николай Иванович Новиков, издатель журналов 1769–1785 гг.» (№ 7) на с. 107 с 24 по 37 строку, отражены следующим образом:

строки 24–26 подч. со слова «панацею...» до слова «...духов» и отч. справа дугообр. чертой, повторно отч. строка 25, строки 29–30 подч. со слова «сравнение...» и отч. справа (2 дугообр. черты), строки 32–37 подч. со слова «масон...», строка 33 отч. справа дугообр. чертой, строки 36–37 отч. справа (3 дугообр. черты), строки 32–34 подч. повторно **фиолет. карандаш.** со слова «масон...» до фрагмента «...праотцов“» и отч. справа (2 черты), строки 35–37 подч. повторно со слова «имеет...», строки 34–37 отч. справа (2 черты)

В случае, когда указание на цвет карандаша относится лишь к одной из перечисленных помет, оно дается в скобках. Например, пометы Мережковского на с. 7 и 11 той же книги описаны так:

с. 7: строки 23–25 подч. со слова «заразительная...» и отч. справа двумя дугообр. чертами, строки 23–25 подч. со слова «заразительная...» и отч. справа двумя наклон. чертами // (**фиолет. карандаш.**);
с. 11: строка 22 подч. со слова «Чем...» до слова «...друг», строки 23–26 — со слова «Ум...» до слова «...ума», строки 24–26 отч. справа дугообр. чертой

Орфография цитируемых фрагментов книг и текстовых маргиналий, насколько это возможно, приведена в соответствие с современной грамматической нормой. Очевидные опiski исправлены, чаще всего безоговорочно.

Список сокращений

вертикал.: вертикальный
 волнообр.: волнообразный
 голуб.: голубой
 горизонт.: горизонтальный
 дугообр.: дугообразный
 зелен.: зеленый
 каранда.: карандаш
 кр.: красный
 наклон.: наклонный
 оранже.: оранжевый
 пр.: простой
 сирен.: сиреневый
 фиолет.: фиолетовый
 фраг.: фрагмент
 черн.: черный

***

*21. Барсов Н. Исторические, критические и полемические опыты. — СПб.: Тип. Департамента Уделов, 1879. — [4], VIII, [3], 530, [2] с. — В пер. 8–Н–2479. — Инвентарный номер 308790, цена 1000 франков.

Книга заключена в пер., отличный от издательского. На корешке золотым тиснением выполнен орнамент и надписи на фр. языке: «N. Barsov / Essais historiques / 1879»³

На лицевой стороне переплетной крышки в верхнем правом углу надпись неизв. лица: «2».

На форзаце со стороны книжного блока в верхнем правом углу отмечен идентификационный номер сделки «№ 30·468»; форзац со стороны книжного блока хранит следы газетной вырезки, которая на настоящий момент в книге отсутствует.

На тит. л. в верхнем левом углу надпись неизв. лица: «25», в верхнем правом углу надпись неизв. лица: «2 →».

На об. тит. л. внизу страницы по центру штамп с инвентарным номером «№ 308790».

С. 22: в строке 34 исправлена опечатка; **с. 37:** в строке 39 исправлена опечатка; **с. 38:** строки 15–32 переч. вертикал. чертой **сирен. каранда.** от слова

² Здесь и далее звездочкой отмечены номера изданий, чья принадлежность к библиотеке Мережковских и/или в которых принадлежность рукописных помет Мережковским установлена нами.

³ «Н. Барсов / Исторические опыты / 1879».

«интереса...» до слова «...личною», в строке 20 нажим от слова «имели...» до слова «...личною» сильнее; *с. 44, примеч. 1:* в строках 4–5 **пр. каранда.** «литературу» исправлено на «литературы»; *с. 138:* в строке 32 «Петорбург» исправлено на «Петербургу»; *с. 200:* в строке 27 «убивалось» исправлено в слове и над словом на «убавилось»; *с. 245, примеч. 1:* строки 1–2 подч. **синим каранда.** со слова «записки...» до фраг. «...1863 г.» и отч. справа дугообр. чертой, строки 3–4 подч. со слова «статья...» до фраг. «...Просвещения», справа против строки 3 горизонт. черта; *с. 253:* в строке 32 подч. «истребить посредством сожжения», строки 31–32 отч. справа дугообр. чертой; *с. 254:* строки 38–39 подч. со слова «Стурдза...»; *с. 255:* строка 1 подч. до фраг. «...I-го¹»); *с. 255, примеч. 1:* примеч. подч. и отч. справа дугообр. чертой; *с. 257:* в строке 22 подч. «Д. Галахов, прервал», строки 23–25 подч. со слова «напечатав...», строки 22–25 отч. справа дугообр. чертой, строки 24–25 отч. справа дугообр. чертой; *с. 258:* в строке 8 **пр. каранда.** «помпетентностию» исправлено на «компетентностию»; *с. 285:* в строке 2 дописано слово «гнусные»; *с. 305:* в строке 26 «ролигиозного» исправлено на «религиозного», в строке 37 в слове «немногим» вставлена недостающая буква «г».

*2. Бердяев Н. Новое религиозное сознание и общественность. — СПб.: Издание М.В. Пирожкова, 1907. — L, 233, [3] с. — В обл. 8–R–53468. — Инвентарный номер 308791, цена 1000 франков.

Книга заключена в пер. для НБФ, переплетчик — Р. Раден (R. Radenne).

На обл. в верхнем левом углу наискосок **пр.** и крупнее **кр. каранда.** надпись: «R», в верхнем правом углу **пр. каранда.** отмечен идентификационный номер сделки «№ 30-4<68>»⁴, справа между строками 9 и 10 надпись неизв. лица: «2693».

На об. тит. л. внизу страницы по центру сохранилась лишь верхняя часть инвентарного штампа, но сам инвентарный номер был, видимо, срезан при переплетении книги для НБФ.

С. XLV: строка 18 подч. **кр. каранда.** со слова «Но...» до фраг. «...позор.», справа против строк 18–21 крестик; *с. 16:* строки 20–21 подч. со слова «Заслуги...», строки 26–31 отч. слева дугообр. чертой; *с. 24:* строки 2–4 подч. со слова «Окончательное...» до фраг. «...добра.», слева против строк 3–5 крестик; *с. 33:* строка 31 подч. **пр. каранда.** со слова «мучительной...»; *с. 34:* строки 7–9 подч. **кр. каранда.** со слова «Он...» до слова «...человечество», слева против строк 8–11 крестик, строки 19–22 отч. **пр. каранда.** слева, строки 36–40 подч. **кр. каранда.** и отч. слева дугообр. чертой; *с. 35:* строки 1–9 подч., строки 2–8 отч. справа, справа против строк 4–6 крестик, справа против строки 10 **пр. каранда.** галочка; *с. 37:* строки 11–12 подч. **кр. каранда.** со слова «Дух...» до фраг. «...земле, к»; *с. 38:* слева против строки

⁴ Прочтение номера затруднено, т.к. верхняя кромка книги была, видимо, срезана при переплетении.

33 **пр. каранда.** крестик, строка 35 отч. слева **кр. каранда.** дугообр. чертой; **с. 39:** строки 1–8 отч. слева; **с. 40:** строки 27–32 подч. со слова «Православие...» до слова «...догмат»; **с. 41:** на поле справа между строками 19 и 20 **пр. каранда.** крестик; **с. 42:** на поле слева между строками 7 и 8 крестик, на поле слева между строками 13 и 14 крестик, на поле слева между строками 29 и 30 крестик; **с. 43:** на поле справа между строками 2 и 3 крестик, строки 6–11 отч. справа волнообр. чертой, на поле справа между строками 8 и 9 крестик, строки 19–21 отч. справа волнообр. чертой, справа против строки 20 крестик, на поле справа между строками 22 и 23 крестик; **с. 44:** строки 23–26 отч. слева, на поле слева между строками 25 и 26 крестик; **с. 44, примеч. *:** слева против строк 3–4 крестик; **с. 45:** на поле справа между строками 2 и 3 крестик, строки 22–26 отч. справа, на поле справа между строками 23 и 24 крестик, строки 32–37 отч. справа, на поле справа между строками 34 и 35 крестик, в строке 38 подч. «естественного права», справа против строки 38 крестик; **с. 46:** строки 4–6 отч. слева, на поле слева между строками 4 и 5 крестик, строки 19–24 отч. слева, на поле слева между строками 21 и 22 крестик; **с. 47:** строки 6–8 отч. справа, на поле справа между строками 6 и 7 крестик, строки 9–10 отч. справа, на поле справа между строками 9 и 10 крестик, строка 23 отч. справа; **с. 48:** строки 8–10 отч. слева, слева против строки 9 крестик; **с. 48, примеч. *:** строки 2–4 отч. слева; **с. 49:** строки 3–5 отч. справа (2 черты), справа против строки 4 крестик, строки 20–24 отч. справа, справа против строки 22 крестик, строка 23 подч со слова «объекты...»; **с. 51:** строки 8–9 и 20–23 отч. справа, на поле справа между строками 8 и 9 крестик; **с. 52:** строки 6–11 и 25–33 отч. слева, на поле слева между строками 8 и 9 крестик; **с. 52, примеч. *:** строки 2–4 отч. слева, слева против строки 3 крестик; **с. 53:** строки 13–19 отч. справа, справа против строки 16 крестик, строки 24–29 отч. справа; **с. 54:** строки 9–11, 17–19 и 27–29 отч. слева; **с. 54, примеч. *:** слева против строки 2 крестик; **с. 55:** строки 6–9 отч. справа, справа против строки 7 крестик, строки 12–14 отч. справа, справа против строки 13 крестик; **с. 56:** строки 14–16 отч. слева; **с. 57:** строки 28–31 и 35–37 отч. справа; **с. 58:** строки 8–10 и 25–27 отч. слева; **с. 59:** строки 9–11, 27–31 и 37–40 отч. справа; **с. 60:** строки 24–27 отч. слева; **с. 61:** строки 9–11 отч. справа; **с. 63:** строки 5–7, 8–10, 12–14 и 26–28 отч. справа; **с. 64:** строки 21–24 и 34–36 отч. слева; **с. 65:** строки 4–5, 22–26 и 37–39 отч. справа; **с. 66:** строки 22–25 отч. слева; **с. 67:** строки 31–34 отч. справа; **68:** строки 10–12 отч. слева; **с. 91:** строки 9–38 отч. **кр. каранда.** справа волнообр. чертой; **с. 92:** строки 1–2 подч. со слова «Только...» до слова «...веры», слева против строк 1–3 крестик, строки 13–15 подч. со слова «В...» до слова «...нигилизм», слева против строк 13–16 крестик; **с. 95:** строки 34–36 подч. со слова «Вселенская...» до слова «...человеческой»; **с. 113:** строки 20–23 подч. со слова «Социализм...», строки 20–24 отч. справа; **с. 115:** строки 8–13 подч. со слова «по-истине...» до слова «...богочеловечестве», строки 10–15 отч. справа, в строке 16 подч. «В социализме что-то приоткрывается.»; **с. 119:** в строках 37–38 подч. «о

земном обществе, как о теократии»; *с. 139*: строки 7–10 подч. до слова «...государственность»; *с. 140*: строки 27–30 подч. до слова «...равного»; *с. 141*: строки 12–19 подч. со слова «Толстой...», строки 13–19 отч. справа; *с. 142*: строки 13–21 подч. до слова «...возражений» и отч. слева дугообр. чертой, строки 31–33 подч. со слова «Толстой...» до слова «...Толстой», строки 31–35 и 37–40 отч. слева дугообр. чертой; *с. 143*: строки 1–2 отч. справа; *с. 151*: строки 37–38 подч. со слова «Последовательный...»; *с. 152*: строки 1–4 подч. до слова «...теократии», строки 1–7 отч. слева наклон. чертой /; *с. 180*: слева против строки 5 **пр. каранда.** крестик; *с. 194*: строки 18–21 подч. **кр. каранда.** со слова «но...» до слова «...самодовольства», строки 19–24 отч. слева; *с. 196*: строки 12–16 подч. со слова «Католическая...» до слова «...Христом»; *с. 202*: строки 22–24 подч. со слова «Настали...» до слова «...церкви»; *с. 203*: строки 26–31 подч. со слова «Слишком...» до слова «...земле», строки 28–33 отч. слева дугообр. чертой; *с. 209*: строки 6–10 подч. со слова «всегда...» до слова «...человечества», строки 6–11 отч. справа, строки 17–23 подч. со слова «Воплощенную...» до слова «...миссию» и отч. справа; *с. 211*: строки 6–13 подч. со слова «Судьба...» до слова «...теократии»; строки 6–14 отч. справа, строки 33–35 подч. со слова «первым...» до слова «...иерархизма»; *с. 214*: строки 9–24 и 28–32 отч. **пр. каранда.** слева; *с. 215–218*: правое поле отрезано на 2/3; *с. 218*: строки 31–36 подч. **кр. каранда.** со слова «Но...» до слова «...блудницу»; *с. 219*: строки 2–5 подч. до слова «...озверевают», строки 21–26 подч. до слова «...небе» и отч. справа, строки 32–37 подч. со слова «теократия...» до слова «...Инквизитора» и отч. справа; *с. 221*: строки 26–30 подч. со слова «Иные...» и отч. справа; *с. 223*: строки 15–19 подч. со слова «Чудесное...», строки 21–25 подч. со слова «Органическое...» до слова «...земли», строки 15–27 и 29–33 отч. справа; *с. 224*: строки 10–14 подч. со слова «Первое...» до слова «...земле», строки 25–26 подч. со слова «Предсказано...».

3. Брюсов В. Пути и перепутья. Собрание стихов. Т. 1. Юношеские стихотворения. Это — я. Третья стража. (1892 /1901 г.). — М.: Книгоиздательство «Скорпион», 1907 (на тит. л. 1908 г.). — VIII, 213, [3] с., рис. — В обл. 8-УМ-619(1). — Инвентарный номер 308792, цена 1000 франков.

Книга заключена в пер. для НБФ, переплетчик — Жан Ламбер (Jean Lambert).

На обл. сверху по центру над именем автора **кр. каранда.** надпись: «R», между строками 4 и 5 **пр. каранда.** надпись неизв. лица: «2236».

На авантит. в верхнем правом углу отмечен идентификационный номер сделки «№ 30-468»⁵, над заглавием **черн. чернилами** надпись: «Зинаиде Николаевне / Гиппиус / в знак любви / 1907 <г.> Валерий Брюсов».

⁵ Прочтение номера затруднено, т.к. верхняя кромка книги была, видимо, срезана при переплетении.

С. 2: внизу страницы по центру штамп с инвентарным номером «№ 308792».

*4. **Герье В.** Блаженный Августин. — М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1910. — (Зодчие и подвижники «Божьего царства». Ч. I). — XV, [1], 682 с. — В пер. 8—С—8. — Инвентарный номер 308802, цена 1000 франков.

На лицевой стороне переплетной крышки в верхнем правом углу надпись неизв. лица: «3».

На форзаце со стороны переплетной крышки в верхнем левом углу надпись неизв. лица: «№319», в верхнем правом углу надпись неизв. лица: «=25», ниже и ближе к левому краю **черн. чернилами** надпись неизв. лица: «XI H / 389 / 389 <во фраг. «H / 389» «389» исправлено на «382»>», правее **синими чернилами** надпись неизв. лица: «2793», ниже и правее **пр. каранда.** надпись неизв. лица: «2p».

На форзаце со стороны книжного блока в верхнем правом углу отмечен идентификационный номер сделки «№ 30-468», ниже надпись неизв. лица: «3», вверху по центру надпись неизв. лица: «№ 3109», ниже и левее **синими чернилами** надпись неизв. лица: «2793».

На тит. л. в верхнем правом углу между строками 1 и 2 **пр. каранда.** крестик.

На об. тит. л. внизу страницы по центру штамп с инвентарным номером «№ 308802».

С. VII: в строке 16 подч. **сирен. каранда.** «Божьего царства на земле», в строке 18 — «церковь», в строке 19 — «была его земной» и «(umbra)», строка 18 отч. справа дугообр. чертой, строка 19 — слева наклонной чертой /; **с. IX:** в строке 40 подч. «церковь», строки 41–42 подч. со слова «часть...»; **с. II:** строка 29 подч. со слова «предками...» до фраг. «...бедствий», строки 30–31 подч. со слова «нас...» до слова «...горем» и отч. слева, строки 28–31 отч. справа дугообр. чертой, строки 35–36 подч. со слова «как...» до слова «...мяч», строка 35 отч. справа дугообр. чертой; **с. 12:** строки 14–15 подч. со слова «оплакивать...» до фраг. «...булатом», строка 15 отч. слева наклон. чертой /, в строках 17–18 подч. «из-за любви к Энею», строки 26–27 подч. с фраг. «один и один...», строка 27 отч. слева наклон. чертой /, в строке 33 подч. «Гомер», строки 34–35 подч. со слова «для...» до слова «...горек»; **с. 21:** в строке 21 подч. «был товарищ детства», справа на поле между строками 23 и 24 наклон. черта /, в строке 24 подч. «совратил в манихейство», в строке 25 — «заболел горячкой»; **с. 34:** строка 38 подч. со слова «полюбила...» и отч. слева (2 наклон. черты //); **с. 35:** строки 3–4 подч. со слова «крещение...» до слова «...Амвросий», в строке 12 подч. «манихейн», в строке 14 — ««обманутыми обманщиками»»; **с. 110:** строки 4–8 подч. со слова «Петилиан...» до слова «...жизни», строки 5–7 отч. слева дугообр. чертой, в строке 18 подч. «из обвинения Петилиана», строка 19 подч. до слова «...вывести», строка 20 — до слова «...было», строка 21 —

до слова «... Августина», строки 20–22 отч. слева, строка 23 подч. со слова «ведет...» до слова «... начало», строка 38 — со слова «Великие...», строки 39–41 подч. со слова «отшельничество» до слова «среди», строки 41–42 — со слова «святыя...», в строке 42 слово «sanctimoniales» подч. дважды, строка 40 отч. слева наклон. чертой /, строки 41–42 отч. слева, слева против строк 27–42 снизу вверх от кромки надпись: «Для Безымянной»; *с. III*: строки 2–3 подч. со слова «благочестивые...» до слова «... замуж»; *с. III*: в строке 27 подч. «*общезитие с*», строки 31–32 подч. со слова «родной...» до слова «... миром», строка 31 отч. справа, строка 35 подч. со слова «отцовская...», строки 37–38 — со слова «в...», строки 39–40 — со слова «все...» до слова «... потребностям», справа против строк 38–39 знак ⊗; *с. III*, *примеч. I*: примеч. подч.; *с. III*: в строке 17 подч. «по чину и правилу св. апостолов», строки 29–32 подч. со слова «Посидий...» до слова «... настоятелями», строка 32 отч. слева дугообр. чертой; *с. III*, *примеч. I*: примеч. подч. и отч. слева наклон. чертой /; *с. III*: строки 34–35 подч. **зелен. каранда.** до слова «... имел», строка 34 отч. справа, строки 37–38 подч. со слова «отдающий...» до слова «... блаженным»; *с. III*: строки 3–6 подч. со слова «Вот...» до слова «... грозные», строки 4–5 отч. слева дугообр. чертой; *с. III*: строки 1–2 подч. со слова «Августин...» до слова «... раза», строки 3–6 — со слова «Иероним...» до фраг. «... обол...», строки 3–6 отч. справа жирной чертой, против строки 4 знак ●, строки 7–8 отч. справа, строки 9–10 подч. со слова «обладании...» до слова «... ею», строки 13–15 подч. со слова «Поэтому...» и отч. справа жирной чертой, строки 31–36 подч., строки 30–35 отч. справа, строка 38 подч. со слова «не...»; *с. III*, *примеч. I*: строка 1 подч. **сирен. каранда.** и отч. справа **зелен. каранда.** наклонной чертой /, в строке 2 подч. **сирен. каранда.** «в Притч. Солом. 17, 6», в строке 2 подч. **зелен. каранда.** «Притч. Солом. 17,», строки 3–4 подч. **сирен. каранда.** со слова «У...»; *с. III*: строки 1–3 подч. **зелен. каранда.** и отч. слева; *с. III*: строки 30–31 подч. до слова «... Юлиане», строки 29–30 отч. справа дугообр. чертой, строки 33–34 подч. со слова «В...»; *с. III*: строки 1–4 подч. до слова «... идолу» и отч. слева дугообр. чертой.

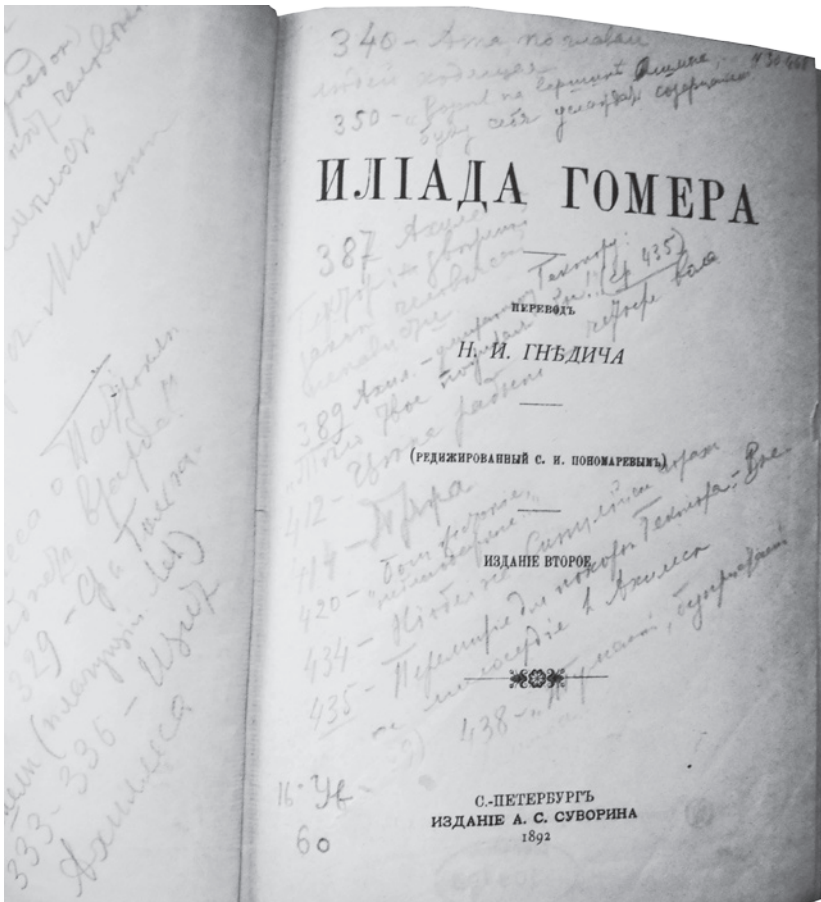
На нахзаце со стороны переплетной крышки рукой Д.С. Мережковского слева столбиком список некоторых помеченных им страниц книги; пометы **сирен. каранда.**: «VII — / IX / 11 / 12 / 34 / 110 / 113 / 114 /»; пометы **зелен. каранда.**: «131 / 132 / 261 Для фр».

*5. Гомер. Илиада Гомера / Пер. с греч. **Н.И. Гнедича** (редажированный С.И. Пономаревым). — 2-е изд. — СПб.: Издание А.С. Суворина, 1892. — LXXXV, [1], 439, [1] с. — В пер. 16–УВ–60. — Инвентарный номер 308795, цена 1000 франков.

На об. форзаца наискосок сверху вниз от левого угла рукой Д.С. Мережковского аннотированный список⁶ некоторых помеченных им страниц

⁶ Список начинается на об. нахзаца. Страницы представлены, в основном, в порядке их появления в тексте «Илиады».

книги: «336 <цифра обведена повторно с нажимом> — Критск<ие> / хоро-
 воды Ариадны / — Дедала / 209 <цифра обведена повторно с нажимом> —
 Снежная / буря. / 210 <цифра обведена повторно с нажимом> — Образец
 мужественной <?> / незлобы <?> к врагам (Сарпедон) / 311. <цифра обве-
 дена повторно с нажимом> — „Из тварей несчастнее нет человеков“... /
 314. <цифра обведена повторно с нажимом> — Афина дает герою сме-
 лость / мухи! / 318 <цифра обведена повторно с нажимом> — Охота на ве-
 пря (ср<авнить> с Микенским / кабаном) / 321 <цифра обведена повторно
 с нажимом> — Плач Ахиллеса о Патрокле / 323 <цифра обведена повторно
 с нажимом> — „О<, > да погибнет вражда!“ / (война) 329 — Ср<авнить>
 с Гильга- / мешем (плачущий лев) / 333 — 336 — Щит / Ахиллеса».

«Илиада Гомера». Титульный лист с пометами Д.С. Мережковского.
 Национальная библиотека Франции (BnF)

На тит. л. в верхнем правом углу отмечен идентификационный номер сделки «№ 30-468»; наискосок сверху вниз от левого угла рукой Д.С. Мережковского продолжение списка: «340 <цифра обведена повторно с нажимом> — Ата, по главам / людей ходящая / 350 <цифра обведена повторно с нажимом> — „Воссев на вершине Олимпа, / буду себя улаждать созерцанием”. / <следующая часть списка находится ниже заголовка> 387 <цифра обведена повторно с нажимом> — Ахиллес и / Гектор: — <тире зачеркнуто> звериный / закон человеческой / ненависти. / 389 Ахил<лес> — умирающему Гектору: / „Тело твое пожирал бы!”. (ср<авнить> 435) / 412 — Цена рабыне — четыре вола / 414 — Пряжа. / 420 — „Боги жестокие, / неблагодарные...” / 434 — Ниобея на Сицилийских горах / 435 — Перемирие для похорон Гектора. — Вне- / запное⁷ милосердие в Ахиллесе / (ср<авнить> 389)⁸ / 438 — „Туманный, беспристанный / Лемнос⁹».

На об. тит. л. в верхнем левом углу наискосок рукой Д.С. Мережковского продолжение списка: «264 — / Эон — дитя<,> / играющее с песочными / кучками (ср<авнить> с Гераклитом)»; внизу страницы по центру штамп с инвентарным номером «№ 308795».

На с. III продолжение списка **кр. каранда.** рукой Д.С. Мережковского: над строкой 1: «387 <цифра заключ. в кружок> — Вечность / войны»; под строкой 7: «103 <цифра заключ. в кружок> — Беллерофонтовы / знаки».

С. 38: стихи 645–647 подч. **пр. каранда.**, в стихе 646 «Гносе» исправлено на «Кносе», в стихе 647 «Милет» исправлено на «Милат», в стихе 648 «Фест» подч. жирной чертой, стихи 648–650 подч. со слова «многолюдные...», стих 652 подч., стихи 645–652 отч. слева жирной чертой; **с. 42:** стихи 811–815 подч. до слова «...разделились», справа против стиха 814 надпись: «σῆμα», стихи 812–815 отч. слева дугообр. чертой, на поле слева от стиха 814 до верхней кромки страницы снизу вверх надпись: «Мирин <так> — Амазонка = „многопляшущая” (Ариадни- / на <?> ножка?)»; **с. 44:** стих 867 подч. до слова «...Каров» (слово «Каров» подч. дважды), стих 867 отч. справа наклон. чертой /, слева против стиха 867 крестик, стихи 868–869 отч. слева; **с. 50:** в стихе 161 подч. «Приам», в стихе 184 — «быв во Фригийской земле», стих 185¹⁰ подч. до слова «...Фригиан», подч. стихи 187–188; **с. 51:** подч. стих 189, справа против стиха 189 крестик; **с. 99:** в стихе 22 обведен фраг. «Абарбареей наядой» и подч. «Буколиону», справа против стихов 21–22 надпись «гд<авное>», в стихе 39 подч. «об», в стихе 39 подч. и отч. с обеих сторон «мириковый куст»; **с. 102:** подч. стихи 146–149, в стихе 150 подч. «Если ж ты хочешь, тебе и» (подчеркивание аннулировано волнистой чертой), стихи 146–150 отч. слева (2 черты, ближняя к тексту — жирная); **с. 103:** в стихе 164 подч. **кр. каранда.** «Белле-

⁷ Фрагмент стерт ластиком, восстановлен по смыслу.

⁸ Фрагмент частично стерт ластиком.

⁹ Слово стерто ластиком, восстановлено по отмеченному Д.С. Мережковским тексту на стр. 438.

¹⁰ В данном издании стих 186 ошибочно отмечен номером 185.

рофонта), стихи 168–170 подч. **пр. каранда.** со слова «знаки...» до слова «...показать», справа против стиха 169 крестик, стихи 168–170 подч. повторно **кр. каранда.** со слова «злосоветные...» до слова «...показать» и отч. справа дугообр. чертой; **с. 108:** подч. **пр. каранда.** стихи 357–358, слева против стихов 357–358 крестик; **с. 109:** стихи 429–430 подч. и отч. справа дугообр. чертой; **с. 110:** отч. слева стихи 443–473, стихи 466–473 подч. и отч. повторно слева дугообр. чертой; **с. 111:** подч. стих 474, стихи 474–475 отч. справа дугообр. чертой, стихи 483–485 подч. со слова «дитя...», стихи 483–484 отч. справа дугообр. чертой; **с. 114:** в стихе 18 обведено слово «Филомедузой», справа против стиха 18 надпись «ГД<авное>»; **116:** стихи 85–91 подч. и отч. слева, слева против стихов 87–90 «NB»; **с. 119:** стихи 210–216 подч. со слова «свел...», стих 210 отч. справа наклонной чертой /, стихи 211–213 отч. справа (2 дугообр. черты), стихи 214–218 отч. справа (подчеркивание аннулировано волнистой чертой), справа от стиха 212 к стиху 219 нарисована волнистая стрелка, справа от стиха 217 к стиху 211 нарисована стрелка, стихи 219–220 подч. до слова «...художник» (слово «художник» подч. повторно жирной чертой и отч. слева наклонной чертой /), в стихе 221 слово «Тихий» подч. жирной чертой и отч. с обеих сторон наклон. чертами (слева от слова «Тихий» к стиху 214 нарисована стрелка); **120:** в стихе 233 подч. «Гектор великий» (имя существ. подч. выгнутой книзу чертой, имя прилаг. — горизонт. чертой), в стихе 234 — «Аякс благородный» (имя существ. подч. выгнутой книзу чертой, имя прилаг. — горизонт. чертой), подч. стихи 256–257, в стихе 256 фраг. «пожиратели крови» отч. с обеих сторон наклон. чертами /, в стихе 257 слово «звери» отч. с обеих сторон наклон. чертами /, стихи 256–258 отч. слева, слева против стихов 256–258 крестик, от стиха 256 к стиху 289 на странице 121 нарисована черта со стрелками с обеих сторон; **с. 121:** стих 282 подч. и отч. справа наклон. чертой \, стихи 279–282 отч. справа дугообр. чертой, справа против стихов 280–284 наискосок сверху вниз надпись: «Чудесно!», стихи 287–289 подч. со слова «отвечал...» и отч. справа дугообр. чертой, справа против стихов 287–299 наискосок сверху вниз надпись: «Только что / едва были / оба как / звери!», подч. стих 293, слева против стиха 293 крестик, в стихе 297 «длинные ризы влачащих Троянок» подч. и отч. (слева наклонной /, справа дугообр. чертой), справа против стиха 297 крестик, справа против стихов 297–299 наискосок сверху вниз надпись: «Чудесно!», стихи 299–302 подч., слева против стихов 298–302 снизу вверх надпись: «Чудесно!», стихи 303–305 отч. справа вертикал. и дугообр. чертами; **с. 128:** стихи 19–20 подч. со слова «Цепь...» до фраг. «...Все до», стихи 20–21 отч. слева; **с. 129:** стихи 23–26 подч. и отч. справа (2 черты); **с. 130:** подч. стихи 64–65, слева против стихов 64–65 крестик, в стихе 97 подч. и отч. с обеих сторон «Одиссей, благородный страдалец»; **с. 136:** в стихе 301 подч. «Гектора», в стихе 302 — «невинного Горгифона», в стихе 303 — «в грудь поразил он стрелой», стихи 306–308 подч. и отч. слева дугообр. чертой; **с. 145:** стихи 63–64 подч. и отч. справа дугообр. чертой, справа против

стихов 63–64 крестик; **с. 153:** стихи 381–384 подч. со слова «Фивы...», стихи 381–385 отч. справа, стихи 381–385 отч. справа (**оранж. каранда.**); **с. 156:** подч. стихи 487–488 и 490–491, стихи 488–491 отч. слева дугообр. чертой, подч. стихи 502–509, стихи 504–510 отч. слева дугообр. чертой; **с. 163:** стих 21 подч. до слова «...одеял», стихи 23–24 подч. и отч. справа дугообр. чертой, стихи 29–30 подч. со слова «широкие...» до слова «...пестрой»; **с. 171:** стихи 334–335 подч. со слова «покрылся...» до слова «...надел», справа протав стиха 334 крестик; **с. 208:** подч. стихи 278–279; **с. 209:** подч. стихи 280–286, стихи 280–285 отч. справа дугообр. чертой; **с. 210:** стихи 326–329 подч. со слова «теперь...» до слова «...Сарпедон» и отч. слева, слева против строк 327–329 крестик; **с. 226:** стихи 343–344 подч. дважды со слова «Подлинно...», справа и слева против стиха 344 крестик, на левом поле страницы от стиха 347 и до верхней кромки надпись: «Душа Гомера робкая, мирная, до-ахейская (микен- <?> / ская).»; **с. 227:** в стихе 392 подч. «Азий», стихи 392–393 подч. со слова «лежал...», справа против стихов 392–393 крестик; **с. 228:** в стихе 424 подч. «Идоменей», в стихе 426 — «от Ахейя», справа против стихов 424–492 наискосок сверху вниз надпись: «**вождь Ахейя** / <две буквы зачеркн.> связь / Крита с / Ахейцами, / а не Троян- / цами!»; **с. 229:** подч. стих 445 и стихи 449–453, справа против стихов 450–452 крестик; **с. 232:** в стихе 582 «угражая» исправлено на «угрожая», стихи 588–590 подч. и отч. слева жирной чертой; **с. 233:** стихи 615–617 подч. и отч. справа дугообр. чертой, справа против строк 615–617 надпись: «!», в стихе 633 подч. «племенам нечестивым», стих 634 подч. со слова «насильствами...», в стихе 635 подч. «Лютым убийством насытиться», подч. стихи 636–637, стихи 633–637 отч. слева; **с. 234:** подч. стихи 638–639, слева против стихов 638–639 крестик; **с. 235:** подч. стихи 703–708, стихи 703–709 отч. справа (2 дугообр. черты); **с. 236:** в стихе 724 фраг. «шумную ветрами Троию» подч. и отч. с обеих сторон наклон. чертами /; **с. 243:** в стихе 157 подч. «на высях сидящего», в стихе 157 подч. жирной чертой и отч. с обеих сторон наклонными чертами (/) «Иды, потоками шумной»; **с. 247:** в стихе 283 подч. «Иду, зверей многоводную мать», справа против стихов 281–283 крестик; **с. 248:** стихи 347–351 подч. и отч. слева; стихи 348–350 отч. слева дугообр. чертой; слева против стихов 346–349 наискосок снизу вверх надпись «Ср<авнить> 243.», в стихе 353 подч. «на вершине Идеической»; **с. 264:** стихи 361–366 подч. со слова «рассыпал...» до слова «...Ахейя», стихи 362–366 отч. слева (**пр.** и повторно жирной чертой **синим каранда.**), на левом поле снизу вверх от стиха 376 до стиха 346 надпись: «Ср<авнить> с Гераклитом: Эон (**бог — вечности**) <фраг. «(**бог — вечности**)» приписан над строкой> есть дитя, / играющее в кости: царство — детям (<две буквы нрзб.>. 79)» (за исключение фраг. «(**бог — вечности**)» и «играющее в», надпись подч. **оранж. каранда.**), поверх слова «играющее» надпись: «ср<авнить> Л. 876—» (**оранж. каранда.**); **с. 276:** подч. стихи 7–10, стихи 7–11 отч. слева (2 дугообр. черты); **с. 280:** в стихе 155 подч. **кр. каранда.** «порой Ахиллес, обходя», стихи 157–165 подч. до

слова «...Реяли», в стихе 166 подч. «Боем пылая», стихи 154–161 и 164–167 отч. слева; **с. 282:** подч. **пр. каранда.** стихи 233–235, стихи 233–236 отч. слева дугообр. чертой; **с. 292:** подч. стихи 633–634, слева против стихов 633–634 крестик, стихи 641–643 подч. со слова «Подобно...», слева против стиха 642 крестик; **с. 301:** стихи 53–58 подч. со слова «маслина...» и отч. справа дугообр. чертой; **с. 311:** в стихе 441 подч. «Зевс», стих 442 подч. со слова «в...» до слова «...душевной», подч. стихи 446–447, справа против стихов 446–447 крестик, в стихе 453 «дарю» исправлено на «дарую»; **с. 314:** в стихе 560 подч. «Менелай», подч. стихи 569–573, стихи 568–573 отч. слева дважды (вертик. и дугообр. черты), слева против стихов 568–571 надпись: «!»; **с. 318:** стихи 725–729 подч. со слова «псы...», стихи 725–730 отч. слева дугообр. чертой, слева против стихов 716–732 снизу вверх надпись: «Микенский кабан»; **с. 321:** стихи 22–30 отч. справа (2 дугообр. черты); **с. 322:** стихи 31–37 отч. слева, стихи 38–39 подч. до слова «...явилась», стихи 38–48 отч. слева (2 черты); **с. 323:** стихи 80–82 подч. со слова «потерял...», стих 81 отч. справа дугообр. чертой, справа против стихов 81–92 сверху вниз наискосок надпись: «Ср<авнить> с / плачем Гильгамеша об / Энчиду¹¹-Эабани», стихи 98–99 подч. до слова «...убийцы», подч. стих 101, стихи 99–101 отч. справа дугообр. чертой, стихи 104–105 подч. до слова «...муж», подч. стихи 107–110, стихи 107–109 отч. справа дугообр. чертой, справа против строк 107–108 надпись: «NB», стих 110 отч. справа дугообр. чертой; **с. 324:** подч. стихи 125–126, слева против стиха 126 крестик; **с. 329:** стихи 316–322 подч. со слова «Ахиллес...» и отч. справа дугообр. чертой, справа против стихов 317–324 наискосок надпись: «Ср<авнить> с / Гильгамешем»; **с. 333:** подч. стихи 481¹²–483, стихи 503–505 подч. со слова «старцы...», стих 503 отч. справа дугообр. чертой, стихи 481–508 отч. справа дугообр. чертой; **с. 334:** в стихе 513 «зесаде» исправлено на «засаде», подч. стихи 542–543, стихи 509–547 отч. слева; **с. 335:** стихи 569–571 подч. до слова «...нежным», в стихе 570 фраг. «льняные струны» зачеркнут, стихи 569–570 отч. справа дугообр. чертой, справа против стихов 568–570 надпись: «воспевает Линоса», стих 572 отч. справа дугообр. чертой, отч. справа стихи 548–586; **с. 336:** подч. стихи 590–596, в стихе 591 слово «древле» отч. с обеих сторон наклон. чертами /, в стихе 591 слово «Кноссе» подчеркнуто повторно жирной чертой, слева против стихов 591–592 крестик, стихи 595–596 отч. слева, слева против стихов 593–595 надпись: «NB» (подч. трижды), стихи 599–602 подч. и отч. слева дугообр. чертой, стихи 604–606 отч. слева; **с. 340:** стихи 91–94 подч. и отч. слева (жирной вертик. и дугообр. чертами), слева против стихов 92–95 наискосок надпись: «Ate¹³»; **с. 350:** стихи 22–23 подч. со слова «воссев...» до слова «...созерцанием» (слово «воссев...» отч. слева, слово «...созерцанием» отч. справа наклонной чертой /), в стихе 23 подч. «Вы же, о боги», слева против стиха

¹¹ В современном прочтении — Энкиду.

¹² В данном издании стих 480 ошибочно отмечен номером 580.

¹³ Латинское имя Аты, богини Обиды.

23 крестик, подч. стих 25 и стихи 31–32, слева против стихов 31–32 крестик; *с. 351*: в стихе 75 фраг. «Так устремлялися боги противу богов» подч. и отч. с обеих сторон наклон. чертами /; *с. 387*: стихи 262–267 подч. и отч. справа дугообр. чертой, справа против строк 263–266 надпись: «NB» (обведена в кружок **кр. каранда.**), повторно (**кр. каранда.**) отч. дугообр. чертой стихи 262–267; *с. 389*: стихи 338–339 отч. справа, стихи 340–343 отч. справа дугообр. чертой, стихи 345–348 подч. до слова «...не», стих 347 подч. повторно жирной чертой, стихи 345–346 отч. справа дугообр. чертой, справа против стихов 346–347 надпись: «NB», подч. стихи 354 и 358; *с. 390*: в стихе 376 подч. «Ахиллес», в стихе 393 — «повержен божественный Гектор», стихи 395–398 подч. и отч. слева дугообр. чертой; *с. 391*: стихи 399–404 отч. справа дугообр. чертой, подч. стихи 405–408, стих 408 и стихи 409–412 отч. справа, стихи 417–419 отч. справа дугообр. чертой, стих 420 подч. со слова «он...»; *с. 392*: подч. стихи 447–448, стихи 447–449 отч. слева дугообр. чертой; *с. 412*: стихи 704–706 подч. со слова «он...» до слова «...наконец», слева против стихов 704–705 крестик; *с. 414*: стихи 760–762 подч. со слова «как...», слева против стихов 761–763 крестик, стихи 771–772 отч. слева дугообр. чертой, подч. стихи 774–778, стихи 774–777 отч. слева, подч. стихи 781–784, стихи 779–784 отч. слева; *с. 420*: в стихе 33 подч. «Боги жестокие, неблагодарные!», слева против стиха 33 крестик; *с. 434*: подч. стихи 602–603 и 613–617, стихи 614–617 отч. слева (вертик. и дугообр. чертами); *с. 435*: подч. стихи 657–658, стихи 657–664 отч. справа дугообр. чертой; *с. 436*: подч. стихи 670–672, стихи 666–670 отч. слева дугообр. чертой; *с. 438*: стих 753 подч. со слова «туманный...» до слова «...Лемнос», слева против стиха 753 крестик; *с. 439*: с. 439 ошибочно пронумерована как 339.

На с. 440 наискосок сверху вниз рукой Д.С. Мережковского продолжение аннотированного списка: «226 — Мирная / душа Гомера (до-ахейская) / 232 — Веяло / 233 — Глаза выбитые падают / на землю. Мерзость война <так> / 235 — Два Аякса — Два вола, запряженные / в плуг. / 236 — „Шумная / ветрами Троя.“ / 243 — Ида, Потоками, / водами шумная / Ида. / 247 — Ида — зверей много- / водная мать (Кубаба) / 276 — Патрокл — плачущая девочка <строка находится на левом поле страницы, надпись сделана снизу вверх> / 282 — Зевс <эта и последующие строки списка находятся ниже примеч. 15> / Пеласгийский, / Додонский. Селлы / 292 — Летние / мухи над молоком / 301. — Как буря / валит маслину.»

На об. нахзаца рукой Д.С. Мережковского начало аннотированного списка. *В правом столбце* наискосок сверху вниз: «38 — Критяне / Идомоней»¹⁴ / 229 — Минос <эта строка вклинена с помощью острого угла между надписями «Критяне» и «Идомоней»> / 44 — Карийцы — / варвары — союзники / Троян», правее с нажимом: «92 — Até¹⁵ = <фраг.

¹⁴ Этот фрагмент составляет третью строку списка, но по смыслу и по графическим пометам (стрелочка) должен следовать за словом «Критяне».

¹⁵ Французское написание имени Аты.

«92 — Até =» залоч. в овал> Дева / обида <нижняя часть фраг. «Дева / обида» обведена выгнутой книзу чертой>» / затем без нажима: «114 — Филомедуза / 99 — Абарбаря наядя / 102 — Люди, как <слово приписано над строкой> листья, по- / гибает / 103 — Письмена. / 108 / 116 — Слава Гетѳ Гектора <слова «Гетѳ Гектора» приписаны над строкой> в будущих / веках. Чувство истории / 119 — „Художник Тихий” <слово «Тихий» подч. дважды, второй раз с нажимом > / 120 — Гектор и Аякс — / „звери”, и за то прослав- / ляется их примирение / трогательное». **В левом столбце** наискосок сверху вниз: «128 / 280 <кр. каранда. > / 121 — „Покориться / и ночи приятно / 129 — Цепь / золотая с неба / 136 / 145 — О междуусобной / брани / 153 — Фивы Египтян» <строка подч. **оранж. каранда.**> / 156. / 163 / 171. — / Хорьковский / шлем».

*6. Лесков Н.С. Соборяне: Старгородская хроника. — Берлин: Издательство И.П. Ладыжникова, 1921. — 485, [3] с. — В пер. 16–У2–9819. — Инвентарный номер 308796, цена 1000 франков.

На лицевой стороне переплетной крышки в верхнем правом углу надпись неизв. лица: «10».

На форзаце со стороны книжного блока в верхнем правом углу отмечен идентификационный номер сделки «№ 30·468».

На авантит. в верхнем правом углу издательская марка.

На об. тит. л. внизу страницы по центру штамп с инвентарным номером «№ 308796».

С. 88: строки 9–10 подч. со слова «христианство...» до слова «... проповедано», слева против строки 10 крестик; **с. 231:** строки 8–10 отч. справа дугообр. чертой, справа против строк 8–9 крестик; **с. 277:** отч. справа строки 15–17, строки 15–18 отч. справа квадратной скобкой.

На нахзаце со стороны переплетной крышки вверху ближе к левому углу рукой Д.С. Мережковского надпись: «88».

*7. Незеленов А.И. Николай Иванович Новиков, издатель журналов 1769–1785 гг. — СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1875. — XV, 447 с. — В пер. 8–М–28181. — Инвентарный номер 308797, цена 1000 франков.

На лицевой стороне переплетной крышки в верхнем правом углу надпись неизв. лица: «8».

На форзаце со стороны книжного блока в правом верхнем углу отмечен идентификационный номер сделки «№ 30·468», ниже рукой Д.С. Мережковского список¹⁶ публикаций, составленный на основе цитируемых в книге Незеленова источников:

«Достать: В<естник> Е<вропы> 1868 № 6 и «№ 6 и» приписано над строкой» № 7, Пыпин „Рус<ское>

масс<онст>во <так в тексте> до Новикова.”

¹⁶ Мы попытались максимально точно воспроизвести авторское расположение списка с горизонтальными линиями, разделяющими его составные части.

Вес<тник> Евр<опы> 1867 № 2, 3, 4. Пыпин
Русское масонство <так в тексте> <в> 18 в.

Лонгинов. Новиков и
московск<ие> мартинисты
М. 1867.

стр<аница> VIII статьи Ешевского
о массонах <так в тексте> (Р<усский> В<естник> 1857 № 21
и 1864).

Пыпин. Материалы для
истор<ии> масонских <так в тексте> лож
Вестн<ик> Евр<опы> 1872 № 1, 2 и 7.

Русс<кая> Беседа 1859 <9 исправлено на 6 (фиолет. каранда.)> № 1 <1
исправлено на III (фиолет. каранда.)> Безсонов <слово написано в одну
строку с предыдущим>
Биограф<ия> Невзорова

Записка <послед. буква исправлена на и> Лопухина. „Чтения”
кн. II и III 1860 г.

Пекарского. Дополн<ения> к ис<то>рии
мас<онст>ва в России. СПб. 1869 (см. стр<аницу> 85)
Рус<ская> Беседа 1859. № 1. С.Т. Аксакова.
„Встреча с мартинистами”.

С. IV: внизу страницы по центру штамп с инвентарным номером «№ 308797»; *с. VI:* в строке 29 подч. «г. Пыпин» (дважды), в строке 32 — «„Русское масонство в 18 в.”⁷», строка 32 отч. слева наклонной чертой /; *с. VI, примеч. 7:* примеч. обведено, ниже слева от примеч. надпись: «Достать»; *с. VII, примеч. 2:* примеч. подч., справа против примеч. знак решетки; *с. VIII:* строки 25–27 подч. до фраг. «...Невзорова⁵», слева против строки 27 знак решетки; строки 28–29 подч. с фраг. «С. Т. Аксаков...» до слова «...масонами⁶», строка 29 отч. слева наклон. чертой /; *с. VIII, примеч. 3:* примеч. 3 подч., примеч. 3 отч. слева (2 наклон. черты //), против примеч. 3 надпись: «Достать»; *с. VIII, примеч. 4:* строки 4–5 подч. со слова «Матерьялы...», примеч. отч. слева, слева против примеч. надпись: «Достать»; *с. VIII, примеч. 5 и 6:* примеч. 5 и 6 подч. и отч. слева (2 наклон. черты //), против примеч. 5 и 6 надпись: «Достать»; *с. IX:* строка 3 подч. со слова «Лонгинов...» до слова «...мартинисты», строки 1–4 отч. справа; *с. IX, примеч. 1:* строки 1–2 подч. до слова «...помеч.», строки 1–2 отч. справа дугообр. чертой, справа над строкой 1 надпись: «Важно», справа против строк 1–2 надпись: «Достать» (подч. трижды); *с. XIII:* в строке 5 подч. «Новикова», строки 8–9 подч. со слова «мистические...» до слова

«...Трудолюбец» и отч. справа двумя дугообр. чертами; **с. 2, примеч. 4:** примеч. подч. и отч. слева дугообр. чертой, слева против примеч. надпись: «Достать»; **с. 7:** строки 23–25 подч. со слова «заразительная...» и отч. справа двумя дугообр. чертами, строки 23–25 подч. со слова «заразительная...» и отч. справа двумя наклон. чертами // (**фиолет. каранда.**); **с. 11:** строка 22 подч. со слова «Чем...» до слова «...друг», строки 23–26 — со слова «Ум...» до слова «...ума», строки 24–26 отч. справа дугообр. чертой; **с. 18:** строка 21 подч. со слова «модное...» до слова «...свободу» и отч. слева наклонной чертой /; **с. 21, примеч. 2:** примеч. 2 подч. и отч. справа (2 дугообр. черты); **с. 49:** строки 6–7 подч. со слова «Самые...» до фраг. «...2.» и отч. справа двумя дугообр. чертами, строки 6–7 подч. со слова «Самые...» до фраг. «...2.))» и отч. справа двумя дугообр. чертами (**фиолет. каранда.**); **с. 59:** строка 26 подч. со слова «В...» до слова «...собрания», строки 27–32 — до слова «...правительстве», строки 27–30 отч. справа дугообр. чертой, строки 27–30 отч. справа двумя чертами (**фиолет. каранда.**); **с. 75:** строки 26–32 подч. со слова «я...» до слова «...обузданы», отч. справа дугообр. чертой строки 26–31, строки 26–32 подч. со слова «я...» до слова «...обузданы» (**фиолет. каранда.**), отч. справа дугообр. чертой строки 26–31 (**фиолет. каранда.**); **с. 76:** строки 3–4 отч. слева, строки 1–4 отч. слева; **с. 80:** строки 7–9 подч. со слова «Брат...» до слова «...Чеботарев» и со слова «О...» до слова «...Божию», строки 11–14 — со слова «сильный...», строки 12–20 отч. слева дугообр. чертой, строки 20–25 подч. со слова «час...» до фраг. «...как он.», строки 27–31 — до слова «...душеубийце», строки 21–28 отч. слева, строки 29–31 отч. слева (2 черты), в строке 33 «страны» исправлено на «Сатаны», строки 34–35 подч. со слова «противодействует...»; **с. 80, примеч. 3:** примеч. подч. и отч. слева наклонной чертой /; **с. 81:** строка 1 подч. со слова «царстве...» до слова «...тьму», строка 4 — со слова «числе...» до слова «...названа», в строках 4–5 — «„любовь к смерти“⁴¹» (этот фраг. отч. с обеих сторон), справа против строк 4–5 надпись «NB» (подч. тремя чертами), строки 7–9 отч. справа, строки 12–13 подч. со слова «земнородными...» до слова «...тьмы», строки 21–22 — со слова «злоупотреблением...» до слова «...с», строки 23–29 подч., строки 22–29 отч. справа дугообр. чертой, строки 27–28 отч. справа дугообр. чертой, строки 35–36 подч. со слова «мая...», строки 34–36 отч. справа дугообр. чертой; **с. 82:** строки 1–2 подч. до фраг. «...⁴¹» и отч. слева дугообр. чертой, строки 26–27 подч. со слова «стараться...» до слова «...брата», строка 29 — до слова «...братской», строки 27–30 отч. слева; **с. 82, примеч. 1:** примеч. подч., слева против примеч. знак решетки, под крестиком надпись: «До-стать»; **с. 83:** строки 19–20 подч. со слова «для...» до слова «...целое», строка 19 отч. справа дугообр. чертой, строки 21–22 подч. со слова «Лопухин...» до слова «...говорит», строки 23–24 подч. со слова «последования...» до слова «...наслаждает» и отч. справа (2 дугообр. черты), строки 25–26 подч. со слова «во...» до слова «...признаваюсь», в строке 26 подч. и отч. с обеих сторон «Ив. П. Елагин», строки 27–36 подч. со слова «что...»,

строки 25–30 и 31–36 отч. справа, справа против строк 31–33 надпись: «NB»; с. 84: строки 1–2 подч. до фраг. «...деет (К) и отч. слева прямой, затем дугообр. чертой, строки 13–16 подч. со слова «любовь...» до слова «...холостым» и отч. слева, строки 23–25 подч. со слова «Адам...», строки 24–25 отч. слева (3 черты); с. 85: сверху на полях надпись: «Массоны <так в тексте> — „мирские монахи“, / „светские иезуиты“», строки 5–6 подч. со слова «где...» до слова «...работу», строки 6–9 — со слова «посреди...» до слова «... иезуитов»; строки 6–7 отч. справа дугообр. чертой, справа против строк 7–8 надпись: «NB»; с. 86: в строке 34 подч. «В ритуалах ложки Елагина», строки 36–39 подч. со слова «сохранение...», строки 37–39 отч. слева (2 черты); с. 87: строки 1–2 подч. до слова «...миру», в строке 3 подч. «вторая цель», строка 4 подч. со слова «исправлять...» до слова «...род», строки 5–6 — со слова «сочинению...» до фраг. «...⁴²», строка 6 отч. справа дугообр. чертой, строки 9–10 подч. со слова «предмет...» до слова «...обращать», строки 11–13 — со слова «есть...» до слова «...предмет», строки 9–12 отч. справа дугообр. чертой, в строке 15 подч. «всякий розенкрейцер», строки 15–19 подч. со слова «таинственный...» до слова «...Божия» и отч. справа дугообр. чертой, строки 18–19 отч. справа (2 черты), строки 25–26 подч. со слова «в...» до слова «...нашего», строки 30–31 — со слова «теоретический...» до слова «...Кр-ва»; строки 27–30 отч. справа, строки 29–30 отч. справа, в строке 35 подч. «в практическом градусе соломоновых наук»; с. 88: строки 3–4 подч. со слова «отвержение...», строка 4 отч. слева наклонной чертой /; в строке 15 подч. «Одни считали целью», в строке 18 — «превращение металлов», строка 20 подч. со слова «сообщение...» до слова «...язык»; с. 88, *примеч. 1*: в примеч. подч. «Собр. соч. Ешевск.», затем всё примеч. подч. и отч. с обеих сторон, слева против примеч. надпись: «Достать»; с. 89: строки 1–4 подч. со слова «вида...» до слова «...Рейхеля», строки 2–4 отч. справа дугообр. чертой, в строке 5 подч. «наконец *берлинское*», в строке 6 — «Шварца», строки 31–33 подч. со слова «однажды...» до слова «...химии», строки 31–34 отч. справа дугообр. чертой; с. 90: строки 3–5 подч. до слова «...крайностям» и отч. слева дугообр. чертой, строки 15–16 подч. со слова «целью...» до слова «...Нывзоровым», строка 16 отч. слева дугообр. чертой; с. 91: строки 2–3 подч. со слова «Алексей...» до слова «...майор» и отч. справа (3 черты), в строке 13 подч. «Кутузов», в строке 14 — «поехал», строки 15–19 подч., строки 15–17 отч. справа (3 черты), строки 18–19 отч. справа (3 наклонные черты ///), строки 25–26 подч. со слова «Елагин...» до фраг. «...⁴⁴»; с. 91, *примеч. 2*: строки 1–3 подч. со слова «Коловиона...» до слова «...Тургеневу» и с фраг. «бр. Porrectus'a...» до слова «...Трубец», строка 1 отч. справа (2 дугообр. черты), строка 2 отч. справа (2 наклон. черты //); с. 91, *примеч. 3*: строка 1 подч. и отч. с фраг. «(3)...» до слова «...Елагина», примеч. отч. слева (2 наклон. черты //), ниже надпись «Достать»; с. 92, *примеч. 1*: строка 1 подч. с фраг. «Вестн. Евр. 1868...» до фраг. «...до Н.⁴⁵» и отч. после этого фраг., слева против примеч. наискосок надпись: «Достать»; с. 93: в строке 3 подч. «Масонство», в стро-

ке 5 — «церкви», в строке 6 — «не признавало», строки 9–10 подч. со слова «орден...» до слова «...времен» и отч. справа дугообр. чертой, строки 14–17 подч. с фраг. «„четвероугольный...» до фраг. «...агнца⁴», строки 14–16 отч. справа, строки 15–16 отч. справа, строки 17–18 отч. справа (3 черты), в строке 30 подч. «совершалось „помазание“», строки 29–31 отч. справа, строки 32–33 подч. со слова «ясное...» до слова «...тайнства», в строке 33 фраг. «очевидно совершалось» подч. дважды, строка 32 отч. справа; **с. 100:** строки 17–18 подч. со слова «тайнственное...» до фраг. «...иносказание⁴», строка 18 отч. слева (3 наклонных черты ///), в строке 25 подч. и отч. с обеих сторон «лия источники слез покаяния», в строке 25 подч. «давать в себе», в строке 26 — «духу» и «обновляющему утробы и сердца наши»; **с. 101:** в строке 10 подч. «г. Пыпин и найденный», в строке 11 подч. и отч. с обеих сторон наклонными чертами / «„Масонские воспоминания Батенкова“», справа против строки 11 надпись: «Достать», строки 33–34 подч. со слова «Все...» до слова «...правильность», строки 33–34 отч. справа (3 черты, средняя из которых охватывает строки 32–35); **с. 101, примеч. 2:** примеч. подч., строки 1–2 отч. левее слова «Мас...» чертой и после фраг. «...Батенкова.» круглой скобкой, справа в продолжении строки 2 надпись: «Достать»; **с. 106:** строки 2–3 подч. с фраг. «„Наши...» до слова «...они», строки 6–8 — со слова «подает...» до слова «...безопасно», строки 11–15 — со слова «Напротив...» до слова «...изъяснить», строки 4–16 отч. слева, строки 30–31 подч. со слова «Восьмая...» до фраг. «...Магии», строка 31 отч. слева наклон. чертой /, строки 32–34 подч. со слова «там...» до слова «...исчезает», строки 34–35 отч. слева дугообр. чертой; **с. 107:** строки 8–9 подч. со слова «книга...» до фраг. «...наук⁴», строка 8 отч. справа (2 дугообр. черты), строки 12–18 отч. справа, строки 24–26 подч. со слова «панацею...» до слова «...духов» и отч. справа дугообр. чертой, повторно отч. строка 25, строки 29–30 подч. со слова «сравнение...» и отч. справа (2 дугообр. черты), строки 32–37 подч. со слова «масон...», строка 33 отч. справа дугообр. чертой, строки 36–37 отч. справа (3 дугообр. черты), строки 32–34 подч. повторно **фиолет. карандаш.** со слова «масон...» до фраг. «...праотцов⁴» и отч. справа (2 черты), строки 35–37 подч. повторно со слова «имеет...», строки 34–37 отч. справа (2 черты); **с. 108:** строка 34 подч. **пр. карандаш.** со слова «этим...» и отч. слева наклон. чертой /; **с. 109:** строки 1–2 подч. до фраг. «...болезни¹).», строка 1 отч. справа (3 дугообр. черты), в строке 4 подч. «„Рецепт“», строки 5–7 подч. со слова «верное...» до фраг. «...cigative⁴», строки 5–6 отч. справа дугообр. чертой, затем строка 6 отч. справа дугообр. чертой, строки 11–13 подч. со слова «в...» до слова «...общество» и со слова «Нового...» до слова «...Божия», строки 13–14 отч. справа, строка 15 подч. со слова «Братья...» до слова «...Христа», справа против строк 13–15 надпись: «!»; **с. 110:** в строке 11 подч. «Шрепфер», строки 12–13 подч. со слова «Далее...» до слова «...пряжки», строка 13 отч. слева (2 наклон. черты //), строки 16–20 подч. со слова «Но...» до фраг. «...масонства⁴», строки 17–20 отч. слева; **с. 111:** в строке 2 подч. «невозможно

описать», строки 2–4 подч. с фраг. «, в...» до фраг. «...находился¹⁾», строка 3 отч. справа (3 наклонные черты ///), строки 6–7 подч. со слова «о...» до фраг. «...состоянии», строка 6 отч. справа наклон. чертой / и далее надпись: «NB» (подч. трижды); в строке 7 подч. «являет им», строки 8–10 подч. со слова «Бог...» до слова «...Бога», строки 11–17 — со слова «они...» до слова «...небу», строки 9–11 и 12–14 отч. справа, строка 16 отч. (2 черты), против надпись: «NB», строки 28–30 подч. со слова «учение...» до слова «...соединил» и со слова «наконец...» до слова «...Калиостро», в строке 31 подч. «учение Сведенборга», в строках 34–35 подч. «духовидения»; **с. 112:** строки 17–19 подч. со слова «сводили...» до слова «...крепость», строка 18 отч. слева (2 наклон. черты //), строки 16–19 подч. **фиолет. каранда.** со слова «Необычайные...» до слова «...крепость», строки 17–19 отч. слева (2 черты), строки 24–25 подч. **пр. каранда.** до фраг. «...намагнитизировано³⁾», строки 22–24 отч. слева, строка 25 отч. слева (2 наклон. черты //), строки 23–25 подч. **фиолет. каранда.** со слова «Он...» до фраг. «...намагнитизировано³⁾», строки 22–25 отч. слева; **с. 112, примеч. 3:** примеч подч. **синим каранда.**, слева против примеч. крестик, ниже примеч. наискосок надпись: «Достать»; **с. 113:** строки 3–4 подч. **пр. каранда.** со слова «розенкрейцерской...» до фраг. «...universale⁴⁾» и отч. справа (2 дугообр. черты), в строке 35 подч. «обоготворявшем мать–землю», строка 35 отч. справа (2 дугообр. черты); **с. 114:** строки 20–22 подч. со слова «Мать...» до фраг. «...короне»; строки 22–23 отч. слева, строки 21–23 отч. слева дугообр. чертой; **с. 115:** строки 11–13 подч. со слова «Die...» до фраг. «...Sophia», в строке 13 «Jungfrau Sophia.» отч. с обеих сторон наклон. чертами /, строки 11–12 отч. справа, строки 12–13 отч. справа (2 дугообр. черты), против надпись: «NB», в строке 16 подч. «Мать мира», строки 16–17 подч. со слова «языческая...» до слова «...богородицы» и отч. справа (2 дугообр. черты), строки 18–19 подч. со слова «нельзя...» до слова «...мудрости», строка 18 отч. справа дугообр. чертой, в строке 24 подч. «богородицы», строки 37–41 отч. справа; **с. 117:** строки 33–38 отч. справа; **с. 118:** строки 17–20 отч. слева, строки 29–31 подч. со слова «принимаемый...» до слова «...тишина», строки 29–32 отч. слева, строки 25–33 отч. слева; **с. 119:** строки 1–6 отч. справа, строки 3–5 отч. справа; **с. 120:** строки 9–18 подч. со слова «орден...» до фраг. «...содержанию⁵⁾», строки 10–21 отч. слева; **с. 124:** строки 20–25 и 29–36 отч. слева; **с. 127:** строки 16–17 подч. со слова «масонами...» и отч. справа дугообр. чертой, строка 18 подч. со слова «будут...» до фраг. «...верхом⁶⁾», строки 16–17 подч. повторно **фиолет. каранда.** со слова «масонами...», строка 18 подч. повторно со слова «будут...» до фраг. «...верхом⁶⁾», строки 16–18 отч. справа (2 черты); **с. 128:** строки 24–25 подч. **пр. каранда.** со слова «Душе...» до фраг. «...ордена⁷⁾», строки 23–25 отч. слева (3 черты), строки 24–25 подч. повторно **фиолет. каранда.** со слова «Душе...» до фраг. «...ордена⁷⁾», строки 23–25 отч. повторно слева (2 черты); **с. 131:** в строке 2 **пр. каранда.** подч. «ложи Конкордия», строка 2 отч. справа (наклон. черта /), в строке 24 подч. «Масоны», строки 25–26

подч. со слова «ревностные...» до слова «...начала», строка 25 отч. справа дугообр. чертой, строка 27 подч. со слова «Misterium...» до слова «...universale», строки 28–38 подч. со слова «в...», строки 29–38 отч. справа; **с. 132:** в строке 1 подч. «металлов», строки 3–6 подч. со слова «повелительный...» до слова «...Таков» и со слова «Лабзин...» до слова «...беспрекословно», строки 22–23 — со слова «Сердце...» до фраг. «... неизмеримая.», строка 23 отч. слева (2 наклон. черты //); **с. 133:** строка 24 подч. со слова «орден...», строки 25–26 — со слова «высшее...» до слова «...тайнства», строка 25 отч. справа (3 дугообр. черты), строка 24 подч. повторно **фиолет. каранда.** со слова «орден...» до слова «...высшее», строки 25–26 подч. повторно со слова «чем...» до слова «...тайнства», строки 25–26 отч. справа (2 наклон. черты //); **с. 134:** строки 21–22 подч. **пр. каранда.** со слова «Вы...» до слова «...хранящие», строки 21–22 подч. повторно **фиолет. каранда.** со слова «Вы...» до фраг. «...хранящие!», строка 22 отч. слева наклон. чертой /; **с. 150:** строки 8–11 подч. **пр.**, затем повторно **фиолет. каранда.** со слова «любовь...» до фраг. «...день», строки 9–11 отч. слева (2 черты) и затем дугообр. чертой (**пр. каранда.**), строки 12–14 подч. со слова «Многие...» до фраг. «...обманывать.», строки 13–14 отч. слева, затем отч. **пр. каранда.** строки 13–15; **с. 153:** строки 32–35 подч. со слова «есть...» до фраг. «...благополучны» и отч. справа, строки 32–35 подч. повторно **фиолет. каранда.** со слова «есть...» до фраг. «...благополучны» и отч. справа; **с. 208:** строки 23–26 подч. **пр. каранда.** со слова «Предки...» до слова «...Отечества», строки 25–27 и 29–30 отч. слева, строки 34–35 подч. со слова «добродетели...» до слова «...осиявают», строка 35 отч. слева наклон. чертой /; **с. 209:** строки 7–11 подч. со слова «одной...» до фраг. «...Россиянину», строки 4–11 отч. справа, затем строки 7–10 отч. справа, строки 21–26 отч. справа, затем строки 24–25 отч. справа, строки 29–30 подч. со слова «Русь...» до слова «...страною» и отч. справа дугообр. чертой; **с. 210:** строки 21–23 подч. со слова «Французы...» до фраг. «...неимеющие», и с фраг. «...волосподиватели» до слова «...с»; **с. 211:** строки 2–3 подч. со слова «мы...» до слова «...обезьянами» и отч. справа дугообр. чертой, строки 8–9 подч. со слова «Увлечшись...» до фраг. «...насмешливы», строка 8 отч. справа дугообр. чертой, строка 11 подч. со слова «Без...» до слова «...мы», строки 11–12 отч. справа дугообр. чертой, строки 12–16 подч. со слова «что...» до фраг. «...жизнь», строки 11–15 отч. справа, затем строки 12–15 отч. справа, строка 11 подч. повторно **фиолет. каранда.** со слова «Без...» до слова «...мы», строки 12–16 подч. вторично со слова «что...» до фраг. «...жизнь», строки 11–15 отч. повторно справа, затем строки 12–15 отч. справа, строки 17–21 отч. **пр. каранда.** справа, строка 23 подч. до слова «...возмогли», строки 24–27 подч. со слова «возвратить...» до фраг. «...безвозвратно!» и отч. справа; **с. 212:** строки 22–26 подч. со слова «помощью...» до фраг. «...удивляться», строка 23 отч. слева наклон. чертой /, строки 24–26 отч. слева (2 черты); **с. 217:** строка 3 подч. до слова «...религией», строки 2–5 отч. справа; **с. 218:** в строке 7 подч. «у Рейхеля», строки

9–11 подч. со слова «*все...*» до слова «...привязанность», строка 10 отч. слева дугообр. чертой, строки 16–17 подч. и отч. слева наклон. чертой; **с. 221:** строки 1–3 подч. со слова «заражен...» до фраг. «...увеселениями⁴», строки 1–2 отч. справа дугообр. чертой, строки 1–3 подч. повторно (**фиолет. каранда.**) со слова «заражен...» до фраг. «...увеселениями⁴»; **с. 227:** строки 7–8 подч. со слова «Алцест...» до фраг. «...Мармонтея»; строки 7–9 отч. справа (2 дугообр. черты); **с. 241:** строка 20 подч. с фраг. ««смех...» до фраг. «...преступление⁴,» и отч. справа горизонт. чертой; **с. 243:** строки 5–8 подч. со слова «Цари...» до слова «...владык» и отч. справа (2 дугообр. черты); строки 9–11 отч. справа (2 дугообр. черты), справа против строк 9–21 наискосок надпись: «Для разго- /вора масона / с Пав- /лом.»; **с. 246:** строки 21–24 подч. со слова «Есть...» до слова «...Тебя» и со слова «приводило...» до фраг. «...благости⁴⁷).», строки 20–24 отч. слева **фиолет. каранда.**, затем строки 21–24 отч. слева, далее слева против строк 22–24 надпись: «Для масона»; **с. 250:** строки 1–2 подч. **пр. каранда.** до фраг. «...Свифт», в строке 4 подч. фраг. «Руссо с» и «Вольтер с», в строке 5 — фраг. «Бель и» и «Гельведий», строки 17–19 отч. слева (2 черты), строки 21–25 подч. со слова «Почто...» до фраг. «...находится⁴», строки 23–26 отч. слева, затем строки 22–26 отч. слева, строки 29–33 подч. со слова «Природа...» до фраг. «...счастье⁶», строки 30–33 отч. слева (2 черты); **с. 251:** строки 30–32 отч. справа, строки 32–33 подч. со слова «Мнений...», строка 33 отч. справа (3 наклон. черты ///), строки 32–33 подч. повторно **фиолет. каранда.** со слова «Мнений...», строка 33 отч. повторно справа (2 наклон. черты //); **с. 252:** строка 1 подч. **пр. каранда.** до фраг. «...достанет⁴.» и отч. слева наклонной чертой /, строка 1 подч. повторно **синим каранда.** до фраг. «...достанет⁴.» и отч. слева наклонной чертой /, на поле в левом верхнем углу страницы над строкой 1 наискосок надпись: «Для мыслей / Павла о / <одно слово нрзб.> и / пр.».

8. Розанов В.В. Сумерки просвещения: Сборник статей по вопросам образования. — СПб.: Издание П. Перцова., 1899. — [6], II, 240 с. — В обл. 8–R–53605. — Инвентарный номер 308798, цена 1000 франков.

Книга заключена в пер. для НБФ, переплетчик — Н. Фальконетти (N. Falconetti).

На обл. сверху **черн. чернилами** надпись: «Уважаемым Зинаиде Николаевне / и Димитрию <так!> Сергеевичу Мережковским / автор. / СПб. <18>99 г. / 27 фев<аля>», слева между строками 1 и 2 **пр. каранда.** следы¹⁷ надписи: «R», между строками 5 и 6 надпись неизв. лица: «1129».

На авантит. в верхнем левом углу **кр. каранда.** надпись: «R», чуть правее **пр. каранда.** надпись: «R», в верхнем правом углу отмечен идентификационный номер сделки «№ 30·468» и ниже надпись неизв. лица: «3», на нижней половине авантит. надпись неизв. лица: «1129».

¹⁷ Надпись стерта ластиком.

На контртит. внизу страницы по центру штамп с инвентарным номером «№ 308798».

С. 11: в строке 42 «попроще» исправлено на «поприще».

*9. Салтыков М.Е. (Щедрин Н.). Полное собрание сочинений. Т. 12: Пошехонская старина (1887–1889 гг.). Брусин. (1849 г.). — 4-е изд. — СПб.: Издание А.Ф. Маркса, б.г. — 709, [3] с. — В пер. 8-Z-30882 (12). — Инвентарный номер 308799, цена 1000 франков.

Книга заключена в пер. для НБФ в 1970 г., переплетчик — Удар (С. Houdart).

Помимо приведенных ниже помет, принадлежность которых Мережковским сомнительна, в тексте книги содержатся пометы неизв. лица.

На авантит. в верхнем правом углу отмечен идентификационный номер сделки «№ 30-468»¹⁸; чуть ниже **синими чернилами** проставлен круглый владельческий штамп-эскилибрис с надписью: «Домашняя библиотека А.О. Гавронского»; ниже, примерно в центре страницы, надпись неизв. лица: «3973»;

На об. тит. л. внизу страницы по центру штамп с инвентарным номером «№ 308799».

С. 20: строки 11–13 отч. **пр. каранда.** слева; слева против строки 13 наискосок снизу вверх надпись «géel¹⁹»; **с. 143:** в правом верхнем углу **синими чернилами** проставлен круглый владельческий штамп-эскилибрис с надписью: «Домашняя библиотека А.О. Гавронского»; **с. 212:** в строке 17 **голуб. каранда.** подч. «белебеевским»; **с. 358:** слева против строк 3–5 наискосок **пр. каранда.** надпись: «géel et / non²⁰»; **с. 359:** справа против строки 9 крестик; **с. 360:** слева против строк 8–10 наискосок снизу вверх надпись: «psych.²¹»; **с. 364:** слева против строк 32–35 наискосок снизу вверх надпись: «anecdote²²»; **с. 439:** в строке 8 **голубым каранда.** подч. ««дунь и плюнь!»».

*10. Судьба Блока: По документам, воспоминаниям, письмам, заметкам, дневникам, статьям и др. материалам / сост. О. Немеровская и Ц. Вольпе. — Ленинград: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. — 276, [4] с., 4 л. портр. — В обл. 8-Z-9347. — Инвентарный номер 308800, цена 1000 франков.

Книга заключена в пер. для НБФ, переплетчик — Поль Ривьер (Paul Rivière).

Пометы, кроме особо оговоренных, сделаны **пр. каранда.**

¹⁸ Прочтение номера затруднено, т.к. кромка, видимо, была срезана при переплетении книги для НБФ.

¹⁹ «Действительность».

²⁰ «Действительность и нет».

²¹ Возможно, сокращение от psychologie, т.е. психология.

²² Забавная история.

На обл. в верхнем левом углу надпись: «R» (**кр. каранда.**), сверху ближе к центру повторно надпись: «R», в верхнем правом углу надпись неизв. лица: «10», на нижней половине обл. надпись неизв. лица: «1556».

На авантит. в верхнем правом углу отмечен идентификационный номер сделки «№ 30·4<68>»²³

На об. тит. л. внизу страницы по центру штамп с инвентарным номером «№ 308800».

С. 69: отч. справа строки 24–30, справа против строк 25–33 надпись: «Вранье<, > / это я читала> / <1 слово, как мин., нрзб.> / <1 слово, как мин., нрзб.> / <1 слово, как мин., нрзб.> / <1 слово, как мин., нрзб.> / полусмеясь, а Боря — / соглашался²⁴»; **с. 74:** в строке 29 подч. «ниже колен» и ниже надпись: «вранье», слева против строк 1–32 снизу вверх надпись: «Белый — влюблен в жену Блока, / в чем признавался сам, и клеветал на / эту женщину»; **с. 79:** между строками 6 и 7 надпись: «В каждом слове — вранье.»; **с. 126:** отч. слева (**сирен. каранда.**) строки 10–17, повторно отч. слева (**сирен. каранда.**) строки 13–17; **с. 146:** строки 36–38 отч. слева двойной наклон. чертой // (**сирен. каранда.**); **с. 148:** в строке 26 «полоса года — я» исправлено на: «полоса, когда я», в строках 30–31 «...ребенка. После рождения ребенка Блок почти...» исправлено на: «...ребенка... (После рождения ребенка) Блжк Почти...», в строках 34–35 добавлены скобки перед словом «А...» и после «...жить.», в строке 36 точка заменена на «...»; **с. 149, примеч. 1:** к последней строке примеч. приписано «Можно не сомневаться 3 Г.»; **с. 151:** строки 3–6 подч. до слова «...жить», строки 9–10 — со слова «Итальянцы...», строки 11–17 — до слова «...конторе», строки 11–13 отч. справа (4 черты, уменьшающиеся в размерах к кромке), строки 17–18 подч. двумя чертами со слова «Служить...» и отч. справа (3 наклон. черты ///, уменьшающиеся в размерах к кромке); **с. 160:** к строке 31 приписано справа: «За 6 лет ровно до б<ольшевик>в.», строка 41 отч. слева снизу (3 наклон. черты \\\); **с. 161:** в строке 3 подч. «помолось», в строке 6 — «трижды», строка 4 отч. справа (3 наклон. черты ///, уменьшающиеся в размерах к кромке), строки 8–25 отч. справа квадратной скобкой; **с. 164:** строки 24–27 отч. слева (**сирен. каранда.**); **с. 173:** справа против строки 41 надпись: «Рума / нов»; **с. 211:** в строке 35 выч. «Блжк», справа против строк 34–42 ниже знака выч. «| — |» надпись: «Белый / (а не / Блок) / 3.Г.», строки 41–42 отделены от предыдущих строк горизонт. чертой и отч. слева и справа, в строке 41 подч. жирной чертой «Блок», на полях под строкой 42 добавлена наискосок надпись: «Здесь Блок»; **с. 213:** строки 8–12 отч. справа закругленной чертой ⊃, строки 23–24 подч. со слова «не...» до слова «...воли» и отч. справа (2 наклон. черты //), строки 25–26 подч. до слова «...случилось» и отч. справа (3 наклон. черты ///), строки 32–33 подч. двумя чертами со слова «я...» до слова «...понимаю» и отч. справа (2 наклон. черты //), в строке 33 приписано «См. мой очерк»,

²³ Прочтение номера затруднено, т.к. верхняя кромка книги была, видимо, срезана при переплетении.

²⁴ Прочтение рукописной пометы затруднено, т.к. кромка л. утрачена.

в строке 39 подч. «бунтовать против кадет», против строки 39 справа надпись: «?»; **с. 214:** в строке 2 подч. «мне стыдно», в строке 4 — «я сижу между двух стульев», в строке 8 — «ничтожную кучку жидков» («жидков» подч. дважды), строка 12 подч. со слова «опустившаяся...», строки 19–21 отч. слева (3 наклон. черты //); **с. 215:** строки 6–7 отч. справа, против надпись: «совсем больше / вик» <?>, в строке 26 подч. «демократией», справа против строки 26 надпись: «?»; **с. 218:** в строке 10 подч. «максимализма», в строке 26 — «со статьей Ив.-Разумника», в строке 40 — «и не аполитичны»; **с. 219:** строки 7–8 подч. со слова «ожидали...», справа против строк 7–8 надпись: «Увы!», строки 26–27 подч. со слова «все...» до слова «...принять»; **с. 220:** в строке 6 подч. «защищал революцию октябрьских», строки 10–11 подч., строки 5–12 отч. слева двумя чертами, слева против строк 1–12 снизу вверх надпись: «<по>терянное²⁵ / дитя», строка 17 подч., строки 21–22 подч. со слова «И...», строки 18–22 отч. слева, слева против строк 26–31 надпись: «!», в строке 33 подч. «Поэт большевизма»; **с. 221:** строки 7–10 отч. справа (2 черты, образующие внизу острый угол), в строке 30 «проклята» исправлено на: «проклят», под строкой 40 надпись: «Но где это я?»; **с. 222:** в строке 40 дважды подч. «статье», справа против строки 40 надпись: «?»; **с. 223:** строка 36 подч. до слова «...разрубил», справа к строке 38 приписано: «Не хуже ли?», в строке 40 подч. «величия», в строке 41 — «мало», в строке 42 — ««России не будет»», строки 42–43 отч. справа квадратной скобкой и двумя чертами; **с. 224:** слева к строке 3 приписано: «Интернационал?», под строкой 3 надпись: «Я его не получила»; **с. 225:** под строкой 16 надпись: «А твое — никуда не перейдет, фон Зон!», в строке 20 подч. «Я не знаю»; **с. 226:** строка 17 подч. со слова «Посмотрим...» до слова «...время», слева между строками 36–37 надпись: «„Я никогда не знал Христа.“²⁶», в строке 41 подч. «строительство нового мира»; **с. 227:** в строке 7 обведено в овал «П. С. Коган» и ниже надпись: «жид», строка 8 подч. со слова «не...» до слова «...нам»; **с. 228:** в строке 21 подч. «с рабоче-крестьянской властью», в строке 23 — «нас»; **с. 229:** в строке 5 подч. «товарищ Лебедев-Полянский?», в строке 26 — «душу революции. Она прекрасна», в строке 33 — «В. Полянский» (фамилия сопровождается знаком вопроса и под ней надпись: «Какой-ниб<удь> жид»), в строке 39 — «Луначарский», в строке 40 — «товарищ Блок»; **с. 231:** в строке 6 над «О. Д. Каменева» надпись: «жидовка», в строке 21 под «И. Цшохер» надпись: «еще жид», между строками 30 и 31 надпись: «Умер здесь<?>. Полуб<ольшевик>»; **с. 232:** строка 15 подч. со слова «Вавилонская...»; **с. 235:** в строке 39 подч. «Даманская», под строкой 39 надпись: «жидовка бездарная»; **с. 236:** в строке 41 подч. ««деятель прогресса»», в строке 43 — ««культурно-просветительном»»; **с. 259:** строки 27–29 подч. (сирен. каранда.) со слова «слопала...» и отч. (сирен. каранда.) справа ду-

²⁵ Кромка л. утрачена, приставка слова восстановлена по смыслу.

²⁶ См. отчеркнутые строки на с. 146, особенно: «А Христа я никогда не знал».

гообр. чертой; **с. 275:** слева против строк 10, 13, 49 крестики; **с. 278:** слева против строк 10, 13 крестики.

На вакате ближе к левому верхнему углу надпись столбиком (**сирен. каранда.**) «127 / 146 / 161 / 259».

*11. Фон-Визин Д.И. Сочинения, письма и избранные переводы. — СПб.: Издание И.И. Глазунова, 1866. — (Русские писатели XVIII и XIX ст. /Под. общей ред. П.А. Ефремова). — [6], LXII, [2], 691, [3] с., 1 л. портр. — В пер. 8-Z-9276. — Инвентарный номер 308803, цена 1000 франков.

Книга заключена в пер. для НБФ, переплетчик — Р. Шасс. <?> (R. CHASS. ING 1003).

На об. шмуцтит. внизу страницы по центру штамп с инвентарным номером «№ 308803».

На тит. л. в правом верхнем углу надпись неизв. лица: «N.C.», справа против строки 12 надпись неизв. лица: «5995».

С. XVII: в строке 3 слово «Учение» отч. слева **черн. чернилами**, в строке 11 слово «Наш» отч. слева наклон. черточкой /, строки 11–12 отч. справа; **с. XXIX:** строки 20–21 подч. **синим каранда.** со слова «победил...» до фраг. «...могут.», строка 21 подч. повторно со слова «мало...» до фраг. «...могут.», справа против строки 12 горизонт. черта; **с. LIII:** в строке 2 справа от фраг. «Визина.» **черн. чернилами** крестик; **с. 255:** строки 1–2 подч. **синим каранда.** со слова «без...» (линии подчеркивания продолжают на правом поле), справа против строки 1 горизонт. черта; **с. 258:** строки 4–5 подч. со слова «Каков...», слева против строки 5 знак решетки; **с. 262:** строки 16–17 подч. со слова «не...» до слова «...Будь», строка 17 отч. слева наклон. чертой /; **с. 263:** строки 15–16 подч. со слова «из...» до фраг. «...be!», справа против строк 15–16 надпись: «NB»; **с. 264:** строки 4–7 подч. со слова «He...» до фраг. «...его.», строки 5–8 отч. слева, слева против строк 6–9 надпись: «NB», строки 17–18 подч. со слова «наказуя...» до слова «...Но», строка 18 отч. слева (3 наклон. черты ///), строка 30 подч.; **с. 267:** между строками 9–13 вырезан фраг. со слова «столь...» до слова «...худенько»; **с. 268:** строки 15–18 вырезаны со слова «С.-Петербург...» до фраг. «...непростительно»; **с. 272:** строки 34–35 подч. со слова «славны...»; **с. 273:** строки 1–5 подч., строки 1–3 отч. справа, строки 4–5 отч. справа (2 наклон. черты //); **с. 325:** строка 37 подч. со слова «Редкого...», строки 36–37 отч. справа; **с. 326:** строки 1–2 подч. и отч. слева наклон. чертой /; **с. 328:** строки 27–29 подч. до слова «...граничить» и отч. слева дугообр. чертой; **с. 331:** в строке 29 подч. «Францию», строки 30–35 подч. со слова «все...» до фраг. «...земле», строки 31–35 отч. справа; **с. 336:** строки 15–16 подч. со слова «Париж...» до слова «...Сие» и отч. слева наклонной чертой /, в строке 26 подч. «комплимент чужестранному», строки 27–28 подч. со слова «Monsieur...» до слова «...compliment», строка 28 отч. слева наклон. чертой /; **с. 339:** строки 36–37 подч. со слова «Чувствую...» до фраг.

«...людьми;» и отч. справа (2 черты), справа против строк 36–37 надпись: «NB»; с. 340: строки 16–18 подч. со слова «Я...», строки 17–18 отч. слева (2 черты); с. 341: строка 4 подч. со слова «Сей...» до слова «...зараза», справа против строк 4–7 надпись: «!»; с. 382: строки 1–2, 17–18 и 30–32 отч. черн. чернилами слева; с. 383: строки 2–7 отч. справа волнообр. чертой, строки 20–22 отч. справа; с. 522: строки 4–5 подч. синим карандаш. со слова «принимал...» до слова «...потом», строки 6–7 отч. слева наклон. чертой /, строки 14–16 подч. со слова «Ходил...» до слова «...минут», строки 34–35 подч. со слова «анимальную...» до фрагмента «...быке.», строки 35–36 отч. слева наклонной чертой /, строки 38–39 подч. со слова «хирург...»; с. 527: строки 4–5 подч. и отч. справа (3 наклон. черты ///, уменьшающиеся к кромке); с. 530: строки 21–22 подч. и отч. справа (2 наклон. черты //); с. 534: строка 31 подч. и отч. слева (2 наклон. черты //), слева против строк 14–31 снизу вверх надпись: «Для дн<евника> Алексея»; с. 548: строки 7–8 подч. со слова «хотел...» до слова «...С», строка 8 отч. слева наклон. чертой /; с. 549: в строке 8 вырезан фрагмент «меня, кому я ее читал. Я пе...», строки 9–15 вырезаны со слова «и...» до фрагмента «...старое-», в строке 16 вырезан фрагмент «деле, ка-»; с. 550: строки 8–16 вырезаны²⁷ со слова «Григорий...» до фрагмента «...я.».

На вакате наклеена карточка книжного магазина с надписью: «Антикварная / книжная / торговля / В.И. Клочкова. / С.П.Б. / Литейный пр. 55.»

12. Христианское чтение. Собрание древних литургий восточных и западных. — Инвентарный номер 308794²⁸, цена 1000 франков.

Христианское чтение: Ежемес. журн. — СПб. 1878, № 1–12.

***Часть 1:** 1878, № 1–6. — 846, [II] с. — 8–D2–58 (1878,1).

Три²⁹ выпуска (№ 1–2, 3–4, 5–6) за первое полугодие заключены в единый пер. для НБФ, переплетчик — Дёниз Жёнотт (Denise Genotte).

На обл. справа между строк 8 и 9 наискосок надпись неизв. лица: «680» <?>.

С. 332: в строке 6 подч. «Кальвина и И. Эригены?», отч. слева строки 6–8; с. 515–518, 523–526, 579–582 не разрезаны; с. 617: строки 17–27 подч. и отч. слева голуб. карандаш.; с. 620: в строке 20 подч. пр. карандаш. жирной чертой «первый», слева против строк 20–27 надпись в 9 строк нрзб.³⁰; с. 622: в строках 3–4 подч. «Высочайшем Существо», строки 10–11 подч.

²⁷ Вырезанный фрагмент содержал пометы синим карандаш.

²⁸ Инвентарный номер 308794, соответствующий в описи пяти из шести выпусков журнала за 1878 г. (№ 1–2, 3–4, 7–8, 9–10, 11–12), обнаружен нами только на экземпляре «Собрания древних литургий восточных и западных в переводе на русский язык» (1878, выпуск пятый), который в инвентарной описи НБФ не значится.

²⁹ Второй (№ 3–4, с. 321–584) и третий (№ 5–6, с. 585–846) выпуски содержат нетекстовые пометы Мережковских. Третий выпуск, незначившийся в инвентарной описи НБФ, содержит текстовые пометы З.Н. Гиппиус.

³⁰ Кромка л. утрачена, вероятно, при переплетении.

до слова «...бытия», строки 23–24 подч. от слова «С...» до фраг. «...познания», в строке 24 фраг. «...тожестве бытия и познания» подч. с нажимом, слева против строк 23–27 надпись в 5 строк нрзб.³¹; **с. 627**: строки 18–22 подч. до слова «...Герbart», в строках 22–23 подч. «пользую для себя», справа против строк 20–26 надпись в 10 строк нрзб.³²; **с. 628**: в строке 18 подч. «*монизмом*», слева против строк 18–21 надпись в 4 строки нрзб.³³; **с. 631**: в строке 27 подч. «независимо, т. е. самостоятельно»; **с. 635**: в строке 33 подч. «из природы человечества»; справа против строк 32–34 надпись: «т. е. созд<a> / ет ее ч<ело-> / век?»; **с. 638**: строки 18–20 подч. до слова «...опыта».

Часть 2: 1878, № 7–12. — 661, [I] с. — 8–D2–58 (1878,2).

Три выпуска (№ 7–8, 9–10, 11–12) за второе полугодие заключены в единый пер. для НБФ, переплетчик — Дёниз Жёнотт (Denise Genotte).

*Собрание древних литургий восточных и западных в переводе на русский язык, составленное редакцией «Христианского чтения», 1878, выпуск пятый. — 170, [2] с. — 8–D2–58 (BIS,1878).

Книга заключена в пер. для НБФ, переплетчик — Дёниз Жёнотт (Denise Genotte).

Принадлежность некоторых помет Мережковским в этом экземпляре сомнительна.

На тит. л. в верхнем правом углу сохранились следы идентификационного номера сделки «№ 30·468», слева между строками 1 и 2 надпись: «R», слева против строки 3 синими чернилами наискосок надпись неизв. лица: «4000 fr<ancs>» (?), справа между строками 8 и 9 пр. карандаш. надпись неизв. лица: «677».

С. 3, с. 17: на нижнем поле страниц по центру штамп с инвентарным номером «№ 308794»; **с. 33**: на верхнем поле ближе к правому углу надпись: «Ш», на нижнем поле страницы ближе к правому краю штамп с инвентарным номером «№ 308794»; **с. 34**: под строкой 16 штамп с инвентарным номером «№ 308794»; **с. 35**: строки 13–14 подч. со слова «которые» до слова «Христово»; **с. 65–66** замещены <?> «белым» листом; **с. 71**: в строке 28 подч. «прочим за», строка 30 подч. со слова «касательно...»; **с. 73**: в строке 3 подч. «Папы Ге-», в строках 16 и 17 подч. «591–594 годах»; **с. 97**: на нижнем поле страницы по центру штамп с инвентарным номером «№ 308794»; **с. 99**: в строке 14 перед словом «впрочем» добавлена круглая открывающая скобка; **с. 102**: в строке 21 подч. «XI»; **с. 104**: строки 12–17 отч. слева (2 черты), против строк 14–15 крестик; **104, примеч. 2**: в строке 10 подч. двойной чертой «вместо» и одной чертой «pro Rege nostro», против строк 8–10 в нижнем левом углу страницы снизу вверх надпись: «NB» <?>;

³¹ Кромка утрачена.

³² Кромка утрачена.

³³ Кромка утрачена.

с. 108: в строке 1 подч. «в 1570 году с папскою буллою»; *с. 122:* строки 16–22 подч., строки 16–17 отч. слева наклонной чертой /, строки 19–22 отч. слева; *с. 129:* на нижнем поле страницы по центру штамп с инвентарным номером «№ 308794».

*13. Чуковский К. От Чехова до наших дней. Литературные портреты. Характеристики. — СПб.: Т-во «Издательское бюро», 1908. — 183, [1] с. — В обл. 8–Z–9266. — Инвентарный номер 308801, цена 1000 франков.

Книга заключена в пер. для НБФ, переплетчики — Ж. & П. Курти (J. & P. Courty).

На обл. справа против фамилии автора «К. Чуковский» **черн. чернилами** надпись: «R», справа против фраг. «от Чехова» надпись неизв. лица: «1430».

На авантит. надпись: «Дмитрию Сергеевичу / Мережковскому / Только что прочитал / чудную, чудную, чудную³⁴ статью / Д.В. Философова — решаюсь / послать Вам (и ему?) / эту недоделанную книжку, / с извинением, что она разрезана — это последний / экземпляр — авторский. / Привет! / Чуковский / P.S. Утром написал / Вам глупое пись<мо>³⁵. / Не сердитесь.», в верхнем левом углу **кр. каранда.** надпись: «R», левее между буквой «R» и началом дарственной надписи **пр. каранда.** надпись неизв. лица: «10».

На об. тит. л. внизу страницы по центру штамп с инвентарным номером «№ 308801».

С. 10: строки 9–10 подч. **синим каранда.** со слова «мещанственность...» до слова «...ног», строки 9–11 отч. слева наклон. чертой /, строки 18–20 подч. со слова «Индивидуализм...» до слова «...формой», строки 19–20 отч. слева (2 наклон. черты //); *с. 23:* строки 12–13 подч. **пр. каранда.**, справа против строки 12 крестик; *с. 29:* строка 26 подч. **синим каранда.** до слова «...деревни», строки 33–34 — со слова «для...», строки 28–34 отч. слева; *с. 30:* с. 30 в этом издании отсутствует: за с. 29 следует с. 31; *с. 36:* строка 32 подч. и отч. слева и справа **пр. каранда.** (слева черта образует петлю и спускается на нижнее поле страницы, справа черта наклонная /); *с. 38:* строки 1–3 отч. слева (угол с петлей в вершине), подч. строка 8, строки 8–10 отч. слева, строки 9–11 отч. слева (2 черты); *с. 42:* строки 18–25 отч. слева (угол с петлей в вершине); *с. 43:* строки 24–32 отч. справа (дугообр. черта с петлей); *с. 44:* подч. строка 3, строки 1–9 отч. слева (2 черты, уменьшающиеся в размерах к кромке); *с. 45:* справа против сторк 14–19 наискосок снизу вверх надпись: «сквознячок»; *с. 47:* строки 16–19 отч. справа (5 наклон. черточек //, уменьшающихся в размерах и переходящих к кромке в змейку); *с. 53:* подч. строки 28–29, строки 26–29 отч. справа,

³⁴ Ударения расставлены К.И. Чуковским.

³⁵ Край листа сильно потрепан. Окончание слова и следующий за ним знак препинания восстановлены по смыслу.

строки 27–29 отч. справа дугообр. чертой; **с. 55:** строки 27–32 отч. единой чертой слева, снизу и справа; в правой нижней части страницы знак: «/»; **с. 56:** строки 8–16 отч. слева (4 черты, уменьшающиеся в размерах и переходящие к кромке в змейку), строки 20–26 отч. слева (угол с петлей в вершине); **с. 62:** строки 19–23 отч. слева (наклон. черта /), строки 21–28 отч. слева (угол с петлей в вершине), строки 25–29 отч. слева; **с. 69:** строки 7–13 отч. справа, в строке 13 подч. «пахнет — третья»», в строке 15 фраг. «Комнатная философия» подч. и отч. слева и справа; **с. 71:** строка 26 подч. со слова «И...», в строке 26 «И...» отч. слева, строки 26–28 отч. справа (4 черты, уменьшающиеся в размерах и переходящие к кромке в змейку); **с. 79:** строки 8–13 отч. справа (петля), между строками 13 и 14 наклонная \ спускающаяся на правое поле черта; **с. 97:** строки 4–5 подч. до фраг. «...сердец!», справа против строки 4 крестик; **с. 129:** строки 19–20 подч. со слова «его...» до фраг. «...„Тьма”», справа против строки 19 крестик; **с. 130:** слева против строк 19–22 крест; **с. 133:** в строке 27 подч. «Обезличение личности», строки 25–30 отч. справа; **с. 134:** строки 10–11 отч. слева дугообр. чертой, слева против строк 10–11 крестик; **с. 136:** строки 2–3 подч. со слова «сторона...», слева против строк 2–3 крестик.

*14. Шестов Л. На весах Иова: Странствования по душам. — Париж: Изд-во «Современные записки», 1929. — 370, [6] с. — В обл. 4–R-6611. — Инвентарный номер 308793, цена 1000 франков.

Книга заключена в пер. для НБФ, переплетчик — Н. Фальконетти (N. Falconetti).

На обл. в верхнем левом углу **кр. каранда.** и ближе к центру **пр. каранда.** надпись: «R», в верхнем правом углу **пр. каранда.** надпись: «3», между строками 5 и 6 наискосок **кр. каранда.** и повторно **черн. чернилами** рукой Д.С. Мережковского надпись: «259 Паскаль», ниже **пр. каранда.** надпись неизв. лица: «1113».

На авантит. в верхнем правом углу отмечен идентификационный номер сделки «№ 30·468», в нижней части с. надпись неизв. лица: «1113».

На об. тит. л. внизу страницы по центру штамп с инвентарным номером «№ 308793».

С. 258: строки 17–22 подч. **синими чернилами** со слова «Подобно...» до фраг. «...«возрождения»», строки 29–30 — со слова «осужден...», в строке 31 подч. «История»; **с. 259:** над первой строкой на полях наискосок надпись: «Участь Паскаля такая / же<, > как участь Данте, / — забвение в славе», строки 1–2 подч. до слова «...Правда», в строке 3 подч. «Его», строки 3–5 подч. со слова «хвелят...» до слова «...очень», строки 5–10 подч. **сирен. каранда.** со слова «слушать...» до слова «...философии», строки 11–12 — со слова «Паскалю...», строки 5–7 отч. справа дугообр. чертой, строки 5–10 подч. повторно **синими чернилами** со слова «слушать...» до слова до слова «...философии», строки 11–12 — со слова «Паскалю...» до слова «...кому», строки 5–8 отч. справа **сирен. каранда.** дугообр. чертой,

строки 5–10 отч. справа **синими чернилами** знаком ∫; **с. 260:** строки 8–15 подч. со слова «Паскаль...», в строке 22 подч. **сирен. каранда.** затем **синими чернилами** «Lettres provinciales», строки 24–26 подч. **сирен. каранда.** затем **синими чернилами**, строки 24–26 отч. слева **сирен. каранда.** вертикальной чертой и повторно **синими чернилами** знаком ∫, против строки 25 (**сирен. каранда.** затем **синими чернилами**) знак ⊗, на левом поле от строки 22 и до верхней кромки снизу вверх надпись: «„Я ни на что не надеюсь от / мира, ничего не боюсь, ни / в чем не нуждаюсь ни / в благах мира, ни / в по человеческой человеческой <слово приписано над предыдущим зачеркнутым словом> помощи людей”³⁶», в строке 43 **сирен. каранда.** подч. ««Pensées»», подч. строки 44–45, строка 45 отч. слева наклонной чертой /, против строки 45 крестик, в строке 46 подч. ««Descartes inutile et incertain»», на нижнем поле слева под номером страницы **синими чернилами** наискосок надпись: «„Декарт бесполезен / и сомнителен”³⁷»; **с. 261:** строки 1–5 подч. и отч. справа **сирен. каранда.**, строка 9 подч. со слова «чем...», строки 11–12 подч. с фраг. «se passer...» до слова «...Deo», строки 9–11 отч. справа, строки 36–37 подч. до слова «...спать», строки 36–37 подч. повторно **синими чернилами** до слова «...спать»; **с. 262:** в строке 38 **сирен. каранда.** подч. «Августину», в строке 38 **синими чернилами** подч. «бл. Августину», строки 41–43 подч. **сирен. каранда.** и затем **синими чернилами** со слова «ego...» до фраг. «...auctoritas.», строки 42–43 отч. **сирен. каранда.** слева; **с. 262, примеч. 1:** строки 1–2 подч. **сирен. каранда.** и затем **синими чернилами**, под строкой 2 под словом «авторитет» надпись: «власть» (надпись заключена в овал, верхняя часть которого перечеркивает слово «авторитет»); **с. 263:** строки 44–45 подч. **сирен. каранда.** со слова «ad...» до слова «...Пор-Руаяль», строки 45–46 подч. со слова «опустил...», строки 43–45 отч. справа, строки 45–46 подч. повторно **синими чернилами**; **с. 264:** строка 1 подч. до слова «...собору», строки 34–35 подч. **сирен. каранда.** и затем **синими чернилами** со слова «Все...» до слова «...мизантропу», строка 35 отч. слева **сирен. каранда.** наклон. чертой /; **с. 268:** в строке 16 подч. **пр.** и затем **сирен. каранда.** «Тертуллианом» и «de carne Christi», слева против строк 16–18 **пр. каранда.** крестик, строки 18–20 подч. со слова «mortuus...», строки 19–20 отч. слева, строки 17–20 подч. **сирен. каранда.** со слова «Crucifixus...», строки 18–20 отч. слева жирной чертой; **с. 268, примеч. 1:** строка 3 подч. дважды со слова «похороненный...», строки 2–3 отч. слева, строка 3 отч. слева жирной наклонной чертой; **с. 269:** строки 18–19 подч. **пр. каранда.** и затем **синими чернилами** со слова «je...» до слова «...gémissant», справа против строки 18 **пр. каранда.** крестик, на правом поле против строк 10–44 **пр. каранда.** и затем **синими чернилами**

³⁶ Осуществленный Д.С. Мережковским перевод с французского подчеркнутых в строках 24–26 слов Б. Паскаля.

³⁷ Осуществленный Д.С. Мережковским перевод с французского подчеркнутых в строке 46 слов Б. Паскаля.

сверху вниз надпись: ««Я хвалю только тех, кто / ищет, стена.»³⁸», строки 32–35 подч. со слова «suis...», строки 27–34 отч. справа знаком ꞑ; **с. 270:** строки 6–8 подч. до слова «фанатиком», строки 6–8 отч. слева дугообр. чертой, строки 36–40 подч. со слова «Его...», строки 37–40 отч. слева знаком ꞑ, слева против строки 37 знак ●; **с. 271:** в строке 6 подч. «Нитше», строки 7–12 подч. со слова «что...» до слова «...последней», строки 17–20 подч. со слова «Паскаль...» до слова «...maladies», строки 7–16 отч. справа, строки 12–17 подч. **голуб. каранда.** со слова «Только...» до фраг. «...себя»»; строки 7–19 отч. справа, в строках 29–30 подч. **сирен. каранда.** «Лютер» и «к посланиям к Римлянам.», строки 31–35 подч. **синими чернилами** с фраг. ««Blasphemia...» до фраг. «...gratior.»», строки 32–35 отч. справа **сирен.** и затем **голуб. каранда.**; **с. 271, примеч. 1:** строки 1–4 подч. **синими чернилами** и отч. справа **сирен.** и затем **голуб. каранда.**; **с. 272:** строка 8 подч. **сирен. каранда.**, строки 9–17 подч. **синими чернилами**, строки 8–17 отч. слева **сирен. каранда.** и затем **синими чернилами** знаком ꞑ, строки 18–24 подч. **сирен. каранда.** до слова «...Нитше», строки 18–23 отч. слева дугообр. чертой, строки 28–31 подч. со слова «Nous...» до слова «...voig», строки 29–31 отч. слева дугообр. чертой, строка 28 подч. повторно **синими чернилами** со слова «Nous...», строки 29–31 подч. повторно со слова «dans...» до слова «...voig», строки 44–45 подч. **сирен. каранда.** и затем **синими чернилами** со слова «silence...» до фраг. «...m'effraie», строки 44–46 отч. слева **сирен. каранда.** наклон. чертой /; **с. 272–273:** на верхних полях обеих страниц **синими чернилами** надпись: ««Этому великому человеку чудилась всегда / бездна с левой стороны от него бездна <слово «бездна» приписано над строкой>, и он туда <слово «туда» приписано над строкой> / ставил стул, чтобы **закрыться** от / нее **закрыться**... Сколько бы ни говорили ему друзья и духовник, что бояться нечего, <S-образная стрелка, указывающая переход с одной страницы на другую> / он, хоть и соглашался с ними, / но **через** немного времени (несколько / минут) спустя опять чувствовал / **все ту же бездну**».³⁹»; **с. 273:** строки 1–2 подч. до слова «...людей»; в строке 1 перед словом «Его» знак ●, заключенный в окружность и сединенный с другим заключенным в окружность знаком ●, находящимся на правом поле страницы с текстовой пометой Д.С. Мережковского; на правом поле страницы сверху вниз надпись: «Кажется, у Паскаля совсем иное, чем у в-других людей, / неземное <окончание -ое продублировано над строкой> **пространственное ощущение мира**, как / бы иная, **нездешняя геометрия** не Евклидова, / **геометрия** нечеловеческая геометрия, <запятая заменена квадратной скобкой> [зависящая / м. б. от иного строения не только души, но и тела].»; строки 9–11 подч. со слова «разве...» до слова «...встречаются», строки 14–18 — со слова «Если...» до слова «...Нитше»,

³⁸ Осууществленный Д.С. Мережковским перевод с французского подчеркнутых в строках 18–19 слов Б. Паскаля.

³⁹ Осуществленный Д.С. Мережковским перевод с французского подчеркнутых на странице 272 (строки 9–17) слов аббата Буало о Паскале.

строка 19 — со слова «ведь...» до слова «...мира», строки 23–26 — со слова «У...» до слова «...центру»; *с. 274*: строки 20–21 подч. со слова «Все...», против строки 21 слева заключенная в окружность точка; *с. 275*: строки 43–44 подч. со слова «Пор-Руаяль...» до слова «...цензуре», справа против строки 43 знак ●; *с. 277*: строки 5–6 подч. **сирен. каранда.** и затем **синими чернилами** со слова «спор...»; справа против строки 5 **сирен. каранда.** кружок, обведенный **синими чернилами**; справа против строк 6–11 горизонт. надпись: «Так же, как / Янсения и / Лютера, / и Кальвина»; на правом поле сверху (против строки 12) вниз надпись: «Это, в сущности, спор о том же <частица «же» приписана над строкой>, что такое / зло, и что такое свобода — добро / или зло.»; строки 19–22 подч. **сирен. каранда.** со слова «Когда...» до слова «...Сократом»; *с. 284*: в строке 39 подч. «Эразма», строки 41–42 подч. со слова «diatribae...» до слова «...дилемму», строки 42–43 отч. слева наклон. чертой /; *с. 285*: в строке 17 подч. «Лютер», в строке 18 — ««De servo arbitrio»», строки 24–27 подч. со слова «Нис...» до слова «...damnabiles», строки 29–32 — со слова «Si...» до фраг. «...fide.1», строка 30 отч. справа наклон. / жирной чертой, строки 24–31 отч. справа дугообр. чертой, строки 36–37 подч. со слова «и...» до фраг. «...«пропасть»», строка 36 отч. справа (3 наклон. черты ///), строка 37 отч. справа; *с. 285, примеч. 1*: строки 1–7 отч. справа, затем строки 1–8 отч. справа дугообр. чертой; *с. 288*: в строке 8 подч. «Декарт, сделавший», в строке 9 — «попытку se passer de Dieu», строка 9 отч. слева наклон. чертой /, подчеркнутые фрагменты строк 8–9 перечеркнуты **голуб. каранда.** волнообр. чертой; *с. 292*: строки 26–27 подч. **сирен. каранда.** с фраг. «qu'on...», слева против строки 27 знак ●; *с. 300*: строки 31–35 подч. **голуб. каранда.**, строки 32–35 отч. слева (2 жирные черты); *с. 374*: справа против строки 35 пр. каранда. надпись: «8».

Литература

Блинова О.А. Зинаида Гиппиус за чтением книг из домашней парижской библиотеки // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 353–379.

References

Blinova O.A. Zinaida Gippius za chteniem knig iz domashnei parizhskoi biblioteki [Zinaida Gippius reading works from her Paris library]. *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 4 (14), pp. 353–379. (In Russ.)

The Merezhkovskys' Paris library: Description of printed materials in Russian

© 2020, Olga Blinova

Abstract: The material provides a detailed description of 14 files corresponding to 14 titles of the Russian-language prints from Zinaida Gippius and Dmitry Merezhkovsky Paris library sold to the National Library of France (BnF) by Vladimir Zlobin. The description is an annex to the article “Zinaida Gippius reading works from her Paris library” published in issue 14 of *Literaturnyi Fakt* (2019). All prints are presented in alphabetical order. Each entry contains detailed bibliographic data supplemented by the book or magazine issue code in the BnF catalog, as well as the inventory number and the price from the inventory, which records the act of acquiring the Merezhkovskys' library by the BnF. In order to introduce Merezhkovskys' notes into scientific circulation as fully as possible, the description systematically gives the pages and lines marked by the spouses and all the textual and non-textual annotations of the owners. The graphic characteristics of the notes (color, means — ink, pencil, etc.) are also reproduced, making it possible to transmit Merezhkovskys' multi-layer notes with great precision. The description is particularly useful for the study of Merezhkovskys' creative method and journalism, as well as for the biography reconstruction.

Keywords: the Merezhkovsky's Paris library, Dmitry Merezhkovsky's Parisian collection of scientific works, National Library of France (BnF), emigration, Russian literature in the late 19th — early 20th centuries.

Information about the author: Olga Blinova, PhD, Associate Member of the Research Unit GEO UR1340, University of Strasbourg, Strasbourg, France; Associate Member of the Research Unit CREE EA4513, INALCO, Paris, France. E-mail: blinova.olga.aleksandrovna@gmail.com

Citation: Blinova Olga. The Merezhkovskys' Paris library: Description of printed materials in Russian. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 2 (16), pp. 243–277. DOI 10.22455 /2541-8297-2020-16-243-277

ГЕОРГИЙ АДАМОВИЧ

DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-278-306
УДК 821.161.1

Из архива Г.В. Адамовича

© 2020, А.И. Серков

Аннотация: Работа посвящена публикации архивных материалов, связанных с именем поэта и литературного критика Георгия Адамовича (1892–1972) и не вошедших в собрания его сочинений, издание которых было начато в последние годы. Публикуемая подборка, которая вносит определенный вклад в изучение наследия поэта и литературы Русского Зарубежья, призвана представить разные стороны деятельности Адамовича. Первый блок посвящен его масонской деятельности и включает в себя один из докладов, прочтенных Адамовичем на заседании русских масонских лож в Париже, «Тайна Пушкина». Вторая часть подборки, демонстрирующая многообразие переписки Адамовича, представлена письмом поэтессы Аллы Сергеевны Головиной о последних днях жизни брата, также поэта, Анатолия Штейгера, вероятно, наиболее яркого представителя так называемой «парижской ноты». Оно адресовано Адамовичу как идеологу указанного литературного направления. В качестве примера материалов, отобранных для неизданного тома из собрания сочинений Адамовича, было взято его выступление на вечере, посвященном Тэффи (Надежда Александровна Лохвицкая, в браке Бучинская, 1872–1952). Материалы сопровождаются вступительной заметкой и комментариями публикатора.

Ключевые слова: Г.В. Адамович, А.С. Штейгер, Тэффи, русские писатели и поэты в эмиграции, русские масонские ложи.

Информация об авторе: Андрей Иванович Серков, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, Москва, Россия. E-mail: aserkov@bk.ru

Цитирование: Серков А.И. Из архива Г.В. Адамовича // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 278–306. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-278-306

Данная публикация (по крайней мере, в таком виде) никогда не могла бы появиться, если бы мне не довелось встретить на жизненном пути Олега Анатольевича Коростелева. Объединил нас интерес к творчеству и биографии Георгия Викторовича Адамовича (1892–1972). В начале 1990-х гг. О.А. Коростелев был аспирантом Литературного института, я тогда же стал работать в Отделе рукописей Российской государственной библиотеке (далее — ОР РГБ), где из «спецхрана» в открытый доступ был переведен сравнительно небольшой личный архивный фонд парижского писателя. Архив Адамовича, переданный в ОР РГБ коллекционером Александром Яковлевичем Полонским (1925–1990), в определенной степени является скорее коллекцией материалов парижской русской масонской ложи Юпитер, членами которой были как Адамович, так и Полонский, что в силу профессионального интереса очень интересовало меня.

Следует напомнить, что работу исследователей в 1990-е гг. очень сдерживали многие факторы: доступность архивных (даже формально не «секретных») материалов; отсутствие системы копирования документов; компьютеры и мобильные телефоны были практически недоступны. Учитывая, что черновые автографы Адамовича поддаются прочтению с большим трудом, в одиночку что-либо сделать в обозримые сроки было проблематично.

Хотя формально диссертация О.А. была посвящена поэзии Адамовича, тем не менее интерес к литературной критике Георгия Викторовича вскоре стал для О.А. доминирующим. О.А. Коростелева интересовал поиск критических статей Адамовича в периодике, меня — неопубликованные работы идеолога «парижской ноты», его взаимоотношения с эмигрантской диаспорой. Так возникла мысль об объединении усилий в подготовке к изданию работ Адамовича. О различии подходов и интересов сейчас не время говорить, отмечу лишь, что была достигнута предварительная договоренность о совместном издании как минимум трех томов Адамовича: масонские доклады, переписка, воспоминания. В бескомпьютерную эпоху я занялся переписыванием, а затем и перепечаткой рукописей Адамовича, О.А. — копированием опубликованных работ.

Различные жизненные обстоятельства, постоянное «переключение» на другие работы задерживали выход из печати каких-либо книг Г.В. Адамовича. Наиболее активная моя совместная работа с О.А. относится, вероятно, к 1998–2000 гг. С началом нового тысячелетия «цифровизация» позволила изменить технологию подготовки книг к изданию, у О.А. как у ответственного секретаря историко-архив-

ного альманаха «Диаспора» появились определенные издательские возможности, поэтому к 2001 г. я передал ему свои копии (рукописные и машинописные) материалов Адамовича и теперь, увы, не знаю их судьбу, у меня же осталась так и «неиспользованная полностью» машинопись (порядка 500–700 страниц) отдельных мемуарных очерков (без переданных О.А. библиографических и комментаторских помет).

В 1998–2015 гг. (подчас с большим перерывом между выходом отдельных томов) в петербургском издательстве «Алетейя» было опубликовано 8 томов собрания сочинений Г.В. Адамовича. Практически вся работа по подготовке томов лежала на О.А. Коростелеве, но формально помимо самого О.А. в редколлегию издания входили я, С.Р. Федякин и Ж. Шерон. В 2015 г. издание указанного собрания сочинений в Санкт-Петербурге было прервано, и уже в московском издательстве Дмитрия Сечина было анонсировано новое собрание сочинений Г.В. Адамовича в 18-ти томах. Вскоре вышли, хотя и не в заявленном порядке, 4 тома, в значительной степени повторявшие петербургское издание. В проспекте нового собрания уже не было томов воспоминаний и масонских сочинений. Лишь в конце 2019 — начале 2020 гг. мое сотрудничество с О.А. возобновилось, помимо прежних издательских планов-идей появились и новые, связанные уже и с другими интересующими нас обоих лицами русской эмиграции, но безвременная смерть О.А. помешала их реализации.

Эта публикация не является подведением итогов давней работы, это скорее пока малая толика дани памяти О.А. Коростелева, воспоминание о совместных планах, о трех упомянутых ранее неизданных томах собрания сочинений Г.В. Адамовича.

Георгий Адамович сейчас более известен как поэт и литературный критик. Об Адамовиче как творце так называемой «парижской ноты», определявшей литературные вкусы русской эмиграции, писали многие, в том числе и О.А. Коростелев¹. Меньше знают об Адамовиче как об ораторе, чей талант проявлялся не только на собраниях многочисленных объединений русской эмиграции, но и в масонских ложах, о чем свидетельствует ряд мемуаристов. Адамович был посвящен в масонство в русской парижской ложе Юпитер 13 марта 1928 г., входившей в союз Великой Ложи Франции и работавшей по ритуалам так называемого Древнего и Принятого Шотландского Устава. Потом с перерывами, вызванными первоначально финан-

¹ См.: Георгий Адамович: Библиографический указатель работ о жизни и творчестве (1916–2010) / Сост. и предисл. О. А. Коростелев // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2012. М., 2012. С. 479–586.

совыми проблемами с уплатой взносов, затем с событиями Второй мировой войны, Адамович являлся членом русских лож в Париже вплоть до 1965 г., когда раскол во французском и, как следствие, русском масонстве заставил его прекратить членство. Наиболее активная масонская деятельность Адамовича относится к 1950–1965 гг., когда он становится своего рода «дежурным оратором» во время наиболее многочисленных собраний русских вольных каменщиков². Пробовал свои силы в масонстве Адамович не только как оратор, но и как летописец масонства, став одним из соавторов истории своей «материнской» ложи Юпитер³.

Всего известно о 27 масонских докладах Г.В. Адамовича, до настоящего времени выявлены тексты 12 из них. Доклад «Тайна Пушкина» был прочтен Адамовичем при праздновании Иоаннова дня в 1957 г. в Объединении русских лож Древнего и Принятого Шотландского Устава. Он печатается по черновому автографу, который хранится: ОР РГБ. Ф. 754. Карт. 2. Ед. хр. 38. Текст публикуется в соответствии с правилами современной орфографии при сохранении особенностей языка оратора. В тексте исправлены очевидные опечатки и ошибки. Большинство «зодческих» работ Г.В. Адамовича сохранилось в виде черновых записей, которые он заносил в «школьные» тетради. Обладая и без того далеко не безупречным почерком, в этих тетрадях Адамович совсем не заботился о каллиграфии, и его записи поддаются прочтению с большим трудом. Как правило, во всех словах Адамович опускал окончания и, например, вместо «это» ставил просто «э». В ряде случаев восстановление бесспорных окончаний сделано без специальных оговорок. В тех местах, где не удалось прочесть текст, ставится отточие в угловых скобках. Как правило, текст не удалось прочесть в тех случаях, когда Адамович осуществлял правку и поверх строки дописывал новые варианты. В своих тетрадях Адамович оставлял левую сторону чистой, а на правой писал; позднее записывал новые размышления-вставки или варианты на левой половине тетради.

По сравнению с «масонским» наследием Адамовича его переписка неоднократно привлекала внимание исследователей.

² О масонстве Адамовича см.: *Серков А.И.* Российские масоны. 1721–2019: Биографический словарь. Век XX. Т. 1. М., 2020. С. 79–84 (здесь же даны отсылки к опубликованным в 4-м томе этого же издания спискам членов русских масонских лож, в которых состоял Адамович, позволяющие в значительной степени воссоздать постоянный круг общения Адамовича).

³ *Адамович Г.В.* История ложи Юпитер / Предисл., подгот. к публ. и примеч. А.И. Серкова // Записки Отдела рукописей РГБ. Вып. 52. М., 2004. С.373–435; Вып. 53. М., 2008. С. 507–550 (здесь также помещены данные о масонстве Адамовича и о его докладах в ложах).

Опубликованы либо готовятся к печати важные массивы переписки Адамовича, раскрывающие различные грани жизни русской интеллигенции (парижский критик переписывался не только с представителями эмиграции)⁴. О значительном объеме переписки Адамовича говорит даже тот факт, что в Собрании сочинений ей было отведено по плану два тома. Переписку я почти не публиковал, за одним исключением.

Для представления многообразия переписки Адамовича было выбрано письмо к нему поэтессы Аллы Сергеевны Головиной (урожд. Штейгер, во 2-м браке де Пелиши; 1909–1987), сохранившей архив брата, постоянного корреспондента М.И. Цветаевой, также поэта, Анатолия Штейгера (1907–1944). История вокруг появления письма опосредованно связана с политическими разногласиями в русской эмиграции. В 1947 г. произошел раскол в среде русских писателей и журналистов⁵. Формальным поводом для ставших многолетними споров был вопрос об отношении к движению «советских патриотов», но в действительности происходило идеологическое и мировоззренческое размежевание эмиграции. Консервативному Союзу русских писателей и журналистов, где руководящую роль играли А.В. Карташев, Б.К. Зайцев, Р.Б. Гуль, Н.Н. Берберова (в Союзе к 1948 г., времени написания письма А. Головиной, официально состояло 110 человек) в определенной степени противостояло Объединение русских писателей и поэтов. Большинство членов последнего (из его руководителей и наиболее активных членов, кроме Адамовича, назовем Н.А. Оцупа, Ю.К. Терапиано, А.П. Ладинского) считали, независимо от личных симпатий к советской действительности и власти, русскую культуру и, в частности, литературу единой, без разделения на эмигрантскую и советскую.

⁴ Библиография публикаций эпистолярного наследия Адамовича является самостоятельной работой. О.А. Коростелев неоднократно публиковал материалы по этой теме, отмечу лишь, что одним из первых материалов нашего сотрудничества стало мое копирование писем Бунина к Адамовичу (ксерокопии хранятся в ОР РГБ), однако совместная публикация в середине 1990-х не состоялась из-за вопроса об авторских правах. Затем вышла публикация: Переписка И.А. и В.Н. Бунинных с Г.В. Адамовичем (1926–1961) / Публ. О. Коростелева и Р. Дэвиса // И. А. Бунин: Новые материалы. Вып. I. М., 2004. С. 8–164. Мной, в свою очередь, была осуществлена одна небольшая самостоятельная публикация: *Серков А.И.* О дружбе двух писателей; Газданов Г. Письмо к Г.В. Адамовичу; О нашей работе № 2. Из серии передач на радио «Свобода» // Возвращение Гайто Газданова: Научная конференция, посвященная 95-летию со дня рождения. М., 2000. С. 295–302.

⁵ См. подробнее об этом эпизоде: *Серков А.И.* История российского масонства: В 3 т. СПб., 2009. Т. 3. С. 40–41 (здесь дан также более полный перечень имен русских литераторов, поддерживавших противоборствующие стороны).

В Объединении было задумано провести ряд вечеров, посвященных памяти русских поэтов. Объявление об предстоящих планах было опубликовано в эмигрантской печати. Первый задуманный Объединением вечер состоялся 20 ноября 1948 г. На нем о своих встречах с литераторами и их поэзии говорили: Н.А. Оцуп об А.А. Блоке, С.К. Маковский об О.Э. Мандельштаме, В.Л. Корвин-Пиотровский о В.Ф. Ходасевиче, Н.Д. Татищев о Б.Ю. Поплавском, А.П. Ладинский о М.А. Кузmine. Второй вечер состоялся уже 27 января 1949 г., где с докладами выступили: В.В. Вейдле о Ф.К. Сологубе, Вад.Л. Андреев о М.И. Цветаевой, Ю.К. Терапиано о Н.С. Гумилеве, П.С. Ставров об Э.Г. Багрицком. На втором вечере и было «оглашено» письмо Аллы Головиной, посвященное брату⁶. Именно письмо, значимое для понимания идейных основ «парижской ноты», и было выбрано для публикации. Оно печатается по автографу: ОР РГБ. Ф. 754. Карт. 5. Ед. хр. 9 (страницы пронумерованы автором, авторская орфография и отчасти пунктуация сохранены).

Постепенно противоречия в двух парижских писательских союзах «сглаживались», тот же Адамович стал посещать и заседания «старого» союза, поэтому предпринятый опыт, требовавший затрат значительных усилий, не был продолжен в прежнем виде, а на заседаниях Объединения большие вечера памяти вновь были заменены поэтическими вечерами отдельных авторов и лекциями Адамовича о современной, преимущественно французской, литературе.

Взаимоотношения А.С. Штейгера и Г.В. Адамовича не всегда были равными, первоначально уже маститый литературный критик совсем не интересовался творчеством еще одного молодого поэта, даже не знал его имени. Однако, отчасти благодаря подсказкам З.Н. Гиппиус⁷, Адамович принял творчество Штейгера, ставшего своего рода образцом воплощения эстетики его «парижской ноты». Адамович неоднократно писал о Штейгере как при жизни, так и после кончины своего последователя⁸.

В начале моего сотрудничества с О.А. Коростелевым при издании сочинений Адамовича создавалось впечатление, что мемуарные очерки и некрологи парижского критика уже готовы к изданию. По

⁶ Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1940–1975. Франция / Под общ. ред. Л.А. Мнухина в сотрудничестве с Т.Л. Гладковой, В.К. Лосской, И.М. Невзоровой, А.И. Серковым и Н.А. Струве. Т. 1(5): 1940–1954. Париж; М., 2000. С. 278, 291 (далее — Хроника, с указанием тома).

⁷ См.: *Штейгер А.С.* Мертвое «да»: Стихотворения, проза, воспоминания, письма. Рудня–Смоленск, 2007 (в книге, в частности, помещена переписка Штейгера с Гиппиус, раскрывающая эволюцию мировоззрения молодого поэта).

⁸ См., например: *Адамович Г.В.* О Штейгере, о стихах, о поэзии и о прочем // Опыты. 1956. № 7. С. 26–36.

этому поводу О.А. писал мне, что «том уже переваливает за сотню статей» и он почти готов. Однако выработанные принципы издания, поскольку О.А. хотел следовать публикации «блоков» произведений Адамовича (бесед, заметок, комментариев) в отдельных периодических изданиях («Звено», «Последние новости», «Русские новости» и т.д.), так и не позволили реализовать планы.

Для примера материалов, отобранных для неизданного тома Адамовича, было выбрано его выступление на вечере о Тэффи. О Н.А. Лохвицкой (в браке Бучинской), известной как Тэффи, Адамович писал и ранее указанного выступления, опубликовав ее некролог⁹. Через 10 лет после кончины писательницы Адамович вновь почтил ее память. Публикуемое выступление состоялось 25 ноября 1962 г. в зале Русского музыкального объединения за рубежом на заседании Союза русских писателей и журналистов в Париже под председательством Б.К. Зайцева. После «слова» Адамовича артистами прочли рассказы Тэффи и разыграли ее скетч «Четыре не»¹⁰. Выступление Адамовича печатается по черновому автографу: ОР РГБ. Ф. 754. Карт. 3. Ед. хр. 3. Л. 1–6. Листы пронумерованы автором; в этой же тетради сохранились черновые наброски этого же выступления о Тэффи (Л. 7–13), выступления на траурном собрании ложи Юпитер о Дмитрие Николаевиче Ермолове (1884–1963), предпринимателе, соавторе Адамовича по масонской истории (Л. 17–19). В этой же единице хранения находится еще одна тетрадь (с отдельной архивной пагинацией), в которой собраны черновые наброски статей и выступлений Адамовича этого времени: о Достоевском, о «Матренине дворе» А.И. Солженицына и т.д.

*

Адамович Г.В. [Тайна Пушкина]

Д<осточтимый> Маст<ер> и д<орогие> б<ратья>.

Позвольте прежде всего сказать о слове «тайна», которое стоит в заголовке моей сегодняшней беседы. Правильнее было бы, если бы оно стояло в кавычках. Тайна Пушкина. У меня не было и нет претензии открывать в его творчестве или в его биографии что-либо такое, фактически <ки> что не было известно до сих пор. Я имел в виду

⁹ Адамович Г.В. Памяти Тэффи // Новое русское слово. 1952. № 14783, 17 окт. С. 8.

¹⁰ См.: Хроника. Т. 2(6): 1955–1963. С. 523.

знаменитую заключительную фразу знаменитой речи Достоевского на Пушкинском торжестве в Москве в 1880 г.¹¹

— Пушкин унес с собой в гроб великую тайну. И вот мы эту тайну разгадываем.

О чем именно говорил Достоевский? По его утверждению, Пушкин был всечеловеком и обладал в своей поэзии таинственным даром перевоплощения в француза, когда писал о Франции, в англичанина, когда писал об Англии — и так далее. Всё было ему будто бы доступно и всепонимание его, способность откликаться была бесконечна. Из этого положения — само по себе по приемлемости спорного — Достоевский сделал фантастический вывод: если наш национальный гений наделен был даром всемирной отзывчивости, то это верный залог того, что Россия призвана объединить все народы и озарить их к концу истории светом своей христианской, православной и самой своей правды. — Как вы, конечно, знаете, речь Достоевского произвела впечатление, другого примера которому во всей нашей литературе не было: когда он кончил — люди рыдали, бросались друг другу в объятия, кто-то даже упал в обморок. Несомненно, надо было слышать Достоевского, видеть его горящие глаза, его пророческий облик, слышать его глухой, страстный голос, чтобы что-либо подобное испытать. Когда мы теперь перечитываем эту речь, остается от нее немного, и во всяком случае остается впечатление, что Достоевский больше говорил о самом себе, чем о Пушкине. Я решусь даже сказать, что если бы Пушкин эту речь прослушал — без упоминания его имени — он, может быть, и не догадался бы и не мог, что речь о нем, настолько далеки эти славянофильские видения, надежды, догадки с типично славянофильским смешением смирения — с безграничной гордостью, унижения с заносчивостью, безбрежностью российской, настолько далеко всё это от его духовного склада.

Но речь имела в нашей литературе большое значение, и с нее именно началось стремление усложнить Пушкина, у Мережковского и — позднее особенно у Гершензона дошедшие до выискивания

---

¹¹ Речь Ф.М. Достоевского, произнесенная 8 июня 1880 г. на заседании Общества любителей российской словесности в Москве, посвященном торжественному открытию памятника Пушкину на Страстной (Пушкинской) площади 6 июня, и ставшая огромным общественным событием. См.: *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 26. Л., 1984. С. 136–149, 441–491 (коммент. Г.М. Фридендера при участии А.О. Крыжановского).

тайн и бездн в любом его пустячке, пусть и очаров<ательном> пустячке, вроде «Графа Нулина». Даже Ход<асевич>¹².

Было, правда, и сопротивление, была реакция. Определен<нее> всех высказался в этом смысле Милюков в своей книге «Живой Пушкин», категорически заявив, что никаких тайн у Пушкина не было и что тем он и велик, что это был бесконечно умный и бесконечно талантливый человек, но простой, здоровый человек, всякого национального мистического чаяния чуждый, во всяк<ом> [случае не] вер<ивший> в какую то особую миссию России.

Истина не всегда бывает посредине, но случается, что искать ее приходится действительно там. Пожалуй, это и так, когда начинаешь думать о Пушкине. Даже скептически относясь к предсказанию Досто<евского> о финальных гармонических аккордах истории, которые, будто бы, должны прозвучать в России в соответствии с пророч<еским> и символичес<ким> явлением Пушкина, надо, мне кажется, признать, что что-то таинственное в Пушкине действительно есть, при всей его видимой ясности. Может быть, даже не столько в нем самом, сколько в судьбе, в нашем отношении к нему, в месте его в истории России. Все-таки свести его по примеру М<илюкова> к тому, что он писал превосход<ные> стихи и дал прекрасные картины русск<ой> жизни, нельзя, — и не потому нельзя, что это умаляет его, а потому, что делая это, мы насилуем сами себя. Притом [я] вовсе не склон<ен> раздел<ять> обожест<вление> Пушкина, столь распр<остраненное>, идолопоклон<ничать> перед ним, и я вовсе не уверен, что Пушкин есть абсолютная вершина русск<ой> литературы, как, скажем Данте в Италии или Шекспир в Англии. Нет, у нас есть Тол<стой>, есть Гоголь, есть другие, и кому принадлежит русская литер<атурная> корона решить трудно, да решать это и ни к чему. Три чел<овека> как писа<тели> имеют на нее одни права.

Но у Пушкина особое положение и к нему особое, единствен<ное> отношение. Как первую любовь, Россия не может его никогда забыть, сказал Тютчев. Совершенно верно. То, что у нас возник «пушкинизм» — огромная наука при отсутствии толстойизма, гоголизма, лермонт<изма>, не случайно. То, что каждая вновь обнаруженная строка Пушкина, каждое новое сведение о его жизни и смерти — вроде недавно найденных в Ниж<нем> Тагиле писем Карамзиных¹³ — вызывает не просто литератур<ный> интерес,

¹² Фраза не дописана, по смыслу: «отдал дань этому стремлению». На полях помета: «через Гоголя Достоевского требов<ал> возвр<ата> к Белинскому».

¹³ Хотя письма были найдены в 1939 г., первая информация о них в печати относится лишь к 1954 г., а предварительная журнальная публикация Ираклия Андроникова — к 1956 (Новый мир. № 1).

а подлинное волнение, не случайно. Пушкин дорог России как-то совсем особо, и здесь, в этом, действительно есть что-то такое, над чем стоит задуматься. Размыш<ления> о Пушкине переда<ются> из поколения в поколение, это наше русское дело, и мы теперь, может быть, не совсем эту тайну разгадаем, над котор<ой> скло<нялся> Дост<оевский>, но делаем, пусть и с бесконечно уменьш<енными> силами, по существу то же дело. Так будет и в будущем. Некоторое средоточие русск<ой> мысли в Пушк<ине> сомнению не подлежит.

В чем же дело? — спрашива<ю> себя в сотый раз. Да, стихи, удивительная простота и свобода в э<тих> стих<ах>, удивительный ум, совер<шенство> в кажд<ой> строчке, — но не только же это. За стихами есть что-то другое, более общее — и вот о том, об этом общем, я и позволю в сегодн<яшний> наш празд<ничный> день высказать несколь<ко> соображений.

Кажется, нет ни одной ста<тьи> о Пушк<ине>, где не упоминалось бы слово «гармония» — набившее оскомину. Мало о нем и статей, где не говорилось бы, что он учитель, чуть ли не основ<атель> ве<ликой> новой живой русск<ой> литера<туры>, что с него всё начало<сь>.

Но подумаем, нет ли в этих двух положениях противоречия и в этом противоречии нет ли и ключа к Пушкину? Конечно, в школьн<ой> плоскости всё, что [в] обеих говор<ится> о П<ушкине>, правильно: он окончат<ельно> развил язык, он создал литератур<ные> жанры, он в сущности нап<исал> и перв<ый> наст<оящий> русск<ий> роман. До эт<ого> были только пробы пера. Но прив<ычная> форма зависима от него, вся великая поздне<йшая> русск<ая> литера<тура> создалась в порыве безотчетн<ого> восстания на него, и чтобы убедиться в этом, доста<точно> вспомнить, что о гармонии в прим<енении> к Лерм<онтову> или Гоголю, к До<стоевскому> или То<лстому> никто говорить не стал. У них, у этих странных учени<ков> и последов<ателей> Пушкина, нет недоста<тка> гармонии — которое можно бы<ло> объяснить как-либо, бедностью духа или мастерства — а сознательное, бурн<ое> отвержение ее во имя чего-то такого, что в гарм<онию> не укладывается и что в их представлении дороже, чем она.

Во имя чего-то... Нелепо определять во имя чего. Чем более думаешь о русской великой слепош<кинской> литературе, тем яснее видишь, что в ней, в самой основе ее, в основе побужде<ний> ее, в том, что прежде в крити<ке было> вопросом вопросов, что писатель хотел сказать, есть оттенок безумия. Конечно, я должен сразу оговориться, что я не вкладываю в это слово «безумие» ни тени осу-

дительного содержания. Безумие не сумасшествие: в него надо бы в данном случае вложить смысл самый высокий, почти священный. Она [литература] могла быть очаровательно анархична, как у Толстого, могла обольщаться насчет самой себя и своего охранительно-консервативного направления, как у Гоголя или Достоевского, но в глубоком разладе с жизнью, со всякими достижениями, с возможными формами жизни, и во всяком случае с формально-жизненными установками, она оставалась всегда. Сам консерватизм Гоголя с проповедью Евангелия и советом немедленно бить непредсказуемо крепко по физиономиям безумнее толстовской анархии. Ну, о взлетах и падениях Достоевского и говорить нечего. Но в этом споре с жизнью и ее сложившимися формами есть что-то глубоко задевающее человеческую совесть, и я думаю, что когда в конце прошлого века, после книг Вогюэ¹⁴ на Западе, при знакомстве с русской литературой, возник такой отклик от этих тем, что русский писатель внезапно разбудил совесть западного человека, будто толкнули спящего. Кстати, у Романа Роллана есть замечательный рассказ о том, как он давал читать Смерть Ивана Ильича людям, которые вообще мало читали — и о том, как растерянно возвращали ему книги и что они говорили в ответ.

Собственно говоря, во имя этого своего чего-то — высшего, неуловимого, недостижимого идеала — русские писатели камня на камне не оставляли не только во всяком общественном устройстве, во всяком представлении о государстве, но и больше — в самой культуре. Если бы не этот идеал, не этот порыв, они были бы нигилистами, но, конечно, язык не повернется сказать о них это слово, настолько идеал очевидно высок, настолько искренни и мучительны поиски его. Вспомним, однако, некоторые строчки Лермонтова, молившего творца избавить его от «страшной жажды песнопения». Вспомните, как умер Гоголь, мало-помалу признавая всё на свете грехом, кроме поста и молитвы. Всё опрощение Толстого, практически беспомощного и трагически упершегося в тупик.

Пушкин мог сомневаться в чем угодно, мог критиковать людей, порядки, не сомневался он только в одном: в значении и ценности культуры со всеми выводами из признавания этого значения и этой ценности. Мне всегда представлялось знаменательным, что, умирая, Пушкин взглянул на полку с книгами и сказал: прощайте, друзья! Представьте себе аскета Гоголя в последние дни, представьте себе

¹⁴ Вогюэ Эжен Мелькиор де (1848–1910), французский писатель и историк литературы, иностранный член-корреспондент С.-Петербургской Академии наук, автор книги «Русский роман» (1886).

Толстого в Аста<хове> — и вы почувствуете, насколько невозможно в их устах подобное восклицание. Сжечь надо все книги, бежать от книг, в них ложь, обман, смерть отцов, и уж конечно, если было когда-нибудь произнесено слово правды, то не ученым мудрецом и фило<логом>, а жалким рыбаком, кто не умел ни читать, ни писать.

Бердяев, скорее популя<ризатор> и комментатор, чем челов<ек> творческий, сказал о Толстом очень верные слова — что Толстой предложил «рискнуть миром», т.е. принял анархию во имя Бога, с верой, что только Бог человеческие дела устроит. Толстой, при своей нравст<венной> магии, имел право делать такие предложения. Но обыкновенные смертные, отдавая ему должное, удивляясь ему, преклоняясь перед ним, едва ли должны ему следовать в этом риске. У нас в случае проигрыша нечем будет платить. У нас это было бы просто нечистой игрой, на пустое «авось»¹⁵.

И вот тут как оплот, как защиту вспоминаешь Пушкина. Правда, можно было бы вспомнить и другого человека, моложе, который тоже в культуре не усомнился — Тургенева. Из бол<ьших> русских писателей Тургенев в последующем поколении единственный, который никак связан с безумной одержимостью не был. Но беда в том, [что] Т<ургенев> — не на уровне Гог<оля>, Д<остоевского> или Т<олстого>, и потому противостоять им не в силах. Можно сказать проще: при срав<нении> Т<ургенева> с Т<олстым> или Д<остоевским> <...> он просто не совсем понимает, не совсем знает, о чем те говорят, а возражает им как умный, образованный рационалист, убежденный в своей правоте <...> По-своему он прав, но говорит о другом. У Тург<енева> есть <...> стран<ицы>, глубоко возмутив<шие> Д<остоевского>, — строчки, где он с наибольшей резкостью выразил свое мн<ение>, что никаких мыслей у России нет, что всё э<то> досужее и опасное бахвальство, что кроме лаптей, кнута и гречн<евой> каши со щами Россия ничего не создала и не выдумала, и что лучшее, что может она сделать, это скромно плестись в хвосте западной цивилизации, ни на что другое не претендуя. Страница замечат<ельная> по страстности, вообще-то Тургеневу не свойственной, но полемически неубедительная: это м<ожет> б<ыть> убедит<ельный> отв<ет> на вульгарный ame slave, но это не отв<ет> Т<олстому> или Д<остоевскому>. Всё мимо, всё не о том.

¹⁵ [Приписка на полях:] Толстой враждовал с идеей государства, что нередко ставили ему в упрек. Но нельзя себе представить государства, с которым он мог бы ужиться, и дело тут не в русской монархии, а во всем органическом устройстве жизни.

Как это ни парадоксально, хронологически ответ Т<олстому> или Д<остоевскому> — тоже у Пушкина. Это нельзя понимать дословно, что было бы абсурдом; П<ушкин> не знал, конечно, что скажет р<усская> литература после него, но в том-то и чудо его явления, что он как будто заранее предостерег от этого. Он на этой высоте, на этом уровне. И зная, чувствуя всё то разрушительное неумолимо-несговорчивое, что бывает внушено совестью и религиозной тревогой, он дает представление о мире, где всё разрушение остановлено, не в пример Тургеневу, подлинное до подлин<ности> и высок<ой> мудрости, способное с любым безумием спорить. Я спросил себя в нач<але> своего слова: почему мы Пушк<ина> так любим? Мы, м<ожет> б<ыть>, не отдаем себе отчета в этом, но я думаю, в конце концов любим его за оправдание культуры и творчества, не только получить защиту, но именно достигнуть оправдания, за спокойствие, которое он вносит в душу, пусть индивиду<альную> и несчастную — это дело личное и второстепенное — за то, что с Пушк<иным> можно жить и что-то делать в жизни, а не биться головой о стену или как рыба на песке, задыхаться <...> Конечно, в литер<атуре>, в поэзии нет схематизма, и напрасно, даже наивно было бы искать у Пушкина прямых, логически понятных и декларативных заявлений об этой теме. Цитатами можно доказать или опровергнуть всё, что угодно, потому что поэт не попугай, который неизменно повторяет одно и то же. Логически содержание цитат бывает бесконечно противоречиво. Но то, что остается, когда отдельные мысли и отд<ельные> слова забыты, то, что выделяется как дух и сущность творчества, обмануть не может. Пуш<кин> мог сказать в начале речи, что от судеб защиты нет, или в конце ее «что на свете счастья нет», его поэзия ост<ается> жизнеутверждающей и мироутверждающей — не в том смысле, что когда-нибудь Россия возвестит изумленному миру последние истины и тайны, а проще, скромнее, в том смысле, что как выразился Чех<ов>, что «надо дело делать» [в] страшном мире[, в] страшной жизни упорно, не малодушничая после неизбежных срывов и неудач, с мужественным, даже героическим согласием себя ограничивать, и помнить о недоступном, храня его отблеск в душе, не отбрасывать мир и жизнь из-за того, что достигнуть недостижимого не могут. Я думаю, что когда он незадолго до смерти ставил себе [в] заслугу то, что «чувства добрые он лирой пробуждал», именно так должны быть поняты. В этом, глубоком и истинно человеческом значении, Пушкин ближе всех других писателей нашему ордену.

И я был бы рад, если 120 год<овщина> со дня его смерти, как, впрочем, каждый раз, когда мы его вспоминаем, дала бы нашему со-

бранию особый праздничный и торжественный хорал и объединила бы всех.

Я, м<ожет> б<ыть>, злоупотребляю вашим вниманием, но все-таки хотел бы сказать еще два слова, совсем коротко о посмерт<ной> судьбе Пушкина <...>

Конечно, его положение в русской культуре особое — потому, что в этой культуре, которая в лице великих своих представителей сама себя испепеляет и уничтожает, и в неукротимом своем максимализме ни перед чем не останавливается, он единственное явление мудро-разумн<ого>, а не мудро-безумного. Но и в русской истории вообще положение его особое. Откуда он явился? Почти из ничего, после еще недавнего державного варварства, это беспримерное совершенство, неслыханное чувство меры, — неслыханное не только по сравнению с нашим русским писателем, но и по сравнению с Западом. Ипполит Тэн¹⁶ сказал о Тургеневе, что это эллин в совр<еменной> литературе. Ну, какой Тургенев эллин? Тургенев — либерал слаб<ольный>, чуть-чуть <...> русский барин, а не эллин, но Т<ургенев> был ученик Пушкина, и через него, вероятно Тэн почувствовал Пушкина, в котором действительно больше, чем в любом западном писателе прошлого века, было что-то греческое. Россия как будто показала в Пушкине, что она может дать — но не удержала этого, выпустила из рук, или принесла в жертву. 29 I 1837 — дей<ствительно> таин<ственная> дата в русской истории. Не то, что точно в этот день, но приблизительно в эти годы — с этим днем в<сё> ценнейшее, всё у нас началось катиться под гору, к будущим неизбежным и страшным временам, в литературе, в обществ<венной> жизни, во всем. В Пушкине было чистое и ясное видение, проявление возм<ожностей> России, как будто померкнувшее с его гибелью.

И странно, что у нас, у многих русских людей есть передаваемое по наследству чувство ответ<ственности> за его гибель. Еще Б<лок> сказал, что П<ушкина> убила не пуля Дантеса¹⁷. Но за фактическим предлогом убийства есть причина более общая и глубокая. Не знаю, ощущал ли это сам Пушкин, но смерти он явно искал, как будто зная, особо чувствуя, что она нужна и что для нее настал срок. Теперь, оглядываясь на это уже далекое прошлое, начинаешь думать, что случается в истории народов и цивилизаций, что это [в] нас и цивилизации убивали лучшее, что они создали и что есть в этом какая-то

¹⁶ Тэн Ипполит (1828–1893), французский литературовед, философ, родоначальник культурно-исторической школы.

¹⁷ Начало фразы из речи «О назначении поэта».

внут<ренняя> закономерность будто нужна искупительная жертва. Я не хотел бы ссылаться на пример религиозный, такое сопоставление могло бы многих покоробить или оскорбить, но можно сказать, что смерть Пушкина в истории России¹⁸ приблизительно такое же место, как смерть Сократа в Греции, — только мы не дождались еще своего Платона, кот<орый> об этой смерти сумел достаточно рассказать бы. Это не просто смерть, а именно убийство и жертва. Не уберегли, не спасли, не поняли.

В истории России сам этот грех внутренне обогащает ее и усложняет новым смыслом. Произошло что-то непростительно-нелепое, на первый взгляд, и при этом загадочно-значительное. Сам актер этой как будто банальной свет<ской> драмы, этот беспечный и глупый кав<алерийский> офицер лично невиновен — п<отому> что он не знал, что делал, как лично не очень виновна была и глупей<шая> Н<аталья> Николаевна, тоже ничего не понимав<шая>, оказав<шаяся> <...> бессознательно участницей нашей великой национальной трагедии, если и марионеткой, то в руках Рока, а не светских интриг и кокетства. Было бы слишком самонадеянным начать решать, зачем эта жертва была нужна, но чем о ней более начинаешь задумываться, тем глубже чувствуешь, что опоз<нание> чрез Пушкина России есть до сих пор и что первая проверка истинной русскости русс<кого> человека не в каком-либо национальном маскараде и крикл<ивых> патриотических лозунгах, а именно в чувстве Пушкина, его судьбы и его знач<ения>, в вере его памяти. Можно считать, что в истории вообще никакого смысла нет, и действуют в ней лишь слепые, никем и ничем неуправляемые силы. Но если это не так, то в русской истории есть не несчастный случай, а общее печ<альное> событие <...>.

*

А. Головина — Г. Адамович

15 ноября 1948 г. Берн

Madame A. Golovine de Steiger

Belpstrasse 53
Berne
Suisse.

15.11.48.

Дорогой Георгий Викторович, сегодня я прочла в «Русских Новостях» об устраиваемом вечере памяти умерших за последнюю

¹⁸ В тексте явная описка «Греции».

четв<ерть> века поэтов. Я не знаю, кто будет выступать с воспоминаниями и будут ли читаться стихи поэтов или же они будут лишь попутно цитироваться, будет ли кто-либо вообще говорить о моем брате и т.д., но мне захотелось до этого вечера написать Вам и о нем. Если что кому пригодится, буду рада. Можно бы было дать целую небольшую статью о последних годах его жизни, т.к. я была всё время именно эти последние годы с ним тесно связана, как когда-то лишь в раннем детстве, но, увы, времени — несколько дней, и мне некогда почитать его «архивы», полистать, подготовиться, подумать и написать конкретно и кратко. Я знаю, что Вас с моим братом связывало долгое приятельство, что он очень Вас любил, из-за Вас пререкался — много, например, с Цветаевой (она ведь так в своих знакомствах оказывалась ревнива и недопускающая никого к никому), что Вы, наверное, не удивитесь, что я всё-же пишу об Анатолии и именно Вам. Кстати, о Цветаевой, ее я близко знала последние ее годы жизни в Париже (мы видались под конец почти ежедневно), так что если бы время мое перед этим вечером не было столь ограничено, то и о Марине я могла бы рассказать много «живых» вещей¹⁹. Ведь круг ее знакомств был так невелик под конец. Черновы²⁰, Бунаков²¹, докт<ор> Лебедева²², артистка Гальперн²³, и это, кажется, всё. Других она встречала лишь эпизодически, спорадически, как-то. И тому было много причин, из кот<орых> нежеланье общаться с эмиграцией было — неглавной, разумеется, а лишь — классическим поводом. Но не о Марине речь, а об Анатолии. Мне кажется,

¹⁹ О взаимоотношениях Марины Цветаевой с Анатолием Штейгером и его сестрой Аллой Головиной см.: *Цветаева М.И.* Письма Анатолию Штейгеру / Сост. и подгот. текста С.Н. Клепининой; примеч. Р.Б. Вальбе. Болшево, 1994; *Цветаева М.И.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 6–7: Письма / Сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина. М., 1995.

²⁰ Речь идет о семье политического деятеля, идеолога Партии социалист-революционеров, публициста Виктора Михайловича Чернова (1873–1952) и его второй жены Ольги Елисеевны, урожденной Колбасиной, в первом браке Федоровой (1886–1964). Их дочери (первые две от первого брака О.Е. Колбасиной, удочеренные В.М. Черновым) были замужем за молодыми литераторами русской эмиграции: Ольга (1903–1978) — за Вад.Л. Андреевым (1902/1903–1976), Наталья (1903–1992) — за Д.Г. Резниковым (1904–1970), Ариадна (1908–1974) — за В.Б. Сосинским (1900–1987).

²¹ Фондаминский Илья Исидорович (псевд. Бунаков; 1880–1942), революционер, в эмиграции — редактор, религиозный деятель.

²² Лебедева Маргарита Николаевна (урожд. баронесса Спенсер; 1880–1958), жена революционера и политического деятеля, редактора Владимира Ивановича Лебедева (1885–1956), близкая подруга М.И. Цветаевой.

²³ Прочтение фамилии предположительное. Вероятно, речь может идти о Саломее Николаевне (Ивановне) Гальперн (урожд. Андрониковой, в первом браке Андреевой; 1888–1982), в эмиграции редакторе французских иллюстрированных журналов, постоянно финансово помогавшей М.И. Цветаевой.

что Вы с ним переписывались мало, последовательная переписка <—> вещь, не для всех годящаяся, увы. А как его радовали Ваши письма. У Анатолия этот дар был, и он переписывался много и со многими. Сознание, что всем буквально его друзьям плохо и что им угрожает опасность, его убивало буквально. В санатории в Leysin он пробыл 1½ года. Умер он 23го октября 1944 года²⁴. Он похоронен в Берне. Я перевезла его тело, и его отпевали в часовне на здешнем распрекрасно подчищенном и цветущем кладбище, где есть и земляки (много), а среди них — Долгорукий, написавший анонимное письмо Пушкину²⁵, и Бакунин. Анатолий эти могилы фотографировал, он любил «маленькую историю», Вы это, вероятно, знаете. Сейчас мы поставим ему хороший крест, до сих пор стоит временный, а вокруг штамбовые розы. Он просил розы и вереск (из нежности к Бренте; он немножко считал выводок Штейгеров схожим с теми бедняжками в ландах). Но к этому вечеру вопрос о родовой или семейной саге отпадает. Т.к. Leysin находится очень далеко от Берна (6 ч. езды, 3 пересадки, множество денег), то я его видала сравнительно редко последние 1½ года, к тому же — привязанная к военному бюро, в кот<ором> до его болезни мы работали вместе. Свои же последние каникулы я провела в сентябре частично с ним, и т.к. положенье было уже совершенно безнадежно, собиралась как-нибудь сотворить чудо и его последние недели провести с ним. Он умер неожиданно во сне, месяца за 2 до предполагаемого срока, от разрыва сердца. До 11ти ч<асов> вечера он сидел в комнате рядом, у товарища и «поддерживал ему мораль». Смерть его была легка и ясна. Я приехала на следующий день, на ночном столике лежали письма, на кот<орые> он еще не ответил (помню прекрасное письмо Ек. Кусковой из Женева) (кажется, Вы с ней когда-то ужасно полемизировали или она с Вами), стоял горшок вереска и Евангелие. А на рабочем столе лежали фотографии и альбом, и начатая для швейц<арской> газеты статья, кажется, о Польше. Всё было педантично и четко, как карты на стенах, Гитлер в виде свиньи, сувениры из Албании, огромное окно на прекрасную долину Роны. (Он говорил: у меня окно, как легендарное — в Бертесгадене.)²⁶ Пишу «педантично», п<отому>

²⁴ Ранее считалось, что А.С. Штейгер скончался 24 числа.

²⁵ Долгоруков Петр Владимирович (1816–1868), историк и публицист, с 1859 г. — в эмиграции. Долгорукова долгое время подозревали в авторстве анонимного пасквиля, который послужил причиной дуэли А.С. Пушкина. В последнее время графологические экспертизы доказали, что пасквильные письма написаны не рукой Долгорукова.

²⁶ В общине Берхтесгаден в Баварии располагались резиденции руководителей нацистского государства, в том числе «Орлиное гнездо» А. Гитлера.

ч<то> боюсь, чтобы Вы меня не заподозрили в «розовой воде», и потому кидаюсь в иную крайность. Конечно, не педантично, а — мужественно и достойно, и так — *lucide*²⁷. Он же знал, что умрет очень скоро, да и врач сказал ему об этом в лоб, теперь такая манера... И Анатолий после этого попросил меня на моих каникулах приехать к нему. Я болтала, как сорока, о бюро, о войне, о том, что было и будет в Париже, о локальных сплетнях — «лушила горох», и он слушал, как всегда, нежно и иронически, а потом сказал: это, душка моя, неважно для меня, я же умираю. И у меня не хватило человеческих сил *показать*, что я понимаю правду. Мы провели с ним вместе несколько дней, весь последний «жар жизни» в нем уже был транспонирован (кажется — выражение Фельзена²⁸) на боль и на страх за друзей, о кот<орых> он *всегда и вообще* больше беспокоился, чем о себе. Мы говорили много о Вас, в маленьком блокноте его последнего дневника (книжечка подарена Мар<иной> Цв<ветаевой> с многозначительным и строгим введением), он тоже много пишет о Вас, с тоской немножко однобокой дружбы и пламенной наивностью преданности и верности духовной, каковые можно сейчас повстречать лишь в советск<их> романах, стихах, фильмах; у «мологвардейцев», например. Ибо это не немецкий романтизм, отнюдь... Не берусь сейчас об этом рассуждать, письмо пишу наско-ро, без плана, оно — *décousue*²⁹ на удивленье, но «фон» моей памяти сейчас настолько огромней того, о чем я пишу без подготовки, конструкции, дисциплины, техники (последние слова пишу смеясь и из озорства, и всё-же они — правда). Так вот, «в той книжечке из красного сафьяна», заполненной аккуратным и опять же педантичным почерком и по старому правописанию, Анатолий говорит о том, как он болен, как он смертельно устал, но эта «нытика» лишь введение (*его* введение) к юным призывам к Вам «для беседы до 3^x ч<асов> ночи, в каком угодно городе и кафе, ибо “за озарения”³⁰ Адамовича и за некоторые строки его стихов я не задумываясь отдал бы всё, что мог, и, конечно, забыл бы свое умирание». (Больных ведь не смерть страшит, а умирание, — не старческое постепенное остывание чувств, а — исчезновение, внезапная их атрофия при внешнем ярчайшем их порой выражении.) Я не знала, да об этом раньше никогда и не думала, Георгий Викторович, что Вы были таким могучим и могущественным духовным стимулом для Анатолия и что, значит,

²⁷ Ясно (*фр.*).

²⁸ Фельзен Юрий (наст. имя Николай Бернгардович Фрейденштейн; 1894–1943), писатель, прозаик, литературный критик.

²⁹ Несвязное (*фр.*).

³⁰ Сверху приписано — «прозрения?».

вероятно, и для других были и есть тем же, ибо «по целому ряду причин» «отстояла» от Вас очень далеко всегда (когда я говорила, что Вы мне милы, мне, кажется, даже не верили), и только с годами, смертями, войнами, одиночеством и запоздалой взрослостью и серьезностью (важностью — по Пушкину) и вот с этой вот книжечкой дневника «обращаю на Вас свое второе зреньё» и благодарю Вас за те годы, когда Вы с Анатолием встречались или Анатолию писали. О, как бы я об этом хотела с Вами поговорит <до 3^х ч<асов> утра безразлично в каком городе и кафе>... Это не личные рассуждения в письме, а один из стержней жизни Анатолия, додержавших его до окт<ября> [19]44 года. Вы видите, что если бы я сделала выписки из его дневника, то мне бы пришлось писать о нем, Вас и всех — год, ибо я бы не удержалась от комментариев. Кстати, до августа этого года я не могла притронуться к архивам Анатолия, ни повесить у себя в комнате его фотографию, но в августе из городка Ольтен (около Базеля) приехал ко мне редактор местной газеты и попросил меня составить книгу об Анатолии. Это издание не было задумано как рентабельное, как говорится, а лишь как *hommage*³¹ его памяти. И тогда я заставила себя заняться немного наследием Анатолия. «Немного», п<отому> ч<то> вижу, что для иностранцев многое не скажет ничего, а многое и сказано быть не может. Анатолий все годы войны систематически писал статьи для швейцарских газет (их — множество и большинство — с фотографиями): для Бунда (аффициоз), для Бернер Тагеблатт'а, для l'Illustré. Но это отдельным изданием теперь опубликовать неинтересно. Все газеты написали после его смерти чудовищные по экзотике и лжи некрологи, хорошо только, что всюду была напечатана прелестная его фотография: кудрявый и нежный юноша. Да ведь он и бывал еще таким до конца, хотя ему и исполнилось 37 лет в [19]44 году. Это, вероятно (некрологи), случилось по моей вине, п<отому> ч<то> мы с младшим братом³² никого не принимали (но младший брат *roug une fois*³³ объявил себя некомпетентным), и бред об Анатолии был таков, что трудно себе представить. Хоть судись. Но нам было не до того. Всё ведь подавалось, в конце концов, в форме панегирика или апологии или русского сфинкса, ибо и *ame slave*³⁴ не хватало в [19]44 году. Не забудьте, что в это время всюду и везде печатались взволнованно и зловеще приправленные «Скифы» Блока или Пушкина: «клеветникам России»,

³¹ дань (*фр.*).

³² Вероятно, речь идет о Сергее Сергеевиче Штейгере (ум. 1987).

³³ на этот раз (*фр.*).

³⁴ русской души (*фр.*).

и подозрительное множество «Пророков», т.к. все русские стихи без заглавия примерно так окрещивались в связи с «непонятными» победами красной армии. Так уже почти космополит Анатолий стал русским до шовинизма после смерти, и так лучшее написанное им ждет не иностранных *hommage*'ей, а русского издателя-благотворителя, коего, вероятно, в эмиграции больше не сыщешь. Стихи Анатолия приведены в полный порядок им самим перед смертью, это избранные стихи за все годы его творчества, и называется сборник $2 \times 2 = 4^{35}$. Пока этот сборник лежит только на моем столе. С начала войны Анатолий не писал стихов *сознательно* и жизни своей после войны никогда не видел. «Я, душка, — сказал он мне в 1940ом году, — одна из жертв Гитлера. Я буду с ним воевать и погибну». Он дважды получал предупреждения от служащих немецкого посольства, во время войны, что он состоит за свои статьи в каком-то там списке и после войны поедет с некоторыми швейцарскими журналистами и евреями в Сибирь на рудники. Оба раза он весело ответил, что решил «раз в жизни пострадать за убеждения». И, несмотря на крайнюю нейтральную осторожность швейцарских редакторов, ухитрялся писать в своих статьях, действительно, ехиднейшие вещи, кот<орые> весело-же некоторыми его читателями расшифровывались. Тут было во время войны несколько таких журналистов, кот<орые> всё пробивали, как Гаршинская пальма в оранжерее³⁶, боюсь всё-же сослаться на прием таких романистов, как Сервантес или Свифт, но, уверяю Вас, это шло по той же лестнице. Вообще странный этот веселый вызов его был таким прекрасным его последним обликом (в течение 4^х лет), такой цельной монолитной человеческой гранью, что я, несколько стилизованно всегда ему кричавшая об его разложении и прочем, впрочем, более для возникновения полемики, т.е. для движения жизни, в стихах и в жизни, долгие годы нашего прозябания тут им гордилась, и не <потому> <что>, оставаясь самим собой, при испытании он смог делать всё и лучше многих: при своем состоянии здоровья работать 8½ ч. в бюро (годы), любить отсутствующих и забывших друзей, бороться с немцами, быть скромным и нетребовательным на удивленье, «поддерживать чужую мораль» до последней минуты жизни. Когда я у него (живого) была в последний раз, я останавливалась в его санатории и со всеми познакомилась, и последнему его другу, умирающему и теперь умершему юноше полуан-

³⁵ Этот сборник был опубликован парижским издательством «Рифма» в 1950 г. (первая книга издательства, редакционную коллегию которого возглавлял С.К. Маковский).

³⁶ Отсылка к сказке-аллегории В.М. Гаршина «*Attalea princeps*» о пальме, рвущейся к солнцу сквозь крышу оранжереи и погибающей под холодным небом.

гличанину, послала перстень с сапфиром с руки Анатолия. Вся санатория, когда я приехала за телом Анатолия, *рыдала* буквально, кроме остолбенелой — меня... На его похоронах было вот именно «стечение народа». Так вот когда я приехала еще к нему живому, в моей комнате он поставил цветы и положил переписанные им любимые свои стихи русск<их> поэтов. Ваши там: «когда мы в Россию вернемся», я цитирую сейчас по памяти и, вероятно, ошибаюсь, но это те стихи, где есть строки «над нами трехцветным позором полощется нищенский флаг» и «как будто “коль славен” играют в каком-то приморском саду»³⁷. Вот как я бессознательно сейчас разболталась и ничего не рассказала, но ведь я и мысли об Анатолии вообще годы подавляла, п<отому> ч<то> это такая еще живая боль, и в памяти — никакой еще нет кристаллизации, отсева, прохлады мемуариста. Поймите меня и не посчитайте графоманкой (я этим никогда не грешила, а писем и вообще не пишу почти, п<отому> ч<то> просто не умею). Это монолог, это то, что «охватило» (Чарская³⁸, Цветаева) при чтении газетной заметки о вечере. У Вас, вероятно, есть сборники стихов Анатолия, новых стихов — нет. А это письмо лишь «позывное» о нем или «климат» или «бульон» последних лет. Мало? Да, по существу, мало. Но вот я уже и не знаю, что добавить к бюро, вереску, статьям, перстню. Последнее, что он мне рассказал, был ужас о Греции, т.к. в Leysin тогда оттуда прибыл один журналист. (Он видел сам: немцы ехали в автомобиле (Афины). Ребенок — мальчик 8^{ми}-лет играл в мяч на улице, и мяч угодил в крыло автомобиля. Немцы, всюду видевшие покушения, остановились. Один из них, чтобы наказать греченка за пережитый страх, положил его руку себе на колено и сломал в локте. Потом все — уехали.) И вот пора кончать, давно пора. Дорогой Георгий Викторович, будьте так добры и передайте мой сердечный привет Червинской, Терапьяно, Гингеру, Присмановой, Ивановым, Софиеву, *Ставровым*³⁹ и всем, кого встретите (я так часто вспоминаю милую Марию Ивановну, кот<орая> дольше всех

³⁷ Неточная цитата из стихотворения Г.В. Адамовича «Когда мы в Россию вернемся...» 1921 г.

³⁸ Вероятно, Головина подразумевает «Записки маленькой гимназистки» (монолог для девушки 11–14 лет) писательницы Лидии Алексеевны Чарской (наст. фам. Чурилова, урожд. Воронова; 1875–1937).

³⁹ Речь идет о поэтах, преимущественно примыкавших к «парижской ноте», литературному направлению, основанному Г.В. Адамовичем и наиболее ярким представителем которого был А.С. Штейгер: Червинская Лидия Давыдовна (1907–1988), Терапиано Юрий Константинович (1892–1980), Гингер Александр Самсонович (1897–1965), жена последнего Присманова Анна Семеновна (наст. имя и фам. Анна Симоновна Присман; 1892–1960), Иванов Георгий Владимирович (1894–1958), жена последнего Одоевцева Ирина Владимировна (наст. имя и фам. Ираида Густавовна Гейнике; 1895–1990); Ставров Перикл Ставрович (наст. фам.

писала мне), и попросите кого-нибудь написать мне литературно-фольклорное письмо. Я всех помню и люблю, но так плохо пишу письма и так меня жизнь отвела в сторону ото всех, что пусть какая-либо добрая душа поймет меня, не осудит *и напишет*. Вас я очень прошу отозваться на это всё. И еще у меня просьба. Я до сих пор не читала *Ориона*⁴⁰, а очень хочу — прочесть. «Эстафету» читала, иногда почитываю «Новый Журнал» и «Новоселье», и «Русские новости», и, разумеется, советск<ие> издания, а Орион как заколдован, не могу достать, несмотря на все попытки. Пришлите мне Орион, кто-нибудь! Когда-то в «Совр<еменных> Зап<исках>» печатались «письма оттуда». И Вы ответили там-же на эти письма. В плане микрокосмоса это мой случай сегодня, напишите мне письмо сюда, это будет доброе слово, кот<орое>, конечно, тоже — доброе дело. Разумеется, по существу, оно может быть и недобрым. Всего лучшего.

Алла Головина.

P.S. Сердечный привет Ивану Алексеевичу. Что такое произошло на его вечере?⁴¹

* * *

Не получая писем столько раз
Мы сочиняли (в самоутешень?)
Наивно-драматический рассказ
Про пистолет, болезнь или крушенье...

Отлично зная — просто не до нас.
(Но уж не в силах обойтись без фальши,
Поверить правде до конца страшась,
Не смея думать, что-же будет дальше)...

--

Задрезбезджит на лестнице звонок.
Она войдет. Присядет. Что-то скажет.
За нею следом принесут венки.

Ставропуло; 1895–1955) и его жена художница Марина Ивановна (урожд. Смирская; 1891 — не ранее 1939).

⁴⁰ Речь идет о литературном альманахе 1947 г. «Орион», изданного тиражом 700 экземпляров, в котором участвовал Адамович.

⁴¹ Вероятно, речь идет о литературном вечере И.А. Бунина 23 октября 1948 г., где он сказал, что не любит пьес А.П. Чехова, что вызвало резкое осуждение в эмигрантской печати.

Три долгих дня пройдут до похорон.
Три дня его не вынесут из дому.
Но ничего уж не исправит он...
И как ему исправить неживому?
А. Штейгер⁴².

Адамович Г.В.
[Выступление на вечере памяти Тэффи]

В сегодняшнем нашем собрании, в самом замысле его есть какое-то неустр<анимое> противоречие. Собрание связано с 10-лет<и-ем> со дня смерти Н.А. Т<эффи> — приурочено к этому дню — и, значит, это собрание траурное. Если не обязательно должно оно быть печальным, то всё же должно бы настроить присутств<ующих> и их мысли на лад серьезный и строгий. Между тем многие из тех, которые сегодня здесь собрались, пришли, чтобы смеяться — и, наверно, смеяться они будут. Надо бы, значит, это противоречие как-нибудь сгладить, и сначала вспомнить Тэффи и поговорить о ней без смеха, затем этот смех себе разрешить, — тем более что и сама покойная Н.А. едва ли представила бы себе вечер, посвященный ее творчеству, без того, чтобы смех возник. Имя Тэффи — останется в русской литературе веселым именем, хотя в жизни ее неизменно вплеталось что-то двоящееся, какое-то дребезжание, без которого у нас после Гоголя — по крайней мере, у писателей настоящих — после Гоголя и до Зощенко включительно смех редко и обходился.

Как-то неловко теперь повторять выражение: «смех сквозь слезы». Слишком оно избито, пожалуй, даже опошлено. С тех пор, как — даже если оставить Гоголя, новейш<ий> русский смех облагородившего, сделавшего невозможным, неприемлемым для русского слуха плотоядное, жирное гоготание, здоровенный раскатистый хохот, — с тех пор, как почти 3000 лет тому назад улыбнулась сквозь слезы, прощаясь с Гектором, гомеровская Андромаха. Но у Тэффи только человек исключительно рассеянный или поверхностный не заметит под шутиливой оболочкой грусти. В этом смысле Гоголя она не изменила, а могла бы вслед за ним и в виде комме<нтария> ко всем своим шуткам сказать: «Скучно жить на этом свете, господа!»

Откуда эта грусть? Что, ей не по душе была сама жизнь? Или, говоря языком книжным, она «не принимала мира» и, как Ив. К<арамазов>, хотела бы вернуть Богу билет на вход в жизнь? Нет, едва

⁴² Два стихотворения А. Штейгера 1930-х гг.

ли. Мир и жизнь наши, какими были они созданы, она принимала и даже готова была их славословить. Не по душе ей было только то, во что люди превратили существование, — и долгим, пристальным, умным, насмешливым взглядом смотрела она на людей, на их дела и делишки, на их дрызги и заботы, смотрела с удивлением и сожалением. К драматизированию, к суровым, беспощадным приговорам склонности у нее не было. О чем бы Тэффи ни рассказывала, тон она брала такой, будто коснулась сущих пустяков. Но нет сомнения, что с тем же насмешливым удивлением, с которым глядела она на своих бестолковых и незадачливых героев, взглянула бы она и на читателя, который ничего, кроме шуток и юмора, в ее рассказах не нашел бы.

Как всякий человек, вероятно, в личной своей жизни ей приходилось думать. Размышлять о катастрофах нашей эпохи, о революции, войнах, потрясениях, о всяческих бедствиях, которыми наш век — вопреки предсказаниям, делавшимся в веке прошлом — оказался так богат. Но творческое ее внимание обращено было исключительно на то, что другой юморист назвал «нашей маленькой жизнью», на пыль и брызги этих мировых катастроф, на щепки, летящие при рубке огромных лесов, — и еще на то, что люди сами добровольно, по близорукости или по злобе, а иногда и по непоправимой своей душевной бездарности, к этим мировым катастрофам от себя добавили. Чехов сказал во времена сравнит<ельно> благополучные, что мир гибнет не от революций и войн, а от мелких домашних невзгод и неприятностей. Формула, которую теперь повторить трудно, после всего, на что мы насмотрелись. Но Тэффи приняла бы ее, только чуть-чуть изменив, т.е. сказав, что и после войн и революций многое в нашей жизни могло бы уцелеть во всей своей чистоте и прелести, если бы мы сами своей жизни не искажали.

Именно в этом, кажется мне, истинный смысл ее рассказов, которые за 30 лет — или даже больше — стали какой-то трагикомической летописью нашего эмигрантского житья-бытья, кот<орое> мельче жиз<ни> — со всеми этими бесчисленными, на все лады высмеянными эмигрантскими дамами, из кожи лезущими, чтобы при своих рязанских повадках сойти за природных парижанок, с их мужьями, способными до первого часу ночи спорить, прав ли был Плеханов в своей полемике против Михайловского или не прав, с их бездельниками-сыновьями, презирающими родителей не столько за Плеханова с Михайловским, сколько за то, что по их глубочайшему убеждению человек, к пятидесяти годам не сумевший обзавестись собственн<ым> автомобилем и не имеющий солидного счета в банке, уважения не заслуживает. Да, Тэффи была необык-

новенно наблюдательна, — в житейском порядке, пожалуй, более наблюдательна, чем какой-либо другой из новых русских писателей, не исключая и самых крупных. Может быть, объясняется это тем, что общие очертания мира и жизни, общие, основные линии эпохи ускользали от нее или даже вовсе не интересовали ее и не могли ее от мелочей жизни отвлечь. Если позволить себе такое сравнение, можно бы сказать, что с телескопом ей нечего было бы делать, зато микроскоп был в ее руках удивительный, — и улавливала она в нем того, чего другие не замечали. Книги ее полны истинных сокровищ этой мельчайшей житейской пронизательности, которые разбрасывала она мимоходом, сама не придавая им значения.

Вот еще вчера. Думая о сегодняшнем собрании, я перечитывал ее дневник, — и меня поразило в нем одно замечание. Приведу его для примера.

Тэффи пишет, что случается, когда у нашего знакомого или приятеля умирает кто-нибудь для них очень дорогой, мать, отец, сын, жена, муж — мы уговариваем себя: «нет, идти к нему не надо, ему сейчас не до меня, надо оставить его в покое, одного со своим горем», — но мы не отдаем себе отчета, что сами себя обманываем, сами себя оберегаем от трудного, тяжелого разговора и придумываем для своего малодушия удобное оправдание. В действительности же, если к человеку даже в самом глубоком горе прийти не с формальным словом соболезнования, а с настоящим вниманием к нему и к тому, кого он потерял, это всегда будет поддержкой и утешением. Как это верно! — и я думаю, каждый, спрося себя, скажет это. Это именно такие строки, о которых каждый читающих их — спрашивает себя: как мне это самому не пришло в голову. И, может быть, другой писатель, более расчетливый, не столь расточительный в своем богатстве, развил бы эту мысль на несколько страниц и иллюстрировал бы ее картиной, которая всем запомнилась бы. А Тэффи бросает ее на ходу, будто она уверена в своей зоркости и неистощимой способности разглядеть в жизни многое из того, чего никому другому увидеть не удалось.

Порой, однако, она бывает и жестока. «Не всегда...». Можно было бы вспомнить, говоря о ней строчку Анны Ахматовой.

Нелепым и жалким своим героям Тэффи, в сущности, прощает всё. Но она не выносит высокомерия, напускной важности, невозмутимости, и, несомненно, считала эти свойства признаком ограниченности не только умственной, но и душевной. Над людьми такого <рода> она, посмеивалась сухо и жестоко, с не при<сушей> ей черство<стью>, и так как стиль это человек, то Т<эффи> большей частью и заставляет таких людей изъясняться языком особенно

суконным и мертвенным, — вроде сверх-интел<лигентного> мужа, который в одном из ее рассказов поучает свою жену:

— Готовясь к материнству, вы должны особенно чутко осознать понятие долга и не упускать из виду интересов ребенка!

А она смотрит на него с тоской и думает: «Господи Боже мой! Ну какие у ребенка интересы?»

Замечательно, однако, что и тут Тэффи ищет возможности и предлога для снисхождения. Людей, которых называют сухарями, людей «в футляре» она недолюбливала, но чуть только мелькнет в них живой человеческий образ, как отношение ее меняется.

Вспоминаю одну из последних своих встреч с Н.А., когда она говорила, что хотела бы написать книгу о второстепенных героях русско<й> лит<ературы> — и прежде всего об Ал.А. Каренине, муже Анны.

— Его не понимают, к нему несправедливы, — настойчиво повторяла она и доказывала, что обаяние, очарование Анны и вызвало несправедливость к ее мужу, хотя всё зло и несчастье идет именно от Анны, а не от него.

И Н.А. с волнением вспоминала тот эпизод, где Каренин у постели своей больной, почти умирающей жены протягивает Вронскому руку, — ту главу, о которой Достоевский писал, что если Европа спросит нас, что мы дали лучшее, то должны бы именно на эти страницы сослаться.

Эта неожиданная симпатия Тэффи к Каренину, казалось бы сухарю из сухарей, чрезвычайно для нее характерна. За движение сердца она всё прощала, все свои упреки перечеркивала и переставала издеваться.

Я думаю, что и в отношении к ней самой со стороны бесчисленных ее читателей произошло что-то похожее. Конечно, не о сухости речь, но все-таки. Казалось бы, благодарить ее им не за что. Если когда-нибудь войдет в историю созданная ею галерея портретов и сенок, польщены мы не будем. Эмиграция вправе была бы считать ее своим обличителем. А между тем мало кого из русских писателей у нас в последни<е> десяти<летия> любили так, как любили Тэффи. Вероятно, потому, что сквозь ее сарказм и шутки все чувствовали излучение как<ой>-то неистощимой душевной энергии и любви к миру и жизни, боли за то, что люди со св<оей> жизнью дел<ают>. В писаниях Тэффи преобладают темные тона, только которые ей нужно было от<енить>, чтобы свет, к себе тянувший, был бы лучше оттенен. Она смеялась, и мы смеемся вместе с ней, но, смеясь, знаем, что вдали, очень высоко, над всей пошлостью и се-

ростью жизни, над всеми ее карикатурами сияет прелесть и красота сияния, брезжит истина, которую никто не видел.

Надеюсь, что и сегодня, когда присут<ствующие> будут смеяться, они эту скрытую, но подл<иную> сущность ее твор<ений> уловят, поймут, почувствуют и оценят.

Литература

Адамович Г.В. История ложи Юпитер / Предисл., подгот. к публ. и примеч. А.И. Серкова // Записки Отдела рукописей РГБ. Вып. 52. М.: Пашков дом, 2004. С. 373–435.

Адамович Г.В. История ложи Юпитер / Предисл., подгот. к публ. и примеч. А.И. Серкова // Записки Отдела рукописей РГБ. Вып. 53. М.: Пашков дом, 2008. С. 507–550.

Георгий Адамович: Библиографический указатель работ о жизни и творчестве (1916–2010) / Сост. и предисл. О. А. Коростелева // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2012. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2012. С. 479–586.

Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Г.В. Адамовичем (1926–1961) / Публ. О. Коростелева и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1. М.: Русский путь, 2004. С. 8–164.

Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1940–1975. Франция / Под общ. ред. Л.А. Мнухина в сотрудн. с Т.Л. Гладковой, В.К. Лосской, И.М. Невзоровой, А.И. Серковым и Н.А. Струве. Т. 1 (5): 1940–1954; Т. 2 (6): 1955–1963. Париж: УМКА-Press; М.: Русский путь, 2000. 673, 586 с.

Серков А.И. История русского масонства XX века: В 3 т. СПб.: Издательство им. Н.И. Новикова, 2009. 264, 472, 544 с.

Серков А.И. О дружбе двух писателей; Газданов Г. Письмо к Г.В. Адамовичу; О нашей работе № 2. Из серии передач на радио «Свобода» // Возвращение Гайто Газданова: Научная конференция, посвященная 95-летию со дня рождения. М.: Русский путь, 2000. С. 295–302.

Серков А.И. Российские масоны. 1721–2019: Биографический словарь. Век XX. Т. 1. М.: Ганга, 2020. 704 с.

Цветаева М.И. Письма Анатолию Штейгеру / Сост. и подгот. текста С.Н. Клепининой; примеч. Р.Б. Вальбе. Калининград М.о.: Луч-1, 1994. 160 с.

Цветаева М.И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6–7: Письма / Сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1995. 805, 853 с.

References

Adamovich G.V. *Istoriia lozhi Iupiter* [History of the Jupiter lodge], intro., publ., comment. A.I. Serkov. *Zapiski Otdela rukopisei RGB* [Russian State Library Manuscript Department proceedings], issue 52. Moscow, Pashkov dom Publ., 2004, pp. 373–435. (In Russ.)

Adamovich G.V. *Istoriia lozhi Iupiter* [History of the Jupiter lodge], intro., publ., comment. A.I. Serkov. *Zapiski Otdela rukopisei RGB* [Russian State Library Manuscript Department proceedings], issue 53. Moscow, Pashkov dom Publ., 2008, pp. 507–550. (In Russ.)

Georgii Adamovich: Bibliograficheskii ukazatel' rabot o zhizni i tvorchestve (1916–2010) [Georgy Adamovich: Bibliographic index of publications on his life and work (1916–2010)], comp., intro. O.A. Korostelev. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna. 2012* [Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad Annual. 2012]. Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad Publ., 2012, pp. 479–586. (In Russ.)

Perepiska I.A. i V.N. Buninykh s G.V. Adamovichem (1926–1961) [I.A. and V.N. Bunin's correspondence with G.V. Adamovich], publ. O. Korostelev, R. Davis. *I.A. Bunin: Novye materialy* [I.A. Bunin: New materials], issue 1. Moscow, Russkii put' Publ., 2004, pp. 8–164. (In Russ.)

Russkoe zarubezh'ie. Khronika nauchnoi, kul'turnoi i obshchestvennoi zhizni. 1940–1975. Frantsiia [Russian abroad. Chronicle of scientific, cultural and social life. 1940–1975. France], ed. L.A. Mnukhin, with the collaboration of T.L. Gladkova, V.K. Losskaia, I.M. Nevzorova, A.I. Serkov, N.A. Struve. Vol. 1 (5), 1940–1954; vol. 2 (6), 1955–1963. Paris, YMKA-Press Publ., Moscow, Russkii put' Publ., 2000. 673, 586 p. (In Russ.)

Serkov A.I. *Istoriia russkogo masonstva 20 veka* [History of Russian masonry of the 20th century], in 3 vols. St. Petersburg, Izdatel'stvo im. N.I. Novikova Publ., 2009. 264, 472, 544 p. (In Russ.)

Serkov A.I. O družbe dvukh pisatelei; Gazdanov G. Pis'mo k G.V. Adamovichu; O nashei rabote no. 2. Iz serii peredach na radio "Svoboda" [On the friendship of two writers; Gazdanov G. Letter to G.V. Adamovich; About our work No. 2. From a series of programs on Radio Svoboda]. *Vozvrashchenie Gaito Gazdanova: Nauchnaia konferentsiia, posviashchennaia 95-letiiu so dnia rozhdeniia* [The Return of Gaito Gazdanov: Sci. Conf. dedicated to the 95th anniversary of his birth]. Moscow, Russkii put' Publ., 2000, pp. 295–302. (In Russ.)

Serkov A.I. *Rossiiskie masony. 1721–2019: Biograficheskii slovar'. Vek 20* [Russian masons. 1721–2019: Biographical dictionary. 20th century], vol. 1. Moscow, Ganga Publ., 2020. 704 p. (In Russ.)

Tsvetaeva M.I. *Pis'ma Anatoliiu Shteigeru* [Letters to Anatoly Shteiger], comp., ed. S.N. Klepinina, comment. R.B. Valbe. Kaliningrad, Moscow Region, Luch-1 Publ., 1994. 160 p. (In Russ.)

Tsvetaeva M.I. *Sobranie sochinenii: V 7 t. T. 6–7: Pis'ma* [Collected works, in 7 vols. Vol. 6–7: Letters], comp., ed., comment. L. Mnukhin. Moscow, Ellis Lak Publ., 1995. 805, 853 p. (In Russ.)

From Georgy Adamovich papers

© 2020, Andrey Serkov

Abstract: The work is devoted to the publication of archival materials related to the poet and literary critic Georgy Adamovich (1892–1972) and not included in his Collected Works, the publication of which has begun not long ago. The published selection, which makes a certain contribution to the study of the poet's heritage and literature of the Russian Diaspora, is called upon to present different aspects of Adamovich's activity. The first block is devoted to his Masonic activity and includes one of the reports read by Adamovich at a meeting of Russian Masonic lodges in Paris, "The Secret of Pushkin". The second part of the selection, demonstrating the diversity of Adamovich's correspondence, is presented by a letter from the poet Alla Golovina concerning the last days of her brother Anatoly Shteiger, also the poet, probably the most prominent representative of the so-called "Paris note". The letter is addressed to Adamovich as an ideologist of the indicated literary direction. As an example of materials for an unpublished volume of Adamovich's Collected Works, his speech at the evening dedicated to Teffi (Nadezhda Aleksandrovna Lohvitskaya-Buchinskaya, 1872–1952) is selected. Materials are accompanied by an introductory note and publisher's comments.

Keywords: Georgy Adamovich, Anatoly Steiger, Teffi, Russian émigré writers and poets, Russian Masonic lodges

Information about the author: Andrey Serkov, Candidate of historical sciences, Senior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russia. E-mail: aserkov@bk.ru

Citation: Serkov Andrey. From Georgy Adamovich papers. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 2 (16), pp. 278–306. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-278-306

DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-307-321
УДК 821.161.1

«Теперь о Зощенке»: Адамович, Тэффи и «озабоченность влиянием»*

© 2020, А. Устинов

Аннотация: На протяжении 1920–30-х гг. произведения Мих. Зощенко пользовались огромной популярностью и активно издавались и обсуждались не только в СССР, но и в среде русской эмиграции. Имя писателя начинает встречаться в «Литературных беседах» Георгия Адамовича уже в «Звене» (1925–1926), в самом начале его критической деятельности. Выстраивая эволюцию оценок литературного таланта Зощенко в обзорах Адамовича, автор рассматривает его забытую рецензию на зощенковскую повесть «М.П. Синягин (Воспоминания о Мишеле Синягине)», которая появилась 12 марта 1931 г. в парижской газете «Последние новости» и не была включена в переиздание «Литературных заметок» Адамовича. Эта рецензия побудила Тэффи (Н.А. Лохвицкая-Бучинская) обратиться к Адамовичу с частным письмом (впервые публикуется в настоящей работе), в котором писательница сформулировала свое отношение к художественной манере Зощенко («Он не писатель. Он юморист»), возможно, продиктованное «ревностью» к коллеге по амплу писателя-сатирика и «озабоченностью влиянием» Зощенко на ее собственное творчество.

Ключевые слова: Г. Адамович, М. Зощенко, В. Ходасевич, Тэффи, советская литература, литературная критика русской эмиграции, письма писателей

Информация об авторе: Андрей Устинов, доктор филологических наук, главный редактор издательства «Аквилон», Сан-Франциско, США. E-mail: abooks@gmail.com

Цитирование: Устинов А. «Теперь о Зощенке»: Адамович, Тэффи и «озабоченность влиянием» // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 307–321. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-307-321

---

* Приношу искреннюю признательность Дмитрию Николаеву и Игорю Лоцилову за своевременную помощь.

Короче, Зощенко — поэт,
а другие — просто беллетристы.

Георгий Адамович

В марте 1931 г. Георгий Адамович, присяжный обозреватель газеты «Последние новости», посвятил свой почти еженедельный обзор трем новым книгам, в том числе «Воспоминаниям о Мишеле Синягине» Михаила Зощенко, выпущенным в январе берлинским издательством «Петрополис»¹. На фоне отрецензированных им в тех же «Литературных заметках» московских сборников — рассказов Сергея Юрина «Любовь и коммуна» и очерков Льва Овалова «Красное и черное» — изданная за границей книга известного советского писателя выглядела довольно вызывающе. Тем более что «Воспоминания о Мишеле Синягине» тогда же вышли в «Издательстве писателей в Ленинграде»².

В среде русской эмиграции Зощенко считался одним из самых читаемых советских писателей, и его новая «сентиментальная повесть» не могла не остаться без внимания. Ее появление не укрылось от Владислава Ходасевича, который откликнулся на «новомирскую» публикацию «М.П. Синягина»³ в «Литературной летописи» парижской газеты «Возрождение». По четвергам он на пару с Ниной Берберовой, а часто и самолично, публиковал в этой рубрике книжные и журнальные обзоры, в основном советской литературы, за подписью «Гулливер»:

В 12-ой книге «Нового мира» напечатана повесть М. Зощенки «Воспоминания о Мишеле Синягине». Зощенко печатается в толстых журналах не часто, поэтому повесть особенно привлекает к себе внимание. Рассказывается в ней обычным жалостливым и полным

¹ *Зощенко Мих.* Воспоминания о Мишеле Синягине. Берлин, 1931. 71 с.

² *Зощенко Мих.* М.П. Синягин (Воспоминания о Мишеле Синягине). Л., 1931. 79 с. Это издание, на обложке которого стояло название «Воспоминания о М.П. Синягине», вышло в свет в самом начале января. Известен экземпляр из собрания В. Петрицкого с дарственной надписью автора психологу Л. Выготскому: «Дорогому Льву Семеновичу / с дружбой / М. Зощенко / 7/1 31» (см.: <https://ru.bidspirit.com/lot/Page/source/catalog/auction/8567/lot/132027>; дата обращения: 30.05.2020). В издании «Избранные повести» (Л., 1936) «на титульном листе появился заголовок “Мишель Синягин”, а первоначальный вариант стал внутренним заглавием, помещенным после “Предисловия”» (*Зощенко М.* Сентиментальные повести / Сост. и примеч. И. Сухих. М., 2008. С. 597).

³ *Зощенко Мих.* М.П. Синягин (Воспоминания о Мишеле Синягине) // Новый мир. 1930. № 12. С. 112–140. Зощенко закончил работу над жизнеописанием Михаила Поликарповича Синягина в сентябре 1930 г.

отступлений и намеков стилем Зоценки о жизни незадачливого поэта Синягина, оказавшемся не ко времени в революционной России. «Кому-нибудь же надо откликнуться на переживания других, скажем, средних людей, так сказать, не записанных в бархатную книгу жизни», — говорит Зоценко, приступая к описанию жизни своего никому неведомого героя⁴. Извиняется он за скучное название повести: сперва хотел он ее назвать «У жизни в лапах» или — «Жизнь начинается послезавтра, — но, говорят, эти заглавия уже использованы другими авторами. Синягин начал свою деятельность в те годы, когда «было еще порядочное количество людей высокообразованных и интеллигентных, с тонкой душевной организацией и нежной любовью к красоте и к разным изобразительным искусствам»⁵. Жил он с матерью и теткой. Но мать умерла, тетку посадили в сумасшедший дом, девушка, которую Синягин обольстил и на которой пришлось ему жениться, ушла к другому. Синягин опускался всё ниже, дошел до ночлежного дома и в 1929 г. решил вернуться к своей бывшей жене. И тут он нашел неожиданно и заботу, и ласку. Муж его бывшей жены достал ему службу, и он умер на руках у обоих. Эта незатейливая и грустная история рассказана несколько сухо, синематографично, но на фоне прочей сов<етской> беллетристики кажется человеческой. Обычное остроумие Зоценки сквозит на каждой странице, но в общем всё же большие вещи, видимо, не слишком ему удаются⁶.

Кроме того, два дня спустя после разбора «Гулливера» парижский Союз молодых писателей и поэтов устроил очередное собрание, на котором с рассказом уже о книге Зоценко, изданной «Петрополисом», выступила Тамара Штильман. «В субботу, 24-го января в помещении Союза (79, рю Данфер Рошера), — сообщалось в газетной хронике, — состоится литерат<урный> вечер. В I отд<елении> Н. Городецкая прочтет отрывок из неизданного романа и В. Яновский — рассказ “Смерть студента Курлова”. Во II-м отд<елении> — устные рецензии: В. Дряхлова о “Перекрестке”, Ю. Мандельштама

⁴ Ср. у Зоценко: «Кому-нибудь надо откликнуться и на переживания других, скажем, более средних людей, так сказать, не записанных в бархатную книгу жизни» (Новый мир. 1930. № 12. С. 112; *Зоценко М.* Сентиментальные повести. С. 261).

⁵ См. у Зоценко весь абзац: «В те годы было еще порядочное количество людей высокообразованных и интеллигентных, с тонкой душевной организацией и нежной любовью к красоте и к разным изобразительным искусствам. Надо прямо сказать, что в нашей стране всегда была исключительная интеллигентская прослойка, к которой охотно прислушивалась вся Европа и даже весь мир» (Новый мир. 1930. № 12. С. 117; *Зоценко М.* Сентиментальные повести. С. 272).

⁶ *Гулливер*. Литературная летопись // Возрождение. 1931. № 2060, 22 янв. С. 4.

о книге Ант. Ладинского “Черное и Голубое”, Т. Штильман о новой книге Зощенко»⁷.

Отзыв Адамовича явно запоздал по времени, что было довольно странно, поскольку имя Зощенко начинает встречаться в «Литературных беседах» уже в «Звене», в самом начале его критической деятельности:

Вообще вся беда и несчастье новой русской беллетристики — в языке. Что замысел, что композиция, когда несносная «картинность» стиля не дает ни минуты передышки. Года четыре назад, в Петербурге, на одном из собраний Серапионов <т.е. «Серапионовых братьев». — *А.У.*> М. Зощенко или <М.> Слонимский — помню — приводили как пример анти-художественной, плоской фразы следующее:

— Армия Юденича подходила к городу.

И все «серапионы» соглашались, что так начать рассказ нельзя, что надо дать образ, или — по-старинному — «настроение». Какое ребячество!⁸

Откликаясь на прозу Зощенко, Адамович неизменно делал упор на его литературную генеалогию, называя его последователем Гоголя. На этом утверждении построен его отзыв о повести Зощенко «О чем пел соловей» — первый из серии его «литературных бесед», посвященных писателю. Если исключить из этой рецензии упрощенный пересказ сюжета, то литературное наследование Гоголю оказывается основным критическим впечатлением Адамовича от

⁷ Союз молодых писателей и поэтов // Возрождение. 1931. № 2060, 22 янв. С. 5. См. бутаду Тэффи, записанную Адамовичем:

Тэффи, чуть-чуть смеясь глазами, но с самым деловитым и серьезным видом рассказывает:

— Сижу я вчера вечером в кафэ, против монпарнасского вокзала. Вдруг вижу из бокового зала выходят много пожилых евреев, говорят по-русски. Я заинтересовалась, остановила одного и спрашиваю, что это было такое... А это, оказывается, было собрание молодых русских поэтов.

(*Адамович Г.* Table Talk // Новый журнал. 1961. Кн. 64. С. 110).

⁸ Звено. 1925. № 122, 1 июня. С. 2. Цит. по: *Адамович Г.* Литературные беседы. Кн. 1 («Звено»: 1923–1926) / Вступ. ст., сост. и примеч. О. Коростелева. СПб., 1998. С. 234. См. также его оговорку: «Никто из “Серапионовых Братьев” в гении не вышел, но средней руки писателями (а Зощенко даже выше средней) стали все они. Действовавший же параллельно и в то же время поэтический кружок “Звучащая Раковина” не дал ровно ничего, кроме — да и то с натяжкой — Конст<антина>Вагинова, этого мало кому известного русского “сюрреалиста”» (Звено. 1926. № 188, 5 сент. С. 1; Цит. по: *Адамович Г.* Литературные беседы. Кн. 2 («Звено»: 1926–1928) / Вступ. ст., сост. и примеч. О. Коростелева. СПб., 1998. С. 69).

прочтения Зоценко, не случайно выведенного под именем «Гоголенко» в прекрасном романе Ольги Форш «Сумасшедший Корабль»⁹:

Полвека назад говорили, что вся русская литература вышла из шинели Акакия Акакиевича.

О теперешней литературе этого не скажешь. Любовь к униженным и слабым, проповедь братства и милости теперь мало кого вдохновляют. Но другая гоголевская повесть стала современной. Это — повесть об Иване Ивановиче и Иване Никифоровиче. Она как бы стоит эпиграфом над всей новой русской словесностью. Дух ее носится над нашей пореволюционной литературой. <...>

М. Зоценко напечатал в московском альманахе «Ковш» повесть «О чем пел соловей».

Если бы не было повести об Иване Ивановиче и Иване Никифоровиче, произведение Зоценко могло бы вызвать долгие размышления. Но с первых его страниц ясно, что ничего, кроме того, что сказал Гоголь и что за ним с ослабленной страстью, с ослабленной грустью повторило столько писателей, Зоценко не сказать. Его повесть лишь новая вариация на тему: в жизни нет ни смысла, ни порядка. <...>

Повесть написана крайне витиевато. Как и Гоголь, Зоценко чувствовал, что его история, по существу слишком глупа, он приправил ее иронией, размышлениями, замечаниями «в сторону». Он очень хорошо сделал это, как немногие из его литературных сверстников могли бы сделать. Я говорю не о внешнем мастерстве или технике, а о соответствии стиля замыслу. «Смех сквозь слезы» еще раз прозвучал в нашей литературе¹⁰.

⁹ «Гоголенко» появляется уже в «Волне первой»: «Одуванчик пошел стучать в дверь к Копильскому, к Гоголенке, к поэту Эльхену, в руссификации уборщиц — просто Олькину, и басовито ворчал: — Моя мама приказала топор!» (Форш О. Сумасшедший Корабль. Вашингтон, 1964. С. 62). В своем отзыве на роман Адамович назвал несколько прототипов персонажей Форш: «Вот Шкловский, вот Чуковский, вот Блок, уже умирающий, молчащий, окаменевший. Вот Аким Волинский <...> Дальше — Сологуб, Гумилев, Щеголев, Клюев и многие другие», — но не упомянул Зоценко или, может быть, просто не узнал за маской «Гоголенки» (см.: Адамович Г. «Сумасшедший Корабль» // Последние Новости. 1932. № 4061, 5 мая. С. 3; То же // Новое Русское Слово. 1932. № 7056, 22 мая. С. 8. Цит. по: Адамович Г. Литературные заметки. Кн. 2 («Последние новости»: 1932–1933) / Подгот. текста, сост. и примеч. О. Коростелева. СПб., 2007. С. 75–76).

¹⁰ Звено. 1926. № 156, 24 янв. С. 1–2. Цит. по: Адамович Г. Литературные беседы. Кн. 1. С. 394–396. Вторую часть этой «литературной беседы» Адамовича составляют критические заметки о поэзии Константина Вагинова такого свойства: «Здешним читателям его имя почти неизвестно. Не думаю, чтобы Вагинов когда-нибудь стал знаменитым. У него нет ни воли, ни силы, ни настойчивости. <...> В стихах Вагинова нет ничего похожего на обычную речь. Логика отсутствует совершенно. Сцепление образов и слов произвольно, а если и подчинено каким-нибудь законам,

В другой «беседе» Адамович высказался о Зощенко, заблудившись в обсуждении как раз Ольги Форш, когда привлек для развенчания ее книги «Московские рассказы» (Л., 1926) еще и прозу Андрея Белого. Несмотря на ироническую характеристику «рассказики», он признал талантливость прозы Зощенко и его «таинственный дар» как писателя: «Читал я на днях роман Андрея Белого, читал после него рассказы Зощенко (о котором пишет сегодня К.В. Мочульский). Едва ли кто-нибудь скажет, что Белый менее талантлив, чем Зощенко: нет, он, несомненно, талантливее, несомненно, значительнее. Но вот у Зощенко есть этот “таинственный” дар. А у Белого нет. И чем-то Зощенко оказывается “выше” Белого. Но у Белого всё построено и основано на внутренней правдивости реализма. Поэтому он остается писателем, несмотря на неудачу в этой области»¹¹.

Не высказываясь специально о «короткой прозе» Зощенко, Адамович, тем не менее, использовал его писательский талант и работу в этом жанре как мерило для оценки сборника юмористических рассказов Валентина Катаева «Птички божьи» (М.; Л., 1928), отметив, что его выход вызвал «большое разочарование»: «Особенно вредило катаевской юмористике то, что она была похожа на Зощенко и при этом была лишена острой зощенковской грусти, поэтической прелести лучших его рассказов. <...> Едва ли Катаев юморист. Если он сам себя таковым считает, то, по всей вероятности, ошибается: его юмористические вещи неизмеримо грубее других, и, взяв за образец Зощенко, он, в сущности, уподобляется в них Аверченко»¹².

К противопоставлению техники литературного юмора у этих двух авторов Адамович вернулся в статье, целиком посвященной Зощенко, в которой также продолжил рассуждения о его гоголевской преемственности, повторяя написанное прежде о повести «О чем пел соловей». Главным поводом послужил выход его книги «Избранное» (М., 1929), поэтому Адамович предпочел назвать статью «Мих. Зощенко» — именно так писатель подписывал свои произведения:

Это очень грустный писатель. И, может быть, оттого в юморе Зощенки <sic!> бывает такая прелесть, что юмор его легок, бледен,

---

то только звуковым, — смутным и сбивчивым. Его поэтическая фраза прозаически представляет собой фразу вполне бессмысленную» (*Там же*. С. 396–397).

¹¹ Звено. 1927. № 212, 20 февр. С. 2. Цит. по: Адамович Г. Литературные беседы. Кн. 2. С. 172. Упомянутая Адамовичем статья Константина Мочульского «О юморе Зощенко» напечатана в том же выпуске «Звена» (с. 2–3).

¹² Адамович Г. Рассказы В. Катаева // Последние Новости. 1930. № 3417, 31 июля. С. 3. Цит. по: Адамович Г. Литературные заметки. Кн. 1 («Последние новости»: 1928–1931) / Предисл., подгот. текста, сост. и примеч. О. Коростелева. СПб., 2002. С. 346–347.

как будто «одухотворен». Далекий отсвет от Гоголя лег на Зощенку, и это становится особенно ясным, если сравнить писания его с рассказами, например, аверченковскими — всегда более грубыми, искусственными, лишенными внутренней темы, единой душевной основы. И всегда, — добавлю, — менее смешными. О Зощенке не следует судить по бесчисленным рассказам, появляющимся в советской или здешнейнашей печати. <...> Мелькают в газетных набросках отдельные «искры», след настоящего таланта. Но их немного. В книге же избранных рассказов Зощенки — его лучших вещей — этот талант чувствуется на каждой странице.

Зощенку я с Гоголем не сравниваю, конечно. Но мне думается, что он хоть и слабый и измелъчавший, но всё же подлинный потомок Гоголя. Совершенно так же, как за Миргородом, за бессмыслицей зощенковской повести «О чем пел соловей» встает что-то гораздо большее, чем ссора мелких людишек. Прочтите эту повесть — она достойна внимания¹³.

Как резюмировал Олег Коростелев в предисловии к составленному им собранию, «из 611 подвальных статей, опубликованных в “Последних новостях” с 1928 по 1940 год», в него вошла «лишь половина, в жанровом отношении наиболее близкая к стандарту “Литературных заметок”»¹⁴. Рецензия Адамовича на «Воспоминания о Мишеле Синягине» не прошла этот отбор, о чем тем более приходится сожалеть, поскольку он неожиданно написал о Зощенке совсем иначе, чем прежде. Создается впечатление, что эта повесть затронула в Адамовиче нечто сокровенное и заставила его пересмотреть прежние представления о литературном таланте Зощенко.

Это заметно уже в самом подходе к рецензии: в ней отсутствуют обычные для его критического письма черты, которые послужили основой для создания Владимиром Набоковым в романе «Дар» шаржа на Адамовича: «“Не помню, кто, кажется, Розанов, говорит где-то”, — начинал, крадучись Мортус; и, приведя сперва одну недостоверную цитату, потом какую-то мысль, кем-то высказанную в парижском кафе после чьей-то лекции, начинал суживать эти искусственные круги...»¹⁵

Рецензия на книгу Зощенко, вместо привычной для Адамовича необязательности, как кажется, потребовала от него необходимой со-

¹³ Адамович Г. Мих Зощенко // Последние новости. 1929. № 2927, 28 марта. С. 3. Цит. по: Адамович Г. Литературные заметки. Кн. 1. С. 161–163.

¹⁴ Адамович Г. Литературные заметки. Кн. 1. С. 12.

¹⁵ Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 3. С. 150. См. также: Долинин А. Комментарий к роману Владимира Набокова «Дар». М., 2019. С. 244–247.

средоточенности. Вместо того чтобы полагаться на «недостоверную цитату», он исправно приводит фрагменты из «М.П. Синягина», даже почти без пропусков и ошибок. Кроме того, Адамович неожиданно соглашается с выводами своего «вечного соперника» Ходасевича, который отметил в заключение отзыва о повести Зошенко, что «всё же большие вещи, видимо, не слишком ему удаются».

Вот первая часть рецензии Адамовича. Оставшиеся две трети, действительно, не представляют большого интереса и довольно далеко отстоят от «стандарта “Литературных заметок”»:

Новая повесть Зошенко «Воспоминания о Мишеле Синягине» — не принадлежит к лучшим вещам этого писателя. В ней попадаются «блестки» его дарования, — отдельные словечки, отдельные замечания, вроде тех, которые оживляют многие из его несравненных миниатюр. Но вся повесть вызывает недоумение.

Зошенко всегда пишет о бестолковщине, о чепухе. Нет сейчас писателя, под пером которого жизнь казалась бы более бессмысленна, — и это тем примечательнее, что жизнь у Зошенко подлинная, не выдуманная. Зошенко, действительно, рассказывает о России. Не пытаюсь породить никакой параллели между ним и Гоголем, надо, все-таки, сказать, что зависимость его от Гоголя несомненна, — и даже не только зависимость, но и духовная «созвучность» Гоголю. Зошенко — забавник, потешник, его сейчас не все и не всюду «принимают всерьез». Но рано или поздно час его придет, и тогда прелестный, горький и правдивый его юмор будет оценен по достоинству. Как не вспомнить, читая некоторые зошенковские вещи, слова Пушкина, столько раз цитированные и до сих пор не потерявшие силы:

— Боже, как грустна наша Россия!

— слова, сказанные по поводу «Мертвых Душ». «Боже, как грустна наша Россия», — к собранию рассказов Зошенко нельзя было бы найти лучшего эпитафия, и, как это ни странно, от Собакевича с Коробочкой к теперешнему строительству социализма эти слова оказываются многозначительным и вещим соединительным штрихом.

Однако, грустное недоумение, вызываемое «Воспоминаниями о Мишеле Синягине», — не совсем такого свойства. Прежде всего спрашиваешь себя, закрывая книгу: зачем автор всё это написал? — Спрашиваешь и не находишь ответа. У Зошенко, как говорится, «большой талант на маленькие вещи», ему, обыкновенно, удается наметить характеры одной или двумя чертами, и, при такой манере

письма, остается незаметна бедность и однообразие его рисунка. Кажется, в этих пределах ничего другого и дать нельзя. Но в повести необходимо развитие. По-видимому, Зощенко на него неспособен... Его «Мишель Синягин» начат отлично, и читатель с радостью узнает в первых главах столь знакомый, наивно-хитрый тон, простодушный и витиеватый стиль, — всё, что в Зощенко так оригинально. Но он перелистывает книгу, и ничего не меняется. В конце концов, люди, делающие всё время одни и те же движения, произносящие всё время одинаковые слова, превращаются в автоматы.

И оттого, что они превратились в автоматы, их поступки и судьба их не вызывают ни смеха, ни радости. Единственное чувство: за ними тяжело следить.

Мишель Синягин — «малоизвестный небольшой поэт». Стихи его в таком роде:

Незнакомкой я люблюсь. А когда
Эта наша незнакомка познакомится со мной,
Неохота мне глядеть на знакомое лицо
И противно ей давать обручальное кольцо¹⁶.

Подобные стихи могут не всем придтись по вкусу. Но сам Мишель считает себя гением, а мать его и тетка разделяют его мнение. Мать Мишеля — «довольно тихая, мало сварливая старушка, любящая сидеть у самовара и кушать кофе со сливками». Тетка, наоборот, привередлива и, в качестве бывшей балерины, капризна. Семья Синягиных живет в Пскове, ожидая, когда можно будет переселиться в купленное перед революцией имение. Но революция затягивается.

¹⁶ Ср. в «М.П. Синягине»:

Одно прелестное стихотворение «Дамы, дамы, отчего мне на вас глядеть приятно» отлично раскрывало это отношение. Это стихотворение заканчивалось так:

Оттого-то незнакомкой я люблюсь. А когда
Эта наша незнакомка познакомится со мной —
Неохота мне глядеть на знакомое лицо,
Неохота ей давать обручальное кольцо...

Тем не менее, поэт увлекся одной определенной девушкой, и в этом смысле его поэтический гений шел несколько вразрез с его житейскими потребностями.

(Новый мир. С. 121; *Зощенко М.* Сентиментальные повести. С. 280). См. также «стихи какого-нибудь там знаменитого поэта»:

В моем окне качалась лилия.
Я весь в бреду...
Любовь, любовь! Моя Идиллия,
Я к вам приду.

(Новый мир. С. 113; *Зощенко М.* Сентиментальные повести. С. 264).

Гениальный Мишель увлекается скромной псковской девицей Симочкой, на которой ему и приходится жениться. Разумеется, семейная жизнь его не удовлетворяет. Мишель бежит в столицу. Мать его умирает, а с теткой происходит ряд трагикомических происшествий. Отведав роскошной столичной жизни и разорившись, Мишель оказывается на краю гибели. Поэзия его не признана, делать ему нечего, денег у него нет. Постаревший, поседевший, ослабевший Мишель отправляется обратно в Псков — к своей жене, верной и любимой Симочке. Та, хотя и успела выйти замуж вторично, принимает раскаявшегося беглеца, — как ибсеновская Сольвейг принимает неудачника Пэр-Гинта <«Пера Гюнта» в транскрипции А. и П. Ганзен 1905 г. — *А.У.*>. Мишель пробует подняться, он даже хочет «бороться и строить новую жизнь». Но силы его подточены, и он умирает, случайно, — не забывает подчеркнуть Зоценко, — т. е. бессмысленно, «от гриппа, который осложнился воспалением легких». Симочка горько плачет. Она не успела сказать Мишелю того, что хотела и думала.

Вот и всё. В самой последней главе, где Мишель встречается с женой, есть неподдельное живое чувство. Остальное, повторяю, довольно бледно и как бы «механично».

Мне жаль, что недостаток места не позволяет сделать цитаты из вступления, где Зоценко говорит о себе, о современной литературе, о будущем читателе, о многом другом, — как всегда умно и лукаво, прячась за своего простачка-повествователя и поминутно отрекаясь от его суждений... Любопытнейшие вещи можно узнать от этого простачка. Вот, например, как представляют он себе будущего читателя «лет, этак, скажем, через сто или там немного меньше, когда всё окончательно утрясется, и жизнь засияет несказанным блеском».

«Он (читатель) приляжет на сафьяновую кушетку или там, скажем, на мягкий пуфик или козетку обопрет свою душистую голову на чистые руки и, слегка задумавшись о прекрасных вещах, раскроет книгу.

— Интересно, — скажет он, кушая конфетки, — как это они там жили в свое время.

А его красивая, молодая супруга, или там, скажем, подруга жизни, тут же рядом сидит в своем каком-нибудь исключительном пенюаре.

— «Андреус, или там Теодор, — скажет она, запахивая свой пенюар, — охота тебе, скажет, читать разную муру. Только, скажет, нервы треплешь, на ночь глядя»¹⁷.

Приблизительно так же, о том же мечтала когда-то Анна Андреевна Сквозник-Дмухановская, рисуя себе жизнь в Петербурге... Разница только в «муре». И, хотя официально полагается и предписывается в Советской России мечтать совсем о другом, зоценковский герой со своими чарующими видениями и помыслами там сейчас едва ли одинок¹⁸.

Возьмусь предположить, что Адамович прочитал «Воспоминания о Мишеле Синягине» сквозь призму собственной литературной биографии. В фигуре главного персонажа, «малоизвестного небольшого поэта», Адамович разглядел собственную судьбу стихотворца. Сначала на родине, в том числе в Новоржеве, где он жил некоторое время, городе, расположенном недалеко от Пскова, куда возвращается Синягин. А после в первые годы эмиграции, когда он появился в Париже — «молодой и в общем-то ничем не примечательный петербургский поэт, один из многочисленных учеников Гумилева»¹⁹. За границей Адамович фактически перестал писать стихи, переключившись на другие жанры — эссе, хроника, рецензии, «комментарии» — выдуманный им жанр необязательных рассуждений обо всем, и проч.

¹⁷ Ср. этот разбитый Адамовичем на две цитаты фрагмент у Зоценко; курсивом выделены слова, «потерянные» в рецензии:

Вот в дальнейшем, лет этак, скажем, через сто или там немного меньше, когда всё окончательно утрясется, *установится, когда жизнь засияет* несказанным блеском, какой-нибудь гражданин, какой-нибудь этакий гражданин с усиками, в этакое, что ли, замшевом песочном костюмчике или там, скажем, в вечерней шелковой пижаме, возьмет, предположим, нашу скромную книжку и приляжет с ней на кушетку.

Он приляжет на сафьяновую кушетку или там, скажем, на *какой-нибудь* мягкий пуфик или козетку, обопрет свою душистую голову на чистые руки и, слегка задумавшись о прекрасных вещах, раскроет книгу.

— Интересно, — скажет он, кушая конфетки, — как это они там жили в свое время.

А его красивая, молодая супруга, или там, скажем, подруга *его* жизни, тут же рядом сидит в своем каком-нибудь исключительном пенюаре.

— Андреус, или там Теодор, — скажет она, запахивая свой пенюар, — охота тебе, скажет, читать разную муру? Только, скажет, нервы *себе* треплешь на ночь глядя.

(Новый мир. С. 113; Зоценко М. Сентиментальные повести. С. 263–264).

¹⁸ Последние Новости. 1931. № 3641, 12 марта. С. 2.

¹⁹ Коростелев О. Подчиняясь не логике, но истине... («Литературные беседы» Георгия Адамовича в «Звене») // Адамович Г. Литературные беседы. Кн. 1 («Звено»: 1923–1926). С. 5.

При этом больше всего на свете Адамович любил русскую поэзию, неслучайно Димитрий Шаховской назвал его «поэт-критик»²⁰.

Еще раз он вспомнил о Синягине, не называя его, в большой рецензии на новые сборники стихов, где, настаивая на том, что эмигрантская поэзия переживает кризис, Адамович предался рассуждениям о «советских стихотворцах» и написал, что Николай Заболоцкий «сочиняет стихи от лица зоценковского наивно-незадачливого героя»:

Я говорю — «русская» литература, «русская» поэзия... Кто-нибудь упрекнет меня, пожалуй, в том, что я умышленно обхожу поэзию советскую. Но упрек был бы несправедлив. Среди советских стихотворцев есть, конечно, даровитые люди, однако так называемых «новых путей» в тамошней поэзии не видно нигде. Обыкновенно, «новые пути» связываются с именем Пастернака. По глубокому моему убеждению, это — ошибка. <...> Пастернак любопытен, интересен. Но в нем ничего нет нового, и вообще это фигура расплывчатая, без стержня, без личной темы. <...> Кроме Пастернака есть Сельвинский — блестящий стихотворец, но еще непомерно более блестящий «халтурщик», дающий на десять удивительных строчек пуды и тонны невообразимого хлама. Затем — Луговской, Прокофьев, Браун или даже Заболоцкий, который с таким искусством притворяется кретином и с такой очаровательной непринужденностью сочиняет стихи от лица зоценковского наивно-незадачливого героя, что, наверно, должен быть умнее и острее всех своих «перестроившихся» собратьев...²¹

Рецензия Адамовича на «Воспоминания о Мишеле Синягине» могла пройти незамеченной так же, как и другие «Литературные заметки», но неожиданно привлекла внимание Тэффи, которая меньше чем через две недели написала ему письмо. Прежде никаких эпистолярных отношений между ними не существовало:

²⁰ См.: «Нам кажется, что поэт-критик заслонил в данной статье мыслителя-критика, и сила Адамовича-писателя сделалась его слабостью. В статье “Оправдание черновигов” есть целый водопад критической поэзии, составляющей подлинное богатство литературы» (*Голлербах Е.* К истории русской зарубежной литературы. Материалы из архива архиепископа Иоанна Сан-Францисского (Д.А. Шаховского) // *Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры.* 1996. Т. II. № 2. С. 267).

²¹ Последние Новости. 1934. № 4705, 8 февр. С. 2. Цит. по: *Адамович Г.* «Последние новости». 1934–1935 / Подгот. текста, сост. и примеч. О. Коростелева. СПб., 2015. С. 26–27.

25. III.1931.

Дорогой Георгий Викторович,

Мы с Вами, кажется, начинаем разговаривать? Чу — де — са!

Знаем мы друг друга не меньше пятнадцати лет. В Петербурге Вы были маленьким мальчиком.

В Париже вдруг увидела Вас совсем большим и очень умным.

В статьях Ваших отмечаем (не я одна) благородный тон и европейскую эрудицию, и то, и другое столь, увы, редкое у наших братьев-писателей...

Теперь о Зоценке.

Я бы сказала, что это певец с отличным голосом и с крошечным репертуаром.

Он, почему-то, уже весь кончился.

Заметили Вы в его последних вещах уже подражание самому себе. Вдруг ни с того, ни с сего, словно вспомнив, что то или иное словцо имело успех, ввернет «сукин сын», «колбасится», «присобачили». И всё уже так устало, лениво, безрадостно. Вся непосредственность, талантливость юмора от него ушла.

Он не писатель. Он юморист.

Сейчас он под гиканье и гогот толпы еще силится идти по своей дороге. Падает. Подымается. С отчаянием, с омерзением к самому себе:

«Автор бе очень утомившись... Автор три года хворал...»

Ужасно жалкий он сейчас.

Последнее время я как раз много думала о юморе. Самый великолепный юмор и грубый, как шарж, и тонкий, — словом чудесный юмор, высший — нахожу у Достоевского.

Ну однако не довольно-ли для первого нашего разговора.

Шлю Вам самый сердечный привет. Долго ли Вы пробудете в Ницце?

Я о своей судьбе ничего не знаю.

Преданная Вам,
Тэффи²².

Из этого послания не совсем понятно, соглашается ли Тэффи с новым отношением Адамовича к литературным возможностям Зоценко или, напротив, мягко возражает ему в нюансах. Но очевидно, что она заметила в рецензии на «М.П. Синягина» перемену прежних постулатов Адамовича, касавшихся зоценковского юмора. Отсюда ее категорическое утверждение: «Он не писатель. Он юморист».

²² Beinecke Rare Book and Manuscript Library (Yale University). Georgii Adamovich Papers. GEN MSS 92. Box 1, folder 13.

Вероятно, Тэффи, будучи звездой сатирической литературы, могла испытывать по отношению к Зощенко «озабоченность влиянием»²³. По мере роста его популярности в эмиграции она не могла не рассматривать обновление своих писательских приемов, чтобы ее рассказы могли соответствовать вкусам тех ее читателей, которые уже узнали Зощенко²⁴.

Со своей стороны, Адамович ответил на письмо Тэффи самым галантным образом: в середине апреля он напечатал благожелательную рецензию на только что вышедший в Белграде сборник ее рассказов «Книга-Июнь»²⁵.

Литература

Адамович Г. Собрание сочинений. Литературные беседы / Вступ. ст., сост. и примеч. О. Коростелева. СПб.: Алетейя, 1998. Кн. 1. 570 с.; Кн. 2. 506 с.

Адамович Г. Литературные заметки. В 5 кн. / Предисл., подгот. текста, сост. и примеч. О. Коростелева. СПб.: Алетейя, 2002–2007. Кн. 1. 786 с.; Кн. 2. 512 с.

Голлербах Е. К истории русской зарубежной литературы. Материалы из архива архиепископа Иоанна Сан-Францисского (Д.А. Шаховского) // *Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры*. 1996. Т. 2. № 2. С. 231–320.

Долинин А. Комментарий к роману Владимира Набокова «Дар». М.: Новое издательство, 2019. 648 с.

Зощенко М. Н. Тэффи / Публ. В. Зощенко // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1972 год. Л.: Наука, 1974. С. 138–142.

Коростелев О. Подчиняясь не логике, но истине... («Литературные беседы» Георгия Адамовича в «Звене») // Адамович Г. Собрание сочинений. Литературные беседы / Вступ. ст., сост. и примеч. О. Коростелева. Кн. 1. СПб.: Алетейя, 1998. С. 5–30.

References

Adamovich G. *Sobranie sochinenii. Literaturnye besedy* [Collected works. Literary conversations], intro., comp., comment. O. Korostelev. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 1998. Book 1. 570 p.; Book 2. 506 p. (In Russ.)

Adamovich G. *Literaturnye zametki* [Literary notes], in 5 books, intro., text ed., comp., comment. O. Korostelev. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2002–2007. Book 1. 786 p.; Book 2. 512 p. (In Russ.)

²³ Удачный перевод термина Гарольда Блума “the anxiety of influence” принадлежит Александру Долинину.

²⁴ Зимой 1919–1920 г. во время занятий в Студии Дома Искусств Зощенко написал статью о творчестве Тэффи. См.: *Зощенко М. Н.* Тэффи / Публ. В. Зощенко // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1972 год. Л., 1974. С. 138–142.

²⁵ Последние Новости. 1931. № 3676, 16 апр. С. 2.

Dolinin A. *Kommentarii k romanu Vladimira Nabokova "Dar"* [Commentary on Vladimir Nabokov's novel "The Gift"]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2019. 648 p. (In Russ.)

Gollerbakh E. K istorii russkoi zarubezhnoi literatury. Materialy iz arkhiva arkhiepiskopa Ioanna San-Frantsisskogo (D.A. Shakhovskogo) [On the history of Russian émigré literature. Materials from Archbishop John of San Francisco (D.A. Shakhovskoy) collection]. *Russian Studies. Ezhekvartal'nik russkoi filologii i kul'tury*, 1996, vol. 2, no. 2, pp. 231–320. (In Russ.)

Korostelev O. Podchiniaias' ne logike, no istine... ("Literaturnye besedy" Georgiia Adamovicha v "Zveno") [Submitting not to logic, but to truth... ("Literary conversations" by Georgy Adamovich in "Zveno")]. Adamovich G. *Sobranie sochinenii. Literaturnye besedy* [Collected works. Literary conversations], book 1, intro., comp., comment. O. Korostelev. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 1998, pp. 5–30. (In Russ.)

Zoshchenko M. N. Teffi [Nadezhda Teffi], publ. V. Zoshchenko. *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 1972 god* [Pushkin House Manuscript Department Annual for 1972]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 138–142. (In Russ.)

“Now on Zoshchenko”: Adamovich, Teffi and “the anxiety of influence”

© 2020, Andrei Ustinov

Abstract: Throughout the 1920s and 1930s, Mikhail Zoshchenko was one of the most popular Soviet writers. His literary works were published and actively discussed in the USSR, and by the Russian Diaspora abroad. Zoshchenko's name started to appear in the writings of an émigré critic Georgy Adamovich at the very beginning of his literary career. This article reconstructs the evolution of Adamovich's opinions about Zoshchenko's literary talent. In particular, the author analyzes a forgotten review of Zoshchenko's novel “M.P. Siniagin (Memoirs of Michel Siniagin)”, that appeared in the Paris newspaper “Poslednie Novosti” on March 12, 1931, and has been never reprinted since. The Adamovich's review prompted Teffi (Nadezhda Lokhvitskaia-Buchinskaia) to send him a private letter — published here for the first time — in which she formulated her understanding of Zoshchenko's artistic manner (“He isn't a writer. He is a humorist”), perhaps dictated by “jealousy” towards another satirist and “the anxiety of influence” in her own literary work.

Keywords: Georgii Adamovich, Mikhail Zoshchenko, Vladislav Khodasevich, Teffi, Soviet literature, Russian émigré literary criticism, writers' correspondence

Information about the author: Andrei Ustinov, Dr. Phil. Hab., Director of “Aquilon Books”, San Francisco, USA. E-mail: abooks@gmail.com

Citation: Ustinov Andrei. “Now on Zoshchenko”: Adamovich, Teffi and “the anxiety of influence”. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 2 (16), pp. 307–321. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-307-321

DOI 10.22455 /2541-8297-2020-16-322-336

УДК 821.161.1

**Ю.И. Айхенвальд и П.М. Бицилли:
Реконструкция философско-эстетического диалога***

© 2020, Е.А. Тахо-Годи

Аннотация: В статье впервые проводится сопоставление философско-эстетических воззрений на русскую литературу и язык двух видных представителей русского зарубежья — критика Ю.И. Айхенвальда (1872–1928) и медиевиста, интерпретатора русской классики П.М. Бицилли (1879–1953). Осмыслиется весь выявленный на сегодняшний день фактический материал, подтверждающий взаимный интерес Ю.И. Айхенвальда и П.М. Бицилли друг к другу: документы из личного фонда П.М. Бицилли в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, рецензия Ю.И. Айхенвальда на «Этюды о русской поэзии» П.М. Бицилли в берлинской газете «Руль», некролог Ю.И. Айхенвальду, опубликованный П.М. Бицилли в софийской газете «Голос». Ставится вопрос о воздействии айхенвальдовского имманентного метода анализа литературного текста на эстетико-индивидуализирующий метод П.М. Бицилли, о подходах обоих авторов к решению проблемы морфологии русской культуры и философии нации, о связи пушкинской темы в их творчестве с размышлениями о судьбе послереволюционной России и русского языка, артикулированных в ходе обсуждения книги С. и А. Волконских «В защиту русского языка» (1928).

Ключевые слова: Ю.И. Айхенвальд, П.М. Бицилли, русская литература, язык, эстетика, пушкинская традиция, имманентный метод, философия нации, морфология культуры.

Информация об авторе: Елена Аркадьевна Тахо-Годи, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН; заведующая научным отделом, Библиотека-музей «Дом А.Ф. Лосева», Москва, Россия. E-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

Цитирование: Тахо-Годи Е.А. Ю.И. Айхенвальд и П.М. Бицилли: Реконструкция философско-эстетического диалога // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 322–336. DOI 10.22455 /2541-8297-2020-16-322-336

---

* Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01432-П).

Имена Юлия Исаевича Айхенвальда (1872–1928), известного литературного критика первой четверти XX столетия, и его младшего современника, медиевиста и тонкого интерпретатора русской классики, Петра Михайловича Бицилли (1879–1953), в научных исследованиях никогда рядом не фигурировали. Действительно, фактического материала тут немного. Несмотря на то, что оба были из Одессы и закончили один и тот же Новороссийский университет, лично знакомы они не были ни до эмиграции, ни после, оказавшись весьма далеко друг от друга: Айхенвальд — в Берлине, Бицилли — в Софии. Тем не менее своеобразный «диалог» между ними очевиден, хотя перед нами не традиционная беседа или полемика двух равных участников, а скорее определенная оглядка младшего из собеседников, Бицилли, на старшего, Айхенвальда, сохраняющаяся и после внезапной кончины Юлия Исаевича в декабре 1928 г. В настоящей статье хотелось бы вычленить ключевые темы этого, во многом, реконструируемого «диалога», чтобы ответить на вопросы: что же заставляет Бицилли внимательнее вглядываться в айхенвальдовские тексты, в чем заключаются их философско-эстетические схождения?

Говоря об «эстетико-индивидуализирующем методе» Бицилли, имеет смысл учитывать и суждения Айхенвальда, которые могли быть для Бицилли одним из импульсов построения собственной системы постижения русской литературы и культуры. Тут, как представляется, надо прежде всего обратиться к проблеме метода, подхода к анализу литературного текста. Эпоха страстной борьбы различных литературоведческих школ — историко-культурной, психологической, формалистской еще не была изжита. Поэтому для Бицилли с его верой в то, что «культура есть творческое самораскрытие личности вовне»¹, с его «эстетико-индивидуализирующим» подходом к тексту, когда в центре внимания оказывается «не структура, “подлежащая исследованию”, а индивидуальность с ее “неизъяснимой”, “невыразимой” константой»², чрезвычайно притягателен метод имманентной критики Айхенвальда, убежденного, что принципиальный импрессионизм требует, чтобы в основу истории литературы были положены индивидуальные «интуиции», сама «творческая индивидуальность» писателя³. Недаром оба подкрепляют свою аргументацию

¹ Бицилли П.М. Избранные работы по филологии / вступ. ст. В.П. Вомперского; сост., подгот. текста и коммент. В.П. Вомперского, И.В. Анненковой. М., 1996. С. 148.

² Васильева М.А. «Эстетическая проблема» в литературоведении П.М. Бицилли: к постановке вопроса // Сибирский филологический журнал. 2009. № 1. С. 113.

³ Айхенвальд Ю.И. Предисловие к третьему изданию книги «Силуэты русских писателей». Вып. 1. М., 1911. С. VI.

апелляцией к монадологии Г.В. Лейбница⁴. Читая в работе Бицилли 1942 г. «Творчество Чехова. Опыт стилистического анализа» о том, что «...человек-монада, *individuum*, неделимое целое, своего рода замкнутая система, в которой все элементы находятся в состоянии соподчиненности, взаимозависимости, будучи связаны тяготением к общему центру»⁵, невозможно не вспомнить фрагмент из айхенвальдовского Предисловия 1911 г. к «Силуэтам русских писателей»: «<...> чем более углубляешься в замкнутые миры писателей, в эти особенно живые монады, тем яснее становится, что они не только литераторы, но и литература; что есть известные проблемы, сюжеты и мотивы, которые объединяют их в одно целое»⁶.

Бицилли, как констатировала М.А. Васильева, полагал необходимым от «философии истории» прийти к «философии культуры», потому что «именно в философии культуры становится возможен эстетико-индивидуализирующий синтез, искомый интуитивный “охват всеединства”»⁷. Современные исследователи, пишущие об Айхенвальде, о его имманентном методе, поразительно единодушно игнорируют то, что, будучи профессиональным философом по образованию и отрицая к началу 1910-х гг. культурно-исторический, социологический, психологический, биографический или формалистический методы, он предлагал свой путь преодоления кризиса в литературоведении и путь этот очень близок к «морфологии культуры», а вместе с тем и ее философии. В опубликованном в 1911 г. «Предисловии» к «Силуэтам русских писателей» Айхенвальд заговаривает о философской проблеме «натуры и культуры», которая, с его точки зрения, «является средоточием тех концентров, в виде которых могла бы быть схематизирована русская художественная словесность». Отсюда его стремление не только выявить индивидуальный стиль каждого писателя, дать его словно изнутри, но и определить центробежное и центростремительное в развитии русской словесности, то, что он называет «линиями духовных преемственностей», общими

⁴ На роль «Монадологии» Г.В. Лейбница также было обращено внимание и в докладе М.Я. Вайскопфа «П.М. Бицилли — гоголевед» в ИМЛИ РАН на конференции «Гуманитарная наука русского зарубежья: К 140-летию со дня рождения П.М. Бицилли» (ноябрь 2019 г.). Речь шла о сознательном употреблении Бицилли слова «монада» в размышлениях о Достоевском или о набоковском «Приглашении на казнь».

⁵ Бицилли П.М. Трагедия русской культуры. Исследования. Статьи. Рецензии / вступ. статья, сост. и коммент. М.А. Васильевой; подгот. текста М.А. Васильевой, И. Одовьянниковой. М., 2000. С. 330.

⁶ Айхенвальд Ю.И. Предисловие к третьему изданию книги «Силуэты русских писателей». С. XXVI.

⁷ Васильева М.А. Путь интуиции // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры. М., 2000. С. 14.

«радиусами», намечая такие антитезы, категории, «концентры» («концепты», как сказали бы мы, наверное, сейчас), как «оседлость» и «скитальчество», «природа» и «культура», «деревня» и «город», «смирение» и «хищность». Оригинальность и продуктивность такого подхода, который Айхенвальд выдвинул первым из исследователей отечественной словесности, осталась, к сожалению, непонятой или незамеченной.

Вероятно, именно общностью философско-эстетических принципов объясняется внимание Айхенвальда и Бицилли к одним и тем же конкретным явлениям литературного процесса.

Закономерно, что именно в работе «Творчество Чехова. Опыт стилистического анализа» Бицилли напрямую ссылается на наблюдения Айхенвальда над чеховским стилем — над мотивами «ухода» и «дороги»⁸ из эссе «Чехов», напечатанном в 1906 г. в сборнике «Памяти Чехова» и в переработанном виде вошедшем в книгу «Силуэты русских писателей». Для Айхенвальда чеховское творчество — надежда, залог, пророчество об обретении всеединства, «т[ой] един[ой] Сфер[ы], то[го] гармоническ[ого] кольц[а], в котором свое слияние нашли бы сверхличная недумающая природа и неутолимое сознание отдельной человеческой личности», «осуществление той еще более высокой и идеальной круглоты, в которой объединяются природа и культура, стихия и слово, Пан и Логос»⁹.

Отсылку к мнению Айхенвальда мы находим и в рецензии Бицилли 1932 г. на книгу Бориса Зайцева «Жизнь Тургенева». Здесь оказалось востребовано суждение критика о тургеневском стиле, об отсутствии у Тургенева «истинного юмора»¹⁰. В фонде Бицилли в Пушкинском Доме (РО ИРЛИ, ф. 804) хранится изданная Айхенвальдом в Берлине в 1925 г. небольшая книжка «Две жены: Толстая и Достоевская»¹¹, вероятно, попавшая в поле зрения Бицилли в ходе работы над статьей «Проблема жизни и смерти в творчестве Толстого», напечатанной в 1928 г. в парижском журнале «Современные записки». Интересно было бы сопоставить взгляды Айхенвальда

⁸ Бицилли П.М. Трагедия русской культуры. С. 311.

⁹ Айхенвальд Ю. И. Предисловие к третьему изданию книги «Силуэты русских писателей». С. L.

¹⁰ Бицилли П.М. Трагедия русской культуры. С. 434.

¹¹ См.: Герашко Л.В., Кудрявцев В.Б. Фонд профессора П.М. Бицилли в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 142.

и Бицилли на Державина или Ходасевича¹², или Бунина¹³, но мы коснемся лишь того особого значения, которое для обоих имело творчество Пушкина.

В философско-эстетической системе Айхенвальда Пушкин занимает ключевое место¹⁴. Для него Пушкин — это поистине «поэтическая Теодицея»¹⁵, вечный «незаменимый спутник», который «через всю жизнь провожает нас», «замечаем ли мы это, сознаем ли мы это или нет»¹⁶, как он напишет в 1924 г. в статье «Великой памяти (К 125-летию рождения Пушкина)» для рижской газеты «Сегодня».

Так что неслучайно в 1926 г. он обратит внимание на книгу Бицилли «Этюды о русской поэзии», почти все разделы которой: «Эволюция русского стиха»; «Поэзия Пушкина»; «Место Лермонтова в истории русской поэзии»; «К вопросу о природе русского стиха»; «“Сон” и прочее в Пушкинском словаре»; «Художественный замысел “Медного всадника”» — имели прямое или косвенное отношение к Пушкину. Айхенвальд отзовется на нее в том же 1926 г. в берлинской газете «Руль»¹⁷.

Книга Бицилли привлекла Айхенвальда множеством «тонких замечаний, свидетельствующих, как хорошо умеет автор, по выражению Ницше, “медленно читать”», и как способен пробуждать в читателях «общие мысли о природе творчества, особенно поэзии». Айхенвальд считает, что Бицилли обладает редким даром — он «необычайно чутко слышит стихотворение, глубоко погружается в его звуковые волны, и как искусный водолаз, выносит оттуда новые жемчужины, новые оттенки смысла». Айхенвальду импонирует то, что Бицилли, видя в ритме наиболее существенный признак поэзии, при этом не

¹² Айхенвальд Ю.И. Памяти Державина // Речь. 1916. № 185, 8 июля; Бицилли П.М. Державин. [Рец. на кн.: Ходасевич В. Державин. — Париж, 1931] // Россия и славянство. 1931. № 125, 18 апр. С. 3; Бицилли П.М. Державин — Пушкин — Тютчев и русская государственность // Сборник статей, посвященных Павлу Николаевичу Милокову. 1859–1929. Прага, 1929. С. 351–374; рецензии Айхенвальда на «Поэтическое хозяйство Пушкина» Ходасевича (Руль. 1923. № 917, 9 дек. С. 2–3; Руль. 1924. № 1104, 23 июля. С. 2–3), а также: «Я очень слежу за Вашими отзывами...» (Письма В.Ф. Ходасевича Ю.И. Айхенвальду) / публ. Е.М. Бенья // Встречи с прошлым. Вып. 7. М., 1990. С. 89–102.

¹³ См. отклики на «Божье древо» Ив. Бунина Ю.И. Айхенвальда (Руль. 1928. № 2159, 4 янв.) и П.М. Бицилли (Числа. 1931. № 5. С. 222–223).

¹⁴ Подробнее об этом см. мою статью: *Тахо-Годи Е.А.* Пушкин в философско-эстетической системе Ю.И. Айхенвальда // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. С. 171–189.

¹⁵ Айхенвальд Ю.И. Пушкин // Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. М., 1906. С. 41.

¹⁶ Айхенвальд Ю.И. Великой памяти (К 125-летию рождения Пушкина) // Сегодня. 1924. № 129, 8 июня. С. 4.

¹⁷ Айхенвальд Ю.И. Литературные заметки // Руль. 1926. № 1548, 6 янв. С. 2–3. Далее резюме этой рецензии дается без специальных отсылок к тексту.

является представителем ставшего в эти годы модным формального метода, что «поэтикой он не заглушает поэзии», что линия его анализа «с выигрышем для истины» «сворачивает в сторону содержания, а над поэтикой, как таковой, желанно торжествует психология и философия». «Всегда живой, счастливо чуждый односторонности, не подменяя, как это нередко бывает формализма педантизмом, быть может, — сознательно поступаясь прямолинейной выдержанностью методологии ради сложности самого искусства <...>». Импонирует Айхенвальду и внимание Бицилли к содержательному наполнению поэтического слова, к самому языку, понимание того, что «отсутствие уважения ко внутренней ценности слова» губит поэзию и ее внутренний ритм, что поэзии необходимо «совокупное слово», синтезирующее смысловое и звуковое (ритмическое) воедино. «И потому слово, как Логос, слово, как бесплотный сосуд разума и чувства, никогда не отказывает нашему аналитику в своем мудром путеводительстве». Айхенвальду, как человеку много лет изучавшему философию, близко утверждение Бицилли о том, что «“истинная поэзия всегда философична” и всегда психологична», что «не части, не элементы, а только целое представляет собою явление искусства и что каждое такое органическое явление индивидуально и, значит, в известном смысле ограничено».

Отдавая дань широте воззрений Бицилли, его «углубленной эстетической впечатлительности», Айхенвальд одновременно вроде бы критикует исследователя за то, что некоторые его суждения о поэзии «могут лишь поддерживать скептицизм тех, кто вообще сомневается в плодотворности научного разбора поэзии», к примеру, суждения Бицилли о том, что «поэтическая индивидуальность» никаким научным анализом никогда не может быть описана, что тщетны попытки «выразить в понятиях особенности ритма». Если «поэтическая индивидуальность» — это основное в поэзии, «и если наука не улавливает ее, то она не улавливает ничего», — писал Айхенвальд. Аналогично, если для понимания ритма нужен не научный анализ, а чувство, если ритм «нельзя выразить в понятиях, то стоит ли приближаться к нему с заведомо негодным скальпелем исследования», «ведь где начинается чувство, там кончается наука». Однако уж точно не Айхенвальд, которому литературоведы-традиционалисты всегда ставили в вину субъективность, излишний эстетизм и отказ от истории литературы как науки, будет упрекать Бицилли за апологию «красоты поэзии», за его веру в то, что «красота есть “нечто непосредственно убедительное, аксиоматическое и потому подлежащее не доказыванию, а только констатированию”». Хотя Айхенвальд вроде бы корит Бицилли за

слабость его «аргументации в пользу красоты», но скорее именно за недостаточность аргументации (если «красота недоказуема, красота — по ту сторону всякой аргументации, — но тогда все научные этюды о поэзии обрекаются на неудачу»), а не за саму апологию красоты. Айхенвальд риторически вопрошает: если «последняя и высшая, а в сущности и единственная инстанция, в которую может обращаться эстетика, это — непосредственное чувство, неуловимая интуиция, необъяснимое впечатление, — и, следовательно возвращаются попранные было права вольному импрессионизму...»

Вряд ли Айхенвальд действительно огорчен, что «после мастерского изыскания проф. Бицилли не разоблаченной остается не только тайна слова, но и тайна звука». Дело в том, что он сам, как сторонник того самого «вольного импрессионизма», абсолютно убежден в том, что «как бы остроумно ни разлагали инструментовку стиха на ее отдельные части и как бы далее, ни изучались словарь поэта и природа его эпитетов», никогда не вскрыть тайну слова, напротив, этим можно лишь его умертвить. Искусство, по Айхенвальду, предполагает со-чувствие читателя, со-творчество, а не мертвящий аналитизм. От подобных Сальери формалистов-аналитиков Бицилли, с точки зрения Айхенвальда, и отличается как раз тем, что у него «проницательность анализа <...> не имеет в себе ничего разрушительного и соединяется с чувством художественной меры и художественного такта, и ум здесь не мешает слуху, как слух не мешает уму». Недаром и сам критик завершает свой отзыв словами одобрения, подчеркивая, что, несмотря на все возражения, книга Бицилли «так содержательна и свежа, так полна остроумных наблюдений, значительных идей оригинального истолкования некоторых образцов поэтического творчества, что в нашу эстетическую критику входит она неоспоримо ценным вкладом».

Отзыв Айхенвальда был вырезан Бицилли и сохранился в его фонде в Пушкинском Доме¹⁸. Рецензия содействовала привлечению Бицилли к более активному сотрудничеству редакцией парижского журнала «Современные записки». За статьями и рецензиями самого Айхенвальда в редакции «Современных записок» внимательно следили, тем более, что он регулярно отзывался на очередные номера, но в сам журнал не допускали, несмотря на усилия дружившего с Айхенвальдом Федора Степуна. Прочтя похвалы Айхенвальда в адрес Бицилли, Илья Фондаминский тут же решил, что надо брать

¹⁸ См.: *Герашко Л.В., Кудрявцев В.Б.* Указ. соч. С. 161.

в «Современные записки» статьи Бицилли и на литературные темы¹⁹, и уже в том же 1926 г. в № 29 журнала (С. 467–473) появляется публикация Бицилли «Завет Пушкина».

Пушкинская тема в сознании Айхенвальда, в гораздо большей степени, чем у Бицилли, была связана с размышлениями о судьбе послереволюционной России и самого русского языка. В уже упомянутой статье «Великой памяти (К 125-летию рождения Пушкина)» критик писал о наступившем «слишком не пушкинском» времени, о том, что «нынешняя Россия осталась без Пушкина, без его духа»²⁰. Однако, как считал Айхенвальд, отказаться от пушкинского «неумолкающего имени» невозможно: и потому что «именно под знаком Пушкина» «двигалась русская образованность»²¹, и потому, что именно пушкинская речь «оплодотворила нашу речь»²², речь каждого русского человека.

Вопрос о русском языке и его сбережении был одним из острейших для русских эмигрантов. Яркий пример тому — дискуссия вокруг статьи известного театрального деятеля князя С.М. Волконского «О русском языке» 1923 г., а затем и изданной им в 1928 г. совместно с братом Александром книги «В защиту русского языка»²³. В этой дискуссии Бицилли принял самое активно участие. Одна за другой в конце 1920-х — начале 1930-х гг. появляются его статьи и заметки — сначала публицистические, историсофские, затем глубоко научные: «В защиту русского языка» (1927), «Вопросы русской языковой культуры» (1928), «По поводу вопроса о порче русского языка» (1929), «В защиту варваризмов в русском языке» (1929), «Нация и язык» (1929), «Язык и народность (К вопросу об образовании русского литературного языка)» (1930, опубли. 1932) и т.д.²⁴

Совершенно правильно писал включившийся в полемику Бицилли с князем Сергеем Волконским Георгий Адамович, что «вопрос о языке есть, конечно, вопрос о духовной жизни народа»²⁵. Однако он сам, пытаясь ради построения нового языка новой живой культуры, соединить и примирить все позиции, призывал найти третий путь — без «безразличия» Бицилли к языковым рамкам /условностям/, без «консервативной непримиримости» Волконского, а вместе с тем

¹⁹ См.: *Современные записки* (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О.А. Коростелева и М. Шрубы. Т. I. М., 2011. С. 293.

²⁰ *Айхенвальд Ю.И. Великой памяти (К 125-летию рождения Пушкина)*. С. 4.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ *Волконский С.М., Волконский А.М. В защиту русского языка*. Берлин, [1928].

²⁴ Большинство статей включено в том: *Бицилли П.М. Избранные работы по филологии*.

²⁵ См. публикацию статьи Г. Адамовича: Там же. С. 661.

и без безусловной власти классических авторитетов, в том числе Пушкина.

Позиция Бицилли в споре о языке анализировалась и в комментариях к изданному еще в 1996 г. тому его «Избранных трудов по филологии», и в докладе Микелы Вендитти «П.М. Бицилли и споры о русском языке в эмиграции» в ИМЛИ РАН (ноябрь 2019) на организованной по инициативе О.А. Коростелева конференции «Гуманитарная наука русского зарубежья: К 140-летию со дня рождения П.М. Бицилли». Однако от исследователей ускользнуло, что в разговоре о языке был еще один участник — Айхенвальд. Неслучайно в фонде Бицилли в Пушкинском Доме хранится газетная вырезка с его статьей «Косноязычная Россия» из газеты «Руль» от 1 августа 1928 года²⁶. Айхенвальд в ней останавливался на книге А.М. Селищева «Язык революционной эпохи», обильно цитировал примеры постреволюционного «новояза», подтверждающие, что как «свихнулось русское дело», так «свихнулось русское слово»²⁷.

В статье «Косноязычная Россия» Айхенвальд лишь упоминал о книге братьев Волконских. Специально обратился он к ней спустя неделю, 8 августа 1928 г., на страницах того же «Руля». Думается, что и этот айхенвальдовский текст, хотя и отсутствует в фонде Бицилли в Пушкинском Доме, ученым, конечно, был прочитан и учтен.

«<...> умная и остроумная книга» Волконских, как признавался Айхенвальд, привлекла его «к себе даже там, где с нею не вполне соглашаешься»²⁸. В отличие от Волконских, Айхенвальд был убежден, что нельзя «отождествлять язык с правописанием, т.е. музыку — с нотными значками, безусловное — с условным». Для подтверждения он апеллировал к Пушкину: «Пушкин говорил, что орфография — “геральдика языка”; геральдика же, это — нечто большое, ценное, красивое, но все-таки внешнее. Язык остается дворянином, хотя гербы его меняются. Знатность его не страдает от того, что на протяжении веков не застывают в неподвижности его начертания. Дело не в букве, а в духе. Дело в слове».

Однако, и споря, Айхенвальд солидаризировался с авторами в борьбе против «обезличения русского народа», от насилия над языком «засевшего в Кремле ненавистника России», за создание новой добровольческой армии — «армии слова». Для него «защищать чистоту русского языка значит и защищать чистоту русского

²⁶ См.: *Герашко Л.В., Кудрявцев В.Б.* Указ. соч. С. 161.

²⁷ *Айхенвальд Ю.И.* Косноязычная Россия // Руль. 1928. № 2334, 1 авг. С. 2.

²⁸ *Айхенвальд Ю.И.* Литературные заметки // Руль. 1928. № 2340, 8 авг. С. 2–3. Далее резюме этой рецензии дается без специальных отсылок к тексту.

мышления»: «ведь язык, это — народ». Вот почему он считает книгу Волконских «в высшей степени важной и вдохновительной», подчеркивая, что «лингвистический патриотизм» авторов далек от «патриотизма казенного и окостеневшего», что они видят присущие самому языку «революционное» и «охранительное» начала, их диалектическое взаимодействие, но помнят о важности держаться «охранительного» начала не только в языке, но и в самой жизни.

Анализируя полемику Бицилли с Волконскими, М. Вендитти сочла главным отличительным моментом то, что позиция Волконского в споре о языке была «чисто политическая», тогда как у Бицилли — «научная». Однако, как представляется, нельзя сбрасывать со счетов то, что Бицилли включился в этот спор в эпоху своего увлечения евразийством и что среди приводимых им примеров появляется и евразийский термин «месторазвитие». Закономерно, что у Бицилли раздумья о языке возникают параллельно с размышлениями о народе и нации: его занимает не только спор по конкретному поводу с Волконским, этот спор теснейше связан с его лингвокультурологическими и социолингвистическими воззрениями в целом²⁹.

Что касается оценки книги братьев Волконских, то позиции Бицилли и Айхенвальда тут явно расходятся: Бицилли делает акцент на «революционном», вечно обновляющемся начале, принимающем и ассимилирующем все новое, Айхенвальд, напротив, — на охранительном, сберегающем. Не зря друживший с Айхенвальдом Семен Франк в помещенном сразу же после смерти критика в газете «Руль» очень эмоциональном некрологе писал о покойном как о «рыцаре святого Духа», защитнике русского дела: «Он — еврей и член либеральной интеллигенции — пришел из любви к Пушкину и к духовной культуре старой императорской, петровской России<, > к строго консервативным убеждениям»³⁰. И несколько иначе выражал ту же мысль спустя месяц на страницах парижского журнала «Путь»: Айхенвальд был одним из достойнейших представителей «русского дела борьбы за духовные ценности, за духовные начала жизни»³¹.

Примечательно, что, несмотря на расхождение с Айхенвальдом в споре о языке, Бицилли сходно оценил роль Айхенвальда в русской

²⁹ Воззрения Бицилли на развитие русского литературного языка освещены в двух монографиях И.В. Анненковой (П.М. Бицилли как историк и теоретик русского литературного языка. М., 2010; Неизгнанная мысль. Филология П.М. Бицилли. М., 2011).

³⁰ Франк С.Л. Рыцарь Духа // Руль. 1928. № 2453, 19 дек. С. 2.

³¹ Франк С.Л. Памяти Ю.И. Айхенвальда // Путь. 1929. № 15. С. 126.

культуре в некрологе, напечатанном в январе 1929 г. в софийской газете «Голос»³².

Было бы слишком упрощенно рассматривать написание некролога как ответный жест благодарности за положительную рецензию на «Этюды о русской поэзии». Но если авторы других некрологов — Б. Зайцев, Г. Ландау, И. Матусевич, В. Набоков, С. Франк, В. Ходасевич, И. Шмелев — знали Айхенвальда лично, то Бицилли в этом смысле — очевидное исключение. Читая их тексты, Бицилли констатирует «редкое единодушие», подтверждающее, с его точки зрения, то, что покойный критик «несомненно был таков, каким его характеризуют». При этом Бицилли обращает особое внимание на то, что об Айхенвальде говорят именно как о «человеке высоких нравственных качеств, исключительной доброты, чуткости, искренности и благородства», но «не как о писателе». Это, по мнению Бицилли, объясняется тем, что к Айхенвальду «применяется его собственный подход», заключающийся в особом интересе к «индивидуальному душевному облику» автора. Бицилли подчеркивает, что Айхенвальд, будучи «большим знатоком художественного слова», в то же время чужд стремлению видеть в слове «самодовлеющую ценность», то, что Бицилли именует духовным «александрийством», что критик всегда хотел найти «за формальной красотой» более для него значимую «красоту душевную». Бицилли ссылается на мнение одного из некрологистов (к сожалению, пока мне не удалось установить — чье), утверждавшего, что Айхенвальд «совсем не был **критиком**: скорее **моралистом** <...>, в смысле исследователя человеческой души». Однако душа эта должна была быть такой, которая несла через слово мысль, это «высочайшее и совершеннейшее выражение жизни духа». По мнению Бицилли, Айхенвальд ставил знак равенства между культурой и литературой. При этом любопытно отметить, что Бицилли, очевидно вполне сознательно, игнорирует все, что Айхенвальд писал о западноевропейской литературе: он создает образ критика, чьим полем исследования «была всегда и единственно **русская литература**», а значит и русская культура. Вряд ли Бицилли не был осведомлен о статьях Айхенвальда о западных авторах, но для него принципиально важно нарисовать образ инородца, еврея, сына раввина, для которого русская культура оказывается культурой «величайшей ценности и абсолютного значения». Бицилли подчеркивает, что Айхенвальд в этом смысле был «по вкусам, по убеждениям, по всему своему душевному складу

³² Бицилли П.М. Памяти Юлия Исаевича Айхенвальда // Голос. 1929. № 26, 19 янв. С. 1–2. Далее резюме некролога дается без специальных отсылок к тексту.

русским в такой степени, в какой это вообще возможно». Бицилли почти вызывающе утверждает, что Айхенвальд настолько «интимно связан» с русской культурой, что говорить о ней — «значит продолжать говорить о нем», об Айхенвальде. Для Бицилли несомненно, что хотя «русская культурная стихия <...> насквозь пронизана духом православия», но «можно быть русским <...>, не будучи рожденным в нем», так как «всякая культура» в определенный момент своего развития «перерастает вероисповедные рамки»³³. Вот почему Бицилли причисляет Айхенвальда (не упоминая — сознательно или по неведению — о факте перехода Айхенвальда в православие) к той когорте евреев — Волинского, Венгерова, Горнфельда, Гершензона, которые были в числе «немногих поклонников и истолкователей русской культуры», для которых русская культура являлась самостоятельной реальной «духовной величиной» и которых Бицилли именует «рыцарями русской литературы». По мнению Бицилли, сам этот факт свидетельствует «о могучей притягательной и ассимилирующей силе русской культуры и русской “стихии”». Вот почему Айхенвальд, «человек по отношению к политическим вопросам отнюдь не безразличный», по мнению Бицилли, и в эмиграции писал только о русской литературе — «для него она была как-то “первее”, существеннее, в каком-то смысле “реальнее” всего остального». Судьба Айхенвальда, его великая «вера в душу России» оказывается, с точки зрения Бицилли, своего рода примером и моральным уроком для всех русских: «В этом заключается для нас смысл и значение его жизни, его посмертное завещание, урок и высокий пример».

Как представляется, все сказанное Бицилли об Айхенвальде имеет смысл рассматривать с учетом того цикла статей о «философии нации»³⁴, который он печатает в 1928–1930 гг. в «Современных записках»: «Нация и народ» (1928. № 37. С. 342–355), «Нация и государство» (1929. № 38. С. 380–400), «Нация и язык» (1929. № 40. С. 403–426) и «Эволюция нации и революция» (1930. № 42. С. 374–384). В статьях «Нация и народ», «Нация и язык» нация, в отличие от этнографического народа, понимается как «культурный

³³ Ср. более ранее суждение Бицилли: «Если национальная культура и национальная религия — одно и то же, то из истории русской культуры пришлось бы вычеркнуть не только Тютчева, но и Тургенева, и Пушкина, и Толстого, в сущности — самую русскую культуру» (Нация и народ // Современные записки. 1928, № 37. С. 350).

³⁴ В письме к редактору «Современных записок» В.В. Рудневу от 28 января 1930 г. Бицилли задним числом зафиксировал, что задумал и осуществляет (с одобрения редакции) цикл статей о «философии нации», см.: *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М., 2018. С. 114.

союз»³⁵, как та часть народа, для которой «культура» является «*осознанным идеалом*», «стимулом личной деятельности, источником творческой энергии»³⁶. Бицилли не ограничивается в своей «философии нации» «*исторической морфологией*»³⁷. Недаром в статье «Нация и язык» он заговорит о «морфологии культуры», обращенной к сфере языка, как об отвечающей требованиям «наибольшей всеобщности и наибольшей самобытности»³⁸. Вместе с тем для Бицилли, имеющего, как и Айхенвальд еврейские корни³⁹, некролог Айхенвальду становится еще одним стимулом сказать о единой русской культуре и о нации, несводимой к национальности, как несводим был для него великий Океан языка к языку разных народов.

Таким образом, как мы видим, служение Слову и Культуре не только порождало споры и дискуссии, но и упраздняло различные политические, конфессиональные, национальные, научные перегородки; схождение философско-эстетических позиций порождало между российскими эмигрантами, разделенными пространственными границами, эмпатию – эмоциональную и мировоззренческую; выстраивало отдельные высказывания, суждения и публикации в плодотворный интеллектуальный диалог о морфологии русской культуры и об индивидуальном своеобразии ее представителей.

Литература

Анненкова И.В. Неизгнанная мысль. Филология П.М. Бицилли. М.: Издательство Московского университета, 2011. 146 с.

Анненкова И.В. П.М. Бицилли как историк и теоретик русского литературного языка. М.: Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2010. 107 с.

Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с.

Бицилли П.М. Избранные работы по филологии / вступ. ст. В.П. Вомперского; сост., подгот. текста и коммент. В.П. Вомперского, И.В. Анненковой. М.: Наследие, 1996. 707 с.

Бицилли П.М. Трагедия русской культуры. Исследования. Статьи. Рецензии / вступ. статья, сост. и коммент. М.А. Васильевой; подгот. текста М.А. Васильевой, И. Оловянниковой. М.: Русский путь, 2000. 608 с.

Васильева М.А. Путь интуиции // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры. Исследования. Статьи. Рецензии / вступ. статья, сост. и коммент. М.А. Васильевой; подгот. текста М. А. Васильевой, И. Оловянниковой. М.: Русский путь, 2000. С 5–28.

Васильева М.А. «Эстетическая проблема» в литературоведении П.М. Бицилли: к постановке вопроса // Сибирский филологический журнал. 2009. № 1. С. 109–117.

³⁵ *Бицилли П.М.* Нация и язык // Современные записки. 1929. № 40. С. 403.

³⁶ *Бицилли П.М.* Нация и народ // Современные записки. 1928. № 37. С. 353.

³⁷ Там же. С. 355.

³⁸ *Бицилли П.М.* Нация и язык. С. 404.

³⁹ См.: *Бирман М.А.* Указ. соч. С. 19.

Герашко Л.В., Кудрявцев В.Б. Фонд профессора П.М. Бицилли в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 57–222.

Современные записки (Париж, 1920—1940). Из архива редакции / под ред. О.А. Коростелева и М. Шрубы. Т. 1. М.: НЛЮ, 2011. 986 с.

Тахо-Годи Е.А. Пушкин в философско-эстетической системе Ю.И. Айхенвальда // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. С. 171–189.

«Я очень слежу за Вашими отзывами...» (Письма В.Ф. Ходасевича Ю.И. Айхенвальду) / Публ. Е.М. Бенья // Встречи с прошлым. М.: Советская Россия, 1990. Вып. 7. С. 89–102.

References

Annenkova I.V. *Neizgnannaia mysl'. Filologiya P.M. Bitsilli* [Unexiled thought. P.M. Bitsilli's philology]. Moscow, Moscow University Publ., 2011, 146 p. (In Russ.)

Annenkova I.V. *P.M. Bitsilli kak istorik i teoretik russkogo literaturnogo iazyka* [P.M. Bitsilli as a historian and theorist of the Russian literary language]. Moscow, MSU Faculty of Journalism Publ., 2010, 107 p. (In Russ.)

Birman M.A. *P.M. Bitsilli (1879–1953). Zhizn' i tvorchestvo* [P.M. Bitsilli (1879–1953). Life and work]. Moscow, Vodolei Publ., 2018, 444 p. (In Russ.)

Bitsilli P.M. *Izbrannye raboty po filologii* [Selected works on philology], intro. V.P. Vomperskii, comp., ed., comment. V.P. Vomperskii, I.V. Annenkova. Moscow, Nasledie Publ., 1996, 707 p. (In Russ.)

Bitsilli P.M. *Tragediia russkoi kul'tury. Issledovaniia. Stat'i. Retsenzii* [The tragedy of Russian culture. Studies. Articles. Reviews], intro., comp., comment. M.A. Vasilyeva, ed. M.A. Vasilyeva, I. Olovyannikova. Moscow, Russkii put' Publ., 2000. 608 p. (In Russ.)

Gerashko L.V., Kudriavtsev V.B. Fond professora P.M. Bitsilli v Rukopisnom otdel Pushkinskogo Doma [Professor P.M. Bitsilli collection at the Pushkin House Manuscript Department]. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2005–2006 gody* [Pushkin House Manuscript Department Annual for 2005–2006]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2009, pp. 57–222. (In Russ.)

“Ja ochen' slezhu za Vashimi otzyvami...” (Pis'ma V.F. Khodasevicha Iu.I. Aikhenthal'du) [“I really follow your reviews...” (V.F. Khodasevich's letters to Yu. I. Aykhenthal'du)], publ. E.M. Ben'. *Vstrechi s proshlym* [Meetings with the past], issue 7. Moscow, Sovetskaiia Rossia Publ., 1990, pp. 89–102. (In Russ.)

Sovremennye zapiski (Parizh, 1920–1940). Iz arkhiva redatsii [Sovremennye zapiski (Paris, 1920–1940). From the editorial archive], ed. O.A. Korostelev, M. Schruva. Vol. 1. Moscow, NLO Publ., 2011, 986 p. (In Russ.)

Takho-Godi E.A. Pushkin v filosofsko-esteticheskoi sisteme Iu.I. Aikhenthal'da [Pushkin in Yu. I. Aykhenthal'd's philosophical and aesthetic system]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 2020, vol. 18, no. 3. (no. 3, pp. 171–189 (In Russ.).

Vasil'eva M.A. “Esteticheskaiia problema” v literaturovedenii P.M. Bitsilli: k postanovke voprosa [“Aesthetic problem” in the literary studies of P.M. Bizilli: (on the statement of the problem)]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 2009, no 1, pp. 109–117. (In Russ.)

Vasil'eva M.A. Put' intuitsii [The path of intuition]. Bitsilli P.M. *Tragediia russkoi kul'tury. Issledovaniia. Stat'i. Retsenzii* [The tragedy of Russian culture. Studies. Articles. Reviews], intro., comp., comment. M.A. Vasilyeva, ed. M.A. Vasilyeva, I. Olovyannikova. Moscow, Russkii put' Publ., 2000, pp. 5–28. (In Russ.)

Yuly Aykhenvald and Petr Bitsilli: Reconstruction of the philosophical and aesthetic dialogue*

© 2020, Elena A. Takho-Godi

Abstract: The article compares for the first time the philosophical and aesthetic views on Russian literature and language of two prominent representatives of Russian abroad — the critic Yu.I. Aykhenvald (1872–1928) and the medievalist, interpreter of Russian classics P.M. Bitsilli (1879–1953). A full overview of factual materials identified to date is given, confirming the mutual interest of Yu.I. Aykhenvald and P.M. Bitsilli: documents from P.M. Bitsilli collection at the Institute of Russian literature (Pushkin House) of the RAS, Yu.I. Aykhenvald’s review from the Berlin newspaper “Rul” on P.M. Bitsilli’s “Studies on Russian Poetry”, obituary of Yu.I. Aykhenvald, which was published by P.M. Bitsilli in the Sofia newspaper “Golos”. Among the issues raised are the impact which Aykhenvald’s immanent method of analyzing a literary text had on P.M. Bitsilli’s aesthetically individualizing method, the approaches of both authors to solving the morphology of Russian culture and philosophy of the nation, the connection of the Pushkin theme with thoughts about the fate of post-revolutionary Russia and Russian language in their works, which they articulated during the discussion of S. and A. Volkonsky’s book “In defense of the Russian language”.

Keywords: Yu.I. Aykhenvald, P.M. Bitsilli, Russian literature, language, aesthetics, Pushkin tradition, immanent method, philosophy of the nation, morphology of culture.

Information about the author: Elena Takho-Godi, DSc in Philology, Professor of the Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University; Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature (IMLI), the Russian Academy of Sciences; Head of the Research Department, the Library-museum “A.F. Losev House”, Moscow, Russia. E-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

Citation: Takho-Godi Elena. Yuly Aykhenvald and Petr Bitsilli: Reconstruction of the philosophical and aesthetic dialogue. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 2 (16), pp. 322–336. DOI 10.22455 /2541-8297-2020-16-322-336

---

* The scientific investigation was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with financial support of Russian Science Foundation (RSF, the project № 17-18-01432-II).

DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-337-359

УДК 821 2-3, 82.0, 821.161.1

Чудо в молочной лавке: К типологии «эмигрантского» романа

© 2020, Т.В. Марченко

Аннотация: Феномен Али Рахмановой — успешной в Европе 1930-х русскоязычной писательницы Галины Дюрягиной-Хойер, все книги которой были изданы по-немецки в переводе ее мужа, Арнульфа Хойера и до сих пор не известны русскому читателю, — необычайно увлекателен с точки зрения типологии эмигрантской прозы. Творчество плодотворной писательницы, автора трех десятков книг, было чрезвычайно разнообразным, однако особой популярностью пользовался ее роман «Молочница в Оттакринге» (1933), не только не утративший своей актуальности, но звучащий остро современно как «эмигрантский» роман особого типа. В дневниковой форме на основе личного опыта писательница пишет историю успеха. Дипломированный филолог, Аля Рахманова (традиционно писательницу именуют по ее литературному псевдониму) была вынуждена временно стать продавщицей в арендованной молочной лавке. Этот опыт «иностранки», ее национальной и социокультурной идентичности, адаптации и в конечном итоге успешной интеграции отрerefлексированы в дневниковом автобиографическом романе Али Рахмановой. Немаловажно, что успеху «Молочницы из Оттакринга», автор / героиня которого балансирует между сферами «своего» и «чужого», во многом способствовала русская составляющая в книге, появившейся сразу на немецком языке. Русские реалии, русский менталитет, ностальгия по родной стране, которой буквально пронизано все повествование, особенно привлекали читательскую аудиторию. Одним из важных маркеров «русскости» становится цитирование русской литературы. Но это не просто введение цитат в текст, а переосмысление, собственная интерпретация, спор с классикой. В статье разбирается несколько примеров такого цитирования (Ф.М. Достоевского, А.В. Кольцова, А.Н. Плещеева, З.Н. Гиппиус). Одна из записей дневникового автобиографического романа приведена в приложении к статье в переводе с немецкого языка.

Ключевые слова: эмигрантская проза, «эмигрантский» роман, Аля Рахманова, адаптация, интеграция, национальная и социокультурная идентичность, русская литература, литературная цитата, художественный перевод

Информация об авторе: Татьяна Вячеславовна Марченко, д.ф.н., зав. отделом Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия. E-mail: tvmarch@mail.ru

Цитирование: *Марченко Т.В.* Чудо в молочной лавке: к типологии «эмигрантского» романа // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 337–359. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-337-359

В 2019 г. под редакцией О.А. Коростелева и С.Н. Морозова вышла книга первая посвященного Ивану Бунину 110-го тома из серии «Литературное наследство»¹. Проект «академического Бунина», задуманный Олегом Коростелевым широко, с размахом и научным блеском, только начал разворачиваться, когда его идеолога, его души и главной движущей силы не стало — в год 150-летнего бунинского юбилея.

Занимающая четыре пятых громадного тома переписка четы И.А. и В.Н. Буниных поражает — при само собой разумеющемся превалировании частных, семейных вопросов в эпистолярном обсуждении — широким срезом жизни, прежде всего эмигрантской и не только литературной, вовлеченностью в нее сотен людей, разнообразных житейских историй, мыслей и соображений разного рода. В этой переписке упомянуто такое количество имен и событий, что комментарий к ней, вероятно, превосходит все уже существующие справочники по русской эмиграции. И это письма только за те небольшие периоды в совместной жизни, когда Вера Николаевна и Иван Алексеевич бывали в разлуке!

Письма В.Н. Муромцевой-Буниной намного длиннее и обстоятельнее. Писатель занят творчеством, а его жена, как домашняя газета, добросовестно информирует его обо всем происходящем в микрокосме их дома и в макрокосме русского зарубежья. Так, из Парижа весной 1936 г. Вера Николаевна пишет мужу в Грасс о «возмутительном» происшествии — об отмене папой римским результатов конкурса Католического института на лучший антибольшевистский роман², когда все премии достались русским писателям. Неудивительно — кто лучше мог знать и живописать разрушительную для вековых традиций психологию большевизма, как не эмигранты из советской России? Под надуманным предлогом премий (второй и третьей соответственно) были лишены Т. Таманин (Т.И. Манухина) и И.С. Лукаш, «мякнули» и немалые деньги³. Вторую премию в результате получил некий австрийский иезуит, третья досталась П.Н. Краснову (пафос его творчества в целом прямо соответствовал целям конкурса), но первая премия в размере 20 тысяч франков никаким перераспределением не подвергалась.

¹ Литературное наследство. Т. 110. И.А. Бунин. Новые материалы и исследования. Кн. 1 / ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. М., 2019.

² Там же. С. 804.

³ Там же. С. 805.

За роман «Фабрика нового человека»⁴ ее была удостоена русская писательница Аля Рахманова.

На обороте титульного листа романа на немецком языке, выпущенного, как и другие книги автора, издательством Антона Пустета в Зальцбурге, сказано: «Переведено с русского авторского оригинала д-ром Арнульфом фон Хойером». Аля Рахманова (Alja Rachmanowa, первоначально Alexandra) — псевдоним. Настоящее имя писательницы — Галина Дюрягина; А. фон Хойер — ее муж и переводчик на немецкий язык. Поскольку ни одна из многочисленных книг Али Рахмановой не публиковалась по-русски, а выходили они сразу в немецком переводе, имеет смысл говорить о симбиозе автора и переводчика, Галины и Арнульфа Хойеров (в России их фамилия транслитерировалась как Гоер; в 1918 г. частица «фон» в Австрии была официально отменена). Феномен Али Рахмановой — писательницы, необычайно популярной в короткий промежуток времени между выходом первой книги из ее дневниковой трилогии и аншлюсом Австрии гитлеровской Германией (1931–1938) — лишь недавно стал предметом научного изучения⁵, а в России первые исследования появились несколько лет назад⁶.

Между тем в Европе интерес к писательнице никогда не угасал, в Австрии это хорошо известное литературное имя, в Вене и в Зальцбурге в ее честь установлены мемориальные доски, по

---

⁴ *Rachmanowa A.* Die Fabrik des neuen Menschen. Salzburg, 1935. В издании «И.А. Бунин. Новые материалы и исследования» ошибочно «Фабрика новых людей» — вероятно, с ориентацией на неверный перевод в одной из наших публикаций (см. сноску б).

⁵ Отправной вехой следует считать обработку и описание архива Хойеров в городском архиве Фрауенфельда (кантон Тургау, Швейцария) базельским славистом Генрихом Риггенбахом. См.: *Riggenbach H.* Inventar des Nachlasses von Alja Rachmanowa (Galina von Hoyer): Werke, Briefe, Tagebücher. Frauenfeld, 1998; *Riggenbach H.* Der Nachlass von Alja Rachmanowa (Galina von Hoyer) in der Kantonsbibliothek Thurgau. Zürich, 2010.

⁶ *Марченко Т.В.* Аля Рахманова: русская писательница как феномен немецкой литературы // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. 2014. № 5. С. 753–770; *Марченко Т.* «Не нужно ненавидеть, нужно только любить»: феномен Али Рахмановой // *Pisarki Rossyjskiej Zagranicy w literaturze, kulturze i korespondencji. Serija «Luminarze Rossyjskiej Emigracji».* Т. VII / pod redakcją Barbary Kosak, Iwony Anny NDiaye. Olzstyn: Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej, 2016. S. 65–84; *Марченко Т.В.* По параллельному руслу: об Але Рахмановой и ее автобиографической трилогии // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. 2017. № 7. С. 164–181.

ее книгам ставят спектакли⁷, ей посвящают выставки⁸. Самое полное на сегодняшний день жизнеописание Али Рахмановой с приложением полусотни фотографий выпустила И. Штар⁹. Время от времени книги Али Рахмановой переводят и изучают — например, о «Фабрике нового человека», вышедшей на французском языке, недавно писал М. Никё¹⁰. Не только художественная проза, но теперь уже и оригинальные русские дневники писательницы опубликованы на немецком языке¹¹. В России «известная русская писательница» остается неизвестной именно своими произведениями. Парадоксальность ситуации легко объяснима: на прочие иностранные языки Алю Рахманову переводят с немецких изданий. Но если в этих изданиях сказано, что это — перевод «с русского оригинала», то о каком переводе на русский язык может идти речь?

Ситуация с архивом писательницы рассматривалась подробно Г. Риггенбахом, он же предложил некоторые объяснения к лакунам в русскоязычной части архива, относящимся прежде всего к автобиографической дневниковой трилогии¹². Нам уже приходилось касаться двух первых частей этой эго-эпопеи, показавшейся необычайно увлекательной довоенному европейскому читателю: первая часть — это «дневник русской студентки» («Студенты, любовь, Чека и смерть»), вторая — «дневник молодой женщины» («Браки в красную бурю»)¹³. Как явствует из названий, в обеих частях речь идет о России в годы революции и Гражданской войны. Действие

⁷ Так, 6 марта 2019 г. в Театре Форум Швехат состоялась премьера «музыкального ревью-воспоминания о венских двадцатых» «Молочная лавка в Оттакринге» — «вечер для двух актеров и пианиста о родине, чужбине, беженстве, вере и самостоянии» (из рекламного буклета).

⁸ В Берлине, в Мемориальной библиотеке памяти жертв коммунизма (Gedenkbibliothek zu Ehren der Opfer des Kommunismus) развернута постоянная экспозиция «Утопия и террор. Аля Рахманова и Александр Солженицын» («Utopie und Terror. Alja Rachmanowa und Alexander Solschenizyn»: <http://gedenkbiobliothek.de/index.php?mid=ausstellungen>

⁹ *Stahr I.* Das Geheimnis der Milchfrau in Ottakring. Alja Rachmanowa. Ein Leben. Mit 58 Abbildungen. Wien, 2012.

¹⁰ *Niqueux M.* La Fabrique des hommes nouveaux (1935) d' Alia Rachmanova ou la résistance à la «nouvelle morale» // La revue russe. 2012. Vol. 39. P. 83–92.

¹¹ *Rachmanowa A.* Auch im Schnee und Nebel ist Salzburg schön: Tagebücher 1942 bis 1945 / hrsg. von H. Rigggenbach. Salzburg, 2015.

¹² *Riggenbach G.* Аля Рахманова — Галина фон Хойер: поэзия и правда // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. 2017. № 7. С. 131–163 [пер. с нем.]

¹³ *Rachmanowa A.* Symphonie des Lebens (Meine russischen Tagebücher). <Bd I> Studenten, Liebe, Tscheka und Tod. Tagebuch einer russischen Studentin. Salzburg, 1931. <Bd II> *Rachmanowa A.* Ehen im roten Sturm. Tagebuch einer russischen Frau. Salzburg, 1932.

третьей части — «Молочница в Оттакринге»¹⁴ — разворачивается в Вене. Название каждой из частей режет русское ухо; возможно, чета Хойеров предоставляла в издательство рукопись сочинения, где главным было жанровое определение «дневник» — трилогию Али Рахмановой ценили именно за документальность, — а название было дано уже при подготовке к печати.

Итак, «Молочница в Оттакринге» — это «дневник русской женщины», первым тиражом выпущенный под псевдонимом Александра Рахманова. Место действия — Вена, время действия — с 25 декабря 1925 г. по 7 сентября 1927 г.; заключительная запись сделана в Зальцбурге и датирована 2 августа 1930 г. Некоторые сведения о том, как писались и переводились книги Али Рахмановой, какая зыбкая грань отделяет в них фактографическую достоверность от вымысла, подлинный документ (аутентичный дневник) от беллетристики, можно почерпнуть в ряде работ на русском и немецком языках¹⁵; по этим работам можно ознакомиться и с биографией писательницы. Не будем повторяться, но попытаемся дать некоторое представление о самой прославленной части романной (дневниковой и автобиографической) трилогии писательницы — знаменитой и неизвестной, русскоязычной, чьи книги существуют лишь на иностранных языках.

«Молочница в Оттакринге» начинается с точных координат гео-поэтики эмиграции. В самой первой записи, протоколирующей прибытие в чужую страну семьи «изгнанников»¹⁶, появляются основные архетипы человеческого бытия и выстраиваются в четкую оппозицию родина — чужбина. Архетипы *дороги* и *дома* переосмысляются в новой — эмигрантской — социокультурной идентичности. *Путь* (не просто железнодорожный маршрут Москва — Вена, но жизненный путь) — кончается скамейкой в парке, типичным прибежищем

¹⁴ *Rachmanowa A. Milchfrau in Ottakring. Tagebuch einer russischen Frau. Salzburg, 1933.* Мы цитируем это издание в нашем переводе с немецкого языка, с указанием страниц в скобках.

¹⁵ *Riggenbach H., Marti R.* «На книге стоит “Александра Рахманова”, но это не моя книга». Eine Raubübersetzung und ihre Kritik // Contributions suisses au XIV congrès mondial des slavistes à Ohrid. Bern, 2008. S. 197–214; *Riggenbach H.* Nachwort // *Rachmanowa A.* Auch im Schnee und Nebel ist Salzburg schön. Salzburg, 2015. S. 271–300; *Riggenbach G.* Аля Рахманова — Галина фон Хойер: поэзия и правда. С. 131–163. Библиографическое описание наших статей см. в сноске 6.

¹⁶ В статье Г. Риггенбаха «Аля Рахманова — Галина фон Хойер: поэзия и правда» перипетии выдворения семьи Хойеров из СССР («изгнания», как они предпочитали это называть, хотя речь шла не о политической эмиграции, а о просроченных документах с видом на жительство у австрийского подданного А. Хойера) изложены с опорой на хранящийся в Швейцарии архив писательницы. Свидетельства этого «выдворения» в российских архивах еще ждут своего исследователя.

бездомных. Идти некуда, дорога завершилась тупиком. *Дóма* — во всей его многообразной старозаветной сущности — нет, само слово обесмысливается, утрачивает все привычные значения:

17 декабря 1925 г.

Наш поезд прибыл в Вену рано утром. Отмар¹⁷ взял оба наши чемодана, я малыша. Он был еще совсем заспанный и испуганно оглядывался по сторонам. Мы вышли с вокзала вместе с прочими пассажирами, которые рассеялись во все стороны. Многих ждали близкие. Нас никто не ждал, и мы не знали, куда нам идти. Мы зашли в парк неподалеку от вокзала и уселись на лавочку, слегка занесенную инеем. Чувство глубокого одиночества охватило мою душу. Со всех сторон до нас доносился шум большого города, сигналили автомобили, через парк шли люди, нагруженные пакетами, некоторые несли елочки. Явственно ощущалось приближение Рождества.

— У меня ручки замерзли, — сказал малыш. — Я хочу домой!

Домой! Слово прозвучало бессмысленно, фантастически.

— У нас только двести тридцать пять шиллингов. Мы сможем пойти только в самый дешевый отель, — не сразу отозвался Отмар.

— Я хочу есть и у меня уже и ножки замерзли, — пожаловался Юрка плачущим голосом (с. 9).

Безыскусная простота повествования в этом «дневниковом» тексте — кажущаяся. Сразу и четко указаны место, время, направление, действующие лица. Нулевой пункт, где кончается «нормальная жизнь» и начинается эмиграция, словно прорезан в предрассветной зимней мгле лазерным лучом. Вена, вокзал, скамейка — и страх, одиночество, затерянность среди людской толпы, в центре современной цивилизации. Вокзал и дешевый отель — хрестоматийные образы эмигрантской литературы, ее геопозитические маркеры. Но А. Рахманова обдуманно меняет дату прибытия семьи Хойеров в Австрию: на самом деле оно состоялось позже, уже в январе 1926 г.¹⁸, а канун Рождества, как и наличие в семье Вагнеров маленького сына, не только усиливают мотив одиночества, но и явственно заставляют звучать еще один мотив — евангельский: Святого семейства, ужаса виффлемской резни, бегства в Египет; тоже хрестоматийно, канонически. Холод, одиночество, отчужденность ото всех и ото всего; ре-

¹⁷ Але Рахмановой недостаточно авторского псевдонима — в дневниковом романе имена действующих лиц, членов ее семьи, изменены: они носят фамилию Вагнер, муж (Арнульф) именуется Отмаром, сын (Александр, Шурка) — Юркой.

¹⁸ Это установил по архивным документам Г. Риггенбах, см.: *Риггенбах Г. Аля Рахманова — Галина фон Хойер: поэзия и правда*. С. 146.

акция ребенка отражает настроение взрослых: «Я не хочу тут жить!» «Здесь» («тут») уже отделено от «там» (дом), реальное пересечение границы навсегда отрезало от родины. Эмиграция — путь без возвращения. Горькой иронией для Али Рахмановой (фрау Вагнер в повествовании) звучит вопрос квартирного хозяина — коммуниста: «Когда вы поедете назад в Россию? Вы не могли бы как-нибудь нам помочь тоже перебраться туда? Собирайте-ка вещи и возвращайтесь обратно в Россию, пока у вас еще есть виза!» (с. 13).

Благодаря вплетенному в повествование евангельскому мотиву и вся книга о венской молочнице — в сущности, история успеха, успешной интеграции в европейскую жизнь — приобретает оттенок святочного рассказа. Если «Фабрика нового человека» не заинтересовала русское зарубежье, поскольку это было, в сущности, произведение советской литературы антибольшевистской направленности — не очень понятное эмигрантам и совсем не укладывающееся в представления о собственно эмигрантской литературе, то «Молочница в Оттакринге», будучи книгой эмигрантки о жизни в эмиграции, еще меньше соответствовала этим представлениям, потому что красная нить ее, через испытания и трудности, приводила героиню к процветанию на чужбине: почти оксюморон.

С оксюморонного переосмысления известного фразеологизма начинается путь героини к успеху. После кружения по лабиринтам Вены — по обычным урбанистическим кругам эмигрантского чистилища — семья Вагнеров находит «золотое дно» («Goldgrube»): решается взять в аренду молочную лавку. Трамвай привозит героев «совсем в другую Вену», с темными, не освещенными электричеством переулками, неотличимыми друг от друга. Описание сдаваемой лавки, ее хозяина и его семейства выглядит разительным контрастом к имперской, столичной Вене: жестяные рекламные щиты, засохшие сыры, увядшая зелень для супа и — откровенная дешевка — молочные бутылки, наполненные мукой. Фигура хозяина в синем переднике и черном колпаке на лысом черепе, как и следующая затем жанровая зарисовка, исполнены в той традиционной юмористической, почти фарсовой манере, в какой в русской литературе принято было изображать немцев.

Прием используется самый простой — антитезы, комического несоответствия между видимым (действительным) и теми похвалами, которые владелец лавки расточает своему заведению. Он постоянно повторяет фразеологизм «золотое дно», а поскольку существительные по-немецки пишутся с заглавной буквы, то Goldgrube выглядит как название. В реальности же: «По пустым

стойкам, по пустым коробам и жестянкам, которые были призваны создать впечатление изобилия, по запущенным витринам и грязным прилавкам сразу угадывалось, что магазин безнадежно провалился». «Золотое дно», — уверяет хозяин. «Ад», — заключает рассказчица (с. 23–24). И, посетив с десятков подобных «преисподних», одну из них Вагнеры берут в аренду. Это достоверный факт: полтора года Хойеры арендовали, чтобы выжить, молочную лавку в Вене. Но в беллетризованном тексте дневника Аля Рахманова совершает очередную подмену: лавка Хойеров находилась в дорогом и престижном венском квартале Веринг; Оттакринг был кварталом на фабричной окраине, в районе городской бедноты¹⁹. Так в обыгрываемый фразеологизм вводится еще и литературная аллюзия — горьковское «на дне».

Поворотные пункты в повествовании никак не маркированы, но они как разметка на дороге: город перестает быть лабиринтом, в жизни появляется выход — из эмигрантского тупика путь ведет через постепенную адаптацию к интеграции в «чужую свою» австрийскую жизнь. Эта столичная жизнь сразу увидена женскими глазами:

Громадные, сияющие тысячами огней дома, множество крошечных парков, несметное количество церквей, бесчисленные автомобили и трамваи, несущиеся под мостами, — как все это не похоже на мой родной тихий город, где порой не встретишь ни одного прохожего на улицах. А уж люди! Как они совсем по-другому одеты, чем у нас, насколько элегантнее и утонченнее, даже совсем простые работницы. Вон напротив меня блондиночка, ведь какая-нибудь простая продавщица, но я уверена, что сейчас во всей России не найдется ни одной женщины, одетой с таким тщанием и вкусом (с. 24).

Все силы Аля Рахманова направляет на то, чтобы подняться на социальном лифте «со дна» жизни на уровень среднего класса, на который она претендует как дипломированный специалист. Именно ей пришлось встать за прилавком и познать все тяготы и унижения этого занятия, в то время как муж должен был нострифицировать диплом советского вуза и получить ставку преподавателя (закрyti-

---

¹⁹ Полностью избавиться в дневниковом романе от реликтов дорогого буржуазного района писательнице все же не удается, поскольку все ее самые яркие наблюдения связаны именно с «дамами из общества». Например, на фабричной окраине персонаж, демонстрирующий шелковые халаты для себя и супруга, мало представим.

ем лавки и переездом семейства в Зальцбург, где А. Хойер получил место гимназического учителя, заканчивается роман).

«Молочница в Оттакринге» — обозначенный как документальный (дневник) рассказ о преодолении временной, эмигрантской социокультурной идентичности и об обретении идентичности новой, австрийской — без отказа, впрочем, от русской идентичности. Более того, русская составляющая личности и жизненного опыта писательницы становится основой ее литературного творчества и в итоге — главной статьёй дохода семьи Хойеров. Галина Дюрягина-Хойер, изучавшая в Пермском университете филологию (в том числе у Владимира Вейдле²⁰) и довольно молодую по тем временам дисциплину, психологию (в Томском университете, во время эвакуации в годы Гражданской войны), собиравшаяся посвятить свою жизнь научной карьере, довольно подробно, с исследовательским интересом отрефлектировала процесс, когда через эмигрантские утраты и обретения совершается переориентация ценностей, идет перестройка личностной самооценки и, наконец, происходит интеграция в новое общество. Промежуточная, эмигрантская идентичность понимается А. Рахмановой как потеря своей «внутренней физиономии (личности)»: «... все окружающие меня люди видят во мне не то, что я есть на самом деле, а нечто совсем другое, даже противоположное» (с. 30).

Эмиграция — это неизбежность унижений, отчуждения, отверженности; эмигрант — изгнанник из отечества, но он и изгой в стране-реципиенте. Самым обидным, даже оскорбительным для молодой женщины, получившей университетское образование, — это было первое поколение в России, когда женщины после революции стали поступать в вузы, — оказалось общее представление о том, что она — как «все продавцы» — обманывает, обвешивает, обсчитывает покупателей. Дипломированный филолог и мелкая лавочница — это действительно не одно и то же. И это уже не комическое, а довольно драматическое несоответствие между видимым и действительным. Резкое понижение статуса — главное, с чем прежде всего сталкивается эмигрант. Эмигрантское сообщество, заметим, как раз и нужно для восстановления, хотя бы в его рамках, *status quo*, утраченной «статусности». Когда при Але Рахмановой (фрау Вагнер) говорят о ней в третьем лице как о «молочнице», она чувствует себя глубоко несчастной, само слово ее больно ранит:

²⁰ См. в нашей публикации (с приложением перевода фрагмента романа А. Рахмановой с нем. яз.): *Марченко Т.В. По параллельному руслу: об Але Рахмановой и ее автобиографической трилогии. С. 178.*

Я — молочница! Я хотела стать преподавательницей в университете, а превратилась в «молочницу»! Но я тут же взяла себя в руки. Поневоле понимаешь, что мечты и действительность не могут соединиться. И почему это я вообразила, что непременно должна стать университетским преподавателем? Жизнь сделала из меня молочницу, следовательно, нужно сделать все, чтобы стать хорошей, настоящей молочницей. Следует принимать жизнь такой, какая она есть, без вздохов и жалоб (с. 47).

Стоит заметить, однако, что, став молочницей, героиня получает шанс преодолеть национальную отъединенность от окружающих. Так, развозящий продукцию хлебозавода «Кроненброт» кучер приобрел привычку похлопывать ее по-приятельски по спине и ободрять житейскими рассказами, «в которых я, впрочем, — признается рассказчица, — не понимала ни слова, поскольку он говорил на чистейшем венском диалекте» (с. 47). Социальное сближение происходит быстрее на нижней ступени общества — у ее обитателей нет общего национального языка, но, безусловно, есть «классовое единство» (кучера-грузчика и продавщицы-молочницы). Проходит время, хлебник приезжает ежедневно «с одними и теми же забавными шутками», которые «я уже давным-давно дословно знаю наизусть» (с. 108): так происходит обучение языку. Постепенно и в дневниковых записях появляется все больше сугубо австрийских деталей, прежде всего названий еды (разные виды выпечки, блюд, сладостей и т.п.), но также и иных реалий венской жизни середины 1920-х гг.

А. Рахманова очень остро чувствует свое положение не столько эмигрантки (она жена австрийского гражданина), сколько иностранки: «Если бы я была “здешней”, все было бы намного проще». И приводит характерную реплику из разговора покупательниц: «Я вам вообще не советовала бы покупать у иностранцев. Кто их знает, кто они и откуда! И что им вообще тут надо?» (с. 34). Дети в своей непосредственности еще откровеннее, и юный покупатель (в котором еще до прихода к власти национал-социалистов ясно угадывается будущий маленький фюрер), уходя, не отказывает себе в удовольствии показать продавщице-иностранке язык: «Зачем вы вообще сюда явились? У нас и без вас полно безработных! Только хлеб у нас отнимаете!» (с. 68).

Книгу Али Рахмановой стоило бы изучать руководителям современных миграционных служб. Ее основной прием — неукоснительное противопоставление мнений, эмоций, событий — служит путеводной нитью по выживанию в чужой стране. Ужаснувшись

своему положению чужой, иностранки, Аля Рахманова приводит письмо от мамы из России: «...иногда останавливают меня на улице совсем незнакомые женщины и расспрашивают о тебе. Это всеобщая любовь к тебе очень меня утешает и заставляет надеяться, что тебя и в чужой стране люди сумеют полюбить, как любили у нас» (с. 35). Аля Рахманова действует поистине профессионально, сочетая образование (психолог) с ремеслом продавщицы (работа с людьми): она создает вокруг себя атмосферу эмпатии, она становится конфиденткой для своих покупательниц и даже покупателей, она проявляет исключительную выдержку и самообладание в ситуациях недоверия, неприязни, откровенной враждебности. У нас нет свидетельств того, как вела дело в магазине реальная Галина Дюрягина (о ней сохранились воспоминания, как о даме с не лучшим характером), но писательница Аля Рахманова создает образцовое практическое пособие для адаптации эмигранта в чужой стране и успешной интеграции в ней.

Дневниковый роман «Молочница в Оттакринге» отнюдь не одномерен. Наряду с вереницей типов австрийской столицы А. Рахманова вводит нескольких сквозных персонажей — русских эмигрантов: жена преуспевающего буржуа Серафима Андреевна, «агент ГПУ» и «князь с громкой фамилией». Их существование в австрийской столице складывается по-разному, иногда они не могут преодолеть застарелые стереотипы и пройти элементарную адаптацию («становится только хуже», признается Серафима Андреевна), ускользая в эмиграцию внутреннюю — сферу чувств. Формально роман вбирает в себя еще целый ряд признаков русского «эмигрантского» романа: отношение к России как к «утраченному раю», ситуация «двоемирия» («Я живу двумя совершенно разными жизнями: одной днем в Австрии, другой — по ночам — в России»; с. 50), позволяющая восстановить этот «утраченный рай» простыми приемами — сна и воспоминания; рефлексия на тему «родина и свобода»; геопоэтика чужбины; стратегии выживания на чужбине — и главная из них для писательницы, церковь (в зальцбургский период жизни Галина Хойер приняла католичество). Как ни соблазнительно разобрать книгу по всем этим параметрам, в этой статье мы ограничимся лишь одним.

В своем беллетризованном дневнике писательница, муссируя ностальгическую тему, вспоминает родную литературу. Книга Али Рахмановой, как привыкли ее называть в европейском научном и научно-популярном дискурсе, построена по классическому автобиографическому образцу: автор основывается на

личном опыте, даже на эго-документе — на реальном дневнике, но выбирает оттуда только те факты, которые отвечают его «сверхзадаче». Аля Рахманова стремится создать привлекательный образ русской эмигрантки, органично ставшей частью социокультурной среды страны-реципиента, но не утратившей своих национальных черт, своей русскости. За Алей Рахмановой стоит Галина Дюрягина-Хойер, образованная провинциалка с классическим багажом русской дореволюционной культуры. Вольно или невольно, она не избегает цитирования, вводя русскую литературу на страницы своего автобиографического дневникового романа. Но за Алей Рахмановой стоит и переводчик, Арнульф Хойер, который, несмотря на хорошее и тоже профессиональное знакомство с русской классикой, не ощущает ее органично частью своего менталитета, своего языка. Стихотворные цитаты он переводит буквально, той «дурной прозой», которая не дает представления о поэтической прелести оригинала. Комментарии отсутствуют. Источник, как правило, назван, что только усугубляет чужеродность цитаты — неизвестное «варварское» имя, непонятно чем привлекательные строки. Однако одновременно этим цитированием «родной литературы» подчеркивается аутентичность дневника, его подлинно русское авторство.

Эти маркеры русскости, по всей видимости, в восприятии австрийского читателя мало чем отличающиеся от набранных латиницей сугубо русских понятий (кулич, пасха и т.п.) или даже просто русских реалий (например, монахи в клобуках с огромными наперсными крестами), при ближайшем рассмотрении оказываются не инкрустирующими текст расхожими цитатами. Обращение к русской литературе у Али Рахмановой всегда чрезвычайно обдуманное — а не просто спонтанно-дневниковое: вспомнилось — вставила. И не просто обдуманное — знакомые поэтические строки или хрестоматийные эпизоды обычно оказываются интерпретированными на свой лад, подчас приобретающими прямо противоположный смысл.

Так, в одной из записей (с. 188–193) воспроизводится жанровая сценка, когда маленький сын автора / героини Юрка вбегает в лавку: «Мама, мама! — закричал он возбужденно. — Там лошадь упала. Можно я пойду посмотрю?» Эта русская реплика становится поводом для знакомства с австрийцем, выучившим в плену русский язык и ставшим фанатичным поклонником Достоевского, увидевшим в нем свой «идеал»: «Мы, немцы, слишком умеренные, слишком посредственные. Человек повсюду должен переходить границы, по Достоевскому. Нам нужно у русских учиться жизни. Мы так мало

страдали. У русских нужно учиться страданию!» Аля Рахманова невольно вспоминает о гимназическом сочинении на тему: «Что, если бы Раскольников был немцем». Писательница повторяет свой детский ответ: он убрал бы комнату, выстирал белье, избавился от пустопорожних мечтаний и добился бы в жизни маленького успеха, хотя и не хватал бы звезд с неба. «Достоевский — мой любимый писатель», — признается она (и цитирует даже его публицистику и письма), но вступает в спор и со своим посетителем, и с европейской традицией прочтения Достоевского, полагая, что, заглянув в самые глубины человеческой души, писатель создал «фантастических героев, которые только говорят и думают, но не живут»; «их мысли погребены в подполье их душ, куда не заглядывает солнце». Но больше всего ее удручает почерпнутое у него европейцами представление о страдании как о неприменном атрибуте русской жизни и русской души, о привычке русского человека к страданию: «Почему русский народ должен страдать? У нас что, иные нервы? Иные плоть и кровь, иные чувства?» Аля Рахманова вступает в спор с любимым писателем задолго до приведенного выше эпизода, цитируя — дискутируя:

«В России нам всегда казалось, что в Западной Европе люди живут совсем по-другому, чем у нас, что это только мы, русские, никак не можем избавиться от нашей вечной жертвенности. Судьба забросила меня в Западную Европу, но в такой ее темный уголок, где люди не живут, а прозябают, где они с утра до ночи и с ночи до утра страдают, где слезы льются потоками...» (с. 60).

Тут как-то и Тютчев вспоминается (стихотворение «Слезы людские» цитируются целиком), и приходит твердое осознание: в страдании «все едины». Ответы Аля Рахманова находит в христианстве, не разделяя его на восточное и западное: «...разве Христос не един? Разве вера в него не объединяет, а разъединяет людей?»; «Тихо зазвонили колокола. Мощно, торжественно загудел орган. Женщина в черном, склонившаяся перед Спасителем, не моя мать, а чужая. И церковь чужая, и молитва чужая... Только ты, Спаситель, един повсюду — и страдания людские повсюду едины...» И А. Рахманова смело переписывает эпизод с упавшей лошастью («клячей» Достоевского, так потрясшей маленького Родиона Раскольникова) — взрослые объединяются в том, чтобы поднять ее, помочь ей, а дети, наблюдатели и участники сцены, получают урок любви ко всякой живой твари и в конечном итоге урок гуманизма.

Далеко не трафаретно вплавлены в текст «Молочницы» и поэтические строки. Философский «Sillentium» Тютчева неожиданно оказывается эпиграфом к женской истории Серафимы Андреевны. Александр Блок возникает в монологе князя-антибольшевика, конспективно отражающем «Подвиг» В. Набокова (1930):

И вот я отправляюсь в Россию, чтобы там умереть. <...> Пусть там в десять раз хуже, но зато там я буду дома! ... Конечно, визу мне не дадут, а я пойду прямо так, через границу, пусть в меня стреляют! Это все-таки Россия... Знаете стихи Блока:

Да, и такой, моя Россия,
Ты мне дороже, чем весь мир (с. 267).

В оригинале «Но и такой моя Россия, / Ты всех краев дороже мне», и, по всей видимости, неточность цитирования — не ошибка памяти или издержка перевода, а сознательный прием универсального противопоставления; Россия не может стоять в ряду с другими странами и государствами («краями»), а находится в абсолютной оппозиции ко всему миру.

Аля Рахманова с самого начала была нацелена на успех и именно как писательница: на первых страницах «Молочницы» ею высказана идея зарабатывать литературным трудом и даже предпринята первая безуспешная попытка: рассказ на русскую тему написан, переведен мужем на немецкий язык, отослан в газету — но отклонен за «мрачность». Начав торговать в лавке, перевидав множество людей, ведя дневник и сохраняя на его страницах массу типажей, происшествий, диалогов, писательница задумывается о превращении дневника в книгу, но не в простую, а в «гениальную». Читатель должен думать не о написавшем ее авторе, а о правде написанного в ней, словно эта книга вышла из самой глубины жизни и может всех тронуть. Героиня задает вопрос мужу: «А что, если бы я получила Нобелевскую премию? Что бы ты сказал? — Отмар подошел и пощупал мне пульс: — Нобелевскую премию? — спросил он. — Или у тебя жар, или ты сошла с ума. — Нобель же и хотел давать премию тем, у кого есть талант, но нет возможности работать. Он хотел помочь талантам, к которым немилосердна судьба. Дай мне немного помечтать! ... Я и сама знаю, что все это чепуха...» (с. 146). От скамейки в парке и пустопорожних мечтаний писательница действительно поднялась к самым высотам успеха. Нобелевскую премию Аля Рахманова не получила и даже не была на нее номинирована, хотя получила все, чего так и не обрел нобелевский лауреат Иван Бунин: громадные

тиражи, европейский успех, собственную виллу с открыточно прекрасным видом, путешествия на своем автомобиле...

Жизнь — это сопряжение противоположностей, почти оксюморонное, и на незатейливом приеме, как в фольклорной сказке «Худо, но хорошо», повествование «Молочницы» балансирует между темными и светлыми сторонами жизни, между радостями и огорчениями. Добиться этого нетрудно, поскольку повествование — дневниковое, и сменяющие друг друга записи чередуются с неукоснительностью маятника, от мрака к свету и обратно, подталкивая героиню к абсолютно позитивному солнечному финалу. Вот как автор / героиня цитирует (с. 146) стихотворение А.В. Кольцова «Песня» (1839); приводим для наглядности немецкий текст с переводом и поэтический оригинал:

Erhebe dich, so hoch du kannst,	Поднимись высоко, как только	Поднимись — что силы
entfalte deine Flügel,	можешь, расправь свои крылья,	Размахни крылами:
Vielleicht ist deine Freude	Может быть, твоя радость	Может, наша радость
nicht mehr fern!	уже не далеко!	Живет за горами.

Аля Рахманинова помнит (цитирует) строки кольцовской песни («В непогоду ветер воеет, завывает») как призыв: действовать нужно самому, самому взлететь, потому что радость — рядом, не далеко, не за горами. У Кольцова смысл песни о «горемышной доле» совсем иной — радость, напротив, так далеко, «за горами», что ее можно и не дожидаться: «Доля ж, моя доля! Где ты запропала?» «За горами, за морями» — известный сказочный рефрен; финал кольцовской песни если не безнадежен, то вполне пессимистичен: «Если нет, у моря / Сядем да дождемся; / Без любви и с горем / Жизнью наживемся!» Именно на это эмигрантка из России, «иностранка», «торговка» в мелкой венской лавке решительно не согласна: жизнь без любви и в горе категорически противоречит ее принципам, несовместима с ее жизнелюбивой натурой. По переводу очевидно, что кольцовские строки Аля Рахманова пересказала по-своему. Вероятно, по-русски она цитировала песню о горемычной доле примерно так: «Поднимись высоко, размахни крылами: / Может, **твоя радость ждет не за горами!**» Именно так мог бы звучать девиз ее жизни.

Порой Але Рахмановой ничего не нужно переосмыслять, и она находит созвучные своему настроению строки в русской поэзии, цитируя их точно (с поправкой на переложение по-немецки). Такой счастливой находкой оказывается хрестоматийное стихотворение

А.Н. Плещеева «Сельская песня». Его настроение простой весенней радости («Травка зеленеет, / Солнышко блестит») становится определяющим в записи от 16 марта 1927 г. «Какая смеющаяся весна!»

Все тело болит, руки отваливаются, но перед моими глазами блестит свежей зеленью трава, сверкает лучами солнце, полыхает синевой небо.

Чему же я так радуюсь? Что случилось? Все то же, что и всегда, разве что в белье появились новые дыры. И все-таки на душе у меня праздник, и кажется, будто со мною случится что-то большое и радостное, потому что трава зеленая, небо синее, а солнце блестит (с. 213).

У этой радостной надежды есть как будто неожиданное родство — с пьесой Константина Симонова «Так и будет» 1944 г. Герой ее мечтает о том, чтобы после войны быть счастливым «только оттого, что светит солнце, что небо синее, а трава зеленая». Это и есть главные приметы человеческого счастья. Глубоко личное, субъективное переживание эмигрантки, занятой тяжелым физическим трудом, и отражение воистину всенародной веры в победу, надежды на уже близкую мирную жизнь совпадают дословно в художественных текстах современников, двух русских писателей, не знавших друг о друге. Понимание счастья, солидарное с безыскусным «детским» стихотворением Плещеева, — одинаковое: «В моем сердце щебечут птички, синеют небеса, зеленеет травка...» (с. 214). Птички — это плещеевская ласточка: «А ты песню спой, / Что из стран далеких / Принесла с собой». Но эту тему в записи, преисполненной ликованием весны, писательница предпочитает не развивать, ведь далекой страной для нее теперь стала родина, Россия. Когда Симонов писал свою пьесу для советского человека, Александр Хойер был призван в гитлеровскую армию. И стал «одним из многих» (так и называется двухтомная книга писательницы о нем), павших на полях Второй мировой войны. Он погиб в боях за Вену в апреле 1945 г. от русской пули. Простенькая «зеленая травка» уже постфактум оказывается вовлечена в другую большую и болезненную тему выбора русской эмиграции в годы Второй мировой войны — любовь к родине vs предательство, pro et contra большевистской России.

Еще один поэтический образ связан с прославленным стихотворением З.Н. Гиппиус «Песня» («Окно мое высоко над землею»; 1893). Обращает на себя внимание, что почти все цитируемые Рах-

мановой стихотворения (кроме блоковского «Грешить бесстыдно, беспробудно»), носят название «песни», что, безусловно, созвучно субъективному женскому лирическому рассказу от первого лица. «Декадентское», «никем не признаваемое», по ироничному воспоминанию Зинаиды Гиппиус, стихотворение со знаменитой финальной строкой «Мне нужно то, чего нет на свете», в дневниковом романе Али Рахмановой кажется прочитанным буквально и даже прямолинейно. Если сердце «жаждет чуда» — то чудо непременно должно совершиться. Однако не стоит упрекать автора «Молочницы в Оттакринге» в примитивном восприятии поэзии и в одномерности ее беллетристического опыта, хотя нельзя не признать, разумеется, что далекие от символистской эстетики и очень приближенные к социалистическому реализму с его оптимизмом, пафосом борьбы и, одновременно, проникнутые христианской моралью книги Али Рахмановой откровенно обращены к массовому читателю.

Но, повторимся, простодушие, открытость, искренность рассказа от первого лица («о жизни» — это прежде всего художественный прием. И эпиграф к рассказу о чуде из стихотворения Гиппиус — тоже прием. Гиппиус поразила современников «запредельностью» желаний: «пусть будет то, чего не бывает», «хочу, чего нет на свете»... Для Али Рахмановой то, чего нет на свете, — это возвращение на родину, свидание с близкими, обретение утраченного навеки отечества. Писательница не имела контактов со средой русской литературной эмиграции, главные силы которой были сосредоточены в Париже, хотя, возможно, знала об эмиграции З.Н. Гиппиус. Чудом можно было бы считать возвращение в Россию, встречу с оставленными родными и друзьями, обретение России прежней, дореволюционной — со всеми православными обрядами и обычаями. Описывая очередное житейское происшествие, Аля Рахманова дословно цитирует стихотворение Гиппиус; слышны в этой записи и другие поэтические отголоски, например, знаменитого лермонтовского стихотворения. Однако поэтический подтекст, все стихотворение целиком, растворенное в тексте записи от 16 апреля 1927 г., с «пустым и бледным» небом и «печалью безумной», придает простенькой истории громадный энергетический заряд, разворачивает от житейской мути к метафизике бытия. За эту душевную «подзарядку», за вид со дна жизни — прямо в распахнутые небеса и полюбил Алю Рахманову читатель.

Чудом стало творчество русской эмигрантки, которую оценил и вознес на вершину литературного Олимпа европейский читатель. О «чуде» грезил вся эмиграция, и В.Н. Бунина в 1934 г. воодушев-

ляла брата в Москве: «А в чудо я верю, что ни говори»²¹. О вере эмиграции в чудо свидетельствуют названные цитатами из писем статьи, публикации и даже целая книга, озаглавленная Олегом Коростелевым «Если чудо вообще возможно за границей...»²². Маленькое человеческое чудо из жизни русских эмигрантов в европейском зарубежье описала в своем дневниковом автобиографическом романе и Аля Рахманова, и эту запись (с. 229–232) с эпиграфом из стихотворения З.Н. Гиппиус в нашем переводе с немецкого языка мы прилагаем в качестве коды к настоящей работе.

Приложение

16 апреля 1927 г.

Но сердце хочет и просит чуда,
Чуда!

З. Гиппиус

Оптовый магазин, в который я пришла за яйцами, был закрыт, похоже, это наши часы спешат, и еще нет шести. Я примостилась на скамейке в соседнем парке, подождать, пока не откроют, не возвращаться же домой. Сколько в Вене таких крошечных парков! В эту рань он был совсем пустынным, только мальчишки из булочных пробегали с корзинами хлеба и торопились одинокие рабочие, зябко кутаясь в пальто, – утро выдалось на редкость промозглым. Моросил дождик, но сквозь серые клочья облаков проглядывало солнышко, обещая погожий денек.

Что за тьма-тьмушая птиц в этом крошечном парке! Глупые воробьи хлопотливо носятся туда-сюда с громким чириканьем, и чему они только радуются? Ах, ну да, ведь весна, и свежая травка такая зеленая, а красные и желтые цветы так славно пахнут...

Но разве способна эта пробуждающаяся к новой жизни и красоте природа усмирить мои тревоги и излечить мои печали? Способна ли она понять, почему великолепное весеннее цветение такой скорбью наполняет мое сердце?

Весна на чужбине! Не описать, какая меня охватила скорбь, когда я смотрела на молодые клейкие листочки, с такой радостью

²¹ Письмо хранится в фондах Орловского объединенного государственного литературного музея И.С. Тургенева (ОГЛИМТ. ОФ-3216/158. Ф. 14. Оп. 3. № 59а).

²² «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М., 2008.

тянущиеся навстречу жизни! Или это понимание того, что собственная жизнь пропала? Я словно дерево, с которого буря сорвала все листья, и мне стыдно за мое уродство на этом ликующем празднике природы...

Какая-то ворона, каркая, пролетает над парком, тяжело хлопая тяжелыми черными крыльями...

Солнце снова скрылось за облаками, припустил дождь, и я совсем замерзла в своем стареньком легком пальтишке. Когда же наконец откроется магазин? Завтра Пасха, мне нужно много яиц...

Две дамы спешат мимо, все в черном. Одна старая и худая, другая совсем молоденькая девушка, но с таким бледным личиком, какие бывают только у чахоточных. У них такие озабоченные и встревоженные лица, словно им и невдомек, что близится Пасха.

Пасха! Самый великий и радостный праздник в России! И никогда еще в жизни не была я так далека душой от того, что значит для всякого русского Воскресение Христово! Ни малейшей надежды когда-нибудь снова увидеть Россию, ни малейшей надежды снова повидать родителей, от которых вчера пришло такое горькое, безнадежно печальное письмо. Мама больна, отец болен, а дочка их неведомо где и никогда не увидится с ними.

Пасха! Сколько светлых, радостных воспоминаний связано для меня с этим праздником!

Сижу и прячу за громадным коробом для яиц лицо, чтобы прохожие не заметили, до чего же мне тоскливо. Ах, да зачем, от кого я прячусь, кто это будет здесь в шесть утра интересоваться выражением чужого лица? Тем, кто спешит сейчас в лавку или на работу, хватает своих забот и волнений. Те, у кого нет забот, нежатся сейчас в теплых мягких постелях...

Где же она, моя родина — с пасхальным звоном колоколов, с безбрежным разливом рек, со скромными белыми подснежниками, с суетой подготовки к великому празднику, с торжественным приглашением «Христос воскресе!», со сдобными куличами и жирной пасхой, с красными крашеными яйцами? Нет, на сей раз Воскресение для меня не наступит. Такой великий, такой радостный праздник в России — и такой горький, унылый день для меня...

Из какого же далека шлю я тебе привет, моя родина, из какого хмурого сырого утра под чужим равнодушным небом и среди чужой ликующей природы... Я шлю тебе привет, в котором ты не нуждаешься и который никогда до тебя не долетит...

Листок, который был так безжалостно оторван от родимой ветки, тоскует по тебе; и если ты меня позабыла, Россия, и никогда

больше обо мне и не вспомнишь, то я-то люблю тебя, моя родная, как бы ни была велика боль, которую ты мне причиняешь; и сейчас мне хочется лишь одного — чтобы ты почувствовала, как я по тебе скучаю...

Дни летят. Мой сынишка уже перестает чувствовать себя русским; мой муж не может без горечи говорить о России, которая испортила ему жизнь, а я — я все так же люблю тебя и тебе приношу мои заботы и тоску, сегодня, в великий день Страстей Христовых...

Совсем я замерзла. Солнце окончательно спряталось. День оказался холодным и дождливым. Пора и в магазин, он уже наверняка открылся.

Ах, откуда именно сегодня мне пришло желание получить весточку с родины, из России? Почему?

Чудеса бывают. Со мной произошло настоящее, истинное чудо. Совершенно невероятное пасхальное чудо. Я купила целую корзину яиц, принесла домой, а распаковав, так и застыла, вынув одно яичко. На нем было написано русскими буквами: «Привет от земляков! Христос воскрес!»

Я долго не могла поверить своим глазам. Кто же мог это написать? Откуда, от кого получила я это поздравление с родины? Какой-то русский — может, его так же, как и меня, замучила тоска по России? Кто же послал мне это письмо, без марки и почтового штемпеля, на этом маленьком, драгоценном беленьком яичке?

Как же он знал, что именно мне оно попадется — и именно сегодня? Сегодня, когда я так растосковалась по родине, как никогда прежде?

Я расцеловала это поистине чудесное яичко, озарившее серый, безрадостный трудовой день. Оно напомнило мне, что все люди — братья, что даже в такую минуту, когда человек чувствует себя совершенно покинутым в мире, кто-то думает о нем; оно напомнило мне, что жизнь всегда открыта для чуда... наверное потому, что наша жизнь сама — великое, таинственное чудо!

Литература

Литературное наследство. Т. 110. И.А. Бунин. Новые материалы и исследования. Кн. 1 / ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 1183 с.

«Если чудо вообще возможно за границей...»: эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М.: Русский путь, 2008. 816 с.

Марченко Т.В. Аля Рахманова: русская писательница как феномен немецкой литературы // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. 2014. № 5. С. 753–770.

Марченко Т.В. В ожидании «чуда»: нобелевские мытарства Дмитрия Мережковского // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2000. № 1. С. 25–35.

Марченко Т. «Не нужно ненавидеть, нужно только любить»: феномен Али Рахмановой // Pisarki Rosyjskiej Zagranicy w literaturze, kulturze i korespondencji. Seria «Luminarze Rosyjskiej Emigracji». T. VII / pod redakcją Barbary Kosak, Iwony Anny NDiaye. Olzstyn: Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej, 2016. S. 65–84.

Марченко Т.В. По параллельному руслу: об Але Рахмановой и ее автобиографической трилогии // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. 2017. № 7. С. 164–181.

Риггенбах Г. Аля Рахманова — Галина фон Хойер: поэзия и правда // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. 2017. № 7. С. 131–163 [пер. с нем.]

Niqueux M. La Fabrique des hommes nouveaux (1935) d'Alia Rachmanova ou la résistance à la « nouvelle morale » // La revue russe. 2012. Vol. 39. P. 83–92.

Rachmanowa A. Auch im Schnee und Nebel ist Salzburg schön: Tagebücher 1942 bis 1945 / Hrsg. von H. Riegenbach. Salzburg: Otto Müller, 2015. 320 s.

Riegenbach H. Der Nachlass von Alja Rachmanowa (Galina von Hoyer) in der Kantonsbibliothek Thurgau. Zürich: Jan Dusek, 2010. 72 s.

Riegenbach H. Inventar des Nachlasses von Alja Rachmanowa (Galina von Hoyer): Werke, Briefe, Tagebücher. Frauenfeld: Thurgauische Kantonsbibliothek, 1998. 55 s.

Riegenbach H., Marti R. «На книге стоит “Александра Рахманова”, но это не моя книга». Eine Raubübersetzung und ihre Kritik // Contributions suisses au XIV congrès mondial des slavistes à Ohrid. Bern: Peter Lang, 2008. P. 197–214.

Stahr I. Das Geheimnis der Milchfrau in Ottakring. Alja Rachmanowa. Wien: Amaltea Signum, 2012. 239 s.

References

“*Esli chudo voobshche vozmozhno za granitsej...*”: *epokha 1950-kh gg. v perepiske russkikh literatorov-emigrantov* [“If a miracle is possible abroad at all...”: Era of the 1950s in correspondence of Russian literary emigrants], ed., comp., intro. O.A. Korostelev. Moscow, Russkii put’ Publ., 2008. 816 p. (In Russ.)

Literaturnoe nasledstvo. T. 110: I.A. Bunin. Noveye materialy i issledovaniia. Kn. 1 [Literary heritage. Vol. 110: I.A. Bunin. New Materials and Studies. Book 1], ed., comp. O.A. Korostelev, S.N. Morozov. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 1183 p. (In Russ.)

Marchenko T.V. Alia Rakhmanova: russkaia pisatel’nitsa kak fenomen nemetskoj literatury [Alja Rachmanowa: Russian writer as a phenomenon of German literature]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh’ia im. A. Solzhenitsyna* [Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad Annual], 2014, no. 5, pp. 753–770. (In Russ.)

Marchenko T. “Ne nuzhno nenavidet’, nuzhno tol’ko liubit’”: fenomen Ali Rakhmanovoi [“No need to hate, just love”: Alja Rachmanowa phenomenon], *Luminarze rosyjskiej emigracji. Pisarki Rosyjskiej Zagranicy w literaturze, kulturze i korespondencji*, eds. B. Kozak, I. A. NDiaye. Olzstyn, Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej Publ., 2016, pp. 65–84. (In Russ.)

Marchenko T.V. Po parallel’nomu ruslu: ob Ale Rakhmanovoi i ee avtobiograficheskoi trilogii [Along a parallel channel: About Alja Rachmanowa and her autobiographic trilogy]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh’ia im. A. Solzhenitsyna* [Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad Annual], 2017, no. 7, pp. 164–181. (In Russ.)

Marchenko T.V. V ozhidanii “chuda”: nobelevskie mytarstva Dmitriia Merezhkovskogo [Waiting for a miracle: Nobel hardship of Dmitry Merezhkovsky]. *Izvestiia RAN. Seriya literatury i iazyka*, 2000, no. 1, pp. 25–35. (In Russ.)

Niqueux M. La Fabrique des hommes nouveaux (1935) d’ Alia Rachmanova ou la résistance à la “nouvelle morale”. *La revue russe*, 2012, vol. 39, pp. 83–92. (In French.)

Rachmanowa A. *Auch im Schnee und Nebel ist Salzburg schön: Tagebücher 1942 bis 1945*, Hrsg. von H. Riggenbach. Salzburg, Otto Müller, 2015. 320 p. (In German).

Riggenbach H. Alia Rakhmanova — Galina fon Khoier: poeziia i pravda [Alja Rachmanowa — Galina von Hoyer: Poetry and truth]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh’ia im. A. Solzhenitsyna* [Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad Annual], 2017, no. 7, pp. 131–163. (Transl. from German to Russ.)

Riggenbach H. *Der Nachlass von Alja Rachmanowa (Galina von Hoyer) in der Kantonsbibliothek Thurgau*. Zürich, Jan Dusek, 2010. 72 p.

Riggenbach H. *Inventar des Nachlasses von Alja Rachmanowa (Galina von Hoyer): Werke, Briefe, Tagebücher*. Frauenfeld, Thurgauische Kantonsbibliothek, 1998. 55 p. (In German).

Riggenbach H., Marti R. «Na knige stoit “Aleksandra Rakhmanova”, no eto ne moia kniga». Eine Raubübersetzung und ihre Kritik. *Contributions suisses au 14 congrès mondial des slavistes à Ohrid*, Bern, Peter Lang, 2008, pp. 197–214. (In German).

Stahr I. *Das Geheimnis der Milchfrau in Ottakring. Alja Rachmanowa*. Wien, Amaltea Signum, 2012. 239 p. (In German).

A miracle in a dairy shop: On a typology of an “emigrant” novel

© 2020, Tatiana Marchenko

Abstract: Alja Rachmanowa (real name Galina Dyuryagina-Hoyer) is a Russian writer with a European success in 1930s. Her books were published in German translation made by her husband Arnulf Hoyer, and still remain obscure in Russia. The phenomenon is rather fascinating from the point of view of typology of émigré prose. A novel “Milchfrau in Ottakring” (1933) of the prolific author of three dozen books was extremely popular, not only it remains relevant, but looks very modern as an “emigrant” novel of special type. In a diary form based on a personal experience, the writer sets out a story of success. A qualified philologist, Alja Rachmanowa (her literary pseudonym is usually referred to) was forced to become for a couple of years a saleswoman in a rented dairy shop. This experience of a “foreigner”, her national and sociocultural identity, adaptation, and ultimately successful integration are reflected in the diary autobiographical novel. The Russian component of the book in German whose author / heroine balances between the spheres of “own” and “stranger,” has driven a success of the “Milchfrau in Ottakring”. Russian realities, Russian mentality, nostalgia for the native country permeating the narration, especially attracted the readership. One of the important markers of “Russianness” is a citation of Russian literature, not in the form of a mere quotation, but as a rethinking, re-interpretation, a dispute with the classics. The article deals with some examples of such citing (F.M. Dostoevsky, A.V. Koltsov, A.N. Pleshcheev, Z.N. Gippius). A fragment of the novel in Russian translation is given in Annex.

Keywords: émigré prose, “emigrant” novel, Alja Rachmanowa, adaptation, integration, national and sociocultural identity, Russian literature, literary quote, literary translation

Information about the author: Tatiana Marchenko, Head of department, A. Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad; Leading Researcher, M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: tvmarch@mail.ru

Citation: Marchenko Tatiana. A miracle in a dairy shop: On a typology of an “emigrant” novel. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 2 (16), pp. 337–359. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-337-359

DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-360-370

УДК 821.161.1

Два письма Амфитеатровых П.Н. Краснову: Окончание проекта

© 2020, Ж. Шерон

Аннотация: Журналист, прозаик, драматург А.В. Амфитеатров и атаман Всевеликого войска Донского генерал П.Н. Краснов, автор многочисленных романов и повестей, принадлежали к старшему поколению писателей русской эмиграции. Амфитеатров жил в Италии, а Краснов — в Париже, и общались они эпистолярно. Завязавшаяся в 1927 г. переписка продолжалась более 10 лет, до смерти Амфитеатрова. Ранее опубликованный большой комплекс их писем содержит не только существенные дополнения к литературной биографии корреспондентов, но также важную информацию по политической, общественной и литературной истории русской диаспоры 1920–1930-х гг. При этом письма Краснова — лишь малая часть материалов огромного эмигрантского архива Амфитеатрова, разработкой которого занимался автор данной публикации в сотрудничестве с О.А. Коростелевым, планируя посвятить этим материалам несколько книг «амфитеатровского» тома академической серии «Литературное наследство». Настоящее сообщение представляет два недавно обнаруженных письма к Краснову — самого Амфитеатрова и его вдовы, сообщающей о своих усилиях собрать сборник памяти мужа в условиях начинающейся мировой войны.

Ключевые слова: русская эмиграция, литература и политика, А. Амфитеатров, П. Краснов, периодическая печать русской диаспоры

Информация об авторе: Жорж Шерон, PhD, Лос-Анджелес, США. E-mail: gcheron@gmail.com

Цитирование: Шерон Ж. Два письма Амфитеатровых П.Н. Краснову // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 360–370. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-360-370

Сюжет данной публикации непосредственным образом связан с памятью об О.А. Коростелеве. Я знал Олега Коростелева почти 30 лет. Особенно интенсивно мы общались, когда он стал главным редактором альманаха «Диаспора». Мы делали совместные и отдельные публикации на страницах альманаха. Приблизительно в 2007 г. я рассказал Олегу о работе с огромным архивом писателя Александра Валентиновича Амфитеатрова (1862–1936), который хранится в Индианском университете в США¹. Он предложил мне подготовить материал из этого архива для «Диаспоры». Я выбрал письма Амфитеатрову военного деятеля Царской России и писателя Петра Николаевича Краснова (1869–1947). Тогда казалось, что о жизни генерала в эмиграции известно очень мало, только «деятельности» Краснова во время Второй мировой войны уделялось и уделяется слишком много внимания. При этом именно в годы изгнания он много и постоянно публиковал беллетристику, мемуары и критику. Его роман «От Двухглавого орла к красному знамени» (1921) стал бестселлером, а дальнейшие романы сделали Краснова фантастически популярным писателем среди массового эмигрантского читателя. Его даже выдвинули кандидатом на Нобелевскую премию². А каково было мое удивление, когда отыскиались ответные письма Амфитеатрова Краснову в русском монастыре в Америке³. К большому огорчению, когда публикация была готова, уже вышел девятый выпуск «Диаспоры», ставший последним. Публикация появилась в нью-йоркском «Новом журнале»⁴. Прошло несколько лет, и в том же архиве всплыли еще три письма; одно из них недавно мною опубликовано⁵. Остальные два⁶ я представляю в данной публикации в память об Олеге Коростелеве, который поддерживал мой «красновский проект» с самого начала.

¹ Lilly Library. Manuscript Collection, Amfiteatrov papers, University of Indiana, Bloomington.

² См.: *Марченко Т.* Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). Köln; Weimar; Wien, 2007. С. 529–547.

³ Holy Trinity Orthodox Seminary Archives. Krasnov papers. Box 3. Приношу благодарность протоиерею Владимиру Цурикову за предоставление копий писем.

⁴ См.: Новый журнал. 2013. Кн. 271, июнь. С. 166–227; Кн. 272, сент. С. 131–168.

⁵ *Cheron G.* An unknown letter about P. Krasnov's historical novel "Catherine the Great" // "Ik hou van jou, Peters creatie": Festschrift voor Emmanuel Waegemans. Amsterdam, 2016. S. 175–178.

⁶ Здесь публикуется и единственное сохранившееся письмо Краснову от вдовы писателя, Иларии Владимировны Амфитеатровой (1873–1949). Известны 11 писем Краснова к ней, которые вошли в публикацию в «Новом журнале».

А.В. АМФИТЕАТРОВ — П.Н. КРАСНОВУ

Levanto ¹,
1928.V.17.

Глубокоуважаемый Петр Николаевич.

Сердечно благодарю Вас за любезный присыл «Белой Свитки»². У меня был уже один экземпляр, доставленный мне из «Китежа»³ по внушению, вероятно, БРП⁴, но я его теперь в общественный оборот, а для себя сохранил Ваш с ценным для меня автографом.

О «Белой Свитке» я уже давно написал статью в «Возрождение»⁵. Не знаю, чего они там ее маринуют⁶.

Превосходна у Вас в романе 1-ая часть⁷. Верный глаз, твердая рука, глубокая психология. Большого мастера работа. С чем я совершенно не согласен, — это с 4-ой частью⁸, т<o> е<сть> не в смысле ее программности, а в смысле ее надобности. Я враг утопий и пророчеств: хорошо, если хоть сколько-нибудь сбудется, а если вовсе нет? Обидно. Может быть, впрочем, это мой личный реалистический дух протестует, а вообще-то это нужно. Вот брат Ф.Э.⁹ пишет мне, что в СССР именно 4-ая-то часть особенно и радует читателей, успокоенных ею в том смысле, что белые не всех будут вешать и гнать к чертовой матери. Я, признаюсь, предпочел бы, чтобы Вы распространили шире 3-ью часть¹⁰, более подробно показав боевую деятельность БРП, хотя эти главы и теперь производят сильное впечатление.

У нас здесь на Вас огромный спрос. Достают всё Ваше, что вышло на языках. Жаль, что на итальянском нет ничего. Хорошо было бы перевести и «Душу Армии»¹¹. Этим вопросом здесь сильно интересуются. Вы не будете против? Я постарался бы устроить.

С величайшим удовлетворением прочитал Ваше письмо в «Русской Правде»¹² за полную подписью¹³. Этот шаг принесет БРП гораздо больше пользы, чем десятки псевдонимных и анонимных выступлений, веру в <ото>рые левым удалось убить при глупейшем содействии попавшего впросак Струве¹⁴, не говоря уже о Мельгунове¹⁵ с подголосками. Анонимность в БРП — истинное несчастье в материальном отношении. Я всячески стараюсь найти для БРП денег, но ничего не могу сделать. Всюду одно и то же. Говорят:

«Покажите лицо».

Объясняю, почему нельзя «показать лицо».

Возражают:

«Да, действующие лица вы можете не открывать, но должен быть ответственный гласный комитет для приобретения материальных средств. Если такой комитет будет, тогда и разговоры пойдут другие».

Я написал об этом БРП. Если бы, в самом деле, явился-сложился гласный комитет сочувствия и поддержки БРП, составившись из лиц, уже обнаруживших свою связь с Братством, как Вы, митр<ополит> Антоний¹⁶, герцог Лейх<тенбергский>¹⁷, человек 5–7, то можно было бы вести пропаганду гораздо сильнее и успешнее, что морально, что материально. А — как теперь — очень уж кустарный порядок. Я часто просто отказываюсь от пожертвований, потому что нет смысла брать доллар-другой там, где следует и возможно взять сотню. И вообще просить на «прекрасную маску» очень неблагодарная и сомнительная задача. Смотрите, как на «открытое лицо» получает Баратов¹⁸ для инвалидов или даже Мельгунов, через Федорова¹⁹, для «Б. за Р.»²⁰. А бедное БРП, более всех нужное и нуждающееся, пробавляется грошиками.

Вышел в Риге мой роман «Лиляша»²¹. Я послал бы его Вам, но издание (заочное, без авторской корректуры, да, по-моему, и без всякой корректуры) так безобразно, что совестно показывать хорошим людям. Удивляюсь, как так публика терпит подобное обращение с нею! В смысле полного собрания русских печаток, это, в своем роде, уник. Выправление этой чепухи в удобопонимаемость — теперь мое постоянное вечернее занятие.

Недавно читал во Флоренции на Fiera del Libro²² лекцию на итальянском языке об «Италии в русской классической поэзии»²³. Имел преогромный успех и получил великое чествование.

Простите, что написал много. Унимаюсь.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. Амфитеатров.

Уж очень жаль Врангеля! ²⁴

---

¹ Почти вся жизнь Амфитеатрова в эмиграции прошла в маленьком итальянском городке Леванто на лигурийском побережье — Кави ди Лаванья (Cavi di Lavagna).

² *Краснов П.Н.* Белая Свитка. Берлин, 1928.

³ Имеется в виде берлинский книжный магазин “Grad Kitesch”.

⁴ БРП = Братство Русской Правды — сугубо законспирированная монархическая организация, в которой Краснов и Амфитеатров активно принимали участие. См.: *Базанов Н.* Братство Русской Правды — самая загадочная организация русского зарубежья. М., 2013.

⁵ «Возрождение» — парижская газета русской эмиграции (1925–1940).

⁶ Статья не была опубликована; найти ее текст не удалось.

⁷ В первой части романа Краснов дает психологический портрет циничного советского партийца Бахолдина.

⁸ Краснов описывает в четвертой части переворот и свержение большевистской власти.

⁹ Ф.Э. = Фор Эвер (от *англ.* forever, навсегда) — псевдоним С.А. Соколова (1878–1936), много лет возглавлявшего БРП (Брат No. 1). В эпоху символизма печатал стихи под именем «Сергей Кречетов».

¹⁰ Третья часть романа показывает военные действия партизанских отрядов на пограничной территории Советского Союза. Описание построено на реальных сводках БРП.

¹¹ *Краснов П.Н.* Душа Армии. Очерки по военной психологии. Берлин, 1927.

¹² «Русская правда» — журнал (1922–1933), официальный орган БРП.

¹³ Письмо царского генерала П.Н. Краснова // Русская правда. 1928, март–апр. С. 4.

¹⁴ Петр Бернгардович Струве (1870–1944) — общественный и политический деятель. С большим скептицизмом отзывался о боевой деятельности БРП.

¹⁵ Сергей Петрович Мельгунов (1879–1956) — историк и политический деятель, с недоверием относился к организации БРП.

¹⁶ Митрополит Антоний (Храповицкий, 1863–1936) — Первоиерарх Русской Православной Церкви за границей.

¹⁷ Герцог Георгий Николаевич Лейхтенбергский (1872–1929) — один из учредителей секретной организации БРП, также финансировал издание журнала «Русская правда».

¹⁸ Николай Николаевич Баратов (1865–1932) — генерал от кавалерии. В эмиграции занимал пост председателя Зарубежного союза русских инвалидов.

¹⁹ Михаил Михайлович Федоров (1858–1948) — общественный деятель, редактор журнала «Борьба за Россию».

²⁰ «Борьба за Россию» — еженедельный парижский журнал (1926–1931).

²¹ *Амфитеатров А.* Лиляша: Роман из одной женской жизни: В 3 т. Рига, 1928.

²² Книжная ярмарка (*итал.*).

²³ См.: Лекция А.В. Амфитеатрова на книжной ярмарке во Флоренции // Сегодня. 1928. №. 147.

²⁴ Барон Петр Николаевич Врангель (1878–1928) — генерал-лейтенант, Главнокомандующий Добровольческой армии во время Гражданской войны. Умер 25 апреля 1928 г., внезапно заразившись туберкулезом.

И.В. АМФИТЕАТРОВА — П.Н. КРАСНОВУ

Levanto,
1940. I. 14.

Дорогой мой Петр Николаевич,

Не могу Вам выразить, как утешили Вы меня своим, правда, далеко неутешительным, но таким ласковым и заботливым письмом. Как могли Вы хоть одну минуту подумать, что я сержусь на Вас за отказ написать об А.В.? Огорчилась — правда и намеревалась спорить с Вами и доказывать неправильность Ваших взглядов на это дело, но... как и писала Вам, марки отсутствовали, а отсюда, конечно, подавленное состояние духа и заключение в молчание.

Вот и хочется мне теперь ответить Вам на оба письма. Сперва на старое.

Мысль свою¹ я не оставила: всегда была упряма и настойчива. От всех литературных генералов имею обещания написать, но и только. Генералы мне не указ, и в составление книжки я не пушу никого: сама ее соберу. Даже Шмелеву², человеку не злому, но тяжелому и обозленному, на его указания, что, мол, «в редакторá меня не зовите, не пойду», я прямо ответила, что и не зову, т<ак> к<ак> «знала заранее, что не пойдете». Я-то понимаю хорошо, что затем и написано, чтобы позвала, но за что же я буду навлекать на себя такое несчастье и давать распоряжаться в том, что для меня всего дороже и ближе? Сделаю всё по своему разумению (в котором мне всегда помогает никогда не отходящий от меня друг мой), а там пусть публика судит.

Дорогой Петр Николаевич, кто, как я, провел целую жизнь рядом с большим человеком, тот хорошо знает, как его умеет литературная братия замалчивать, пинать, щипать, пугать и оскорблять. Вы думаете, что у А.В. литературная деятельность катилась гладко? по розам? Вы думаете, что Вас один не признает, другой отвергает, третий презирает? Ох, какая ошибка! Замалчивали систематически, намеренно, даже злонамеренно. Правые ненавидели за то, что левый, левые не признавали за то, что *был* правый. И так всю жизнь. И после смерти шпыняют. «Возр<ождение>» не печатает моих статей о нем даже в годовщину смерти³. Насилу вымолила, чтобы они панихиду там отслужили, но никто на нее не пришел. Когда я была молода и торопилась жить, защитить А.В., доказать всю несправедливость отношения к нему, он только посмеивался и, знаю, шел вперед, так, как находил нужным и правильным. Случалось, конечно, что оступался, сворачивал не туда, но ничего, поправлялся, сознавался честно в ошибке и снова шел, не обращая внимания ни на гам, визг, лай, ни на гробовое молчание.

Когда однажды Данила⁴, 16-летним, в Петербурге, под большевиками, написал сюиту из 6 классических танцев: гавот, менуэт и т.д. и представил на конкурс в консерватории, то один из жюри, музыкальный критик, заявил, с отвращением отбрасывая его тетрадь:

— Настоящий сын своего отца: может писать в каком угодно стиле.

Он, несчастный, даже не понимал, какую похвалу он сказал. Но говорил с ненавистью.

А знаете ли Вы, почему я затеяла эту книжку? Я всё больше впадаю в панический ужас перед «воспоминателями». Послушайте, Коровин⁵, художник и большая артистическая величина, наблюдавший Шаляпина подолгу и вблизи, написал о нем книгу⁶. Не знаю, видели ли Вы ее. Но ведь это же ужас что такое! Что он увидел в Ш<аляпине> артисте? Абсолютно ничего. В Ш<аляпине>-человеке? Только, что он был пьяница. Я, видите ли, знаю Ш<аляпина> с юности: нам обоим было по 21 году, когда мы по-

знакомились и очень подружились. Он тогда был очаровательный юноша: чистый, хороший, жадный до знаний. Чем более возрастала его слава, тем хуже он становился: явилась жажда наживы, жадность к деньгам непомерная. Я, сразу же после его смерти, написала о «юном Ш<аляпине>»⁷ и больше ничего не напишу, потому что ничего больше хорошего сказать не могу, а дурного не хочу.

А «воспоминатели» пишут. Мельников⁸, сын знаменитого баритона⁹ и сам баритон и режиссер, написал в «Сегодня»¹⁰ о «Ш<аляпине> заграницею»¹¹. Оказывается, ничто Федора так не прельщало, как сапожные магазины: всё ходил и покупал по 6 пар сапог. А кроме сапог, прельщали его дамы: в какой город ни приедут, Федор в одних чулках крадется тут к графине, там к испанке.

Да что далеко за примерами ходить! Прошлым летом приехала в Италию русская дама из Берлина. Пожелала видеть могилу А<лександра> В<алентинови>ча. Приехала ко мне. Мы с нею были весьма поверхностно знакомы: никогда она мне не нравилась. А.В. приятельствовал с ее мужем и, случалось, ездил к ним в имение, в Финляндию.

Так вот эта дама принялась рассказывать мне свои воспоминания об А.В. Слушала я ее, слушала и наконец говорю:

— А знаете, удивительная вещь! Вы мне как будто про совершенно незнакомого мне человека рассказываете, а я его, между тем, 40 лет знала: почти не расставаясь, вместе прожили.

И не то, чтобы она что-либо очень дурное о нем говорила, — не без того — а так просто, в общем совсем не то. Напр<имер>:

— Входим мы раз с Н.В. (муж ее) в кабинет и видим: лежит А<мфитеатро>в на диване и спит. И так смешно спит, скрючившись! Такая махина и вдруг, скрючившись, мы так и покатились с мужем, ужасно смешно!

— Да у вас, может, диван был коротенький? — спрашиваю.

— Да, не очень длинный, правда, но все-таки...

Вот подите же! Если бы ей, не дай Господи, было дано перо в руки, она бы и воспоминания об А<мфитеатро>ве написала. Да такие, что и опровергать было бы невозможно. Нельзя же, в самом деле, приняться доказывать публике, что А<мфитеатро>в спал всегда не скрючившись, а вытянувшись во весь свой гигантский рост. А таких глупостей немало.

В дальнейшем разговоре она ахнула наконец такую штуку, что я только глаза вытаращила:

— Откуда вы это взяли?

— Ну, вот, он нам сам это сказал, — а глаза так и бегают, прячутся.

— Тому, кто *вам* это сказал, и вам повторяющей, вы объясните, что я еще пока жива, и то, при чем сама присутствовала, сама и рассказать могу.

Умолкла.

Так вот видите, как необходимо мне, чтобы хорошие люди, любившие А.В., сказали о нем свое слово для того, чтобы заранее отрезать пути «воспоминателям». И это очень хорошо, что Вы напишете о нем совсем свое, особое, по письмам, и такое, где больше всего будет говориться о Вас самом: тем ярче выявится его духовный облик, та из его многочисленных граней, которая Вам всего виднее и ощутительнее. Без Вас не будет закончен его портрет, и я изо всех сил прошу Вас не отказывать мне в этом. Не знаю, сумела ли я передать Вам ясно свои мысли и чувства на этот счет, сумела ли убедить Вас. Если даже не совсем, всё же помогите мне.

Очень горестно мне было читать Ваше второе письмо. Больно за Вас и за милую Лидию Федоровну¹², что опять одолевают Вас обеих заботы, а Вас лично огорчение от невозможности работать, как привыкли. По себе, малой мошке, знаю. За 4 месяца безработицы я в совершенное ничтожество впала. Затягивает литература, как вино — пьяницу. Давно ли я пишу, а вот не могу с утра видеть письменного стола, строчить.

В «Сегодня» остались все прежние сотрудники, кроме издателей и редакторов¹³. И Галич¹⁴ там, и «друг» Ваш Петр Пильский¹⁵. Но что он пишет, Боже мой! Что он пишет? Ничего понять нельзя. Очевидно, винные пары действуют окончательно разлагающе на его голову. Он тоже — из «воспоминателей». В статье своей об А.В. написал, что у него была здесь вилла¹⁶. Уж и отчитала же я его в письме!

Это единственная газета, которая платит, хоть и мало, но аккуратно, дважды в месяц, что отошавшим людям бывает весьма на пользу. Посылают чеками, и я сразу же получаю. Я как-то пришлось там ко двору. У меня завелись «мои читатели», с иными из них завязалась даже переписка, и при новых издателях и редакторе мне дают свободу проводить даже свои политические итальянские взгляды. Но долго ли это будет, кто знает? Пильский, например, розовеет уже не по дням, а по часам, пишет исключительно о <Советской> России — очевидно, выслуживается, намереваясь туда перекочевать¹⁷.

Я всё время готова к тому, что или меня выкинут из газеты по приказу из Москвы, или придется снять самое свое имя с заалевшейся не от стыда, а от бесстыдства газеты. Ну, а тогда мне будет крышка. Сыновья мои мне помогают посылить, но жить на эту помощь вдвоем с безработным Владимиром¹⁸ (которого Вы знаете) невысказимо. Жизнь здесь очень подорожала и продолжает дорожать.

Старшему, Даниле, нелегко в Америке: он перетаскивал туда семью, а контракта с ним не возобновили, и что он будет делать теперь, неизвестно.

Максим¹⁹ всё возрастает в славе своей, но денег не получает и живет скудно.

Роман²⁰, бедняжка, безнадежен...

Вот и я верю, что так в Советчине продолжаться не может. И вообще впервые за все эти годы возымела веру и надежду в лучшее будущее. Возможно, конечно, что это чисто субъективное настроение, под влиянием некоторых маленьких удач, пришедших ко мне с Н<овым> годом, и ласки и баловства со стороны нескольких расположившихся ко мне людей, но вот верю и верю, что в 1940 г<оду> мы все, бедные, оживем.

Знаете ли Вы ген<ерала> Кислицина²¹ (почему через *и*)? Я получила из «Голоса Эмигрантов»²², харбинской газеты, предложение сотрудничать, но гонорара они высылать не могут, а предлагают мне представительство в Италии на их издания. Это дело, конечно, невозможное. Что я могу сделать из своей дыры? И кому нужна газета на 20-ый день? На всякий случай статью всё же послала. Авось, как-нибудь сладимся.

Ну, вот, не письмо, а письмище! Зато на душе легко стало. Вылилась.

Шлю Вам и милой Лидии Федоровне самый душевный мой привет.

Ваша И. Амфитеатрова.

¹ Вдова Амфитеатрова намеревалась собрать и издать памятный сборник в честь мужа, но из-за политической ситуации в мире сборник так и не вышел.

² Иван Сергеевич Шмелев (1873–1950) — писатель, с 1920 г. в эмиграции.

³ Амфитеатров умер 26 февраля 1938 г.

⁴ Даниил Александрович Амфитеатров (1902–1983) — сын Амфитеатрова, композитор и дирижер. С 1939 г. работал в киностудиях Голливуда.

⁵ Константин Алексеевич Коровин (1861–1939) — художник. Написал несколько портретов Шаляпина.

⁶ *Коровин К. Шаляпин. Встречи и совместная жизнь.* Париж, 1939.

⁷ *Амфитеатрова И. Юный Шаляпин // Сегодня.* 1938. № 109.

⁸ Павел Иванович Мельников (1867–1944) — несколько раз писал о Шаляпине для газеты «Сегодня».

⁹ Иван Александрович Мельников (1832–1906) — оперный певец, солист Маринского театра.

¹⁰ Русская газета, издававшаяся в Риге в 1919–1940 гг.; с 1934 г. редактор — А.В. Коссович.

¹¹ См.: *Мельников П. Первый выезд Шаляпина за границу // Сегодня.* 1939. № 356.

¹² Лидия Федоровна Краснова (1870–1949; в первом браке Бакмансон) — жена Краснова. Чудом спасла эмигрантский архив мужа. См. некролог: Часовой. 1949. № 288, 1 сент. С. 21.

¹³ Газета, как и вся ситуация в странах Балтии, начала меняться вследствие подписания пакта Молотова-Риббентропа в августе 1939 г.; газета была закрыта 21 июня 1940 г., на четвертый день после аннексии Латвии СССР. См.: *Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б.* Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Кн. V. Близость катастрофы. Stanford, 1997. (Stanford Slavic Studies. Vol. 13–17).

¹⁴ Юрий Николаевич Галич-Гончаренко (1877–1940) — бывший царский генерал, писатель и журналист.

¹⁵ Петр Моисеевич Пильский (1879–1941) — критик. Постоянно негативно отзывался о произведениях Краснова.

¹⁶ См.: *Пильский П. А.В.* Амфитеатров // *Сегодня*. 1938. № 60, 3 марта.

¹⁷ На самом деле Пильский скончался от инсульта в Риге в 1941 г.

¹⁸ Владимир Александрович Амфитеатров-Кадашев (1889–1942) — писатель и журналист. Сын Амфитеатрова от первого брака.

¹⁹ Максим Александрович Амфитеатров (1907–1990) — виолончелист.

²⁰ Роман Александрович Амфитеатров (1907–?) — музыкант. Страдал душевной болезнью.

²¹ Владимир Александрович Кислицын (1883–1944) — генерал-лейтенант. Начальник Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии.

²² «Голос эмигрантов» — еженедельная газета, орган Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжу-Ди-Го.

Литература

Базанов Н. Братство Русской Правды — самая загадочная организация русского зарубежья. М.: Посев, 2013. 419 с.

Марченко Т. Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2007. 626 с.

Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б. Русская печать в Риге: из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Кн. V: Близость катастрофы. Stanford: б.и., 1997. 356 с. (Stanford Slavic Studies. Vol. 13–17).

Шерон Ж. «...Жить писателю очень тяжело»: Переписка П.Н. Краснова с А.В. Амфитеатовым // *Новый журнал*. 2013. № 271. С. 166–227; № 272. С. 131–168.

Cheron G. An unknown letter about P. Krasnov's historical novel "Catherine the Great" // "Ik hou van jou, Peters creatie": Festschrift voor Emmanuel Waegemans. Amsterdam: Pegasus, 2016. S. 175–178.

References

Bazanov N. *Bratstvo Russkoi Pravdy* — *samaia zagadochnaia organizatsiia russkogo zarubezh'ia* [Russian Truth Brotherhood, the most mysterious organization of the Russian Abroad]. Moscow, Posev Publ., 2013. 419 p. (In Russ.)

Cheron G. An unknown letter about P. Krasnov's historical novel "Catherine the Great". "Ik hou van jou, Peters creatie": *Festschrift voor Emmanuel Waegemans*. Amsterdam, Pegasus Publ., 2016, pp. 175–178. (In English).

Cheron G. "...Zhit' pisateliu ochen' tiazhelo": perepiska P.N. Krasnova s A.V. Amfiteatrovym ["...Life is very difficult for a writer": Correspondence between P.N. Krasnov and A.V. Amfiteatrov]. *Novyi zhurnal*, 2013, no. 271, pp. 166–227, no. 272, pp. 131–168. (In Russ.)

Fleishman L., Abyzov Iu., Ravdin B. *Russkaia pechat' v Rige: iz istorii gazety "Segodnia" 1930-kh godov. Kn. V: Blizost' katastrofy* [Russian press in Riga: from the

history of the newspaper “Segodnya” in the 1930s. Book 5: The proximity of a disaster], series: Stanford Slavic Studies. Vol. 13–17. Stanford, s.l., 1997. 356 p. (In Russ.).

Marchenko T. *Russkie pisateli i Nobelevskaia premiia (1901–1955)* [Russian authors and the Nobel Prize (1901–1955)]. Köln, Weimar, Wien, Böhlau Verlag, 2007. 626 p. (In Russ.)

Two letters by the Amfiteatrovs to Petr Krasnov: Finishing the project

© 2020, George Cheron

Abstract: Journalist, prose writer, playwright Alexander Amfiteatrov and Ataman of the Great Don Army General Petr Krasnov, the author of numerous novels and short stories, belonged to the older generation of Russian émigré writers. Amfiteatrov lived in Italy, and Krasnov in Paris, and they communicated by mail. Their correspondence that began in 1927 lasted more than 10 years, until Amfiteatrov’s death. The previously published large complex of their letters contains not only significant additions to the literary biography of correspondents, but also an important information on the political, social, and literary history of the Russian Abroad in the 1920s and 1930s. Moreover, Krasnov’s letters are only a small part of the huge Amfiteatrov émigré collection, researched by the author of this publication in collaboration with Oleg Korostelev with plans to devote several books of the Amfiteatrov volume in the academic series “Literary Heritage” to these materials. This publication presents two recently discovered letters to Krasnov, written by Amfiteatrov himself and by his widow, reporting on her efforts to collect a book in her husband’s memory during the outbreak of World War II.

Keywords: Russian Abroad, literature and politics, Alexander Amfiteatrov, Petr Krasnov, periodicals of the Russian diaspora

Information about the author: George Cheron, PhD, Los Angeles, USA.
E-mail: gcheron@gmail.com

Citation: Cheron George. Two letters by the Amfiteatrovs to Petr Krasnov: Finishing the project. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 2 (16), pp. 360–370. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-360-370

DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-371-389

УДК 821.161.1

Ахматова и emigrantica

© 2020, Р.Д. Тименчик

Аннотация: Статья посвящена частным эпизодам большой и еще не до конца изученной темы — взаимосвязей А.А. Ахматовой с русской эмиграцией. Различные эмигрантские источники (печать, документы, эпистолярий, личные свидетельства) порой чрезвычайно важны не только для воссоздания картины восприятия творчества Ахматовой читателями и критиками русской диаспоры, но и в связи с разысканиями в области биографии самой Ахматовой. В первом разделе рассматривается ахматовская версия причины самоубийства в 1921 г. Анастасии Чеботаревской (писательницы, жены Федора Сологуба) — неразделенная любовь к покинувшему Россию незадолго до этого Григорию Лозинскому, и приводится его забытый печатный отклик на смерть Чеботаревской — заметка в берлинской газете «Голос России». Второй раздел статьи посвящен положению Ахматовой в ситуации репрессий, развязанных советскими властями против интеллигенции в 1922 г., и откликам эмигрантской печати на циркулировавшие слухи о готовящейся высылке Ахматовой из страны или ее возможной ссылке.

Ключевые слова: А.А. Ахматова, эмигрантская пресса, «философский парод», А.Н. Чеботаревская, Г.Л. Лозинский, биография писателя

Информация об авторе: Роман Давидович Тименчик, профессор, Еврейский университет, Иерусалим, Израиль. E-mail: suzirom@gmail.com

Цитирование: Тименчик Р.Д. Ахматова и emigrantica // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 371–389. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-371-389

В последние годы мне приходилось несколько раз обращаться к О.А. Коростелеву за советами и помощью в поисках различных эмигрантских источников. Часть этих вопросов была связана с разысканиями в области биографии Ахматовой. Когда начали составляться планы по изданию научного собрания ее сочинений, стало понятно, что за библиографической поддержкой в сфере emigrantica надо будет непременно обратиться к Коростелеву.

Не случится.

1. Самоубийство Анастасии Чеботаревской: поклон из зарубежья

В планах ненаписанной автобиографической книги Ахматовой есть пункт: «Наводнение (24 авг. 1924). Панихида на Смол<енском> кладб<ище>»¹. Речь идет о наводнении, заставшем ее на панихиде по Анастасии Николаевне Чеботаревской, утопившейся за три года перед тем. В этом пункте мемуарной прозы можно было ожидать ахматовского рассказа об одной из самых знаменитых самоубийц среди русских авторов начала прошлого века². Но эта новелла, о которой Ахматова оставила помету «Гот<овый> рассказ»³, зафиксирована на бумаге не была.

Путь «Настии» Чеботаревской к гибельному поступку занял несколько лет. «Удушающая общественная атмосфера, вкупе с мучительными бытовыми невзгодами первых лет большевистского правления, не могла не сказаться разрушительным образом на нервной системе Чеботаревской, и без того неустойчивой и сильно подорванной (во время войны 1914 г. ей уже пришлось перенести первый приступ циркулярного психоза). С 1919 г. все усилия Сологуба и Чеботаревской были направлены к тому, чтобы выехать за границу»⁴.

Усилия заключались в поочередном обращении к большевистским вождям. Одним из них, по очевидной логике, был нарком просвещения, поэт и драматург Луначарский, перед которым супруги попросили ходатайствовать Е.Д. Кускову, вспоминаяшую потом:

Он назначил мне час свидания, и во время этого разговора я особенно обращала его внимание на душевное состояние Чеботаревской.

— Зачем вам здесь эти люди? И почему тянут так ответ?

— А зачем они там? — задумчиво спросил он. — Впрочем, ведь не я вершитель их судьбы. Я бы лично ни минуты их не задерживал:

¹ Мандрыкина Л.А. Ненаписанная книга. «Листки из дневника» А.А. Ахматовой // Книги. Архивы. Автографы: Обзоры, сообщения, публикации. М., 1973. С. 67. У Ахматовой здесь описка в месяце и неточность в дате — речь идет о 23 сентября 1924 г. См.: Черных В. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2016. С. 233.

² Подробнее об отношениях Ахматовой и А.Н. Чеботаревской см.: *Тименчик Р.* Из Именного указателя к Записным книжкам Ахматовой // «...Как в прошедшем грядущее зреет...»: Полувековая парадигма поэтики серебряного века: Сб. науч. работ. М., 2012. С. 318–322.

³ Мандрыкина Л.А. Ненаписанная книга. С. 68.

⁴ Лавров А.В. Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская // Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М.М. Павловой и А.В. Лаврова. М., 1997. С. 299.

она — явно на границе помешательства, а он — вряд ли снова обретет свой талант в нашей обстановке. Даю вам слово, что я всячески постараюсь удовлетворить их просьбу. Но я ведь — не влиятелен.

Когда-то мне такую же фразу сказал Л.Б. Красин на обращенную к нему просьбу правления нашей Лиги поставить его подпись под одним документом.

— Подпись я поставлю. Но не повредит ли она вам? Я числюсь, ведь, в партийцах по документу и в буржуях — по призванию.

Хлопотал ли Луначарский, я не знаю. Через короткое время я узнала, что Сологубы — в отчаянии: им предложено «обождать более благоприятной конъюнктуры». Чеботаревская ждать не согласилась: она бросилась с того самого моста, где было найдено тело убитого Юсуповым Распутина.

Приезжие из Петербурга рассказывали, что Сологуба часто встречали на этом же мосту. Стоял он всегда спокойно, опираясь на перила и пристально смотря на серо-мутные воды Невы. О чем он думал?⁵

Имело свою логику и обращение к Л.Б. Каменеву — в свое время А.Н. Чеботаревская собирала книги символистов, чтобы передать ему⁶, сосланному в Туруханский край: «... я очень люблю Россию, и даже временная разлука с нею для меня тяжела; я не политик и не

⁵ Кускова Е.Д. Из прошлого. Еще об А.Н. и Ф.К. Сологубах // Новое русское слово. 1949, 4 марта; «Лига спасения детей» существовала в 1918–22 гг.; труп Распутина был найден возле Петровского острова. См. первые детали происшествия, сообщенные в эмигрантской печати: «Последнее время ни для кого из близких уже не было тайной, что жена Ф. Сологуба, писательница А.Н. Чеботаревская, психически больна. За ней был учрежден тщательный медицинский уход и надзор. Тем не менее, больной удалось выбраться незамеченной из дому. В темный, холодный вечер, полураздетая, она ушла и пропала без вести. С тех пор ее никто не видел. Самые тщательные поиски не дали никаких результатов. Какой-то курсант видел, как какая-то женщина бросалась с Тучкова Буяна в воду. Но курсант уверял, что это была женщина беременная, что никак не может относиться к г-же Чеботаревской. Тем не менее, указанное место было тщательно обследовано и никаких следов возможного самоубийства не найдено. Не обнаружено это и до нынешнего дня. В ответ на всевозможные объявления и огласки кто-то позвонил Сологубу на квартиру, указав свой адрес (Литейный, 38, кв. 9), и сообщил, что к нему привезли неизвестную больную женщину, найденную где-то за городом. Писатель бросился по указанному адресу и не нашел ни квартиры, ни женщины. Вот всё, что пока известно о судьбе несчастной. Пользовавшийся ее доктор отмечает, что г-жа Чеботаревская страдала именно тем видом мозгового заболевания, когда больной уходит в пространство без цели, без сознания, без памяти. И ходит до тех пор, пока держат ноги... Нашла ли больная приют где-нибудь в окрестностях столицы или, выбившись из сил, погибла в пути, никаких указаний, ни о живой, ни о мертвой...» (Судьба А.Н. Чеботаревской // Путь (Хельсинки). 1921, 21 окт.).

⁶ Письмо А.Н. Чеботаревской А.А. Блоку от 4 или 5 марта 1915 г. // РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 447. Л. 25–26.

публицист, и никакою активной политикой не занимался; я смотрю на явления и на людей как поэт и беллетрист, подходя к ним, конечно, не с классовым, а только с художественным критерием. В прошлом моем и моей жены было оказано достаточно услуг делу освобождения России, достаточно для того, чтобы люди, имеющие глаза, уши и незамутненный разум, могли дать отчет в наших политических симпатиях...»⁷

Но Л. Каменев доложил товарищам и лично Ленину: «Я не верю, что Сологуб не будет поливать нас грязью за границей. Полагаю дать ему здесь паек, поселить в санатории, издать “Старый дом” (что действит<ельно> хорошая вещь, очень!). Л. Каменев. 21.06.20», а Троцкий сослался на мнение краевого начальника: «На мой вопрос т. Зиновьев ответил, что Сологуб получает паек. За границу и он, и жена его (особенно она) будут клеветать всячески. Троцкий»⁸. Но именно Троцкий впоследствии участвовал в организации разрешения, которым Сологубы воспользоваться не успели.

О причинах, приведших жену к самоубийству, Сологуб рассказал в некрологе ей, напечатанном в журнале «Литературные записки» в 1922 г. Спустя пять лет некролог цитировал редактор этого издания Борис Харитон, высланный как «внутренний эмигрант» в том же 1922 г.:

Вспомним, что этот некролог — чуть ли не последнее, что напечатано Сологубом, — появился в 1922 г., при большевиках, и тогда нам будет ясна причина его большой сдержанности. Впрочем, теперь, еще пять лет спустя, и такие строки в СССР немислимы. Итак, вот эта цитата:

«Закрытие газет, независимых от правительства, и прекращение свободного издательства книг поставили ее и Сологуба в очень тяжелое морально и материально положение: пришлось испытывать крайнюю степень нужды, голод и холод. А.Н. героически переносила все невзгоды, **предпочитая голод какому-бы то ни было компромиссу.**

⁷ Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. Т. 1. Ч. 1: Москва и Петроград. 1917–1920 гг. М., 2005. С. 552–553.

⁸ См. подробнее: *Мышов Н.А.* «Я очень прошу пересмотреть вопрос о разрешении мне... выехать временно за границу»: Документы российских архивов о писателе Ф. Сологубе. 1920-е гг. // Отечественные архивы. 2006. № 6. С. 84–95; Письма Федора Сологуба в Совнарком, В.И. Ленину и А.В. Луначарскому / Публ. Ф. Федорова // Континент. 1992. № 2 (72). С. 255–259; *Суровцева Е.В.* Ф.К. Сологуб и его эпистолярные обращения во власть // Modern Science and Technology: Сб. статей Международной науч.-практич. конференции. Петрозаводск, 2019. С. 97–101.

Не принимая ни малейшего участия в политической деятельности, **она хотела сохранить совершенную независимость, полагая в этом долг человека и писателя.** Два года она и Сологуб добились разрешения выехать за границу: за границей были издатели, и, стало быть, **возможность жить по-человечески.** Бежать же из России ни она, ни Сологуб не хотели).

Понятно, что строки, выделенные жирным шрифтом, написаны Сологубом и о себе⁹.

В этом же некрологе Сологуб вспоминал: «Одним из последних ударов судьбы была для нее смерть А.А. Блока, поэзия которого была для нее весьма дорога и близка.

“Страшно в Петербург возвращаться, — говорила она в Костроме, где жили каждое лето, начиная с 1916 года, — Петербург без Блока — мертвый город”.

Ну, а все-таки вернулись, и город был мертв, и жизнь иссякла»¹⁰.

Критику В.Ф. Боцяновскому Сологуб потом рассказывал: «... она любила Блока, извиняя и его юдофобство, и его заигрывание с большевизмом. Когда он умер, мы были в Костроме, и смерть его страшно ее потрясла. Затем вторая смерть — смерть Гумилева. Она была уверена, что должна последовать в литературной семье нашей третья смерть и что умереть должен я, как болевший грудной жабой. Чтобы обезоружить судьбу и защитить меня, она решила пожертвовать собой»¹¹.

Однако Ахматова свидетельствовала о том, что была еще одна причина. Библиофил М.С. Лесман записал ахматовский рассказ 1960 г.:

⁹ Харитон Б. Сологуб и его жена. (По воспоминаниям) // Сегодня (Рига). 1927, 7 дек.; в оригинале — мелкие разночтения.

¹⁰ [Б.п.] А.Н. Сологуб-Чеботаревская // Литературные записки. 1922. № 1. С. 13.

¹¹ Павлова М.М. В.Ф. Боцяновский. Записи разговоров с Федором Сологубом (1921–1922) / Вступ. заметка, подгот. текста и коммент. М.М. Павловой // Русская литература. 2019. № 2. С. 166. Слешим поправить возможную историко-литературную неловкость, могущую проистечь из явно неточной записи разговора, — якобы Ахматова сказала о Кузmine: «Он действительно был виноват в трагической гибели Чеботаревской» (Рейн Е. Восемнадцатое марта // Литературная газета. 2016. № 9, 3 марта). В этом воспоминании о разговоре много неточного: Ахматова не видела на «Башне» М.А. Волошина и, по-видимому, В. Зоргенфрея. Об отношении Кузмина к происшествию есть его запись 26 сентября 1921 г.: «А Настя Сологуб в припадке исступления бросилась с Тучкова моста. Бедный старик! Как он будет жить? И все равнодушны. Я представил ветер, солнце, исступленную Неву, теперь советскую, но прежнюю Неву и маленькую Настю, ведьму, несносную даму, эротоманку, в восторге, исступлении. Это ужасно, но миг был до блаженства отчаянным. До дна» (Кузмин М. Дневник 1921 года / Публ. Н. Богомолова и С. Шумихина // Минувшее: Ист. альманах. 13. М.; СПб., 1993. С. 489). 9 октября он записал: «У О.А. [Глебовой-Судейкиной] был[а] <...> Ахматова, она читала стихи, по-моему, очень неважные. <...> О.А. рассказывала о Насте. Это, действительно, ужасно» (Там же. С. 492).

Разговор заходит о смерти Анастасии Николаевны Чеботаревской.

— А знаете ли вы причину ее самоубийства? — спрашивает Ахматова.

— Да, знаю.

— Нет, вы ничего не знаете.

— Ну как же, Анна Андреевна, по моей просьбе близкая родственница Анастасии Николаевны записала мне историю ее самоубийства во всех подробностях.

— Ах, это вам Черносивитовы рассказывали! Они изо всех сил стараются скрыть истинные причины самоубийства Чеботаревской. Так часто бывает, так было и со смертью Пушкина. Ведь многие люди, близкие поэту, знали истину, но в оставленных документах — воспоминаниях, письмах они говорят правду только до какого-то момента, а затем — точка. И дальше — молчание...

Рассказывает, что причиной самоубийства была несчастная любовь Чеботаревской к человеку, который никак не разделял ее чувств, не давал ей никаких надежд и поводов.

«Однажды, — вспоминает Анна Андреевна, — Оля [Глебова-Судейкина] и я остались у Сологубов ночевать. Анастасия Николаевна, сидя у меня на кровати, полночи рассказывала нам о своей любви...» Вскоре «герой» уехал из Ленинграда, и Чеботаревская не смогла пережить разочарования.

Рассказ Ахматовой, живо передававший экзальтацию Чеботаревской, естественно вызвал у меня вопрос: а не кажется ли ей, что эта любовь есть прямое проявление психического заболевания? Ахматова решительно отвергла мое предположение¹².

Лидии Чуковской Ахматова рассказывала это еще в 1940 г.:

— Я знаю, почему погибла Настя. Этого никто толком не знает, а я знаю, как всё это было и почему. Она психически заболела из-за неудачной любви. Ей тогда было года сорок два, она влюбилась в человека холодного, равнодушного. Он сначала удивлялся, часто получая приглашения к Сологубам. Потом, когда он узнал о чувствах к нему Анастасии Николаевны, перестал там бывать. Она уводила меня к себе в комнату и говорила, говорила о нем без конца, часами. Иногда она надевала белое платье и шла к нему объясняться... вообще делала ужасные вещи, которые никогда не должна делать

¹² Беседы А.А. Ахматовой (Из собрания М.С. Лесмана) / Вступ. заметка Р. Тименчика // Искусство Ленинграда. 1989. № 5. С. 71.

женщина. В последний раз я видела ее за несколько дней до смерти: она провожала меня, я шла в Мраморный дворец к Володе [Шилейко]. Всю дорогу она говорила о своей любви — ни о чем другом она уже говорить не могла. Когда она бросилась в Неву, она шла к своей сестре. Это было точно установлено, что вышла она из дому, чтобы пойти к сестре, но, не дойдя два дома, бросилась в Неву...¹³

И подруга Ахматовой В.А. Щеголева рассказывала, что одной из причин «была мука неразделенной любви к одному только что уехавшему за границу человеку»¹⁴.

Имя «холодного человека» назвал Михаилу Мейлаху Н.И. Харджиев: «Говорили, что, помимо психостении, она была влюблена в кого-то, кажется, в брата Лозинского, и бросилась в реку...»¹⁵

Талантливейший филолог Григорий Леонидович Лозинский (1889–1942) был одно время близок с Ахматовой, участвовал в издании сборника «Подорожник» в ведомом им совместно с Я.Н. Блохом издательстве “Petropolis”. Ему первым удалось склонить ее к переводам — перевод стихотворения португальского поэта Антеро де Кентала «Заре»¹⁶.

Он бежал из Петрограда в Финляндию в августе 1921 г. вскоре после ареста Гумилева и задержания в этой связи своего брата Михаила Лозинского¹⁷. О его последующей судьбе вспоминал Владимир Вейдле:

¹³ Чукская Л.К. Записки об Анне Ахматовой. М., 1997. Т. 1: 1938–1941. С. 137. Ср.: «...вдруг обнаружилась ужасная вещь: Анастасия Николаевна влюбилась в NN и совершенно охладела к Сологубу. В доме начался ад. Любовь Анастасии Николаевны была без взаимности. Несчастливая находила острую отраду — приходиться к знакомым и говорить им о своей безнадежной любви. Наконец не выдержала, выбежала из дому и тут же в двух шагах от квартиры бросилась в реку — утонула» (Чукская Л.К. Собр. соч.: В 15 т. Т. 13: Дневник (1936–1969). М., 2012. С. 481).

¹⁴ Воспоминания Т.Н. Черносвитовой о смерти А.Н. Чеботаревской-Сологуб, записанные Л.Н. Щуко / Публ. М.М. Павловой // Memento Vivere: Сборник памяти Л.Н. Ивановой / Сост. и науч. ред. К.А. Кумпан и Е.Р. Обатнина. СПб., 2009. С. 492.

¹⁵ Мейлах М. Эвтерпа, ты? Художественные заметки. Беседы с артистами русской эмиграции. Т. 2: Музыка. Опера. Театр и Десятая муза. Изобразительное искусство. М., 2011. С. 678.

¹⁶ Лозинский Г. По поводу одного стихотворения Анны Ахматовой // Голос России (Берлин). 1922, 27 авг.; он же привлек и Гумилева к этому автору, — со слов разных информантов Павел Лукницкий зафиксировал: «1919. К 20 декабря. Переведены для издат<ельства> “Всемирная литература” два стихотворения (из “Современных од”) [Антеро де Кентал] <...> Примечание: Перевод 2 стихотворений Антеро де Кентал сделан по подстрочнику Лозинского» (Лукницкий П.Н. Труды и дни Н.С.Гумилева. СПб., 2010. С. 583). Было: «по подстрочнику М. Лозинского» (зачеркнуто) — как и иные последующие публикаторы, П.Н. Лукницкий запутался в двух братьях.

¹⁷ Тименчик Р. Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим; М., 2008. С. 65–68.

Лозинский, брат поэта, был бы для России и еще того драгоценнее, а в Париже — еще очевидней — оказался не у дел. Филолог он был знаний на редкость широких и на редкость точных, обладал огромной трудоспособностью и памятью, но и остро-критическим умом. Был у себя дома во всех романских и во всех германских языках, под конец жизни и за угро-финские принялся, написал по-фински работу, напечатанную в ученых записках Гельсингфорского университета. Ему бы в Петербурге — но не в Ленинграде — стать главой романо-германского отделения, деканом филологического факультета...

В первые свои парижские годы он преподавал старофранцузский язык на недолго просуществовавшем русском отделении Парижского университета. Так хорошо преподавал, что французские студенты, занимавшиеся этим языком, один за другим покидали своего профессора: к Лозинскому перебежали. Когда русская эта Сорбонна кончилась, стал Григорий Леонидович ради заработка преподавать в Русской гимназии и преподавал там русскую словесность очень хорошо (как я слышал от ряда его учеников), но оплачивался труд этот не блестяще и мы с ним, начиная с 30-го года, десять лет работали во французском ежемесячнике «Месяц» (“Le Mois”), где я, однако, ведал как-никак литературным отделом, а он взвалил на себя политический и общественный, т.е. вел обстоятельную политико-социальную хронику (пользуясь главным образом английскими и швейцарскими газетами). Вел он ее превосходно, хотя по-настоящему интересоваться его эта работа не могла. Я и моей работой порой тяготился, а Григорий Леонидович никогда не жаловался мне на свою, отчасти по замкнутости характера, но отчасти, думается мне, и потому, что ведь мог бы от редакции добиться перехода на мою должность, да и прекрасно сумел бы делать мою работу, но я тогда ушел бы из журнала, потому что его работу не захотел бы делать, да едва ли бы и сумел. <...> Лозинский умер в 42-ом году во время оккупации от лейкозавия, вызванного истощением. Всегда очень скромно жил, никуда летом из Парижа не уезжал. Женится года за три до войны. Дочка у него родилась¹⁸.

¹⁸ Вейдле В. О тех, кого уж нет // Новый журнал. 1993. № 192–193. С. 398–400. Для восстановления духовной биографии незаурядного филолога частичный материал дает его архив в Бременском университете. Частичный — потому что судьба архива не столь радужна. История его начинается с того, что в 1989 г., читая воспоминания сестры братьев Лозинских Е.Л. Миллер в Бахметевском архиве Колумбийского университета, я нашел упоминание о проживающей в Мюнхене и хранящей архив отца Марине Григорьевне Лозинской-Гросс и сообщил об этом

Из заграницы Григорий Лозинский откликнулся на гибель обезумевшей влюбленной, напечатав подписанную криптонимом заметку, ускользавшую до сего времени от сологубовской библиографии и, вероятно, оставшуюся неизвестной Ахматовой¹⁹:

В последний раз мне случилось видеть А. Чеботаревскую в Петербурге в «Доме Литераторов» в феврале 1920 г. Был литературно-музыкальный вечер. Федор Кузьмич Сологуб читал отрывки из романа «Заклинательница змей» и кроме того около 12 стихотворений, из которых я запомнил два: «Зверь» и «Россия» (еще не опубликованы). А. Чеботаревская сидела возле меня. Она страшно исхудала, глаза ее лихорадочно блестели. В антракте подошла к нам М.В. Ватсон, и разговор зашел о том, что Мережковскому, Философову и Гиппиус удалось благополучно пробраться.

А. Чеботаревская рассказала, что Федор Кузьмич обратился к Ленину с ходатайством о разрешении выехать за границу, но получил отказ. Я предложил им свое содействие по устройству их отъезда за границу на нелегальных основаниях. А. Чеботаревская отклонила это предложение, мотивируя тем, что и она, и Ф.К. не желают спасаться бегством. Она рассказывала между прочим, что на их квартире на 10 линии В.О. всю зиму было холодно, что Ф.К. вынужден был физически работать, чтобы существовать, что температура в комнате не позволяла ни ей, ни Ф.К. писать. И без того нервная Чеботаревская производила удручающее впечатление своим болезненным лихорадочным видом²⁰.

тогдашнему земляку архиводержательницы Габриэлю Суперфино, который, став спустя несколько лет сотрудником центра изучения стран Восточной Европы в Бремене, организовал передачу туда части архива в 1994–2008 гг. и обработал его. Оставшаяся в доме часть погибла при пожаре в 2012 г., мне известны только ценнейшие выписки оттуда, сделанные Г.Г. Суперфином тридцать лет назад. Обзор сохранившихся бумаг: *Климович Л.В.* Фонд Григория Леонидовича Лозинского в архиве Центра изучения стран Восточной Европы при Бременском университете // *Вестник архивиста*. 2020. № 1. С. 208–222.

¹⁹ В своих дошедших до нас подробнейших автобиблиографических списках она не упоминала напечатанное на той же полосе письмо в редакцию Г.Л. Лозинского, защищающее авторские права автора «Подорожника», — оно перепечатано: *Тименчик Р.* Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. С. 86–87.

²⁰ *И.* Из воспоминаний об А. Чеботаревской // *Голос России* (Берлин). 1921, 9 окт. Кстаги, о криптониме, латинском «I», — «И.И.» подписан некролог Петру Потемкину, иногда приписываемый Георгию Иванову, в котором среди прочего говорилось: «Помню, когда Н. Гумилев “пошел походом” на символизм, когда в “Бродячей собаке” волновались первые акмеисты — Потемкин был в стороне» (Звено (Париж). 1926, 31 окт.). Оба эти криптонима не зафиксированы в новейшем своде (*Шруба М.* Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945). М., 2018. С. 639); из близких, предположенных Г.Г. Суперфином, буквенных

Как видим, со времени последней встречи с предметом страсти²¹ до гибели Чеботаревской прошло более полутора лет. За это время она искала способа встретиться с ним и, вероятно, потому попросила мужа включить его в состав эмигрирующей троицы. В очередной просьбе к всесильному Троцкому 25 апреля 1921 г. Сологуб писал: «В совершенно невозможном состоянии также проф. Г.Л. Лозинский, о котором мы неоднократно просили и Луначарского, и Покровского, и Семашко, так как он сам, туберкулезный, на костылях, лишен возможности приехать для личного ходатайства в Москву. Он филолог, просил о разрешении проехать для работы и лечения во Францию»²².

Такова история сокровенной несчастной любви столетней давности.

2. Несостоявшаяся высылка 1922 года

В капитальном компендиуме В.А.Черных в связи с историей «философского парохода» летом-осенью 1922 г. упомянуты распоряжение Ленина, составление списков и план плотной слежки за интеллигентами²³. Имя Ахматовой в обнародованных до сего дня документах прямо не названо. Зато в связи с изгнанием инакомыс-

---

комбинаций, *membra disjuncta* имени и фамилии автора, там перечислены «З.И.», «И.З.», «-ий», «Р.И.».

²¹ Речь идет о вечере 23 февраля 1920 г. в Доме литераторов. «За последние несколько лет Сологуб стал еще интереснее для читающего мира. В этом мы могли на днях убедиться. Вечер Сологуба... напомнил нам лучшие времена наших литературных собраний, когда публика буквально переполняла залы Тенишевского училища, Союза писателей и др.» (*Боцяновский В.* Ф.К. Сологуб и его новый роман // *Вестник литературы.* № 3) (*Литературная жизнь России 1920-х годов.* Т. 1. Ч. 1. С. 519).

²² Литературная газета. 1994. № 29, 20 июля; при следующей, уже комментированной публикации адресанта поправили: «Так в документе. Видимо, речь идет о Михаиле Леонидовиче Лозинском» («Шипение Сологуба ничего не прибавит» / Публ. В. Шепелева и В. Любимова // *Источник.* 1995. № 5. С. 70); в недавней биографической компиляции (*Савельева М.* Федор Сологуб. М., 2014. С. 204) инициалы перевраны («Л.Л.»). С провалившимся проектом совместного выезда как-то связан реприманд из письма Сологуба Г. Лозинскому лета 1921 г.: «На днях я совершенно случайно узнал, что в феврале этого года письмо от Ан.Н. к Вам, присланное из Москвы, попало в чужие руки, и Вы это скрывали 4 месяца, хотя Вам было известно, что для нас это повлекло весьма неприятные последствия» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 2. № 31. Л. 3; сообщено А.Л. Соболевым).

²³ См. письмо В. Ленина И. Сталину (от 16 июля): «Арестовать несколько сотен и без объявления мотивов — выезжайте, господа! Всех авторов Дома литераторов...» (*Черных В.* *Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966.* С. 194), об арестах в ночь с 16 на 17 августа 1922 г. тех, кого предполагалось выслать (Там же. С. 196) и записку председателя ГПУ Ф.Э. Дзержинского своему заместителю И.С. Уншлихту: «На каждого интеллигента должно быть дело» (Там же. С. 198).

лящих это имя прошло по страницам эмигрантской, а оттуда — и иностранной прессы.

В акте исторжения врагов народа Ахматова на сей раз присутствует за сценой. 22 мая 1922 г. Политбюро ЦК РКП (б) рассмотрело сообщение Ф. Дзержинского на основе указаний В. Ленина «О белогвардейской литературе» (Ленин, едва ли не цитируя указ из «Бориса Годунова», предполагал профессоров и писателей «изловить и излавливать постоянно и систематически и выслать за границу»)²⁴. 1 июня подана подписанная Яковом Аграновым докладная записка ОГПУ «Об антисоветских группировках среди интеллигенции»: «Ослабление репрессий окрылило надежды антисоветской интеллигенции, и в последнее время различные ее слои в различных формах ведут против советской власти упорную контрреволюционную работу»²⁵. А на следующий день газета «Правда» напечатала статью «Диктатура — где твой хлыст?», подписанную «О.» и написанную Л.Д. Троцким²⁶. В статье говорилось, что «книжка г. Айхенвальда насквозь пропитана гнилой, гнойной ненавистью к Октябрю и к России». Поскольку в своей книге, приведя стихотворение Ахматовой «Где, высокая, твой цыганенок...», Ю. Айхенвальд продолжал: «Сиротеет не только ребенок без матери, но и мать без ребенка. Ее опустевшие, праздные руки тоскуют по ноше. Но еще тяжелее тоска другой матери — той, чье скорбное лицо на фоне русского ужаса показала нам чуткая душою Анна Ахматова», и за этим следовало стихотворение «Для того ль тебя носила...» о расстрелянном в Севастополе брате, — «Правда» по поводу «скорбного лица матери офицера» у «даровитой» Ахматовой замечала: «Или, может быть, слезы недворянских матерей меньше весят на весах чистой поэзии или айхенвальдовской религии?» По поводу Гумилева тоже замечено: «Зато Айхенвальд с безраздельным восторгом цитирует поэта, который поднял меч против революции и от меча погиб». Статья отвечала на заглавный вопрос: «И этим хлыстом пора бы заставить айхенвальдов убраться за черту, в тот лагерь содержания, к кото-

²⁴ Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. Т. 1. Ч. 2: Москва и Петроград. 1921–1922 гг. М., 2005. С. 416.

²⁵ Там же. С. 432.

²⁶ См. подробнее: Там же. С. 426–427. Ср. реакцию М. Кузмина на последующие обвинения Троцкого: «Как бы увенчанием этой отрешенной литературы, этого тупика вышедших в тираж мыслей и чувств является плотный, прекрасно изданный сборник “Стрелец”... какая безнадежность и какое умирание! Лучше бы проклинали и неистовствовали: все-таки похоже на жизнь» (*Троцкий Л.* Внеоктябрьская литература // *Правда.* [1922.] 17 сент.) — из дневника М. Кузмина (от 21 сент.): «Вот Троцкий и нас ругает. М<ожет> б<ыть>, кандидаты к высылке?» (Литературная жизнь России 1920-х годов. Т. 1. Ч. 2. С. 466).

рому они принадлежат по праву со всей своей эстетикой и со своей религией».

20 июля Политбюро ЦК РКП(б) рассматривает доклад И. Уншлихта «по антисоветской интеллигенции» и разочаровано «недостаточной величиной списка», а через два дня Уншлихт пишет Сталину: «Сведения, полученные нами из зарубежных источников, определенно устанавливают, что заинтересованным кругам белой эмиграции стало известно о предполагающихся в Советской России репрессиях против антисоветской интеллигенции. Некоторая тревога в профессорском и литературном мире наблюдается в последнее время и в Москве: ждут каких-то массовых арестов, высылки... Ввиду этого представляется крайне необходимым спешное проведение намеченной операции...»²⁷

В августе произошли аресты намеченных к высылке, среди них — коллег Ахматовой как члена Комитета Дома литераторов; как следствие 2 сентября составляется заявление: «Начальнику Петроградского отдела Г.П.У. Петроградское отделение Всероссийского Союза писателей просит Вас принять А.А. Ахматову и А.Л. Волынского по делу о выяснении вопроса, будут ли высылаемые члены Союза писателей Замятин, Петрищев, Изгоев, Харитон и Волковский освобождены на несколько дней для устройства личных дел»²⁸.

И через несколько дней в летопись жизни и творчества Ахматовой вторгается эмигрантская печать:

Из Петербурга сообщают в газеты, что высылке за границу также подлежит и поэтесса Анна Ахматова за то, что в ее стихах заметно клерикальное влияние, а главное за то, что она была женой расстрелянного большевиками поэта Н. Гумилева²⁹.

Москва, 7 сентября. Предполагавшаяся высылка некоторых русских ученых временно приостановлена. Из частных кругов Петрограда сообщают, что высылке подлежит и известная поэтесса Анна Ахматова. Вызвана эта мера, главным образом, тем, что она — вдова расстрелянного поэта Н. Гумилева. Арестованы и другие лица из литературных кругов. Несколько «красных» профессоров начинают

²⁷ Там же. С. 469.

²⁸ Евгений Замятин и культура XX века. Исследования и публикации. СПб., 2002. С. 123; в деле Е.И. Замятина в ГПУ подшито ходатайство Всероссийского союза писателей, подписанное Ахматовой и Волынским (*Файман Г.* «И всадили его в темницу...» // Русская мысль. 1996, 1–7 февр.).

²⁹ Высылка Анны Ахматовой. Заговоры, расстрелы // Сегодня (Рига). 1922, 7 сент.

хлопотать за некоторых из высылаемых, но из всех этих хлопот ничего не выходит, так как «красная» профессура, конечно, к компартии никакого отношения не имеет. Характерно, что из правых профессорских кругов никто не высылается, а гонения происходят среди левых. Как сообщает «Эхо», в скором времени пройдет через Ковно первая партия высылаемых из сов. России ученых и представителей интеллигенции³⁰.

Из Петербурга сообщают в газеты, что высылке за границу также подлежит и поэтесса Анна Ахматова за то, что в ее стихах заметно клерикальное влияние, а главное за то, что она была женой расстрелянного большевиками поэта Н. Гумилева.

Наши поэты были в большинстве случаев люди религиозные в высшем смысле этого слова. Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Хомяков умели молиться, но клерикального в них ничего не было. Религиозность Ахматовой была тоже весьма своеобразной, в ней чувствовалась такая же могучая сила красоты, как и в ее любви и любовной лирике. <...> Пожелаем невольной изгнаннице красивой скорби и памяти о родине...³¹

Гельсингфорс, 10 сентября (соб. кор.). В числе арестованных в Петрограде подлежащих высылке за границу литераторов и ученых находится также Анна Ахматова, обвиняемая в том, что последние ее стихотворения проникнуты «вредными идеями». Следует отметить, что Анна Ахматова давно уже состоит на подозрении у ГПУ ввиду того, что является вдовой расстрелянного в прошлом году поэта Гумилева³².

И отсюда — уже в ряд европейских газет на разных языках.

Среди литературных и научных авторитетов, арестованных в Петрограде и предназначенных или для депортации за границу, или к ссылке в отдаленные северные края³³, есть и популярная, широко

³⁰ Последние известия (Ревель). 1922, 9 сент.

³¹ К.А. [Арабажин К.И.]. К высылке Анны Ахматовой // День (Рига). 1922, 11 сент.; подробные цитаты из этой заметки см.: *Тименчик Р.* Из латвийской ахматовианы // Даугава. 1994. № 6. С. 16–17.

³² Арест Анны Ахматовой // Голос России (Берлин). 1922, 12 сент.; в тот же день варшавская газета сообщала о готовящейся высылке Ю. Айхенвальда, Н. Бердяева, Ахматовой (Поход против интеллигенции // За свободу! 1922, 12 сент.).

³³ В Англии эта версия еще жила некоторое время. 13 ноября Д.П. Святополк-Мирский писал А.М. Ремизову из Лондона: «Здесь распространились слухи, что Анна Ахматова выслана в Архангельскую губ. Я очень просил бы Вас написать мне,

известная поэтесса Анна Ахматова, обвиненная в распространении «тлетворных идей» в ее недавних выступлениях в печати. На Анну Ахматову в течение продолжительного времени поглядывало Государственное Политическое Управление. Она вдова русского поэта Гумилева (Goumileff), расстрелянного большевиками в прошлом году³⁴.

Опровержений из советской России не последовало, посему 1 октября Д. Философов писал о Ремизове:

Он уехал из России, потому что слишком трудно было ему там жить. Гибель Блока, гибель Гумилева, рабство духа, гибель плоти, всё это легло тяжелым камнем на душу.

А в Берлине — всё чужое. И страшная нужда, около сытых, равнодушных людей. К западной культуре Ремизов не подходит. Она ему мистически непонятна. И он хиреет, тянет его на родину, загаженную и заплеванную коммунистами. Тянет как раз в то время, когда оттуда высылают остатки интеллигенции, в том числе Анну Ахматову, о которой с такой любовью вспоминает Ремизов. И становится страшно за Ремизова, как бы он не погиб³⁵.

А в это время Ахматова была вовлечена в судьбы высылаемых. А.Ф. Кони сообщал коллеге 28 сентября: «Сегодня мы (Котляревский, я и Ахматова) были ходатаями на <sic> членов нашего комитета и Д<ома> лит<ераторов> за Харитона, Когана, Волковысского, Ирецкого и Лутохина и в числе добытых нами уступок значится и готовность материальной помощи высылаемым. Нестор Александрович [Котляревский] просил меня написать об этом Вам и просить навести у них справки о размерах необходимого пособия и составить список, о дальнейшем направлении которого Вы спросите его указаний. Содержание под стражею продлится не менее еще неде-

---

верно ли это, и если верно, то что еще об этом Вам известно. Мне кажется, что здесь можно будет что-нибудь для нее сделать. Думаю действовать через Уэл<л>са» («...с Вами беда — не перевести»: Письма Д.П. Святополка-Мирского к А.М. Ремизову (1922–1929) / Публ. Р. Хьюза // Диаспора: Новые материалы. V. СПб.: Феникс, 2003. С. 347).

³⁴ Russian Poetess Arrested (from our own correspondent). Berlin, Sept. 11 // The Times, 1922. September 12.

³⁵ Д.Ф. [Философов Д.В.] Обезьяний язык. Ахру. Повесть петербургская Алексея Ремизова // За свободу! (Варшава). 1922, 1 окт.

ли + три дня перед высылкой. В этот период надо исчерпать вопрос о пособии»³⁶.

Видимо, у Ахматовой, помимо должностного, был и личный интерес. Татьяна Леонидовна Яницкая, дочь приятельницы Ахматовой, актрисы Л.Х. Дроботовой и экономиста Леонида Моисеевича Пумпянского, арестованного перед высылкой³⁷, вспоминала: «Многие не хотели покидать родину. Мои родители согласны были, чтобы их послали в любое место в Союзе, но им объяснили, что согласно для этого случая специально созданной 21 статьи, предусматривающей высылку за границу на три года, она может быть заменена только расстрелом. Анна Андреевна, от имени Дома ученых, ходатайствовала, чтобы семьи с беременными могли бы остаться (в том числе и наша семья). К счастью, власти не согласились. Осенью 1922 года в Германии (единственная страна, которая согласилась принять каких-то непонятных преступников) моя семья оказалась в эмиграции. Я родилась в декабре 1922 года в Берлине»³⁸.

С Пумпянскими Ахматова попрощалась 15 ноября 1922 г. на Николаевской набережной Невы на Васильевском острове, где готовился к отплытию в Штеттин пароход “Preussen”, увозивший их, издателя «Петрополиса» Якова Блоха, Льва Карсавина³⁹ и других персонажей ахматовской биографии⁴⁰.

Литература

Беседы А.А. Ахматовой (Из собрания М.С. Лесмана) / Вступ. заметка Р. Тименчика // Искусство Ленинграда. 1989. № 5. С. 67–74.

Е.И. Замятин в дневниках А.А. Кроленко (1923–1931) / Вступ. ст., публ. и коммент. И.В. Дацок // Евгений Замятин и культура XX века. Исследования и публикации / Сост. М.Ю. Любимова, науч. ред. Л.С. Гейро. СПб.: Российская национальная библиотека, 2002. С. 271–293.

³⁶ *Петрицкий В.* «Врезанные в память письма...». Каталог собрания рукописных материалов XIX–XX веков. Публикации. СПб., 1998. С. 136.

³⁷ *Исаков С.* Леонид и Лидия Пумпянские. Опыт биографии // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Т. XII. Таллинн, 2012. С. 300–322.

³⁸ Письмо петербургской корреспондентке 2010 г. (сообщено мне сыном адресантки Петром Яницким); Дом Ученых, возможно, назван вместо Дома Литераторов.

³⁹ О знакомстве Ахматовой с Л.П. Карсавиным см.: *Тименчик Р.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Wiener Slawistisches Jahrbuch. 2020. Vol. 8 (в печати).

⁴⁰ Е.И. Замятин в дневниках А.А. Кроленко (1923–1931) / Вступ. ст., публ. и коммент. И.В. Дацок // Евгений Замятин и культура XX века. Исследования и публикации / Сост. М.Ю. Любимова, науч. ред. Л.С. Гейро. СПб., 2002. С. 271–293.

Исаков С. Леонид и Лидия Пумпянские. Опыт биографии // Балтийский архив: русская культура в Прибалтике. Т. XII. Таллинн: TLÜ Kirjastus, 2012. С. 300–322.

Климович Л.В. Фонд Григория Леонидовича Лозинского в архиве Центра изучения стран Восточной Европы при Бременском университете // Вестник архивиста. 2020. № 1. С. 208–222.

Кузмин М. Дневник 1921 года / Публ. Н. Богомолова и С. Шумихина // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 13. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1993. С. 457–524.

Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. Т. 1. Ч. 1: Москва и Петроград. 1917–1920 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 766 с.

Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. Т. 1. Ч. 2: Москва и Петроград. 1921–1922 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 704 с.

Мейлах М. Эвтерпа, ты? Художественные заметки. Беседы с артистами русской эмиграции. Т. 2: Музыка. Опера. Театр и Десятая муза. Изобразительное искусство. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 951 с.

Мышов Н.А. «Я очень прошу пересмотреть вопрос о разрешении мне... выехать временно за границу»: Документы российских архивов о писателе Ф. Сологубе. 1920-е гг. // Отечественные архивы. 2006. № 6. С. 84–95.

Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М.М. Павловой и А.В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 1997. 575 с.

Павлова М.М. Воспоминания Т.Н. Чернозитовой о смерти А.Н. Чеботаревской-Сологуб, записанные Л.Н. Шуко // Memento Vivere: Сб. памяти Л.Н. Ивановой / Сост. и науч. ред. К.А. Кумпан и Е.Р. Обатниной. СПб.: Наука, 2009. С. 489–496.

Павлова М.М. В.Ф. Боцяновский. Записи разговоров с Федором Сологубом (1921–1922) / Вступ. заметка, подгот. текста и коммент. М.М. Павловой // Русская литература. 2019. № 2. С. 159–169.

Петрицкий В. «Врезанные в память письма...»: Каталог собрания рукописных материалов XIX–XX веков. Публикации. СПб.: Российская национальная библиотека, 1998. 240 с.

«...С Вами беда — не перевести»: Письма Д.П. Святополк-Мирского к Ремизову (1922–1929) / Публ. Р. Хьюза // Диаспора. V. Париж; СПб.: Atheneum; Феникс, 2003. С. 335–401.

Суровцева Е.В. Ф.К. Сологуб и его эпистолярные обращения во власть // Modern Science and Technology. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2019. С. 97–101.

Тименчик Р. Из Именного указателя к Записным книжкам Ахматовой // «... Как в прошедшем грядущее зреет...»: Полувековая парадигма поэтики серебряного века. М.: Азбуковник, 2012. С. 318–322.

Тименчик Р. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Wiener Slawistisches Jahrbuch. 2020. Vol. 8 (в печати).

Тименчик Р. Из латвийской ахматовианы // Даугава. 1994. № 6. С. 3–19.

Тименчик Р. Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим; М.: Гешарим; Мосты культуры, 2008. 686 с.

«Шипение Сологуба ничего не прибавит» / Публ. В. Шепелева и В. Любимова // Источник. 1995. № 5. С. 66–71.

Шруба М. Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945) / Под ред. О. Коростелева. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 1064 с.

Черных В. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Азбуковник, 2016. 944 с.

References

Besedy A.A. Akhmatovoi (Iz sobraniia M.S. Lesmana) [Conversations with Anna Akhmatova (From M.S. Lesman collection), intro. R. Timenchik. *Iskusstvo Leningrada*, 1989, no. 5, pp. 67–74. (In Russ.)

Chernykh V. *Letopis' zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoi. 1889–1966*. Izd. 3-e, ispr. i dop. [Chronicle of Anna Akhmatova's life and work. 1889–1966. 3d ed.]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2016. 944 p. (In Russ.)

E.I. Zamiatin v dnevnikakh A.A. Krolenko (1923–1931) [E.I. Zamyatin in A.A. Krolenko's diaries (1923–1931)], intro., publ., comment. I.V. Datsiuk. *Evgenii Zamiatin i kul'tura 20 veka. Issledovaniia i publikatsii* [Evgeny Zamyatin and culture of the 20th century. Studies and publications], comp. M.Iu. Liubimova, ed. L.S. Geiro. St. Petersburg, The National Library of Russia Publ., 2002, pp. 271–293. (In Russ.)

Isakov S. Leonid i Lidiia Pumpianskie. Opyt biografii [Leonid and Lidia Pumpyansky. An attempt of biography]. *Baltiiskii arkhiv: russkaia kul'tura v Pribaltike* [Baltic archive: Russian culture in the Baltics], vol. 12. Tallinn, TLÜ Kirjastus, 2012, pp. 300–322. (In Russ.)

Klimovich L.V. Fond Grigoriia Leonidovicha Lozinskogo v arkhive Tsentra izucheniia stran Vostochnoi Evropy pri Bremenskom universitete [Fond of Grigory Leonidovich Lozinsky in the Research Center for East European Studies at the University of Bremen]. *Vestnik arkhivista*, 2020, no. 1, pp. 208–222. (In Russ.)

Kuzmin M. Dnevnik 1921 goda [Diary of 1921], publ. N. Bogomolov, S. Shumikhin. *Minuvshee. Istoricheskii al'manakh* [The past. Historical almanac], issue 13. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1993, pp. 457–524. (In Russ.)

Literaturnaia zhizn' Rossii 1920-kh godov. Sobytiia. Otzyvy sovremennikov. Bibliografiia. T. 1. Ch. 1. Moskva i Petrograd. 1917–1920 gg. [The literary life of Russia in the 1920s. Events. Reviews of contemporaries. Bibliography. Vol. 1, part 1: Moscow and Petrograd. 1917–1920], ed. A.Iu. Galushkin. Moscow, IWL RAS Publ., 2005. 766 p. (In Russ.)

Literaturnaia zhizn' Rossii 1920-kh godov. Sobytiia. Otzyvy sovremennikov. Bibliografiia. T. 1. Ch. 2. Moskva i Petrograd. 1921–1922 gg. [The literary life of Russia in the 1920s. Events. Reviews of contemporaries. Bibliography. Vol. 1, part 2: Moscow and Petrograd. 1921–1922], ed. A.Iu. Galushkin. Moscow, IWL RAS Publ., 2005. 704 p. (In Russ.)

Meilakh M. *Evterpa, ty? Khudozhestvennye zametki. Besedy s artistami russkoi emigratsii. T. 2. Muzyka. Opera. Teatr i Desiataia muza. Izobrazitel'noe iskusstvo* [Euterpe, you? Artistic notes. Conversations with artists of the Russian abroad. Vol. 2: Music. Opera. Theater and Tenth Muse. Art]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 951 p. (In Russ.)

Myshov N.A. “Ja ochen' proshu peresmotret' vopros o razreshenii mne... vyekhat' vremenno za granitsu”: dokumenty rossiiskikh arkhivov o pisatele F. Sologube. 1920-e gg. [“I beg you to reconsider the issue of allowing me to... temporarily go abroad”: Documents from Russian archives concerning the writer F. Sologub. 1920s]. *Otechestvennye arkhivy*, 2006, no. 6, pp. 84–95. (In Russ.)

Neizdannyi Fedor Sologub [Unpublished Fedor Sologub], eds. M.M. Pavlova, A.V. Lavrov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1997. 575 p. (In Russ.)

Pavlova M.M. V.F. Botsyanovskii. Zapisi razgovorov s Fedorom Sologubom (1921–1922) [V.F. Botsyanovsky. Recorded Conversations with Fyodor Sologub (1921–1922)], intro., text ed., comment. M.M. Pavlova. *Russkaia literatura*, 2019, no. 2, pp. 159–169. (In Russ.)

Pavlova M.M. Vospominaniia T.N. Chernosvitovoi o smerti A.N. Chebotarevskoi-Sologub, zapisannye L.N. Shchuko [T.N. Chernosvitova's memoirs about the death of A.N. Chebotarevskaya-Sologub recorded by L.N. Shchuko]. *Memento Vivere: Sb. pamiati L.N. Ivanovoi* [Memento Vivere: A collection in memory of L.N. Ivanova], comp., eds. K.A. Kumpan and E.R. Obatnina. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009, pp. 489–496. (In Russ.)

Petritskii V. "Vrezannye v pamiat' pis'mena...". *Katalog sobrannia rukopisnykh materialov 19–20 vekov. Publikatsii* ["Letters embossed in memory...": Catalog of the 19–20th centuries manuscript collection. Publications]. St. Petersburg, National Library of Russia Publ., 1998. 240 p. (In Russ.)

"...S Vami beda — ne perevesti": Pis'ma D. P. Sviatopolk-Mirskogo k Remizovu (1922–1929) ["...you are the awkward one — untranslatable": D.P. Sviatopolk-Mirski's letters to A.M. Remizov (1922–1929)], publ. R. Hughes. *Diaspora. V.* Paris, Athenaeum, St. Petersburg, Feniks Publ., 2003, pp. 335–401. (In Russ.)

"Shipenie Sologuba nichego ne pribavit" ["The hissing of Sologub will add nothing"], publ. V. Shepelev, V. Liubimov. *Istochnik*, 1995, no. 5, pp. 66–71. (In Russ.)

Schruba M. *Slovar' psevdonomov russkogo zarubezh'ia v Evrope (1917–1945)* [Dictionary of pseudonyms of Russian emigrants in Europe (1917–1945)], ed. O. Korostelev. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018. 1064 p. (In Russ.)

Surovtseva E.V. F.K. Sologub i ego epistoliarne obrashcheniia vo vlast' [F.K. Sologub and his epistolary submissions to authorities]. *Modern Science and Technology*. Petrozavodsk, Novaia Nauka Publ., 2019, pp. 97–101. (In Russ.)

Timenchik R. *Chto vdrug: Stat'i o russkoi literature proshlogo veka* [What's all about: Essays on Russian literature of the past century]. Jerusalem, Moscow, Gesharim Publ., Mosty kul'tury Publ., 2008. 686 p. (In Russ.)

Timenchik R. Iz Imennogo ukazatelia k Zapisnym knizhkam Akhmatovoi [From the Name Index to Akhmatova's Notebooks]. "...Kak v proshedshem griadushchee zreet...": *Poluvekovaia paradigma poetiki serebrianaogo veka* ["...As the future ripens in the past...": Half-century paradigm of Silver Age poetics]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2012, pp. 318–322. (In Russ.)

Timenchik R. Iz Imennogo ukazatelia k "Zapisnym knizhkam" Akhmatovoi [From the Name Index to Akhmatova's Notebooks]. *Wiener Slawistisches Jahrbuch*, 2020, vol. 8 (In print, in Russ.).

Timenchik R. Iz latviiskoi akhmatoviany [From Latvian Akhmatoviana]. *Daugava*, 1994, no. 6, pp. 3–19. (In Russ.)

Akhmatova and emigrantica

© 2020, Roman Timenchik

Abstract: The paper is dedicated to several episodes of a broad and so far poorly studied subject—Anna Akhmatova’s connections with the Russian emigration. Various sources on the Russian emigration (press, documents, correspondence, personal evidence, etc.) are extremely important to recreate the perception of Akhmatova’s works by Russian émigré critics and readers; besides they make important contribution to the biographical studies. The first section is devoted to Akhmatova’s version of the causes for Anastasia Chebotarevskaja’s suicide in 1921. Akhmatova believed that Fedor Sologub’s wife and a writer Anastasia Chebotarevskaya committed suicide because of her unanswered love to Grigory Lozinsky, who short time before had left Russia. Lozinsky’s forgotten public response to Chebotarevskaya’s death — a short piece published in Berlin newspaper *Golos Rossii* (Voice of Russia) is cited in the paper. The second section is dedicated to Akhmatova’s situation during the 1922 repressive measures against intellectuals and to the reaction of the émigré press to the rumors about Akhmatova’s possible exile or expulsion from Russia.

Keywords: Anna Akhmatova, émigré press, “philosophical boat”, Anastasia Chebotarevskaya, Grigory Lozinsky, biography of a writer

Information about the author: Roman Timenchik, Professor, Hebrew University, Jerusalem, Israel. E-mail: suzirom@gmail.com

Citation: Timenchik Roman. Akhmatova and emigrantica. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 2 (16), pp. 371–389. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-371-389

ИЗ ИСТОРИИ ЖУРНАЛИСТИКИ И ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-390-412
УДК 821.161.1

Литературный отдел газеты «Жизнь»: Персоны, идеи, полемика

© 2020, Н.А. Богомолов

Аннотация: Констатируя недостаточную изученность газетного мира России и СССР в XX в., автор статьи предпринимает попытку отчасти восполнить эту лауну характеристикой авторского состава и деятельности литературного отдела и литературной части критико-библиографического отдела московской газеты «Жизнь» (выходила с 22 (10) апреля по 6 июля 1918 г.). В отличие от недавних публикаций на эту тему дается комплексный обзор, оставляющий, однако, поле для дальнейших исследований. Ценность представленного материала для изучения обозначенной темы определяется в том числе тем, что в нем даются сведения, прежде всего, о неизвестных или малоизвестных авторах и их вкладах в газету. В составе сотрудников газеты выделяются две относительно устойчивые группы, сложившиеся вокруг книгоиздательства «Гриф» и художественного периодического издания «Без муз» (единственный номер вышел в 1918 г. в Нижнем Новгороде). Рассматривается также несколько эпизодов, имеющих отношение к литературной и околολитературной полемике 1918 г. и связанных с именами И.Г. Эренбурга, С.А. Ауслендера, В.Г. Шершеневича и С.П. Боброва. В результате исследования делается вывод о том, что в деятельности литературного раздела газеты «Жизнь» и его отдельных авторов проявлялись показательные тенденции как исторического периода в целом, так и индивидуальных обстоятельств, связанных и с авторами, и с редакцией газеты.

Ключевые слова: газета «Жизнь», литературный отдел, критико-библиографический отдел, полемика, книгоиздательство «Гриф», «Без муз».

Информация об авторе: Николай Алексеевич Богомолов, д.ф.н, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: nab50@mail.ru

Цитирование: *Богомолов Н.А.* Литературный отдел газеты «Жизнь»: Персоны, идеи, полемика // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 390–412. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-390-412

С сожалением необходимо заметить, что газетный мир России и СССР в XX в. изучен весьма слабо, если не сказать — практически не изучен. Крупнейшие русские газеты обычно бывают удостоены довольно беглых характеристик в обзорных трудах. Между тем очевидно, что даже с той точки зрения, которая важна для нас в данный момент, т.е. с позиций анализа публиковавшегося литературного материала и деятельности критико-библиографического отдела, не обследованы в должной степени такие важнейшие и крупнейшие издания, как «Новое время» и «Русские ведомости», «Биржевые ведомости» и «Утро России», «Русское слово» и «Речь», «Русь» и «Русская воля», «День» и «Жизнь искусства» — список можно продолжать еще долго.

Мы предлагаем охарактеризовать литературный отдел и литературную часть критико-библиографического отдела эпизодической на первый взгляд московской газеты «Жизнь», вышедшей с 22 (10) апреля по 6 июля 1918 г. В относительно недавнее время эта газета уже становилась предметом внимания нескольких авторов, но всякий раз под довольно узким углом зрения. Мы предлагаем обзор более комплексный, хотя также неполный: в него не входят сугубо политические статьи, значительная часть публицистики, статьи научного характера, изложения докладов и лекций и пр.

Описание истории появления «Жизни» находим в известных воспоминаниях Дона-Аминадо «Поезд на третьем пути»:

Выпущенный на волю, маг и чародей, Петр Иванович Крашенинников прищурил левый глаз, взял лихача у Страстного Монастыря, и поехал к Сытину. <...> в результате этого исторического свидания, в угловом кабинете «Праги», у Тарарыкина, состоялся деловой завтрак. Состав приглашенных был поистине неожиданный. <...> По правую руку Сытина сидел приятный, голубоглазый, в золотом ореоле редяющей профессорской шевелюры, тщательно выбритый и выхолонный, в черном шелковом галстуке, повязанном à la Lavalère, официально приват-доцент Московского университета, а неофициально эстетический анархист, Алексей Алексеевич Боровой. Слева — сосредоточенный, смущенно-улыбающийся, и, несмотря на пятнадцать лет сибирской каторги, из которой он только год тому назад вернулся, молодежавый, бодрый, и ни по возрасту, ни по проделанному в жизни стажу, неправдоподобно доверчивый и почти наивный, никакой там не эстетический, а настоящий, всамделишный, чистейшей девяносто шестой пробы, анархист Яков Новомирский. <...> [С]трана жаждет настоящей газеты; <...> газета будет,

само собой разумеется, оппозиционной; но в том смысле, как это принято в Англии, ни более ни менее, то есть оппозиция будет оппозицией его величества; а, в применении к нынешним условиям, вполне анархической. <...> [Г]азета под редакцией Якова Новомирского будет называться «Жизнь», а негласным покровителем ее намечен некто Каржанский, про которого говорили, что он писатель, и хотя и не большевик, но старый друг Ильича, жил с ним в одной квартире у Женевского сапожника, и вообще в любое время дня и ночи входил в Кремль. <...> Через несколько дней «Жизнь» вышла в свет. Анархисты напоминали о своих заслугах пред революцией, заявляли о своей лояльности, трижды подчеркивали свою независимость, производили осторожные вылазки и разведки, слегка критиковали и явно намекали на то, что место под солнцем принадлежит всем... Крашенинников прочитал номер от строки до строки и облегченно вздохнул <...> Писатель Каржанский секретно сообщил, что пока что всё обстоит благополучно¹.

Правда, дальнейшие его рассказы о газете во многом оказываются фантастическими, но в приведенных словах расхождений с реальностью нет.

Литературный отдел «Жизни» — понятие довольно сложное, поскольку в явной форме он никак не был выделен из прочих материалов. Газета состояла, как правило, из четырех полос, причем первые две были отведены на служебные материалы (шапка, включающая заголовок, число, день и номер газеты, девиз и список сотрудников, оглавление) и новости дня. Третья полоса была отдана статьям, подписанным настоящим именем или псевдонимом, а также собственно литературным материалам, т.е. рассказам и стихотворениям. Иногда они перемещались из-за нехватки места и на четвертую полосу, где дополнялись хроникой, критико-библиографическими материалами, объявлениями и т.п. Увеличенным в объеме до 6 полос был только пасхальный номер от 4 мая (21 апреля); в то же время серьезных пропусков, сдвоенных номеров и уменьшения объема, как то бывало начиная с конца 1918 г., мы не находим.

С нашей точки зрения, было бы неверным относить к литературному отделу материалы только изящной литературы, которых было сравнительно немного. В зависимости от задач дня авторы писали и печатали не только стихи и беллетристику, но и писательские заметки, произведения неопределенных жанров, вроде «Святцев старого дьякона Василия» А. Ремизова, публицистические статьи,

¹ *Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь. М., 1994. С. 630–634.*

очерки, эссе, а иногда даже материалы, написанные в журналистских жанрах. Так, С. Ауслендер напечатал в «Жизни» два рассказа («Весенние соблазны» и «В Царскосельских аллеях»), три материала под общей рубрикой «Страницы из дневника», большое количество очерков и публицистических статей, а также репортажей о значительных событиях истекших дней.

Поэтому мы определяли литературный раздел не только на основании очевидных или указанных авторами жанров произведений (что, естественно, тоже учитывалось), но и на основании известности автора как литератора. Таким образом, получается, что литературный отдел газеты составили: С. Ауслендер, А. Ахматова, Ю. Балтрушайтис, Андрей Белый, А. Блок, С. Бобров, К. Большаков, Ю. Бочаров, В. Брюсов, В. Волькенштейн, А. Глоба, Б. Глубоковский, Н. Гумилев, А. Дубровский, Н. Захаров-Мэнский, Е. Зозуля, Рюрик Ивнев, Н. Каржанский, Л. Копылова, Т. Краснопольская (Шенфельд), А. Кузьмин, К. Липскеров, О. Мандельштам, Н. Никандров, В. Пятин, М. Пришвин, А. Ремизов, Н. Русов, Н. Рыковский, В. Рындзюн, Ю. Слезкин, И. Соколов-Микитов, Ф. Сологуб, Вл. Ходасевич, Ф. Чернов, В. Шершеневич, И. Эренбург. С нехудожественными материалами выступали А. Бачинский (печатавшийся в символистских изданиях под псевдонимами Жагадис и Алеиск) и А. Лосев, известный в будущем философ и прозаик.

У большинства известных писателей публикации в «Жизни» учтены библиографиями, летописями жизни и творчества, собраниями сочинений и другими научными изданиями. Специально перечислены опубликованные в газете материалы Андрея Белого² и Федора Сологуба³, в первом случае также опубликован присланный в газету, но не напечатанный материал. В общеизвестных изданиях названы публикации Ахматовой, Блока, Брюсова, Мандельштама, Ремизова, Ходасевича, Шершеневича, Эренбурга. Однако библиографии многих названных нами авторов или вообще отсутствуют, или несовершенны. Даже публикацию стихотворения Гумилева в «Жизни» из всех научных изданий учитывает лишь одно; публикация стихотворения Брюсова в его основную библиографию не включена⁴.

² *Лавров А.В.* Неизвестная статья Андрея Белого из архива А.А. Борового // Venok: Studia slavica Stefano Garzonio sexagenario oblata. Stanford, 2012. Pt. 1. P. 14–323.

³ *Павлова М.М.* О двух неизвестных памфлетах Ф. Сологуба: «Богдыхан» и/или «Китайская республика равных» // Федор Сологуб: Биография, творчество, интерпретации. СПб., 2010. С. 341.

⁴ См.: *Гумилев Н.С.* Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. А.И. Павловского; сост., подгот. текста, примеч. М.Д. Эльзона. СПб., 2000. С. 670; Библиография Валерия Брюсова / Сост. Э.С. Даниелян. Ереван, 1973.

Отметим также, что среди писателей, объявленных сотрудниками, в опубликованных на первой полосе каждого номера списках находим ряд тех, кто на деле в газете не сотрудничал. Среди них — М. Волошин, В. Инбер, В. Лидин, А.Н. Толстой, А.П. Шполянский, М. Кузмин, Георг Брандес, М. Первухин (Рим). А.П. Шполянский (будущий Дон-Аминадо) сам объяснил свою позицию:

...А.А. Боровой, с которым мы были давно знакомы, <...> спросил меня, какое будет мое амплуа в новой газете.

— Опять «Соринки дня»? Или альбом пародий? Или фельетон в стихах? Эпиграммы? Вообще, кинжалы в спину революции?!

И сам развеселился, довольный собственной шуткой.

Услышав, однако, что бывший фельетонист ни стихами, ни эпиграммами, и никакими иными сомнительными экспериментами подрывать оппозицию его величества не собирается, и что намеченная ему роль сведется всего-навсего к заведыванию судебной хроникой, Ал.Ал. выразил сначала недоумение, потом сожаление, но в конце концов дружески согласился, что в решении этом есть известная мудрость⁵.

Нам с достоверностью неизвестно, действительно ли он стал заведующим судебной хроникой, но ситуация оказывается объясненной.

М. Кузмин 29 апреля 1918 г. записал в дневнике: «Дома письмом от Ауслендера и приглашение в «Жизнь»»⁶. Это приглашение сохранилось:

Милый Кузмин, давно не видались и совсем потеряли друг друга из вида, а очень бы хотелось тебя повидать. Сейчас имею к тебе официальное поручение от редакции большой газеты «Жизнь» прислать рассказ строк 200 и два-три стихотворения. За рассказы будут платить по 75 к., за стихи по 2 рубля. Пожалуйста, пришли первую порцию как можно скорей. Лучше пришли по моему адресу: Москва, Поварская, Трубниковский пер., 30 кв. 19. Очень прошу сделать поскорей — я хочу сделать эту газету оплотом петербуржцев против московской групп<п>ы во главе с Алешкой Толстым. Редактирует газету А.А. Боровой (помнишь по «Перевалу»), направление — бодрость, работа, главное не ныть. Принимают участие кроме меня Брюсов, Белый, Сологуб, Ремизов и др.

⁵ *Дон-Аминадо*. Цит. соч. С. 631–632.

⁶ Цит. по тексту, готовящемуся к печати.

Здесь мы выступаем в кафэ (Толстой со своими в одном) (я, Брюсов и молодые поэты в другом). У нас был твой вечер. Тебя очень ждут, чтобы ты выступил сам. Вообще, мне думается, было бы хорошо, если б ты приехал в Москву — здесь можно легче, кажется, заработать денег и с продовольствием лучше. Видаю Краснопольскую. Правда, приезжай. Если ты будешь согласен выступать в нашем кафэ — летом оно тоже будет действовать — тебе даже могут выслать денег на дорогу. Напиши мне, как живешь, приедешь ли? Поскорей пришли рассказ и стихи.

Целую тебя. Напиши твой адрес.

Твой

Сергей Ауслендер⁷.

Причин, по которым Кузмин приглашение обошел вниманием, мы не знаем, но можем предположить, почему в газете не печатался А.Н. Толстой. Противостояние Москвы и Петербурга имеет в данном случае конкретное наполнение. Ауслендер вспоминает давний скандал: в 1911 г. для маскарада Ан.Н. Чеботаревская по просьбе Толстого взяла у кого-то из своих знакомых обезьянью шкуру, которую Толстой отдал А.М. Ремизову, а тот, мастера маскарадный костюм, отрезал от шкуры хвост, тем самым испортив ее. Чеботаревская и Сологуб превратили мелкий эпизод в литературный скандал, устроив третейский суд, где во всем был обвинен Толстой. В результате скандала и суда Толстой счел необходимым покинуть Петербург и обосноваться в Москве⁸. Отзывы о Толстом в «Жизни» были неизменно благожелательны, но явная враждебность со стороны Ауслендера, одного из ведущих сотрудников, вряд ли могла быть не замечена.

Обозрение сотрудников и их вкладов в газету ограничим неизвестными или почти неизвестными авторами, не касаясь прославленных писателей.

Юрий Михайлович Бочаров (1887–1936) — журналист, впоследствии историк, профессор педагогического института им. Бубнова, один из авторов «Учебника истории классово-борьбы». Расстрелян. В «Жизни» напечатал стихотворение «Террорист» (№ 10, 4 мая).

Борис Александрович Глубоковский (1894 — после 1932) — актер Камерного театра, прозаик, в 1918 издал «Трогательную повесть

⁷ Письмо к М.А. Кузмину, б.д. // РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 16–16об.

⁸ См.: *Обатнина Е.Р.* От маскарада к третейскому суду: «Судное дело об обезьяньем хвосте» в жизни и творчестве А.М. Ремизова // *Лица: Биографический альманах*. 3. СПб., 1993. С. 448–465; *Она же. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах*. СПб., 2001. С. 59–77.

в XIV главах», печатался в журнале имажинистов «Гостиница для путешественников в прекрасном». В 1925 г. получил 10 лет лагерей, отбывал срок на Соловках, где много печатался в лагерной прессе, издал книгу о лагере «49». Основал соловецкий театр и руководил им. В 1932 освобожден, вернулся в Москву тяжелым наркоманом. Существуют разные версии его смерти, но ни об одной нельзя уверенно сказать, что она правдива. В «Жизни» напечатал небольшую заметку «Чашка кофе и поэт» (№ 22, 22 мая) в защиту поэтов, выступавших в литературных кафе.

Алексей Дубровский в 1917 г. в Орле издал небольшую книгу стихов «Бабочка поэтина сердца». В «Жизни» напечатал стихотворение «Душа колодец» (№ 34, 23 мая) и несколько статей.

Николай Николаевич Захаров-Мэнский (1895–1942) в 1917–1926 гг. выпустил три книги стихов, потом несколько сборников частушек и в заключении, в лагере на станции Ахпун, — поэму «Борис Седов» (1936). Его имя в недавнее время воскрешено А.Л. Соболевым⁹. Пожалуй, стоит отметить разноречие: по данным А.Л. Соболева, он умер в лагере в Воронежской области, а И.Н. Розанов 29 марта 1948 г. со слов знакомой занес в дневник: «Он умер в 1942 году в апреле под Вологодой от голода»¹⁰. Кажется, вероятность второго больше. В «Жизни» Захаров-Мэнский писал небольшие хроникальные заметки, скрываясь под инициалами (напр., № 51, 26 июня).

Николай Каржанский (Николай Семенович Зезюлинский; 1879–1959) — литератор, член партии большевиков, присутствовал на партийных съездах, оставил воспоминания о Ленине. Утверждения Дона-Аминадо (см. выше) о какой-то особой близости с ним, как кажется, действительности не соответствуют. В «Жизни» напечатал большую статью «Поэты пролетарские и поэты непролетарские» (№ 35, 24 июня), где призывал пролетарских поэтов учиться технике у мастеров стиха, а затем ответил на письмо Д. Ратгауза в редакцию («Еще о пролетарских поэтах» — № 45, 19 июня), где защищал свою позицию.

Любовь Федоровна Копылова (1885–1936) в 1918 г. издала сборник стихов «Благословенная печаль», бывший третьим и последним. С конца 1920-х гг. писала прозу¹¹. В 1918 г. она была вполне популяр-

⁹ Соболев А.Л. Летейская библиотека: Биографические очерки: В 2 ч. М., 2013. Ч. 1. С. 125–136; Ч. 2. С. 243–276.

¹⁰ НИОР РГБ. Ф. 653. Карг. 5. Ед. хр. 9. Л. 56об.

¹¹ Подробнее о ней см.: Копылова Л.Ф. Гроздь золотая / Сост., предисл., примеч. В. Кудрявцева. Рудня; Смоленск, 2015 (тираж 12 экз.). Переиздана также ее проза: Копылова Л. Одеядло из лоскутьев. М., 2018.

ной поэтессой, в газете напечатала 2 стихотворения («Не учила меня ни родная мать...», № 10, 4 мая, пасхальный; «Вы напрасно целуете так любезно...», № 24, 24 мая).

Об Александре Петровиче Кузьмине мы знаем только по фрагменту из письма А. Борового к Андрею Белому, где он рекомендует «бывшего самарского помещика, для Москвы homo novus'a»¹². Никаких биографических сведений о нем мы не обнаружили. В «Жизни» он напечатал 2 стихотворения: «Бумажный кораблик» (№ 48, 22 июня) и «Дали темно-синие, матово-лиловые...» (№ 56, 3 июля).

Николай Никандрович Никандров (наст. фамилия Шевцов; 1878–1964) — прозаик, чье творчество было весьма популярно в 1920-е гг., член партии эсеров. Уже в первом номере газеты его фамилия была упомянута в хронике с высокими оценками. Печатал публицистические статьи.

К сожалению, нам не удалось собрать никакой информации о поэте Викторе Патине, отметившемся в пасхальном номере газеты очень любопытной газэллой «Пой, созвездий светлых хор: Христос воскрес!...» (№ 10, 4 мая).

О деятельности журналиста с определенно фашистскими симпатиями, долго жившего в Италии Михаила Константиновича Первухина (1870–1928) вполне достаточную информацию находим в статье Стефано Гардзонио¹³.

Николай Николаевич Русов (1883/84 — не ранее 1942) — весьма характерный персонаж московской литературной жизни 1910–1920-х гг., прозаик и публицист с претензией на философичность текстов¹⁴. Его статьи и очерки появлялись с самого первого номера, но довольно скоро его сотрудничество в газете прекратилось.

Николай Владиславович Рыковский (1884–1943) — поэт, издавший сборник «Черное кружево» в 1916 г. Был известным журналистом и сотрудником многих редакций, хотя стихи писал мало кому нравившиеся. Так, Вл. Ходасевич определил их: «Г-н Рыковский с большою галантерейностью носит пестрый галстучек дешевого

¹² Лавров А.В. Цит. соч. С. 319.

¹³ Гардзонио С. Михаил Первухин — летописец русской революции и итальянского фашизма // Культура русской диаспоры: Саморефлексия и самоидентификация. Материалы международного семинара. Tartu, 1997. С. 38–53.

¹⁴ Подробнее о нем см.: Богомолов Н.А. Русов Николай Николаевич // Русские писатели 1800–1917. М., 2007. Т. 5. С. 394–396; Тахо-Годи Е.А. А.Ф. Лосев в историческом пространстве между «Вехами» и «Из глубины» (о прозе Лосева и о трех забытых публикациях 1918 года в газете «Жизнь») // Тахо-Годи Е.А. Великие и безвестные. СПб., 2008. С. 476–485.

модерна»¹⁵. В «Жизни» напечатал стихотворение «Я все миры благо-словил...» (№ 7, 30 апр.).

О Владимире Рындзюне, более известном под псевдонимом А. Ветлугин (1897–1953), в недавние годы опубликовано довольно много биографических статей¹⁶. В «Жизни» печатал много статей самых различных жанров.

Филарет Иванович Чернов (1878–1940) — поэт, не издавший ни одной книги, хотя его стихи в определенных кругах были довольно широко известны. Наиболее полное собрание его произведений и материалов о нем было издано тиражом 12 экземпляров¹⁷. В пасхальном номере газеты находим публикацию его стихотворения «Что же?!» (№ 10, 4 мая).

Одним словом, мы имеем все основания согласиться с утверждением: «Общая картина литературного отдела газеты — весьма впечатляющая, в особенности если учесть, что век “Жизни” оказался недолог: последний, 59-й номер вышел в свет 6 июля 1918 г., после чего “Жизнь”, наряду со всеми другими небольшевистскими периодическими изданиями, была запрещена»¹⁸. Отметим, что эта судьба постигла газету, несмотря на то, что другие печатные издания упрекали ее в желании компромиссного сосуществования с большевиками. Уже с № 39 на полосах газеты появляются белые пятна — знаки цензурных изъятий. В одном случае мы даже можем догадаться, о чем шла речь: такое пятно появилось в номере 49 от 23 (10) июня в репортаже под названием «Тамбовская революция» специального корреспондента «Жизни», подписавшегося К.М. О событиях того времени читаем в историческом исследовании:

Большинство советских источников утверждают, что восстание тамбовских крестьян началось в 1920 году. Это неверно — оно возникло в начале 1918 года, как только самозванная власть коммунистов начала навязывать свои порядки. Сначала восстание носило местный характер и проходило в некоторых районах Тамбовской губернии. Затем оно ширилось и крепло, а в 1920 году, охватив уже почти всю губернию, приобрело формы организованного восстания, которое доставило много головной боли власти коммунистов. <...> Сегодня

¹⁵ Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2. М., 2010. С. 208.

¹⁶ См., напр.: Устинов А. Русская поэзия 100 лет назад: Взгляд из Ростова // Сюжетология и сюжетография. 2016. № 1. С. 173–184, где приведена библиография, близкая к исчерпывающей.

¹⁷ Чернов Ф.И. Темный круг / Сост. В. Кудрявцев, С. Ковнер. Рудня; Смоленск, 2011.

¹⁸ Лавров А.В. Цит. соч. С. 318.

еще помнят во многих деревнях и селах «Красную Соню» (С.Н. Гельберг), которая командовала «летучим отрядом», состоявшим из революционных матросов, анархистов и мадьяр. «Красная Соня» начала действовать весной 1918 года. Приходя в деревню или село, она в первую очередь приступала к ликвидации всех вышеназванных лиц <священников, офицеров и сельской интеллигенции. — *Н.Б.*> и создавала там советы в основном из пьяниц и люмпенов, ибо трудовые крестьяне туда входить не хотели. «Красную Соню» еще звали «Кривой Соней» — оба этих прозвища она вполне заслужила, так как любила собственноручно расстреливать офицеров, священников и гимназистов. <...> Отряд «Красной Соны» вскоре был разбит и уничтожен крестьянами, а Соня была взята живой и невредимой, и по приговору нескольких сел посажена на кол, где ей пришлось умирать в течение трех дней. Так жестокость порождает ответную жестокость¹⁹.

Конечно, мы не знаем и никогда, скорее всего, не узнаем, что конкретно писалось в газете, но понятно, что извещения о событиях, которые тщательно замалчивались и извращались много лет, были весьма опасны для печатного издания. Как нам любезно сообщил В.А. Дроздков, документы о закрытии газеты хранятся в Центральном государственном архиве Московской области (Ф. 66. Оп. 12. Ед. хр. 23, 345).

Одним из существенных вопросов является генезис литературного отдела. Как и почему эти люди встретились в одной газете? Как кажется, здесь можно сделать некоторые наблюдения.

Прежде всего, стоит обратить внимание на состав авторов, которые печатались в отделе. Они явственно составляют две группы. В первую входят С.А. Ауслендер, А.И. Бачинский, Андрей Белый, А.А. Блок, А.А. Боровой, В.Я. Брюсов, Н.С. Гумилев, А.М. Ремизов, Н.Н. Русов, Федор Сологуб, В.Ф. Ходасевич, а также объявленные как авторы, но не напечатавшие ни одного текста М.А. Волошин, М.А. Кузмин и А.Н. Толстой. Общим знаменателем у всех этих авторов является то, что они печатались в книгоиздательстве «Гриф» — отдельными книгами, как Ауслендер, Белый, Блок, Сологуб, Ходасевич, Волошин, Толстой, или же в каких-то коллективных изданиях. Было бы соблазнительно предположить, что ненадолго вернувшийся из германского плена в Москву С.А. Соколов (Сергей Кречетов) как раз и стал тем зерном, вокруг которого объединились

¹⁹ *Сенников Б.В.* Тамбовское восстание 1918–1921 гг. и раскрестьянивание России 1929–1933 гг. М., 2004. С. 37, 46–47.

эти значительные литературные силы. Однако в автобиографиях он говорит о лете или даже осени 1918 г., что делает такое предположение маловероятным. Скорее активность проявил Боровой, сотрудничавший в грифовском «Перевале» и запомнивший тех авторов, на которых можно было рассчитывать. Хотя надо сказать, что письма литераторов к Боровому далеко не всегда демонстрируют близкое знакомство. Таковы, например, письмо Блока к нему (даже без имени-отчества) и упоминание в его же письме к Н.А. Полле-Коган²⁰. Но концентрация авторов, тесно связанных с одним издательством, его альманахом и журналом, не может не натолкнуть на некоторые размышления.

Несколько более очевидно присутствие в литературном отделе К.А. Большакова (он был постоянным автором газеты), С.П. Боброва, Р. Ивнева и В.Г. Шершеневича. Как кажется, отчасти поясняет этот ряд хроникальная заметка:

«Без муз»

Так называется новый литературно-художественный двухнедельник. Журнал объединяет около себя молодежь, преимущественно москвичей, не крайне левых футуристов; среди имен: Конст. Большаков, Рюрик Ивнев, В. Маяковский, В. Хлебников, В. Шершеневич и др. Обещаются художественные репродукции, богатый художественный отдел, но первый, выходящий на днях номер не иллюстрирован. С ближайших номеров в журнале начнет печататься фантастическая «Повесть грядущих дней» К. Большакова: «Земная смерть». В дни исключительного голода художественной литературы, возникающему органу, хотя бы и определенно кружковскому, предстоит, конечно, будущее лучшее, чем в иных условиях²¹.

Такой сборник с подзаголовком «Художественное периодическое издание» вышел, помеченный Нижним Новгородом. В нем, помимо названных, печатались С. Спасский и А. Решетов (заслужившие похвалы в «Жизни» от К. Большакова), С. Третьяков, Б. Лавренев, А. Митрофанов, Н. Павлович и некоторые другие, менее известные, а то и вовсе безвестные авторы²². Отметим, что круг этот был относительно устойчив: еще в январе 1916 г. И.Н. Розанов описал в дневнике вечер у литератора В.В. Васильева, на котором присутствовали

²⁰ Литературное наследство. М., 1984. Т. 92, кн. 4. С. 560–561; Там же. Кн. 2. С. 330.

²¹ Хроника // Жизнь. 1918. 19 (6) июня, № 45. С. 4.

²² Роспись содержания см.: *Богомолов Н.А.* Материалы к библиографии русских литературно-художественных альманахов и сборников. М., 1994. С. 51–52.

сразу 6 авторов «Без муз»²³. Во второй половине существования «Жизни» присутствие этих авторов постепенно стало нарастать: в № 21 появляется стихотворение Большакова, в № 26 — Боброва, в № 40 — заметка Ивнева и, наконец, в № 57 состоялся дебют Шершеневича. Впрочем, газета вовсе не стремилась отказаться от участия «старых мастеров»: в последних 10 номерах печатались Федор Сологуб, Андрей Белый, С. Ауслендер, А. Блок, О. Мандельштам. Так что линия корректировалась, но не менялась.

Понятно, что всех проблем, возникающих в связи с существованием литературного отдела газеты, мы рассмотреть не в состоянии. Остановимся лишь на трех эпизодах, имеющих отношение не только к данной газете, но и к литературной и околосредоточенной полемике 1918 г.

В не раз названной работе Е.А. Тахо-Годи довольно подробно говорится о сотрудничестве И.Г. Эренбурга с «Жизнью» и последующем его отходе. Однако, как кажется, дело обстоит несколько иначе, чем то представлено исследовательницей. Она совершенно справедливо пишет о статье Эренбурга «Две правды», помещенной во втором номере и посвященной анализу книги, выпущенной издательством «Задруга» и соединившей «Письма прапорщика-артиллериста» Ф. Степуна и газетные статьи «Из действующей армии» Б. Савинкова. Однако через два дня, 27 июля газета «Родина» поместила его «Письмо в редакцию»: «Не откажите дать место следующему заявлению: Ввиду обнаружившейся неприемлемости для меня политической позиции газеты “Жизнь”, я больше сотрудником ее не состою»²⁴. Судя по всему, суть этой неприемлемости состояла в нежелании принимать примиренчество по отношению к советской власти и большевикам. Никакой реакции «Жизни» на это не было, пока 5 июня Эренбург не опубликовал в газете «Возрождение» резкую статью «Стилистическая ошибка». И тогда С. Ауслендер повторил уже однажды сделанный им ход.

Напомним, что в 1915 г. поэт, прозаик и литературный критик Б.А. Садовской напечатал книгу статей «Озимь», где неожиданно резко напал на Валерия Брюсова и поэтов, которых считал его учениками, в том числе на Н. Гумилева. И тогда Ауслендер ответил ему

²³ Полный текст записи см.: *Богомолов Н.А.* Пастернак в дневнике И.Н. Розанова // *Russian Literature*. 2015, LXXVIII—III/IV. С. 656–661.

²⁴ Цит. по: *Попов В.В., Фрезинский Б.Я.* Илья Эренбург. Хроника жизни и творчества (в документах, письмах, высказываниях и сообщениях прессы, свидетельствах современников). Т. I: 1891–1923. СПб., 1993. С. 150.

статьей, которую нельзя назвать иначе как отповедью²⁵. Особенно обратило на себя внимание многих, что автор вступился за честь Н.С. Гумилева, в тот момент находившегося в действующей армии.

В статье «Стилистическая ошибка» Эренбург очень близко подошел к Садовскому:

Даже мудрый умом и сердцем Вячеслав Иванов соблазнен и молитвенно возглашает о кресте на св. Софии <...>. А более земной Валерий Брюсов à la Ллойд Джордж, уничтожает германских варваров в союзе с, конечно, «гордым» британцем и с, конечно, «свободным» французом. <...> В бой ходят «лихо», взводы «радостные», а вся война, по неподражаемому определению парнасца Гумилева, «воистину святое, светлое и величавое дело». Быть может, какой-нибудь обросший и одичавший прапорщик, читая эти стихи в землянке, негодовал и болел душой²⁶.

И, в свою очередь, Ауслендер отвечал ему очень похоже на то, как делал это в 1915 г.:

Он собрал все пошлые упреки, посылаемые уличными листками современной литературе, уснастил собственными крепкими выражениями и самодовольно улыбнулся. От современной поэзии русской никого не осталось. В. Брюсов, В. Иванов, А. Белый, А. Блок, Ф. Сологуб, М. Кузмин и многие другие оказались грешными в полнейшей безыдейности, в неумении достойно воспеть <?> ²⁷ войну и революцию, в стремлении разрешать пустые стилистические задачи.

Всё это не ново, но как истый демагог Эренбург умеет всё это разукрасить: то доносец, то развязное хихиканье, то эстетическое возмущение.

Доносит Эренбург и направо, и налево: на Блока и Белого тычет пальцем за их большевизм, про Городецкого вспоминает, что тот написал «Сретенье царя», Сологуба, Брюсова, В. Иванова высмеивает за их патриотический жар в начале войны, делает донос, и анонимный, на одного молодого поэта, пристроившегося к комиссариате (имени не названо, а для многих понятно — в доносе всегда есть доля подловатой трусости). Гумилева Эренбург думает сравнить <с>

²⁵ Ауслендер С. Литературные заметки: Книга злости // День. 1915. № 79, 22 марта. С. 5.

²⁶ Эренбург И.Г. Портреты русских поэтов / Изд. подгот. А.И. Рубашкин. СПб., 2002, С. 176–177.

²⁷ Слово не печаталось, восстановлено предположительно.

каким-то прапорщиком, сидевшим в окопах и стихи «парнасца» Гумилева о войне не одобрявшим.

Какой пошлый, демагогический прием критики! Но если для поэта даже является обязательным мнение и вкус всякого прапорщика, то ведь «парнасец Гумилев» с первого дня войны добровольцем-солдатом пережил всё, что несла война, и этим приобрел право быть свободным в своих восприятиях от вкуса хотя бы всех прапорщиков.

<...>

— Любитель банщиков и сабли во льду Кузмин стал интернационалистом, — хихикает гаденько Эренбург.

Кузмин — поэт для одних любимый, для других — нелюбимый, но поэт; для Эренбурга авторитетно только мнение о Кузмине «Журнала Журналов»²⁸.

Характерно, что многие аргументы Ауслендер повторяет почти буквально. «Все пошлые упреки» — ср. «Садовской повторил все пошлые, давно затрепанные обвинения»; «...Садовской переходит в лагерь врагов, в лагерь Буренина, Бурнакина и других» — ср. «...близкое соседство с мечтающим о карьере Буренина и Бурнакина Ильей Эренбургом»; «“парнасец Гумилев” с первого дня войны добровольцем-солдатом пережил всё, что несла война» — ср.: «Николай Степанович Гумилев в качестве добровольца нижнего чина в рядах российской армии борется с этим злом...».

Через неделю, 18 июня в № 44 Ауслендер печатает письмо в редакцию под названием «Моим возражателям», где полемизирует уже не прямо с Эренбургом, а с его защитниками из газет «Возрождение» и «Новости дня». На этом эпизод можно было бы считать законченным, если не обратить внимание на примечательный факт: за несколько дней до появления «Литературной демагогии» большой обзор современной поэзии в «Жизни» напечатал К.А. Большаков, и там он писал:

Я пропустил еще одну <книгу>, пропустил почти намеренно, но не сказать об ней нельзя. Это не совсем стихи, это даже совсем не стихи, это «**МОЛИТВА О РОССИИ**» **И. Эренбурга**. Но это самое сильное и самое острое, что было написано в прошлом октябре. В рваной массе строчек аритмичной прозы с перебивающими полувзвучными ассонансами вдруг бросится метафора, почти сомни-

²⁸ Ауслендер С. Литературная демагогия // Жизнь. 1918. № 39, 11 июня (29 мая). С. 3.

тельная в намеренной косноязычности, есть чудесная искренность молитвы, чувство меры²⁹.

Своей статьей Ауслендер отвечает не только Эренбургу, но и сотруднику той же «Жизни», так оценивая «Молитву о России»:

Этот незначительный, малодаровитый поэт, недавний поклонник лакейского эстетизма в духе Игоря Северянина, сейчас надевший маску дешевого кликушества и столь же безвкусно и бессильно воспевающий разбитый Кремль и зверства большевиков, как недавно описывал «изысканные гостиные» и «шоколад в лиловых чашечках на тонком столике»...³⁰.

Так внутри самой газеты разворачивается подспудная и вряд ли замечаемая читателями полемика между двумя поколениями авторов литературного отдела: «старшим»/«пассеистом» С. Ауслендером и «младшим»/«футуристом» К. Большаковым. И это свидетельствует о том, что революционные месяцы чрезвычайно быстро разводили писателей и журналистов: Эренбург заявляет о своем несогласии с политической позицией газеты, с № 36 заявляет о прекращении сотрудничества один из самых активных на начальном этапе публицистов — Г. Сандомирский (см. № 46), прекращает сотрудничество Н.Н. Русов (последняя публикация в № 22), покидает Москву, разуверившись в возможности существовать в советской России, Ауслендер. Так что, возможно, закрытие предотвратило распад газетного коллектива.

Второй эпизод, на котором мы хотели бы остановиться, связан с литературной деятельностью В.Г. Шершеневича и с определением им своей позиции в литературе. Он успел напечатать в газете всего две статьи, из которых первая, «О русском» (№ 57, 4 июля), является сугубо политической, хотя и написанной выразительным языком, не похожим на обычный язык политических статей, а вот вторая представляет определенный интерес для истории литературы.

«Жизнь» довольно регулярно предоставляла на четвертой полосе место для обзоров всякого рода литературы: философской, по искусству, о кооперации, общественно-политической и т.д. Среди них были и два обзора поэзии. Один — уже названная выше статья

²⁹ *Большаков Конст.* За весь сезон: Стихи за зиму 1917–18 г. // Жизнь. 1918. № 36, 7 июня (25 мая). С. 3.

³⁰ *Ауслендер С.* Литературная демагогия // Жизнь. 1918. № 39, 11 июня (29 мая). С. 3.

К. Большакова «За весь сезон», а вторая принадлежала перу Шершеневича и была опубликована в предпоследнем номере. Структура ее заглавия словно предвосхищала широко известную статью Валерия Брюсова 1922 г. «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии», а система аргументации вызывает в памяти акмеистические манифесты. Вот что писал в «Наследии символизма и акмеизме» Гумилев:

Для внимательного читателя ясно, что символизм закончил свой круг развития и теперь падает. И то, что символические произведения уже почти не появляются, а если и появляются, то крайне слабые, даже с точки зрения символизма, и то, что всё чаще и чаще раздаются голоса в пользу пересмотра еще так недавно бесспорных ценностей и репутаций, и то, что появились футуристы, эго-футуристы и прочие гиены, всегда следующие за львом. На смену символизма идет новое направление <...> Однако, чтобы это течение утвердило себя во всей полноте и явилось достойным преемником предшествующего, надо, чтобы оно приняло его наследство и ответило на все поставленные им вопросы. Слава предков обязывает, а символизм был достойным отцом. Французский символизм, родоначальник всего символизма как школы, выдвинул на передний план чисто литературные задачи: свободный стих, более своеобразный и зыбкий слог, метафору, вознесенную превыше всего, и пресловутую «теорию соответствий»³¹.

Сравните эти строки с гораздо менее известными:

Интерес к русской поэзии, которым были отмечены 1913–1914 годы, естественно сменился интересом сначала военным, позже политическим. И никогда, кроме 1905 года, поэзия не была так забыта, как теперь. <...>

Вместе с интересом к поэзии упал и интерес к самому левому ее течению, футуризму. Еще в первый год войны критики изредка единодушно писали, что война убила танго и футуризм, указывая этим на никчемность того и др. Конечно, это только очень милое заблуждение, война здесь ровно ни при чем, но и на самом деле надо признать, что русского футуризма, по крайней мере в том виде, как он существовал до войны, нынче нет; есть еще отдельные его представители, но футуризм как течение кончен. Но не война тут виною, еще раз повторяю я.

³¹ Гумилев Н.С. Сочинения: В 3 т. М., 1991. Т. 3. С. 16–17.

Причина гораздо глубже и проще. Если вы помните, русский символизм, отзвук символизма западного, появился у нас первоначально в виде декадентства. По существу, в декадентстве были все признаки символизма, но они были в зачаточном, эмбриональном состоянии. Декадентство своими созданиями разрушало прежнее, но не создавало. Символ был уже в первых стихах декадентов (даже сборники назывались «Русские символисты!»), но у них не было идеи символа. И только позже, в эпоху «Весов», «Золотого Руна» уже появился символизм как учение, как течение. <...>

Если мы посмотрим с исторической точки зрения на то, чем отличался футуризм в своей первой стадии, то отличительными признаками придется счесть: свободный стих, сближение разговорной и поэтической речи, нагромождение образов, склонность к примитивизму. <...>

Футуризм пережил уже период своего декадентства. На смену ему идет течение, ставящее в основу своего учения идею образа, имажионизм. И подобно тому, как декадентство было сменено творческим символизмом, так и футуризм будет сменен имажионизмом. Это закон искусства: дитя в первую очередь пожирает своих родителей³².

В.А. Дроздов, наиболее основательный исследователь творчества Шершеневича и его окружения, пишет, что слово «имажионизм» появилось у него в книге «Зеленая улица»³³. Однако это не вполне точно. В книге читаем: «Я по преимуществу имажионист. Т.е. образы прежде всего. А так как теория футуризма наиболее соответствует моим взглядам на образ, то я охотно надеваю, как сэндвич, вывеску футуризма...»³⁴, — то есть речь идет не о литературном направлении, а о самоопределении поэта. Следующее употребление этой формы Дроздов фиксирует в сборнике «Без муз» (см. о нем выше), т.е. позднее, чем появилась газетная статья. Таким образом, перед нами фактически первый манифест имажинизма, еще называющего себя имажионизмом и представленного Шершеневичем едва ли не в единственном числе. Правда, далее он говорит о тех поэтах, которые «ныне выступают на арену уже чистыми имажионистами. Для примера я назову мало популярные в широких кругах имена С. Спас-

³² Шершеневич В. Сегодня и завтра русского футуризма // Жизнь. 1918. № 58, 5 июля. С. 4.

³³ Дроздов В.А. Dum spiro spero: О Вадиме Шершеневиче, и не только: Статьи, разыскания, публикации. М., 2014. С. 131–132.

³⁴ Шершеневич В.Г. Зеленая улица: Статьи и заметки об искусстве. М., 1916. С. 7.

ского, Л. Монозона»³⁵, но можно с уверенностью утверждать, что их имена были названы единственно с той целью, чтобы не оставаться в одиночестве. Для характеристики литературной политики Шершеневича прибавим, что стихи С. Спасского были очень сочувственно охарактеризованы в обзоре К. Большакова, да и книги Л. Монозона не были им полностью отвергнуты³⁶. Как нам представляется, статья Шершеневича «Сегодня и завтра русского футуризма», еще тесно генетически связанная с его предшествующими теоретическим построениями и замаскированная под библиографический обзор, на деле является первой декларацией имажионизма-имажинизма как литературного направления.

Наконец, последний эпизод, который мы хотели бы здесь воспроизвести, относится к полемике, более связанной не с литературой, а с книгоиздательским делом, однако интерес представляет то, что ведет ее поэт, один из основателей группы «Центрифуга» С.П. Бобров, ведет под прикрытием и довольно искусно.

Уже незадолго до прекращения газеты, в № 47 от 21 июня появилась совершенно невзрачная заметка без заглавия в несколько строк, посвященная изданию сочинений И.А. Крылова и подписанная инициалами С.П.Б. Однако внимание заинтересованного читателя привлечет уже самое начало заметки:

Национализированный классик пред нами. Пока ничего страшного, несмотря на предварительное вспучивание «историко-литературной» стихии в лице Сакулина и Гершензона. Книга отпечатана по старым матрицам к-ва «Просвещение»; по этой причине плохого особенно ничего про текст сказать нельзя. Цена книги баснословно дешева: за 30 печатных листов рубль с четвертью. Дело безусловно полезное...

Речь идет о том, что за месяц до того, 20 мая, в Литературно-издательском отделе Наркомпроса состоялось совещание, посвященное вопросу «национализации классиков», т.е. отмене монополии отдельных частных издательств на выпуск прибыльных собраний сочинений, весьма востребованных публикой. На этом совещании В.В. Вересаев, М.О. Гершензон, Ю.В. Готье и П.Н. Сакулин выступили с протестом против такого подхода³⁷, что ехидный Бобров

³⁵ Шершеневич В. Сегодня и завтра русского футуризма.

³⁶ См.: Большаков Конст. Цит. соч.

³⁷ Подробнее см.: Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М., 2005. Т. 1, ч. 1: Москва и Петроград. 1917–1920 гг. С. 192–193.

и назвал «вспучиванием». То есть получилось выступление в поддержку советского декрета, который в штывки был встречен старой интеллигенцией. Но продолжается заметка хотя и с добродушным одобрением декрета, но всё же вполне определенно поддерживая ту точку зрения, которую высказали на совещании его противники. Как сформулировал в дневнике один из «подписантов», «большевики, наделав глупостей, желают, чтобы здравомыслящие люди покрыли их преступление, ибо ничем другим нельзя считать их декрет...»³⁸.

И уже совсем незадолго до закрытия газеты Бобров (укрывшись под иным псевдонимом) пишет гораздо более резко:

В России надобно приветствовать всякое культурное начинание, под каким бы оно знаком или флагом ни проходило. Поэтому переиздание классиков, предпринятое литературно-издательским отделом комиссариата народного просвещения, может вполне рассчитывать на самый любезный прием с нашей стороны. <...> [Д]оступная книга необходима. Но: дешевая и хорошая. <...> [К]омиссариат народного просвещения — перепечатывает старые издания частных фирм сопровождая их безграмотными предисловиями и столь же изящными примечаниями (к примеру: «Мегера, заведывающая адскими мучениями...» — см. издание Крыловских басен), говоря откровенно, снабжает нас дешевой и только в России сколько-нибудь значимой макулатурой. Как же будут устраиваться конкуренты? Вопрос, к сожалению, не праздный, ведь кто-нибудь да зарабатывает что-либо на этих «предисловиях», — и, верно, немало.

Завершалась заметка совершенно утопически:

Будем надеяться, что комиссариат не помешает академии делать ее крупное, значительное и всем нам драгоценное дело; если академия «помешает» комиссариату, этому придется только радоваться: «помеха» будет к улучшению комиссариатских изданий³⁹.

Таким образом, Бобров искусно варьирует свой стиль и подачу информации читателю (представляя как бы точки зрения различных авторов), давая понять, что кажущаяся неспециалистам совершенно абстрактной проблема принимает вполне конкретные очертания,

³⁸ Готье Ю.В. Мои заметки / Подгот. к изд. Т. Эммонс и С. Утехин. М., 1997. С. 143.

³⁹ Айгустов Т. [Бобров С.П.] Третий и второй сорт: Книжный кризис // Жизнь. 1918. № 53, 29 (16) июня. С. 4.

выливаясь в тупое упрямство исполнителей, распространение невежества и коррупцию.

Наши наблюдения показывают, что в деятельности как литературного раздела газеты «Жизнь» в целом, так и отдельных его авторов на протяжении недолгого срока издания проявлялись чрезвычайно показательные тенденции как времени, когда газета существовала, так и индивидуальных обстоятельств, связанных и с авторами, и с редакцией газеты. Остается немало материала для дальнейших исследований и, возможно, публикаций материалов, практически неизвестных современным читателям, литературоведам, историкам журналистики.

Литература

Библиография Валерия Брюсова / Сост. Э.С. Даниелян; ред. К.Д. Муратова. Ереван: б.и., 1976. 501 с.

Богомолов Н.А. Материалы к библиографии русских литературно-художественных альманахов и сборников. М.: Лантерна-Вита, 1994. 625 с.

Богомолов Н.А. Пастернак в дневнике И.Н. Розанова // *Russian Literature*. 2015. Vol. 78. № 3–4. P. 665–678.

Богомолов Н.А. Русов Николай Николаевич // *Русские писатели 1800–1917*. Т. 5. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. С. 394–396.

Гардзонио С. Михаил Первухин — летописец русской революции и итальянского фашизма // *Культура русской диаспоры: саморефлексия и самоидентификация: материалы международного семинара* / Ред. И. Белобровцева и др. Tartu: Tartu ülikooli kirjastus, 1997. С. 38–53.

Готье Ю.В. Мои заметки / Подгот. к изд. Т. Эммонс и С. Утехин. М.: Terra, 1997. 591 с.

Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь / Вступ. ст., коммент. В.И. Коровина. М.: Terra, 1994. 766 с.

Дроздков В.А. Dum spiro spero: о Вадиме Шершеневиче, и не только: Статьи, размышления, публикации. М.: Водолей, 2014. 799 с.

Лавров А.В. Неизвестная статья Андрея Белого из архива А.А. Борового // *Venok: Studia slavica Stefano Garzonio sexagenario oblata*. Pt. 1. Stanford: Stanford University, 2012. P. 314–323.

Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1: Москва и Петроград. 1917–1920 гг. / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 706 с.

Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 1–5. М.: Наука, 1980–1993.

Обатнина Е.Р. От маскарада к третейскому суду: «Судное дело об обезьяньем хвосте» в жизни и творчестве А.М. Ремизова // *Лица: Биографический альманах*. Т. 3. М.; СПб.: Феникс, Atheneum, 1993. С. 448–465.

Обатнина Е.Р. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 382 с.

Павлова М.М. О двух неизвестных памфлетах Ф. Сологуба: «Богдыхан» и/или «Китайская республика равных» // Федор Сологуб: биография, творчество, интерпретации / Сост. М.М. Павлова. СПб.: Коста, 2010. С. 330–342.

Попов В.В., Фрезинский Б.Я. Илья Эренбург. Хроника жизни и творчества (в документах, письмах, высказываниях и сообщениях прессы, свидетельствах современников). Т. 1: 1891–1923. СПб.: Лиана, 1993. 384 с.

Соболев А.Л. Летейская библиотека: Очерки и материалы по истории русской литературы XX века. Т. 1: Биографические очерки. М.: Трутень, 2013. 488 с.

Тахо-Годи Е.А. А.Ф. Лосев в историческом пространстве между «Вехами» и «Из глубины» (о прозе Лосева и о трех забытых публикациях 1918 года в газете «Жизнь») // Тахо-Годи Е.А. Великие и безвестные. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 443–498.

Устинов А. Русская поэзия 100 лет назад: Взгляд из Ростова // Сюжетология и сюжетография. 2016. № 1. С. 173–184.

Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: В 8 т. / Сост., подгот. текста, коммент. Дж. Малмстада, Р. Хьюза; вступ. ст. Дж. Малмстада. М.: Русский путь, 2009–

Эренбург И.Г. Портреты русских поэтов / Изд. подгот. А.И. Рубашкин. СПб.: Наука, 2002. 351 с. (Литературные памятники).

References

Bibliografiia Valerii Briusova [Bibliography of Valery Bryusov], comp. E.S. Danilian, ed. K.D. Muratova. Erevan, s.l., 1976. 501 p. (In Russ.)

Bogomolov N.A. *Materialy k bibliografii russkikh literaturno-khudozhestvennykh al'manakhov i sbornikov* [Materials for the bibliography of Russian literary and artistic almanacs and collections]. Moscow, Lanterna-Vita Publ., 1994. 625 p. (In Russ.)

Bogomolov N.A. Rusov Nikolai Nikolaevich. *Russkie pisateli 1800–1917* [Russian writers 1800–1917], vol. 5. Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ., 2007, pp. 394–396. (In Russ.)

Bogomolov N.A. Pasternak v dnevnike I.N. Rozanova [Pasternak in Ivan Rozanov's diary]. *Russian Literature*, 2015, vol. 78, no. 3–4, pp. 665–678. (In Russ.)

Don-Aminado. *Nasha malen'kaia zhizn'* [Our small life], intro., comment. V.I. Korovin. Moscow, Terra Publ., 1994. 766 p.

Drozdov V.A. *Dum spiro spero: o Vadime Shersheneviche, i ne tol'ko: stat'i, razyskaniia, publikatsii* [Dum spiro spero. About Vadim Shershenevich and otherwise: Essays, research, publications]. Moscow, Vodolei Publ., 2014. 799 p. (In Russ.)

Erenburg I.G. *Portrety russkikh poetov* [Portraits of Russian poets], ed. A.I. Rubashkin, series: *Literaturnye pamiatniki*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002. 351 p. (In Russ.)

Garzonio S. Mikhail Pervukhin — letopisets russkoi revoliutsii i ital'ianskogo fashizma [Mikhail Pervukhin as a chronicler of the Russian revolution and Italian fascism]. *Kul'tura russkoi diaspori: samorefleksiia i samoidentifikatsiia: materialy mezhdunarodnogo seminara* [Culture of the Russian diaspora: self-reflection and self-identification: materials of an international seminar], ed. I. Belobrov'tseva et al. Tartu, Tartu ülikooli kirjastus, 1997, pp. 38–53. (In Russ.)

Got'e Iu.V. *Moi zametki* [My notes], ed. T. Emmons, S. Utekhin. Moscow, Terra Publ., 1997. 591 p. (In Russ.)

Khodasevich V.F. *Sobranie sochinenii* [Collected works], in 8 vols., comp., ed., comment. J. Malmstad, R. Hughes, intro. J. Malmstad. Moscow, Russkii put' Publ., 2009— (In Russ.)

Lavrov A.V. Neizvestnaia stat'ia Andreia Belogo iz arkhiva A.A. Borovogo [Andrei Bely's unknown article from A.A. Borovoy collection]. *Venok: Studia slavica Stefano Garzonio sexagenario oblata*, pt. 1. Stanford, Stanford University Publ., 2012, pp. 314–323. (In Russ.)

Literaturnaia zhizn' Rossii 1920-kh godov: Sobytiia. Otzyvy sovremennikov. Bibliografiia. T. 1. Ch. 1: Moskva i Petrograd. 1917–1920 gg. [The literary life of Russia in the 1920s: Events. Reviews of contemporaries. Bibliography. Vol. 1, pt. 1: Moscow and Petrograd. 1917–1920], ed. A.Iu. Galushkin. Moscow, IWL RAS Publ., 2005. 706 p. (In Russ.)

Literaturnoe nasledstvo. T. 92: Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia. Kn. 1–5 [Literary heritage. Vol. 92: Alexander Blok. New materials and studies. Book 1–5]. Moscow, Nauka Publ., 1980–1993. (In Russ.)

Obatnina E.R. Ot maskarada k treteiskomu sudu: “Sudnoe delo ob obez'ian'em khvoste” v zhizni i tvorchestve A.M. Remizova [From masquerade to arbitration: “The Monkey Tail Case” in A.M. Remizov's life and work]. *Litsa: biograficheskii al'manakh* [Faces: Biographical almanac], vol. 3. Moscow, St. Petersburg, Feniks Publ., Atheneum Publ., 1993, pp. 448–465. (In Russ.)

Obatnina E.R. *Tsar' Asyka i ego poddannye: Obez'ian'ia Velikaia i Vol'naia Palata A.M. Remizova v litsakh i dokumentakh* [Tsar Asyka and his subjects: A.M. Remizov's Great and Free Monkey Chamber in persons and documents]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2001. 382 p. (In Russ.)

Pavlova M.M. O dvukh neizvestnykh pamfletakh F. Sologuba: “Bogdykhan” i/ili “Kitaiskaia respublika ravnnykh” [On two unknown pamphlets by Fedor Sologub: “Bogdykhan” and/or “China Republic of Equals”]. *Fedor Sologub:ografiia, tvorchestvo, interpretatsii* [Fedor Sologub: biography, works, interpretations], comp. M.M. Pavlova. St. Petersburg, Kosta Publ., 2010, pp. 330–342. (In Russ.)

Popov V.V., Frezinskii B.Ia. *Il'ia Erenburg. Khronika zhizni i tvorchestva (v dokumentakh, pis'makh, vyskazyvaniakh i soobshcheniakh pressy, svidetel'stvakh sovremennikov)* [Ilya Erenburg. Chronicle of life and work (in documents, letters, press statements and releases, testimonies of contemporaries)], vol. 1, 1891–1923. St. Petersburg, Lina Publ., 1993. 384 p. (In Russ.)

Sobolev A.L. *Leteiskaia biblioteka: Ocherki i materialy po istorii russkoi literatury 20 veka. T. 1: Biograficheskie ocherki* [The Lethan library: Essays and materials on the history of Russian literature of the 20th century. Vol. 1: Biographical essays]. Moscow, Truten' Publ., 2013. 488 p. (In Russ.)

Takho-Godi E.A. A.F. Losev v istoricheskom prostranstve mezhdru “Vekhami” i “Iz glubiny” (o proze Loseva i o trekh zabytykh publikatsiiah 1918 goda v gazete “Zhizn”) [A.F. Losev in the historical space between the collections “Vekhi” and “Iz glubiny” (on Losev's prose and three forgotten publications of 1918 in the newspaper “Zhizn”)]. Takho-Godi E.A. *Velikie i bezvestnye* [The great and the unknown]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2008, pp. 443–498. (In Russ.)

Ustinov A. Russkaia poeziia 100 let nazad: Vzgliaid iz Rostova [Russian poetry 100 years ago: A look from Rostov]. *Siuzhetologiia i siuzhetografiia*, 2016, no. 1, pp. 173–184. (In Russ.)

Literary department of the newspaper *Zhizn'*: Persons, ideas, controversy

© 2020, Nikolay Bogomolov

Abstract: The author of the article, noting the insufficient study of the newspaper world of Russia and the USSR in the 20th century, makes an attempt to partially fill this gap with the characteristics of authors and activities of the literary department and the literary part of the critical and bibliographic department of the Moscow newspaper *Zhizn'* (“Life”, published from April 22 (10) until July 6, 1918). In contrast to recent publications on this subject, a comprehensive review is given, which, however, leaves room for further research. The value of the material presented for the study of the topic is determined, among other things, by the fact that, first of all, it provides information about unknown or little-known authors and their contributions to the newspaper. Two relatively stable groups that have developed around the Grif publishing house and the art periodical “Bez muz” (the only issue was published in 1918 in Nizhny Novgorod) are distinguished among the newspaper staff. Several episodes connected with the 1918 literary and pseudo-literary controversy and related to I.G. Ehrenburg, S.A. Auslender, V.G. Shershenevich and S.P. Bobrov are considered. As a result of the study, it is concluded that activities of the newspaper *Zhizn'* literary department and some of its authors showed indicative trends both in the historical period as a whole and in individual circumstances related to the authors and the newspaper’s editorial staff.

Keywords: the newspaper *Zhizn'*, literary department, critical and bibliographical department, controversy, Grif publishing house, “Bez muz”.

Information about the author: Nikolay Bogomolov, Dr Hab, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: nab50@mail.ru

Citation: Bogomolov Nikolay. Literary department of the newspaper *Zhizn'*: Persons, ideas, controversy. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 2 (16), pp. 390–412. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-390-412

DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-413-435
УДК 821.161.1

Библиография литературно-критических работ Г.И. Чулкова с 1903 по 1922 гг.

© 2020, О.А. Богданова

Аннотация: Библиография литературно-критических работ (книг, статей, обзоров, бесед, рецензий, заметок, «писем» и проч.) Георгия Ивановича Чулкова (1879–1939), впервые собранная и публикуемая на этих страницах, дает представление о диапазоне творческих интересов и эволюции эстетических взглядов одного из крупных литературных и культурных деятелей русского символизма в первые два десятилетия XX в. Поэт, переводчик, прозаик, драматург, литературный критик и журналист, издатель, а с 1920-х гг. еще и литературовед, создавший серьезные научные труды об А.С. Пушкине, Ф.И. Тютчеве, Ф.М. Достоевском и др. писателях, и мемуарист, автор ценных воспоминаний о литературной жизни Серебряного века «Годы странствий» (1930), Чулков был также чутким театральным и художественным критиком, сотрудничавшим с В.Ф. Комиссаржевской, В.Э. Мейерхольдом, М.В. Добужинским, Е.Е. Лансере, З.А. Серебряковой и др. Связав свою творческую судьбу с такими знаковыми журналами Серебряного века, как «Новый путь», «Вопросы жизни», «Золотое руно», а затем «Народоправство», на редакционную политику которых он влиял, а в ряде случаев ее определял, Чулков часто и регулярно выступал как литературный критик, идеолог литературных течений «мистического анархизма» и «мистического реализма», борец за общественную и национальную значимость современной ему литературы. Литературная критика Чулкова не только важная часть его творческого наследия, но и неустраняемая черта сложного и разнообразного литературного движения первых двух десятилетий XX в.

Ключевые слова: Г.И. Чулков, литературная критика, библиография, Серебряный век, символизм, мистический анархизм, мистический реализм.

Информация об авторе: Ольга Алимовна Богданова, д.ф.н., ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия. E-mail: olgabogda@yandex.ru

Цитирование: Богданова О.А. Библиография литературно-критических работ Г.И. Чулкова с 1903 по 1922 гг. // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 413–435. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-413-435

Благодаря стараниям М.В. Михайловой проза и поэзия Чулкова в последние четверть века во многом выведены из забвения¹; критика же этого замечательного литературного деятеля остается малоизвестной даже специалистам и практически несобранной. Составление библиографии основных критических работ Чулкова — первый шаг к созданию его портрета как критика и уяснению его реальной роли в литературном процессе эпохи.

Не претендуя на исчерпывающий характер, публикуемая библиография восстанавливает и прослеживает в хронологическом порядке основные вехи творческого пути Чулкова до 1922 г., времени издания его последней книги критических статей «Наши спутники». В советские годы интересы Чулкова переместились в область литературоведения, и критикой он практически не занимался. Хотя библиография Чулкова-критика, безусловно, ждет своего пополнения, главные его работы в этой области литературы собраны самим автором в указанных в ней сборниках. Поэтому концепции и важнейшие линии развития критической мысли Чулкова могут быть прослежены на уже имеющемся материале и достаточно адекватно представлены.

Необходимо также отметить, что в настоящую библиографию не вошла театральная и художественная критика писателя, которой он уделял серьезное внимание с момента постановки в 1907 г. «Балаганчика» А.А. Блока в театре В.Ф. Комиссаржевской в Петербурге. Однако ряд образцов театральной критики Чулкова, во многом развивавшей идеи Вяч.И. Иванова о возрождении античной трагедии, новой «органической эпохе» и «театре будущего», тесно переплелись с литературной, давая характеристики пьесам А.П. Чехова, А.А. Блока, Ф. Сологуба, Г. Ибсена, О. Уайльда, М. Метерлинка и др. То же можно сказать о его художественной критике, прежде всего — анализе картин М.А. Врубеля. Симптоматично, что во всех книгах статей Чулкова начиная с «Покрывала Изиды», наряду с литературной, присутствуют такого рода театральная и художественная критика. В этом проявилась одна из важных культурных тенденций Серебряного века — к синтезу искусств.

Для лучшего понимания эволюции Чулкова-критика бегло обрисует его жизненный путь до начала 1920-х гг. Поступив в 1898 г. на медицинский факультет Московского университета, он не завершил обучения из-за ареста в 1902 г. за участие в студенческой революционной деятельности. После непродолжительного тюремного

¹ См.: *Чулков Г.И.* Валтасарово царство. М., 1998; *Чулков Г.И.* Годы странствий. М., 1999; *Чулков Г.* Тайная свобода: стихотворения из неизданных книг (1920–1938). М., 2003; и др.

заклучения получил четыре года ссылки в Якутию. Будучи амнистирован в феврале 1903 г., до февраля 1904 г. он жил в Нижнем Новгороде под полицейским надзором, затем переехал в Петербург, где по приглашению четы Мережковских стал секретарем журнала «Новый путь». После его закрытия, в течение 1905 г. участвовал в издании журнала «Вопросы жизни», в 1906–1908 гг. издавал альманах «Факелы», в 1904–1914 гг. печатался в столичных символистских журналах «Весы», «Перевал», «Золотое Руно», «Аполлон» и др., где вел напряженную полемику с литературными оппонентами. В 1910-е гг. Чулков постепенно отходит от активной журнально-критической деятельности в пользу художественной прозы: именно в 1910-е гг. он создал несколько крупных романов и десятки рассказов. Кроме того, с 1911 по 1915 г., во многом из-за ухудшения здоровья, он подолгу жил за границей — во Франции, Швейцарии, Италии. Вернувшись на родину в 1915 г., писатель печатался в еженедельном журнале «Голос жизни» и др. изданиях; в августе 1916 г. уехал на германский фронт, в Белоруссию, где в марте 1917 г. восторженно встретил Февральскую революцию. Поселившись в Москве, Чулков с июня 1917 г. издавал литературно-публицистический еженедельник «Народоправство», закрытый в феврале 1918 г. из-за нехватки средств. Несмотря на неприятие Октябрьской революции, в годы Гражданской войны он сотрудничал в советских культурных учреждениях Москвы, в первую очередь в Театральном отделе Наркомпроса.

Площадкой для критико-публицистического дебюта молодого автора стала в 1903 г. газета «Нижегородский листок». По собственному признанию, он уже тогда был «заражен декадентством»². Особого внимания заслуживают две заметки начинающего критика о лекции Касперовича, познакомившей нижегородскую публику с новым искусством (10 и 11 ноября 1903 г.): здесь, наряду с социалистическими убеждениями, юный Чулков обнаружил знание основ «нового искусства», тяготение к нему и готовность к полемике с его недоброжелателями. Так что вхождение его в редакцию «Нового пути» весной 1904 г. не кажется таким уж неожиданным.

Еще в «Нижегородском листке» критик-дебютант воспринял общую для 1900-х гг. тенденцию к лиризации и эссеизации критического текста, а также начал осваивать жанры эссе, литературного обозрения и статьи-трактата, рассматривающей эстетические и теоретико-литературные проблемы. В журнале Мережковских молодой автор расширил свой жанровый диапазон, включив в него рецензии,

² Чулков Г.И. Годы странствий // Чулков Г.И. Валтасарово царство / Сост., автор вступ. статьи и коммент. М.В. Михайлова. М., 1998. С. 460.

литературные портреты, историко-литературные и критико-философские очерки и др.³

Важно отметить, что одновременно с критикой Чулков начал выступать на страницах названных изданий как поэт и прозаик, что позволяет назвать его опыты писательской критикой, характерной в Серебряном веке для многих его товарищей по перу: Мережковских, В.Я. Брюсова, Вяч.И. Иванова, Андрея Белого, А.А. Блока и др. Отсюда такие черты критического стиля Чулкова, как беллетризация, мифологизация, суггестия, разнообразие модусов художественности (патетика, трагизм, сатира, ирония и др.), которые он разделял с большинством модернистов⁴.

Статьи и рецензии Чулкова появляются в журнале «Новый путь» с № 4 за 1904 г. Они посвящены творчеству как западноевропейских, так и русских мыслителей и художников — И. Канта, Ж. Роденбаха, А.П. Чехова, М. Горького, Л.Н. Андреева и др. Практически равное внимание к иностранным и отечественным авторам стало постоянной чертой критических писаний Чулкова, что также роднит его с другими критиками-модернистами и выражает общую тенденцию эпохи рубежа XIX–XX вв. — культурный универсализм.

В заметке «О культурном строительстве» (№ 6) Чулков, откликаясь на события Русско-японской войны, ясно обозначает собственное идейно-эстетическое кредо: «религиозно-мистическое движение должно углубить, осветить жизнь, но <...> не сделать нас равнодушными к современности» (с. 224). Примером для него становится Вл.С. Соловьев, которому был свойствен синтез «непосредственного интереса к текущей жизни с прозрением отдаленнейших судеб» (с. 225).

В пришедших на смену «Новому пути» в 1905 г. «Вопросах жизни» Чулков стал играть во многом определяющую роль. Его имя встречается практически в каждом номере нового журнала, нередко по несколько раз. Именно здесь в главных чертах сформировалось его лицо как критика, сложилось эстетическое кредо, которое в целом оставалось неизменным вплоть до 1917–1918-го, а то и до начала 1920-х гг.: впервые прозвучало словосочетание «мистический анархизм», была исследована антиномия декадентства и символизма, разъяснено понятие о символе, провозглашена ницшеанская

---

³ О новых тенденциях и жанрах в русской литературной критике 1900-х гг. см.: Михайлова М.В. Литературная критика: эволюция жанровых форм // Поэтика русской литературы конца XIX — начала XX века. Динамика жанра: Общие проблемы. Проза. М., 2009. С. 620–704.

⁴ См.: Там же. С. 623.

по происхождению «верность земле»⁵. Восприняв и освоив историко-философскую терминологию Д.С. Мережковского («историческое христианство», «новое религиозное сознание», «религиозная революция», «религиозная общественность» и т.п.), Чулков начал вкладывать в нее измененное содержание, дрейфуя к идейно-эстетическим воззрениям Вячеслава Иванова. «Кризис индивидуализма» (1905), «Идея неприятия мира» (1906), «Две стихии в современном символизме» (1908), «О русской идее» (1909), «Евангельский смысл слова “Земля”» (1909), «Заветы символизма» (1910), «Достоевский и роман-трагедия» (1911) — эти ивановские работы становились, можно сказать, программными для Чулкова. Начиная с публикации в «Новом пути» (1904 г.) ивановской «Эллинской религии страдающего бога» творческий и дружеский союз обоих писателей продлился вплоть до отъезда Иванова в 1924 г. в Европу, не прервавшись полностью даже в годы эмиграции последнего⁶.

Из напечатанных в «Вопросах жизни» рецензий Чулкова наиболее показательны те, которые посвящены литературным сборникам и альманахам: третьему и четвертому сборникам «Знания» (№№ 1, 3), «Грифу» (№ 2) и «Северным цветам» (№ 6). По его мнению, последний, четвертый альманах «Северные цветы — Ассирийские» (М., 1905) свидетельствует о том, что «декадентская полоса русской литературы, <...> необходимая исторически, <...> сменяется новым культурным движением. Обнаженный индивидуализм сменяется мистическим анархизмом»⁷, неразрывно связанным с «революционно-религиозным движением», которому «предстоит великое будущее» (с. 258).

Как и в «Новом пути», внимание Чулкова-рецензента практически в равной степени привлекают русские (Эллис, А.М. Добролюбов, Л.Д. Зиновьева-Аннибал, Осип Дымов) и иностранные (К. Гамсун, О. Уайльд, Э. Верхарн, П. Альтенберг) писатели, о каждом из которых он судит в соответствии с указанными выше критериями. Принцип универсализма прямо утверждается им в заметке «От редакции»

⁵ Имеются в виду речи Заратустры, направленные против идеализма и спиритуализма: «Я заклинаю вас, братья мои, оставайтесь верны земле и не верьте тем, кто говорит вам о надземных надеждах!» (*Ницше Ф.* Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 8).

⁶ Подробнее см.: Чулкова Н.Г. Воспоминания о моей жизни с Г.И. Чулковым и о встречах с замечательными людьми // ОР РГБ. Ф. 371 (Чулков Г.И.). Карт. 6. Ед. хр. 1. Л. 199–214. Колебания во взаимоотношениях Вяч.И. Иванова и Г.И. Чулкова в период полемики вокруг мистического анархизма отражены в работе: *Обатнин Г.В.* Неопубликованные материалы Вяч. Иванова по поводу полемики о «мистическом анархизме» // Лица: Биографический альманах. 3. М.; СПб., 1993. С. 466–477.

⁷ Здесь и далее на протяжении статьи курсив в цитатах принадлежит Г.И. Чулкову. Разрядка Чулкова всюду заменена на курсив.

в № 10–11: «Вопросы жизни» желают приблизиться к типу «общекультурного западноевропейского журнала» и сохранить «независимое, внепартийное положение». Однако при этом они выступают «во имя анархического идеала в его религиозном понимании» (с. 395).

Статья «Светлеют дали» (Весы. 1904. № 3), в которой всё ещё прославлялась декадентская чувствительность, — единственное выступление Чулкова в казалось бы близком ему по духу модернистском журнале. Однако вскоре «Весы» стали трибуной не только «символизма как школы» в противовес «символизму как мироотношению»⁸, но и резкой, неприязненной полемики против провозглашенного Чулковым мистического анархизма вкупе с его главным вдохновителем. Ожесточенную критику в свой адрес со стороны В.Я. Брюсова, З.Н. Гиппиус, А. Белого, Эллиса и др.⁹ Чулков в своем «некрологе “Весов”» назвал литературной «истерикой» (Аполлон. 1910. № 7. С. 15). Во многом в ответ на развязанную «Весами» кампанию была написана «дьявольски ядовитая»¹⁰ рецензия Чулкова на книгу Брюсова «Земная ось» (Перевал. 1907. № 4. С. 64–65). В том же русле — статья «Фауст и Мелкий бес» об «Огненном ангеле» Брюсова (Речь. 1908, 8 дек. С. 3).

В 1906 г. критик выпускает свою первую и наиболее шумевшую книгу — «О мистическом анархизме. Со вступительной статьей Вячеслава Иванова о неприятии мира» (СПб.: Кн-во «Факелы»), состоящую, помимо предисловия Иванова, из четырех программных глав-статей молодого автора. Полемика вокруг брошюры «О мистическом анархизме» бушевала более двух лет. Сам Чулков, приветствуя социальную революцию в России, в главе «На путях свободы» писал: «<...> под мистическим анархизмом я разумею учение о путях последнего освобождения, которое заключает в себе последнее утверждение личности в начале абсолютном»¹¹, а в главе «Об утверждении личности» добавлял: «Утверждение мистической личности возможно лишь в общественности»¹². Итак, новое учение должно было соединить индивидуализм и революционную общественность в религиозно-мистической соборности. После

⁸ См.: Чулков Г.И. Оправдание символизма // Чулков Г.И. Валтасарово царство. С. 422.

⁹ Подробнее см.: Летопись литературных событий в России конца XIX — начала XX в. (1891 — октябрь 1917). Вып. 2. Ч. 2: 1907–1907. М., 2009. С. 192; Лавров А.В. Русские символисты: этюды и разыскания. М., 2007. С. 12–142 (гл. «Брюсов и Эллис»).

¹⁰ Из письма С. Кречетова (С.А. Соколова) к Г.И. Чулкову от 5 февр. 1907 г. (Лит. наследство. Т. 92. Кн. 3. М., 1982. С. 269).

¹¹ Чулков Г.И. Валтасарово царство. С. 343.

¹² Там же. С. 356.

выяснения своего мировоззренческого кредо Чулков перешел к конкретным литературным источниками своего учения — Ф.М. Достоевскому (глава «Достоевский и революция») и Вл. Соловьеву (глава «О софианстве»), отделяя в их творчестве «зерна от плевел» исходя из собственных критериев: Достоевский приветствовался за «неприятие мира» в лице Ивана Карамазова и осуждался за неприятие революции в «Бесах» и «Дневнике писателя»; в поэзии Соловьева дорого «религиозное творчество», но неприемлема склонность к «монашескому» аскетизму. В последней главе книги — «Об утверждении личности» — автор самоопределялся в контексте русского модернизма: «Мистический анархизм не противопоставляет себя декадентству как *литературной* школе, но он должен и может противопоставлять себя декадентству как *психологическому факту*»¹³. Важно также, что «<...> мистический анархизм не есть цельное мирозерцание, замкнутое в себе: он является лишь путем к религиозному действию <...>»¹⁴.

На обозначенной идейно-эстетической платформе в том же 1906 г. Чулков создал кружок «Факелы», к которому первоначально примкнули Вяч. Иванов, Л.Д. Зиновьева-Аннибал, А.М. Ремизов, Блок, С.М. Городецкий, К. Эрберг [К.А. Сюннерберг] и др., из художников К.А. Сомов, Е.Е. Лансере¹⁵. В течение 1906–1908 гг. ему удалось издать три выпуска «мистико-анархически окрашенного»¹⁶ альманаха «Факелы». В них приняли участие писатели и мыслители разных литературных направлений и установок: Белый, Блок, Брюсов, Вяч. Иванов, Сологуб, Ремизов, Леонид Андреев, Бунин, С.Н. Сергеев-Ценский, Б.К. Зайцев, А.А. Мейер, Л. Шестов и др. «Таким образом, теория Г.И. Чулкова <...> претендовала как на общественный, так и на философско-эстетический и собственно литературный статус»¹⁷. В связи с выходом чулковских альманахов полемика вокруг мистического анархизма разгорелась сильнее; «Весам» в этом вопросе во многом противостояли другие символистские журналы — «Золотое руно» (с усилением там влияния Г.Э. Тастевена в 1907 г.) и «Перевал»¹⁸.

¹³ Там же. С. 356.

¹⁴ Там же. С. 358.

¹⁵ См.: *Шруба М.* Мистические анархисты // Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 гг.: Словарь. М., 2004. С. 121.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Рампаццо К.* Философско-эстетические грани мистического анархизма (Г.И. Чулков и Вяч. Иванов) // Соловьевские исследования. 2013. № 4 (40). С. 188.

¹⁸ Подробнее см.: Летопись литературных событий в России конца XIX — начала XX в. (1891 — октябрь 1917). Вып. 2. Ч. 2: 1907–1907. М., 2009. С. 156–159, 318; *Лавров А.В.* Русские символисты: этюды и разыскания. С. 457–485, 486–498 (гл «Золотое руно», «Перевал»); *Шруба М.* Мистические анархисты. С. 121–123.

В соответствии с культурным универсализмом эпохи, помимо отечественных «пророков» Достоевского и Вл. Соловьёва, Чулков в качестве предшественников и соратников своего учения отметил в книге «О мистическом анархизме» Ф. Ницше и Г. Ибсена. Развитием этой параллели стала брошюра «Анархические идеи в драмах Ибсена» (1907), в которой, по мнению современника, сам Ибсен, служа «случайным материалом» для демонстрации идей мистического анархизма, как бы «ускользает от изображения <...>»¹⁹.

Еще в книге «О мистическом анархизме» Чулков призвал «обратиться к Земле, к “новому реализму”, отказавшись от безличной любви, также как от выдуманного штирнеровского эгоизма»²⁰; вскоре в статье «Молодая поэзия» (Товарищ. 1907, 5 авг.) он прямо заявил, что «на смену “уединенному символизму” и “декадентскому эстетизму” пришло “новое литературное течение” — <...> “мистический реализм”, преемственный символизму в “декадентском” изводе, но, в отличие от него, обращенный навстречу реальному миру; при этом, по Чулкову, поэзия уходящего “декадентства” с наибольшей силой отразилась в творчестве Бальмонта и Сологуба, а новейшие эстетические тенденции — в творчестве Блока»²¹. Очевидно, что Чулков стал одним из первых глашатаев носившихся в воздухе идей, циркулировавших в те годы и в редакции «Вопросов жизни», и на ивановской «Башне», и в кружке «Факелов».

Именно концепция «мистического реализма» стала для Чулкова теоретической платформой для оценки творчества Зайцева в рецензии на сборник его рассказов 1906 г. (Перевал. 1907. № 4) и в статье «Оправдание Земли (“Аграфена”» (Слово. 1908, 4 мая).

В наиболее болезненную для Чулкова стадию дискуссия вокруг мистического анархизма вступила после публикации 16 июля 1907 г. в парижском журнале «Mercure de France» статьи Е.П. Семенова (С.М. Когана). «Ссылаясь на беседу с Чулковым, Семенов разделил современных русских поэтов на три группы — “декадентов”, “неохристианских романтиков” и “мистических анархистов”, причисляя к последним Блока, Городецкого, Иванова и Чулкова. Статья Семенова вызвала в кругу модернистов большое негодование <...>», сам Чулков и его сторонники (Блок, Вяч. Иванов) поспешили высказать публичный протест против их отождествления с мистическим

¹⁹ Яценко А. О книге Г. Чулкова «Анархические идеи в драмах Ибсена». СПб., 1907 [Рец.] // Перевал. 1907. № 4, февр. С. 66.

²⁰ Чулков Г.И. Валтасарово царство. С. 344.

²¹ Лавров А.В. Переписка Г.И. Чулкова с Блоком // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 4. М., 1987. С. 375.

анархизмом в изложении Семенова²². В оправдательной заметке «Мой ответ “Mercure de France”» Чулков указал на неточность приведенной Семеновым классификации, в которой смешаны мировоззренческий критерий и «метод <...> художественно-поэтических приемов». Из-за этого мистический анархизм ошибочно истолкован как «литературное течение, претендующее на значение литературной школы» (Перевал. 1907. № 10. С. 50–51).

Как особый жанр литературной критики представляют интерес составительские предисловия²³ Чулкова ко всем выпускам «Факелов». Так, третий альманах предварялся заявлением: «Полагая, что искусство само по себе является могучим орудием для борьбы с духом мещанства и косности, мы будем стремиться к тому, чтобы наши идейные цели раскрывались не в тенденциозности, а в свободном независимом творчестве» (с. 1). Здесь сформулирован принцип Чулкова-издателя, который будет актуален и для «Народоправства» в 1917–1918 гг.

Критическая продукция Чулкова 1906–1911 гг., напечатанная в модернистских журналах «Золотое руно», «Перевал» и «Аполлон», почти целиком вошла в книги статей «Покрывало Изиды» (1909) и «Сочинения. Т. 5. Статьи 1905–1911 гг.» (1911, 1912). Из не попавших в эти издания, помимо уже рассмотренных выше, стоит обратить внимание на рецензию на постановку блоковского «Балаганчика» в театре Комиссаржевской (Перевал. 1907. № 4) и статью памяти великой актрисы (Аполлон. 1910. № 6. С. 24), материалы о религиозно-философских собраниях (Перевал. 1907. № 8–9), а также на статью о Гоголе (Золотое Руно. 1909. № 2–3).

Доклад Блока «Народ и интеллигенция», прочитанный в Религиозно-философском обществе 14 ноября 1908 г., вызвал у Чулкова принципиальные возражения: никакого разлада не существует, на деле русская интеллигенция «органически» связана с народом, живет «у земли и с землей», а выдвинутую Блоком тему надо сформулировать по-другому — «Декадентство и народ». Декаденты оторваны от народа из-за «неумения преодолеть крайний индивидуализм», «найти путь к общественности» (Memento mori // Речь. 1908, 22 дек. С. 3). Спор с Блоком — теперь уже с докладом «Стихия и культура», прочитанным в РФО 30 декабря 1908 г., — продолжен Чулковым в статье «Лицом к лицу» (Золотое Руно. 1909. № 1. С. 107).

²² См.: Шруба М. Мистические анархисты. С. 122.

²³ См.: Михайлова М.В. Литературная критика: эволюция жанровых форм. С. 667.

К литературной критике на рубеже XIX–XX вв. можно отнести многие работы не только о современниках, но и о писателях-классиках: Пушкине, Гоголе, Лермонтове, Достоевском, не говоря уже о Л. Толстом, Вл. Соловьеве и Чехове, часть жизни которых пришлась на Серебряный век²⁴. Так и в статье Чулкова «О Гоголе», написанной к 100-летию юбилею писателя, автор «Мертвых душ» оценивается в свете задач текущей литературы: если Гоголь-сатирик — «великое предостережение» нам, «карикатура на самые гнусные черты современности», то «Гоголь — богатырь и казак» — подлинный реалист и великий мастер художественной прозы, открывший «новые ритмические принципы» и достигший «<...> синтез[а] языка, искусно отстранив все стилистически маловажное и обобщив наиболее значительные словесные достижения» (Золотое Руно. 1909. № 2–3. С. 110–111). По такому же принципу построены и другие статьи Чулкова, обращенные к русским классикам: Пушкину, Тютчеву, Тургеневу, Достоевскому.

Книга критических статей является одним из наиболее репрезентативных жанров символистской критики²⁵, возникших «благодаря единству авторского замысла», который ее пронизывает²⁶. Поэтому «Покрывало Изиды» и остальные сборники Чулкова адекватно рассматривать в ряду сходных жанровых манифестаций И.Ф. Анненского, Д.С. Мережковского, К.Д. Бальмонта, Вяч.И. Иванова и мн. др. Культурный универсализм и стремление к синтезу искусств оказываются их общими чертами. Индивидуализированный характер носят, как правило, предисловия к критическим книгам, в которых внимание акцентируется на их основной мысли.

В отличие от первой книги Чулкова «О мистическом анархизме», «Покрывало Изиды» (1909) имеет подзаголовок «Критические очерки» и авторское предисловие, в котором указывается цель каждой из трех ее частей: проследить в современной русской литературе «кризис символизма»; поместить его в более широкий литературный контекст, прежде всего реалистический, причем как современный, так и историко-литературный; расширить собственно литературную сферу — театральную. Таким образом, в идейно-тематическом отношении книга построена по принципу расходящихся концентрических кругов. В композиционном плане «Покрывало Изиды» — наиболее

²⁴ См.: Там же. С. 649–651 и др.

²⁵ См.: *Крылов В.Н.* Структурные особенности литературно-критических статей Серебряного века // Крылов В.Н. Теория и история русской литературной критики: Учебное пособие. Казань, 2011. С. 93.

²⁶ См.: *Михайлова М.В.* Литературная критика: эволюция жанровых форм. С. 671.

продуманная из всех критических книг Чулкова. Большую часть предисловия занимает развернутая цитата из не попавшей в книгу статьи Чулкова «Молодая поэзия», раскрывающей эволюцию от «эстетического» и «идеалистического» символизма (декадентства) к символизму как «мистическому реализму» (с. 9–10).

По сравнению с «Покрывалом Изиды», в следующий свой сборник критических статей «Сочинения. Т. 5. Статьи 1905–1911 гг.» (1911, 1912) Чулков включил всего шесть новых работ: две — об И.Ф. Анненском, одну — о Вл. Соловьеве, одну — о театре, две — о французской литературе (П. Верлене и Ж. Ромене). Тематически книга выдержана в том же духе, но композиционно построена по-другому — без обозначения разделов. Логику расположения статей-глав уловить трудно, хронология также не соблюдена. Тем не менее в предисловии, несмотря на отсутствие «внешней цельности в этом собрании статей», высказана мысль о его «внутреннем единстве»: в этих «очерках» излагается «эстетическое кредо» автора (с. 1).

В 1910-е гг., помимо «Аполлона», Чулков-критик печатался в журналах «Новая жизнь», «Жатва», «Голос Жизни», «Заветы», «Современник», «Русская мысль», газетах «Речь», «День», «Утро России», где размещал как проблемные статьи, так и рецензии на произведения современных авторов: А. Толстого, А. Ахматовой, Е. Кузьминой-Караваевой, М. Зенкевича, В. Ходасевича и др. Так, в «Жатве» опубликована сочувственная рецензия на дебютный поэтический сборник Ахматовой «Вечер», в котором усмотрены близкие Чулкову идейно-эстетические тенденции: «Отсутствие метафор, строгость в выборе слов, своеобразный ритм, смелое и решительное отношение к рифме, <...> образы, простые сами по себе, возникают перед нами в таком сочетании, которое делает их загадочными с точки зрения обыденной психологии и *символическими* с точки зрения художника» (1912. Лето (№ 3). С. 275–276). В «Современнике» — рецензия на «Счастливый домик» Ходасевича, где вторая книга стихов молодого поэта положительно оценена во многом за те же качества (1914. Кн. 7, апр. С. 122–123).

Журнал «Голос жизни», вышедший в Петрограде в 1914–1915 гг., «стал ярким феноменом русской периодики эпохи Первой мировой войны» во многом благодаря своей «многоголосой полемичности» на фоне «многих других изданий, волею суровой эпохи влекущихся к монохромной, “партийной” идеологии»²⁷. В самом деле, активное

²⁷ Козьменко М.В. Полузабытый «Голос жизни» — «пораженческий» еженедельник // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. Исследования и материалы. М., 2013. С. 476, 486.

присутствие здесь «пораженчески» настроенного «тройственного союза» (Мережковский–Гиппиус–Философов) не помешало ряду публикаций «патриота» Чулкова, «недруга Мережковских в эпоху “Весов” и “Золотого руна”»²⁸. Именно в «Голосе жизни» впервые опубликована его программная статья «Оправдание символизма» (1915. №№ 24–25, 10, 17 июня. С. 13–17, 7–12), а также не вошедшие в книги критических статей заметки под рубрикой «Письма со стороны» (1915. №№ 17–20, 23).

«Оправдание символизма», появившееся в период расцвета постсимволистских течений, вновь обращается к проблеме двойственности этого литературного направления: «символизм как школа» и «символизм как мироотношение», — утверждая «преходящий» характер первой как «одного из этапов литературной эволюции» и «всемирную» «древность» второго: «На путях такого символизма — Софокл, Данте, Ибсен...», а также Гете, Достоевский, Вл. Соловьев²⁹. В противовес прежнему «панэстетизму», Чулков открыто провозглашает служебную роль этого искусства по отношению к религии: «...для художника вовсе не унизительно признать себя покорным вассалом общей вселенской правды и сделать себя орудием мудрой воли»³⁰. В годину нападков на символизм Чулков утверждает его непреходящую ценность: «Я разумею под символом *ознаменование таких переживаний, которые открывают ряд мистических потенций, восходящих к абсолюту*»³¹, а также выясняет сущность его критики со стороны постсимволистских течений — акмеизма и футуризма.

В «Письмах со стороны» Чулков пытается уловить культурные тенденции текущего момента и дать им оценку со своих идейно-эстетических позиций. В них говорится о постановке Пушкина в Художественном театре с декорациями А.Н. Бенуа, о «распоясавшейся <...> провинции» в лице М.П. Арцыбашева и Ю.Л. Слезкина, о новом романе М.А. Кузмина «Плавающие-путешествующие», характеризуется постановка В.Э. Мейерхольдом в Александринском театре пьесы З.Н. Гиппиус «Зеленое кольцо», поднимается волнующая критика тема соотношения «формотворчества»³² и «значительности»³³

²⁸ Там же. С. 485.

²⁹ Чулков Г.И. Оправдание символизма // Чулков Г.И. Валтасарово царство. С. 422–423, 425.

³⁰ Там же. С. 423.

³¹ Там же. С. 424.

³² Название статьи С.М. Городецкого (Золотое руно. 1909. № 10. С. 52–58), анализирующей тенденцию к формализму в современной русской поэзии.

³³ Чулков Г.И. Оправдание символизма. С. 424.

поэтических переживаний, приводится полемика с С.И. Гессеном по вопросу о национализме, актуальном в годы мировой войны, и проч.

Четвертая книга критических статей Чулкова «Вчера и сегодня» (1916) собрала в себя работы, написанные за последние пять лет, часть которых пришлось на Первую мировую войну. Как и предыдущие, книга совмещает литературную, художественную и театральную критику, статьи о русских и западноевропейских писателях. Последние оцениваются в свете отмеченного еще С.Н. Булгаковым, Н.А. Бердяевым и Вяч.И. Ивановым кризиса европейского гуманизма. Отличие новой книги от прежних в том, что в ней «автор решил объединить <...> очерки критические, психологические и публицистические, потому что <...> корни у них общие». Так появились глава «Самоубийцы» и автобиографическая публицистика на военные темы. Новая книга, как указано в авторском предисловии к ней, «сборник заметок, объединенных единством мироотношения». Эссеистичность выражается и в том, что Чулков «<...> не претендует на всестороннее освещение затронутых им вопросов» (с. 1).

Из литературно-критического блока в книге «Вчера и сегодня» перепечатаны упомянутые выше статьи о «Весах» и «Оправдание символизма». Современной русской литературе также посвящены статьи «Проклятая десятина» (о прозе А.Н. Толстого), «Глухие выстрелы» (о драматургии Л.Н. Андреева и Ф. Сологуба), «Болящий дух» (об эссеистике Д.С. Мережковского), «Поэт» (панегирик поэтической книге Вяч.И. Иванова «Cor Ardens»), «Закатный звон» (о «Тихих песнях» И.Ф. Анненского), «Книга Эрберга» (полемика с «иннормизмом» ее автора).

В том же 1916 г. Чулков выпустил в свет критико-философскую «беседу о современных событиях» «Судьба России» в виде диалога между Путешественником, Профессором, Поэтом, Москвичом, Анонимом. В предисловии «От автора» Чулков ясно обозначил свою общественно-мировоззренческую позицию: мы «не только патриоты, мы христиане». В докладе Путешественника выясняется наличие для России «третьего пути», который осветили «костры мировой войны» (с. 16): национальная самобытность страны не в самодержавии и православии, а в ее художественных гениях, в первую очередь Достоевском и Вл. Соловьеве, вслед за которыми мы должны «подчинить судьбу России богочеловеческим целям» (с. 33). В ответах слушателям Путешественник высказывает свое кредо: приверженность софиологии Вл. Соловьева и мифотворчеству Вяч. Иванова, идее Богочеловечества и мистическому анархизму, который «никогда не претендовал на значение цельного мировоззрения»,

а «выражал собою одну из христианских идей, преданных забвению в официальной церкви, — идею “любви дерзающей”, о которой напомнил мудрый поэт³⁴» (с. 45).

Издававшийся Чулковым в 1917–1918 гг. в Москве независимый либерально-патриотический еженедельник «Народоправство», сочетавший великодержавный патриотизм со стремлением к правовой культуре и западноевропейским демократическим нормам, собрал под своей обложкой крупные литературные и культурные силы: помимо самого Чулкова, его авторами стали Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, В.В. Зеньковский, Вяч.И. Иванов, А.М. Ремизов, Б.К. Зайцев, А.Н. Толстой, М.М. Пришвин, В.Ф. Ходасевич, С.М. Соловьев, И.Г. Эренбург, И.А. Новиков, В.Н. Муравьев, С.С. Кондурушкин и др.

Главным основанием неиссякаемой веры в Россию, в революционные месяцы все больше сползавшую в хаос и разруху, была для Чулкова русская культура, давшая «Ломоносова и Лобачевского, Пушкина и Достоевского, А<лександра> Иванова и Врубеля, Глинку и Мусоргского, Вл<адимира> Соловьева» (1917. № 13, 23 окт. С. 14), и ее сердце — великая русская литература, чьи имена, идеи и образы буквально пронизывают страницы чулковского издания³⁵.

Критик представляет современных ему русских писателей в широком идейно-эстетическом диапазоне — от Горького до Блока и Вяч. Иванова. Неоднократные обращения к фигуре Горького происходят, как правило, в негативном ключе, что неудивительно при разности платформ обоих писателей. Статья «Самоопределение России и Максим Горький. Письма со стороны. II» (1917. № 8, 1 сент.) посвящена принципиальной полемике с вышедшей в марте 1917 г. книгой Горького «Статьи 1905–1916 гг.» по вопросам о Первой мировой войне, о еврейском влиянии в России, о религии и др.

Ряд статей в «Народоправстве» Чулков посвятил писателям-модернистам в революционные дни. В частности, он писал о кабаре «Бродячая собака» в Петрограде, где поэты, актеры, художники спасались от «всероссийского потопа», как Ной в ковчеге. Праведны ли они, подобно Ною? — задавался вопросом автор. Метаморфоза бывшего декадента-черносотенца (предположительно М.А. Кузмина) в революционера-большевика свидетельствует, по мнению Чул-

³⁴ См.: *Иванов Вяч.* Спорады. VII. О любви дерзающей // Иванов Вяч. Родное и вселенское. М., 1994. С. 87–90.

³⁵ Подробнее см.: *Богданова О.А.* Идеи и образы русской литературы в революционной публицистике журнала «Народоправство» (1917–1918 гг.) // Литературный факт. 2018. № 8. С. 219–245.

кова, о полной социальной безответственности (1917. № 12, 16 окт. С. 8–9).

Напротив, приверженец «реалистического символизма» Вяч. Иванов в только что вышедшей книге «Родное и вселенское» (1918, опуб. в конце 1917 г.) остается «верен себе»: революционные события не изменили его мировоззрения — «мистического анархизма» с идеей «неприятя мира», который он проповедовал 12 лет назад (1918. № 23–24, 1 февр. С. 14–15).

В последнем номере своего журнала Чулков обратился к недавнему периоду русской литературы, который он обобщенно назвал декадентством, вспомнив о своем сотрудничестве в журналах «Новый путь» и «Вопросы жизни», встречах с Мережковским и писателями его круга, о революционных идеях в среде декадентства. Исходя из исторического опыта 1917 г. его оценка неоднозначна, но в целом высока: «Декаденты — подлинные наследники Гоголя, Лермонтова и Тютчева». В то же время, заметил Чулков, отрицательные «черты декадентства» как жизненной позиции (социальная атомизация, отказ от общей системы ценностей, нравственных норм и святынь) появились теперь во всем русском обществе, приводя к трагическим последствиям (Красный призрак. 1918. № 23–24, 1 февр. С. 13–14).

Статья «Красный призрак» с вышеупомянутым хвалебным отзывом о книге Вяч. Иванова «Родное и вселенское», по сути дела, является критической параллелью — одновременно здесь полемически разобрана свежее опубликованная статья Блока «Интеллигенция и революция» (Знамя труда. 1918, 19 янв.), в которой «изысканный лирик» Блок проявил, по мнению Чулкова, «полное непонимание революции» и приверженность «мутному хаосу, торжествующему сейчас на равнинах обманутой России». В другой своей статье — «Начало или конец?» — из того же номера журнала Чулков повторил сделанный против Блока выпад: «углубления» революции, как воображают большевики и вслед за ними «лирически настроенный интеллигент» Блок, на деле нет. А есть практически полное подчинение России германскому милитаризму (1918. № 23–24, 1 февр. С. 30).

Идейная линия закрытого в феврале 1918 г. «Народоправства» продолжена в статье Чулкова «Достоевский и судьба России» (1918): возможность «духовного самоопределения» родины неразрывно связана с судьбой Достоевского как человека и писателя, которую поэтому необходимо изучать и переоценивать.

Вступая в новую, советскую, эпоху, Чулков подытожил свой критико-эстетический путь в книге статей «Наши спутники» (1922). Преемственно и одновременно полемично само ее название, от-

сылающее к знаменитой серии Мережковского периода русского декадентства³⁶. Наследуя эссеистичность и культурный универсализм одного из основателей русского символизма, Чулков при этом, в отличие от автора «Вечных спутников», говорит только о своих современниках, поэтах и художниках первых десятилетий XX в. Не всеисторический охват, а отзывчивость на духовные запросы окружающих, — критерий выбора Чулкова: поэтому «вечные» спутники уступают место «нашим»: «Ремизов, Алексей Толстой, Федор Сологуб, Мережковский, Вячеслав Иванов, Анна Ахматова, Метерлинк, Эмиль Верхарн, Ромен Роллан, Сесиль Соваж — вот поэты, чьи мысли и предчувствия, верования и заблуждения волнуют нас, как волнует нас наша собственная судьба», — сказано в авторском предисловии к книге. Единство ей придает не только личность самого критика, но и отчетливый эстетический вектор — «истолкование той <...> теории, которую принято называть символизмом» (с. 1).

Большинство статей на темы современной русской литературы в «Наших спутниках» перепечатаны из предыдущих изданий; впервые опубликованы всего три статьи-главы: «Сны в подполье» (о творчестве А.М. Ремизова), «Анна Ахматова» (к прежним отзывам добавлен развернутый анализ поэмы «У самого моря») и «Памяти Александра Блока» (с акцентом на пророческо-апокалипсической соловьевской теме).

Как видим, творческий путь Чулкова-критика был на удивление цельным. Сложившись в общих чертах уже в 1905 г., в бытность работы писателя в «Вопросах жизни», его литературно-критическое лицо только резче оформлялось, уточнялось и дополнялось некоторыми чертами вплоть до эпохи «Народоправства» и книги статей «Наши спутники». Идеино-эстетические союзники молодых лет: Вяч. Иванов, Бердяев, Зайцев и др. — прошли с Чулковым рука об руку до начала 1920-х гг., времени своей эмиграции. «Реалистический символизм» и «мистический реализм», любовь к земле, «религиозная общественность» и христианский патриотизм, Достоевский и Вл. Соловьев как духовные маяки — вот главные и в целом неизменные мировоззренческие опоры Чулкова, ставшие критерием его литературно-критических суждений и оценок. Культурный универсализм и субъективно-эссеистическое начало в критике он разделял практически со всеми современниками Серебряного века, используя

³⁶ «Вечные спутники» — серия (1888–1896), а затем книга (1897) очерков Д.С. Мережковского о значимых для него деятелях мировой культуры (Кальдероне, Сервантесе, Гете, Монтене, Флобере, Ибсене, Достоевском, Тургеневе, Пушкине и др.) с одновременно субъективным и универсальным критерием их отбора и сознательной мифологизацией их образов.

расширившуюся в эту эпоху жанровую палитру. Чулков-критик сыграл значительную роль в символистском и постсимволистском движении в России, редактируя такие ключевые издания своего времени, как «Новый путь», «Вопросы жизни», «Факелы», «Народоправство», а также являясь одной из центральных фигур в полемике о мистическом анархизме в 1906–1908 гг. и о судьбах символизма в 1909–1915 гг.

Библиография³⁷

- Мещане и академия // Нижегородский листок. 1903. № 61, 4 марта. С. 2.
Слово // Нижегородский листок. 1903. № 168, 23 июня. С. 3.
О Яне Гусе // Нижегородский листок. 1903. № 171, 26 июня. С. 3.
Наши журналы // Нижегородский листок. 1903. № 301, 3 нояб. С. 2.
Б.п. О лекции г. Касперовича // Нижегородский листок. 1903. № 308, 10 нояб. С. 3.
По поводу лекции г. Касперовича // Нижегородский листок. 1903. № 309, 11 нояб. С. 3.
Наши журналы // Нижегородский листок. 1904. № 2, 3 янв. С. 2.
Ж. Роденбах. Мертвый Брюгге. М., 1904. Прялка туманов. Изд. 2-е. М., 1904 (Литературная хроника)³⁸ // Новый путь. 1904. № 4. С. 223–225.
Примечание к словам Антона Крайнего о Чехове (Литературная хроника) // Новый путь. 1904. № 5. С. 268.
Сборник товарищества «Знание» за 1903 г. Книга 1-я (Литературная хроника) // Новый путь. 1904. № 6. С. 217–222.
О культурном строительстве (Политическая хроника) // Новый путь. 1904. № 6. С. 223–225.
Антон Павлович Чехов // Новый путь. 1904. № 7. С. 191–195.
Вопросы жизни и «Правда» (Литературная хроника) // Новый путь. 1904. № 7. С. 237–243.
Светлеют дали // Весы. 1904. № 3. С. 13–16.
Третий сборник товарищества «Знание» (Библиография) // Вопросы жизни. 1905. № 1. С. 304–305.

---

³⁷ Первые журнальные публикации статей, вошедших в авторские сборники Г.И. Чулкова, см. в примечаниях при росписи содержания книг Чулкова «О мистическом анархизме» (1906), «Покрывало Изиды» (1909), «Сочинения. Т. 5. Статьи 1905–1911 гг.» (1911, 1912), «Вчера и сегодня» (1916), «Наши спутники» (1922). Из первоначальных газетно-журнальных публикаций указаны только статьи, в них *не* вошедшие. Курсивом обозначены повторяющиеся в книгах Г.И. Чулкова статьи. Критик подписывал свои публикации как полным именем, так и усеченным, а также псевдонимами: Г. Ч-овъ, Г.Ч., Ч., Борис Кремнев, Б. Кремнев, Б.К.

³⁸ Здесь и далее в библиографии в круглых скобках даны названия журнальных отделов, в которых появлялись публикации Г.И. Чулкова.

О. Уайльд. Баллада Радингской тюрьмы (Литературные заметки) // Вопросы жизни. 1905. № 2. С. 309–311.

Эллис. Иммертели. Пер. Бодлера, Верлена, Метерлинка и др. поэтов. М., 1904 (Литературные заметки) // Вопросы жизни. 1905. № 2. С. 312–315.

Альманах «Гриф». М., 1905 (Литературные заметки) // Вопросы жизни. 1905. № 2. С. 315–318.

Кнут Гамсун. Полное собрание сочинений. I–III т. (Литературные заметки) // Вопросы жизни. 1905. № 2. С. 320–321.

Четвертый сборник «Знания» (Литературные заметки) // Вопросы жизни. 1905. № 3. С. 289–290.

E. Verhaeren. “Les Heures d’Apres-Midi”. Брюссель, 1905 (Литературные заметки) // Вопросы жизни. 1905. № 3. С. 294–295.

Поэзия Владимира Соловьева // Вопросы жизни. 1905. № 4–5. С. 101–117.

Петер Альтенберг. Эскизы / Пер. А. и Е. Герцык. М., 1904 (Хроника искусства и литературы) // Вопросы жизни. 1905. № 4–5. С. 209–211.

Александр Добролюбов. Из книги невидимой. М., 1905. Александр Добролюбов. Собрание стихов (1895–1898). М., 1900 (Хроника культурной жизни) // Вопросы жизни. 1905. № 6. С. 248–258.

«Северные цветы — Ассирийские». Альманах IV кн-ва «Скорпион». «Северные цветы» за 1901, 1902 и 1903. Альманах кн-ва «Скорпион». М., 1903 (Хроника культурной жизни) // Вопросы жизни. 1905. № 6. С. 248–258.

Л. Зиновьева-Аннибал. Кольца (Хроника культурной жизни) // Вопросы жизни. 1905. № 6. С. 258–259.

А.К. Стихотворения. СПб., 1905 (Хроника культурной жизни) // Вопросы жизни. 1905. № 6. С. 259–260.

Осип Дымов. Солнцеворот. Проза. СПб., 1905 (Хроника культурной жизни) // Вопросы жизни. 1905. № 6. С. 260–262.

С.А. Ан-ский. Рассказы. Т. 1. СПб., 1901 (Хроника культурной жизни) // Вопросы жизни. 1905. № 6. С. 262.

О мистическом анархизме (Из частной переписки) // Вопросы жизни. 1905. № 7. С. 199–204.

Критические заметки («Русское богатство» — июнь; «Мир Божий» — июнь; «Русский вестник» — июль; «Образование» — июнь; «Весь» — июнь) // Вопросы жизни. 1905. № 8. С. 207–217.

Театр-студия (Хроника культурной жизни) // Вопросы жизни. 1905. № 9. С. 245–250.

Публицистические заметки. Накануне // Вопросы жизни. 1905. № 9. С. 409–413. От редакции // Вопросы жизни. 1905. № 10–11. С. 395.

О мистическом анархизме. Со вступит. статьей Вяч. Иванова «О неприятии мира». СПб.: Факелы, 1906. (Содержание: На путях свободы, Достоевский и революция, О софианстве, Об утверждении личности).

Анархические идеи в драмах Ибсена. СПб.: Шиповник, 1907.

Предисловие // Факелы: Альманах / Ред.-изд. Г.И. Чулков. Кн. 1. СПб.: Кн-во Д.К. Тихомирова, 1906. С. 1.

От редакции // Факелы: Альманах / Ред.-изд. Г.И. Чулков. Кн. 2. СПб.: Кн-во Д.К. Тихомирова, 1907. С. 1.

Предисловие // Факелы: Альманах / Ред.-изд. Г.И. Чулков. Кн. 3. СПб.: Кн-во Д.К. Тихомирова, 1908. С. 1.

«Балаганчик». По поводу постановки пьесы Блока в театре В.Ф. Коммиссаржевской // Перевал. 1907. № 4. С. 51–53.

Валерий Брюсов. «Земная ось». Рассказы и драматические сцены. М., Скорпион, 1907 (Библиография) // Перевал. 1907. № 4. С. 64–65.

Б. Зайцев. Рассказы. СПб., Шиповник, 1906 (Библиография) // Перевал. 1907. № 4. С. 65–66.

Религиозно-философское собрание (Из жизни) // Перевал. 1907. № 8–9. С. 93–94.

Мой ответ “Mercure de France” // Перевал. 1907. № 10. С. 50–51.

Молодая поэзия // Товарищ. 1907, 5 авг.

Памяти Л.Д. Зиновьевой-Аннибал // Товарищ. 1907, 21 окт.

Фауст и Мелкий бес // Речь. 1908. № 301, 8 дек.

Memento mori // Речь. 1908. № 315, 22 дек. (4 янв. 1909).

Лицом к лицу // Золотое Руно. 1909. № 1. С. 105–108.

О Гоголе // Золотое Руно. 1909. № 2–3. С. 108–112.

Москва и Демон // Золотое Руно. 1909. № 6. С. 71–74.

О лирической трагедии // Золотое Руно. 1909. № 11–12. С. 51–55.

Покрывало Изиды. Критические очерки. М.: Тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1909. (Содержание: Предисловие. Первая часть: Покрывало Изиды³⁹, Лилия и Роза⁴⁰, Ф.И. Тютчев, Дымный ладан⁴¹, Исход⁴², Снежная Дева⁴³, Александр Добролюбов⁴⁴, Оправдание Земли⁴⁵, Около быта, Разоблаченная магия⁴⁶. Вторая часть: Умные стихи⁴⁷, Листопад, Казни⁴⁸, Правда Максима Горького⁴⁹, Памяти Чехова⁵⁰, Памяти Тургенева. Третья часть: Элеонора Дузе, Принципы театра будущего. Заключение.

Памяти В.Ф. Коммиссаржевской // Аполлон. 1910. № 6. С. 22–24.

А.Н. Толстой. Повести и рассказы. Кн. 1 // Новая жизнь. 1910. № 1, дек. С. 311–312.

Сочинения. Т. 5. Статьи 1905–1911 гг. СПб.: Шиповник, 1911 и 1912 (два издания). (Содержание: Предисловие. *О Тютчеве*⁵¹, *Памяти Тургенева*, *Дымный ладан*, *Исход*, *Снежная Дева*, *Оправдание Земли*, *Умные стихи*, *Листопад*, *Казни*, *Правда*

³⁹ Впервые: Золотое руно. 1908. № 5. С. 66–72.

⁴⁰ Впервые: Золотое руно. 1908. № 6. С. 51–54.

⁴¹ Перепеч.: О Федоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки. Сост. Анас. Чеботаревской. СПб.: Шиповник, 1911. С. 200–207.

⁴² Впервые: Золотое руно. 1908. № 7–9. С. 99–105.

⁴³ Впервые: Золотое руно. 1908. № 10. С. 51–54.

⁴⁴ Впервые: Вопросы жизни. 1905. № 6. С. 242–248.

⁴⁵ Впервые под названием «Оправдание Земли (“Аграфена”): Слово. 1908, 4 мая.

⁴⁶ Впервые: Золотое руно. 1908. № 1. С. 61–65.

⁴⁷ Впервые: Слово. 1908, 25 июля.

⁴⁸ Впервые: Слово. 1908, 18 мая.

⁴⁹ Впервые: Речь. 1908. 9 / 22 июля.

⁵⁰ Впервые под названием «А.П. Чехов»: Новый путь. 1904. № 7. С. 191–195.

⁵¹ Повтор статьи «Ф.И. Тютчев» из сб. «Покрывало Изиды» (1909). Здесь и далее курсивом обозначены повторяющиеся в книгах Г.И. Чулкова статьи.

Максима Горького, Кипарисовый ларец, Траурный эстетизм⁵², *Поэзия Владимира Соловьева*⁵³, *Покрывало Изиды, Лилия и Роза, О Достоевском*⁵⁴, *Генрих Ибсен*⁵⁵, Тайна любви⁵⁶, О лирической трагедии⁵⁷, *Элеонора Дузе*, О Верлене, Мировая скука.

Анна Ахматова. Вечер. Стихи. Цех поэтов. СПб., 1912 // Жатва. 1912. Кн. 3. С. 275–277.

Е.Ю. Кузьмина-Караваева. Скифские черепки. СПб., 1912. М. Зенкевич. Дикая порфира. СПб., 1912. // Утро России. 1912, 14 апр.

Символисты о символистах. Федор Сологуб, Георгий Чулков, Вячеслав Иванов // Заветы. 1914. № 2. Отд. II. С. 71–84 (Речь Чулкова: с. 77–80).

В.Ф. Ходасевич. Счастливый домик. Вторая книга стихов. Альциона. М., 1914 (Новые книги) // Современник. 1914. Кн. 7, апр. С. 122–123.

Письма со стороны. I (Вести и мнения) // Голос Жизни. 1915. № 17, 22 апр. С. 19.

Письма со стороны. II (Вести и мнения) // Голос Жизни. 1915. № 18, 29 апр. С. 19–20.

Письма со стороны. III (Вести и мнения) // Голос Жизни. 1915. № 19, 6 мая. С. 18–19.

Письма со стороны. IV (Вести и мнения) // Голос Жизни. 1915. № 20, 15 мая. С. 17–18.

Письма со стороны. V (Вести и мнения) // Голос Жизни. 1915. № 23, 3 июня. С. 19–20.

Г.Э. Тастевен. Некролог // Речь. 1915, 9 июля.

Памяти Г.Э. Тастевена (В России и за границей. Обзоры и заметки. II. Литература и искусство) // Русская мысль. 1915. № 7. С. 17–19.

Вчера и сегодня. Очерки. М.: Северные дни, 1916. (Содержание: Предисловие. Демоны и современность⁵⁸, Метерлинк, Мертвые зори, Памяти Врубеля, Славяне и Пушкин, Проклятая десятина⁵⁹, Глухие выстрелы, Самоубийцы, Болящий дух, Поэт⁶⁰, Закатный звон⁶¹, «Весь»⁶², Книга Эрберга⁶³, Маринетти, Оправдание символизма⁶⁴, Письма из Парижа, От Женевы до Софии, Болгары, Всадники.

Судьба России: Беседа о современных событиях. Пг.: Корабль, 1916.

Вчера и сегодня. Листки из дневника // Народопрямство. 1917. № 6, 9 авг. С. 4–6.

⁵² Впервые: Аполлон. 1910. № 4. Хроника. С. 9–10.

⁵³ Повтор с незначительными вариациями статьи «О софианстве» из сб. «О мистическом анархизме» (1906). Впервые: Вопросы жизни. 1905. № 4–5. С. 101–117.

⁵⁴ Повтор с незначительными вариациями статьи «Достоевский и революция» из сб. «О мистическом анархизме» (1906).

⁵⁵ Повтор брошюры «Анархические идеи в драмах Ибсена» (1907).

⁵⁶ Впервые: Факелы. Кн. 2. СПб.: Изд. Д.К. Тихомирова, 1907. С. 1–26.

⁵⁷ Впервые: Золотое руно. 1909. № 11–12. С. 51–55.

⁵⁸ Впервые под названием «Демоны и современность (Мысли о французской живописи)»: Аполлон. 1914. № 1–2. С. 64–75.

⁵⁹ Впервые: Отклики. № 6. Приложение к газете «День» (1914. № 43).

⁶⁰ Впервые под названием «Поэт-кормщик (Вяч. Иванов. Cog Ardens. Ч. 1)»: Аполлон. 1911. № 10. С. 62–64.

⁶¹ Впервые: Отклики (Приложение к газ. «День»). 1914. № 9. С. 2–3.

⁶² Впервые: Аполлон. 1910. № 7. С. 15–20.

⁶³ Впервые под названием «Пустое небо»: Аполлон. 1913. № 10. С. 65–69.

⁶⁴ Впервые: Голос жизни. 1915. №№ 24–25. 10, 17 июня. С. 13–17, 7–12.

Самоопределение России и Максим Горький. Письма со стороны. II // Народо-
правство. 1917. № 8, 1 сент. С. 10–12.

Вчера и сегодня // Народоправство. 1917. № 12, 16 окт. С. 8–10.

Вчера и сегодня. Листки из дневника // Народоправство. 1917. № 15, 19 нояб.
С. 7–9.

Письмо со стороны // Народоправство. 1918. № 21–22, 21 янв. С. 9–11.

Красный призрак // Народоправство. 1918. № 23–24, 1 февр. С. 13–15.

Начало или конец? // Народоправство. 1918. № 23–24, 1 февр. С. 30–32.

Достоевский и судьба России // Огни: Литературный альманах. М., 1918.
С. 133–148.

Наши спутники. 1912–1922. М.: Изд-во Н.В. Васильева, 1922. (Содержание:
Предисловие. Сны в подполье, *Проклятая десятина*, *Глухие выстрелы*, *Зеленое
кольцо*⁶⁵, *Болящий дух*, *Поэт*, Анна Ахматова, Памяти Александра Блока, *Памяти
Врубеля*, *Оправдание символизма*, *Книга Эрберга*, *Демоны и современность*, *Метер-
линк*, *Мертвые зори*, Эмиль Верхарн, *Маринетти*, Нейтральный писатель.

Литература

Богданова О.А. Идеи и образы русской литературы в революционной публицистике
ж. «Народоправство» (1917–1918 гг.) // Литературный факт. 2018. № 8. С. 219–245.

Козьменко М.В. Полузабытый «Голос жизни» — «пораженческий» еженедельник // Русская
публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. Исследования и материалы.
М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 476–503.

Крылов В.Н. Лекция № 5. Структурные особенности литературно-критических статей Серебряного
века // Крылов В.Н. Теория и история русской литературной критики: учебное пособие. Казань, 2011.
С. 79–94.

Лавров А.В. Переписка Г.И. Чулкова с Блоком // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок:
новые материалы и исследования. В 4 кн. Кн. 4. М.: Наука, 1987. С. 370–422.

Лавров А.В. Русские символисты: этюды и разыскания. М.: Прогресс-Плеяда, 2007. 629 с.

Летопись литературных событий в России конца XIX — начала XX в. (1891 — октябрь 1917). Вып. 2.
Ч. 2. 1905–1907. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 472 с.

Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок: новые материалы и исследования. В 4 кн. Кн. 3. М.:
Наука, 1982. 860 с.

Михайлова М.В. Литературная критика: эволюция жанровых форм // Поэтика русской литературы
конца XIX — начала XX века. Динамика жанра: Общие проблемы. Проза. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 620–704.

Обатнин Г.В. Неопубликованные материалы Вяч. Иванова по поводу полемики о «мистическом
анархизме» // Лица: биографический альманах. Кн. 3. М.; СПб.: Феникс: Atheneum, 1993. С. 466–477.

Рампаццо К. Философско-эстетические грани мистического анархизма (Г.И. Чулков и Вяч. Иванов) //
Соловьевские исследования. 2013. № 4 (40). С. 186–193.

Чулков Г.И. Годы странствий / вступит. статья, сост., коммент. М.В. Михайловой. М.: Эллис-Лак, 1999.
861 с.

Чулков Г. Тайная свобода: стихотворения из неизданных книг (1920–1938) / сост., подгот. текста,
вступит. статья и коммент. М.В. Михайловой. М.: ПаЛЕАлиТ, 2003. 63 с.

⁶⁵ Впервые под заглавием «Письма со стороны. III»: Голос жизни. 1915. № 19,
6 мая. С. 18–19.

Чулков Г.И. Валтасарово царство / сост., автор вступит. статьи и коммент. М.В. Михайлова. М.: Республика, 1998. 607 с.

Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 гг.: словарь. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 440 с.

References

Bogdanova O.A. Idei i obrazy russkoi literatury v revoliutsionnoi publitsistike zh. “Narodopravstvo” (1917–1918 gg.) [Ideas and images of Russian literature in revolutionary journalism of the journal “Democracy” (1917–1918)]. *Literaturnyi fakt*, 2018, no. 8, pp. 219–245. (In Russ.)

Chulkov G.I. *Gody stranstvii* [Years of travel], intro., comp., comment. M.V. Mikhailova. Moscow, Ellis-Lak Publ., 1999. 861 p. (In Russ.)

Chulkov G. *Tainaia svoboda: stikhotvoreniia iz neizdannyykh knig (1920–1938)* [Secret freedom: poems from unpublished books (1920–1938)], comp., ed., intro., comment. M.V. Mikhailova. Moscow, PaLEAlIT Publ., 2003. 63 p. (In Russ.)

Chulkov G.I. *Valtasarovo tsarstvo* [Balthazar’s kingdom], comp., ed., intro., comment. M.V. Mikhailova. Moscow, Respublika Publ., 1998. 607 p. (In Russ.)

Koz'menko M.V. Poluzabytyi “Golos zhizni” — “porazhencheskii” ezhenedel'nik [The half-forgotten “Voice of life” — “defeatist” weekly]. *Russkaia publitsistika i periodika epokhi Pervoi mirovoi voiny: politika i poetika. Issledovaniia i materialy* [Russian journalism and periodicals of the First World War: politics and poetics. Research and materials]. Moscow, IWL RAS, 2013, pp. 476–503. (In Russ.)

Krylov V.N. Lektsiia № 5. Strukturnye osobennosti literaturno-kriticheskikh statei Serebriannogo veka [Lecture no. 5. Structural features of literary and critical articles of the Silver Age]. Krylov V.N. *Teoriia i istoriia russkoi literaturnoi kritiki: uchebnoe posobie* [Theory and history of Russian literary criticism: study guide]. Kazan, 2011, pp. 79–94. (In Russ.)

Lavrov A.V. Perepiska G.I. Chulkova s Blokom [Correspondence of G.I. Chulkov with Blok]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 92: Aleksandr Blok: novye materialy i issledovaniia* [Literary heritage. Vol. 92: Alexander Blok: New materials and studies], in 4 books. Book 4. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 370–422. (In Russ.)

Lavrov A.V. *Russkie simvolisty: etyudy i razyskaniia* [Russian symbolists: studies and discoveries]. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2007. 629 p. (In Russ.)

Letopis' literaturnykh sobytii v Rossii kontsa 19 — nachala 20 v. (1891 — oktiabr' 1917) [Chronicle of literary events in Russia of the late 19 — early 20 century (1891 — October 1917)], issue 2, part 2, 1905–1907. Moscow, IWL RAS, 2009. 472 p. (In Russ.)

Literaturnoe nasledstvo. T. 92. Aleksandr Blok: novye materialy i issledovaniia [Literary heritage. Vol. 92: Alexander Blok: new materials and studies], in 4 books. Book 3. Moscow, Nauka Publ., 1982. 860 p. (In Russ.)

Mikhailova M.V. Literaturnaia kritika: evoliutsiia zhanrovyykh form [Literary criticism: the evolution of genre forms]. *Poetika russkoi literatury kontsa 19 — nachala 20 veka. Dinamika zhanra: obshchie problemy. Proza* [Poetics of Russian literature of the late 19 — early 20 century. Dynamics of genre: General issues. Prose]. Moscow, IWL RAS, 2009, pp. 620–704. (In Russ.)

Obatin G.V. Neopublikovannyye materialy Viach. Ivanova po povodu polemiki o “misticheskom anarkhizme” [Unpublished materials of Vyach. Ivanov on the controversy about “mystical anarchism”]. *Litsa: biograficheskii al'manakh* [Faces: Biographical almanac], book 3. Moscow, Saint Petersburg, Feniks Publ., Atheneum Publ., 1993, pp. 466–477. (In Russ.)

Rampazzo K. Filosofsko-esteticheskie grani misticheskogo anarkhizma (G.I. Chulkov i Viach. Ivanov) [Philosophical and aesthetic facets of mystical anarchism (G.I. Chulkov and Vyach. Ivanov)]. *Solov'evskie issledovaniia*, 2013, no. 4 (40), pp. 186–193. (In Russ.)

Shruba M. *Literaturnye ob'edineniia Moskvy i Peterburga 1890–1917 gg.: slovar'* [Literary associations of Moscow and St. Petersburg 1890–1917: Dictionary]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 440 p. (In Russ.)

Bibliography of Georgy Chulkov's literary and critical works of 1903–1922

© 2020, Olga Bogdanova

Abstract: Bibliography of literary and critical works (books, articles, reviews, conversations, notes, “letters”, etc.) by Georgy Ivanovich Chulkov (1879–1939), compiled and published on these pages for the first time, gives an idea of the range of creative interests and the evolution of aesthetic views of one of the major literary and cultural figures of Russian Symbolism in the first two decades of the 20th century. Poet, translator, novelist, playwright, literary critic and journalist, publisher, and since the 1920s also a literary critic, who created serious scientific works about A.S. Pushkin, F.I. Tyutchev, F.M. Dostoevsky and other writers, and memoirist, author of valuable memoirs about the literary life of the Silver Age “Years of travel” (1930), Chulkov was also a sensitive theater and art critic, who collaborated with V.F. Komissarzhevskaya, V.E. Meyerhold, M.V. Dobuzhinsky, E.E. Lansere, Z.A. Serebryakova and others. Having linked his creative fate with such iconic magazines of the Silver Age as “Novyi put’”, “Voprosy zhizni”, “Zolotoe runo”, and then “Narodopravstvo”, whose editorial policy he influenced and in some cases determined, Chulkov often and regularly acted as a literary critic, ideologist of literary trends of “mystical anarchism” and “mystical realism”, a fighter for the social and national significance of contemporary literature. Chulkov's literary criticism is not only an important part of his creative legacy, but also an irreplaceable feature of the complex and diverse literary movement of the first two decades of the 20th century.

Keywords: Georgy Chulkov, literary criticism, bibliography, Silver Age, Symbolism, mystical anarchism, mystical realism.

Information about the author: Olga Bogdanova, Dr Hab in Philology, Leading Research Fellow, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: olgabogda@yandex.ru

Citation: Bogdanova Olga. Bibliography of Georgy Chulkov's literary and critical works of 1903–1922. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 2 (16), pp. 413–435. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-413-435

IN MEMORIAM

Безвременная кончина 20 марта 2020 года Олега Анатольевича Коростелева, замечательного ученого, первого главного редактора журнала «Литературный факт», потрясла его друзей и коллег, многие из которых (конечно, далеко не все!) в первые траурные дни успели в своих воспоминаниях рассказать, каким светлым человеком, великим тружеником науки, щедрым товарищем и наставником был Олег Анатольевич (см.: Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 477–519). Этот номер журнала редакция решила посвятить памяти О.А. Коростелева-ученого, представив материалы по основным темам и героям его научных работ и текущим крупным проектам: от «первой любви» — Г. Адамовича до исследования российской и эмигрантской журналистики XX века. Мы благодарны всем уважаемым коллегам, чьи замечательные публикации осуществили этот план. Конечно, и нескольких журнальных номеров было бы мало, чтобы охватить поистине необъятный круг тем и литературных имен, о которых писал, тексты которых печатал О.А. Мы уверены: его исследования долго не потеряют свой научный потенциал и творческий импульс, а начатые работы и проекты будут творчески продолжаться.

В последний год жизни О.А. Коростелев консультировал исследовательницу из Китая Ван Шиую, аспиранта Института иностранных языков Восточно-Китайского педагогического университета (ECNU, Шанхай, КНР), которая работает над диссертацией о литературной периодике русского Парижа. Этой зимой она в серии электронных писем взяла интервью у О.А., чтобы представить своим коллегам, интересующимся русской «эмигрантикой», одного из крупнейших мировых специалистов в этой области. Получив трагическое известие, Ван Шиую прислала сводный текст этого интервью в «Литературный факт». «Для меня он еще жив и где-то рядом в воспоминании и сердце. Сегодня, завтра и всю жизнь я буду помнить О.А.», — написала она. Нам кажется более чем уместным завершить мемориальный номер живым рассказом О.А. о себе и своей любимой работе.

Ван Шиюй

Интервью с Олегом Коростелевым

ВАН: Расскажите о вашей биографии, как вы начали научный путь в литературоведение? Почему именно с исследования литературы русского зарубежья? Из собственного интереса или по совету других?

ОК: Я родился в советскую эпоху в небольшом шахтерском городке на юге Западной Сибири, в Кузбассе. Очень рано, в четыре года, научился читать и всё детство провел за книгами, у родителей была большая библиотека. К тому времени, как стал студентом в Новосибирске, перечитал всё, что было можно, и заинтересовался тем, что было нельзя, — самиздатом и тамиздатом. Литература русского зарубежья была в то время неизведанным материком, о ней почти ничего не знали, поскольку с середины 1920-х годов она не пропусклась через границу и по сути была запрещенной в СССР. Тем более интересно было с ней знакомиться — запретное всегда притягивает. Позже, когда учился в Москве, на Высших литературных курсах, а потом в аспирантуре Литературного института, смог получить допуск в спецхран главной библиотеки страны, тогда она называлась Ленинской библиотекой, теперь РГБ. Там окончательно понял, что редкие попадавшие мне в руки эмигрантские издания — это капля в море, а русское зарубежье — огромный мир, чья литература и журналистика если не по количеству, то по качеству сопоставима с литературой метрополии или, по крайней мере, представляет собой важную часть русской литературы XX века, без которой ее нельзя понять во всей полноте.

Ну а с конца 1980-х годов литературу русского зарубежья стало можно по-настоящему изучать, писать о ней, переиздавать, чем мы с друзьями активно и занялись. Вот уже 30 лет этим занимаюсь, сперва в Литературном институте, потом в Доме русского зарубежья, теперь в Институте мировой литературы Российской академии наук (ИМЛИ РАН).

ВАН: По сравнению с литературой метрополии, какими особенностями обладает литература русского зарубежья? Китайские исследователи призвали заново написать в ближайшие годы историю русской литературы XX века, с тем чтобы добавить в нее и литературу русского зарубежья; каков ваш взгляд на это и какие советы в этой связи?

ОК: Русская литература XIX века считается первой в мире. Но намного ли уступает ей литература XX века? Главное отличие в том, что литература XIX века была единой, а в XX веке она оказалась разделен-

ной на два потока, которые на протяжении десятилетий существовали параллельно.

В 1920–1930-е годы русская эмиграция сознавала себя отдельным государством без территории, со своим самоуправлением, своим языком, своей литературой, отличной не только от иностранных литератур, но и от советской, прежде всего по духовным устремлениям, а отчасти и по языку.

В России в эпоху эйфории 1990-х почти всеобщим было убеждение, что вот-вот, еще год–два–три, — и все эмигранты будут изданы, искусственно отведенная в сторону зарубежная ветвь литературы вновь объединится с метрополией, появятся не только фундаментальные труды по истории эмиграции, но и обобщающие исследования всей истории XX века. Многие торопились, боялись не успеть отметить. Всё оказалось сложнее. Разработка единой истории двух ветвей литературы натолкнулась на серьезные препятствия. Очень быстро выяснилось, что литература русского зарубежья не вписывается в выработанные ранее концепции, эмигрантский литературный процесс совпадает с процессом в метрополии лишь отчасти, но во многом самостоятелен, поскольку развивался автономно и независимо. Эмигрантский материал сопротивляется традиционным методикам, не укладывается в привычные схемы, и даже периодизация не совпадает. Но главное, оказалось, что для общей истории попросту не хватает материала: литературный процесс и в метрополии-то был недостаточно изученным для масштабных сравнений, а зарубежье и вовсе осваивалось точечно, поэтому вразумительных обобщений не получалось. Со временем разговоры прекратились сами собой — задолго до того, как задача была выполнена хотя бы отчасти. Сама по себе идея верная, и рано или поздно это должно быть сделано, но пока что, как показала практика, стоит ограничиться отдельными частями этой программы, то есть создать прежде истории отдельных ветвей единого литературного процесса; может быть, после этого их удастся и объединить.

ВАН: Расскажите о состоянии исследования литературы русского зарубежья в сегодняшней России. В Китае начали исследование литературы русского зарубежья с начала нового столетия, мы уже достигли некоторых успехов. Например, изданы собрания сочинений русских эмигрантов в Китае, но еще недостаточно из-за множества причин. Что вы знаете о русской эмиграции в Китае?

ОК: В России изучением эмигрантской литературы занимаются всего тридцать лет, по сути, совсем немного. За это время кое-что было

сделано, переизданы произведения большинства ведущих авторов, выпущены первые хроники, составлены кое-какие библиографии, появились справочники, учебники, антологии. Но тема далеко не исчерпана.

Больше других изучались русский Париж, русский Берлин и русская Прага, уже об эмиграции в США мы имеем очень расплывчатое представление, а Южная Америка, Австралия — почти полностью белые пятна. Русской эмиграции в Китае исследователи уделяли больше внимания, чем Австралии или Южной Америке, но не думаю, чтобы на данном этапе изучения можно было написать подробную и обстоятельную историю русской литературы в Китае, которая охватывала бы не только русский Харбин, который более или менее изучался, но и Шанхай, и другие места русского рассеяния. Мало и авторитетных справочников, как по людям, так и по изданиям. Периодика русских эмигрантов в Китае остается труднодоступной и недостаточно исследованной, она даже описана до сих пор не очень хорошо. Уж не говорю о возможности обстоятельного знакомства с комплектами этой периодики. Даже наиболее знаменитые издания, вроде харбинского журнала «Рубеж», редко представлены в России полными комплектами, а писать о том, чего не читал или читал фрагментами, исследователь вряд ли будет.

ВАН: Зарубежные русские литераторы внесли ценный вклад в сокровищницу русской литературы. По вашему мнению, что здесь самое важное? Вы начали свои исследования с литературной критики русской эмиграции, как можете охарактеризовать ее? Чем она отличается от критики метрополии и Запада? Перечислите наиболее известных критиков русского зарубежья и расскажите об их вкладе.

ОК: Эмигрантские писатели внесли большой вклад не только в русскую, но и в мировую литературу. Сейчас невозможно представить себе русскую литературу XX века без Бунина, Набокова, Цветаевой, Георгия Иванова. Но и в мировой литературе некоторые из русских эмигрантов оставили свой след. К примеру, американская литература XX века многим обязана Набокову.

Что же касается всей русской литературы, наиболее ценным вкладом эмигрантских литераторов можно назвать критику и эссеистику. За пределами российской империи после революции и гражданской войны оказалось несколько десятков видных критиков, среди них люди, которые могли бы составить честь любой европейской литературе: В.Ф. Ходасевич, Г.В. Адамович, В.В. Вейдле, П.М. Бицилли, К.В. Мочульский, Д.П. Святополк-Мирский, М.Л. Слоним, А.Л. Бем, Б.Ф. Шлёцер, А.Я. Левинсон и др. По крайней мере четверо из эмигрантских крити-

ков стали лидерами школ и оказали значительное воздействие на литературу русского зарубежья. По единодушному мнению современников и исследователей, наибольшее влияние на молодых писателей имели Г.В. Адамович и В.Ф. Ходасевич. В полемике с ними оттачивали свои позиции руководители других объединений: «Скит поэтов» (с 1928 года просто «Скит»; Прага, 1922–1940), которым руководил А.Л. Бем, и «Кочевье» (1928–1938), которым руководил М.Л. Слоним.

Если попробовать сравнить литературную критику двух ветвей русской литературы XX века, то можно сказать, что, за известными исключениями, в советской России преобладал тип социологической критики, в эмиграции же, опять за известными исключениями, тип критики эссеистической, философской, импрессионистической. После того как в советской печати стало почти невозможно высказывать независимое мнение, подлинная критика долгое время сохранялась только в эмиграции, где не было такой цензуры и редакторского давления, как в СССР.

Истории русской литературной критики посвящено гораздо меньше работ, по сравнению с другими жанрами. До сих пор не было не только удовлетворительного обобщающего труда о литературной критике XX века, но и многие частные проблемы остаются неисследованными. И прежде всего это касается эмигрантской критики, которую даже в специальных трудах большинство авторов либо игнорируют, вовсе отказываясь от ее рассмотрения за неимением достоверных сведений, либо объединяют с другими жанрами, чтобы проще было вести разговор о малоизученном явлении. Исследователи, обращающиеся к эмигрантской критике, сходятся на том, что стадия первичного накопления фактического материала все еще не закончена.

И действительно, нет не только истории эмигрантской критики, но и не собраны работы самих критиков, даже наиболее интересных и значительных: П.М. Бицилли (выходили тома его работ по истории, литературоведению, филологии, но критика остается несобранной), В.В. Вейдле, Г.П. Струве, Д.В. Философов, Б.Ф. Шлёцер, А.Я. Левинсон. Да что говорить, если даже самые главные критики не введены в оборот так, как они того заслуживают: В.Ф. Ходасевич, Г.В. Адамович, Д.П. Святополк-Мирский, А.Л. Бем, М.Л. Слоним. Большинство из них даже библиографий не имеет.

ВАН: Процесс становления и развития литературной критики русского зарубежья наиболее адекватно воспринят и проанализирован на материале периодических изданий, которые практически все были вовлечены в полемике, критические споры. На ваш взгляд, каково

соотношение между литературной критикой и периодикой русского зарубежья? Расскажите о ваших работах в этой области.

ОК: Критика всегда была тесно связана с периодикой. Менялись форматы: в эпоху главенства альманахов преобладали статьи, в толстых журналах ведущим литературно-критическим жанром становится обозрение, когда в структуре периодики на первый план вышли газеты, в критике стали превалировать авторские колонки. Но в любом случае критика в профессиональном значении этого слова могла существовать только в периодике. Литературные организации в эмиграции не так существенно структурировали текущую критику, как литературно-критические отделы периодики. Я бы не сказал, что «практически все периодические издания» были вовлечены в полемики. Многие из них ограничивались публицистикой и информированием читателей и вовсе не публиковали литературных материалов либо публиковали время от времени случайные. Лишь издания, имевшие хорошо поставленные литературно-критические отделы, оставили свой след в истории эмигрантской критики. Таких изданий было не так уж много, и большинство из них существовало в Париже.

Если для русского Китая, как и для русской Прибалтики, больше была характерна коммерческая направленность печатного дела, то Париж с начала двадцатых годов заслуженно считался политической столицей русской эмиграции. Именно здесь возникало наибольшее количество изданий «с направлением», как принято было выражаться у дореволюционной интеллигенции. Наиболее важные из них — «Последние новости», «Возрождение», «Современные записки», «Звено». Ведущие критики этих изданий и оказали наибольшее влияние на литературный процесс, а разные «направления» обусловили длительные полемики не только между публицистами, но и между критиками. «Последние новости» вели неустанные споры с «Возрождением» по всем вопросам, а многолетняя полемика ведущих критиков этих изданий Г.В. Адамовича и В.Ф. Ходасевича русскими эмигрантами воспринималась как одно из центральных событий литературной жизни.

ВАН: Расскажите, пожалуйста, какие работы вы с вашей группой сделали в сфере исследования и сбора материала литературы русского зарубежья? Можно ли познакомиться с каталогом, сайтом или библиотекой этих работ?

ОК: Я занимался преимущественно введением в научный оборот не публиковавшихся ранее архивных материалов. Это, прежде всего,

девять томов редактируемого мною альманаха «Дiasпора», а также десятки других историко-архивных изданий. Ну, и в дружественных изданиях публиковал материалы из архивов России, США, Великобритании, Италии, Германии, Франции, Монако и др. Также готовил научные издания авторов русского зарубежья (Г.В. Адамович, И.А. Бунин, Д.С. Мережковский, Д.П. Святополк-Мирский, Д.И. Кленовский, В.С. Варшавский, В.С. Яновский, Р.Б. Гуль, А.П. Ладинский) и еще составлял библиографии, особое внимание уделяя росписям содержания эмигрантской периодики: «Звено» (Париж, 1923–1928), «За свободу!» (Варшава, 1921–1932), «Меч» (Варшава, 1934–1939), «Опыты» (Нью-Йорк, 1953–1958) и др.

Помимо бумажных изданий, я занимаюсь и электронными, курируя ряд интернет-проектов, в частности, «Эмигрантика.ru. Русское зарубежье», «Сводный каталог периодики Русского зарубежья», сайты «Литературное наследство», «Литературный факт», «Академический Бунин».

В открытом доступе на сайте «Эмигрантика.ru» (www.emigrantika.ru) размещены все основные литературные журналы русского Парижа в полном объеме и в оригинальном виде, с представленной тут же историей рецепции этих изданий в тогдашней эмигрантской, советской и иностранной прессе, а также в позднейшей научно-исследовательской печати. Уточнена хронология, даты выхода отдельных номеров из печати и поступления их в продажу (что для нерегулярно выходящей периодики русского зарубежья всегда являлось набором больших и малых загадок, а потому представляет отдельный интерес для исследователей). В разделе «Литературные журналы русского Парижа» представлены 19 полных комплектов журналов (175 номеров), к каждому комплекту приложены библиография критических отзывов и полемических откликов на отдельные номера, а также перечни исследовательских работ об этих журналах. Очень хотелось бы продолжить работу и добавить к ним комплекты изданий русского Берлина, Праги, США, Китая.

А на другом сайте, электронный адрес которого отличается только одной буквой (www.emigrantica.ru), мы разместили «Сводный каталог периодики Русского зарубежья», на котором впервые попробовали собрать воедино сведения о всей периодике, выходявшей за пределами России.

ВАН: Какие трудности вы встретили в процессе исследования и сбора материала?

ОК: Исчерпывающими коллекциями эмигрантской периодики на сегодняшний день не располагает ни одно из книгохранилищ как в Рос-

Олег Коростелев. Париж, лето 2017. Фото Мариш Васильевой

сии, так и за ее пределами. Отсутствие полных комплектов русских эмигрантских газет и журналов и невозможность полноценно пользоваться имеющимися комплектами остается главной проблемой для изучения русского зарубежья и, шире, всей истории XX в. Даже имеющиеся в наличии издания зачастую недоступны для нормальной работы исследователя: разрозненные комплекты территориально находятся в разных хранилищах, часть из-за ветхости не выдается в ожидании реставрации (на которую обычно нет средств), подшивки газет почти во всех хранилищах не выдаются для ксерокопирования.

В сущности, мы располагаем лишь небольшой частью необходимой для исследователей информации, постепенно утрачивая и ее из-за того, что постоянно используемые редкие комплекты газет с каждым годом все более ветшают и рассыпаются. Положение можно назвать бедственным, если не хуже.

Все библиотеки Москвы располагают в совокупности менее чем двумя тысячами изданий (в 1999 г. в «Сводном каталоге периодических и продолжающихся изданий Русского зарубежья в библиотеках Москвы» было учтено 1726 изданий), причем многие комплекты неполны, а часто представлены лишь отдельными номерами. Библиотеки Санкт-Петербурга гораздо беднее, в региональных библиотеках нет и этого. Однако уже предварительный список изданий, подго-

товленный для Сводного каталога периодики русского зарубежья, перевалил за 6000 позиций. Иными словами, российские хранилища располагают в лучшем случае четвертью названий из всего репертуара периодических и продолжающихся изданий русской экстериики. Изучать периодику, не имея возможности с ней хотя бы ознакомиться, весьма затруднительно.

Впрочем, и большинство зарубежных хранилищ отнюдь не отличаются полнотой по части коллекций эмигрантской периодики. Наиболее крупные зарубежные хранилища также не могут похвастаться исчерпывающими коллекциями эмигрантской периодики, к примеру, знаменитая коллекция Berkeley насчитывает 600 изданий, многие еще меньше, лишь фонды Библиотеки Конгресса сопоставимы с общероссийскими.

Проблем хватает. Отсутствует сколько-нибудь полный выверенный перечень всех периодических изданий русского зарубежья, многие из которых известны только по упоминаниям в разных источниках. Вывешенный на сайте emigrantica.ru Сводный каталог — это только предварительная версия, для дополнения и уточнения которой потребуются совместные усилия библиотечного и исследовательского сообществ. Кроме того, далеко не все библиотеки и другие хранилища имеют печатные или доступные на Интернет-сайтах электронные каталоги своих коллекций периодических изданий. В Интернете чаще представлены сводные каталоги, в которых, как правило, отсутствуют какие-либо маркеры, позволяющие вычленить именно эмигрантские издания. Это относится и к отечественным, и к зарубежным организациям. Даже в таком образцовом информационно-библиографическом ресурсе и ценнейшем источнике сведений, как сводный каталог немецких библиотек *Zeitschriftendatenbank* (ZDB, <http://zdb-opac.de>), далеко не всегда указан язык издания, что помогло бы отсортировать релевантные издания хотя бы по этому признаку. В иностранных электронных (а зачастую и печатных) каталогах русские названия периодических изданий приводятся в библиографических записях латиницей, притом в разных версиях транслита, что затрудняет идентификацию. Впрочем, даже в описаниях одних и тех же изданий, сделанных разными хранилищами на русском языке, данные не всегда совпадают в силу неполноты имеющихся комплектов и отсутствия выверенных справочников (сведения обычно заносятся каждой из библиографирующих организаций всякий раз заново с имеющихся в наличии экземпляров и во многих случаях не показывают всей эволюции издания). Впечатляет и географическая разбросанность. По подсчетам составителя Международного сводного каталога рус-

ской книги (1918–1926) Е.К. Соколинского, из городов, занимающихся выпуском печатной продукции на русском языке, более четверти (162 места издания из 607) приходится на экстериорику. Ну а мест хранения этой продукции за рубежом гораздо больше по сравнению с числом мест издания.

ВАН: Вы пережили много социальных потрясений, в частности, распад СССР. После распада СССР литература русского зарубежья XX века снова вернулась в Россию. Известно, что в XXI веке русские эмигранты рассеяны по всему миру и создают свою культуру и литературу. На ваш взгляд, чем отличается литература русской эмиграции XXI века от XX века?

ОК: Русская эмиграция XX века была явлением прежде всего политическим, была порождена преимущественно политическими причинами. Соответственно, и существовала она до тех пор, пока эти причины не исчезли, т.е. пока был «железный занавес». К 1980-м годам разделение русской литературы на два потока перестало быть столь значимым, живущие за рубежом литераторы смогли приезжать в Россию, печататься в российских изданиях, а российские литераторы смогли свободно их читать и сами печататься за рубежом или выезжать туда на время или насовсем. Противостояния больше не было, стало не важно, где писатель живет и где печатается, а с появлением интернета это пространство и вовсе стало единым.

В XX веке ситуация была не просто трагической — исключительной. С 1920-х по 1970-е годы отъезд в эмиграцию был одним из важнейших событий всей жизни, обычно уезжали навсегда, понимая, что назад пути нет и надо начинать все заново. Это и породило литературу эмиграции как самостоятельную ветвь. Она находила свои основания в противостоянии литературе советской и в желании сохранить и продолжить традиции дореволюционной литературы. А в XXI веке литература русской Калифорнии или Аргентины продолжают оставаться такой же естественной частью единого литературного процесса, как сибирская проза или уральская поэзия.

ВАН: Как вы относитесь к соотношению литературы и критики? Как ваш опыт в области журналистики влияет на исследования периодики и литературы русского зарубежья?

ОК: Настоящая критика — равноправная часть литературы, это глубокие художественные произведения, которые можно и нужно читать

и перечитывать, как стихи и романы. Практический опыт в области журналистики вряд ли как-то сказывается на исследованиях, разве что помогает трезво смотреть на вещи и реально представлять финансовую, социологическую, психологическую и пр. стороны организации печатного дела.

ВАН: Тема вашей кандидатской диссертации — Георгий Адамович и литературная критика русской эмиграции. До сих пор в Китае еще нет исследования об Адамовиче, расскажите о нем. В Китае уже опубликован сборник стихов Ходасевича, как вы оцените стихи Адамовича?

ОК: Адамович, в отличие от своего ближайшего друга Георгия Иванова, не был по преимуществу поэтом, стихи он писал редко и трудно, и написал их совсем немного. Хотя они вполне самостоятельны и своеобразны, и два десятка стихотворений Адамовича по праву войдут в любую антологию, в истории литературы он останется прежде всего литературным критиком и эссеистом. Ну и еще вдохновителем «парижской ноты» — последнего серьезного явления в истории русской поэзии.

Об Адамовиче опубликованы сотни работ, не только в России или эмиграции, но и в США, Франции, Германии, Италии, Японии, Прибалтике, и такое внимание исследователей к его фигуре понятно — Адамовича невозможно вынуть из истории эмигрантской литературы, он ее в какой-то мере и создал, без него она была бы немного иной. И.А. Бунин назвал Адамовича «первым критиком эмиграции». На мой взгляд, он один из ведущих критиков и эссеистов всего XX века.

ВАН: Оглядываясь сегодня на свой научный путь, какие достижения и труды вы больше всего цените? Каковы ваши планы на будущее?

ОК: Наиболее масштабный из осуществленных проектов — много томник, посвященный лучшему эмигрантскому журналу «Современные записки» (Париж, 1920–1940): пять книг, четыре с половиной тысячи страниц, три тысячи триста писем полутора сотен важнейших авторов и редакторов русского зарубежья.

В прошлом году вышел «Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945)», работу над которым хотелось бы продолжить, как за счет хронологии (учитывая дореволюционный и послевоенный периоды), так и за счет географии (учитывая обе Америки, Австралию, Китай). Продолжают выходить под моей редакцией научные собрания сочинений Г.В. Адамовича (в 18 т.) и Д.С. Мережковского (в 20 т.), планируется приступить к подготовке академического собрания И.А. Бунина.

В старейшей и самой престижной академической серии «Литературное наследство», которая выходит с 1931 года и впервые публикует не печатавшиеся ранее архивные материалы русских классиков, сейчас готовится целый ряд томов из архивов русских эмигрантов. Только что вышла первая книга эпистолярия З.Н. Гиппиус, выходит новый бунинский том в четырех книгах по тысяче страниц каждая (первая книга только что увидела свет). В планах тома М.А. Алданова, И.С. Шмелева, Д.С. Мережковского.

Параллельно с подготовкой больших томов публикуются выпуски недавно созданной новой серии «Библиотека “Литературного наследства”». В числе уже вышедших первых выпусков серии переписка В.В. Набокова с М.М. Карповичем, сборник статей и публикаций о Д.С. Мережковском. В планах тома с эпистолярием Г.В. Адамовича и Д.П. Святополк-Мирского, дневник А.П. Ладинского, архив редакции и роспись содержания парижского «Звена» (1923–1928), сборники работ современных исследователей русского зарубежья и многое другое. А поскольку посвященных И.А. Бунину исследований оказалось много, была создана еще одна новая серия «Академический Бунин», первые два выпуска которой вышли в 2019 году.

Еще ряд необходимейших для полноценной работы проектов остается в отдаленных планах, в том числе: «Единая библиографическая база данных исследований и публикаций по Русскому зарубежью», «Сводная библиография русской экстерииорики», «Сводная электронная библиотека эмигрантских изданий», «Реестр архивных фондов Русского зарубежья».

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ
Научный журнал

2020 № 2 (16)

Основан в 2016 г.
Выходит 4 номера в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 — 67296 от 30 сентября 2016 г.
Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 80039
ISSN 2541-8297

Адрес редакции: Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук. 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
Телефон: +7 (495) 690-50-30
Сайт: www.litfact.ru

Дизайн обложки А.В. Белоусова
Компьютерная верстка Н.Э. Чайковская
Подписано в печать 30.06.2020
Формат 60×90 1/16
Усл.-печ. л. 28,0
Тираж 500 экз.

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ №